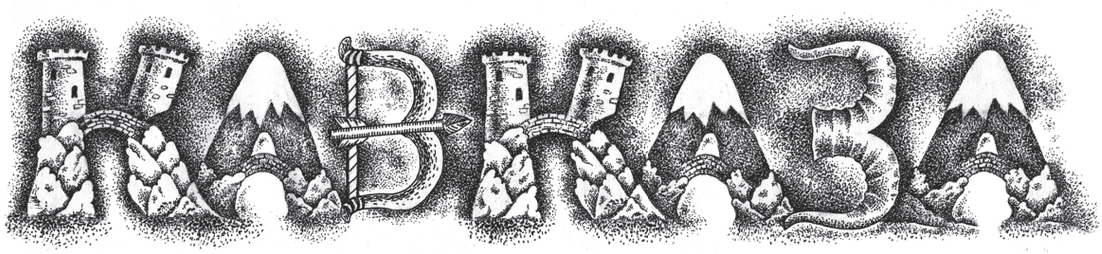
РОССИЙСКИЙ КОНГРЕСС НАРОДОВ КАВКАЗА

ФОНД «СОДЕЙСТВИЕ РАЗВИТИЮ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОЙ МОЛОДЕЖИ «ЭЛЬБРУСОИД»

Нет, жанр сказки никогда не устареет и никогда не умрет. Ибо не иссякает и не умирает в сердцах людей мечта.

Расул Гамзатов

СКАЗКИ НАРОДОВ

elarusnin
Москва 2011

УДК 398.21(479)=161.1
ББК 82.3
С42

Сказки народов Кавказа / Сост. и ред. Б. Корхас. – М.: Эльбрусоид, 2010. – 740 с.

ISBN 978-5-91075-011-5

В книге представлены сказки большинства народов, проживающих по обе стороны Кавказского хребта. Всего в сборнике сто двадцать народных сказок, дающих достаточно полное представление о мировоззрении и особенностях культуры множества народов, обитающих в этом уникальном регионе, где соединяются столь разные и одновременно столь похожие друг на друга Запад и Восток Евразийского материка.

На обложке: «Сатанай-бийче». Художник Александр Пономарев, ст. Зеленчукская, КЧР.

ISBN 978-5-91075-011-5

© Составление и редакция Б. Корхас, 2011
© Художественное оформление Б. Айдаболов, 2011
© Издательство «Эльбрусоид», 2011

От издательства

Мысль о необходимости издания общего сборника сказок народов Кавказа была высказана на первом заседании Российского конгресса народов Кавказа (РКНК), так как с девяностых годов двадцатого века в нашей стране не было выпущено ни одной подобной книги. Но, тем не менее, благодаря энтузиазму отдельных исследователей и любителей фольклора в последнее время все же стали издаваться сборники сказок некоторых кавказских народов.

Первоначально в данный том планировалось отобрать по пять сказок каждого народа, но, к сожалению, это оказалось не так просто, поскольку фольклор некоторых народов Кавказа недостаточно представлен в предыдущих русскоязычных изданиях. В дальнейшем мы надеемся переиздать этот сборник в дополненном виде.

Последовательность расположения сказок в книге определена по алфавитному порядку общепринятых названий народов, независимо от этнической группы, к которой они принадлежат.

Внимательный читатель заметит сюжетное сходство между сказками разных народов Кавказа, что неудивительно, поскольку эти народы веками жили и живут рядом, и все это время их культуры испытывали и испытывают взаимное влияние, обогащая друг друга. В результате этого взаимодействия и взаимопроникновения культур множества этносов и возник богатейший кавказский фольклор. Можно сказать, что фольклор Кавказа представляет собой полифонию народной мудрости отдельных этносов, из которой рождается симфония общей кавказской культуры, являющейся неотъемлемой частью культуры общечеловеческой, и всем нам нельзя забывать о том, что в этой симфонии одинаково важна каждая нота и каждое созвучие, из которых она состоит.

Закончим это краткое слово к читателю прекрасными словами Кайсына Кулиева: «Народ всегда был оптимистом. Он очищал землю от камней, разводил сады и верил в вечность земли. Он слышал шуршание созревших колосьев, смотрел на звезды и не сомневался в их бессмертии. Народ был уверен, что солнце всегда будет освещать и согревать мир, дождь – поить поля, пастбища, луга, огороды; он верил, что ребенок будет играть и смеяться, конь – скакать, мельничные жернова – крутиться.

С этой верой народ и создавал свои сказки. Они были ему поддержкой, поэтически выражая его мечты и надежды. Он вкладывал в них свой ум и талант. И переходили сказки – эти жемчужины народной фантазии – из уст в уста, от поколения к поколению»[1].

[1] *Кулиев К. Так растет и дерево. М., 1975.*

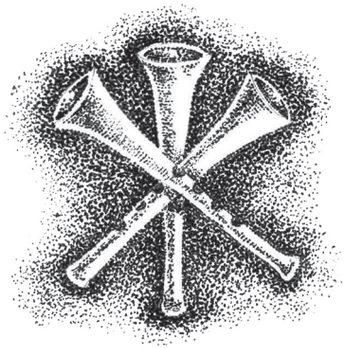

Дружных шкурка ягненка укроет, а недружных и бычья шкура не спасет.

АБАЗИНСКИЕ СКАЗКИ

Побратимы

Жил-был храбрый мужчина по имени Пастух. Он не мог найти друга по себе. И вот однажды он прослышал, что в другом ауле живет мужественный мужчина по имени Сын Солнца.

«Поеду-ка я к нему, может быть, станем друзьями», – решил Пастух и отправился в тот аул, нашел дом Сына Солнца, въехал во двор к нему и крикнул:

– Уай!

Хозяин вышел на зов.

– Салам алейкум! – поздоровался Пастух.

– Алейкум салам! Заходи в дом. Будь гостем!

– Оллахи[1], зайду!

Гостит Пастух у Сына Солнца. Хозяин устроил в его честь большой пир.

Прошло три дня.

– Дорогой гость, какая забота привела тебя ко мне? – спросил Сын Солнца у Пастуха.

– Никакой заботы у меня нет, ничего мне не нужно. А приехал я именно к тебе. Хочу, чтобы мы стали друзьями-братьями, – сказал Пастух.

– Добро! Даст Аллах, я буду тебе верным другом, – отвечал Сын Солнца.

Пастух и Сын Солнца поклялись быть верными друзьями-братьями на всю жизнь.

Через несколько дней Пастух сказал Сыну Солнца:

– В таком-то ауле, я слышал, живет человек по имени Сын Луны. Я хочу, чтобы он стал нашим другом-братом. Поедем к нему в гости.

[1] *Ей-Богу.*

Собрались и поехали. Сын Луны встретил их с радостью, устроил большой пир. Когда пришел срок, он спросил своих гостей:

– Где вы умрете, там и я умру. Будем делить и горе, и радость. Буду вам верным братом. Скажите, какое дело вас тревожит?

– Ничто нас не тревожит. Хотим, чтобы ты стал нам другом-братом, – сказали Пастух и Сын Солнца.

Сын Луны поклялся, что будет верным братом Пастуху и Сыну Солнца. Все трое собрались и отправились в дорогу – мир повидать, себя показать. Попали в один аул. Решили заехать к тому, у кого хорошие собаки. Нашли такого хозяина. Заехали к нему. Привязали коней к коновязи. Зашли в кунацкую. Вышла жена хозяина из жилого дома и увидела коней. Вернулась назад и сказала мужу:

– К нашей коновязи привязаны три лошади.

Хозяин пошел в кунацкую. А там – гости.

– Салам алейкум! – приветствовал хозяин гостей.

– Алейкум салам! В гости к тебе пришли.

– Очень хорошо! Очень рад!

Хозяин приготовил хорошее угощение. Поели-попили гости, повели разговоры.

– Что нового в вашем ауле? Какие счастливые хабары[1] есть? – спросили гости.

– Особых новостей нет. Все спокойно. Есть только одна новость: завтра хан выдает дочь замуж, – ответил хозяин.

– А за кого он выдает ее?

– За того, кто одним выстрелом попадает в иголку, подвешенную на высоте полета птицы, и разобьет ее на три части, а осколки поймает в подол черкески, не дав им долететь до земли.

– Хорошо, это и нам годится, – сказали гости.

На следующее утро, поев и попив, Пастух, Сын Солнца и Сын Луны пошли на княжеский двор. Весь аул уже там – никто, в ком душа еще жива, не остался дома. А хан сидит на балконе дома и наблюдает за состязанием стрелков.

Ни один из них не может попасть в иголку.

Хан заметил Пастуха, Сына Солнца и Сына Луны, стоявших в стороне, подозвал слугу и приказал ему:

– Если я не ошибаюсь, эти трое не из наших мест. Пойди, разузнай, кто они. Пусть подойдут.

Пошел слуга к друзьям.

[1] *Новости.*

– Хан просит подойти, – сказал слуга Пастуху и его друзьям.

– Спасибо! Но мы еще немного постоим, посмотрим за состязанием, – ответили те.

Слуга вернулся к хану и передал ответ. Хан вторично послал слугу к Пастуху и его друзьям. На этот раз они согласились подойти к хану. Он расспросил их, как они попали в его аул. Друзья ответили, что проезжали мимо, но, увидев торжество в доме хана, решили заехать и посмотреть на игрища.

– Может быть, кто-нибудь из вас попробует сбить иголку? – спросил хан.

– Хорошо, я попробую, – сказал Пастух.

Пастух выстрелил, сбил иголку, разбив ее на три части, и поймал осколки в подол, не дав им упасть на землю.

– Охо-хо-хай! Хан нашел себе зятя! – закричал народ.

Пастух подошел к хану и сказал:

– Хотя иголку сбил я, но невесту уступаю вот этому моему брату, – показал он на Сына Солнца. – Твоя дочь будет мне сестрой. Если согласишься со мной, буду доволен тобой на этом и на том свете.

Хан ответил:

– Хорошо, пусть будет по-твоему.

Поступок Пастуха удивил и хана, и всех собравшихся в его дворе. Но никто ничего не сказал. Хан отдал Сыну Солнца ханство, а сам остался жить у зятя, ожидать внуков.

Пастух и Сын Луны собрались в путь. Пастух подошел к Сыну Солнца и сказал:

– Мы уезжаем. Живи здесь, будь всегда храбрым и мужественным, но и об осторожности не забывай. Каждую пятницу пускай в небо стрелу. Если она вернется окровавленной, знай, что с нами случилась беда, и немедленно отправляйся на помощь. А если стрела вернется омытая молоком, то мы живы и здоровы, и ты ни о чем не беспокойся, живи себе спокойно.

Пастух и Сын Луны уехали. Ехали-ехали и попали еще в один аул. Там тоже хан выдавал свою дочь замуж. Пастух опять сбил иглу, невесту уступил Сыну Луны, а сам отправился дальше. Перед отъездом он сказал Сыну Луны то же самое, что и Сыну Солнца.

Пастух давно слышал о деве-богатырше, которая убивала всех своих женихов. Когда-то он поклялся себе во что бы то ни стало найти эту девушку, но как ее найти, а тем более победить, он не знал. Едет Пастух и думает об этом. Подъехал к какому-то аулу. За околицей встретил бедную старуху, которая пасла гусей.

– Пусть умножится твоя живность, мать, не пустишь ли переночевать?

– Я бедная старуха. Живу в гусином помете. Некуда тебя положить, нечем угостить. Шел бы ты лучше к богатым.

– Ничего, мать, это не беда. Скоротаем как-нибудь ночь, – сказал Пастух и остался ночевать у старухи.

Поужинали чем бог послал, разговорились.

– Какие новости в вашем ауле? – спросил Пастух.

– Ничего нового нет. Все живы, здоровы и благополучны, – ответила старуха.

– Может быть, ты знаешь, мать, как добраться до той девушки, которая губит всех женихов? – спросил Пастух.

– Эх, сын мой, пусть твое счастье не изменит тебе, пусть твое счастье, как говорят, одержит верх, но дело задумал ты опасное, – сказала старуха. – Ничем не смогу тебе помочь: дороги к ней я не знаю. Поезжай в такой-то аул. За тем аулом есть долина, поросшая кустарником и камышом. Там живет колдунья. Она тебя и научит, что делать и как быть. Только вначале надо незаметно подобраться к колдунье и прикоснуться губами к ее груди, чтобы по обычаю ты стал ее названным сыном, и она не могла сделать тебе ничего дурного. Заметит она тебя раньше – ты погиб! Съест она тебя.

Отправился Пастух к колдунье. Спрятал коня в зарослях, а сам подполз к хижине и заглянул в оконце. Колдунья моет волосы в тазу. Груди ее перекинуты за спину. Пастух вбежал в хижину и быстро приложился к груди колдуньи, пососал ее.

– Чтоб вытекли мои глаза, которые тебя не заметили! Какой хороший ужин был бы! Но делать нечего, ты теперь стал моим сыном. Что тебе надо? – сказала колдунья.

Пастух спросил, как, мол, попасть к той деве, которая губит всех женихов.

– Пусть твое счастье одержит верх, сын мой! – сказала колдунья. – Ты погнался за слишком большим счастьем. Многие сватались к ней, и не такие, как ты, а посильнее тебя, но она поклялась, что выйдет замуж только за того, кто ее победит. А побежденным она сносит головы. Твоя голова будет сотой. Коль тебе не жалко головы, скажу, как до нее добраться. Живет она за семью долинами. Возьми с собой лопату. Как доедешь до ворот ее дворца, выкопай яму, спрячься в ней сам и спрячь коня. Дворец ее обнесен такой высокой стеной, что и птица не перелетит через нее. Две собаки сторожат дворец. Они до того злы, что и

мухе не дают залететь во двор. Спрячься в яме и громко свистни. Собаки услышат и будут бешено лаять, бросаясь в твою сторону. Не высовывайся из ямы, и собаки не заметят тебя. Тогда она сама выйдет из дворца, крикнет: «Кто там?» Ты не отвечай, молчи. Никого не заметив, она вернется во дворец. Сделай так три раза. И все три раза собаки не найдут тебя, если не будешь высовываться из ямы. Она разозлится и изобьет их до полусмерти бронзовой плетью: почему, мол, понапрасну лаете, хозяйку зря будите? Вот тогда ты и вылезешь из ямы, возьмешь коня под уздцы и пойдешь в сарай, где стоит ее волшебный конь – дурдуль. Покажись ему. Он заржет. А ты быстро возвращайся назад и прячься в яме вместе со своим конем. Так сделай три раза. Она изобьет дурдуля, как и собак: почему, мол, понапрасну ржешь, хозяйку беспокоишь? После этого выжди часа два и подойди к дворцу, загляни в окно: проверь, спит она или не спит. Одна половина ее волос золотая, а другая – позолоченная. Спит она всегда на спине. Одна коса лежит в корзине, а другая – на скамейке. На что ты способен, тебе лучше знать. Схвати деву за волосы и избивай ее бронзовой плетью до тех пор, пока не попросит пощады и не поклянется: «Если ты достойный мужчина, буду тебе верной женой!»

Пастух сделал все так, как научила колдунья, и дева-богатырша поклялась, что отныне станет его покорной женой.

Женился Пастух на деве.

Послал людей к своим братьям, и те приехали. Устроили большой пир. Семь дней пили-ели и веселились. На восьмой день Сын Солнца и Сын Луны уехали.

Живет Пастух с молодой женой. Ни в чем не знает нужды. Но скучное дело – сидеть дома. И он стал уходить на охоту.

Однажды Пастух, отправляясь на охоту, так сказал жене:

– Возвращусь не раньше, чем через семь дней. Если кто из моих братьев приедет, пусть меня подождет.

– Ладно, – ответила жена.

Пастух ушел на охоту, а жена стала мыть голову. Вымыла. Воду из-под волос вылила в реку. Один золотой волосок с ее головы попал в реку.

Ниже по течению реки стоял аул. Однажды утром служанка князя того аула пошла по воду. Набирая воду, она заметила золотой волосок. Взяла она его, понесла домой и показала князю.

– Где ты его нашла? – спросил князь.

– В реке.

Князь долго разглядывал золотой волосок, а затем сказал служанке:

– Пойди и приведи старуху-колдунью, которая живет на краю аула.

Служанка привела старуху-колдунью.

– Если приведешь мне в жены женщину, с головы которой упал этот волосок, век не будешь знать забот: буду одевать и кормить тебя до самой смерти, – сказал князь колдунье.

– Найду ее и приведу, – пообещала старуха и ушла.

Колдунья оделась в лохмотья, взяла в руки посох и пустилась в путь.

Пастух встретил ее, когда возвращался с охоты. «Возьму-ка я эту бедную старуху к себе: все-таки жене не будет так скучно», – подумал он и повел старуху домой.

Жене Пастуха старуха сразу чем-то не понравилась.

– Выгони ее со двора! Отдай ей все, что она захочет и пусть уходит! – потребовала жена.

– Да пусть живет. Чем она тебе мешает? – не согласился муж.

Так старуха-колдунья осталась в доме Пастуха.

Пастух часто уходил на охоту, иногда на целую неделю. И вот однажды, когда Пастух был на охоте, старуха говорит его жене:

– Не любит тебя твой муж. Поэтому все время норовит уйти из дома. Ты думаешь, охота ему нужна? Охота – повод, чтобы не быть с тобой.

Каждый день старуха так говорила жене Пастуха и заронила сомнение в ее сердце. Терпела, терпела молодая жена, не выдержала и однажды сказала мужу:

– Я тебе вовсе не нужна, не любишь ты меня!

Долго убеждал Пастух жену, что предан ей и любит только ее, но не слушает она мужа, осыпает упреками, плачет.

Под утро она немного успокоилась, и Пастух ушел на охоту.

– О чем это вы громко говорили всю ночь? Что случилось? – спросила старуха молодую хозяйку.

Та рассказала о своем разговоре с мужем.

– Обманывает он все! – сказала старуха. – Если бы он любил так, как говорит, открыл бы тебе, где его душа находится. Скажет – значит, любит, не скажет – значит, не любит. Ты проверь, спроси, где его душа.

Как только Пастух вернулся домой, жена к нему: если, мол, любишь, а не обманываешь меня, скажи мне, где твоя душа находится.

– Душа моя во мне. Где же ей быть? – сказал Пастух.

– Неправда! Ты меня обманываешь! Не говоришь – значит, не любишь. Покончу с собой! Зачем мне жить? – никак не успокоится жена.

Все это надоело Пастуху.

– Ладно, успокойся, – сказал он ей. – Душа моя в том ларце, который стоит на потолочной балке.

Наутро жена с радостью сообщила старухе, что муж ее любит и что его душа в ларце, который стоит на потолочной балке.

Ночью, когда Пастух и его жена крепко заснули, старуха выкрала ларец и бросила его в реку.

Жена Пастуха встала рано и занялась домашними делами. Уже полдень, а муж все спит и спит.

«Что это с ним такое?» – подумала жена и подошла к постели мужа, а он уже мертвый.

Заплакала жена, стала рвать на себе волосы. Но что поделаешь? Мертвого не воскресишь.

Послала она весть братьям Пастуха о смерти мужа.

– Пока приедут братья, немного отдохнешь и развеешься, а то совсем с ума сойдешь, – сказала старуха молодой вдове и повела ее гулять.

Идут и идут, а жена Пастуха не знает, куда они идут. Пришли к берегу реки. У берега – лодка.

– Поплаваем немного на лодке, – сказала старуха.

Сели в лодку и поплыли. Переплыли на другой берег. Пошли по берегу. Встретили какого-то человека. Старуха передала через него князю, чтобы тот прислал фаэтон. Человек ушел, а старуха рассказывает своей спутнице один хабар за другим, отвлекает ее. Вот и фаэтон. Сели они в него и поехали к князю.

Тем временем братья пустили в небо стрелы, и они возвратились окровавленными.

Братья быстро собрались и поехали к Пастуху. Приехали и видят: лежит Пастух на кровати мертвый, а в доме никого.

Сын Солнца знал язык зверей, птиц и насекомых, живущих на поверхности земли, а Сын Луны – всех существ, живущих под землей и под водой.

Разошлись братья по сторонам, чтобы разузнать, что же случилось с их братом. У кого ни спросят, никто ничего не знает. Наконец Сын Луны пришел к киту.

– Что только не попадает в мое нутро! Может быть, и душа твоего брата попала в меня, – ответил кит на вопрос Сына Луны.

Попросил Сын Луны кита подплыть к берегу и сделать так, чтобы его вырвало. Кит так и сделал. Сын Луны среди содержимого желудка кита нашел ларец, в котором была душа Пастуха. Он принес ларец назад и поставил на место.

– Как хорошо я спал! – тут же открыл глаза Пастух.

– Оллахи, отлично спал! – сказали Сын Солнца и Сын Луны.

Все трое отправились на поиски жены Пастуха. Пришли в один аул и остановились у родника немного передохнуть. К роднику подошла девушка набрать воды.

– Кому, красавица, воду несешь? – обратились к ней братья.

– Будущей жене князя.

– И когда князь женится?

– Уже скоро, завтра собирается свадьбу сыграть.

– А жена у князя красивая?

– Красивая.

– Вылей всю воду, которую ты набрала, в подол жены князя, – сказал Пастух и незаметно бросил кольцо жены в кувшин.

Девушка, вернувшись домой, подошла к жене князя и быстро вылила воду ей в подол. Будущая жена князя вскочила от неожиданности. Кольцо упало на пол. Подняла она его, смотрит – ее кольцо!

– Кто тебе велел так сделать? Где он? – спросила, она догадавшись, что Пастух близко.

– Сидит у родника. С ним еще двое.

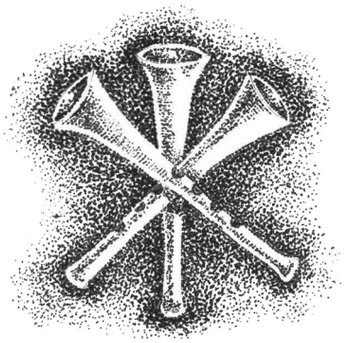
– Иди к ним и скажи так: «Завтра князь собирает много людей, чтобы сыграть свадьбу. Будет большой пир. Не зевайте, если вы на что-нибудь годитесь. А на что годитесь, сами знаете».

Девушка пошла и передала братьям слова жены Пастуха. На другой день братья пришли во двор князя, разогнали стражу, а князя сбросили с высокого крыльца. Нашли старуху-ведьму, привязали ее и князя к хвостам необъезженных лошадей и пустили в поле.

Забрали братья жену Пастуха, вернулись к нему домой и устроили большой пир.

И с тех пор живут все они дружно и счастливо.

Бедный юноша и дочь хана подземного царства

ила-была бедная старуха. У нее был единственный сын. Старуха не знала, какому ремеслу обучить сына. Решила она выучить сына на златокузнеца и отвела его к золотых дел мастеру.

Прошло время. Мальчик возмужал, вырос, превратился в красивого юношу. А в мастерстве стал превосходить своего учителя.

И вот однажды учитель сказал ученику:

– Золото кончилось. Собирайся, пойдем за ним в одно место.

Собрались они и пошли. Мастер взял большую корзину и веревку. Подошли к глубокой пропасти. Мастер привязал к веревке корзину и сказал юноше:

– Садись в корзину. Я тебя опущу в пропасть. Там внизу лежит золото. Наполнишь им корзину, дернешь за веревку, и я вытащу ее наверх. Снова опущу корзину. Тогда ты садись в нее, дерни за веревку, и я вытащу тебя наверх.

Мастер спустил юношу в пропасть. Конечно, никакого золота там не было. Мастер хотел избавиться от ученика, потому что боялся, что останется без куска хлеба, ибо люди станут покупать золотые вещи не у него, а у юноши. Ведь юноша стал более искусным мастером, чем он сам.

Три дня и три ночи сидел юноша в пропасти. На четвертый день прилетел огромный орел и сел перед юношей.

– Будь что будет! – сказал юноша и бросился на спину орла. Орел взлетел и поднял юношу наверх.

Пошел юноша, куда глаза глядят. Шел-шел и пришел в какой-то аул. На краю аула стоит красивый белый дом. Подошел юноша к этому дому, попросился на ночлег. В этом доме жили три сестры. Они приветливо

встретили юношу, накормили, напоили, а затем спросили, кто он и откуда. Юноша рассказал им о себе. Тогда старшая из сестер сказала:

– У нас нет брата. Ты будешь нашим братом. Живи с нами.

Живет юноша в доме сестер. Они в нем души не чают.

– Теперь мы его хорошо знаем, можем доверить и ключи, – сказала в один прекрасный день старшая сестра младшим.

Юноше отдали ключи. Когда старшая сестра отдавала ключи, она сказала ему:

– В этом доме семь комнат. Можешь входить в шесть, только седьмую не открывай и не входи в нее.

Привольное житье юноши в доме. Побывал он во всех шести комнатах. А когда сестры отлучились, решил зайти в седьмую комнату, подумав: «Входил во все шесть, ничего не случилось. Что может случиться, если зайду в седьмую?».

Открыл юноша дверь седьмой комнаты и вошел в нее. Вошел и видит: посреди комнаты вырыта яма, а в яме – лестница. Решил юноша проверить, куда ведет лестница. Стал спускаться. Спускался очень долго. Дошел до последней ступеньки и попал в другой мир, в другую жизнь. Пошел юноша по этому миру. Пришел к берегу большого моря. Прилег отдохнуть. Посмотрел юноша на восток и видит: летят к берегу тридцать девушек. Первая одета во все зеленое, а остальные – во все белое. Прилетели девушки к морскому берегу, разделись и стали купаться. А юношу не заметили. Девушки были до того красивы, что словами не сказать. Особенно красивой была та, которая в зеленом. Юноша так влюбился в нее, что потерял голову.

Девушки выкупались, оделись и улетели. Юноша вернулся к своим сестрам. Ходит он молчаливый, грустный, плохо ест, плохо пьет, ни с кем не разговаривает.

– Наш единственный брат, что с тобой, почему ты так печален? – спросили сестры.

Юноша рассказал, что с ним случилось.

– Разве это трудно? – сказала старшая сестра. – Завтра, в то же самое время спустись туда и спрячься там же. Они прилетают купаться в одно и то же время. Когда они пойдут купаться, схвати ее одежду и поднимайся сюда.

Назавтра юноша спустился к берегу моря и, когда девушки пошли купаться, схватил зеленую одежду и унес ее домой.

Девушки вышли из воды, а одежды одной из них нет.

– Если человек, унесший мое платье, мужчина, я выйду за него замуж, а если женщина – убью ее, – сказала девушка, которая была одета в зеленое платье.

Девушка в зеленом была дочерью хана подземного царства. Не было на свете мужчины, который победил бы ее. А победить ее можно было только украв ее зеленое платье: вся ее сила была в нем. Уже девяносто девять женихов были обезглавлены и до ста – одного не хватало. И этот последний сумел-таки унести ее платье.

Так юноша женился на дочери хана подземного мира.

Живут они в добром согласии, родились у них сын и дочь.

Еще когда юноша женился, сестры подсказали ему:

– Сделай так, чтобы платье снова не попало в руки твоей жены. Сделай так, чтобы оно ей даже на глаза не попадалось.

Юноша так и сделал: спрятал зеленое платье жены и не показывал ей. Как жена тайком не искала платье, не смогла она его найти.

Прошло много времени. Юноша снова заскучал.

– Что с тобой, почему ты так печален? – спросила старшая сестра.

– Соскучился по матери, – сказал он.

– Так поезжай и проведай ее, – сказала сестра.

Приехал юноша к матери, привез с собой жену и детей.

Мать обрадовалась, собрала на стол, угостила чем могла. Живет сын у матери. Живет день, живет два, живет неделю. И однажды утром он говорит:

– Мать, я пойду в лес за хворостом, надо изгородь починить, а ты смотри не давай снохе зеленое платье.

Пока юноша был в лесу, князь созвал народ на сход: решать какое-то важное дело. Сноха старухи тоже захотела идти.

– Мама, чтобы люди не говорили, как плохо одета твоя сноха, дай я надену зеленое платье, – сказала она.

Свекровь долго не давала ей платье, но та все же сумела уговорить старушку. Сноха надела зеленое платье, подхватила сына и дочь и улетела.

Вернулся юноша из леса.

– Где моя жена? – спросил он у матери.

Мать рассказала, что случилось.

Юноша сильно опечалился: как теперь вернуть жену и детей?

Делать нечего, забрал он мать и поехал к сестрам.

Стали думать сестры, как помочь названому брату, и придумали.

Спрятали они его в яме под кроватью, а старшая сестра отправилась в подземный мир и вновь похитила платье невестки.

Сестры посовещались и сожгли зеленое платье.

Жена брата вместе с детьми пришла к сестрам, плачет: нет у нее теперь ни платья, ни мужа. Горюет-тоскует дочь хана подземного царства! Хоть бы мужа найти! Старшая сестра поняла, что невестка на этот раз окончательно побеждена, и спросила:

– Если бы я показала тебе мужа, обрадовалась бы ты, одарила бы меня подарком или обругала?

– Был бы Бог так милостив, возвратил бы мне мужа, и больше мне ничего не надо! – сказала невестка. Тогда старшая сестра вывела брата из ямы. Жена обняла его.

Стали жить все вместе: юноша, его жена, дети, мать и сестры.

И сегодня живут, горя не знают.

Три брата

ил на свете мудрый старик, который весь свой век служил у хана табунщиком.

У него было три сына. Умер он и оставил им в наследство на всех одного коня. Но хоть и не оставил он сыновьям богатства, зато унаследовали они от старика его мудрость – выросли все трое на диво умными. Да и конь им достался не какой-нибудь! Не было на свете скакуна резвее. Шаг у него был ровный. С миской воды в руках на нем скачи – капли не прольешь. Тело у него было крепкое. Уши чуткие. В глазах радость светилась…

Так хорош был этот конь, что его приметили конокрады. И вот однажды, когда братьев не было дома, сломали они стену в конюшне и увели коня.

– Если не найдем нашего скакуна, даром мы на свете живем, зря хлеб жуем, – сказали братья и отправились в путь.

Много дорог они исходили, во многих аулах побывали, но нигде не нашли своего коня. Пришли однажды в большой аул, зашли на просторный двор.

Вышел навстречу сам хозяин, пригласил их в дом.

– Откуда вы, гости? Куда идете? Или, может, что ищете?

– Коня у нас украли, вот и ходим по свету, ищем. Не видал ли ты его?

– А какой он, ваш конь?

– Конь у нас – лучше не бывает! Нет в мире резвее его. Шаг у него ровный. С миской воды скачи – капли не прольешь. Тело у него крепкое. Уши чуткие. В глазах радость светится…

Услышал хозяин эти слова и побледнел. А братьям сердца говорят: здесь их конь!

– Верни нам коня. Мы ничего плохого тебе не сделаем, – предложили они.

– Да кто вам сказал, что конь ваш здесь? Нет его у меня, – уверял хозяин.

– А мы – гадальщики, – ответили ему братья. – Про коня мы точно знаем! А еще, если хочешь, можем угадать, что ты держишь в руке.

У хозяина в руке был зажат орех.

– Что же у меня в руке? – спросил он.

– Мне кажется, у той штуки, что ты зажал в кулак, кора крепкая, – сказал, подумав, старший брат.

– А если кора крепкая, может быть, оно круглое? – сказал средний.

– А если кора крепкая и оно круглое, значит, это орех! – сказал младший.

Задрожал хозяин от страха.

– Берите вашу лошадь и уезжайте, бога ради! Только поверьте мне: ни у кого я ее не украл. Я купил.

Братья очень обрадовались, что нашли своего коня, и отправились в обратный путь.

Вот едут они и видят: в одном ауле посреди богатого двора собралась толпа людей, шумят, о чем-то между собой спорят.

– О чем у вас спор идет? – спросил старший брат.

– Умер наш князь и оставил двух сыновей. И они никак не поделят между собой наследство. Уже целую неделю мы заняты тем, что помогаем им добро делить. Всех стариков на совет собрали, а толку не видать. Может, вы поможете?

Посоветовались между собой три брата.

– Попробуем! – говорят.

Пригласили их в дом. А там заседают князья, да дворяне, да всякие богачи. И старший сын покойного князя сказал:

– Рассудите нас, гости! Умирая, отец завещал нам двоим все свое богатство – золото и серебро, табуны и отары, дома и конюшни, дедовское ружье, украшенное золотом, и драгоценный камень изумруд. И взял с нас три клятвы. «Если не сумеете поделить между собой поровну золото, серебро и постройки, стада, табуны и отары, – сказал отец, – поклянитесь, что поделите все так, как я поделил то, что лежит в этом сундуке. Что наверху лежит – твое, старший, что внизу лежит – твое, младший». И отец показал на сундук у изголовья. Стали мы имущество делить, никак поровну не разделим. И открыли мы сундук, как поклялись. А в сундуке, вот, поглядите сами: сверху щепки да кости, а внизу одни черепки. Как же этот

мусор разделить? Как выполнить первую клятву?! А вторая клятва была такая. «Если станете ссориться из-за дедовского ружья, – сказал отец, – пусть ружье достанется тому, кто меня больше любит». И в этом мы поклялись. Но ведь мы оба – сыновья своего отца, оба его любим. Как же нам быть? Кому достанется ружье?! А третья наша клятва была вот какая. «Изумруд надвое не расколешь, – сказал отец. – Пусть его получит тот из вас, кто правдивее». И на том дали мы клятву. Но я не лжец. И брат мой не лгун. Кому же из нас двоих взять изумруд?! Таков наш спор, почтенные гости, и мы боимся, чтоб не кончился он великой враждой.

– Мы приехали втроем, – ответил старший из трех братьев, – и у вас как раз три тяжбы. Первую тяжбу я возьму на себя. Спор о ружье решит мой средний брат. А кому из вас отдать изумруд, подумает наш младший. Теперь скажите мне вы, сыновья князя, какое дело вам больше всего по душе?

– Мне больше всего по душе выводить чистокровных коней и растить отары, – ответил старший сын князя.

– А я больше всего на свете люблю деньги, – сказал младший сын князя.

– Чем был ваш отец богаче: золотом и серебром или недвижимостью и скотом? – спросил старший брат.

– Всего имел он поровну, – ответили наследники в один голос.

– Тогда отец ваш оделил вас справедливо и разумно. Каждому оставил наследство по его склонности. Кости и щепки – это скот и недвижимость. Они лежат сверху, и он завещал их старшему сыну. Черепки – это золото и серебро. Он оставил их младшему. Так что первую клятву выполнить не трудно.

Подивился народ уму старшего брата, а сыновья князя обрадовались и остались очень довольны.

Закончилась первая тяжба, и встал теперь средний брат.

– Кому достанется драгоценное ружье, я скажу завтра, – сказал он. – Вы же привезите воз глины, велите ее хорошо замесить и оставьте меня одного.

Привезли воз глины. Замесили. Пошел средний брат к вдове князя и тайно попросил у нее княжескую одежду. Вылепил из глины статую, нарядил в княжеский наряд. А когда все было готово, прикрыл статую покрывалом и позвал княгиню.

– Похожа эта статуя на князя? – спросил он, приподняв покрывало.

Княгиня даже заплакала:

– Ой, как похожа!

Вот в назначенный срок позвал всех средний брат и сказал наследникам:

– Ружье достанется тому, кто больше любит отца. Так ведь? – тут снял он со статуи покрывало и говорит. – Ну а теперь стреляйте, я посмотрю, кто из вас самый меткий.

Схватил ружье старший сын князя, прицелился хорошенько и попал прямо в грудь статуи, туда, где сердце.

– Славно стреляешь! Меткий стрелок! – усмехнулся средний брат.

Зарядили ружье и протянули его младшему сыну князя. Взял он ружье, долго-долго прицеливался, а потом вздохнул и опустил ружье.

– Что же ты? – спрашивают его.

– Не могу! – отвечает он. – Вспомнил я отца живого – нет, не могу!

Вот ты любишь отца по-настоящему, поэтому ружье принадлежит тебе, – сказал средний брат.

Подивился народ его уму. И тогда встал младший брат.

– Теперь мой черед судить, кому изумруд достанется, – сказал он. – Принесите-ка сюда две миски воску.

Принесли, как он велел, две миски воску.

– Я хочу знать, какой величины был и как выглядел изумруд, о котором вы спорите. Возьмите воск, разойдитесь по разным углам и слепите из него этот изумруд.

Старший сын князя вылепил из воска что-то величиной с конскую голову.

А младший вернул свой воск нетронутым.

– Отец никогда не показывал нам своего изумруда. Как же я могу его вылепить? – сказал он.

– Хоть ты и уверял, что никогда не обманываешь, а все-таки ты лжец! – указал младший брат на старшего наследника. И отдал изумруд младшему княжескому сыну.

Так рассудили три брата все три спорных дела, которые не под силу было рассудить даже мудрым старикам, и поехали не спеша дальше своей дорогой.

Вернулись домой и коня своего любимого привели, зажили мирно и дружно. Но была у них одна забота. Очень хотелось братьям иметь свое поле! А земля кругом вся в руках у князей да богачей.

И в ближних местах братья искали, и в дальних – нет ни клочка свободной земли. Думали они, думали и надумали. Были братья люди молодые, а решили стать на вид людьми почтенными, чтобы встречали их с уважением.

Шесть месяцев братья бород и усов не брили. Обросли как медведи. Нарядились в суконные черкески, наточили кинжалы, по два пистолета за пояс заткнули. Палки взяли и отправились к князю, у которого было много земли. Смело зашли во двор и крикнули во весь голос:

– Эй, кто в доме есть?

Вышел слуга и как глянул на их лица, испугался и стал низко кланяться. Но опомнился все же от испуга, повел их в дом.

Сели гости, а слуга стоит, во все глаза на них смотрит. Потом побежал к княгине и докладывает: так, мол, и так, прибыли к нам гости, чудища волосатые. Между собой разговаривают, но ртов у них нет, даже смотреть страшно.

– А это мы увидим, есть у них рты или нет, – сказала княгиня и велела слуге подать гостям меду.

Поставили перед гостями трехногий столик, а на нем полное блюдо меду.

Гости рукава засучили, пальцы в мед обмакнули, по усам провели, усы закрутили, рты открыли, и давай мед уплетать. Поели, умылись, – и снова ртов у них не стало.

– Да-а, – говорит княгиня, – это, видно, гости не простые! Князь вернется, сам их угостит на славу. А пока я угостить должна.

Кликнула княгиня служанку:

– Беги в курятник, поймай самого жирного петуха.

Пошла служанка, притащила самого большого, жирного петуха. А братья видели это в окно.

– Домашнего вестника уже понесли, – сказал старший брат.

– А коли понесли, значит, скоро на трехногой лошади прискачет, – откликнулся средний.

– Не видать ему добра, коли прискачет, – добавил младший. – Мы его на куски разорвем и через узкие ворота протолкнем!

Когда гости между собой так разговаривали, слуга возле них стоял. Рот разинул, слушает, а о чем говорят – не понимает.

Пошел, княгине доложил: так, мол, и так, гости друг другу загадки загадывают.

– Какие там загадки! – рассердилась княгиня. – Домашний вестник – это наш петух. Трехногая лошадь – это трехногий столик, на котором курятину подадут, а узкие ворота – это горло, в которое пища проходит.

Поздно вечером вернулся домой сам князь, и княгиня рассказала ему, какие у них в доме гости. У князя даже сон пропал, все о волосатых гостях думал.

Наутро вышел он в гостиную-кунацкую и как увидел медвежьи лица трех братьев, даже попятился.

Приказал князь для гостей барана зарезать. Сам их потчевал. И три дня резали для них по барану, и шло в княжеском доме угощение. На четвертый день спрашивает князь:

– Откуда вы, гости? Какое дело у вас?

– Мы издалека, – отвечают братья. – Просим у тебя: дай нам земли. Много не надо! Хоть бы столько, сколько шкурами трех быков обхватим.

«Вот чудаки, немного же просят!» – подивился в душе князь и говорит:

– Хорошо, дам вам сколько просите.

– Только смотри не передумай! – сказали братья. – Кто нас обманет, мы тому не прощаем!

– Я не из тех, кто слова не держит, – гордо ответил князь. – Сказал – и кончено!

Освежевали братья трех быков, содрали с них шкуры и пошли на княжеское поле. Тут они шкуры разрезали сначала на ремни, а потом на тонкие полоски. Связали братья полоски в одну длинную-предлинную веревку и пошли землю отмерять.

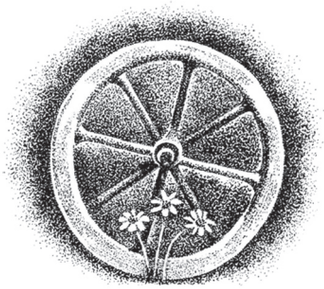
Как увидел князь такое дело, за голову схватился.

– Эх, – говорит, – не думал я, что они меня так проведут!

Но что мог князь поделать?! Сам слово дал. Спорить нечего. Отмерили братья себе большое поле и уже с тех пор никуда не ездили. Стали спокойно жить-поживать, свою землю пахать.

Дочь князя и бедный музыкант

дин князь собрал всех своих друзей и устроил большой пир. У этого князя была красивая дочь. Многие добивались ее руки.

В этом же ауле жил один бедняк, ничего у него не было, кроме пхярцы[1]. На пхярце он играл так хорошо, как никто другой на всем белом свете. И вот бедный музыкант решил пойти на княжеский пир.

– Хочу поиграть для славной компании, – сказал он, придя к князю.

А люди за столом уже подвыпили, подобрели и потому не обратили внимания на то, что в их богатую компанию затесался простолюдин.

– Играй, повесели нас, – кричат ему все вокруг.

Стал музыкант играть, и не было на свете мелодии, которую он не смог бы сыграть. Играл он долго. Всю ночь веселил княжеских гостей. До утра пили-ели гости, до утра играл музыкант. Утром гости разошлись по домам, а музыкант лег под деревом в саду князя и заснул. Он очень устал за ночь.

Тем временем дочь князя пошла искать бедного музыканта. Ходит она со своими подругами по саду и поет:

– Я тебя люблю, бедный музыкант...

Увидела она спящего музыканта, подошла к нему и, стоя над ним, пропела:

– Я тебя люблю, бедный музыкант...

Тут музыкант проснулся: песня девушки его разбудила.

– Я беден, почти нищий. Такое счастье не для меня. Ты не достанешься мне, – сказал он девушке.

Причем сказал не словами, а игрой на скрипке. А девушка понимала язык музыки.

[1] *Пхярца – струнный музыкальный инструмент.*

– Не горюй из-за этого. На жизнь нам даст мой отец, – сказала девушка.

– Дать-то, может быть, и даст, – проиграл музыкант, – но в какой-то день он попрекнет меня и этим. Если ты на самом деле любишь меня, дай мне срок. Дай мне семь лет. Обещай, что будешь ждать меня семь лет.

На том они и договорились.

Музыкант ушел.

Когда князь узнал, что его дочь собирается выйти замуж за бедняка и что уже назначен срок свадьбы, он решил погубить музыканта.

Князь оседлал коня и погнался за ним. Князь скакал на лошади, а музыкант шел пешком, и, конечно, князь быстро догнал его. Теперь они вместе продолжали путь, а князь все искал удобного момента, чтобы погубить музыканта. Подошли они к большой реке.

– Ты на коне, давай первый прыгай в реку и переплыви, – сказал музыкант.

– Нет, так не годится, – ответил князь. – Ты разденься, одежду отдай мне, а сам плыви налегке, а твою одежду я перевезу. Если надо будет помочь, я помогу.

Так и поступили.

Пока музыкант переплывал реку, князь ускакал. Он приехал к матери музыканта, отдал ей одежду сына и сказал, что тот утонул.

О поступке отца узнала дочь.

«Отец сказал неправду. Музыкант не утонул. Я буду ждать его семь лет, как и обещала», – решила она.

Тем временем музыкант встретил по пути рыбаков. Кто-то из них дал ему рубаху, кто-то – штаны. Так вот и одели его.

Взял музыкант свою скрипку-пхярцу и пошел дальше. Шел-шел и попал в Стамбул. Зашел в харчевню, поел немного и стал играть на скрипке. Игра его всем понравилась.

Весть о знаменитом скрипаче дошла до паши. Паша послал своих людей к музыканту, чтобы те привели его к нему.

– Я бедный странник, у паши мне делать нечего, – сказал музыкант и отказался идти.

Люди вернулись и передали паше ответ музыканта. Паша снова послал к нему людей. И на этот раз музыкант не пошел к паше. В третий раз послал паша людей, и только тогда музыкант согласился.

Пришел он во двор к паше.

– Живи у меня, – сказал паша музыканту.

Живет он припеваючи у паши и горя не знает.

Так прошло шесть лет и десять месяцев.

Дочь князя тоскует, а музыканта все нет и нет. Тогда она взяла красивое блюдце, что-то написала на нем и отдала блюдце одному нищему, наказав: «Ходи везде и всюду с этим блюдцем и отдай тому, кто скажет: «Это мое блюдце».

Нищий в конце концов попал к паше, у которого жил музыкант.

Тот, увидев блюдце, сказал: «Это мое».

Нищий отдал ему блюдце. Музыкант прочитал надпись на блюдце и заторопился домой. А до семи лет оставались всего-то день и ночь.

Пошел музыкант к паше и сказал: так и так, я должен вернуться домой.

Паша наполнил две сумы золотом, отдал их музыканту, подарил хорошего коня и сказал:

– В добрый путь!

Поехал музыкант домой. Он до того спешил, что загнал лошадь и она пала. Конный стал пешим. Шел-шел он и пришел к большой скале.

«Брошусь с этой скалы и разобьюсь, – решил музыкант, – все равно не добраться мне домой к сроку».

Под скалой стоял человек. Он понял намерение музыканта и крикнул ему:

– Ты не бросайся со скалы. Если уж решил умереть, спустись сюда, и я убью тебя!

Спустился музыкант со скалы.

– Почему ты решил убить себя? – спросил его человек.

Музыкант рассказал ему о своем горе.

– Как тебе помочь? – спросил человек.

– Чем ты сможешь мне помочь?

– Кто знает, может быть, чем-нибудь и помогу.

– Тогда помоги мне добраться до Тифлиса.

– Разве это трудно? Закрой глаза.

Музыкант закрыл глаза, а когда открыл, он уже был в Тифлисе.

– А теперь что хочешь? – спросил человек музыканта.

– Помоги добраться до Батума.

– Разве это трудно? Закрой глаза.

Музыкант закрыл глаза, а когда открыл их, он уже был в Батуме.

– А теперь что хочешь? – спросил человек музыканта.

– Хочу в Сухум, – сказал скрипач.

– Разве это трудно? Закрой глаза.

Музыкант закрыл глаза, а когда открыл их, он уже был в Сухуме.

– А теперь что хочешь? – спросил его человек.

– Больше ничего не хочу. Но люди не поверят мне, что ты за одно мгновение довез меня до Сухума! Дай мне что-нибудь в подтверждение твоей чудодейственной силы, – сказал скрипач.

Человек поднял ногу своей лошади, соскреб с копыта пыль и отдал музыканту, сказав:

– Скажи людям: «Если я не вылечу человека, ослепшего семь лет назад, то все, что я говорю, – ложь». А теперь в добрый путь! Ты меня не видел, и я тебя не видел.

Сказал так и исчез.

Музыкант отправился в путь и в полночь пришел к дому своей матери. Постучался в двери, но мать не пустила его в дом.

– Я бедная. Иди вон к тому, кто выдает дочь замуж. Переночуешь у него, – сказала мать.

– Именем твоего пропавшего сына прошу, пусти переночевать, – попросил музыкант.

Старушка пустила его в дом. Видит музыкант: мать его ослепла. Хотя сердце заныло, он ничего не сказал, чтобы не выдать себя.

– Я пойду туда, где выдают дочь замуж. Пусть твоя дочка пойдет со мной, – сказал он.

– Нет, я своего ребенка тебе не отдам, – сказала старуха.

– Если ты боишься, что не приведу ее назад, возьми в залог эти две сумы золота, – сказал музыкант и отдал старухе золото.

Старуха отпустила свою дочь.

А дочь князя в это время выдавали замуж. Музыкант пришел к гостям и сказал:

– Я хочу поиграть добрым людям.

И он заиграл. Скрипка рассказала обо всем, что с ним случилось. Все, конечно, узнали музыканта. Брат княжны, также понимавший язык музыки, закричал:

– Как ты смел сюда явиться, собачий сын! Как ты смеешь врать? Ты бродяга, а не жених моей сестры!

– Если я не вылечу человека, который ослеп семь лет назад, тогда я вру, – сказал спокойно музыкант.

– Моя мать ослепла семь лет назад, – сказала сестра музыканта.

Привели старушку. Музыкант помазал ее глаза тем лекарством, которое ему дал человек-чародей, и старушка прозрела. Дочь князя вышла в круг и сказала:

– Он говорит правду. И только за него я выйду замуж.

Сыграли свадьбу. И сегодня живут счастливо бедный музыкант, его жена – дочь князя, его мать и сестра.

Старик и волк

обирал как-то один бедный старик в лесу шишки. Набрал полный мешок, завязал, на плечо взвалил и домой пошел. По дороге встретился ему волк.

– Добрый человек, – жалобно сказал волк, – за мной гонятся охотники. Спрячь меня поскорее в мешок, а я тебя за свое спасение отблагодарю. Все, что попросишь, дам, только спаси. Скорее, скорее!..

Пожалел старик волка, высыпал шишки, спрятал его в мешок. Только успел завязать, охотники тут как тут. Поздоровались и спрашивают:

– Не видел ли ты здесь какого-нибудь зверя, отец?

– Недавно один волк стороной пробегал, – ответил старик. – Кажется, налево, к опушке свернул...

И охотники поспешили в ту сторону, куда указал старик.

– Далеко ли охотники? – спросил волк из мешка.

– Далеко, уже не видать!

– Тогда развяжи мешок и выпусти меня поскорее, – ласково сказал волк.

Выпустил старик волка на свободу. Волк оглянулся по сторонам, увидел, что охотников и в самом деле нет, и зарычал.

– Теперь, старик, я тебя съем!

– Это как же так! – изумился старик. Я тебе добро сделал, от смерти спас, а ты меня съесть хочешь...

– Такая моя волчья порода! – гордо ответил волк.

– Ладно! Только ты не торопись. Давай спросим у первых трех встречных, – предложил старик, – съесть тебе меня или не съесть? Как они скажут, так и будет.

Как старик предложил, так и сделали.

Первой встретилась им худая, кожа да кости, старая лошадь. Поздоровались они с ней и рассказали о своем споре. Лошадь покачала головой, подумала и сказала:

– Я всегда старалась угодить хозяину и работала не жалея сил. А он, когда я состарилась, выгнал меня со двора, и осталась я бездомной, бесприютной. Пусть волк съест тебя, старик! Так я думаю.

Второй встретилась им дряхлая, беззубая собака. Поздоровались они с ней, рассказали о своем споре.

Собака вильнула хвостом, подумала и прошамкала:

– Я много лет стерегла скот и двор моего хозяина. А теперь состарилась – и он выгнал меня прочь. Разве это справедливо? Пусть волк тебя съест, старик!

Волк был очень доволен такими ответами, и отправились они со стариком дальше.

Третьей повстречалась им лиса, она была на охоте и возвращалась к себе домой. Поздоровались с ней старик и волк и рассказали о своем споре.

Лиса сначала задумалась, а потом хитро засмеялась.

– Я вам не верю, обманщики! – сказала она. – Сам ты, волк, такой большой, зубы у тебя такие длинные, хвост у тебя такой толстый! Как ты можешь поместиться в таком маленьком стареньком мешке?

Волку не понравились слова лисы. Он рассердился.

– Не сердись, – уговаривала его лиса, – лучше полезай в мешок. Я хочу посмотреть, как ты это сделаешь.

Согласился волк и полез в мешок, но хвост торчал наружу.

– Я ведь говорила, что вы обманщики! – закричала лиса. – Твой хвост не помещается в мешке, волк!

Тогда волк скрючился и поджал хвост, а старик, который уже смекнул, к чему клонит лиса, быстро завязал мешок.

– Теперь бей его! Да в другой раз будь умнее, – посоветовала лиса и побежала своим путем.

Взял старик толстую дубину и давай по мешку колотить.

– Век, говорит, буду помнить волчью породу!

«Кто задумал зло – не уйдет от расплаты», – гласит пословица.

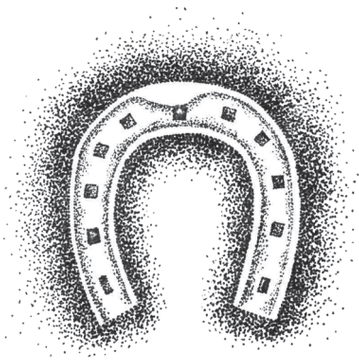

Человек держится человеком,
как плетень кольями.

АБХАЗСКИЕ СКАЗКИ

Воскресший царевич

осреди густого леса, в стороне от людей, жили брат и сестра. Кормились они тем, что брат добывал на охоте. Однажды брат целый день бродил по лесу, но так ни одного зверя не встретил – не повезло ему. Возвращался он домой голодный и усталый. Видит охотник: за каменной оградой растут красивые цветы.

– Хай, моя сестра очень любит такие цветы! – воскликнул юноша. – Сорву-ка я их да понесу ей. Хоть цветами ее порадую.

Нарвал он цветов и отправился домой, так как дело шло к вечеру. По дороге юноша понюхал цветы и вдруг почувствовал, что сыт, будто только что хорошо пообедал, хотя целый день ничего не ел.

Сестра увидела брата с цветами, обрадовалась, подбежала к нему.

– Ах, какие красивые! – воскликнула она и понюхала их.

Хотя у сестры за целый день тоже во рту маковой росинки не было, но как только она понюхала цветы, сразу почувствовала, что сыта.

С тех пор брат и сестра, как только захотят поесть, нюхают цветы и тотчас сытыми становятся. Но все же захотелось им как-то свежей дичи. Брат отправился на охоту. Сестра осталась в доме одна. Слышит она, кто-то кричит:

– Эй, хозяин!

Вышла девушка и видит: у порога сидит дракон – агулшап. Она испугалась, но куда денешься?

– Где твой брат? – спросил дракон.

– Ушел на охоту, – ответила девушка.

– Нас сто братьев, – сказал дракон. – Пищей нам служили цветы. Твой брат проходил мимо нашей ограды и сорвал их. С тех пор мы голодаем.

Девушка пожалела дракона. Она вынесла цветы и протянула их ему. Дракон схватил ее за руку и повел за собой. Долго шли они, устали. Сели

отдохнуть под большим красивым деревом, которое росло на поляне. Дракон лег и положил голову на колени девушки. Скоро он заснул. Девушка стала молить бога, чтобы он избавил ее от беды, и только закончила молитву, как стало вдруг темнеть. Неведомая сила подняла ее высоко-высоко. Осмотрелась она и видит, что находится в какой-то незнакомой комнате, посреди которой стоит гроб. Испугалась она, да куда деться?

Вечером крышка открылась, и вышел из гроба красивый юноша.

Взглянул он на девушку и полюбил с первого взгляда – так она ему понравилась.

– Ты будешь моей женой, – сказал он.

Не стала девушка противиться. А что ей оставалось делать: одна, защитить некому.

Когда начало светать, юноша опять лег в гроб и снова стал покойником. На следующий вечер он опять вышел из гроба. Жена стала спрашивать его:

– Отчего ты днем умираешь, а вечером воскресаешь?

– Мой отец – царь. Он много сделал добра людям. Когда я умер, Бог решил меня воскресить ради отца. Но он сделал так, что я воскресаю только ночью. Об этом не знают даже мои родители. Всю ночь я провожу в отцовском доме, бываю во дворе, но они меня не могут видеть. А как только забрезжит утро, я снова умираю.

Шло время, жена почувствовала, что понесла. Когда стали приближаться роды, муж сказал ей:

– Я отведу тебя домой и оставлю у ворот. Утром, когда отец увидит тебя, он по доброте своей прикажет взять тебя в дом – такой уж у него характер. Он не оставит человека в беде.

Сказано – сделано. Муж отвез ее к дому своего отца и оставил у ворот, а сам с приближением рассвета вернулся, чтобы лечь в гроб. Прежде чем уйти, он сказал жене:

– Завтра вечером я приду к тебе. Ты узнаешь о моем приходе по слову «агвил», которое я произнесу. Потом ты расскажешь, как тебя приняли.

Утром царские слуги увидели у ворот беременную женщину. Они побежали к царю и сказали ему об этом. Царь велел ввести ее в дом и поместить в одну из своих комнат, приставил к ней прислугу с тем, чтобы она ухаживала за беспомощной женщиной.

Как только стемнело, у ее окна раздался голос мужа, который произнес: «агвил». Жена ответила:

– Я лежу здесь. У меня и служанка есть.

– Хороша ли твоя постель, хорошо ли кормят тебя? – спросил он.

– Все хорошо, – ответила жена.

Удивленная служанка прислушивалась.

В это время муж сказал:

– Пусть служанка передаст царю, чтобы за тобой хорошо ухаживали.

Утром служанка рассказала об услышанном царю. Тот приказал:

– Постарайся узнать, кому принадлежит этот голос.

Служанка сказала, что узнала голос царевича и сообщила, что он умер не совсем: по ночам он воскресает. Царь повелел, чтобы гроб с телом его сына был перенесен в комнату, где лежала беременная женщина.

Скоро жена царевича благополучно разрешилась, подарив мужу сына, а тестю – внука. Мальчик рос не по дням, а по часам. Когда ему было сутки, он выглядел как годовалый, а когда исполнилось пятнадцать дней, он стал таким, будто ему пятнадцать лет. Быстро мужал и его ум. Как-то он заметил, что из гроба, стоящего в комнате матери, по ночам кто-то встает, а утром ложится обратно. Он стал спрашивать у матери, кто это. Но та не ответила.

Однажды в полдень мальчик сказал матери:

– Мама, накорми меня грудным молоком.

– Сынок! Что ты такое говоришь?! Как я дам тебе грудь, ведь ты уже взрослый парень, не стыдно тебе?

Но сын настаивал на своем. Мать вынуждена была прилечь и дать сыну грудь. Он прикусил сосок и сказал:

– Пока ты не скажешь мне, кто выходит ночью к тебе из гроба, я не отпущу тебя.

– Это твой отец, сынок. Ночью он воскресает, а днем умирает. За добрые дела твоего деда Бог сделал так, что он по ночам воскресает, а днем опять умирает.

Услышав это, юноша побежал к деду и все рассказал.

– Я отправлюсь в путь, на поиски средства, способного вернуть отца полностью к жизни.

Царь не хотел отпускать его.

– У меня был сын, но Бог взял его к себе, хотя он и воскресает по ночам. Теперь, когда у меня есть внук, я не хочу потерять его, – говорил он.

Но юноша настоял на своем. Снарядился он и отправился в дальний путь. Долго ехал он, большой путь оставил позади. Подъехал он однажды к тому месту, где земля с небом сходятся: дальше и ехать некуда – край земли. Смотрит – в скале щель открылась, и в нее проскочила тень какого-то умершего человека. Недолго думая, юноша последовал

за ней. Идет он, идет по ту сторону света и видит странное: мужчина и женщина, обнявшись, лежат на топорище. Удивился он и спросил:

– Как это вы, двое взрослых людей, умещаетесь на топорище и не падаете?

Ему ответили:

– Иди своей дорогой, юноша. Если тебе доведется возвращаться, тогда мы ответим на твой вопрос.

Пошел он дальше и видит: мужчина и женщина лежат на большой разостланной буйволиной шкуре и все время толкают друг друга.

– Подвинься, – говорит мужчина.

– Нет, ты подвинься, – отвечает женщина.

Посмотрел юноша на них и спрашивает:

– Неужели на громадной буйволиной шкуре вам не хватает места? Чего вы ссоритесь?

– Об этом нас спрашивали многие, – сказали ему в ответ, – но мы никому не отвечали. Ты иди своей дорогой, если будешь возвращаться, тогда получишь ответ.

Идет юноша дальше и видит: бык привязан, а перед ним самые что ни есть на свете лучшие корма. Но бык тощий – одни кожа да кости; еле на ногах держится.

– Отчего ты такой худой? Ведь перед тобой вдоволь кормов, – спросил юноша.

– Иди своей дорогой, если тебе доведется вернуться назад, тогда я тебе отвечу, – ответил бык.

Пошел юноша дальше и скоро увидел другого быка, привязанного к столбу. Хотя перед этим быком не было ни кормов, ни питья, был он на вид сытый, тучный.

– У первого быка вдоволь кормов и питья, но он худой, а у тебя нет ни того, ни другого, а ты вон какой упитанный, отчего это? – спросил юноша.

Бык ответил:

– Иди своей дорогой. Если тебе посчастливится вернуться, тогда скажу.

Отправился юноша дальше. Видит: стоит огромный олень, один рог его воткнут в землю, а другой – в небо. А дальше и идти некуда. Оба света прошел юноша насквозь. Подивился он на оленя и спросил:

– За что ты так мучаешься?

– Сам не знаю, – ответил олень. – Дальше пути нет, а только на небо, к Богу. Побываешь на небе, узнай, за что я мучаюсь и чем могу

искупить свою вину, и если тебе доведется вернуться, расскажешь мне об этом, хорошо?

– Ладно, постараюсь узнать, – ответил юноша и полез по оленьему рогу на небо.

Только он вскарабкался туда, как на него накинулась мать Солнца и Луны, желая его погубить.

– О, мать, мать, мать моя! – трижды произнес юноша.

Мать Солнца и Луны остановилась.

– Не могу нарушить святости материнства, – сказала она. – Что тебя беспокоит, что привело сюда? – спросила она, заводя его в дом.

– Привело меня вот что, – ответил юноша. – Мой отец на день умирает, а ночью воскресает. Нет ли такого средства, чтобы полностью воскресить его?

– Дам я тебе такое средство, – ответила она. – А пока спрячься, а то вернутся Солнце и Луна и погубят тебя.

Вечером вернулось Солнце со своего дневного обхода и сказало:

– Что-то, мать, человечиной пахнет!

– Нет, сынок, это запах от покойников.

Оказывается, мать Солнца убивала всех, кто поднимался на небо, и сваливала в кучу останки. Солнце поверило матери. Оно умылось, но мать не выплеснула воду после него. Утром Солнце встало и отправилось в свой ежедневный путь по небу.

Приходит с ночного обхода Луна. Только вошла – и сразу:

– Фуф, мать, человеком пахнет!

– Нет, это от покойников запах идет, – ответила мать.

Луна поверила. Она умылась и отправилась отдыхать. И после нее мать не вылила воду, а тоже спрятала. Когда Луна ушла, мать позвала юношу и говорит ему, подавая воду, оставшуюся после умывания Солнца и Луны:

– Вот средство для твоего отца. Намочи этой водой все его тело, не оставь места сухого даже размером с кончик иголки. После этого твой отец либо совсем умрет, либо окончательно воскреснет.

Поблагодарил юноша мать Солнца и Луны и собрался было уходить, но тут он вспомнил о просьбе оленя.

– Скажи, мать, вот этот олень, что привязан под вами, чем он провинился, чем он может искупить свою вину?

– Он виноват тем, что не дает житья ни зверям, ни птицам – всех убивает. Если он даст Богу клятву в том, что больше не станет делать этого, то будет освобожден.

Попрощался юноша с матерью Солнца и Луны и отправился в обратный путь. Первым, конечно, встретил его олень, по рогу которого он спустился.

– Узнал ли ты, в чем моя вина? – спросил он.

– Дай богу клятву, что с этого дня ты не тронешь ни одного лесного зверя, ни одной птицы, и ты будешь свободен, – сказал юноша.

Только олень произнес клятву, как в ту же минуту освободился.

– Послужил ты мне, послужу и я тебе, – сказал олень. – Садись на меня, довезу я тебя до того места, до которого мне разрешено ходить.

Быстро домчал олень юношу до тучного быка.

– Вот я и вернулся, – сказал юноша. – Теперь ты мне должен ответить на мой вопрос, почему ты тучен, не имея ни еды, ни питья?

– Видно, счастливые твои родители, раз ты вернулся, – сказал бык. – Теперь я отвечу на твой вопрос. Когда я был жив, у меня мало было корма и питья, я много работал, но не жаловался на свою судьбу. Зато теперь я такой тучный.

Подъехал юноша к тощему быку и напомнил тому свой давешний вопрос. Тот ответил:

– Удивляюсь, как тебе удалось вернуться. Слушай же. Передо мной много корма и питья, но не идут они мне впрок, потому что когда я был жив, я не ценил достатка, ел много и все же еще хотел, но не мог съесть то, что видели мои ненасытные глаза. За эту свою жадность я и наказан.

Подъехал юноша к мужу и жене, лежавшим на буйволиной шкуре, и спросил:

– Вы все ссоритесь? Скажите, отчего вы не можете ужиться?

– Когда мы были живы, то не уживались и не любили друг друга – не сошлись характерами. Оттого и теперь не можем ужиться и ссоримся, – услышал он в ответ.

Увидел юноша и тех людей, которые лежали в обнимку на топорище, и напомнил им свой вопрос.

– А, ты вернулся! – сказали они. – Тебе посчастливилось. Оттуда, где ты побывал, еще никто не возвращался. Ответим мы на твой вопрос. Мы и при жизни были дружны, любили друг друга. Встретившись же здесь, мы по-прежнему дружны и любим друг друга. Потому-то не тесно нам даже на топорище.

Довез олень юношу до скалы и остановился.

– Дальше мне запрещено бывать, – сказал он.

Поблагодарил юноша оленя и простился с ним. Стал он ждать, когда раскроется скала. Только она раздвинулась, как юноша ловко проскочил в щель и очутился на этом свете. Нашел он своего коня и отпра-

вился домой. Пока он занимался всеми этими делами, давно минул год. Много еще дней и ночей ехал юноша и вот стал наконец приближаться к дому. Увидел он в долине пастуха и предложил ему:

– Давай меняться одеждой. Я надену твою, а ты – мою.

Бедный пастух обрадовался. Поменялись они одеждой. Юноша подошел к родному дому босой, в лохмотьях. В этот день царь устраивал по нему поминки. Царю сообщили, что какой-то бедный пастух стоит у ворот. Тот распорядился ввести его в дом и накормить. Когда юношу ввели в дом, он попросил впустить его в ту комнату, где стоял гроб с телом его отца. Царь ему это разрешил.

Только одна женщина сидела в комнате у гроба.

– Не можешь ли ты выйти на некоторое время? – спросил юноша.

Удивилась женщина такой просьбе, но все же вышла. Юноша снял крышку гроба, достал воду, которой умывались Солнце и Луна, и обмыл ею все тело отца, не оставив места размером даже с кончик иголки. Как только это было сделано, отец юноши встал и потянулся.

– Ох, как же долго я спал! – сказал он.

– Ты не узнаешь меня? – спросил юноша.

– Нет, не узнаю, – ответил воскресший. – И вообще, я тебя вижу в первый раз.

Юноша попросил тогда войти женщину, которая до этого сидела у гроба, и спросил ее, узнает ли она его.

– Нет, до сегодняшнего дня я тебя не видела, – ответила та.

– Не удивительно, что вы меня не узнали, – сказал тогда юноша. – Срок моего возвращения давно истек. Я – ваш сын. Долго я скитался в поисках средства воскресить отца и все же нашел его.

После долгих излияний радости юноша послал к царю людей с такой просьбой: пусть народ, собравшийся на поминки, на минуту выйдет во двор. Царь выполнил просьбу – попросил людей выйти во двор. Тогда юноша открыл дверь и вывел к народу чудом воскрешенного им отца, мать и затем вышел сам. Люди были несказанно поражены и обрадованы. Юноша рассказал всем о том, как он ездил на тот свет, был на небе у матери Солнца и Луны, достал волшебную воду и воскресил отца. Как услышали обо всем этом и царь, и народ, сразу пошло тут веселье, пальба, танцы, песни. Вместо поминок велел царь устроить великий пир. Три дня веселился народ. Я на том пиру тамадой был, выпил двадцать пять стаканов вина – всех перепил. А сегодня нахожусь здесь и рассказываю вам эту правдивую историю. Кто не верит мне, пусть пойдет на тот царский двор и посмотрит. Там и сейчас люди еще не протрезвели, спят с похмелья.

Женитьба трех братьев

или на свете старик со старухой, и было у них три сына. Жили они не бедно. И вот решили сыновья жениться. Нарядно оделись, повесили через плечо ружья-кремневки, сели на коней и поехали искать невест.

Долго странствовали братья, но не нашли подходящих невест и повернули обратно. Недалеко от своего дома они остановились, чтобы посостязаться в стрельбе.

Они укрепили на вершине громадного дерева мишень и стали в нее стрелять. Первым выстрелил старший брат. Вдруг всем им на удивление из дерева вышла девушка и стала рядом со старшим братом. Выстрелил средний – вышла другая девушка и стала рядом с ним. Младший выстрелил в надежде, что и у него будет красавица-невеста, но, к удивлению братьев, вместо девушки из ствола дерева выпрыгнула лягушка и села рядом с младшим братом.

Посмеялись братья над младшим – неудачником, – поехали домой, взяв с собой своих невест. Опечаленный младший брат последовал за ними. А лягушка прыгнула на спину его лошади и уселась за седлом. Он сбросил ее на землю, но она снова прыгнула на прежнее место. Видя, что ему не отвязаться от нее, юноша оставил лягушку в покое.

Заехав во двор, братья слезли с коней и со своими невестами вошли в дом, а младший остался с лягушкой на дворе.

Старшие сыновья рассказали родителям о неудаче младшего брата. Родители не приняли сына, велели ему покинуть дом и жить где ему угодно.

Ушел младший сын от родных и решил построить себе небольшой дом со стенами из сплетенных прутьев – пацху. Подошел к лесной опушке, снял черкеску и стал рубить прутья. А лягушка прохлаждалась, сидя на черкеске. Нарубив порядочно прутьев, он пошел к соседям покурить.

Вернувшись, он, к своему удивлению, увидел, что все нужное для постройки пацхи уже готово. Долго ломал он себе голову, но никак не мог догадаться, кто оказал ему такую услугу.

Когда настала ночь, он пошел ночевать к соседям. Прискакала за ним и лягушка. Хозяева накормили гостя и уложили спать. Лягушка села у очага.

Долго не мог заснуть младший брат: все думал о лягушке, которая позорила его перед людьми.

Утром, выбрав место для пацхи, он вбил в землю колья и стал их оплетать. В полдень снова пошел покурить к соседям.

Вернулся и увидел, что пацха уже построена. Обрадовался младший брат, но задумался над тем, кто же ему помогает.

В новой пацхе младший брат поселился вместе с лягушкой. Когда он с утра уходил на охоту, в пацхе оставалась лягушка. Вечером он всегда находил чисто убранную пацху и вкусно приготовленную дичь, принесенную им накануне. Наконец он стал подозревать, что все это делает лягушка, и невольно воскликнул:

– Эх, если бы я знал, что это за существо!

Вдруг лягушка сбросила кожу – и предстала перед ним писаная красавица.

– Зачем ты высказал такое желание? Через три дня я должна была сбросить кожу, – ответила она, немного огорченная.

Но младший брат, схватив ее кожу, тут же бросил в костер и сжег. Жена младшего брата была красивее жен старших братьев, и они стали ему завидовать. Вскоре они решили погубить его и завладеть его женой.

Один из них поехал к владетельному князю и сказал:

– Мой младший брат хвастает, что он из твоего заповедного леса может привести живого кабана на княжеский двор.

Князь вызвал к себе младшего брата и велел ему доставить живого кабана.

– Приведешь – осыплю золотом, – сказал он. – Не приведешь – за хвастовство посажу тебя самого в хлев.

Возвратился младший брат домой, сел опечаленный у очага и задумался. Видя, что муж чем-то расстроен, жена стала допытываться, что с ним случилось. Тот поделился своим горем.

– Не печалься, этому легко помочь! – утешила она его и, вручив ему два желудя, сказала: – иди к лесному озеру, стань на берегу и постучи этими желудями. На стук прибежит кабан. Один желудь отдай ему, а вторым приманивай его, пока не дойдешь до княжеского двора. Ка-

бан последует за тобой. Ты приведешь его к князю и запрешь его туда, куда он укажет.

Муж так и поступил: отправился к озеру, приманил кабана и привел к дому князя, а тот одарил его золотом.

Теперь младший брат стал богаче старших. Это возбудило в них еще большую зависть. Они пришли вдвоем к князю и рассказали ему, что в горах водится огромный олень, а брат хвастает, что он может его поймать.

Князь снова вызвал младшего брата и приказал ему доставить оленя.

– Смотри! Не угодишь – худо тебе будет. А справишься – ждет тебя награда.

Возвратился младший брат домой и огорченный сел у очага.

Жена стала его расспрашивать, о чем он горюет. Он рассказал ей об олене, которого должен доставить владетелю. И снова жена ободрила его и сказала, что этому горю легко помочь. Она объяснила мужу, как найти ущелье, где бродит этот олень, и посоветовала поступить так: взять мешок с початками кукурузы, разбросать их по ущелью, а последний початок положить у большого камня, за которым спрятаться самому. Когда олень наклонит голову, чтобы подобрать кукурузу, надо прыгнуть ему на голову и сесть между рогами, тогда животное во всем ему покорится.

Муж поступил так, как ему наказала жена, и погнал оленя ко дворцу. Когда он стал подъезжать к воротам, олень пронзительно закричал. Князь вместе с женой вышли на балкон и стали прислушиваться. В это время олень вместе с седоком перепрыгнул через изгородь и подскакал к балкону. Младший брат слез с оленя и привязал его к столбу.

Князь одарил его землею и лучшим скотом.

Удача младшего еще больше озлобила старших братьев. Спустя некоторое время они опять пришли к князю и сказали: брат хвастает, что он все может, захочет, так даже мост перекинет через море.

Князь вызвал к себе младшего брата и сказал:

– Если ты и вправду обладаешь таким могуществом, я сделаю тебя соправителем, а если это только хвастовство, я прикажу тебя утопить в море.

Братья, радуясь своей выдумке, возвратились домой, уверенные, что на этот раз их младший брат не сумеет выполнить требование владетеля и погибнет, а они получат после него наследство.

Младший брат возвратился домой и в тяжелом раздумье сел у очага. Жена спросила его, о чем он горюет. Муж рассказал о приказе князя.

– Вот видишь, – обратилась она к нему с укором, – говорила я тебе, что не надо было сжигать кожу лягушки.

Теща младшего брата была колдуньей и в свое время научила волшебству младшую дочь. Однажды она рассердилась на нее за непочтительность и наказала тем, что на тринадцать дней дочь должна была принять обличье лягушки. До конца срока не хватало трех дней, когда младший брат сжег эту кожу.

Чтобы выручить мужа из затруднительного положения, жена велела ему отправиться к тому дереву, откуда она вышла, и постучать в него. Дерево раскроется, и он увидит тещу, которой и расскажет о своем горе.

Младший брат так и сделал. Увидев колдунью, он рассказал ей, кто он такой и зачем пришел.

Теща-колдунья дала ему три кольца и велела пойти к морю. Там он должен был бросить первое кольцо подальше в волны, и мост раскинется до середины моря. Потом надо было пойти по мосту и, дойдя до конца, бросить второе кольцо – оно подопрет мост столбом. Потом бросить третье кольцо как можно дальше, и мост перекинется через все море.

Он все так и сделал.

Сверкающий всеми цветами радуги мост перекинулся через море. Младший брат пошел к князю и предложил ему с балкона взглянуть на море. Некоторое время пораженный князь молчал, а потом сказал:

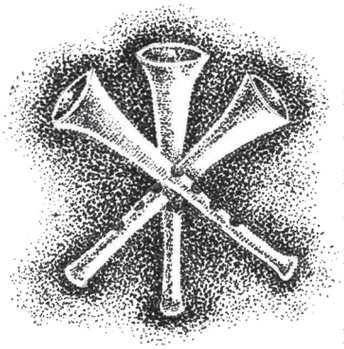
– Ты достоин быть властителем страны, а не я! Но младший брат на это ответил:

– Владей ею сам, но не требуй от своих подданных того, чего не можешь совершить сам.

Тем дело и кончилось, а униженные братья пришли к младшему, повинившись, и он простил их.

Ашхамадж и Агамадж

или-были два товарища – Ашхамадж и Агамадж. Оба они любили пошутить, не давали никому себя обмануть и частенько состязались друг с другом в ловкости и находчивости. Как-то раз они поспорили: кто кого перехитрит.

– Покажи свою ловкость, – предложил Ашхамадж, – вырви незаметно перо из орлиного крыла, тогда я поверю, что ты ловчее меня.

– Хорошо, – ответил Агамадж и полез на дерево, на вершине которого отдыхал орел.

Не успел Агамадж добраться до середины ствола, как Ашхамадж ловко снял с него штаны. Агамадж подкрался к орлу и незаметно выдернул у него из крыла перо. Довольный, он спустился на землю и подал его улыбающемуся Ашхамаджу.

– Молодец! – сказал тот. – Это орлиное перо. Но скажи, пожалуйста, ты, вероятно, обменял его на штаны?

Только тогда заметил Агамадж, что он без штанов, и догадался, кто проделал с ним такую шутку.

– Видно, в ловкости мы друг другу не уступим! – воскликнул он, натягивая штаны, которые ему вернул приятель.

Как-то друзья шли вместе по дороге.

– Знаешь что, Агамадж, – обратился к другу Ашхамадж, – мы живем в нужде. Надоело мне перебиваться с хлеба на воду. Наймемся к кому-нибудь на работу. Накопим денег и заживем на славу!

Агамадж согласился. Стали они искать работу. Пришли в одно селение и узнали, что богатая вдова ищет пастуха для своей коровы.

Друзья отправились к вдове и предложили свои услуги.

– Хоть я ищу одного пастуха, а вас двое, но вам и двоим не справиться с моей коровой, – сказала вдова, внимательно оглядев их.

– Справимся! – отвечали друзья. – Разве мы не мужчины?

Им и в голову не приходило, что у этой коровы особый нрав и повадки: навозу она за ночь накладывала в хлеву чуть ли не до потолка, а паслась на бегу, нигде не останавливаясь.

На следующий день пастухи взялись за работу: Ашхамадж остался чистить хлев, Агамадж пошел пасти необыкновенную корову.

С раннего утра до позднего вечера без отдыха, едва успев съесть кусок кукурузной лепешки, чистил Ашхамадж хлев. Агамадж же, едва выпустив корову из хлева, вынужден был рысью бежать за нею, чтобы не потерять ее из виду. Корова понеслась к берегу моря, обежала побережье, полизала соленый песок и, ускорив бег, направилась в горы, к сочным лугам. Только вечером, совершенно обессилев, еле-еле плетясь за сытой коровой, голодный Агамадж вошел во двор.

– Ну как, устал? – спросил он своего приятеля, который, задыхаясь, весь в поту, только что вышел из хлева.

– Пустяки, – отвечал тот. – Работенка легкая. Две-три лопаты навоза выкинул – и все.

– Почему же у тебя вся рубаха мокрая? – удивился Агамадж.

– От нечего делать валялся на солнце, вот и вспотел, – ответил Ашхамадж и спросил в свою очередь:

– А как твои дела?

– Не корова – дохлятина, – сказал Агамадж, скривив рот. – Еле ноги волочит. Подгонял, подгонял, на руках мозоли палкой натер.

– Почему же твоя рубашка промокла? – спросил с изумлением Ашхамадж.

– Тоже целый день валялся на солнце. Так припекло, что вспотел. Кстати, завтра твоя очередь пасти корову. Захвати с собой апхярцу[1] и скамеечку. Сядешь где-нибудь в тени, поиграешь, попоешь. Черт с ней, с коровой. Пусть топчется на одном месте, пусть вместо травы хоть копыта свои объедает.

– А ты, Агамадж, когда пойдешь чистить хлев, захвати из конюшни старое седло, оно там валяется в хламе. Видно, о нем забыли. Почини его, все равно делать нечего. Потом мы заберем его, пригодится.

На следующий день они с утра принялись за работу. Агамадж взял седло и понес его в хлев, но оказалось, что корова за ночь чуть не до потолка заполнила его навозом. Чтобы не запачкать седла, Агамадж решил спрятать его где-нибудь во дворе. Но как назло в эту минуту вдова вышла из дому, слонялась по двору до самого вечера. Пришлось Агамаджу оседлать самого себя и работать в хлеву с досадной поклажей на спине весь день.

[1] *Струнный музыкальный инструмент.*

Тем временем его товарищ, взгромоздив скамейку на плечи, с апхярцой под мышкой, бегал за коровой. Корова, как и накануне, пустилась к морю, полизала песок и кинулась к горным лугам, где рыскала до вечера. Ашхамадж вернулся, еле волоча ноги. Как раз к этому времени измученный Агамадж закончил чистку хлева.

– Что ты со мной сделал? – набросился на него Ашхамадж, едва переводя дыхание. – Зачем не сказал, что эту проклятую корову так трудно пасти? Я не брал бы с собой ни апхярцы, ни скамейки. За весь день не пришлось даже присесть на минутку.

– А почему ты не сказал мне, что так трудно работать в хлеву? – сердито проворчал Агамадж.

Не глядя друг на друга, они побрели к хозяйке требовать расчета.

– Хотя вы работали всего два дня и показали себя как изрядные лодыри, все же видно, что ребята вы неплохие. Я дам вам щедрую награду за ваши труды, – сказала вдова и дала им несколько золотых монет.

Стали они делить монеты поровну. Но среди золотых оказалась новенькая полушка. Спор пошел из-за нее.

– Уступи мне ее, сделай милость, – стал упрашивать Ашхамадж Агамаджа, – через неделю я ее тебе отдам.

Тот, в конце концов, согласился. Ровно через неделю, рано утром отправился Агамадж к своему другу. Входит он в дом и видит: плачет, заливается слезами жена Ашхамаджа, рвет на себе волосы.

Агамадж с изумлением спросил, кого она так оплакивает.

– Мужа! – ответила женщина. – Вчера он скончался от желудочной болезни. Осталась я одна над свежей могилой.

Агамадж был потрясен. Он тоже поплакал, просидел с вдовой до сумерек и пошел восвояси. Но по дороге у него мелькнула мысль: не схитрил ли Ашхамадж и на этот раз, не желая возвращать полушку? Повернул он назад, пошел на кладбище, отыскал там могилу, прикрытую досками и чуть присыпанную землей. Стал Агамадж следить за могилой.

В полночь пришли на кладбище воры с мешком награбленного золота и роскошной шашкой, инкрустированной драгоценными камнями, расположились у могилы Ашхамаджа.

Один из грабителей предложил здесь же поделить награбленное, а в первую очередь решить, кому достанется шашка. Решили отдать ее тому, кто больше всех отличился во время грабежа, и все стали рассматривать клинок. Один заявил, что это клинок из закаленной стали, другие говорили, что из простого железа. Чтобы разрешить спор, один из грабителей сказал:

– Если этой шашкой можно будет разрубить одним ударом че-

ловека, значит, клинок из закаленной стали, если нельзя – он из простого железа.

Остальные с ним согласились, но не на ком было испробовать шашку. Тогда грабители предложили для этого выкопать покойника. Все эти разговоры слышал и сам «покойник».

Грабители быстро выкопали гроб Ашхамаджа, вынули оттуда мнимого покойника, поставили на ноги и прислонили к дереву. Однако когда один из грабителей, взяв в руки шашку, размахнулся, чтобы разрубить труп, Ашхамадж крикнул от страха во все горло. От неожиданности грабители так перепугались, что, бросив шашку и мешок с золотом, убежали.

Тут к Ашхамаджу подбежал Агамадж. Он стал требовать возвращения полушки и предложил поделить брошенные ворами сокровища. Они опять заспорили, и спор перешел в драку.

Между тем убежавшие грабители, придя в себя, остановились и, посоветовавшись, послали одного из своих к могиле, чтобы узнать, что там происходит.

Тот подобрался к ограде могилы и, увидев, что мертвец с кем-то дерется, бросился к своим друзьям. Услышав его рассказ, воры испугались еще больше и разбежались.

Ашхамадж и Агамадж, в конце концов перестав драться, приступили к дележу сокровищ. Все поделили, но Ашхамадж отказался вернуть долг – полушку.

– Я же не брал ее с собой в могилу, – заявил он Агамаджу. – Она где-то дома валяется.

Друзья вышли на дорогу. Ашхамадж вытащил платок и стал вытирать вспотевший лоб. Тут злополучная полушка выпала у него из кармана. С новой силой вспыхнул спор из-за полушки, но друзья никак не могли ее поделить.

Наконец решили: пусть спор разберет первый встречный. Вскоре им повстречался всадник, которого они попросили рассудить их. Тот подумал и сказал:

– Покажите-ка мне полушку.

Ашхамадж протянул ему монету. Тот взял ее, осмотрел и спросил:

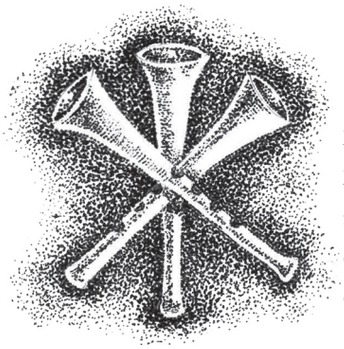
– А она не фальшивая?

– Что ты, что ты – смотри, блестит как чистое золото.

– Это хорошо! Я вижу, что хоть ума у каждого из вас немало, вы можете рехнуться, споря из-за полушки. А мне она пригодится! – с этими словами всадник стегнул лошадь и ускакал, подняв облако пыли.

Так закончился спор двух веселых друзей Ашхамаджа и Агамаджа.

Умная невестка

ил когда-то на свете владетельный князь. И был у него сын по имени Ахмат. И, когда Ахмат вырос, а князь состарился, решил отец испытать своего сына и единственного наследника. Призвал он к себе Ахмата и сказал ему так:

– Сын мой, завтра на рассвете мы отправимся в горы. Позаботься о том, чтобы все было готово для дальнего пути.

– Хорошо, отец, – сказал Ахмат.

С вечера велел он слугам приготовить в дорогу хлеба, вина и сыру, а сам еще до рассвета оседлал двух самых лучших коней и в назначенный час подвел их к крыльцу. Отец осмотрел коней и остался доволен. Потом взглянул на сумку с едой и говорит:

– На что нам еда? Оставь ее, сын мой.

Ахмат не стал спорить с отцом и покорно отвязал сумку от седла. Потом отец и сын вскочили на коней и тронулись в путь. Долго ехали они. Солнце поднялось из-за гор – они все в дороге. Солнце ударило им в глаза – они в дороге. Солнце стало над головой – они все еще в дороге. А куда ведет эта дорога и зачем они едут по ней, Ахмат не знал. И гор этих никогда он не видел, и про ущелья эти никогда не слышал. Наконец доехали они до места, где дорога расходится вправо и влево.

Остановил тут князь своего коня и говорит сыну:

– Ахмат, сын мой, сколько часов уж мы в пути, а конца ему не видно. Голод мучает меня и усталость сковала мое тело. Не найдется ли у тебя чего-нибудь, чтобы утолить мой голод, и не сократишь ли ты хоть немного наш путь?

Очень удивился сын, услышав такие слова.

– Как же я могу утолить твой голод? – говорит он отцу. – Ты ведь сам велел мне оставить дома сумку с едой. И как я могу сократить наш

путь? Я даже не знаю, куда мы едем. Да не обрушится твой гнев на мою голову, но ты требуешь от меня невозможного, отец.

– Сын мой, я устал и проголодался. Прошу тебя, утоли мой голод и укороти нашу дорогу.

Чуть не заплакал Ахмат.

– Как же я накормлю тебя, отец, – говорит он, – если мы ничего с собой не взяли. И как я укорочу дорогу, когда я не знаю, куда мы едем?

– Горе мне, – печально сказал старый князь. – Лучше бы мне совсем не иметь сына, чем видеть, что сын мой лишен разума.

И, повернув коня, он поскакал домой.

Следом за ним тронулся и Ахмат.

«Горе мне, – думал он, стегая коня. – Видно, на старости лет отец совсем из ума выжил. Сам не знает, чего хочет. Нет у меня ковра-самолета, чтобы длинную дорогу сделать короткой, и не знаю я такого слова, чтобы из-под земли еду-питье доставать. Это только в сказках бывает».

Вернувшись домой, расседлал Ахмат коней, попил, поел и пошел себе спать. А князю не спится.

«Я уже стар, – думает князь. – Скоро умирать мне пора. Ну как он один, своим умом княжить будет? Как народом управлять будет? Надо скорее женить его. Достанется ему толковая жена – может, научит она его уму-разуму».

И, как решил, так и сделал.

На другой же день послал он во все концы княжества сватов – искать сыну невесту. Недолго искали сваты, а невесту нашли – лучше и не надо! И умна, и приветлива, и собой хороша. Не откладывая дела, сыграли свадьбу. Гостям на пиру счета не было, ели-пили до отвала, плясали до упаду. А через неделю снова позвал князь своего сына и опять велел ему готовиться в дорогу.

Опять, как в первый раз, с вечера приготовил Ахмат сумку с едой, на рассвете оседлал коней и в назначенный час привел их к крыльцу. И вновь, как в первый раз, приказал старый князь оставить сумку с едой. Сели они на коня и поехали той же дорогой. А куда, отец и на этот раз не сказал.

Доехали они до того самого места, где дорога расходится, и снова обратился отец к сыну с теми же словами:

– Сын мой, я устал в пути, и голод мучает меня. Не утолишь ли ты мой голод и не сократишь ли нашу дорогу?

Что тут придумаешь? Не знает Ахмат, как и ответить. Понурив голову, молчит.

Разгневался отец.

– Ах ты, осел! – воскликнул он и сгоряча стегнул сына плеткой.

Потом повернул коня и поскакал назад.

Невеселый вернулся Ахмат домой. И больно ему, и стыдно, и обидно. И хоть ни слова не сказал он жене, она сразу увидела, что неладное что-то случилось с мужем.

– Скажи, друг мой, что с тобой? – спрашивает она Ахмата. – Какая забота у тебя на душе?

– Зачем говорить? – отвечает ей Ахмат. – Все равно ты мне ничем не поможешь.

– Кто знает, может быть, и помогу, – говорит жена.

Рассказал ей Ахмат все, что с ним произошло. Как поехал он с отцом в горы и в первый раз, и во второй раз. Как не позволил ему старый князь оба раза брать с собой сумку с едой, не сказал, куда едут и зачем, а потом сам же ругал сына за то, что не смог Ахмат накормить отца и найти короткую дорогу.

– Да что он, рассудка лишился, что ли! – воскликнула жена. – Где же это видано, чтобы человека можно было накормить без еды, а дорогу сократить, не зная пути!

А в это время старый князь стоял возле дома своего сына и, приложив ухо к стене, слушал, о чем говорили молодожены.

Услышал он слова невестки, вздохнул печально и пошел прочь.

А наутро позвал он соседей, при них выделил невестке ее долю имущества и отослал в родительский дом.

– Довольно, – говорит, – и того, что у меня сын недалекий, не хочу, чтобы и невестка была глупая.

Прошло еще немного времени, и решил князь, что поедет сам искать жену своему сыну. Не откладывая дела надолго, велел привести коня и отправился в путь.

Ехал он, ехал, и когда солнце ушло за горы, а тень от гор покрыла землю, решил князь остановиться где-нибудь на ночлег. Как раз в это время молодой пастух гнал по дороге отару овец.

– Привет тебе, чабан, – сказал князь, подъезжая к отаре. – Не скажешь ли ты, далеко ли до ближайшего селения?

– Привет тебе, господин, – ответил пастух. – Селение совсем недалеко. Вон за тем холмом. Видишь, народ там толпится.

– Вижу, вижу, – сказал князь. – А не знаешь ли ты, что делают эти люди в такой поздний час?

– В нашем селении умер один человек, – ответил пастух. – Вот они его и хоронят.

– Что же, этот человек совсем умер или не совсем? – опять спросил князь.

Удивился пастух. Сразу даже не нашелся, что ответить. А потом и говорит:

– Ну, конечно, совсем умер.

– Ну, если совсем, – сказал князь, – тогда и жалеть его некому.

Еще больше удивился пастух, но ничего и на этот раз не сказал. А про себя подумал: «Видно, старик не в своем уме».

Наконец добрались они до селения.

– Скажи мне, дорогой, – спросил тут князь, – в чей дом могу я войти гостем, чтобы переночевать и отдохнуть после долгого пути?

– Да будет светлым твой приход, – сказал пастух. – В нашем доме ты найдешь и кров, и отдых, и добрую встречу. Вот наш дом, первый на въезде в село.

Загнав отару во двор, пастух помог князю спешиться и повел его в дом.

Отец пастуха по обычаю вышел князю навстречу и принял гостя со всем почтением, а его сестра, Салымхан, взяла из рук князя плеть и сняла с него бурку. Князя усадили на самом почетном месте, около очага, дочь хозяина поставила перед ним еду и сладкое питье, а хозяин повел с ним добрую беседу.

Потом на подушках и коврах приготовили князю постель, и, когда он улегся, Салымхан унесла его чувяки[1] и ноговицы[2], чтобы почистить первые и починить вторые.

Лежит князь на мягкой постели и слышит все, что делается за стеной. А за стеной пастух и его сестра разговаривают.

– Да простятся мне эти слова, – говорит брат, – но кажется мне, что гость наш не в своем уме. Увидел, как нашего соседа хоронят, и спрашивает: «Что, совсем умер этот человек или не совсем?» Я чуть в лицо ему не рассмеялся. Уж не думает ли он, что мы людей заживо хороним!

– Вот сразу и видно, что мал ты еще и не набрался ума-разума, – отвечает ему сестра Салымхан. – Если уж смеяться над кем-нибудь, так это над тобой. А гость наш – человек, умудренный годами, он дело тебя спросил, только ты не понял его слов.

– И что же его слова означают? – спрашивает брат.

– То, что хотел гость наш узнать, остались ли после покойного наследники или не остались? Потому что пока течет кровь умершего в жилах его детей, он еще не совсем умер.

---

[1] *Мягкие кожанные туфли без каблуков.*

[2] *Принадлежность обуви или одежды, закрывающие голень с коленом.*

Услышал князь слова девушки и подумал: «Благодарение Аллаху, что он привел меня в этот дом! Вот кого я посватаю за своего сына. Эта девушка вполне достойна княжеского рода».

И как решил, так и сделал. На следующий день вернулся он домой и послал сватов к Салымхан.

Скоро и свадьбу сыграли. Богатый был пир. Вино рекой лилось, столы от лакомств ломились, гости до устали веселились.

Но вот прошло немного времени, и опять говорит князь своему сыну:

– Сын мой, завтра поутру мы отправляемся с тобой в горы. Позаботься же, чтобы все было готово для дальнего пути.

Что тут делать Ахмату?

– Хорошо, отец, – промолвил он. – Воля твоя – для меня закон.

На рассвете оседлал Ахмат двух коней и подвел к крыльцу. Еды на этот раз он и не припасал, ведь все равно отец не позволит взять.

И поехали они опять прежней дорогой.

И опять на прежнем месте остановил князь коня и сказал сыну те же самые слова:

– Сын мой, я устал и проголодался. Прошу тебя, утоли мой голод и укороти нашу дорогу.

Чуть не заплакал Ахмат.

– Как же я накормлю тебя, отец, – говорит он, – если мы ничего с собой не взяли? И как я укорочу дорогу, когда я не знаю, куда мы едем?

Не стерпел тут князь.

– Эх ты, безмозглый глупец!

И принялся он хлестать сына плетью, да так, что воздух кругом засвистел. Потом повернул коня и поскакал домой. Темнее темной ночи вернулись отец и сын. Наскоро расседлал Ахмат коней и пошел к себе в дом. Сел возле очага, не ест, не пьет, с женой не говорит.

– Друг мой, какая забота легла тебе на сердце? – спрашивает его Салымхан.

– Ах, что пользы говорить, только слова даром тратить, – отвечает ей Ахмат.

– Нет, скажи мне, – просит его Салымхан. – Кто знает, может быть, я помогу тебе.

– Никто не поможет мне, – печально сказал Ахмат. – Который уж раз берет меня отец в поход. Куда едет – не говорит, еду брать – не велит. А среди дня, когда проголодается и с дороги собьется, начинает меня

ругать и бить – почему, мол, я голод его утолить не могу и почему короткий путь найти не могу.

Выслушала его Салымхан и рассмеялась.

– Ах ты, бедняга, – говорит. – Ну как это ты не понял слов отца?

– Понять легко, – говорит Ахмат, – выполнить трудно.

– Да если бы ты понял, – говорит Салымхан, – так и выполнить было бы нетрудно. Когда пожаловался он на голод, надо было тебе достать трубку, набить табаком и дать ему закурить. Закурил бы он – и забыл о голоде. Ведь не всегда у воина при себе сумка с едой, зато трубка и табак всегда при нем. А когда попросил тебя князь укоротить дорогу, надо было тебе повести рассказ о славных делах, о храбрых людях, о том, что ты сам видел и что от других знаешь. Заслушался бы тебя князь и не заметил, как время идет. Умная беседа сокращает путь.

А в это время старый князь стоял у стены дома и слушал, о чем говорят сын со своей женой. Услышал он слова Салымхан и вздохнул с облегчением.

«Не обманулся я в своей невестке, – подумал он. – Теперь, что бы ни случилось со мной, я могу не бояться за свой дом и свой народ».

И зажили все они в мире и покое.

Да недолго длились мир и покой.

Напали на владения князя разбойники-чужеземцы, самого князя в плен взяли, села разорили, скот угнали.

Долго томился князь в темнице. И стал он просить своих сторожей, чтобы они разрешили ему повидаться с их предводителем – Джиаткиаром.

Привели князя к Джиаткиару.

– Ты хотел видеть меня? Что тебе нужно? – спросил Джиаткиар.

– У меня есть просьба к тебе, – сказал князь.

– Говори! – приказал Джиаткиар.

– Ты храбр и могуществен, – начал свою речь князь. – Ты властелин богатых селений и славного народа. Но ты молод. Послушай же старого человека. Мало что прибавится к твоему богатству и славе, если я буду сидеть у тебя в темнице. Но если ты освободишь меня, я дам тебе богатый выкуп.

– Чем же ты, несчастный, хочешь откупиться? Что есть у тебя такого, чего нет у меня? – спросил Джиаткиар.

– Если ты освободишь меня, – сказал князь, – я дам тебе пятьсот баранов с кривыми рогами и пятьсот с прямыми, пятьсот быков с прямыми рогами и пятьсот без рогов.

– Кто же поверит тебе, – засмеялся Джиаткиар, – что ты приведешь мне такое стадо? Что-то я не слыхал, чтобы на свете были бараны с прямыми рогами, а быки без рогов. Я хоть и молод, а не глуп.

– Если ты не веришь мне, – спокойно сказал князь, – давай сделаем так: я останусь здесь, а ты пошли своих гонцов к моему сыну. Пусть они скажут ему, какой выкуп должен он за меня дать.

– Хорошо, – согласился Джиаткиар, – я пошлю своих гонцов. А ты останешься у меня заложником.

– Только не забудь сказать своим гонцам, – вспомнил вдруг князь, – что когда придут они в мой дом, пусть первым делом возьмут топор, что лежит у самого входа, хорошенько наточат его на оселке и срубят средний столб – тот, который подпирает крышу дома. Так было у нас условлено: если попаду я в беду и пришлю за выкупом, только тому верить, кто срубит средний столб посреди дома.

– Что ж, пусть будет по-твоему, – засмеялся Джиаткиар. – А если и после этого не пришлют за тебя выкуп, я отрублю тебе голову.

И, сказав так, он приказал своим гонцам отправляться в путь. Приехали гонцы к дому князя и, не говоря ни слова, взяли топор, наточили хорошенько и принялись рубить средний столб.

Увидел это Ахмат и чуть было не бросился на гонцов. Но вовремя удержала его Салымхан. Терпеливо выждала она, пока пришельцы закончат свою работу, а потом пригласила их в дом и усадила за стол. Поели гости, попили и тогда только сказали, зачем они пришли.

Всю ночь ломал Ахмат голову, все думал, как бы спасти отца. Да разве спасешь его? Невозможного требуют гонцы.

Наутро решил он созвать весь народ.

– Если не найдете, – говорит, – пятьсот баранов с прямыми рогами и пятьсот баранов с кривыми рогами, пятьсот быков с прямыми рогами и пятьсот быков безрогих, не видать вам больше вашего князя.

Не знает народ, что и делать. Быков с прямыми рогами и баранов с кривыми рогами найти не трудно. А вот где взять баранов с прямыми рогами, а быков без рогов? Таких и на свете нет. Может, согласится Джиаткиар взять вместо них коров – они бывают безрогими, или коз – у них рога прямые.

Пошел Ахмат к гонцам. А те и слушать ничего не хотят.

– Ваш князь, – говорят, – сам пообещал за себя такой выкуп. Уж, наверное, он знал, что говорит.

Так прошло три дня. Но ни одного барана с прямыми рогами, ни одного быка без рогов не нашлось во всем княжестве. Да и откуда им взяться? Нет таких на всем белом свете.

Тогда сказала Салымхан мужу:

– Позволь мне поговорить с твоим народом. Может быть, помогу я невозможное сделать возможным.

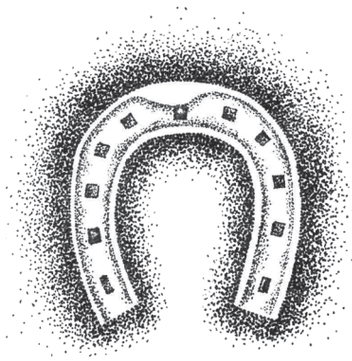
Опять собрал Ахмат своих подданных. Вышла Салымхан к народу и сказала так:

– Да не обрушится ваш гнев на мою голову. Да простятся мне, слабой женщине, слова, с которыми я обращусь к вам, мужчинам. Я хочу помочь вам трудное сделать легким, невозможное – возможным. Вижу я, как бьетесь вы, чтобы выручить старого князя. Только нет вам удачи, потому что не можете вы найти ни баранов с прямыми рогами, ни безрогих быков. Но, благодарение Аллаху, нашему князю этого и не надо. Не об этом он просит. Просит он, чтобы собрали вы храброе войско и чтобы пятьсот воинов были вооружены ружьями – вот вам бараны с прямыми рогами, чтобы пятьсот воинов были вооружены саблями – вот вам бараны с кривыми рогами, и чтобы еще пятьсот воинов были вооружены копьями – вот вам быки с прямыми рогами. И пусть это войско нападет на Джиаткиара и освободит князя силой. А когда наши враги будут побеждены, еще пятьсот человек должны войти в их селение и отнять у них все, что награбили они в наших домах. Этим оружие не нужно – вот почему называет их князь безрогими быками. А чтобы могли вы напасть на разбойников нежданно-негаданно, чтобы не ушли они от вас, велит князь схватить всех гонцов. Тогда не удастся им предупредить Джиаткиара, и будут они так же бесполезны, как бесполезен срубленный ими столб.

Обрадовался народ, услышав слова Салымхан. Часа не прошло, как уж собралось в поход войско. Дня не прошло, а уж вернулось оно с победой. Впереди войска шел сам князь, а позади шли пленные со своим предводителем Джиаткиаром.

Козленок, ягненок, теленок

Раз когда-то один пастух стадо, и отбились от него козленок, ягненок и теленок. К вечеру они сошлись на ночлег в укромном месте. А неподалеку, оказывается, сидели медведь, волк и лиса.

Когда совсем стемнело, медведь и волк послали к козленку, ягненку и теленку лисицу.

Лисица пришла и сказала:

– Меня прислали медведь и волк. Они голодны и требуют, чтобы вы достали им мяса.

Тогда козленок встал и так ответил лисе:

– Мы тоже голодны. Под вечер я пошел искать для своих товарищей местечко для ночлега. До моего прихода они поймали и съели не то волка, не то лису. Я пришел и успел поживиться только одной ножкой, но этого, конечно, мне не хватило, и мои товарищи не наелись. Клянусь, лиса, что у нас не осталось ни кусочка мяса!

Когда лиса услышала эти слова, она сильно испугалась, стала потихоньку пятиться и, улучив момент, прыгнула в сторону и убежала в чащу, так и не показавшись своим приятелям.

Медведь и волк долго ждали лису. Наконец медведь не выдержал и послал волка.

– Сходи, узнай, что там случилось, почему так замешкалась лиса!

Волк пришел к козленку, ягненку и теленку и говорит:

– Вы, видно, зазнались, заважничали? Мы прислали к вам лисицу за мясом на ужин. Почему вы мешкаете и не присылаете нам мяса?

Козленок встал и ответил:

– Вы голодны, и мы тоже голодны. Под вечер я пошел искать для своих товарищей местечко для ночлега. Пока меня не было, они поймали и съели не то медведя, не то волка. Я пришел и успел поживиться только одной ножкой, но этого, конечно, мне не хватило, и товарищи мои

не наелись. Клянусь тебе, волк, что у нас не осталось ни кусочка мяса!

Услышал волк, что тут уже съели одного волка, и стал в страхе потихоньку пятиться. Когда козленок кончил говорить, волк бросился бежать. Убежал он в чащу – так и не показался медведю.

Медведь ждал, ждал своих приятелей и потерял терпение. Отправился он сам к козленку, ягненку и теленку. Пришел и говорит:

– Видно, нет меры вашему нахальству! Я дважды посылал к вам за мясом на ужин. Почему вы не прислали мне мяса?

Козленок встал и ответил:

– Ты голоден, и мы тоже голодны. Под вечер я пошел искать для своих товарищей местечко для ночлега. Пока меня не было, они поймали и съели не то волка, не то медведя. Я пришел и закусил только одной ножкой. Но этого, конечно, мне не хватило, и товарищи мои не наелись. Клянусь тебе, медведь, что у нас не осталось ни кусочка мяса!

Когда козленок сказал, что тут уже съели не то медведя, не то волка, медведь ужаснулся, начал потихоньку пятиться и, опасаясь за свою шкуру, убежал в чащу.

– Эти звери могут с нами опять где-нибудь встретиться, – сказал козленок своим товарищам. – Они опомнятся, поймут, что мы их провели, придут сюда и тогда уж обязательно съедят нас. Давайте уйдем отсюда поскорее!

Не мешкая, отправились козленок, ягненок и теленок в путь. По дороге они увидели кривое дерево и решили на нем заночевать. Козленок и ягненок быстро влезли на дерево и втащили теленка. Теленок был самый неловкий из них, еле-еле держался на дереве.

Тем временем медведь, волк и лиса встретились в лесу. Поговорили они и догадались, что их одурачили. Вернулись они втроем к тому месту, где вечером сидели козленок, ягненок и теленок, но там их уже не было. Тогда звери пошли по их следам и дошли до кривого дерева. Остановились, принюхались и говорят:

– Они где-то совсем близко!

В это время теленок не удержался и полетел вниз.

Козленок тут же закричал:

– А ну-ка, хватай медведя, я справлюсь с волком, а уж с лисицей разделается и наш младший брат!

И козленок изо всех своих сил застучал рогами и копытами по дереву. Медведь, волк и лиса решили, что на дереве засели какие-то страшные чудовища, струсили и убежали.

Только их и видели.

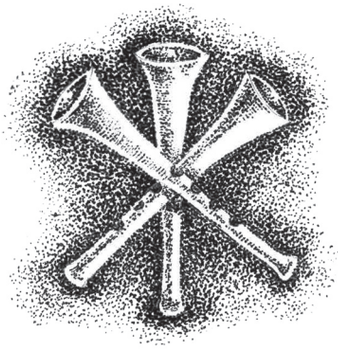

АВАРСКИЕ СКАЗКИ

Много знает не много живший,
а много видевший.

Морской конь

ил в давние времена человек, и было у него три сына. Каждый день приходили они рано поутру к отцу узнать, здоров ли он, не нужно ли ему чего-нибудь.

Вот раз пришли они и увидели его в великой печали.

– Что с тобой, отец? – спросили сыновья. – Огорчили тебя дурные вести или беда какая случилась? Отчего ты такой невеселый?

– Не было дурных вестей, и беды со мной тоже не случилось, – ответил отец. – Не дает мне покоя сон, который видел я в эту ночь. Снилось мне, что взошло над морем солнце, а вслед за ним выплыл на морской берег снежно-белый конь. В один миг обежал он трижды вокруг земли и снова канул в море, а вслед за ним на дно морское упало и мое сердце. С того часа, как увидел я этот сон, не мил мне стал дом наш и весь свет. Хочу добыть этого коня!

– Успокойся, отец! – сказали сыновья. – Мы поедем за этим чудом и не вернемся, пока его не добудем.

Они вскочили на коней и поехали. В полдень третьего дня очутились братья на перекрестке трех дорог и увидели камень, на котором были высечены такие слова: «Кто пойдет направо – будет жив. Кто пойдет налево – тоже будет жив. Кто прямо пойдет – или счастье найдет, или сам пропадет».

Старший брат поехал по правой дороге, средний повернул налево, а младший погнал коня напрямик.

– Зачем ты едешь по этой опасной дороге? – закричали братья. – Поезжай с нами!

– Нет, – ответил тот. – Будь что будет... Если погибну, расскажите отцу, как расстались.

И поскакал, не оглядываясь, по прямому пути. Ехал он, ехал... Ехал днем, ехал ночью, оставил позади бурные реки, перевалил через одну нашу гору и через две чужие, миновал три долины и пять ущелий, а тропинкам и счет потерял. Наконец доехал до дремучего леса. Плутал он в этом лесу день, плутал неделю, плутал месяц, плутал год, но ни следа человеческого, ни жилья, ни выхода из леса найти не мог.

Голод и жажда измучили его, одежда на нем износилась и висела клочьями, конь его пал, а боевой меч покрылся ржавчиной.

И вот, когда юноша уже совсем отчаялся, он увидел на земле след человеческой ноги: длиной в три аршина, шириной в аршин. Юноша не побоялся, пошел по следу.

Лес перед ним расступился, и он вышел на большую поляну, посреди которой стоял дворец, высокий, до самого неба.

Юноша вошел во дворец и увидел великаншу, старуху Карт, которая дремала у очага. В одно мгновение подбежал он к ней и коснулся губами ее груди – в знак того, что хочет быть ее сыном.

– Ну и хитер же ты! – сказала старуха Карт. – Теперь, по нашему обычаю, ты стал моим названым сыном, а я – твоей матерью. Не сделай ты этого, пришлось бы тебе худо. Откуда ты и что тебе надо?

Юноша рассказал ей о снежно-белом коне.

Старуха Карт задумалась:

– Такой конь действительно есть. Это конь Морского шаха, что живет на дне моря. Каждый день с восходом солнца выплывает конь на сушу, в один миг трижды обегает вокруг света, купается по пути в молочном озере, валяется на белом песке и снова уходит под воду... Там, на морском берегу, где он резвится, стоит чинара. Она так высока, что достигает вершиной до самого неба, а на вершине ее висят золотое седло и серебряная уздечка. Кто поймает морского коня и наденет на него эту сбрую, тот и будет ему хозяином.

Старуха Карт накормила юношу, дала ему одежду, оружие, доброго коня и показала дорогу к морю.

Ехал он долго, ехал он трудно, ехал днем, ехал ночью. Приехал наконец на берег моря, снял с чинары золотое седло и серебряную уздечку, вырыл в песке яму и спрятался в ней.

До восхода солнца он не сомкнул глаз. Когда стало светать и солнце поднялось из-за тихого моря, юноша увидел, как вслед за солнцем выплыл из морской пучины снежно-белый конь.

Вмиг обежал тот конь трижды вокруг земли, искупался в молочном озере и стал валяться на белом песке.

Вскочил тогда юноша на коня и обвился вокруг его шеи.

Морской конь подпрыгивал до самых облаков, а потом ударялся о берег. Земля дрожала под его копытами, но юноша крепко держался руками и теснее прижимался к шее коня. Так длилось до глубокой ночи.

– Ты победил! Теперь я твой навеки, – сказал наконец конь человечьим голосом. – Оседлай меня, надень уздечку – я повезу тебя, куда ты захочешь.

Юноша оседлал коня золотым седлом, надел на него серебряную уздечку и сказал:

– Отвези меня к моему отцу!

Вдруг среди ночи стало светло как днем. Юноша удивился: «Что это светится?».

Они поехали на свет и увидели на маленькой поляне золотое перо, сверкавшее подобно солнцу.

– Какое красивое перо! – воскликнул юноша. – Взять его или нет, как ты думаешь?

– Не возьмешь – пожалеешь. Возьмешь – раскаешься, – ответил ему морской конь.

– Уж лучше взять да каяться, чем не взять и жалеть, – сказал юноша.

Поднял перо, воткнул его в шапку, и они отправились дальше.

Вскоре они увидели большой город, которым правил Кривой шах. Крепкие стены окружали город, и все ворота были закрыты на ночь.

Конь напился из родника у городской стены и попросил:

– Пусти меня на траву. А когда понадоблюсь, кликни только – и хоть буду я за семью горами, мигом явлюсь к тебе.

Юноша отпустил коня, спрятал перо в карман, накрылся буркой и уснул, как человек, который не спал шесть ночей.

А жители того города, увидев, что ночь вдруг стала светлой как день, а потом опять потемнела, бросились к Кривому шаху и рассказали ему об этом чуде.

Кривой шах испугался еще больше, чем его подданные, и велел поставить на городской стене сто дозорных. Всю ночь не сомкнул он глаз от страха.

Едва стало светать, Кривой шах выслал на разведку отряд всадников, вооруженных, как для битвы. Они увидели юношу, разбудили его и повели во дворец.

– Тебя нашли спящим у городской стены, – сказал шах. – Не знаешь ли ты, что это сияло сегодня ночью, словно солнце, а потом вдруг погасло?

– Знаю, – сказал юноша и вынул из кармана золотое перо.

Руки у шаха затряслись от жадности. Он схватил перо и велел спрятать его в свою сокровищницу.

– Теперь принеси мне птицу, которая уронила золотое перышко! – закричал шах. – Я хочу владеть этой птицей!

– Пошли своих слуг, о шах! – ответил юноша. – Я тороплюсь домой. Меня ждет не дождется отец...

– Ты просто трус! – и шах в ярости затопал ногами. – Ты трус, и глашатаи мои прокричат об этом по всему свету!

Обиделся юноша. «Постой же, – подумал он, – покажу я тебе, какой я трус!».

Пошел юноша в поле, стал звать морского коня.

Откуда ни возьмись вырос перед ним снежно-белый конь.

– Что ты так печален? – спросил конь у хозяина.

– Пообещал я Кривому шаху поймать птицу, которая уронила золотое перо, да не знаю, где ее искать.

– Не печалься, – сказал морской конь. – Было бы все у нас и впредь так же легко. Помнишь озеро, где я купался?

– Помню, – ответил юноша.

– У морского шаха есть три дочери, – продолжал конь – Каждый день превращаются они в голубей и прилетают купаться в этом озере. Перышко, которое мы с тобой нашли, уронила из своего крыла младшая дочь. Ты притаись в кустах на берегу. Когда морские царевны прилетят купаться и сбросят на песок оперение, возьми оперение младшей, спрячь за пазуху. Девушка будет плакать, но ты не отдавай ей оперение, и тогда она пойдет за тобой всюду.

Обрадовался юноша, сел на коня, и конь одним прыжком перенес его к озеру. Спрятался он в кустах и стал ждать.

Наступил полдень, прилетели три голубя. Вот они сбросили на песок золотое оперение и превратились в девушек-красавиц. А когда они вошли в воду, выскочил юноша из кустов и схватил оперение младшей дочери. Девушка заплакала, но не смогла разжалобить юношу, который спрятал перышки за пазуху, как велел ему конь. А две старшие сестры обратились в птиц и стали кружить над младшей.

– Сестрицы, – закричала младшая со слезами, – пришло время нам расставаться!.. Принесите мой сундучок с одеждой!

Не успел юноша оглянуться, как голубки прилетели с сундучком, бросили его на берег озера и взвились в синее небо. Девушка оделась.

Юноша вскочил на коня, посадил ее позади себя в седло, и отправились они в путь.

– Куда мы едем? – спросила красавица.

– Мы едем к Кривому шаху. Он грозился объявить меня трусом, если я не вернусь, – ответил юноша.

– Не хочу я к нему ехать! – закричала девушка.

– А я не хочу прослыть трусом! – возразил юноша.

И пока они так говорили, добрый конь уже прискакал к тому самому городу, где правил Кривой шах.

– Вот, – сказал юноша. – Теперь ты, шах, не посмеешь сказать мне, что я трус! Птица, роняющая золотые перья, перед тобой!

Увидел Кривой шах морскую царевну и захотел жениться на ней.

– Ты мне в деды годишься, – сказала морская царевна. – Был бы ты молодым, я бы еще, может, подумала...

– Как же мне стать молодым? – закричал шах. – Научи меня!

– Вели выкопать за городом колодец глубиной в шестьдесят аршин, – сказала девушка, – наполни его молоком красных коров, искупайся в том молоке, и ты превратишься в юношу!

– Что за выдумки! Во всем моем царстве не найдется столько красных коров! – рассердился Кривой шах.

– Вот, возьми, – сказала красавица и бросила ему маленький красный платочек. – Пошли кого-нибудь вон на ту высокую гору. Пусть встанет там и махнет этим платком.

Только поднялся человек на вершину высокой горы и взмахнул красным платочком, как отовсюду стали сбегаться к городу красные коровы. Пока морская царевна доила их, слуги шаха выкопали колодец глубиной в шестьдесят аршин и все молоко вылили в колодец.

– Ну что ж, купайся! – сказала царевна.

Но Кривой шах испугался – колодец-то глубиной в шестьдесят аршин...

– Вот как? Да ты сам, оказывается, трус! – засмеялась красавица.

Обиделся Кривой шах на эти слова, прыгнул в колодец и как кусок свинца пошел ко дну. Там, говорят, он и до сих пор лежит.

А юноша попрощался с жителями города, которые очень были рады, что Кривой шах утонул, сел на морского коня и поехал с морской царевной к отцу.

Ехали они не спеша и вот однажды остановились на ночлег в маленьком селе. Они были голодны, и юноша пошел купить лепешек из

пресного теста – чуреков. Вдруг бедный человек, у которого покупал он чуреки, бросился обнимать его.

Это, оказывается, был старший брат, который поехал направо. Он не нашел коня, а вернуться домой с пустыми руками постыдился и жил теперь тем, что пек и продавал чуреки.

Юноша купил старшему брату одежду, оружие, коня, и они поехали дальше уже втроем. Ехали не торопясь, дней не считая, и остановились в маленьком городке отдохнуть. Там встретили они среднего брата, который отправился по левой дороге. И он не нашел коня и теперь жил тем, что продавал на базаре холодную воду.

Младший брат купил среднему одежду, оружие, коня, и уже вчетвером поехали они напрямик к отцовскому дому.

Но чем ближе подъезжали к родным местам, тем сильнее завидовали удачливому младшему брату неудачливые старшие братья и между собой потихоньку говорили так:

– Как будем мы дальше жить на свете? Как покажемся мы на глаза нашему отцу? Нет, нет! Надо как-нибудь избавиться от этого мальчишки, и тогда конь и дочь Морского шаха достанутся нам.

– На нашем пути, я знаю, будет глубокая пропасть, – сказал старший брат. – Как станем подъезжать к ней, давай предложим нашему удальцу скакать на спор: чей конь быстрее. Его конь, конечно, вырвется вперед и упадет в пропасть.

На том и порешили.

Вот стали они подъезжать к пропасти, и старшие братья сказали младшему:

– Давай скакать на спор, посмотрим, чей конь быстрее.

– Вы что, шутите? – удивился юноша. – Мой конь может трижды в один миг обежать вокруг света. Как же вам тягаться со мной?

– Ничего! – отвечали старшие. – Зато мы увидим, как скачет твой конь.

И они поскакали.

Морской конь, звеня подковами, вихрем помчался к пропасти и остановился как вкопанный у ее края. Юноша не усидел в седле и полетел головой вниз, в пропасть, а дочь Морского шаха свалилась наземь.

Кинулись братья ловить морского коня, но едва протянули к нему руки, как он уже скрылся из глаз.

Приехали старшие братья в родной город, заперли морскую царевну на замок и пошли к отцу.

На одну ложь громоздили они десять, на десяти строили сто, рассказывали ему о своей ловкости и удали.

– А коня, которого ты видел во сне, отец, – закончили они свой рассказ, – нет на свете. Не осталось такого места на земле, где бы мы ни искали его.

– Не надо мне коня! Скажите, где ваш младший брат? – спросил отец.

– Он поехал один по опасной дороге. Не послушался нас, – ответили братья, – и погиб, наверное, в пути.

Велико было горе отца. Он оделся в черные одежды, и все соседи оплакивали вместе с ним гибель отважного юноши. А старшие братья то и дело посылали свах к дочери Морского шаха, и каждая сваха расхваливала своего жениха.

– Пусть берегутся эти обманщики! – отвечала свахам царевна. – Я сама знаю, за кого выйду замуж!

И она смотрела в окно, у которого сидела целые дни, не сводя глаз с проезжей дороги.

Однажды рано утром дочь Морского шаха увидела наконец, как кружится вдали морской конь, грызет удила и косит на нее огненным глазом. Она махнула ему рукой, и тотчас морской конь стал у нее под окном.

– Где твой хозяин? – спросила она.

– Ты же знаешь, в пропасть свалился, – ответил конь.

– Мы должны спасти его! – воскликнула дочь Морского шаха.

– Накинь мне на шею веревку подлиннее, – сказал конь, – я вытащу его из пропасти.

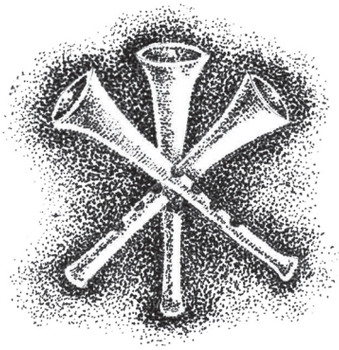
У красавицы не было веревки. Она обрезала свою золотую косу, свила из нее длинную веревку и набросила на шею коня. В тот же миг конь очутился у пропасти и опустил золотую веревку на самое дно. Юноша схватился за нее, выбрался на белый свет, сел на морского коня и поскакал в родной город.

А старшие братья как услышали знакомый звон подков, пустились наутек, один – на запад, другой – на восток. И до сих пор еще, пожалуй, бегут.

Так храбрый юноша добыл своему отцу снежно белого морского коня и женился на красавице – дочери Морского шаха.

Свадьба была очень веселая! Дули в кожаную флейту-зурну, били в медный барабан. Кто бы ни пришел, уходил сыт и пьян. Говорят, и сейчас еще пьют и едят.

Уф

ил на свете бедняк со своим сыном. И этот сын пас телят. Однажды – дело было под вечер – пришел сын и говорит:

– Отец, надоела мне бедность! Ни одного дня сытого и радостного! Завтра, как пойду я к телятам, ты отправляйся сватать за меня ханскую дочь.

– Ты что, взбесился, что ли? Пойдет ханская дочь за телятника! Об этом не то что говорить, об этом и мечтать нельзя! – раскричался отец.

– Можно! – настаивал сын. – Если ты не пойдешь сватать за меня дочку нашего хана, я тебе не сын, ты мне не отец.

Рано утром пошел молодец к телятам. Отец же и не подумал идти к хану. Под вечер, вернувшись домой, сын спросил его:

– Ходил ты сватать мне ту девицу или не ходил?

– Полно говорить глупости! Заботься лучше о телятах! – ответил отец.

Тут же собрал сын свои вещи и хотел покинуть родной дом. Насилу удержал его отец. Тогда сын сказал ему:

– Если ты и завтра не пойдешь, оставайся дома один, а меня ты больше не увидишь.

Встав поутру, сын пошел к телятам, а старик, почесывая в затылке, поплелся к хану, но войти побоялся и все только ходил взад и вперед пред дворцом. Однако хан его увидел. «Вероятно, на пропитание пришел просить этот бедняк», – подумал хан и дал старику мерку муки и бараний бок.

Пришел сын под вечер и спрашивает отца:

– Ходил ты или нет?

– Ходил, сын мой! Вот муку принес и бараний бок. Это для нас полезнее, чем ханская дочь, – сказал отец.

Огорчился сын. Утром, уходя к телятам, сказал отцу:

– Если и на этот раз ты не исполнишь мою просьбу, не видать тебе сына.

Поутру поплелся старик, ахая и охая, к ханскому дворцу, и опять увидел его хан.

– Что тебе надо, старик?

– Есть у меня сын, о великий хан, он пасет телят. Не знаю, с ума он сошел, что ли, только вот уже дня три не дает мне покоя, все требует, чтобы я сватал за него твою дочь. Казни меня тут же, я не знаю, что делать.

– Зачем же тебя казнить, старик? Лучше посмотрю, на что способен твой телячий пастух. Если он превосходит других в искусствах или смышленостью, то я отдам за него дочь.

С этим ответом вернулся старик домой. Пришел и сын. Все рассказал ему отец.

– Пока я еще не знал никакого искусства. Но все узнаю, хотя бы мне пришлось пойти на край света! Завтра же приготовься и ты идти вместе со мной! – сказал сын.

– Что же мы сделаем с телятами? Ведь хозяева нас не отпустят! – возразил отец.

– Телят пусть съедят волки, а хозяева пусть подохнут от горя. Не о них у меня теперь забота! – отвечал сын.

Встав рано утром, они пошли и шли, пока не дошли до холма. Сильно устал старик, сел и вздохнул.

– У-у-ф-ф!...

Вдруг холм раскололся надвое, и из него выскочил неизвестный.

– Что тебе надобно? Зачем ты звал меня, старик? – спросил он.

– Не звал я тебя! Я сказал «уф!», потому что устал, – ответил старик.

– А мне показалось, что ты зовешь меня! Ведь мое имя – Уф, – сказал неизвестный, и они разговорились.

Узнав, в чем их дело, Уф сказал старику:

– Оставь у меня своего молодца на год учиться искусству и смышлености. Выше меня нет искусника на свете. А через год приходи за сыном.

Молодец согласился и ушел под землю вместе с Уфом, а старик вернулся домой.

Огляделся молодец вокруг, видит: серебряные дворцы и хрустальные башни, а в одной из башен сидит дочь Уфа, подобная райской деве – гурии. И ей сказал отец:

– Я лягу немного отдохнуть, а ты хорошенько угости этого молодца.

С первого же взгляда полюбили друг друга наш молодец и девица.

И она сказала молодцу:

– Отец начнет учить тебя искусству и смышлености. После каждого урока он будет тебя спрашивать: «Понял или нет?» Смотри, если поймешь, говори: «Нет». Если скажешь, что понял, он убьет тебя. Он уже этак многих убил. Отец не хочет, чтобы кто-нибудь познал его искусство.

Начал Уф учить молодца.

После каждого урока он спрашивал:

– Понял или нет?

И молодец всегда отвечал: «Нет». Между тем он очень скоро стал во всем превосходить своего учителя.

Прошел год, и отец пришел за сыном. Холм раскрылся, и вышел из него Уф, а за ним и юноша. И сказал Уф старику:

– Сын твой оказался безмозглым дураком. Целый год я учил его понапрасну. Забирай его, самое высокое искусство для него – пасти телят!

Дорогой старик стал бранить сына:

– С таким видом и с таким умом ты хотел набраться мудрости, научиться искусству и жениться на ханской дочери?! Думал бы лучше о своих телятах да о том, как бы поесть досыта. Тогда бы и мне, старику, было меньше хлопот и горя.

Едва лишь успел отец вымолвить эти слова, как сын превратился в серого жеребца, заиграл перед ним и заржал. А затем, приняв снова свой обычный вид, сказал:

– Что это, по-твоему, искусство или нет?

– Искусство, сын мой, искусство! – ответил пораженный отец.

Подобным же образом сын превратился и в серебряного ястреба, и в златогривого оленя, и еще много раз менял свой облик. Наконец, приняв свой обычный вид, он сказал отцу:

– Самого Уфа превзошел я во всем. Знай это, но не говори никому. В ближайший базарный день я превращусь в жеребца. А ты выведи меня на базар и продай. Но смотри не продавай с недоуздком. Не успеешь дойти до дому, а я уже буду сидеть у очага.

И действительно, в базарный день молодец превратился в серого жеребца, и отец повел его на базар продавать. Получив за него триста червонцев-туманов и наполнив карманы деньгами, старик вернулся домой, а сын сидит перед очагом.

На второй базарный день превратился молодец в гнедого жеребца, и отец снова повел его продавать. Продав за ту же цену, вернулся старик домой, а сын сидит перед очагом.

На третий базарный день превратился молодец в вороного жеребца, и повел его отец на базар.

И тут торопливой походкой подошел к нему незнакомец. Это был Уф, но в ином облике.

– Какая цена?

– Триста туманов.

Отдав деньги, незнакомец стал уже уводить коня.

– Недоуздок отдай, с недоуздком не продаю, – сказал старик.

– Сто туманов прибавлю, оставь мне недоуздок, – сказал незнакомец.

Не согласился старик.

– Двести дам.

Не согласился старик.

Наконец, когда тот предложил триста туманов, старик, обезумев от жадности и не зная сам, что делает, продал коня с недоуздком. Покатились слезы из глаз коня. Сел на него Уф, стегнул, погнал и приехал к своему холму. Холм раскололся, и вошел он внутрь, держа коня за повод, и позвал дочь. Она вышла и сразу узнала молодца.

– Дай мне меч, я изрублю его! – сказал Уф.

Дочь Уфа вошла в дом, закинула меч подальше, ножны бросила во двор и крикнула:

– Нет нигде меча, отец! Одни лишь ножны.

– Хоть копье дай, – сказал Уф.

Дочь спрятала стальной наконечник, а древко копья выкинула во двор и закричала:

– Наконечника нет, отец, одно лишь древко!

Отдал Уф повод дочери, а сам пошел в дом искать оружие.

Сняв недоуздок, девица отпустила коня, и он тотчас улетел, превратившись в сизого голубя.

– Вырвался, отец, вырвался! – закричала дочь.

– В каком виде, в каком виде? – допытывался Уф, выбежав во двор.

– В голубя превратился, – сказала дочь.

Превратившись в белого кречета, взвился вслед за ним Уф. Так и летели: впереди голубь, за ним кречет.

Влетев в окно дворца, сел голубь на руку хану, а на подоконник, хлопая крыльями, сел кречет. Протянул хан голубя кречету – в красное яблоко превратился голубь, в старика с белоснежной бородой обернулся кречет. Протянул хан яблоко старику – мелким просом рассыпалось оно, а старик превратился в наседку с пятью цыплятами. Начали и птенцы, и наседка клевать просо. Клевали, клевали, осталось всего одно зерно. Захотела наседка клюнуть и его, да зерно превратилось в толстого кота, и кот оборвал головы и матери, и птенцам.

Тут, приняв свой прежний вид, молодец сказал хану:

– Искусство это, повелитель, или нет?

– Искусство, молодец, да еще какое!

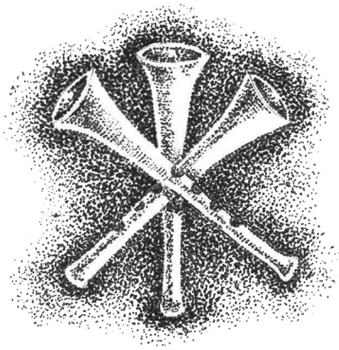
– Коли это искусство, выдавай теперь за меня свою дочь. Ведь ты слово дал! – сказал молодец.

Ну, хватит. Хорошо слово короткое, а веревка длинная. Женился молодец сначала на ханской дочери, а потом и на дочери Уфа.

А я, когда узнал это, пришел сюда вам все рассказать.

Верная жена

ил, не жил один славный бахарчи[1]. Когда он женился, то в первую ночь не пошел к невесте, а на второй день велел ей собрать его в дорогу. Удивилась невеста, но молча повиновалась. Бахарчи уехал и вскоре попал в большой аул, где в ханском дворце играли пышную свадьбу. На улицах глашатаи выкрикивали ханский указ: кто не придет на свадьбу, будет убит. Бахарчи вместе со всеми отправился на пир, но по дороге встретил одного старика, который дал ему совет не пить первый рог.

– А что меня ожидает, если я не последую твоему совету? – спросил бахарчи.

В первый раз ты должен будешь побороть самого сильного ханского воина-телохранителя – нукера, иначе тебе отрубят голову. Если же ты и второй раз осмелишься выпить первый рог, то должен будешь победить в джигитовке, иначе тебе отрубят голову. Но самое плохое случится, если ты первым осушишь рог в третий раз. Тогда испытают верность твоей жены, и если она изменит, то тебе не сносить головы.

Поблагодарил бахарчи старика и пошел на свадьбу, в круг молодежи.

Вскоре тамада налил полный рог вина и предложил выпить, но никто не осмелился принять его. Долго длилось неловкое молчание. Наконец бахарчи встал и залпом осушил рог.

После этого все повеселели и начался пир.

После пира бахарчи пошел ночевать к старику.

– Ну как, сынок, послушался моего совета? – спросил тот.

– Нет, отец, не мог же я отказаться от чести выпить первый рог, – ответил бахарчи.

---

[1] *Мóлодец.*

Пожурил его старик и долго уговаривал на следующий вечер не поднимать рога первым.

Но и на второй день бахарчи оказался единственным смельчаком и первым выпил рог с вином.

Узнав об этом, старик огорчился еще больше и долго уговаривал бахарчи хоть в третий раз не совершать безрассудного поступка. Но и в третий раз не выдержал бахарчи и первым осушил рог. А после этого его сразу же взяли под стражу.

На следующее утро на базарной площади собралась большая толпа. И вот привели бахарчи и самого сильного ханского нукера, и стали они бороться. Не успели они сойтись, как бахарчи высоко подбросил нукера и уложил его на лопатки.

Затем начались скачки. И тут бахарчи на своем коне обогнал лучшего джигита, который выехал на самом резвом ханском коне-аргамаке.

И опять бахарчи взяли под стражу, а к его жене отправили ханского сына и министра – везира, известного красавца и гуляку.

Приехали они к жене бахарчи, выдали себя за друзей-кунаков ее мужа, передали от него привет и попросились на ночлег.

– Входите, кунаки. Ведь сказано: да не будет дня без гостя! – приветствовала она гостей.

Жена бахарчи хорошо накормила их и уложила спать в самой лучшей комнате. Но она заметила, что гости шушукались, и почувствовала недоброе. Поэтому она легла на постель служанки, а служанку уложила на свою постель.

Ночью гости подкрались к служанке, сорвали у нее с пальца кольцо, отрезали косу и убежали. Прибежавшая на шум хозяйка увидела плачущую служанку и поняла, что ее хотели опозорить. Тотчас она оседлала коня, оделась в одежду мужа, взяла его оружие и поскакала вдогонку.

Вскоре она достигла беглецов, напала на них с шашкой в руках и заставила сдаться. Потом она под угрозой смерти приказала им раздеться и голыми погнала к хану. Возле родного аула оба упали на колени и в слезах попросили вернуть одежду.

– Мы согласны на все, – молили они, – только верни нам одежду. Ведь мы входим в свой аул!

– Ладно, – ответила жена бахарчи, – так и быть, но я поставлю на вас свое клеймо.

Ханский сын не соглашался, но везир стал его уговаривать:

– Кто узнает об этом клейме? Нельзя же нам идти домой голыми, уж лучше согласиться.

Девушка накалила свое клеймо и заклеймила ханского сына и везира так, как обычно клеймят рабов. И пришлось им обоим нести домой метку позора.

Услыхав о том, что сын хана и везир вернулись, народ начал собираться на базарную площадь. Вскоре стражники привели бахарчи, а потом вышел хан со своими приближенными и начал расспрашивать сына и везира.

– Что вы можете поведать нам о благочестии жены этого молодца? – спросил хан.

В ответ сын и везир вытащили отрезанную косу и перстень и сказали:

– Это вещи его жены, наш хан!

– Отрубить голову смельчаку! – приказал хан и собрался покинуть площадь.

Но в это время перед ханом предстал красивый юноша.

– Выслушай меня, хан, прежде чем казнить этого человека.

– Ну, говори, только коротко. Мне некогда, – недовольно проворчал хан.

– Я ищу двух беглых рабов, – сказал юноша, – они находятся здесь.

– Кто они, укажи.

– А вот они, – и юноша указал на сына хана и везира.

Тут поднялась суматоха, воспользовавшись которой везир и сын хана хотели убежать. Но их схватили и вытолкнули на середину площади.

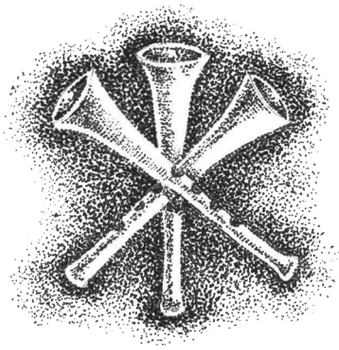
Не хотелось хану при всем народе раздевать сына и визиря, но пришлось уступить требованиям собрания – джамаата. И все увидели, что визирь и ханский сын заклеймлены.

– Эти два жалких лгуна вовсе не соблазнили жену бахарчи, – сказал юноша. – Они всего-навсего воровски отрезали косу служанке и похитили ее кольцо. Настоящая его жена перед вами, и вот мое кольцо!

С этими словами юноша снял папаху, и все увидели золотистые косы.

Тогда бахарчи бросился обнимать свою жену, и ни стражники, ни нукеры не смогли его удержать. А хан быстро увел опозоренных сына и везира во дворец.

Сыновья мельника

ил-был мельник.

Мельница была хорошая, мельник отлично знал свое дело и никогда не жаловался на судьбу. А борода у него всегда была в муке.

Когда он умер, мельница досталась трем его сыновьям. Между ними возник спор: как быть с мельницей? Два старших сказали, что ее нужно разделить. Младший считал, что надо все оставить как есть и работать всем троим вместе.

И все-таки мельницу разделили на три части. Старший брат должен был первый выбрать себе любую часть.

– Не хочу я ходить как наш отец – с бородой в муке, – сказал он и выбрал себе не мельницу, а мельничную канаву.

– И я не хочу ходить с белой бородой, – сказал средний брат и выбрал себе крышу.

Сама же мельница со всем, что в ней было, досталась младшему брату.

– Пусть будет борода в муке, а брюхо сытым, – сказал младший и взял то, что ему досталось после дележа.

Старший почистил канаву, средний починил крышу, а младший молол зерно и собирал плату за помол.

Долго так работали три брата. Но потом старший понял, что поступил безрассудно, выбрав себе канаву: ведь все доходы от мельницы доставались младшему брату. Ничего никому не сказав, он бросил лопату, которой чистил канаву, и ушел куда глаза глядят.

Шел он, шел, одно селение прошел, другое осталось позади, прошел через перевал и дошел до ущелья.

На краю ущелья лежал дракон.

– Здравствуй, дракон! – сказал он и подошел поближе.

– Если бы ты меня не поприветствовал так вежливо, я проглотил бы тебя, – ответил дракон.

Потом посмотрел на юношу и спросил, знает ли он сказки или песни. А тот сказал, что не знает ничего.

– Я слышал, что людей, которые не знают ни сказок, ни песен, съедают звери, – сказал дракон и проглотил его одним махом.

Среднему брату тоже надоело чинить крышу, и, отправившись по той же дороге, что и старший, он тоже угодил в брюхо к дракону.

Теперь уже младший не мог спокойно усидеть дома. Он остановил мельницу, отвел воду в сторону и отправился разыскивать братьев. И попал он в те же места, где они погибли, и тоже встретился с драконом.

– Здравствуй, дракон, и пусть мое приветствие будет таким же большим, как ущелье, в котором ты живешь! – сказал младший брат.

– Если бы не твое приветствие, я бы сразу тебя проглотил, – услышал он в ответ.

Потом дракон задал ему все тот же вопрос:

– А знаешь ли ты песни или сказки?

– Как не знать? Знаю песни, знаю сказки, знаю многое другое. Хочешь, спою, или расскажу, или сделаю что-нибудь по твоему желанию, – гордо ответил молодой мельник.

– Ну, коли так, расскажи сказку, – сказал дракон.

– Расскажу, но при одном условии: пока я буду рассказывать, ты не вымолвишь ни одного слова и не скажешь ни да, ни нет. Если же случайно заговоришь, я сдеру с тебя полосу кожи шириной в локоть, – сказал мельник.

Дракон согласился, а мельник начал:

– Я имел пятьдесят кобылиц. В тот год была сильная засуха, высохла вся трава. Кобылицам страшно хотелось пить, и я отправился с ними к реке. Река была покрыта льдом. И кобылы даже близко не захотели к ней подойти. Тогда я вынул из-за пояса топорик и вырубил во льду прорубь. Потом я снял с плеч свой череп и напоил из него пятьдесят кобылиц. «Если реке так холодно, как же должны мерзнуть у нее ноги?» – подумал я и пошел к устью. Там я набрал немного валежника и развел костер. И случился от этого костра большой пожар, загорелись река и речные камни. Тогда я вернулся к тому месту, где оставил свой череп и топор. Оказалось, топор сгорел, а топорище и череп уцелели.

Когда мельник рассказал все это, дракон хотел было что-то сказать, но вовремя вспомнил об условии и промолчал.

– Топорищем я срубил несколько деревьев и сделал арбу. Этим же топорищем я убил двух оленей, съел мясо, а шкуры развесил на деревьях и ушел. Потом, в один прекрасный день, я снова пришел на это место и увидел двух дерущихся пчел. Они мне сказали, что поспорили, кто из них принесет больше меду, и подрались. «Этот спор можно разрешить и без драки, – сказал я. – Несите мед, а я посмотрю, кто принесет больше!» Пчелы стали носить мед, обгоняя друг друга. За несколько дней они натаскали столько, что оленьи бурдюки наполнились до краев. Тогда я сказал им, что они заготовили одинаковое количество меда и спорить не о чем. Недолго думая, запряг я пчел в арбу, положил на нее бурдюки с медом и сам сел, и они покорно повезли арбу – мне даже ни разу не пришлось хлестнуть их кнутом. Вдруг одна пчела остановилась. Тогда я сразу поднял кнут, чтобы стегнуть ее. Но, к несчастью, одним концом кнутовища я задел землю, и меня подбросило вверх, прямо к небесам. Но я успел ухватиться за небесный свод и долго висел, пока не увидел внизу стог сена. На него я и спрыгнул.

Дракон терпеливо молчал, но когда дело дошло до прыжка с небес, он не выдержал.

– Ну и здорово же ты врешь! – вырвалось у него.

– Вот теперь-то я сдеру с тебя кусок кожи шириной с локоть! – закричал мельник и приступил к делу.

И как только содрал он у дракона полосу кожи с живота, увидел в брюхе у него своих братьев. Они были худые и бледные, но еще живые. Он вытащил их, и они все трое вернулись на мельницу и стали работать вместе.

Храбрый кот

ил-был кот. В молодости он приносил пользу своим хозяевам – ловил мышей, играл с детьми. А когда кот постарел, хозяева решили от него избавиться.

Узнав об этом, кот ушел из дома и ночью пришел в лес. Вдруг он почуял приятный запах мяса. Вскоре кот нашел нору, где лежало мясо, полакомился и улегся на мягкую подстилку из сухих листьев, мурлыча от удовольствия. Лежал он спокойно, только усы его грозно шевелились. А это была лисья нора. Когда лиса вернулась, она увидела страшного незнакомого зверя. Он рычал и грозно шевелил усами.

– Что за диво! – воскликнула лиса. – Много лет живу на свете, а такого чудовища еще не встречала. Лучше уйти подальше от беды, – и перепуганная лиса бросилась прочь.

Бежит лиса по лесу, а навстречу ей волк.

– Что с тобой, лиса?

– Да вот, забрался в мою нору страшный зверь, видимо, очень опасный. Он грозно рычит и шевелит усами. Как здесь не убежать!

– А ну-ка пойдем со мной, я убью этого непрошеного гостя, – сказал волк, и они повернули обратно.

Подошли они поближе к норе, и тут волк впервые увидел кота. Глаза у кота зеленым огнем горят, усы угрожающе шевелятся, и он ужасно рычит: «мрр-мрр!»

– Ну и зверь! – воскликнул волк. – Такого я никогда не видел. Давайка, лиса, убежим, пока целы.

Бросились они наутек и встретили медведя.

– Что с вами случилось? Расскажите мне, – важно сказал медведь.

Волк и лиса рассказали ему про страшного зверя.

– Глупости! – воскликнул медведь. – Я его тотчас прогоню. Ведите меня скорее.

Подошли они к лисьей норе. Волк с лисой в сторону жмутся, а медведь сунулся мордой прямо в нору. Кот страшно зарычал и вцепился когтями медведю в нос. Заревел медведь и бросился бежать, а за ним лиса и волк.

Бегут звери, а навстречу им дикий кабан.

– Что это вы бежите? Кто вас так напугал?

– Беда случилась, беда. Поселился в лисьей норе страшный зверь, пробовали его прогнать, но уж больно он свиреп. Даже на медведя набросился.

Посмотрел кабан на окровавленную морду медведя и говорит:

– Не беспокойтесь, уж я-то мигом прогоню чудовище, ведите меня.

И все четверо повернули обратно. Впереди кабан, за ним лиса, за лисою волк, а последним плелся медведь, мотая опухшей мордой.

Заглянул кабан в нору и увидел страшного зверя, глаза горят, усы шевелятся, да еще и рычит: «мрр-мрр!». Вцепился кот острыми когтями кабану прямо в нос и злобно зашипел. Кабан завизжал как поросенок и бросился бежать, а за ним остальные звери.

Наконец они остановились и стали думать, как же избавиться от ужасного гостя. Лиса предложила:

– Давайте сделаем вид, что мы с ним примирились. Пригласим его в гости, напоим, накормим и убьем.

Звери согласились, но никто не хотел идти приглашать гостя. Спорили они, спорили и решили послать лису – ведь она хитрее всех на свете да и говорить умеет сладко. Тем временем волк добыл еду, медведь дрова, кабан приступил к стряпне. Когда все было готово, лиса пошла за гостем. Другие же звери побоялись встречи с котом и спрятались кто где – волк в кустах, медведь на дереве, а кабан в теплой луже.

Вскоре пришли кот и лиса и начали пировать. Вдруг в кустах раздался слабый шорох. «Уж не мышь ли это?» – подумал кот и мгновенно прыгнул в кусты, где скрывался волк. От неожиданности волк испугался, завыл и бросился бежать, а за ним и медведь, и кабан, и лиса. Долго бежали они, а когда остановились, стали думать, что делать.

– Давайте уйдем подальше от этого опасного зверя, – сказал волк. – Ведь он житья нам не даст.

– Правильно, – поддержал его медведь.

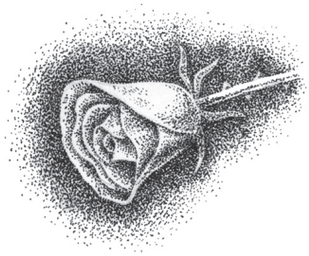
– Может быть, пойдем, посмотрим, что он замышляет, – предложил кабан.

И послали они лису поглядеть, что делает ужасный зверь. А кот тем временем закончил обедать и умывался. И видит лиса, как он раз провел одной лапой по морде, потом другой, но тут хрустнула ветка, и кот посмотрел в сторону кустов, где она пряталась. Этого было достаточно, чтобы лиса бросилась наутек.

В испуге она прибежала к зверям и сказала:

– Плохи наши дела. Кот пасть утирал, дескать, с двумя такими расправился и участь остальных будет не лучшей. И при этом он как-то недобро на меня посмотрел.

И побежали тогда звери кто куда. И сейчас бегут они, а кот остался в норе лисы и живет там припеваючи.

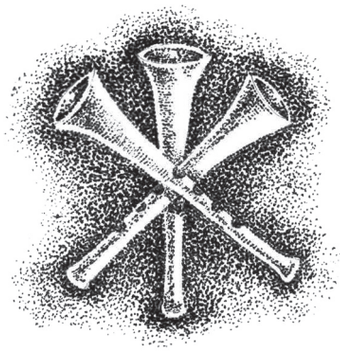

Есть вместе – вкуснее,
работать вместе – веселее.

АДЫГЕЙСКИЕ СКАЗКИ

Сказка о Темирбеке

ил-был на свете один хан. У него было три сына. Старшего звали Асланбеком, среднего – Хасаном, а младшего – Темирбеком.

Хан был очень богатый человек. Много у него было земель и всяких драгоценностей, но больше всего он гордился своим табуном прекрасных коней. Для них было отведено лучшее пастбище, охрана же была поручена самому доверенному, испытанной честности человеку, калмыку. Хан был уже дряхлый и немощный старик. Как-то он заболел и подумал, что этот недуг будет для него смертельным и что ему пора позаботиться о судьбе своих сыновей.

Призвал хан к себе калмыка и ему, как самому верному и преданному слуге, высказал свою последнюю волю:

– Я чувствую, – сказал хан, – что приближается час моей смерти, и вот я призвал тебя, чтобы сказать тебе мою последнюю волю, а ты поклянись, что все исполнишь, как я скажу. Сыновья мои еще слишком малы и не смогут управлять ханством и оберегать мое богатство, нажитое за долгие годы; поэтому я назначаю тебя опекуном всего моего состояния до той поры, пока мои сыновья не вырастут и не смогут взять в руки управление ханством. Из всего, что я оставляю моим детям, ты знаешь, самое дорогое для меня – это табун лошадей. Он – моя гордость и слава, и ты его будешь хранить как зеницу ока. Много у меня врагов и завистников, которые могут после моей смерти попытаться угнать весь табун. Для того, чтобы этого не случилось, я приказываю тебе: в тот день, когда я сделаю свой последний вздох, ты немедленно угонишь табун из моих владений в такое место, где его никто не найдет до совершеннолетия моих сыновей. А теперь дай слово, что ты все это исполнишь в точности.

– Будь покоен, хан, – ответил калмык, – твоя воля для меня священна, и твои сыновья, когда вырастут, получат из моих рук все твое богатство в целости и сохранности.

– Хорошо, я верю тебе, – произнес хан, – и умру спокойно, а теперь оставь меня одного.

После ухода калмыка хан призвал к себе жену и сказал ей:

– Я чувствую приближение смерти и уже обо всем распорядился. За судьбу твою и детей я теперь нисколько не беспокоюсь: вы будете находиться под охраной верного человека. Но есть у меня еще одно сокровище, которое я не решился доверить даже опекуну моих сыновей. Выслушай меня: ты была для меня верной и любящей женой и хорошей матерью моим детям, и тебе я поручаю охранять самое дорогое для меня сокровище – те девять лошадей, которых я держу в особой конюшне. В день моей смерти ты должна сама собственноручно отвести их тайком от всех в подземелье, о котором никто не знает, и только сама потом будешь ухаживать за этими лошадьми.

Ханша со слезами на глазах обещала исполнить волю умиравшего хана.

Через несколько дней после этого хан умер, и в тот же день ханша и калмык выполнили волю покойного. К этому времени старшему сыну хана, Асланбеку, исполнилось семь лет, среднему, Хасану, – пять лет, а младшему, Темирбеку, – три года.

Живя под охраной из верных преданных слуг, наставляемые любящей матерью мальчики ни в чем не нуждались, росли в довольстве и роскоши, постепенно превращаясь в крепких и сильных юношей. Так прошло десять лет.

Однажды дети хана играли с товарищами в альчики[1], и старший, Асланбек, проиграл все свои альчики. Этот проигрыш так раздосадовал его, что он бросился отнимать у выигравшего свои альчики да еще и стал его колотить. Тогда обиженный мальчик крикнул ему:

– Чем бить меня и отнимать то, что принадлежит мне, лучше бы ты пошел отыскивать табун лошадей, доставшийся вам после смерти хана и уведенный калмыком!

Услышав эти слова, дети хана побежали к матери и стали просить ее, чтобы она сказала им, где находится отцовский табун и как им туда добраться.

Ханша ответила, что она и сама не знает, так как умерший хан не открыл даже ей своей тайны, и что им следует терпеливо ждать, пока

[1]. *Альчик (бабка) – надкопытная кость крупного и мелкого скота.*

опекун сам приведет лошадей, которых хан поручил ему охранять. Но на все уверения матери сыновья твердили одно: во что бы то ни стало они хотят найти отцовский табун. Видя, что их не переубедишь, ханша в конце концов согласилась отпустить их и стала готовить им провизию на дорогу. Так как для предстоящего путешествия не было других лошадей, кроме девяти, содержавшихся в подземной конюшне, то ханша рассказала о них сыновьям и приказала вывести их из подземелья.

После того, как подготовили все необходимое для дальней дороги и вывели всех скакунов, братья навьючили груз на шестерых лошадей, а сами сели на трех самых красивых коней и, простившись с матерью, двинулись в путь.

Долго ехали братья и все не находили никаких следов отцовского табуна. Когда запасы еды у их кончились, они перешли на конину и постепенно съели всех запасных лошадей. А табун все еще не был найден. И вот настал наконец день, когда им больше нечего было есть, а сами они почувствовали, что смертельно устали. Спешились братья, прилегли и стали советоваться друг с другом, что делать дальше. После долгих споров они решили все-таки продолжать поиски табуна, а чтобы не умереть с голоду, пожертвовать своими скакунами. Первым своего коня должен был лишиться младший брат – Темирбек. Место, где они остановились на отдых, было неподалеку от густого высокого леса, и когда братья уже хотели заколоть лошадь, они заметили полоску дыма, тянувшуюся над лесом. Братья обрадовались, ведь где дым – там жилье, в котором они могут добыть себе пропитание и расспросить о табуне.

Позабыв про голод, юноши быстро вскочили на лошадей и помчались к лесу. Но подъехав к лесу, они увидели, что опушка леса заросла колючим кустарником, сквозь который невозможно было пробраться. Как ни пытались братья объехать непредвиденное препятствие, куда бы не направляли они своих лошадей, кустарник везде был одинаково непроходим. Тогда братья решили рубить просеку, и по мере продвижения на всякий случай завалить ее за собой срубленными кустами, чтобы никто другой не мог проехать вслед за ними. Старший брат, Асланбек, шел впереди и рубил кустарник, а средний и младший двигались за ним, забрасывая за собой просеку срубленными ветками. Наконец измученные, окровавленные и голодные, они въехали в лес и вскоре увидели небольшую хижину, из трубы которой тонкой струйкой вился дым. Подъехав, братья спрыгнули с лошадей и вошли в избушку. Внутри никого не было, но все было чисто и прибрано, а близ очага лежало свежее мясо

жеребенка. Братья, недолго думая, положили готовое мясо на горячие угли и вскоре утолили свой голод. Не успели они покончить с едой, как открылась дверь, и на пороге появился старик, настолько обросший волосами, что братья не могли рассмотреть его лицо.

– Кто вы и что вам здесь нужно? – недовольным голосом спросил старик.

– Не сердись на нас, добрый человек, мы сейчас тебе поведаем, как попали в твою хижину, – почтительно ответили братья и начали рассказывать ему о том, кто они, откуда и куда едут.

Услышав их рассказ, старик со слезами радости стал обнимать и целовать юношей и объявил им, что он – тот самый калмык, которому умерший хан доверил табун, и что если он до сих пор еще не вернул завещанное богатство, то только потому, что, по его мнению, еще не настало подходящее время.

Старший из братьев, Асланбек, стал просить старика показать ему побыстрее табун. Калмык стал отговаривать его, прося юношу не настаивать на своем желании:

– Ты еще очень молод, – почему-то сказал старик, – и там, где для ратных подвигов нужен сильный, опытный человек, ты не справишься и можешь погибнуть, а я должен оберегать сыновей хана.

Но Асланбек не обратил внимания на загадочные слова калмыка и был так непреклонен в своем желании, что в конце концов уговорил старика.

– Ну хорошо, если это твое непременное желание и все мои доводы на тебя не действуют, поезжай, но только помни, что твоей охраной будут лишь твоя храбрость и неустрашимость. Садись на коня и направляй путь на восток; на пути тебе встретится поляна; на этой поляне есть холм; направляй своего коня прямо на этот холм и там сними уздечку с коня и потряси ею. Тут же явится кобылица, и как только исполнится девять часов, она ожеребится. В тот же миг прилетит могучий дракон, чтобы сожрать жеребенка. Ты дракона не трогай, подожди, пока он насытится и улетит, после чего садись на кобылицу и поезжай дальше, а своего коня оставь на холме. Вскоре ты приедешь на другую поляну, где пасется табун твоего отца. В двенадцать часов ночи туда приедут сто воинов, отделят часть табуна и угонят. Воинов не трогай и не бойся за судьбу табуна – ущерба ему от этого не будет. После того возьми из табуна одного маленького жеребенка и возвращайся обратно. На холме пересядешь на своего коня и приедешь сюда, в хижину. Пока мы про-

снемся, ты должен для всех нас приготовить из привезенного жеребенка завтрак, но помни, что это ты должен сделать до восхода солнца. Теперь я все тебе сказал, и если не боишься, поезжай.

Асланбек немедленно сел на своего коня и пустился в путь.

К закату солнца он уже выехал на поляну с холмом. Помня совет старика, Асланбек снял на холме уздечку с коня и потряс ею. Перед ним появилась прекрасная кобылица. Когда наступила ночь, кобылица ожеребилась. Тут же прилетел чудовищный дракон. Он мгновенно накинулся на жеребенка и сожрал его. Утолив голод, дракон улетел. Тогда юноша сел на кобылицу и поехал дальше. Вскоре перед ним появилась новая поляна, на которой паслось несметное количество прекрасных чистокровных лошадей – это и был знаменитый табун умершего хана. Ровно в полночь на поляну въехали сто воинов-наездников. Они отобрали нужное количество лошадей и быстро скрылись из виду. Тогда Асланбек, выбрав одного маленького жеребенка, поехал в обратный путь. Пересел у холма на свою лошадь и на заре уже был в хижине, где все еще спали. Он поспешно заколол жеребенка, освежевал его и принялся готовить на горячих углях завтрак для братьев и старика. Когда все было готово, Асланбек их разбудил.

Увидев юношу целым и невредимым, старик радостно воскликнул:

– Молодец! Ты послушно исполнил мои приказания, и я радуюсь за тебя.

Под вечер стал проситься съездить к табуну средний брат Хасан. Старик также уговаривал его не ездить, но никакие уговоры не могли убедить юношу, и калмыку пришлось его отпустить, дав ему те же советы, какие он давал старшему брату Асланбеку.

Поездка Хасана окончилась так же благополучно, как и путешествие его старшего брата, только кобылица, появившаяся перед ним, была намного хуже той, которая явилась к Асланбеку.

К восходу солнца Хасан вернулся цел и невредим, с маленьким жеребенком для завтрака. После того, как все наелись, стал проситься съездить к отцовскому табуну и младший сын хана, тринадцатилетний Темирбек.

Старик вначале не стал и слушать мальчика, считая его просьбу капризом ребенка. Темирбек обиделся и стал доказывать калмыку, что он давно уже не ребенок, а в силе и ловкости не уступит братьям. И действительно, Темирбек, несмотря на юный возраст, ростом был едва ли не выше своих братьев, а красотой лица, ловкостью и силой даже превосходил их. Долго пришлось Темирбеку уговаривать старика, и наконец он

вырвал у него согласие и с нетерпением стал готовиться к отъезду. Старик калмык повторил ему все, что говорил раньше братьям, и с большим неудовольствием и тревогой отпустил юношу в путь.

Веселый и бодрый скакал Темирбек и незаметно проехал расстояние до первой поляны. Въехав на холм, он потряс уздечкой, снятой с коня, и в тот же миг перед ним появилась кобылица, но такая неказистая, что на нее даже было противно смотреть. После захода солнца кобылица ожеребилась. Как и прежде, немедленно прилетел крылатый дракон и ринулся к жеребенку, но в тот миг, когда чудовище разинуло громадную пасть, чтобы сожрать его, Темирбек выхватил из ножен меч и метким ударом поразил дракона. Потом сел на кобылицу и поехал дальше. Вскоре он приехал на другую поляну, где пасся табун лошадей его покойного отца. Ровно в полночь на поляну стремительно въехали сто воинов и стали отбирать лошадей. Увидев это, Темирбек грозно крикнул им:

– Не смейте трогать того, что вам не принадлежит! – и стал мечом рубить воинам головы.

Отсеченные головы воинов он привязал к седлам их лошадей, и кони умчались.

Совершив этот подвиг, Темирбек выбрал из табуна маленького жеребенка и пустился в обратный путь. Приехав к избушке и войдя внутрь, чтобы заняться приготовлением завтрака, он увидел, что угли в очаге залиты водой. Это сделали братья Темирбека с недобрым умыслом, чтобы младший брат не смог до конца исполнить приказание старика калмыка.

Увидев потухший очаг и не имея возможности развести огонь заново, юноша, недолго думая, опять сел на коня и быстро помчался вглубь леса в надежде отыскать где-либо огонь. Проезжая сквозь густую чащу, Темирбек вдруг увидел двух борющихся людей, из которых один был совсем черный, а другой белый. Эти необычные борцы удивили юношу, и он, подъехав ближе, спросил:

– Кто вы и из-за чего ссоритесь?

– Мы – День и Ночь, – отвечали они. – Кто из нас другого одолеет, тот и появится на земле.

Темирбек вспомнил, что ему необходимо добыть огонь до восхода солнца, как приказал старик, значит, до наступления дня. Недолго думая, юноша быстро спрыгнул с лошади, и прежде чем День и Ночь опомнились, они оказались связаны и лежали в кустах.

– Полежите здесь смирно, – крикнул им Темирбек, – пока я не вернусь, а как вернусь, тогда освобожу, и вы сможете вновь продолжить свою борьбу.

Сказав это, юноша вскочил на коня и, пришпорив его, помчался дальше. Через некоторое время он увидел вдали столбики дыма, выходящие из чащи. Темирбек повернул коня в ту сторону и вскоре выехал на большую поляну, окруженную громадными деревьями. Посреди поляны был разведен громадный костер, а вокруг костра спали двенадцать великанов.

Темирбек быстро слез с коня и стал ползком пробираться между спящими великанами к костру. Взяв одно горящее полено, он осторожно пополз назад, но с обгоревшего полена отвалился уголек и упал на одного из спящих. Разбуженный великан с криком схватил Темирбека. Вскочили остальные великаны и окружили юношу. Темирбек не растерялся и стал уверять, что он без всякого злого умысла приехал сюда, что ему необходимо добыть огня, и начал умолять, чтобы они отпустили его и позволили взять с собой горящее полено. Выслушав его просьбу, великаны ответили:

– Мы тебе не сделаем зла и даже дадим огня, но не раньше, чем ты исполнишь наши приказания: прежде всего накорми нас – мы голодны. За деревьями ты найдешь привязанного быка, зарежь его, сними кожу, выпотроши, часть мяса отдели для похлебки, а все остальное раздели на двенадцать равных частей, чтобы нам всем поровну было. Поджарь мясо на углях, и когда мы утолим голод, ты выслушаешь другое наше приказание.

Темирбек немедленно приступил к исполнению приказания великанов. Живо загорелось дело в руках юноши, и скоро в котле кипела похлебка, а на углях поджаривалось нарезанное кусками мясо. Когда все было готово, Темирбек позвал великанов завтракать.

Сосчитав куски мяса, великаны крикнули юноше:

– Да ты, как видно, и считать-то еще не умеешь! Нас здесь двенадцать, а ты нарезал тринадцать кусков!

– А вы что же думаете, – возразил им Темирбек, – разве я не человек и не хочу есть, как и вы?

Такой смелый ответ понравился великанам, и они разрешили юноше сесть с ними за стол. Когда стали есть мясо, Темирбек незаметно для великанов куски из своей доли бросал через плечо в сторону, а когда его доля мяса кончилась, он стал хватать куски у великанов. Те молча удивлялись необыкновенному аппетиту юноши. После мяса приступили к похлебке, которая была разлита в огромные чаши всем поровну. Свою долю похлебки Темирбек также незаметно выливал на землю, и когда она кончилась, начал отхлебывать из чаш великанов. Пораженные такой

прожорливостью юноши великаны думали про себя, что, наверное, он обладает необыкновенной силой.

После завтрака великаны велели Темирбеку выслушать новое приказание:

– Пока мы вполне довольны тобой, – сказали они, – но будем довольны еще больше, если ты так же успешно выполнишь наше второе приказание: ты должен пробраться в соседнее ханство, граничащее с этим лесом, войти во дворец и похитить для нас младшую дочь хана, у которой одна половина волос серебряная, а другая золотая, и краше которой нет в мире. Когда ты приведешь к нам эту красавицу, тогда мы тебя отпустим и дадим тебе огня сколько пожелаешь. А теперь иди!

– Хорошо, – сказал Темирбек, – пойти-то я пойду, но не иначе, как с вами. Только вы идите позади меня. Когда я войду во дворец и свистну, вы по очереди тоже войдете туда.

Великаны согласились, и они все вместе тронулись в путь. Выходя из леса, им также пришлось прорубать дорогу в колючем кустарнике, но великанам это было нипочем. Скоро Темирбек и великаны дошли до владений хана. Роскошный дворец был окружен резной изгородью с чугунными воротами.

– Теперь подождите, а когда свистну, входите по одному! – сказал юноша великанам и прошел через ворота. Очутившись во дворе, Темирбек пронзительно свистнул, выхватил свой меч и притаился за изгородью. Едва только первый великан вошел во двор, как юноша мгновенным ударом меча отсек ему голову. Великан не успел даже вскрикнуть. Таким же образом он поступил и с остальными одиннадцатью великанами.

Перебив всех, Темирбек надел отрубленные головы на колья изгороди, а сам пошел во дворец, искать комнату красавицы с золотыми и серебряными волосами. Долго бродил он по огромному лабиринту ханских покоев, пока не достиг спальни ханских дочерей. Войдя туда, Темирбек невольно застыл на месте, пораженный тем, что предстало его взору. На роскошном ложе, под высоким пурпурным балдахином лежали три красавицы, погруженные в глубокий сон. Младшая сестра, лежавшая справа от старшей, поражала своей необыкновенной красотой и дивными волосами, вившимися серебряными и золотыми кудрями по ее плечам. Темирбек, затаив дыхание, любовался пленительной красавицей, как вдруг его внимание было привлечено каким-то ужасным шумом и свистом, который все приближался и делался все оглушительнее, громче и страшнее. Еще один миг – и в открытое окно спальни стремительно влетел громадных размеров чудовищный дракон и ринулся к спя-

щим девушкам, собираясь высасывать у них кровь, что он делал каждое утро до восхода солнца.

Темирбек выхватил из ножен меч и могучим ударом разрубил пополам крылатое чудовище. После этого храбрый юноша подошел к спящим красавицам и поменял их местами: среднюю дочь хана, которая лежала по левую сторону старшей сестры, положил справа, а младшую, красавицу с золотыми и серебряными волосами, переложил на место средней. Потом снял у младшей сестры с руки драгоценный перстень, надел себе на мизинец, быстро вышел из дворца и пошел знакомой дорогой в лес. Перейдя опушку леса в том месте, где она была прорублена великанами, Темирбек тщательно заложил тропу колючим кустарником и вернулся к костру великанов. Там он взял большое горящее полено, вскочил на коня и помчался обратно к избушке калмыка. Проезжая мимо того места, где дрались День и Ночь, он развязал их, и они снова вступили в борьбу.

Пока День одолел Ночь, Темирбек успел вернуться в хижину, развести огонь в очаге, освежевать зарезанного жеребенка и поджарить мясо. При первых лучах восходящего солнца все уже сидели за завтраком, и пораженные братья никак не могли понять, откуда Темирбек смог добыть огонь для потухшего очага.

Старик калмык с любовью и гордостью любовался цветущим видом храброго юноши и стал его расспрашивать о ночной поездке, но Темирбек ни словом не обмолвился о своих приключениях и, сославшись на усталость, лег спать.

В то время, когда Темирбек угощал братьев завтраком, в ханском дворце, где обитала красавица с золотыми и серебряными волосами, раньше всех проснулся хан и спешно отправился в спальню своих дочерей, с ужасом размышляя о том, что он опять, как это было каждое утро, увидит дочерей бледными и полумертвыми от недостатка крови, которую у них высасывал ужасный дракон. Каковы же были изумление и радость хана, когда он, переступив порог спальни, прежде всего увидел разрубленное туловище ужасного чудовища, плавающее в собственной крови, а на ложе – трех своих дочерей, погруженных в крепкий, здоровый сон! При этом хан заметил, что две его младшие дочери лежат не на обычных своих местах, а заветный перстень младшей красавицы исчез с ее руки.

Велика была радость хана и всех его приближенных.

– Велика милость Аллаха! – говорил хан своим приближенным. – Но я должен во что бы то ни стало найти того человека, который избавил моих дочерей от ежедневных мучений, и отблагодарить его, как он того заслуживает.

И вот старый хан решил устроить большой пир, на который созвал всех обитающих в округе, а тому удальцу, у кого на пальце окажется перстень его младшей дочери и кто подробно расскажет о своей борьбе с драконом, хан обещал отдать в жены любую из своих дочерей и половину ханства в приданое.

Во все стороны были разосланы ханские гонцы с приглашением на пир, и много явилось удальцов в ханский дворец. Не явился на этот пир лишь один Темирбек: посланные гонцы не ведали, что в лесу обитают люди, и увидев, что лес огражден колючим кустарником, не решились проникнуть в чащу.

Собравшиеся на пир гости ели, пили и веселились. Не веселилось лишь одно ханское сердце – среди гостей он не находил того, кто избавил его дочерей от ужасного дракона.

Опечалился старый хан и, чтобы развеять свое горе, отправился на охоту.

Много дней рыскал он, окруженный своими приближенными, по полям и оврагам, преследуя зверей, и случайно он подъехал к опушке того леса, где жил Темирбек со своими братьями. Дремучий лес очень заинтересовал хана, а колючий кустарник, не пропускавший никого, еще более разжег любопытство, и он велел слугам прорубить тропу, по которой и проехал в лес. Долго хан ехал между вековыми деревьями, пока случайно не наткнулся на скрывавшуюся в зелени избушку калмыка.

«Кто может обитать здесь, в такой дикой трущобе?» – подумал хан и, спрыгнув с коня, вошел в хижину.

Братья радушно встретили хана, угостили его мясом молодого жеребенка и утолили его жажду свежим кумысом. Отдохнув и подкрепив свои силы едой, хан начал спрашивать братьев, кто они, как их звать и почему они живут в такой глуши, куда ни одно живое существо не может проникнуть. На вопросы хана братья не ответили, и лишь младший, Темирбек, вместо ответа спросил:

– Почтенный хан, не хочешь ли, чтобы я расскал тебе очень интересную сказку?

– Отчего же, юноша, я с удовольствием послушаю тебя, – сказал хан, с нескрываемым удовольствием любуясь красотой и телосложением Темирбека.

И вот Темирбек приступил к рассказу о своих подвигах, приписывая их вымышленному герою сказки. С большим интересом слушали хан, Асланбек, Хасан и калмык рассказ Темирбека, но когда в сказке юноша дошел до своего подвига во дворце и о похищении перстня с

руки красавицы, хан невольно посмотрел на руки Темирбека и, увидев на его мизинце перстень дочери, не вытерпел и радостно воскликнул:

– Вот кто избавил моих дочерей от ужасного дракона! – и горячо прижал юношу к своей груди.

После этого Темирбек сознался, что герой сказки был действительно он и все подвиги, о которых он рассказывал, не вымысел, а правда.

– В таком случае ты будешь желанным мужем любой из моих дочерей и любимым моим зятем! – весело проговорил хан. – Собирайтесь теперь все в путь, забирайте с собой табун лошадей вашего покойного отца и поедем ко мне. Я всех вас женю на моих дочерях. По пути ты покажешь мне, храбрый Темирбек, места в лесу, где все это с тобой приключилось.

Асланбек и Хасан тоже выразили желание лично проверить рассказ младшего брата, которому они начали втайне завидовать.

Проезжая лесом, Темирбек останавливал свою лошадь в тех местах, где совершал подвиги, и вторично рассказывал о них хану и братьям. Проезжая поляну, на которой пасся табун отца, братья с калмыком собрали всех лошадей и погнали их по дороге к владениям будущего тестя. Скоро все прибыли в ханский дворец, и была объявлена свадьба всех трех братьев. Старший, Асланбек, женился на старшей дочери хана, средний, Хасан – на средней, а младший, Темирбек, – на младшей, красавице с серебряными и золотыми волосами, и получил за нею в приданое, по обещанию хана, половину ханства, которую великодушный Темирбек по-братски разделил с Асланбеком и Хасаном. Пышно были отпразднованы свадьбы всех трех ханских дочерей, и много дней шли непрерывные пиры и всевозможные увеселения.

Но наконец настал день, когда братья захотели возвратиться под родной кров, в свое ханство, где их ждала старая мать. И вот они высказали тестю свое желание. Хотя старику хану и тяжело было расставаться с любимыми дочерьми, все же он не стал препятствовать.

После долгих сборов ханские дочери с мужьями и богатством двинулись наконец в путь. Впереди гнали табун, а за ним ехали верхом братья с женами, окруженные многочисленной прислугой, присматривавшей за навьюченными разным добром лошадьми. Среди путников не было лишь одного старика калмыка – его оставил при себе хан для того, чтобы делить с ним свое одиночество.

Ехать путникам пришлось по совершенно незнакомой местности. Темирбек слышал раньше, что где-то поблизости должно было находиться окаменевшее царство грозного великана и на всякий случай стал

предупреждать братьев и всех наездников о том, что если на пути им встретится колодец, никто не пил бы из него воды, как бы ни был томим жаждой. Иначе все они наживут большую беду. После этого Темирбек остановился, пропустил всех вперед, а сам поехал сзади, посматривая по сторонам.

Долго ли, коротко ли ехали братья, только их всех стала мучить ужасная жажда. Вода, взятая в дорогу, была уже давно вся выпита, а палящие лучи солнца, падающие раскаленными иглами на головы людей и животных, причиняли им еще большие страдания. Кругом была голая пустыня, всюду, куда ни проникал взор, не было ни деревца, ни кустика, ни капли воды. Еле брели измученные лошади и бессильно сидели в седлах люди. Вдруг вдали приметили что-то похожее на колодец.

Собрав остатки сил, наездники погнали лошадей туда, где был колодец. Скоро они подъехали к прекрасно устроенному колодцу, вокруг которого были разбросаны многочисленные камни, напоминающие изваяния людей и животных.

Братья, так же, как и их слуги, ни на что не обращали внимания, стремительно кинулись к колодцу и с наслаждением стали утолять жажду холодной и чистой, как кристалл, водой. Потом стали поить лошадей. Один только Темирбек не пил воды и оттого, что находился вдалеке, не успел помешать братьям и слугам совершить непоправимый поступок.

Как только все – и люди, и животные – напились из чудесного колодца, появился ужасный великан с плетью в руках и стал наносить удары направо и налево. Все, на кого только падал удар плети, мгновенно обращались в камни, похожие на те, которые были разбросаны здесь раньше, и скоро не осталось в живых ни одного человека, ни одной лошади. Подъехавший к колодцу Темирбек с горестью воскликнул:

– Несчастные! Они не послушали моего совета и все погибли!

Осматривая окаменевших животных и людей, он не находил лишь одной своей красавицы жены. «Верно, великан пленился ее красотой и взял ее себе», – в отчаянии подумал Темирбек и немедля поехал искать жилище грозного великана. Долго ехал он среди скал и каменных нагромождений, пока вдали не увидел дворец. Догадавшись, что это и есть жилище великана, бесстрашный Темирбек погнал своего коня ко дворцу, спеша скорее узнать, что стало с его горячо любимой женой.

Войдя в громадные комнаты дворца, Темирбек был удивлен царившей в них тишиной. Долго он блуждал по дворцу в поисках жены и поражался роскошному убранству покоев, но нигде не встретил ни одного

живого существа. Наконец, отворив двери одного из покоев, он увидел свою жену. Красавица с золотыми и серебряными волосами сидела с поникшей головой, и горячие слезы струились по ее прекрасному лицу. Велика была радость Темирбека и его жены, когда они увидели друг друга.

– Скажи мне, – обратился юноша к жене, – где великан и что мне сделать, чтобы спасти людей и животных.

– Мой мучитель сейчас спит, – ответила красавица, – и нам надо этим воспользоваться. Я сейчас принесу его волшебный хлыст, и ударом этого хлыста ты обратишь великана в камень, а потом я научу тебя, что делать дальше.

С этими словами жена Темирбека скрылась в одном из покоев и скоро вернулась, держа в руке волшебный хлыст.

– Теперь иди за мной в опочивальню великана, – сказала она Темирбеку, – и ударь его лишь один раз! Тогда он окаменеет, как твои братья.

И действительно, не успел Темирбек опустить хлыст на тело спящего великана, как тот мгновенно превратился в безжизненный камень.

– Ну вот и прекрасно, главный враг уничтожен! – радостно воскликнула красавица. – А теперь я научу, как оживить твоих братьев, моих сестер, их слуг и всех животных. Сила этого хлыста в том, что если нанести один удар, жертва превращается в камень, а если по этому камню снова ударить три раза, то человек или животное оживает; так поступил со мной великан. Я ведь тоже пила воду из колодца, и он обратил меня в камень, но, прельстившись моей красотой, оживил тремя ударами и потом сам рассказал мне о таинственной силе хлыста.

– Пойдем скорее! – горя нетерпением, воскликнул Темирбек.

И вот, сделав все по указанию жены, он оживил всех людей и животных, и не только своих, но и всех, кто раньше здесь проезжал. Вскоре вся пустынная местность была заполнена людьми и животными. Шум, говор, смех и звонкое ржание коней мгновенно оживили безмолвную прежде пустыню. Люди со слезами благодарности бросились к своему избавителю и прославляли его имя. Одни лишь братья Темирбека, затаив глубоко в душе зависть к великодушному подвигу брата, вместо благодарности чувствовали лишь ненависть и желание избавиться от своего спасителя тем или иным способом.

Наконец, когда все было приведено в порядок, братья тронулись дальше в путь, но вскоре дошли до места, где дорогу перегородила громадная яма, слегка прикрытая сухими ветками. Братья соскочили с лошадей, сняли покрывавшие яму сучья и ветки и заглянули внутрь.

Но яма была так глубока, что не было никакой возможности рассмотреть что-либо на ее дне. Между тем любопытство все больше и больше овладевало путниками, и тогда они решили спустить кого-нибудь вниз на веревках

Исполнение этого рискованного предприятия сначала было предложено старшему из братьев, Асланбеку, но он, боясь неизвестности, наотрез отказался, тогда предложили среднему, Хасану, но и тот решительно отказался и предложил, в свою очередь, спуститься в яму младшему – Темирбеку.

Темирбек, не колеблясь, согласился, и братья, обвязав его веревкой, стали спускать в яму.

– Ну, что ты там нашел на дне? – крикнули они ему, когда веревка перестала двигаться.

– О, здесь все дно усыпано самоцветами самой редкой красоты и величины и золотом! – ответил им Темирбек.

– Собирай скорее драгоценности с золотом и передавай нам сюда! – с жадностью закричали братья.

– Бросьте мне в яму пустые мешки, чтобы я мог насыпать в них золото и самоцветы, – сказал Темирбек.

И вот начали поднимать из ямы найденный клад: Термирбек заполнял мешки, а братья поднимали его наверх, где он передавал им драгоценности, и потом его снова опускали на веревках вниз, чтобы он вновь наполнял мешки.

После того, как Темирбек много раз поднялся наверх с наполненными мешками, братья спросили:

– Много ли еще осталось на дне золота и самоцветов?

– О, всего лишь на один раз! – ответил ничего не подозревающий Темирбек.

Услышав такой ответ, Асланбек и Хасан переглянулись со злобными усмешками и сказали младшему брату:

– Скорей забирай все остальное, и поедем дальше!

Но едва лишь Темирбек был спущен на дно ямы, братья быстро перерезали веревку.

– Прощай, Темирбек! Твои услуги нам больше не нужны! Хорошенько береги свои сокровища! – злобно хохоча, закричали братья и пустились в дальнейший путь.

Увидев упавшую к его ногам перерезанную веревку и услышав злые слова братьев, Темирбек понял, что он обречен на голодную смерть. Первый раз за все время он упал духом, и отчаяние начало овладевать душой храброго юноши.

Но мужественное сердце подсказывало ему не терять надежды, не испробовав всех способов к спасению. Внемля голосу рассудка, он стал уже более спокойно осматривать яму и раздумывать, нельзя ли как-нибудь найти выход из нее. Но осмотр не принес никакой пользы: стены ямы были ровные и гладкие, а под рукой у Темирбека не было ничего, кроме меча, чтобы сделать ступени в отвесных стенах. К тому же земля, в которой была выкопана яма, была очень каменистая. Снова грусть стала овладевать душой Темирбека, и когда он почти совсем отчаялся, вдруг заметил, что в яме как-то сразу потемнело. Подняв голову вверх, он стал пристально вглядываться в клочок неба, который был виден со дна ямы. Долго всматривался Темирбек и наконец понял, что тень от парящего в небе громадного орла упала в отверстие ямы. В тот же миг у находчивого Темирбека созрела мысль, что с помощью этой гигантской птицы он может спастись из своего заточения. Недолго думая, он сорвал с себя верхнюю одежду и, обнажив левую руку до плеча, быстрым ударом меча срезал с нее большой кусок мяса, потом прикрыл голову, плечи и грудь снятой с себя одеждой, взял в правую руку срезанное мясо, вытянул ее насколько было возможно, вверх и стал терпеливо ждать. Он был уверен, что пернатый хищник рано или поздно прилетит, заметив мясо. И действительно, Темирбек не ошибся. Вскоре послышался отдаленный шум крыльев и клекот орла. Шум, производимый его полетом, делался все громче, и наконец громадная птица ринулась вниз, увидев в глубине ямы соблазнительную добычу. Едва только орел коснулся когтями куска мяса, как Темирбек с быстротой молнии схватил обеими руками сильную ногу хищника и полетел с ним вверх. Как только орел вылетел из ямы, Темирбек разжал пальцы, крепко державшие ногу орла, и совершенно невредимый упал на землю. Обессиленный потерей крови от раны на руке, он тут же заснул крепким сном.

В то время, пока Темирбек выбирался из ямы, его братья беспечно и весело продолжали свой путь, не только не задумываясь над судьбой брата, с которым они так жестоко поступили, а даже радуясь, что им так легко удалось отделаться от него. Когда молодая жена Темирбека стала умолять братьев сжалиться над тем, кому они обязаны своим спасением и богатством, то в ответ на свои слезы и мольбы услышала лишь злые насмешки и брань. Даже родные сестры-красавицы с презрением отвернулись от нее. Несчастная молодая женщина безутешно лила горькие слезы и проклинала свою злую судьбу.

Перед самым въездом в свое ханство Асланбек и Хасан приказали убитой горем невестке переодеться в одежду рабыни.

– Отныне, – сказали ей бессердечные братья, – ты не смей называть себя сестрой наших жен, теперь ты будешь их рабой, и от тебя самой будет зависеть твоя дальнейшая жизнь: только непрестанным трудом и беспрекословным повиновением ты можешь заслужить наше расположение. Иначе тебя ждут брань и побои.

Нелегко было выслушивать подобные слова из уст новых родственников, но, затаив в своем сердце горе, красавица решила терпеливо сносить все оскорбления, лелея в душе луч надежды на избавление от такого горького существования.

Тяжелая жизнь началась для любимой ханской дочери. Она должна была вставать раньше всех и ложилась спать последней. На нее взваливали самые тяжелые и грязные работы, и малейшая оплошность с ее стороны немедленно влекла за собой брань, а подчас и побои. Всего тяжелее было для красавицы, что даже родные сестры, которые еще недавно жили с ней душа в душу, и те смотрели на нее как на рабыню и всячески ее обижали. А так как они не могли запретить сестрам рассказывать окружающим о том, кем она была и где погиб Темирбек, старались всем внушить, что их рабыня совсем дурочка, которой никак нельзя верить. Но молодая ханша не унывала, она терпеливо ждала избавления, и действительно, это избавление вскоре пришло к красавице с золотыми и серебряными волосами.

Темирбек после долгого сна пробудился совершенно бодрым и здоровым. Он был готов к новым подвигам.

Асланбек, Хасан и их люди оставили за собой хорошо проторенную дорогу, по которой можно было идти, не рискуя заблудиться. Хотя расстояние, отделявшее Темирбека от родного ханства, было очень велико и у него не было лошади, он не унывал, а мысли о любимой жене ускоряли его шаги и делали его неутомимым. Наконец Темирбек пришел к берегам реки, которая протекала по его родной земле, и здесь он впервые за много дней позволил себе отдохнуть.

Укрывшись в кустах, густо росших у берега, он мог незаметно наблюдать за всеми, кто приходил к реке. Как-то он заметил идущую к реке со стороны ханского дворца женщину с кувшином в одежде рабыни. Фигура и лицо этой женщины показались ему знакомыми и напомнили ему жену. И действительно, это была она: сестры послали ее за водой. Убедившись, что рабыня, набирающая воду, – его жена, Темирбек вышел из убежища. Он позвал ее по имени, горя нетерпением заговорить с ней и услышать объяснения по поводу такого странного наряда. Услышав дорогой для нее голос, красавица бросилась навстречу

Темирбеку, заливаясь слезами радости. Она подробно рассказала ему обо всем, что произошло с ней за это время, а также о том, что вернувшись в ханство, они уже не застали в живых старую ханшу, а поэтому некому было спрашивать о судьбе Темирбека.

– Но теперь ты со мной, – радостно добавила красавица, – я ничего не боюсь, и мне больше не о чем сокрушаться!

– Да, но твои мучители должны понести заслуженное наказание как за зло, причиненное тебе, так и за то, что они сделали со мной! – сказал Темирбек. – Выслушай, что я тебе теперь скажу: иди во дворец, как будто бы ничего не случилось, и чтобы не подавать повода братьям и твоим сестрам думать, что я уже здесь, скрой свою радость и притворись печальной, а когда начнешь мыть посуду, постарайся разбить как можно больше самых дорогих тарелок и сосудов, чтобы навлечь на себя гнев братьев. На их брань отвечай дерзко и устрой так, чтобы они подняли на тебя руку, тогда я буду иметь повод по всей справедливости наказать их и защитить тебя.

– Будь спокоен, – отвечала молодая ханша, – все это легко устроить, ласки от них не дождешься, а брань и ругань для меня всегда найдутся.

С этими словами красавица пошла обратно к ханскому дворцу, приняв обычный печальный вид.

После ее ухода Темирбек незаметно пробрался ко дворцу и, прячась от людских глаз за деревьями, прислушивался к тому, что делается во внутренних покоях. Скоро он услышал звон разбиваемой посуды, потом гневные возгласы Асланбека и Хасана, а также их жен. Брань делалась все ожесточеннее и градом сыпалась на беззащитную молодую ханшу, а когда она стала оправдываться, ее стали бить. Темирбек не мог более выносить этого и, выхватив меч, вбежал во дворец. Ворвавшись, как ураган, в комнату, где происходила расправа с его женой, Темирбек двумя быстрыми ударами меча лишил жизни Асланбека и Хасана.

– А вы, злые женщины, – крикнул он невесткам, – за вашу жестокость отныне будете рабынями, и вами будет повелевать та, которую вы только что всячески оскорбляли! Это будет наказание вполне достойное вас!

С этого времени ханом стал Темирбек. Подвластный ему народ, освободившийся от его жестоких братьев, с уважением и любовью относился к доброму молодому хану и прекрасной ханше и искренне желал им долгой и счастливой жизни, которую они заслужили.

Аслануко – сын львицы

одного пши[1] был человек, который принимал кожи убитых зверей от всех охотников – подданных пши. Однажды он сказал пши, что один из охотников всегда добывает шкуры диковинных зверей.

– Когда он еще принесет шкуры, скажи ему, чтобы зашел ко мне, – велел пши.

И вот однажды пришел этот охотник к пши, который приветливо его встретил.

– Заходи, заходи, – сказал он. – Садись, я хочу, чтобы ты рассказал мне самое интересное из того, что приключилось с тобой на охоте.

– Что может приключиться с простым охотником!

– Подумай и расскажи, пока не расскажешь – не отпущу тебя! – сказал пши.

Подумал охотник и начал свой рассказ:

– Каждый день на рассвете на лесную поляну выходит львица, а вместе с ней мальчик. Они пересекают поляну и заходят в лес. Много раз видел я их, но не решался выстрелить – жалко было убить и мальчика, и львицу. Это самое интересное из того, что я видел на охоте.

– Тогда ты поймай этого мальчика живым и доставь его ко мне – не поймаешь, велю тебя казнить, – сказал пши.

– Как я его поймаю? Если побегу – не догоню, а коли выстрелю – убью, – отвечал охотник.

– Поймай как хочешь, но приведи ко мне мальчика живым, – велел пши.

– Тогда и ты помоги мне. Львица выходит из лесу всегда по одной дороге. Надо всю поляну обложить соломой, оставив только путь, по которому она идет. Через каждые три шага поставить людей. Я сяду около дороги, на которую выйдет львица, и как только она окажется на поляне,

[1] *Пши – князь.*

я выстрелю. Сразу же нужно будет поджечь солому. Если в этот раз не смогу поймать мальчика, значит, мне никогда этого не сделать.

Пши приказал сделать так, как сказал охотник. Привезли несколько возов соломы и устроили засаду. Услышав выстрел охотника, люди пши должны были поджечь солому.

Перед рассветом львица вышла на поляну. Следом за ней, как всегда, шел мальчик. Как только львица показалась на поляне, охотник выстрелил, и люди пши подожгли солому. Львица стала метаться в разные стороны, но огонь был повсюду. Тогда она перепрыгнула через горящую солому и умчалась прочь. Испуганный мальчик, метался по поляне, пытаясь спастись от огня и людей, но был пойман.

Сына львицы привезли в аул, сделали для него клетку и посадили туда. Его хорошо кормили, но никогда не выпускали на волю. С сыном львицы – в ауле его стали звать Асланук – познакомился и вскоре подружился сын пши. Каждый день он подходил к клетке и разговаривал с пленником. Однажды Асланук сказал:

– Ты знаешь, что твой отец сделает все, о чем ты попросишь. Пусть он разрешит выпускать меня днем из клетки, и мы будем с тобой играть.

– Отец, вели выпускать Асланук на день из клетки – мы с ним будем играть, а по вечерам он будет возвращаться в клетку, – попросил сын пши отца.

Пши рассердился и ответил, что нельзя выпускать сына львицы из клетки – он всех может погубить.

Когда мальчик пришел к Асланук, тот спросил:

– Ты просил отца выпускать меня днем из клетки?

– Просил, но он ответил, что ты можешь погубить всех!

– Проси еще, плачь: если ты будешь стоять на своем, он меня выпустит.

Мальчик пошел к отцу и сказал:

– Выпусти Асланук, мы будем играть во дворе и никуда не уйдем!

И он горько заплакал. Тогда отец дал ему ключи и сказал:

– На, возьми ключи и сам выпускай сына львицы.

Мальчик тут же прибежал к клетке, открыл замок и выпустил Асланук. Днем они играли во дворе, а вечером сын львицы возвращался в клетку. Так продолжалось довольно долго.

– Не годится, что мы только так играем. Если бы у нас была гиря в пять пудов, я научил бы тебя более интересной игре. Скажи отцу, пусть он велит кузнецам сделать для нас пятипудовую гирю, – сказал однажды Асланук.

Снова пошел мальчик к отцу и сказал ему.

– Вели кузнецам сделать для нас пятипудовую гирю!

– Разве можно играть такой гирей, ведь она убьет тебя! Горя мы наберемся с этим Аслануко! – рассердился пши.

Но мальчик настаивал на своем, и пши велел сделать им гирю. Когда пятипудовая гиря была готова, мальчики играли с ней, и сын пши скоро стал подбрасывать ее одной рукой, словно пушинку.

– Теперь эта гиря уже не годится, пусть сделают нам двадцатипудовую гирю, – сказал тогда Аслануко.

Снова пришел сын пши к отцу и сказал ему:

– Та гиря уже не годится – слишком она маленькая, вели сделать для нас двадцатипудовую гирю.

Зная, что сын не отступит, пши, ворча, приказал сделать для него такую гирю. Когда гиря была готова, никто не смог принести или привезти ее в аул. Мальчики пошли в кузню, сами принесли гирю и стали с ней играть.

Однажды Аслануко слишком далеко кинул гирю, и она разнесла забор, которым был огорожен двор в пять десятин.

– Больше мы не будем играть гирей, – сказал после этого сын львицы. – Попроси отца, чтобы он разрешил нам выезжать из аула – он ведь тебе ни в чем не откажет.

Пошел сын пши к отцу, попросил у него разрешения выезжать вместе с сыном львицы из аула.

– От этого Аслануко мы еще хлебнем горя. Что он еще придумал? – рассердился пши.

Но сын настойчиво просил разрешения, и пришлось пши согласиться.

Стали друзья ездить в разные края. Однажды сын львицы сказал сыну пши:

– На востоке живет красивая девушка – красивей ее нет на этом свете. Многие джигиты хотели жениться на ней, но кто бы к ней ни отправился, доехать не смог: никому не удалось пройти мимо великанов-иныжей, а кто миновал иныжей, не смог пройти мимо нагучиц[1]. И твой отец много раз отправлялся за ней, но не смог добыть ее. Я женю тебя на ней.

Согласился сын пши. Аслануко взял двадцатипудовую гирю, и они отправились в путь. Когда достигли они края иныжей, заехали к трем братьям-иныжам. Обрадовались иныжи гостю.

[1] *Фольклорный персонаж – уродливая горбатая старуха-людоедка с железными зубами.*

– Аслануко, как долго ты не был у нас, – сказали они и хотели внести его в дом на руках.

– Обо мне не беспокойтесь, вот мой тхамата[1], окажите ему почести, иначе он может погубить род иныжей, – сказал им Аслануко.

Иныжи подхватили сына пши и на руках внесли его в дом. Три дня и три ночи пировали друзья у иныжей, а на четвертое утро отправились в путь. Вскоре приехали они к четырем братьям-иныжам.

– О Аслануко, как долго тебя не было у нас, – сказали великаны.

– Обо мне не беспокойтесь, окажите почести моему тхамате, – сказал Аслануко иныжам.

Иныжи подхватили сына пши и на руках внесли его в дом, оказали гостям большие почести. Три дня и три ночи пировали друзья у иныжей, а на четвертое утро выехали в путь. Вскоре приехали они к семи братьям-иныжам.

– Аллах, Аллах, откуда ты, Аслануко? – с такими словами иныжи выбежали им навстречу.

– Обо мне не беспокойтесь, окажите почести моему тхамате, – сказал и на этот раз Аслануко.

Иныжи подхватили сына пши и на руках внесли его в дом. Щедро угостили их, оказали большие почести. Погостили друзья у иныжей три дня и три ночи, а на четвертое утро Аслануко сказал:

– Своего тхамату я оставлю у вас. Если узнаю, что вы чем-то его обидели, не пощажу никого из вашего рода. Через три недели я вернусь.

Отправился Аслануко в путь и приехал в край нагучиц. Первой ему встретилась самая старая нагучица – повелительница всех нагучиц. Он незаметно подкрался к ней и приложился к ее груди.

– Ты моя мать и отец на этом и на том свете, – сказал Аслануко.

Старуха-нагучица закричала:

– Пусть бог отнимет глаза, которые тебя не увидели, пусть оглохнут уши, которые тебя не услышали! В нашем краю до сих пор не было маленьких людей. Откуда ты взялся?

Аслануко рассказал ей о цели своего прихода, и она пригласила его в дом. Пробыл он у нагучицы десять дней и ночей.

– Теперь делать уже нечего – видно, суждено тебе добыть красавицу, я сама пойду и узнаю, как это можно сделать.

Сказав так, старуха-нагучица пошла и не возвращалась три дня и три ночи. Она узнала, что девушку зорко охраняет стража, только иногда ее выпускают из дома, и в этот момент ее можно похитить.

[1] *Старший, предводитель.*

Узнав обо всем, вернулась нагучица, и они стали с Асланукo готовиться к похищению девушки. Асланукo сделал все так, как сказала нагучица, и увез красавицу. Отдохнул он три дня у нагучицы и отправился в обратный путь.

Тем временем сын пши жил у иныжей. Сначала они хорошо ухаживали за ним – каждый день брили ему голову и бороду, обильно и вкусно кормили. Когда же срок возвращения Асланукo прошел, иныжи изменили отношение к гостю, стали плохо кормить, а потом задумали убить.

Асланукo ехал с красавицей, а сам все думал о сыне пши. Он решил предупредить иныжей о своем возвращении и бросил двадцатипудовую гирю так, чтобы она попала на землю иныжей. Когда гиря упала, дома иныжей задрожали.

– Асланукo возвращается! – поняли иныжи. Они быстро помыли, побрили, хорошо накормили сына пши, надели на него новую одежду и попросили не говорить Асланукo, что его здесь обижали.

Когда Асланукo вернулся, иныжи вышли ему навстречу и на руках внесли в дом красавицу невесту, которую он привез для сына пши.

Они устроили семидневный джегу[1] в честь Асланукo. После окончания джегу друзья пустились в обратный путь. Хозяева сопровождали их, пока они не покинули страну иныжей.

Когда приехали они в родной аул, здесь им устроили семидневный пир.

Зажил пши с молодой женой счастливо, а сын львицы по-прежнему был ему верным другом.

Прошло много лет, и однажды сын пши сказал Асланукo:

– Ты женил меня, надо и тебе жениться.

–Нет, я не женюсь. Если хочешь сделать для меня доброе дело, отпусти меня в лес, – сказал Асланукo.

– Зачем ты так говоришь, брат мой! Ты ведь свободный человек!

– Нет, я должен был всю жизнь просидеть в клетке. Ты меня освободил, а я спас тебя от гибели. Если теперь ты разрешишь, я уйду в лес, и мы никогда не увидимся, – сказал Асланукo.

– Если хочешь уйти, счастливого тебе пути! Возьми из того, что у нас есть, все, что хочешь.

– Мне ничего не нужно, – сказал сын львицы.

Друзья попрощались, и Асланукo ушел в лес.

[1] *Прзднество с угощением, музыкой, танцами, играми и состязаниями.*

Золотой кувшин

Кто скажет, было то или не было, только верно, что жил на свете хитрый и жестокий царь.

В жизни своей ни с кем не обошелся он по-хорошему, не было такого человека, которого бы он пожалел, не было такой собаки, которую бы он приласкал.

Все – от мала до велика – боялись царя, а сам он боялся только одного – старости.

Целыми днями сидел царь в своих покоях и рассматривал себя в зеркале. Заметит седой волос – подкрасит краской. Заметит морщинку – разгладит рукой. «Нельзя мне стареть, – думает царь. – Сейчас все меня боятся, никто перечить не смеет. А сделаюсь старым и дряхлым – народ сразу перестанет меня слушаться. Как я с ним тогда управлюсь?»

И чтобы никогда не вспоминать о старости, приказал царь убивать всех стариков.

Чуть только поседеет голова у человека, тут ему и конец. Царские стражники с топорами и секирами хватают его, ведут на площадь и рубят ему голову.

Со всех концов страны приходили к царю женщины и дети, юноши и девушки – все приносили царю богатые подарки, все проливали горькие слезы, все молили пощадить их отцов и мужей.

Наконец надоело царю слушать каждый день жалобы. Позвал он своих гонцов и велел им по всем городам и селам, на всех дорогах и площадях объявить народу о своей великой милости.

Оседлали гонцы коней и разъехались в разные стороны. На всех дорогах и улицах, на всех перекрестках и площадях трубили они в трубы и громко выкрикивали:

– Слушайте все! Слушайте все! Царь дарует вам свою милость. Кто достанет со дна озера золотой кувшин, тот спасет жизнь своего отца,

а кувшин получит в награду. Такова царская милость! А кто не сможет достать кувшин, тот и отца не спасет, и сам голову потеряет. Такова царская милость!

Не успели гонцы объехать и половину страны, как стали сходиться и съезжаться к озеру храбрые юноши.

Берег озера был обрывистый, и с высоты его, сквозь чистую, прозрачную воду, ясно виден был прекрасный золотой кувшин с тонким горлышком, узорной резьбой и с выгнутой ручкой.

И вот прошло девяносто девять дней. Девяносто девять храбрецов попытали счастья. Девяносто девять голов отрубил жестокий царь, потому что никто не мог достать кувшин со дна озера – точно его заколдовал кто. Сверху посмотреть – кувшин всякому виден, а в воде никто найти его не может.

А в то самое время в той самой стране жил юноша по имени Аскер. Очень любил Аскер своего отца, и когда увидел он, что отец становится стар, что на лице его появляются морщины, а волосы становятся серебряными от седины, увел Аскер отца далеко в горы, в глухое ущелье, построил там хижину и в этой хижине спрятал своего старика.

Каждый день, когда солнце уходило за горы, юноша тайком пробирался в ущелье и приносил отцу еду. Вот однажды пришел Аскер в ущелье, сел возле отца и задумался.

– Какая забота у тебя на сердце, сын мой? – спросил старик. – Может, наскучило тебе каждый день ходить сюда?

– Нет, отец, – ответил юноша, – чтобы видеть тебя здоровым и невредимым, я готов трижды в день ходить в эти горы. Другая забота у меня на сердце. Ни днем, ни ночью не выходит у меня из головы царский кувшин. Сколько ни думаю я, никак не могу понять, почему это, когда с берега смотришь в прозрачную воду, кувшин виден так ясно, что кажется, протяни только руку – и он твой. А стоит кому-нибудь прыгнуть в воду, вода сразу мутнеет, и кувшин точно сквозь дно проваливается, словно и не было его.

Старик молча выслушал сына и задумался.

– Скажи мне, сын мой, – сказал, наконец, старик, – не стоит ли на берегу озера, в том месте, откуда виден кувшин, какое-нибудь дерево?

– Да, отец, – сказал юноша, – на берегу стоит большое, раскидистое дерево.

– А вспомни-ка хорошенько, – снова спросил старик, – не в тени ли дерева виден кувшин?

– Да, отец, – сказал юноша, – от дерева падает на воду широкая тень, и как раз в этой тени стоит кувшин.

– Ну так слушай меня, сын мой, – сказал старик. – Взберись на это дерево, и ты найдешь среди его веток царский кувшин. А тот кувшин, который виден в воде – это только его отражение.

Быстрей стрелы помчался юноша к царю.

– Ручаюсь головой, – закричал он, – я достану твой кувшин, милостивый царь!

Засмеялся царь.

– Только твоей головы мне и не хватает для ровного счета. Девяносто девять голов я уже отрубил – твоя будет сотой.

– Может, так, а может, и не так, – ответил юноша, – но боюсь я, что на этот раз не сравнять тебе счета.

– Что ж, попытай свое счастье, – сказал царь и приказал слугам по острей наточить секиру.

А юноша пошел к берегу и не задумываясь полез на дерево, которое росло над самым обрывом.

Народ, собравшийся на берегу, так и ахнул от удивления.

– Аллах да помилует его! Верно, от страха он лишился рассудка! – говорили одни.

– Может быть, он с дерева хочет прыгнуть в воду, – говорили другие.

А юноша тем временем взобрался на самую вершину и там, среди ветвей, нашел золотой кувшин – с тонким горлышком, с узорной резьбой, с выгнутой ручкой. Только висел кувшин на дереве вверх дном, так, что всем казалось, что стоит он в воде горлышком вверх. Снял юноша кувшин с дерева и принес его царю.

Царь так и развел руками.

– Ну, – говорит, – не ждал я от тебя такого ума. Неужто ты сам додумался, как достать кувшин?

– Нет, – сказал юноша, – я бы сам не додумался. Но у меня есть старик – отец, которого я укрыл от твоих милостивых глаз, он-то и догадался, где спрятан кувшин. А я только послушался его совета.

Задумался царь.

– Видно, старики умнее молодых, – сказал он, – если один старик угадал то, чего не могли угадать девяносто девять юношей.

С тех самых пор в той стране никто пальцем не смеет тронуть стариков, все чтят их седины и мудрость, а когда встречают старого человека на пути, уступают ему дорогу и низко кланяются.

Губная гармошка

одного бедного старика было три сына: двое старших – умные, а третий – дурак.

Когда старик умер, старшие братья разделили между собой все, что осталось от отца, а дураку дали только спицу от колеса арбы да сказали, что и этого много. Ведь недаром говорят в народе: «Глупому сыну не оставляй наследства, не пойдет оно ему впрок».

Решили братья отправиться на поиски счастья.

Старшие оставили имущество дома, а дурак захватил с собой все свое богатство – спицу от арбы.

Шли они, шли – долго шли, а когда стало темнеть, вошли в лес. На ночь братья решили взобраться на какое-нибудь дерево и там просидеть, чтобы на них не наткнулись разбойники. Старший брат и говорит:

– Как же нам быть с дураком, как поднять его на дерево со спицей?

– Позаботьтесь лучше о себе, – сказал дурак, – а я и сам заберусь на дерево.

Старшие братья влезли на самую верхушку, а дурак уселся на нижней ветке. Хотел и он влезть повыше, да не смог.

Сидит дурак, крепко держит спицу, не спит. Вдруг под деревом, на которое взобрались братья, остановились разбойники-абреки. Они возвращались из набега, устали, проголодались и решили поужинать.

Собрали они побольше сухих веток, развели костер, положили мясо в котел, подвешенный над огнем. Долго варилось мясо, а когда было уже готово и абреки собрались ужинать, с дерева вдруг упала спица: это задремавший дурак уронил ее. Упала спица в котел, и кипящим наваром обдало всех абреков. Испугались они и разбежались в разные стороны. А все добро, что они награбили, осталось под деревом. Тут дурак крикнул:

– Слезайте, братья, забирайте добро – вот нам и счастье привалило!

Отдал он старшим братьям все богатство, а себе взял только мешок проса. Взвалил его на спину, поднялся с ним на большой курган и стал топтать просо ногами.

Проходил мимо один старик, увидел это и удивился:

– Что ты делаешь? – спросил он.

– Хочу хоть раз досыта наесться пасты[1], – ответил дурак.

– Ты лучше продай просо мне – я дам тебе за него то, что тебе надобно!

– Ничего мне не нужно, кроме губной гармошки!

– А разве ты умеешь играть на ней?

– Не умею, так научусь!

Достал старик из-за пазухи губную гармошку и отдал ее дураку, а сам забрал мешок проса.

Сел дурак на кургане и стал играть на губной гармошке. И произошло чудо: зайцы, волки, лисы, медведи – все звери вдруг стали плясать исламей[2].

Играет дурак не переставая – устали уже звери, не могут больше плясать, но и остановиться не могут. А медведь так едва на ногах стоит – держится за дерево и ходит вокруг него.

Надоело дураку играть, спрятал он гармошку и лег спать. Как выспался, встал и пошел в город. Шел, шел по улицам и вдруг вспомнил про свою гармошку. Достал он ее и снова заиграл. Навстречу ему старик: он нес полную корзину яиц. Услышав звуки необыкновенной гармошки, старик пустился в пляс. Разбились все яйца, а старик все не может остановиться – пляшет и пляшет.

Пошел дурак по городу, решил наняться в работники. Вдруг видит: идет по дороге пши. Подошел он к пши и говорит:

– Возьми меня в работники!

– А сколько потребуешь за год работы?

– Пять монеток, – ответил дурак.

Обрадовался пши, что нашел такого дешевого батрака, и повел его к себе.

На другой день дурак выгнал пастись быков, а сам присел на кургане. Быки себе пасутся, а дураку что делать? Скучно стало ему смотреть по сторонам. И тут вспомнил он про губную гармошку. Достал ее и

[1] *Пастá – густая пшенная каша.*

[2] *Народный танец.*

заиграл. Быки перестали щипать траву, прислушались – да вдруг как пустятся в пляс! Целый день плясали без передышки. Вечером пригнал их дурак домой, а голодные быки стали стаскивать о крыши солому и с жадностью поедать ее. И так каждый день: с утра до вечера играл дурак на своей гармошке, а быки плясали. И травинки не успевали они сорвать за целый день и до того отощали, что остались от них только кожа да кости.

Видит пши – вот-вот его быки подохнут с голоду, и решил он посмотреть, как пасет их новый пастух. Когда на следующий день погнал дурак быков в степь, пши вышел за ним следом и спрятался в кустах.

Пригнал дурак быков туда, где росла самая высокая, сочная трава: едва было видно в ней огромных быков. Но не успели они и наклониться к траве, как достал он свою гармошку и заиграл па ней. Тут же пустились быки в пляс – забыли о траве. Не утерпел и пши, тоже пустился в пляс. Сильно кололи его колючки, да не мог он усидеть на месте. В один миг изорвал платье, а все тело его покрылось царапинами. Не вынес пши боли и громко закричал. Услышал его дурак, бросил играть и удивленно осматривается: кто может кричать в степи, где кроме него нет ни души?

Пши выскочил из кустов и помчался во весь дух в аул.

Разве мог кто-нибудь узнать в израненном оборванце пши? Мальчишки решили, что какой-то абрек забежал в село, и натравили на него собак. Еще больше испугался пши и со страху подпрыгнул так резво, что легко перемахнул через высокий забор. Только попал он к себе во двор – вышла на крыльцо княгиня-гуаша. И она не узнала в этом оборванце своего мужа и приказала слугам прогнать его со двора. Схватили они колья и хотели уже избить незваного гостя, но тут пши заговорил, и слуги – унауты – узнали своего господина. Они вымыли его, переодели и отвели в дом.

Рассказал пши жене о чудесной гармошке дурака. Удивилась она, ни за что не хотела поверить: как это губная гармошка может творить такие чудеса? Разгневался пши и решил проучить жену.

Вечером дурак пригнал быков с пастбища. Пши позвал его к себе в дом и приказал ему сыграть на гармошке. Едва поднес он гармошку к губам, как гуаша пустилась в пляс. А наученный уже пши велел привязать себя крепко-накрепко к столбу так, что не мог даже двинуться с места. Но и он не выдержал и при первых звуках едва не разорвал веревку.

– Будь ты проклят, перестань сейчас же, не то я задохнусь! – закричал пши.

Дурак положил гармошку за пазуху и пошел спать в сарай.

Когда он уходил, услышал, как пши говорил жене:

– Давай прогоним дурака, не то не будет нам покою ни днем, ни ночью!

На другое утро встал дурак пораньше, пошел к хозяину и говорит:

– Если ты хочешь, чтобы я ушел, отдай мне половину твоего имущества, не то я заставлю тебя и твою жену плясать без отдыха днем и ночью!

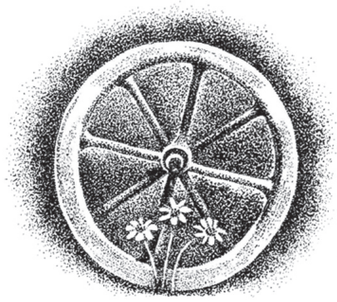
Что было делать пши? Почесал он затылок, подумал да и отдал дураку половину своего богатства.

Вернулся дурак к своим братьям, взял в жены самую красивую девушку аула, и зажили они припеваючи.

Коли не верите, что все это правда, спросите у гуаши. Правда, я не знаю, где она живет, да ведь узнать это просто – любая ее соседка вам скажет.

Старик и дерево

Однажды старичок поехал в лес за дровами. Выбрал он огромное красивое дерево и решил: «Срублю-ка я его».

Но только поднял топор, как заговорило дерево человеческим голосом:

– Прошу тебя, не губи меня, я сделаю для тебя все, что пожелаешь.

Удивился старичок – впервые видел он говорящее дерево, – подумал, подумал и сказал:

– Мне нужна пара быков, пара коров и конь с седлом.

– Иди домой, они уже ждут тебя, – ответило дерево.

Вернулся старичок домой и увидел у себя во дворе все, о чем он просил дерево.

Вскоре он опять отправился к дереву и занес над ним топор. Опять дерево заговорило:

– Прошу тебя, не губи меня, скажи, что тебе надобно?

– Хочу стать князем, – ответил старичок.

– Иди домой, тебя ждут твои люди, – сказало дерево.

Вернулся старичок домой, люди стали ему подчиняться, а князья относились к нему как к равному.

Прошло еще немного времени, и захотелось старичку стать царем.

Взял он свой топор и отправился в лес. Снова занес над деревом топор. Опять попросило его дерево:

– Прошу тебя, не губи меня, скажи, что тебе надобно?

– Хочу стать царем! – ответил он.

Тут дерево сказало:

– Прислони к моему стволу свой нос, и ты станешь царем.

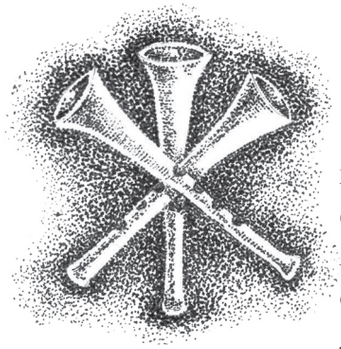

Украшение дома – ребенок, украшение стола – гость.

АЗЕРБАЙДЖАНСКИЕ СКАЗКИ

Зарнияр

Старичок так и сделал – и превратился в дятла.

ил в Самарканде шах по имени Шамиль, и была у него единственная дочь. Звали ее Зарнияр. Шах нанял муллу, чтобы он отдельно занимался с его дочерью. И он всегда занимался сперва с дочерью шаха, а затем с другими детьми.

Однажды шах обедал со своей женой.

– Слушай, муж, – сказала ему жена, – ведь у нас нет наследника. Давайка отправимся в Мекку, посетим святую Каабу и удвоим[1] свои имена.

Шах согласился с предложением своей жены и сказал:

– Что ж, это хорошо!

Утром он вызвал министра-визиря и сказал ему:

– Визирь, у меня есть дочь, которую я скрываю от чужих взоров. Тебе не придется нисколько о ней заботиться. И еды, и питья у нее вдоволь. Садись на мое место и царствуй. Если умру, ты останешься шахом, а вернусь, будешь по-прежнему визирем. Я еду в Мекку и поручаю тебе дочь, а тебя поручаю Аллаху.

И, поручив свою дочь визирю, шах с женой отправились в путь. Делая каждый день по одной остановке, они доехали до Мекки.

Визирь остался править вместо шаха.

Однажды, гуляя по балкону, он увидел во дворе дочь шаха. Посмотрев на нее, визирь воскликнул:

– Ей-ей, это такая девушка, которую Аллах создал в добрый день и в добрый час.

Такой страстью воспылал визирь к девушке, что решился он на бесчестное дело.

---

[1] *После паломничества в Мекку (хаджа) мусульманин прибавляет к своему имени слово «хаджи».*

– Кто знает, – подумал он, – что будет с шахом? Он старый человек и, возможно, где-нибудь умрет в пути и не вернется.

Визирь дождался ночи и отправился к дочери шаха. Увидев визиря в дверях, девушка крикнула: – Да как ты осмелился войти ко мне?

– Клянусь Аллахом, – ответил визирь, – если ты будешь много разговаривать, я прикажу отрубить тебе голову. Подумай о том, что отец твой старый человек и может умереть в пути.

Поняв, что визирь страшно сердит и может убить ее, царевна сказала:

– Визирь, побудь здесь, я сейчас выйду во двор и вернусь.

Взяв кувшин – афтабу, царевна вышла из комнаты и убежала в пустыню. Пробираясь темной ночью по пустыне, она, никого раньше не видевшая, встретилась с каким-то пастухом. Увидев ее, пастух сказал:

– Ах, сестренка моя милая! У меня не было сестры, и вот Аллах как раз тебя послал мне. Пойдем!

И, обняв ее за шею, он стал целовать ее то в одну, то в другую щеку и повел ее с собой. На опушке леса был у пастуха дом, в котором он жил со старушкой матерью. В доме же у него всего было вдоволь: и масла, и молока, и кислого молока, и сыра. Придя домой, пастух сказал:

– Мать, я нашел себе сестру.

– Дитя мое, – сказала мать, – я буду жертвой ради твоей сестры и тебя самого!

Пожив у них немного, дочь шаха увидела, что мать пастуха очень грязна. Она согрела воду и помыла ей голову, выкупала ее и выстирала ей платье.

Пастух теперь каждый раз, когда уходил, говорил своей матери:

– Прошу, мать, береги мою сестру.

Пусть они пока остаются здесь. Расскажу я вам о шахе Шамиле, как он посетил Мекку и вернулся обратно. Визирь понимал, что шах, вернувшись, может узнать о том, что произошло с его дочерью. Он сел на лошадь и поехал навстречу шаху. Когда они поздоровались, шах спросил про свою дочь. Визирь покачал головой и ответил ему:

– Эх, Шамиль! Не называй ее дочерью. Она оказалась настоящей развратницей. Она посеяла вражду между всеми горожанами. И сколько ни наставлял я ее на путь истины, она не послушалась. Наконец я сказал ей, что когда ты, ее отец, приедешь, я скажу, чтобы ты наказал ее. И вот, ночью она убежала. Я дал знать во все города, но ее нигде не находят.

Вернувшись из путешествия, шах повидался со своим народом, вернулся на пристол и стал царствовать. И однажды визирь сказал ему:

– Дай бог тебе долгой жизни, владыка мира! Я уже больше не буду визирем.

– Почему? – спросил шах.

– Потому что, я уже стар– ответил визирь, – и довольно мне быть визирем.

И шах отпусти его. Визирь же купил одежду дервиша и, переодевшись, стал ходить из города в город и искать царевну.

Между тем царевна, пожив месяц у пастуха, однажды призадумалась: «Если я дочь шаха, то к чему мне здесь оставаться?»

Дождавшись ночи, она убежала, и когда стало светать, дошла до какой-то поляны. Увидев огромную чинару, залезла на нее и спряталась в дупле.

И вот она видит: едет на лошади какой-то человек. Оказалось, это был шахзаде[1]. Подъехав, шахзаде хотел напоить свою лошадь. Но лошадь не стала пить воду. Посмотрел он в воду и заметил в ней чье-то отражение. Осмотревшись кругом, он увидел в дупле чинары девушку.

– Кто ты и что здесь делаешь? – обратился он к ней.

– Я убежала из дому, – ответила Зарнияр.

– Сядь позади меня на лошадь, – сказал шахзаде и, посадив девушку на лошадь, привез ее к себе домой.

Здесь Зарнияр пробыла целый месяц.

Увидев, что она девушка воспитанная и очень похожа на людей высокого происхождения, царица предложила своему мужу:

– Слушай, муж, давай, обвенчаем эту девушку с нашим сыном.

Зарнияр обвенчали с шахзаде. Несколько дней и несколько ночей справляли свадьбу.

Спустя некоторое время, Зарнияр сказала мужу:

– Я дочь шаха.

– Значит, ты шахская дочь? – спросил муж. – Отчего же ты мне не говорила об этом до сих пор?

Время шло, Зарнияр забеременела. И когда наступил срок, у нее родился сын.

Но оставим их пока здесь и вернемся к пастуху. Вернувшись домой, пастух увидел, что девушки нет.

– Мать, куда же делась моя сестра? – обратился он к своей матери.

– Дитя мое, ночью она исчезла, – ответила старуха.

Забыв про свое стадо, пастух надел платье дервиша и стал странствовать из города в город в поисках Зарнияр.

[1] *Принц.*

Тем временем муж Зарнияр, когда их сыну исполнилось девять месяцев, вызвал к себе визиря и сказал ему:

– Визирь, отвези мою жену в страну ее отца. Она ведь дочь шаха. Пусть она повидается со своими родителями, а потом привези ее обратно.

Шахзаде торжественно проводил Зарнияр в путь. Не доезжая трех верст до ее родного города, караван остановился и разбил палатки.

Дождавшись ночи, визирь, которому очень нравилась жена шахзаде, подумал про себя, что здесь нет никого, кто бы мог помешать ему, и пробрался потихоньку к Зарнияр.

Когда Зарнияр увидела визиря у себя, крикнула ему:

– Да как ты смеешь входить в мою палатку?

– Поменьше разговаривай, – ответил визирь, – не то я прикажу отрубить голову тебе и твоему сыну.

Поняв, что она в опасности и ждать помощи ей неоткуда, Зарнияр сказала ему:

– Побудь здесь, а я сейчас вернусь!

Выйдя из палатки, она убежала. На рассвете она дошла до какого-то города. Видит: это страна ее отца. Зарнияр узнала здешний базар и лавки. Она отправилась в лавку одного портного.

– Мой муж – дервиш, – сказала она, – дай для него платье дервиша.

Зарнияр купила полное облачение для дервиша, вплоть до кашкюля[1] и теберзина[2]. Надев на себя рубище и подобрав волосы под папаху, она взяла в руки кашкюль и теберзин, подошла к большой чайной и начала петь песню. Она обладала таким прекрасным голосом, что взволновала всех, кто ее слушал. Очень скоро вокруг нее собралось много народу. Хозяин чайной и повар увидели, что если они ежедневно зарабатывали сто монет, то на этот раз заработали двести.

– Ага-дервиш! Я буду тебя и поить, и кормить. Оставайся здесь сколько тебе угодно, – сказал повар Зарнияр.

Но оставим их пока здесь, и расскажу я вам о визире.

Как только наступило утро, визирь вместе со свитой и войском и вернулся обратно. Явившись к шахзаде, он сказал:

– Оказывается, эта женщина настоящая развратница, она убежала от нас.

Одевшись в платье дервиша, он стал разыскивать Зарнияр. Шахзаде также под видом дервиша пустился на поиски Зарнияр.

[1] *Чаша для подаяний.*

[2] *Струнный музыкальный инструмент.*

Однажды, когда Зарнияр пела, она увидела, что в толпе стоит какой-то дервиш. Присмотревшись, она узнала в нем визиря своего отца.

– Ага-дервиш! – сказала она ему. – Спой, пожалуйста, и ты какую-нибудь песню.

– Осмелюсь ли я петь при тебе? – ответил визирь.

– В таком случае, – предложила Зарнияр, – оставайся здесь при мне.

В следующий раз она увидела, что к ним подошел и приютивший ее пастух, также в одежде дервиша.

– Спой, пожалуйста! – обратилась она к нему.

Пастух также ответил:

– Смею ли я при тебе петь?

– Если ты не поешь, оставайся при мне, – предложила ему Зарнияр.

Затем она увидела, что к ним подошел визирь ее мужа, тоже одетый как дервиш.

– Спой, пожалуйста, и ты какую-нибудь песню, – предложила она.

Тот также ответил:

– Смею ли я петь при тебе?

– Тогда оставайся при мне, – сказала она.

Спустя некоторое время, она увидела, что появился и ее муж:

– Ага-дервиш, спой, пожалуйста, что-нибудь!

Но он также ответил:

– Смею ли я петь при тебе?

– В таком случае оставайся и ты при мне, – сказала Зарнияр.

Таким образом собралось пять дервишей. Каждый день Зарнияр пела и собирала народ вокруг себя. Слух об этом дошел до шаха, который через посланца предложил этому поющему дервишу прийти к нему в гости. Когда придворный передал Зарнияр предложение шаха, она ответила:

– Скажите шаху, что нас пятеро.

Придворный передал шаху ее слова. Шах через придворного велел передать им, чтобы пришли к нему все пятеро.

И вот пять дервишей пришли к шаху в гости. Сначала их угостили, а потом Зарнияр стала петь. Шах увидел, что она обладает таким голосом, от которого даже пролетающая по небу птица останавливается, как зачарованная. Кончив пение, Зарнияр сказала шаху:

– Дай бог тебе долгой жизни, государь! Я хочу тебе кое-что сказать.

– Можешь говорить, – разрешил шах.

– Дай бог тебе долгой жизни, государь, – обратилась к нему Зарнияр. – У меня есть к тебе просьба.

– Что бы ты ни сказал, ага-дервиш, будет нами исполнено, – ответил шах. – Говори!

– Поставь у дверей часового, – сказала Зарнияр, – и прикажи, чтобы он не выпускал никого из дома и не впускал никого в дом.

– Хорошо! – ответил шах и поставил у дверей часового.

Тогда Зарнияр ему сказала:

– Перед тем, как начать пение, дервиш, обычно, рассказывает о своей жизни.

– Можешь рассказывать, – ответил шах.

И Зарнияр начала свой рассказ:

– Дай бог тебе долгой жизни, государь! Некогда жил шах, у которого была дочь. Однажды, когда шах обедал вместе со своей женой, жена сказала ему: «Слушай, муж! Мы накопили много богатств, давай-ка, отправимся в Мекку и поклонимся святому камню». «Отлично!» – ответил шах и, оставив своей дочери все необходимое ей на жизнь и назначив муллу, который должен был обучать ее, он позвал к себе визиря и сказал ему: «Знаешь ли, визирь, мы отправляемся в Мекку. Я оставляю тебя вместо себя. У меня есть дочь, которую я скрываю от чужих взоров. Я ее поручаю тебе, тебя же поручаю Аллаху».

На этом месте шах перебил Зарнияр.

– Куда же делась эта девушка?

– Подожди, дослушай повесть до конца, – сказала Зарнияр.

– Позвольте мне выйти во двор! – сказал в это время визирь, переодетый дервишем.

– Нельзя, сиди на месте, – ответили ему, и он повиновался.

– Итак, они отправились в путь, – продолжала Зарнияр. – А визирь, однажды, гуляя по балкону, увидел дочь своего шаха и, дождавшись ночи, пробрался к ней. Сколько ни просила царевна, сколько ни умоляла его, визирь был неумолим. Наконец, видя, что визирь или убьет, или обесчестит ее, она сказала ему: «Я выйду во двор и вернусь», – и она убежала в пустыню, где встретила пастуха. Пастух сказал ей: «Ах, сестренка, милая моя! У меня, как раз нет сестры, и Аллах тебя послал мне!»

Услышав это, пастух спросил:

– Ага-дервиш, дорогой мой, куда же делась эта девушка?

– Дослушай до конца, – сказала Зарнияр и продолжала. – Пастух

взял ее к себе домой. Девушка увидела, что у пастуха в доме вдоволь масла, сыра, молока, кислого молока. Была у него еще старуха мать, и больше никого не было. Пастух сказал своей матери: «Мать, я нашел себе сестру, прошу береги ее!» На следующий день девушка засучила рукава, убрала дом и двор, выкупала старушку. «Слава тебе, господи, что ты ее послал нам!» – говорила старуха. И некоторое время девушка провела у пастуха. Но однажды, подумав, она сказала сама себе: «До каких же пор я, дочь шаха, буду оставаться здесь?» – и, дождавшись ночи, она убежала. На рассвете она дошла до какой-то поляны. Здесь она увидела чинару и спряталась в ее дупле. Спустя некоторое время, она увидела всадника. Тот подъехал, чтобы напоить лошадь, но она фыркала и отворачивала голову от воды. Всадник посмотрел и увидел в воде чье-то отражение. Он посмотрел на чинару и увидел притаившуюся девушку. Он спросил ее, зачем она сидит здесь, и она ему ответила, что она убежала из дома. Тогда незнакомец предложил ей сесть на его лошадь позади него и повез к себе домой.

При этих словах шахзаде живо спросил:

– Ах, дорогой мой дервиш, куда же делась эта девушка?

– Послушай до конца, – ответила ему Зарнияр и продолжала, – итак, этот всадник, оказавшийся сыном шаха, повез девушку к себе домой. Когда девушка пожила здесь некоторое время, мать шахзаде увидела, что она воспитанная девушка. «Давай обвенчаем ее с нашим сыном!» – предложила она своему мужу. И выдали девушку за шахзаде. Потом у нее родился сын. Однажды она сказала своему мужу, что она дочь шаха. Шахзаде спросил, отчего же она до сих пор не говорила ему об этом. На следующий же день он снарядил жену в дорогу и, дав ей в спутники визиря, торжественно отправил в гости к ее родителям.

Услышав это, визирь шахзаде стал просить:

– Позвольте мне выйти!

– Нельзя, сиди на месте, – ответили ему.

– И вот, не доезжая трех верст до родного города девушки, – продолжала Зарнияр, – путники остановились и разбили палатки. Ночью визирь, решив, что здесь никто не может ему помешать, пробрался к царевне. Сколько последняя ни старалась, она ничего не могла с ним поделать и наконец сказала ему: «Посиди здесь, я сейчас приду» и, выйдя из палатки, пустилась бежать. Придя в город отца, она купила себе одежду дервиша и, надев ее, стала петь в чайной... И вот теперь, государь, дай

бог тебе долгой жизни, перед нами твой визирь, пастух, мой супруг, визирь моего супруга и ты – мой отец.

Сказав это, Зарнияр сняла с головы папаху и добавила:

– Скажи же, не твоя ли я дочь?

Тотчас же шах вызвал палача и приказал отрубить головы обоим визирям.

Сделав мужа своей дочери шахом вместо себя, а пастуха визирем, он сказал им:

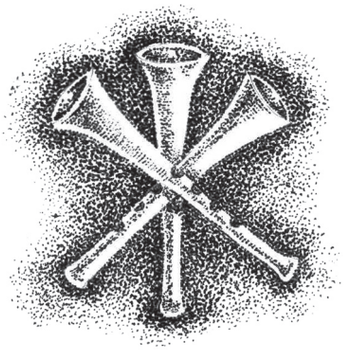
– Живите счастливо, пользуйтесь богатством, которое я накопил, и властью, которую я вам передаю.

Все они жили, ели, пили и отошли в землю, а мы также будем есть, пить и наслаждаться жизнью.

С неба упало три яблока: одно – мое, другое достанется мне самому, а третье – рассказчику.

Ржавый меч

ил-был в городе Исфагане шах. У этого шаха было трое сыновей.

Почувствовал шах приближение смерти. Позвал он сыновей и говорит:

– О, дети мои, я стар, и жить мне осталось немного, не сегодня-завтра умру. Послушайте же, что я вам скажу, – он повернулся к старшему сыну. – Тебе, Ахмед, я оставляю трон, Магомет будет визирем, а ты, Гасан, как самый младший, будешь советником. У меня есть еще одно завещание. Смотрите, ни в коем случае не забывайте о нем. В сороковой комнате моего дворца под семью замками хранится сундук. А в сундуке лежит ржавый меч. Если придется вам отправляться в дальнее путешествие, возьмите с собой этот меч, и тогда никто вам не страшен будет.

Сказал это шах и умер. И старший сын принял бразды правления.

Первое время его царствования все было тихо. Шах Ахмед занимался государственными делами, вершил суд, а когда ему наскучили дела, он решил путешествовать. Собрал он войско, оставил вместо себя среднего брата и хотел уже отправляться, как вдруг его остановил младший брат:

– Исполни завещание отца. Ты идешь в дальнюю дорогу, возьми же ржавый меч.

Посмотрел Ахмед на брата и рассмеялся.

– А я думал, что ты умный парень. Старик перед смертью сказал глупость, а ты хочешь, чтобы весь народ смеялся надо мной. Разве пристало мне, шаху, носить ржавый меч? Я дарю его тебе.

Сказал и отправился в путь. Шел он мало, шел он много, наконец добрался до незнакомой крепости. Огляделся Ахмед-шах окрест и замер удивленно: таких красивых мест никогда не видывал. Крепость была окружена лесом, где деревья были так высоки, что жуть брала.

Приказал Ахмед своему войску спешиться. Разбили они шатры и расположились на отдых. Поели они, попили, а утром Ахмед отправился к крепости. Ворота были крепко-накрепко закрыты. Но не такой человек был Ахмед-шах, чтобы его остановили замки. Сломал он их, вошел и увидел, что внутри крепость еще прекраснее. Сразу за стеной раскинулся сад, и тот сад утопает в цветах, а на каждом кусте поют соловьи. Посреди сада – огромный бассейн, выложенный золотыми и серебряными кирпичами, а внутри из семидесяти семи фонтанов бьет прозрачная, как слеза, вода. А вокруг никого. И решил Ахмед искупаться. Но только он разделся и сунул в воду одну ногу, как вдруг засверкала молния, загремел гром, небо покрылось тучами, и появился богатырь на крылатом коне. Еще не успев сойти с коня, он закричал:

– Как ты посмел забраться в мой сад? Я сейчас тебя убью!

С этими словами богатырь выхватил меч в мгновение ока убил Ахмеда и исчез так же внезапно, как появился.

Долго Магомет ждал брата, так и не дождался. Собрал войско и пошел на поиски шаха. И он не взял с собой ржавого меча. Добрался он до той же крепости. Увидел, что стены ее сложены из человеческих черепов, а под стеной лежит его брат. Испугался визирь, хотел повернуть обратно, но тут появился богатырь на крылатом коне, и Магомет погиб от его рук, как и его старший брат.

Младший брат, Гасан, долго ждал возвращения братьев, не дождался и тоже стал собираться в путь. А был он сильнее и умнее своих старших братьев. Не было еще ни одного богатыря, который смог бы положить его на лопатки.

Перед уходом мать позвала его к себе и сказала:

– Сынок, ты хочешь идти искать братьев. Я благословляю тебя. Только послушай. Возьми с собой ржавый меч. Пока этот меч будет при тебе, никто тебя не одолеет. Если по дороге встретишь человека, которому будет худо, не жалей сил и времени, помоги ему. Тогда тебе будет сопутствовать удача.

Сказала мать это, открыла сундук и достала из него ржавый меч. Гасан привязал подарок отца к поясу и сразу почувствовал, что силы в руках прибавилось.

Гасан с небольшим войском двинулся в путь-дорогу. Быстро ли, долго ли ехали они, наконец доехали до той самой крепости. Юноша увидел, что вокруг валяются груды человеческих костей. Ворота крепости растворились перед ним, вошел он и увидел одежду своих братьев. Понял Гасан,

что оба его брата погибли здесь. Стал он искать их тела, чтобы похоронить. Вдруг раздался гром, засверкала молния, черная туча, пролетев над лесом, закрыла все небо, из той черной тучи на крылатом коне спустился на землю богатырь в шлеме с закрытым забралом и закричал:

– Как ты осмелился прийти в мой сад?

Гасан смело ответил:

– Не кричи, злодей! Ты убил моих братьев. Я пришел отомстить за них. И я сам убью тебя.

Достал Гасан меч и бросился навстречу богатырю. Сорок дней и сорок ночей длилась их битва, и ни один не мог одолеть другого. Наконец на сорок первый день Гасан уложил богатыря на обе лопатки. Тут с головы богатыря упала шапка, и увидел Гасан, что это не юноша, а изумительной красоты девушка.

От удивления он потерял сознание и упал замертво. А когда пришел в себя, рядом никого не было. Только лежал клочок бумаги. Девушка-богатырь писала: «Я дочь франкского короля, Пери. Отец хотел выдать меня замуж, но я не пошла и дала себе слово, что стану женой того, кто меня победит. Таким человеком оказался ты. Если хочешь, можешь прийти и просить моей руки у франкского короля. Я буду ждать тебя».

Собрал Гасан свое войско и вернулся домой. Рассказал матери обо всем, посадил на свое место визиря, попрощался с матерью, сел на коня и уехал один. Долго ли, быстро он ехал, наконец, доехал до поляны. А на поляне лежал великан-див и тяжко стонал. Див был такой огромный, что от его стонов тряслась земля.

Подошел Гасан к диву и увидел, что в ноге у него застряла заноза величиной с бревно. Решил Гасан вытащить занозу, но подумал: «А вдруг див разозлится и убьет меня? Надо что-нибудь придумать». И вырыл он яму под ногой дива, прикрыл ее хворостом, забрался в эту яму и начал оттуда тащить занозу. Но не так-то легко было ее вытащить. Видать, диву стало больно. Он закричал:

– Кто это меня мучает? Погоди, попадешься мне в лапы, разорву на куски.

Гасан, не обращая внимания на крики дива, еще раз дернул за бревно и вытащил его. Из ноги дива хлынула кровь. А когда она вытекла, див успокоился и уснул.

Спал он долго, а проснувшись, почувствовал, что совсем здоров, и начал искать того, кто ему помог. Но никого вокруг себя не увидел. Стал

он на ноги, обошел поляну, но так никого и не нашел. И тогда крикнул див громким голосом:

– О тот, кто помог мне, предстань передо мной, за добро я воздам сторицею!

Гасан вылез из ямы и подошел к диву. Увидел его див, опустился на колени и сказал:

– О сын человека, ты спас меня от смерти. Скажи, чем я могу услужить тебе?

Гасан ответил:

– Див, я хочу, чтобы мы стали братьями. Помоги мне найти дочь франкского короля, Пери.

– О сын человека, – воскликнул див, – я рад быть твоим братом, но тех мест, где живет франкский король, не знаю. Садись верхом на меня, полетим к моему брату, может быть, он знает.

Как только Гасан взобрался диву на спину, тот поднялся в воздух, пролетел над селами, над долами и опустился в лесу, где стоял дворец. А перед входом во дворец сидел большущий белый див. Он встретил своего брата с улыбкой.

– А, братец, добро пожаловать, давно я не ел человечины. Ты, наверное, догадался об этом и привел сюда человека. Ух и полакомлюсь я!

Но младший див ответил:

– Брат мой, если ты дотронешься до этого человека, я пожалуюсь отцу, а сам до конца жизни буду твоим врагом. Этот человек спас меня от смерти. Услыхав эти слова, белый див поднял Гасана к самому своему лицу и начал целовать.

– Если ты брат моего брата, значит, ты и мой брат.

Дивы оказали Гасану всяческие почести, но на вопрос, где искать царевну, белый див ответил:

– Братец, я тоже не знаю, где владения франкского короля. Это знает наш старший брат, пойдите к нему.

Попрощался Гасан с белым дивом, сел на младшего дива верхом, и снова поднялись они в воздух. Пролетели над селами, над полями, увидели высокую гору. А у подножия горы стоял чудесный дворец, и перед ним сидел огромный серый див. Гасан и див спустились ко дворцу, и серый див, увидев брата, рассмеялся.

– Добро пожаловать, брат, где ты пропадал так долго? Этого человека ты принес мне на ужин?

– Брат, – ответил младший див, – никогда не трогай этого человека. Он спас меня от смерти, теперь он мне и белому диву брат.

Узнав, что случилось, серый див обнял Гасана, прижал к груди и показал дорогу к франкскому королю. Гасан и младший див летели сорок дней и сорок ночей. А на сорок первый на границе владений франкского короля див дал своему названому брату клочок шерсти и сказал:

– Если тебе будет трудно, подожги эту шерсть, и я тут же предстану перед тобой.

А Гасан достал из кармана нож и дал диву.

– Когда на лезвии этого ножа выступит кровь, знай, что мне худо. И спеши мне на помощь.

Попрощались они, а Гасан, пройдя еще немного, встретил пастуха.

– Здравствуй, пастух, – сказал он, – не продашь ли ты мне барана?

– Я вижу, брат, ты чужестранец, – ответил пастух, – а по обычаям нашей страны чужестранцам оказывают всякие почести. Я дарю тебе барана, выбирай любого.

Гасан поблагодарил пастуха, выбрал барана, зарезал его, выпотрошил, а желудок вычистил и надел на голову. И сразу стал похож на плешивого.

Так добрался он до столицы франкского короля. В центре столицы он увидел прекрасный сад, в котором были собраны самые красивые растения мира. Гасан пробрался в сад, искупался в водоеме, поел и завалился спать под деревом. Утром стражники поймали его и отвели к королю.

Король грозно спросил:

– Плешивый, кто ты?

– Ваше величество, – ответил Гасан, – я хожу по свету, ищу работу. А спать мне негде. Вот я и уснул в твоем саду. Если я в чем виноват, вели отрубить мне голову.

Увидел король, что имеет дело с умным юношей, и смилостивился.

– Я вижу, плешивый, ты хитер. Будешь пасти моих гусей, а за это получишь кров и еду.

Гасан согласился. Однажды в сад вышла царевна. Увидела она, что под одним деревом спит незнакомец. Но когда подошла поближе, сразу узнала Гасана, хотя и переодетого, с бараньим желудком на голове. Пери ничего не сказала и убежала к себе. Но с этого дня она стала грустна и задумчива. Это заметил король. Пошел он к жене и спросил:

– Что с нашей дочерью? Почему она так печальна? Поговори с ней. Мне кажется, ее пора выдать замуж.

Королева улучила удобный момент и спросила дочь:

– Почему ты не смеешься, не танцуешь? Какая у тебя печаль?

Но царевна отвечала, что печали у нее нет.

Королева продолжала:

– Ты уже не маленькая, до каких пор ты будешь жить с нами? Отец хочет выдать тебя замуж. Что ты на это скажешь?

Девушка покорно ответила:

– Мать, скажи отцу, раз он хочет выдать меня замуж, я противиться не буду. Только пусть выдает по нашим обычаям.

А обычай в тех местах был такой, что женихи должны были пройти под балконом невесты, она выбирала того, кто ей нравился, и в знак этого бросала вниз яблоко.

Король тут же приказал, чтобы все юноши его королевства прошли под балконом принцессы, но никто ей не понравился. Король рассердился, а Пери опустила голову и ответила:

– Отец, тот, кого я ожидала, не пришел.

Долго думал король, кто же есть еще в его стране, и не мог вспомнить.

Наконец, визирь подсказал:

– Остался только плешивый, который пасет гусей.

– Что ж, приведи его, пусть и он пройдет под балконом моей дочери.

Визирь провел Гасана. Как только принцесса увидела его, сразу бросила яблоко. Гасан поймал яблоко, поцеловал и приложил руку к сердцу. А король страшно разгневался и приказал выгнать из города и дочь, и плешивого. Но они не печалились, а стали жить в маленькой деревне в любви и согласии.

И случилось так, что вскоре король занемог. Сколько ни приводили лекарей, никто не мог вылечить его. Услыхал об этом Гасан, пошел на поляну и сжег шерсть дива. В ту же секунду появился див.

– Что прикажешь, брат мой? – спросил он, поцеловав Гасана.

– Мой тесть, король франкский, тяжело заболел. Как его вылечить?

– Надо подстрелить джейрана[1], сварить его голову и напоить больного отваром. Как только выпьет – мигом исцелится.

Гасан тут же подстрелил джейрана, сварил его голову, налил полную чашу отвара, сменил одежду и отправился к королю. Тот не узнал своего зятя и спросил:

[1] *Животное рода газелей, антилопа.*

– Кто ты, добрый человек? С чем пришел?

Гасан ответил.

– Да будет здоров король! Я – лекарь, принес лекарство.

– О юноша, – воскликнул король, – если ты сумеешь меня вылечить, я тебе дам все, что захочешь. Но если твое питье не поможет, знай, я велю отрубить тебе голову.

Гасан преклонил колени в знак согласия и подал королю чашу с целебным отваром. Тот выпил и почувствовал, как болезнь тут же покинула его. Он встал, потянулся и спросил:

– О юноша, что тебе дать? Проси все, хоть полкоролевства.

Но Гасан поклонился и скромно ответил:

– Да будет здоров король, мне не нужно никакого богатства. У меня только одна просьба – помирись с дочерью и зятем.

Король очень не хотел этого, но он дал честное слово и вынужден был согласиться.

На следующий день он приказал позвать дочь и ее мужа. Когда принцесса вошла, король увидел, что вместе с ней идет его вчерашний лекарь.

– Доченька, – спросил он, – ты прогнала своего плешивого? Что это значит?

Гасан надел на голову баранью шкуру и стал прежним плешивым. Король был удивлен.

– Отец, – сказала Пери, становясь на колени, – юноша, который поборол меня, стоит перед тобой. Он сын исфаганского шаха.

Король попросил извинения у Гасана и сыграл им свадьбу. Семь дней и семь ночей шел пир во дворце, и весь мир узнал, что франкская царевна вышла замуж.

А надо сказать, что на ней хотел жениться король другой страны, но она его в свое время отвергла. В ту ночь, когда окончилась свадьба, он увидел во сне, что франкский король выдал свою дочь за неизвестного юношу. Он не поверил этому и, встав утром, послал сватов к франкскому королю. Сваты вернулись ни с чем. «Царевна уже замужем» – доложили они. Тогда оскорбленный жених собрал огромную рать и напал на франков.

Увидев такое дело, Гасан попросил у тестя разрешения и один пошел навстречу врагу. Разгорелась битва такая кровопролитная, какой свет не видывал. Гасан взял в руки большие цепи и перебил стольких врагов, что вокруг горой валялись трупы, но войско не убывало.

Сорок дней и сорок ночей сражался Гасан. Увидел враг, что не одолеть ему богатыря, и решил пойти на хитрость. Созвал король всех ведьм и сказал:

– Которая из вас сможет обмануть или околдовать Гасана, та получит столько золота, сколько она сама весит.

Первой отозвалась одна старая ведьма. Она сказала:

– Дай мне десять самых сильных богатырей, и я приведу его к тебе.

Дал ей король десять богатырей.

Посадила ведьма их в большой кувшин, сама взгромоздилась сверху и полетела к франкской земле. Опустилась в лесу, спрятала там кувшин и богатырей, а сама пошла по городам и деревням попрошайничать. Ходила, бродила и оказалась под балконом Пери как раз тогда когда та вышла подышать воздухом.

Ведьма спросила:

– Чей это дом, дочка?

– Разве не знаешь? Это дом королевского зятя Гасана.

– Дочка, – вскрикнула старая ведьма, – да сохранит его Аллах! Не будь его, враг давно перебил бы нас всех. Он непобедимый богатырь. Только в чем его сила?

Доверчивая Пери проговорилась о тайне мужа.

Узнав, что сила богатыря в ржавом мече, ведьма вернулась в лес и стала дожидаться вечера. Как только все заснули, она привела богатырей к дому Гасана. Поздно ночью, когда Гасан спал крепким сном, они вытащили из-за его пояса меч, от чего Гасан заснул еще крепче. Связали богатыри его по рукам и ногам, схватили его и жену и в том же кувшине вернулись к своему королю. Посадил он Гасана в темницу, а жену его отвел в свой гарем.

В тот же самый день достал див нож и увидел, что с его лезвия капает кровь. Поднял он тревогу, созвал всех своих братьев. Собрались все дивы, окружили столицу франкского короля. Проснулся король рано утром, увидел, что дивы окружили город живой стеной. Послал он воинов узнать, в чем дело, но никто не осмелился даже близко подойти к ним. Тогда увидел король, что один див направился ко дворцу. Все спрятались. Король от страха хотел залезть под трон, но див крикнул ему:

– О сын человека, не бойся, только скажи, где наш брат Гасан? Что с ним случилось?

Король рассказал обо всем, что случилось, и див приказал своей рати окружить вражеский город. Потом он послал гонца сказать коро-

лю, который напал на франков, что если он сию же минуту не вернет Гасана и его жену живыми и невредимыми, то на его земле камня на камне не останется.

Король другой страны так испугался, что в тот же час отдал царевну и Гасана. Но Гасан все еще спал беспробудным сном. Дивы забеспокоились, а царевна объяснила.

– Украли его волшебный ржавый меч. Пока меч не вернут, Гасан не проснется.

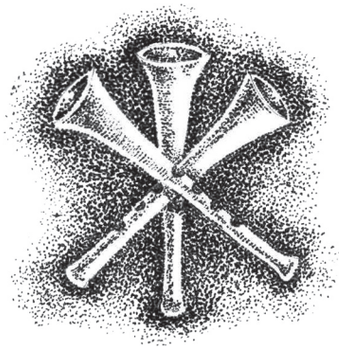
И глава дивов приказал хоть из-под земли, но найти ржавый меч Гасана и доставить к нему. В тот же час кинулись дивы к врагу, отняли ржавый меч, принесли своему повелителю. Как только подвязали меч к поясу Гасана, он чихнул и проснулся.

Весело отпраздновали дивы спасение Гасана и его жены.

И молодая чета вернулась на родину Гасана и стала жить дружно и счастливо.

Тайна дружбы

ил-был шах. И был у него единственный и любимый сын, а звали его Мелик.

Однажды ехал Мелик верхом по берегу моря и вдруг видит: конюх и Кечал Мамед[1] о чем-то спорят, кулаки в ход пустили. Мелик подскакал, разнял спорщиков и спрашивает:

– Что же это вы не поделили? За что тузите друг друга?

Драчуны чуть-чуть отдышались, конюх и говорит:

– Господин мой, дело было так. Стоял я на берегу и увидел, что по морю плывет какой-то сундук. Бросился я в воду, с трудом вытащил сундук, а тут откуда ни возьмись Кечал появился, кричит, что он первым увидел и потому сундук его. Вот мы и подрались.

Мелик пожурил драчунов, дал каждому по пять монет, а сундук забрал себе. Вез его, вез и вдруг подумал: «Дай-ка открою я этот сундук и посмотрю, что в нем. Может, догадаюсь, почему его бросили в море».

Сказано – сделано. Открыл царевич сундук и видит, что внутри лежит еще один сундучок, поменьше. Открыл он сундучок, а там – шкатулочка. В шкатулочке лежит бумажный свиток. Развернул его Мелик и прочитал: «Тот, кто хочет постичь тайну истинной дружбы, должен посетить крепость трех стариков».

Прочитал сын шаха это послание, пошел к отцу и говорит:

– О свет очей моих, отец и государь! Разреши мне отправиться в дальнее путешествие.

Шах удивился:

– Что это ты надумал, сынок? Куда собрался?

Мелик не хотел рассказывать отцу о таинственной находке, но тот так настаивал, что в конце концов он поведал и о ссоре конюха с

[1] *Кечал – плешивый; Кечал Мамед – умный и находчивый герой азербайджанских сказок.*

Кечалом Мамедом, и о том, как забрал у них сундук, и о странном послании.

В ответ шах рассмеялся:

– Так вот почему ты решил отправиться в дальние страны. Нет, сынок, человек не должен верить всему, что услышит. Нельзя гнаться за каждой птицей. Какой-то глупец нацарапал пустые слова, а ты готов внять его совету. Нет, не пущу я тебя одного рыскать по белу свету. Нет у меня, кроме тебя, никого, и не хочу я с тобой расставаться. Живи дома. Вся страна к твоим услугам. Разве здесь нельзя познать тайну настоящей дружбы?

Пригорюнился царевич, попробовал отца уговорить, но тот был непреклонен. Так ничего и не добившись, ушел Мелик от отца. И направился прямо в комнату печали. Была во дворце такая. Если у кого-нибудь из приближенных шаха случалась какая беда, приходили они сюда и проливали горькие слезы. Все тут было черное – и стены, и потолок, и пол. Ни один луч света не пробивался сюда. Мелик надел все черное и целую неделю никуда не выходил. Томился он, тосковал, и от слез его расплылись чернила на свитке.

После разговора о путешествии долго ждал шах сына к ужину, но так и не дождался. Не появился Мелик и утром. Встревожился шах, созвал всех своих слуг и отправил на поиски царевича.

Они обыскали дворец и сад, заглянули во все уголки, разослали глашатаев, но никто не мог найти беглеца. Наконец, когда прошла неделя и началась новая, сына шаха нашли в комнате печали. Тут же дали знать государю. Он вызвал своего визиря, вместе с ним отправился к сыну.

Мелик встретил их бледный и удрученный. Шах, который от волнения забыл о таинственном письме, удивился, увидев в руках сына какую-то бумагу, и спросил:

– Сынок, что с тобой, какое у тебя горе? Что это ты держишь в руке?

Мелик упал перед отцом на колени:

– О свет очей моих, отец и государь! Я испрашивал твоей воли отправиться в дальнее путешествие, чтобы узнать тайну истинной дружбы, но ты не разрешил. Этот отказ так опечалил меня, что я не смог сдержаться и пришел сюда выплакать свое горе.

Долго уговаривал шах сына, сулил ему золотые горы, обещал исполнить любое другое желание, только молил не уезжать. Увы, все было бесполезно. Мелик твердил, что ему ничего не нужно, только бы узнать

тайну дружбы. Наконец, посовещавшись с визирем, шах решил отпустить сына, дав ему в сопровождение сто воинов.

Хитроумный визирь предложил коварный план:

– Мы скажем воинам, чтобы они по одному постепенно покинули царевича. В конце концов он останется один, испугается и вернется обратно.

Так и сделали. На следующий день сын шаха, простившись с отцом, выехал из дворца. Следом за ним на горячих конях направились сто храбрых воинов.

Только выехали они на большую дорогу, как навстречу попался Кечал Мамед.

Царевич остановил свой отряд и обратился к нему:

– Послушай, Мамед, в сундуке, который вы нашли, оказался свиток. Какой-то неведомый человек написал, что тот, кто хочет познать тайну истинной дружбы, должен пойти в крепость трех стариков. Вот я и отправился на поиски этой крепости. Пойдем со мной.

Подумал Кечал и согласился:

– Ладно, только подожди, я своим скажу.

Испросил Мамед разрешения у отца, попрощался с матерью, которая положила в его дорожный мешок – хурджин – ячменного хлеба, и догнал Мелика.

Двинулись они в путь. Шли долго. Вдруг Мелик повернул голову и увидел, что они остались вдвоем, а все воины незаметно куда-то исчезли.

Кечал Мамед повернул своего коня поперек дороги и испуганно спросил:

– Как же мы пойдем одни, без войска? Что мы можем там сделать одни, без воинов, без оружия. Давай и мы вернемся.

Мелик закипел от гнева:

– Вижу, братец, ты не прочь удрать. Что ж, возвращайся, я один пойду.

Правильно говорят в народе: все кечалы сметливые и сообразительные. Посмотрел Мамед на царевича и сказал:

– О господин мой, не забудь, что если уж суждено кому-нибудь найти это место, то только мне. Я пойду с тобой.

И они продолжали путь. Ехали да ехали, то помалу, то помногу, разыскивая дорогу, где расспросом, где наобум, как вдруг видят: кончились запасы еды. Мелик опечалился:

– Что же нам теперь делать? Есть нечего, умрем мы с голоду.

Но Кечал беззаботно махнул рукой:

– Мать положила мне в хурджин ячменного хлеба. Давай съедим, а там видно будет.

Он достал каравай хлеба и нарезал толстые ломти. Мелик поморщился. Ему в жизни не приходилось есть такой жесткий хлеб.

Снова двинулись они в путь-дорогу. Шли днем и ночью и наконец добрались до высокой-превысокой горы. Перевалили через нее, и открылась их взорам широкая долина, вся усыпанная цветами. Да такая красивая, что даже цветник в шахском саду не мог с ней сравниться. Каждый цветок переливался тысячью красок, голова кружилась от пьянящего аромата. В ветвях деревьев соловьи заливались, тут и куропатки, и фазаны, и перепелки, и попугаи, и павлины с пышными хвостами. Вдали пугливо пробегали стада ланей, газелей.

Среди долины возвышался дворец, выложенный из золотых и серебряных кирпичей. Его башни уходили в облака. Со всех сторон дворец был обнесен высокой крепостной стеной, один вид которой внушал страх.

– Как здесь красиво! – восхищенно произнес Мелик. – Вот бы где остаться.

Но Кечал Мамед не разделил его восторга:

– Рано, мой господин, говорить о том, чтоб остаться. Что-то не нравится мне это место…

И словно в подтверждение его слов, не успели они дойти до крепостных стен, как раздался страшный грохот. Путникам показалось, что небо рухнуло на землю. В ту же минуту ворота дворца распахнулись, неизвестно откуда появились две огромные руки. Одна сбросила с коня Мелика, другая опустила на землю Кечала Мамеда. Те же руки, двигавшиеся сами по себе, схватили коней под уздцы и отвели в крепость, поставили в конюшню. Только здесь путники, ни на шаг не отставшие от коней, остановились и огляделись. Это была большая конюшня, размером с городскую площадь. Снова появились руки, задали коням корм. Потом те же руки привели Мелика и Мамеда во дворец, такой пышный и роскошный, что отцовский дворец показался царевичу жалкой хижиной.

Людей по-прежнему не было видно. Словно по воздуху подплыли к усталым путникам чаша для омовения и полотенца. На столе появилась скатерть, а на ней сто разных блюд, одно другого вкуснее. Гости только диву давались, откуда все это берется. Но недолго предавались они раз-

думьям. Оба были очень голодны и принялись за еду. Когда они наелись досыта, опять появились таинственные руки, убрали все со стола. Потом они повели Мелика и его друга в опочивальню. Здесь гости, не мешкая, разделись и легли. Сын шаха, привыкший к холе и неге, уснул, едва его голова коснулась подушки. Зато Кечал, хитрый и умный, как лиса, спал вполглаза, чутко прислушиваясь к малейшему шороху.

Было уже далеко за полночь, когда Мамед увидел, как распахнулись двери в комнату. Вошли три старика в огромных черных чалмах, длинных черных балахонах и черных башмаках с острыми, загнутыми вверх носами. Один старик держал в руках черную книгу, другой нес тяжелый черный жезл, а к поясу третьего была привешена кривая сабля с черной рукояткой.

Старик с саблей заговорил первым:

– Нечего долго раздумывать. Отрубить им головы – и все. Не приведи Аллах, раскроют наши тайны.

Старик с книгой в руках возразил ему:

– Один из этих юношей царевич. Если убьем – шах пошлет на нас войско, и мы погибнем. А Кечалу Мамеду смерть пока не суждена.

– Что же нам делать с ними? – растерянно спросил старик с жезлом.

Старик с книгой, по-видимому, самый мудрый, ответил:

– Раз уж они попали к нам, попросили у нас приют, наш долг – помочь им.

Не успел он вымолвить последнее слово, как Мамед соскочил с постели и упал на колени:

– О старик, не откажи нам в своей помощи. Мы идем узнать тайну истинной дружбы. Укажи нам путь.

Старик простер над ним руку и сказал:

– О юноша, мы разгневались на вас, хотели казнить, но раз ты так просишь, раз молишь о помощи, слушай и запоминай. Встаньте на заре, чуть свет. Садитесь на коней и отправляйтесь прямо по дороге, по правой стороне. Встретится вам лисица. Но это не настоящая лисица, а старуха колдунья. С утра до ночи сидит она на распутье семи дорог и следит за всеми, кто проходит. У каждого она всеми правдами и неправдами старается выведать, куда и зачем он идет. Смотрите, не доверяйте ей вашу тайну, иначе горе вам… Как только отойдете от лисицы, слезайте с коней, снимите с них подковы и поставьте их наоборот. Потому что эта хитрая ведьма, не сумев выведать вашу тайну, начнет

вас преследовать. А если вы подкуете коней перевернутыми подковами, она пойдет в другую сторону и потеряет ваш след. Немного дальше вам встретится птичка-невеличка. Каждое ее перышко окрашено тысячью красок. Смотрите, не смейте ее убивать! Она заколдованная. Подсыпьте ей немного корма и идите дальше. До самого моря вы не встретите больше никаких препятствий. Но вот переплыть море на своих конях вы не сможете. Снимите седла и сбрую, отпустите коней в лес. На берегу вы увидите огромный черный камень. Под ним вы найдете удила. Один конец бросьте в воду. Тотчас же из воды навстречу вам выйдет конь о трех ногах. Садитесь на него оба, он довезет вас до другого берега. Только смотрите – камень хоть и невелик на вид, но весит тысячу пудов. У вас не хватит сил сдвинуть его с места. Станьте возле камня и скажите: «О черный камень, ты упал с небес, земля помогла тебе, теперь помоги нам». Камень сразу станет легче, и ты сможешь поднять его и взять удила. На другом берегу вы увидите точь-в-точь такой же камень. Снимите с коня удила и положите под камень. О коне не беспокойтесь. По суше он ходить не может и потому вернется в море. Еще у камня вы найдете железные башмаки и посохи. Наденьте башмаки, возьмите посохи в руки и ступайте вперед. Будете идти до тех пор, пока не износятся башмаки и не сотрется посох. Вот тут вы и остановитесь. Сразу же перед вами появится старуха. Дадите ей денег, и она покажет вам место, которое вы ищете.

Только старик вымолвил последнее слово, как все трое исчезли, а Кечал кинулся будить Мелика. Тот спал как убитый. Наконец он поднял голову и недовольно сказал:

– Эх, зачем ты разбудил меня? Какой сон мне снился! Будь ты на моем месте, вовек бы не захотел просыпаться…

Но Кечал Мамед, не обращая внимания на его недовольство, спокойно сказал:

– Господин мой Мелик, тебе повезло, что ты спал и ничего не видел. Если бы ты только знал, как напугали меня эти старики.

– Какие старики, что ты болтаешь? – удивленно спросил Мелик.

И тогда Кечал рассказал ему все, что видел и слышал. Лишь в одном погрешил он против истины. «Птицу, – сказал он, – надо подстрелить».

Не зря ведь говорят в народе – нет на свете хитрее Кечала. Он подумал: вдруг по дороге они повздорят и Мелик, уверенный, что знает все сам, прогонит его и доберется до места, которое они ищут. Лучше пусть Мелик не все знает.

Потом Кечал потребовал, чтобы сын шаха пообещал в дороге слушаться его во всем. Они поклялись в вечной дружбе и скрепили клятву кровью.

На заре, едва рассвело, Мелик и Кечал, как велел старик, вышли и направились к конюшне. Но те же самые руки, что встретили их вчера, уже держали оседланных коней у ворот. Сели друзья на коней и отправились в путь-дорогу.

Как предсказывал старик, вскоре встретилась им лисица. Побежала она рядом с ними, заговорила по-человечьи. Как ни уговаривала их, как ни упрашивала рассказать, куда едут, что ищут, но ничего не вышло. Молодцы наши только смеялись хитрой колдунье в ответ, а тайны своей не выдали. Отъехали немного, спрятались за деревом и оглянулись. Лисица отстала. Тут они спешились, перековали коней и поехали дальше.

Долго ли ехали, коротко ли, наконец встретили они птицу. Мелик тут же сорвал со спины лук, натянул тетиву, хотел стрелу выпустить, но Кечал схватил его за руку. Царевич удивленно спросил:

– Да ведь ты сам говорил, что птицу, которую мы встретим в пути, надо подстрелить. Почему же сейчас не даешь мне сделать это?

Мамед соскочил с коня, упал перед сыном шаха на колени:

– О господин мой Мелик, прости меня. Все проклятая хитрость. Это она виновата, что я соврал тебе. Старик велел не трогать птицу, а наоборот, накормить ее.

Рассердился Мелик, но потом все же простил Мамеда. Пошли они дальше. Долго шли молча, пока не добрались до самого моря. Спешились они, расседлали коней, отпустили их в лес. Встал Мамед подле черного камня и повторил те слова, которым научил его старик: «О черный камень, ты упал с небес, земля помогла тебе, теперь помоги нам». И вправду камень стал таким легким, что Мамед одной рукой приподнял его, а другой достал спрятанные там удила. И в ту же секунду раздался такой грохот, словно небо обрушилось на землю. Море заволновалось, закипело, и выскочил из воды конь о трех ногах. Кечал Мамед тут же накинул на него удила и потянул к себе. Конь уперся, попытался вырваться, вернуться в море, но не тут-то было. Кечал держал крепко. Вскочили они вдвоем на широкую спину, бросился конь в пучину и в одно мгновенье вывез их на другой берег. Только Мамед снял удила, конь тут же прыгнул в море и скрылся из глаз. А Кечал спрятал удила под такой же черный камень, как велел старик, и стал искать кованые башмаки. Они были тут же, рядом. Мелик и Мамед обулись в башмаки,

взяли в руки железные посохи и пошли. По долинам, по стремнинам, где – привал, где – перевал, то в обход, то напрямик, день – путь, сон – миг. Вдруг заметили, что башмаки продырявились, а посохи стерлись с концов. Знать, добрались они до того места, которое искали. Огляделись и видят: неподалеку хижина стоит. Направились они туда. Только хотели постучать в дверь, вышла на порог старуха. Мелик глянул в ее добрые глаза и сказал:

– Бабушка, мы устали и проголодались в пути, не оставишь ли ты нас переночевать?

Старуха вздохнула:

– Места у меня есть много, сынок, оставайтесь, не жалко. Вот только накормить мне вас нечем.

– Это не беда, бабушка. Было бы где спать. А поесть найти нетрудно.

Он достал из кармана большой рубин и протянул старухе:

– Вот, возьми, поменяй у менялы на деньги и купи чего-нибудь поесть.

При виде такого огромного рубина у старухи глаза на лоб полезли. Но она ничего не сказала и пошла в город к знакомому купцу. Подала ему камень и сказала:

– Братец, на-ка этот рубин, дай мне взамен еды и денег.

Купец осмотрел камень и понял, что старухе одной не унести столько денег. Поэтому он сказал:

– Пойди, приведи носильщика – амбала, сама ты не управишься.

Старуха подумала, что купец смеется над нею, но пошла, а про себя подумала: «Говорит, надо привести – приведу. Но если только этот нечестивец надо мной посмеялся, я его проучу так, что весь свой век помнить будет».

Но купец и не думал шутить. Когда старуха вернулась с амбалом, он навьючил на беднягу два огромных мешка: один с деньгами, другой – с продуктами.

Привела она амбала домой, сложил он мешки в дом, получил за труды и ушел. А Мелик и Мамед набросились на еду, а когда поели, поблагодарили старуху, и Кечал сказал:

– Послушай, бабушка, есть у нас одно дело. Если ты нам поможешь, дадим тебе столько драгоценных камней, что и не счесть.

Старуха в ответ рассмеялась:

– Куда мне их девать, сынок? Мне хватит и того, что вы уже дали. Скажите лучше, чем я могу вам помочь?

– Мы пришли сюда, чтобы узнать тайну истинной дружбы. Узнать ее можно в заколдованной крепости трех стариков. И только ты можешь показать это место.

Старуха засмеялась:

– Да ведь вы оттуда пришли. Крепость, где вы ночевали у трех стариков, и есть то самое место.

Мелик удивился:

– Зачем же они прислали нас сюда, почему не рассказали о своей тайне?

– Дети мои, этого я вам сейчас сказать не могу. Вы встретите стариков еще раз. И тогда они откроют вам тайну истинной дружбы. А теперь идите на окраину города. Там вы увидите высокий дом. В нем живут неразлучных два друга – Ахмед и Мамед. Может, там вы узнаете тайну.

Долго шли Мелик и Мамед, пока не прошли весь город. На самой окраине они увидели пастуха со стадом овец. Они подошли к нему:

– Братец пастух, может, ты знаешь, где живут два неразлучных друга Ахмед и Мамед?

– Как не знать? – охотно откликнулся пастух. – Их овец-то я и пасу. Вот видите этот высокий дом там, вдали? В нем они живут.

Друзья пошли прямо к дому, который указал им пастух, постучали в дверь. Открыл им Ахмед. Мелик поклонился и сказал:

– Мы чужестранцы, никого не знаем в этом городе. Не могли бы вы приютить нас на одну ночь?

Ахмед широко распахнул двери:

– Для гостей – самое почетное место. Проходите, пожалуйста, милости просим.

Он провел гостей в парадную комнату, усадил на ковер. Поговорили о том, о сем, потом слуги подали разные кушанья, одно лучше другого. Но как Ахмед ни старался, как ни уговаривал, ни Мелик, ни Мамед даже не притронулись к еде.

– Почему вы не хотите отведать моего хлеба? – наконец обиженно спросил Ахмед.

Тогда Мелик решил открыть цель их прихода.

– Братец, мы пришли сюда, чтобы узнать тайну твоей дружбы с Мамедом. Пока ты не откроешь нам эту тайну, мы не станем ни пить, ни есть.

– О гость, зачем тебе понадобилась моя тайна? Скажи правду. А не скажешь – и от меня ничего не узнаешь.

И поведал Мелик Ахмеду обо всем, что с ними приключилось: о том, как нашли сундук, о письме, которое в нем оказалось, о том, что шах не хотел его отпускать, и обо всех приключениях в пути.

Пожалел Ахмед своих гостей и сказал:

– Да, братцы мои, прошли вы немало. А теперь выслушайте меня. В молодости у меня было очень много друзей. Каждый день я с кем-нибудь пировал. Так и жил. Однажды отец сказал мне: «Сынок, погляжу я, очень много у тебя друзей, а ты когда-нибудь испытывал их?» Я пожал плечами и ответил: «Нет, отец, не испытывал. А зачем? Я и так знаю, что они мои верные друзья. Разве не видишь: они каждый день приходят ко мне, забавляют, не дают скучать, ничего худого я от них не видел». Но отец не унимался: «Сынок, ты еще очень молод, нельзя называть каждого, кто тебе улыбается, другом. Все они друзья, пока полно денег в карманах. Сейчас у нас достаток, мы богаты, и они, как мухи, слетаются на мед. Большинство из них приходит из-за еды, из-за питья. Ты думаешь, они по-настоящему любят тебя? А ты попробуй испытать их. Узнай, что у них на душе». Слова отца запали мне в сердце.

В один прекрасный день я убил барана, положил его в мешок и завязал крепким узлом. Когда настал вечер, я взвалил мешок на плечи и пошел по очереди ко всем своим друзьям. Я постучал в первую дверь. Вышел мой друг. Я опустил мешок на землю и сказал: «Сегодня со мной случилась большая неприятность. Я убил шахского барана, как назло, самого любимого. Если шах узнает, меня повесят. Баран у меня сейчас в мешке, помоги мне спрятать». Друг насупил брови и отвел в сторону глаза: «Извини, брат, мы не раз пили и ели вместе, но я не могу выполнить твою просьбу. Баран – не иголка, его не спрячешь. Боюсь, узнает шах, не сносить мне тогда головы». Долго я умолял друга, но он был непреклонен и в конце концов захлопнул перед моим носом дверь со словами: «Послушай, да отстань ты от меня! Я очень сожалею, что подружился с тобой. А теперь не то что дружить, знать тебя не желаю…»

Так с мешком за плечами я обошел всех своих друзей. Меня встречали как всегда приветливо. Но стоило мне рассказать, в чем дело, все двери захлопывались, и меня гнали вон. В ту ночь постучался я в тридцать девять дверей, тридцать девять друзей просил о помощи. И ни один из них меня даже за порог не пустил.

Опечаленный, я возвращался домой и вдруг вспомнил, что в маленьком домике, у самой дороги, живет один мой знакомый. Мы не были с ним близки, и я хотел пройти мимо. Если даже друзья, с кото-

рыми я день и ночь пил и кутил, не хотели помочь мне, станет ли со мной разговаривать этот человек? Но все-таки какой-то голос шептал мне: «Постучи! Испытай и его». И я, проклиная шайтана, подошел к двери. На стук вышел сам хозяин. Я робко поздоровался с ним и сказал: «У меня большое несчастье. Я нечаянно убил шахского барана, и теперь я не нахожу места, где бы спрятать его. Не можешь ли ты помочь мне?» Он подумал немного и грустно покачал головой: «Конечно, это очень плохо, что ты убил чужого барана, тем более из шахского стада. Но теперь ничего не поделаешь. Как говорится, чему быть, того не миновать. Однако тебе грозит беда, и я должен тебе помочь. Нельзя же допустить, чтоб ты погиб из-за какого-то барана». Он вернулся в дом и через минуту появился снова с большой лопатой. «Пойдем, – сказал он. – Зароем барана на окраине города».

Мы шли долго. Я падал с ног от усталости – ведь за этот вечер с мешком на плече я обошел чуть ли не весь город. Мой спутник вдруг остановился и сказал: «Ты, наверное, очень устал, дай я понесу барана». Я не хотел отдавать ему мешок, но он насильно отнял его у меня. Наконец мы дошли до небольшого арыка. Здесь мы вырыли яму, положили в нее мешок с бараном и засыпали землей. «Давай немножко углубим арык, – предложил мой знакомый, – тогда вода потечет прямо над ямой, тогда никому и в голову не придет, что здесь может быть что-то зарыто». Сказано – сделано. Мы подрыли немного, так чтобы слегка изменилось русло арыка, и вода потекла над тем местом, где был зарыт баран.

Когда все было кончено, я поблагодарил своего знакомого и вернулся к себе домой. На следующее утро я опять пошел к нему, чтобы поблагодарить еще раз. Я не застал его. Мне сказали, что он пошел на свадьбу к какому-то беку. Этот человек, которого я знал совсем мало, оказался единственным моим другом. Интересно, может ли он хранить тайны? Чтобы увериться в этом, я тоже пошел на свадьбу. Там собрались все самые знатные люди нашего города. Я вошел в комнату и увидел своего нового друга на самом почетном месте. Прямо с порога я закричал: «Будь ты проклят, нечестивый, пропади пропадом, ну-ка выйди во двор, посмотришь, что я с тобой сделаю». Он даже бровью не повел и спокойно ответил: «Не кричи, Ахмед, ступай себе домой. Хоть бей меня, хоть режь, все равно ни за что не скажу, над чем течет вода». Услыхав эти слова моего друга, я раз и навсегда поверил, что мой новый друг надежен, как скала, что он никогда не выдаст тайны, не предаст меня. С того самого дня я души не чаял в Мамеде. Я и забыл сказать, что моего нового друга звали

Мамед. Мы проводили все время вместе и так привязались друг к другу, что и часу не могли прожить врозь. Но счастье никогда не бывает вечным. Случилось так, что Мамеду пришлось перебраться в другую страну. Он продал все свое имущество, забрал отца и мать и переехал.

Прошли годы. Умерли мои родители. Я обеднел, друзей у меня не было, родных тоже, только одна сестра. Жили мы плохо, перебивались с хлеба на воду. Я повсюду искал работу, но ничего не мог найти. Тогда я взял сестру, и мы отправились искать счастья по свету. Деньги, которые у нас были, кончились, одежда пообносилась. Мы брели из города в город, голодные, оборванные, потерявшие всякую надежду. Так мы пришли в этот город, и я случайно узнал, что мой друг Мамед живет здесь. Мы уже несколько дней ничего не ели, сестра совсем обессилела. Я решил найти друга Мамеда и одолжить у него хоть немного денег. С трудом я узнал, где находится дом Мамеда. Я отправился туда и как раз в дверях встретился с ним. Он куда-то уходил с женой. Я отозвал его в сторону и тихонько сказал: «Братец, со мной стряслась беда, и я пришел в этот город, где у меня нет ни жилья, ни родных. Одолжи мне немного денег». К моему удивлению, Мамед даже не взглянул на меня. Достал горсть мелочи, сунул мне в руку и ушел. Такое холодное отношение обидело меня, я хотел вернуть ему деньги, но вспомнил, что сестра умирает с голоду, и смирил свою гордыню. Эту ночь мы с сестрой провели в караван-сарае. Когда мы вышли на улицу рано утром, к нам подошли какая-то женщина и девушка. «Сынок, – сказала женщина, – вы похожи на чужестранцев. Мне кажется, вам негде жить. У нас в доме семь комнат, и все пустуют. Пойдемте со мной, будете моими детьми. Будем жить все вместе, как одна семья». Ее приглашение удивило и даже немного насторожило меня. Я знал – в этих краях найти пристанище не так-то легко. Может быть, она хотела заманить нас в ловушку? Но что могла взять она с двух оборванцев? У нас даже не было денег, чтобы заплатить за жилье. Но женщина говорила так приветливо, что мы с сестрой согласились и пошли с ней.

С того дня женщина ухаживала за нами, как за родными детьми. А я и сестра, как могли, помогали ей в домашних делах.

Однажды я шел на базар, и вдруг какой-то старик остановил меня: «Сынок, я должен твоему отцу два кошелька золота. Только сейчас я узнал, что он умер, а его дети живут здесь. Возьми эти деньги, они твои». Я не хотел брать деньги. Но старик не отставал, пришлось положить кошелек в карман. Дома я отдал деньги женщине, которая приютила нас. Так мы и жили, спокойно и счастливо.

А в один прекрасный день я встретил на базаре Мамеда. Я хотел пройти мимо, будто не заметил его, но он окликнул меня: «Ахмед, ты обижен на меня?» Что я мог ему сказать? «Конечно, обижен. Ты не похож на человека, верного в дружбе. Когда я попросил у тебя денег, ты даже не взглянул на меня, не спросил, как я живу. Разве так поступают друзья?» Мамед нахмурился: «Все, что ты говоришь, правда, Ахмед. Я дал тебе деньги, не глядя на тебя. Это так. Но я не изменил нашей дружбе. Я разговаривал с тобой как с чужим потому, что ты был похож на нищего и моя жена не поверила бы, что такой оборванец может быть моим другом. Но потом я подослал к тебе свою мать, и она взяла тебя в сыновья. А еще немного времени спустя я послал к тебе отца, и он отдал тебе два кошелька золота».

Гости мои, вы знаете, что это была правда. Я понял моего друга, и с того дня наша дружба окрепла. Мы больше никогда не разлучались. Вот и все.

Когда он кончил свой рассказ, уже рассвело, запели петухи. Мелик и Кечал Мамед поблагодарили Ахмеда, сели на коней и отправились в путь. Шли они днем и ночью. По долинам, по стремнинам, где – привал, где – перевал, то в обход, то напрямик, день – дорога, отдых – миг. Чтоб попасть на родину, им надо было пересечь семь стран семи шахов. А еще надо было пройти между двух гор. На одной из них жили сорок разбойников, и каждого, кто появлялся в этих местах, они грабили и убивали.

Когда Мелик и Кечал подошли к злополучной горе, дозорные разбойников заметили их, налетели со всех сторон, окружили путников. Были у них сабли, начали они отбиваться. Увидали разбойники, что не одолеть им Мелика и Мамеда, послали к атаману с известием, что, мол, пока ты там сидишь, два чужеземца убивают твоих людей. Приказал атаман всем разбойникам сесть на коней. И живыми или мертвыми привести чужеземцев. Увидели Мелик и Мамед, что несутся к ним сорок разбойников на быстрых конях, поняли: не устоять им. Пришпорили они своих коней и полетели, словно птицы. А разбойники за ними. Вдруг конь Мамеда споткнулся и упал. Пока Кечал поднимал коня, разбойники настигли его, схватили, скрутили руки и отвезли к атаману. Тот велел бросить пленника в темницу, а через три дня отрубить ему голову. Но пока Мамед томится в тюрьме, посмотрим, что случилось с Меликом.

Когда разбойники окружили Кечала, Мелику удалось спастись. Долго скакал он, сам не знал сколько. Наконец доскакал он до луга, но тут, сломленный усталостью, сполз с коня, отпустил его пастись, а сам лег под дерево. Но луг этот, на беду, был заповедником могучего шаха. Не успел

Мелик заснуть, как стража увидела коня, поймала Мелика и отвела во дворец. Грозному повелителю доложили, что какой-то странник нарушил его приказ и пустил своего коня пастись в заповедник. Разгневался шах и приказал посадить пришельца на тридцать девять дней в подземелье, а на сороковой день соорудить перед дворцом виселицу и повесить. Мелику даже не объяснили, в чем он провинился, и заточили в темницу.

А тем временем Кечал Мамед успел осмотреться в своей темнице и увидел, что он не один. В углу лежал какой-то юноша. Он тяжело и прерывисто дышал. Поминутно останавливаясь, он рассказал Мамеду, что попал сюда семь лет назад. С тех пор ни разу не видел он белого света.

Ночью юноша умер. А Мамед снял с него одежду, надел ее на себя, а мертвеца нарядил в свой костюм и усадил в углу. Сам же, притворившись мертвым, вытянулся у двери. Наступило утро. Стражник принес заключенному похлебку и увидел, что один умер. Завернули его в циновку, положили на арбу и повезли на вершину, чтобы сбросить в пропасть.

По дороге Кечал, конечно, незаметно выскользнул из циновки и удрал. Но об этом никто из разбойников никогда ничего не узнал. Потому что аробщик, обнаруживший, что потерял «мертвеца», побоялся рассказать об этом кому-нибудь.

А Кечал, соскользнув с арбы, шел днем и ночью, не останавливаясь, пока не добрался до страны, где томился в неволе Мелик. Вошел он в город и услышал, как глашатаи возвещали, что на городской площади будет повешен человек. Вместе со всеми горожанами и Мамед пошел к площади. Посреди нее на высоком помосте стоял трон. На троне восседал шах, окруженный визирями, а внизу наготове стояли палачи. Перед ними, под виселицей, со связанными руками стоял Мелик. Увидев это, Мамед содрогнулся, но не растерялся. Пал ниц перед шахом и говорит:

– О могучий шах, я знаю очень много о человеке, которого ты собираешься повесить. Это лиходей из лиходеев, позволь мне самому повесить его.

Шах удивился, но милостиво разрешил:

– Говори, юноша, что ты знаешь о нем. Если твои слова понравятся мне, я выполню твою просьбу.

Кечал Мамед хитро улыбнулся и сказал:

– О великий и могучий шах! Этот неверный – сын шаха. Сюда он пришел, чтобы убить тебя и захватить власть. Ты правильно решил его повесить. А еще хочу сказать тебе вот что: этот пес и сын собаки когда-то поклялся, что повесит тебя на виселице верхом на коне.

Шах удивился:

– Верхом на коне? А как это делается и что это такое?

Мамед приготовил ответ заранее:

– О шах! Прикажи привести хорошего коня, и я покажу, что значит вешать верхом на коне. Мы сразу убьем двух зайцев: и тебе покажу новый способ казни, и его повесим, чтоб знал, как замышлять зло против могучего и великого шаха.

Слова Мамеда очень понравились шаху. Он приказал привести самого лучшего коня. Слуги бросились на конюшню, и через минуту на площади гарцевал стройный белый конь. Кечал Мамед подал знак, палачи надели веревку на шею Мелика, подняли его и посадили на коня. Мамед с саблей в руках вскочил на того же коня, пришпорил его и, подъехав прямо к виселице, сказал палачам:

– Натяните веревки покрепче. Я отскочу назад, а Мелик повиснет в петле. Такой способ и называется «повесить верхом на коне».

Не успел он закрыть рот, как палачи натянули веревки. В то же мгновенье Мамед острой саблей перерубил веревки и пришпорил коня так, что тот полетел птицей. Пока шах понял, в чем дело, поднял шум и потребовал, чтоб беглецов поймали и привели живыми или мертвыми, было уже поздно. Все войско шаха бросилось в погоню, но так и не смогло настигнуть Мамеда и Мелика, которые благополучно добрались до берега моря.

Мамед лихо соскочил с коня, подошел к волшебному черному камню, одним духом выпалил заклинание и достал удила. Только он бросил их в воду, как из моря вышел конь о трех ногах, путники вскочили на его спину и переплыли море. Только в эту минуту увидели их шахские воины, но переплыть через море они не могли.

А Мамед тем временем спрятал удила под черный камень на другом берегу. Прошли друзья немного вперед, увидели своих коней, которые мирно паслись на лугу. Вскочили они в седла и двинулись в путь. Долго ли ехали, коротко ли, наконец добрались до замка трех стариков. И опять две руки отвели коней в конюшню, а гостей во дворец, подали им обед, приготовили постель. И опять не встретили путники ни одной живой души. Мелик так устал, что заснул, как только голова его коснулась подушки. У Мамеда тоже слипались глаза. Он боялся, что крепко уснет, поэтому разрезал себе палец и посыпал солью.

Далеко за полночь двери широко распахнулись. Вошли три старика. Первый держал в руках черную книгу, другой – тяжелый черный

жезл, а на поясе третьего висела кривая сабля с черной рукояткой. Как и в тот раз, старик с саблей заговорил первым:

– Дайте-ка я их убью, чтобы, не приведи Аллах, не раскрыли нашей тайны.

Старик с книгой решительно возразил:

– Ты, кажется, так и будешь всегда жестоким. Бедняги с трудом познали тайну истинной дружбы, а ты хочешь их убить.

Кечал больше не мог молчать. Он соскочил с постели, упал на колени перед стариком с книгой и горячо сказал:

– О мудрый из мудрых, мы познали дружбу, хочешь, расскажу?

Старик улыбнулся:

– Не трудись, сынок, не рассказывай, мы и так знаем эту тайну.

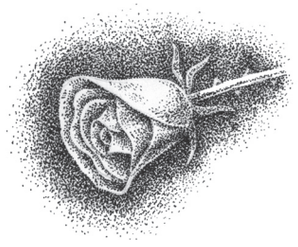
Мамед удивился:

– Но если вы знали эту тайну, почему же послали нас в такую даль?

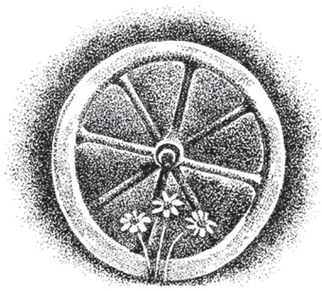
– О мой сын, если бы тайна досталась вам без труда, если бы вы не испытали все тяготы пути сами, наши слова пропали бы даром. Поэтому мы послали вас туда. А теперь идите с миром, живите счастливо и дружно, как Ахмед и Мамед.

Мелик и Кечал Мамед поблагодарили стариков и двинулись в обратный путь.

Шли они от зари до зари и наконец добрались до своей страны. Шах, узнав о прибытии сына, вышел ему навстречу. Семь дней и ночей длился во дворце пир. Шах накормил всех бедняков и калек, а Мамеду подарил красивый дворец.

Пшеничное зерно величиной с яйцо

Однажды шах, расхаживая по подземелью дворца, где хранились сундуки с золотом и драгоценными каменьями, нашел на полу пшеничное зерно величиной с куриное яйцо. Подивился шах. Сколько лет прожил на свете, а никогда не видел такой пшеницы. Взял шах зерно, пошел в свои покои, созвал советников и спросил, где растет такая пшеница и почему зерно ее так велико? Но никто не смог ответить на вопрос шаха. Тогда он сказал главному визирю:

– О мудрый визирь, ты должен узнать тайну этой пшеницы.

Испугался визирь, упал перед шахом на колени и говорит:

– Помилуй, о могучий шах, как же я узнаю тайну?

– На то ты и визирь, – молвил шах. – Ничего не знаю! Даю тебе сорок дней сроку. Не узнаешь тайну пшеницы, прощайся с жизнью, велю отрубить тебе голову.

Что было делать визирю? Поклонился он шаху, пошел домой и стал собираться в путь-дорогу. А наутро, попрощавшись с женой и детьми, сел на коня и поехал выведать, откуда взялось чудо-зерно. А куда ехать, кому рассказать о своей заботе? Ехал визирь долго. И по ровной дороге, и по горам. То месяцами не с кем было словом перекинуться, то с утра до ночи коротал время в сладкой беседе. Каждый день проезжал визирь новую деревню. Наконец добрался до распутья. Видит: сидит на камне седовласый старик. Поздоровался с ним визирь почтительно, сошел с коня, поклонился в пояс, завел разговор. Наконец рассказал о своем горе. Выслушал его старик внимательно и говорит:

– Тайну этой пшеницы могут знать только три брата-мудреца, которые живут в дальнем городе, и никто больше. А до города того можно дойти вот по этой дороге.

И старик показал на одну из четырех дорог, расходившихся в разные стороны от камня. Поблагодарил визирь, снова сел на коня и поехал дальше. Ехал он три дня и три ночи, наконец увидел городские стены и башни. Расспросил он людей, оказалось, это тот самый город, о котором говорил старик. На базаре визирю показали, как пройти в дом младшего брата-мудреца. Оставил он коня в караван-сарае и пошел. Постучал. Открыла ему какая-то женщина. И только вышла на порог, начала ругаться:

– Шайтан вас побери, в своем доме нет покоя! Что тебе нужно, проклятый? Разве мой муж – мужчина? Будь он настоящим мужчиной, вышел бы он и разбил тебе голову. Хороший, честный человек никогда к нам не придет.

Отшатнулся визирь, хотел было уйти, но потом вспомнил, зачем пришел, и миролюбиво сказал:

– Послушай, сестрица, откуда ты знаешь, кто я и что мне нужно? Не успел я рта раскрыть, как ты начала меня проклинать и ругать на чем свет стоит. Лучше скажи, дома ли твой муж?

Женщина, ворча, повела визиря к своему мужу. В самой дальней комнате, завернувшись в одеяла и теплые шали, сидел седой, сгорбленный старик.

Поздоровался визирь, поведал мудрому старцу о своем горе:

– О добрый человек, я главный визирь великого и могучего шаха. Однажды, гуляя по подвалам дворца, где стоят сундуки с золотом и драгоценностями, шах нашел пшеничное зерно величиной с яйцо. Захотелось ему знать, откуда взялось такое огромное зерно. Дал он мне сорок дней сроку. Если к тому времени не узнаю я тайну пшеницы, отрубит он мне голову. Может, ты что-нибудь знаешь об этой пшенице? Расскажи мне.

Старик покачал головой:

– Нет, визирь, ничего я об этом не знаю. Но в этом же городе живет мой брат. Он старше и мудрее меня, может быть, он что-нибудь знает. Пойди к нему.

Поблагодарил визирь старика и снова отправился на поиски. Много улиц и дворов обошел он, пока искал дом второго брата. Постучался. И здесь вышла к двери женщина, которая накинулась на него с такой бранью, что визирь пожалел о своем приходе:

– Сестрица, мне нужен твой муж, – сказал он, когда женщина наконец умолкла.

– Сдохните вы оба – и ты, и мой муж. На что он тебе?

Однако она провела визиря в комнату, где, завернувшись в одеяла и теплые шали, лежал сгорбленный старик, беззубый, с седой бородой

до колен. Поздоровался визирь, рассказал о своей беде. Еле-еле ворочая языком, старик ответил:

– Тайна пшеницы мне неизвестна. В этом городе живет мой старший брат – самый мудрый из нас троих. Только он может знать тайну.

Поблагодарил визирь и пошел искать старшего брата. Шел и думал: «Если младший и средний брат – такие дряхлые старики, что уж ходить не могут, каков же старший брат? У него, наверное, и сил нет, чтоб говорить».

Нашел визирь дом старшего брата, постучался. Снова открыла ему женщина. Приготовился он услышать еще худшую ругань, но женщина приветливо спросила:

– Что тебе нужно, добрый человек?

– Я пришел к твоему мужу, – ответил визирь.

– Мой муж ушел на базар. Но он скоро вернется, заходи, странник, подожди его.

Она провела визиря в самую красивую комнату, усадила, прислала сыновей, чтоб занимали гостя, а сама ушла готовить угощение. Удивился визирь такому приему, только собрался расспросить мальчиков, как вдруг в комнату вошел красивый молодой мужчина с черными усами, поздоровался и спросил:

– Чем могу служить, дорогой гость?

– Спасибо, сынок, – улыбнулся визирь, – но у меня к тебе нет никакого дела. Мне нужен самый старший из трех братьев-мудрецов. Мужчина рассмеялся:

– Я и есть тот человек, которого ты ищешь.

Визирь не поверил.

– Не может быть этого! Я видел двух младших братьев. Они так стары, что не могут двигаться, еле говорят, а ты разгуливаешь по городу, ходишь на базар и называешь себя самым старшим? Да тебе не больше двадцати пяти лет.

– Ты мне не веришь... – усмехнулся хозяин. – Не только ты. Многие люди в городе, которые знают нас давным-давно, тоже не верят.

– Объясни же мне эту загадку, мудрый человек.

– Охотно. Но сначала ответь мне на вопрос. Что ты увидел, когда постучал к моим младшим братьям?

– В обоих домах мне открыли жены твоих братьев, – ответил визирь, – и на чем свет стоит обругали меня. Каких только грубостей они мне не наговорили.

– А как тебя привечали в моем доме? – снова спросил старший брат.

– Твоя жена встретила меня радушно, – сказал визирь, – пригласила зайти, послала сыновей, чтобы я не скучал, подала плов и чай.

– Вот тебе и разгадка, мудрый визирь, – рассмеялся хозяин. – Мои младшие братья преждевременно состарились из-за своих жен. Эти грубые, ворчливые, темные женщины им совсем житья не дают. Представь себе, если они тебе, чужому человеку, столько наговорили, то как они обращаются со своими мужьями, как они изводят своих мужей. А я остался молодым только благодаря доброму нраву моей жены. За всю нашу долгую жизнь она ни разу ни словом, ни делом меня не обидела. Даже когда в доме не было ничего, кроме хлеба, она встречала меня улыбкой. В тяжелые дни она была моей опорой. Потому я и молодею. А теперь расскажи, какое у тебя ко мне дело.

И визирь поведал мудрецу, что шах нашел пшеничное зерно величиной с яйцо, что это его очень удивило, и тогда послал он визиря на поиски человека, который мог бы разгадать тайну пшеницы.

– И дал мне на это всего сорок дней сроку, – печально закончил он. – Не разузнаю – голова с плеч долой. Люди сказали мне, что только ты один можешь знать эту тайну. Если знаешь, открой ее мне.

– Люди правильно сказали, – ответил мудрец. – Слушай же, визирь. В нашей деревне жил да был бедняк из бедняков. Ничего-то у него не было – ни денег, ни скота. Только достался в наследство от отца крошечный клочок земли. Год от году родила она все меньше и меньше пшеницы. И наконец человек обнищал до того, что больше не мог прокормить семью. И тогда продал он свою землю другому крестьянину. А тот начал пахать и вдруг почувствовал, что соха его наткнулась на что-то твердое. Раскопал поглубже и нашел семь глиняных кувшинов золота. А надо сказать тебе, визирь, что был он человек добрый и честный. Тут же закопал он кувшины и отправился прямо к тому бедняку, который продал ему эту землю.

– Братец, – сказал он, – когда я пахал землю, которую ты продал мне, я нашел семь глиняных кувшинов золота. Иди, забери свое богатство.

Но тот ответил:

– Это золото не мое, а твое. Если бы оно было моим, я нашел бы его, когда пахал землю. А теперь земля твоя, и золото, которое закопано в ней – твое!

Но человек, купивший землю, стоял на своем.

– Нет, братец, земля сначала была твоей, поэтому и золото принадлежит тебе. Иди, забери его.

Так они спорили долго, ни один не соглашался взять золото.

Тогда пошли к старосте и попросили дать совет. Староста задал им несколько вопросов, узнал, что у одного из них есть сын, у другого – дочь. И дал он им такой совет:

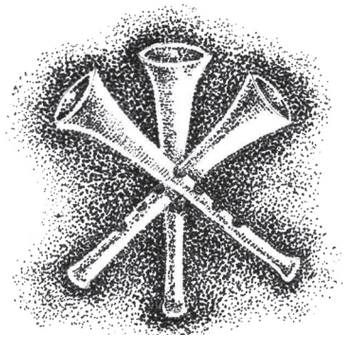
– Ты отдай свою дочь за его сына, и все золото достанется детям.

Крестьяне поблагодарили старосту и сделали так, как он советовал. А так как сердца их были благородны и чисты, каждое зерно посевной пшеницы выросло величиной с яйцо. Одно из них и нашел твой шах.

Подивился визирь диковинной истории, поблагодарил мудреца за то, что выручил его в трудную минуту, и отправился обратно. Долго ли шел, коротко ли, наконец, прибыл в свой город и рассказал шаху все, что разузнал о пшенице. Шах был очень доволен и щедро наградил своего визиря.

О дружбе осла и лиса

ил-был на свете мужчина. Ежедневно он ходил в лес, собирал валежник, складывал его на осла и отвозил на базар продавать. Был этот мужчина очень злым и жадным. Осла он нагружал так, что у того вся спина протерлась до крови. Бедная скотина мечтала избавиться от хозяина.

Однажды мужчина по обыкновению собирал валежник в лесу, а осла пустил пастись. Увлекшись работой, он отошел далеко от осла. А в это время голодный лис думал над тем, как ему добыть пару курочек. Увидел лис одинокого осла и подошел к нему.

– Что за вид у тебя? – сказал лис ослу. – У тебя же вся спина стерта до крови.

– Послушай лис, подскажи, что же мне делать? – отвечал осел, – будь моя воля, не работал бы, но хозяин заставляет.

– А что ты дашь мне, если я избавлю тебя от злого хозяина, уведу в лес и заживем мы весело? – спрашивает лис. – Ни тебе поклажи, ни стертой спины.

– Что захочешь, – пообещал осел.

– Условие мое таково: достань мне несколько кур, – сказал лис.

– А как мне поймать кур, лис? – удивился осел.

– Это очень просто, – ответил лис. – Дело в том, что куры разбегаются, как только меня видят, а тебя они не боятся, вертятся вокруг, знают, что ты не куроед. Вот ты и обмани их, скажи, что знаешь место, где много зерна. Так-то, заговаривая им зубы, выведи за околицу села. А я притаюсь поблизости, и когда они приблизятся, схвачу и задушу их. Потом я научу тебя такой хитрости, что хозяин сам отпустит тебя на волю. Тогда ты придешь ко мне, и заживем мы с тобой вместе в лесу.

Ослу очень понравилось предложение лиса. На следующее утро привел осел к лису десять кур. Лис задушил их и двух тут же съел, а остальных оставил про запас.

– Ты сдержал свое обещание, – сказал лис ослу. – Теперь моя очередь исполнить свое. Притворись больным, сколько бы ни бил тебя хозяин, не выходи из стойла, начни стонать, кричать, что умираешь. Притворяйся так дня три-четыре. В конце концов хозяин поверит, что ты заболел, и отпустит тебя на волю. Тогда и приходи ко мне.

В тот же день осел сделал все, как советовал лис. Хозяин подумал, что если осел подохнет, он не сможет выбросить его на свалку, тогда все вокруг провоняет его останками, и силком вытолкал осла со двора, запер ворота и вернулся в дом.

Осел огляделся по сторонам, никого не увидел и побрел в лес к лису. Поблагодарил он лиса за мудрый совет, а затем, по-дружески беседуя, оба углубились в чащу.

Вдруг видят: идет навстречу разъяренный лев. Львиный рык разносился по всему лесу. У осла от страха поджилки затряслись.

– Ну, вот и настал наш смертный час, – сказал осел лису, – сейчас лев растерзает нас обоих.

– Не бойся, – ответил лис, – пока ты со мной, ничего с тобой не случится. Делай то, что я скажу. Ну-ка зареви изо всех сил! Твой голос мощнее львиного. Услыхав твой рев, лев решит, что обладатель такого голоса, наверное, сильнее его, испугается. А дальше не твое дело. Все остальное я беру на себя.

Осел заревел во всю глотку и заглушил все остальные звуки в лесу.

Лев услыхал рев осла и удивился: «Я-то считал, что громче моего голоса нет в лесу. Что же это за сильный зверь такой объявился, если рев его столь мощный?»

Подумал так лев и решил повернуть назад. И тут увидел осла. Лев никогда прежде не видел ослов, поэтому удивленно воззрился на невиданное животное. Льву стало страшно. А осел, в свою очередь, дрожал мелкой дрожью. Увидел лев, что осел дрожит да и говорит:

– О великий зверь, не от страха ли ты дрожишь?

Осел не нашелся, что ответить. А лис прижался к нему сбоку. Понял лис, что если лев разгадает, в чем дело, растерзает обоих, и говорит:

– Братец лев, ты царь зверей наземных, а он – подземных. Не зная этого мира, он взял меня в проводники. А то, что дрожит, то это не от страха, а от гнева. Гневается он, что ты преградил ему путь. Хочет он тебя разорвать, да жалеет.

Сказал все это лис и подмигнул ослу, что, мол, успокойся. А лев, выслушав лиса, выступил вперед, почтительно поклонился ослу и попросил извинения за то, что не признал.

Убедился осел, что лев, считая его сильным зверем, напуган, и, осмелев, спрашивает:

– Скажи-ка, хочешь ли ты служить мне?

– Именно для этого и пришел я к тебе, – отвечает лев.

– Хорошо, – говорит осел, – с сего дня беру тебя себе в слуги. Но не вздумай вмешиваться в мои дела, ослушаешься меня – набью тебя соломой, как чучело.

Лев еще раз склонился перед ослом и дал слово служить ему до самой смерти. С того дня лев, осел и лис стали жить вместе. Лев уходил на охоту, отдавал лучшую добычу лису, а осел сорвет там травку, здесь веточку – и сыт.

Однажды шли они по лесу. Вывела их дорога к горной реке. Ослу захотелось напиться воды, подошел он к берегу, нагнул голову к воде, но вдруг поскользнулся и упал в поток, который его понес. Видит осел, что захлебывается, начал кричать. Лев бросился в воду и вмиг вытащил осла. Осел дрожал от пережитого страха, ведь он чудом спасся от смерти.

– Отчего дрожишь? – спросил лев.

– Ты думаешь, я тонул? – спросил, недовольно, осел. – Я искупаться хотел, а ты помешал мне, вот и дрожу от гнева.

Лев поверил этому и подумал, что в другой раз осел уже не простит его и растерзает. Стал он потихоньку отставать, а потом пустился бежать от осла. А ослу только этого и надо было, понимал он, что обман когда-нибудь раскроется, и тогда не миновать беды. Дождался осел, пока лев отбежал на достаточное расстояние, и кричит:

– Эй, лев, куда бежишь? Беги, беги, все равно мои верные слуги найдут тебя и, обманув, приведут ко мне, вот тогда я покажу тебе, как бегать от меня. Не хочется мне утруждать себя, ведь поймать тебя – плевое дело.

После этих слов лев припустил еще быстрее. Повстречал лев зайца, который удивился тому, что и лев может убегать в страхе.

– О великий лев, не видел я тебя прежде бегущим от кого-то. Что случилось?

Перевел дыхание лев и рассказал зайцу все, что с ним приключилось.

Задумался заяц.

– Братец лев, – говорит, – нам неизвестен зверь сильнее тебя. Опиши-ка мне подробнее это ревущее животное.

Лев описал неизвестного ему зверя. Заяц покатился со смеху и говорит:

– Да это же осел. Ты одним ударом можешь убить его. Это все хитрости лиса. Пойдем-ка к ним, и ты вмиг разорвешь их на части.

Осмелел лев, поверив зайцу. Пошли они к ослу. Осел еще издали заметил льва и зайца рядом с ним.

– Ну, лис, клянусь твоей головой, лев, кажется, прознал о нашей хитрости и пришел съесть нас. Что нам делать, куда деваться?

– Не бойся, – отвечает лис. – И на этот раз придумаю что-нибудь.

Подошел лев к ослу и говорит:

– Ты-то оказывается слабая скотина. Обманули вы меня. А сейчас подойди поближе, я съем тебя. Тут в разговор вступил лис:

– Братец лев, помнишь, когда ты бежал, осел крикнул тебе вдогонку, что его верные слуги найдут тебя и, обманув, приведут к нему. Знай же, что этот заяц – один из таких верных слуг. Он тебя обманул и привел к ослу. Вот и все, кончилась твоя жизнь.

Лев поверил лису и пустился наутек. Сколько ни звал заяц, сколько ни уверял, что это очередная хитрость, лев и не услышал его. Кое-как заяц сам ушел подальше от беды. Подумал лис после этого, что заяц может привести теперь волка, и тогда уж никак не спастись, и говорит:

– Послушай, осел, до сих пор нам помогала хитрость, но я знаю, что так долго не может продолжаться. Наступит день, когда никакая хитрость нам не поможет, сдерут с нас шкуру, почем зря. Давай-ка разойдемся мы с тобой в разные стороны, и будем жить каждый сам по себе.

Согласился осел с предложением лиса. Вернулся он в деревню, а лис остался в лесу.

Если счастливый к голым скалам
пойдет, те зазеленеют.

АРМЯНСКИЕ СКАЗКИ

Вишап, сын царя Чинмачина

Давным-давно жил-был один царь. У этого царя было трое сыновей: один умный, другой еще умнее, а третий самый умный. Однажды царь сказал сыновьям:

– Пора вас женить.

Младший сын ответил за всех:

– Хорошо, только постарайся, отец, чтобы все три девушки были из одного дома.

– Ладно, – говорит царь, – надо будет поискать. У многих родителей есть по три дочери, но я для вас должен выбрать самых достойных.

– Это твое дело, отец, – отвечает младший сын, – выбирай!

Призвал царь визиря.

– Многие лета здравствовать тебе царь, – сказал визирь. – Что прикажешь?

– Решил я женить своих сыновей, – говорит царь. – Нужно найти трех невест из одного дома. Собирайся, пойдем, найдем трех девушек, посватаем за моих сыновей.

– Многие лета здравствовать тебе царь. Пойдем, поищем.

Сели они на коней, пустились в дорогу. Сколько ни искали, в какие дома ни заходили, не могли найти девушек по своему вкусу.

Царь говорит:

– Послушай, визирь, много мы городов объехали. Давай еще поедем в Багдад, поищем. Если и там не найдем, то вернемся домой.

Поехали они в Багдад, ходили, искали, кружили по городу, опять не нашли невест для царских сыновей.

– Визирь, – говорит царь, – раз уж мы здесь, пойдем к багдадскому царю, засвидетельствуем ему свое почтение и двинемся в обратный путь.

Пошли они в гости к багдадскому царю. Он устроил для них пир, а на этом пиру три девушки подносили гостям угощение.

Багдадский царь спрашивает путников:

– Зачем пожаловали в наши края – с делом или для своего удовольствия?

Отвечает ему царь:

– Решил я своих сыновей женить на трех девушках из одного дома. А кто эти красавицы, которые подносили нам угощение?

– Это мои дочери.

– Какая удача! – говорит царь. – Они мне все нравятся. Отдай их замуж за моих сыновей.

– Считай, что я приношу их тебе в дар, – ответил повелитель Багдада.

– Благодарю тебя, – поклонился приезжий царь, – позови своих дочерей. Я надену им на пальцы по золотому кольцу.

Вошли три девушки: и была старшая из них прекрасна, средняя еще прекраснее, а младшая прекрасней всех. Их отец, повелитель Багдада, поздравил с помолвкой и снова устроил прекрасный пир.

Наутро приезжий царь поблагодарил хозяина и сказал:

– Сейчас я поеду домой, а через месяц вернусь с сыновьями, сыграем свадьбу.

Отправился царь назад в свою страну. Все три сына выехали ему навстречу.

– Свет очам вашим, – говорит царь. – Всех троих я обручил с дочерьми повелителя Багдада. Я попросил месяц сроку, чтобы подготовиться к свадьбе.

Заказал царь три роскошных девичьих наряда и три наряда для юношей. Через месяц все было готово.

– Визирь, – говорит царь, – возьмем с собой моих сыновей, пятьсот всадников и поедем в Багдад, привезем моих невесток, сыграем свадьбу.

Младший сын возразил ему:

– Если мы все уедем, кто же останется в нашем дворце? Могут напасть враги в наше отсутствие. Вы поезжайте, а я останусь дома. Мою невесту вы привезете с собой.

– Верно, ты говоришь, – согласился царь. Младший сын на прощание сказал отцу и братьям:

– Как будете возвращаться из Багдада и доедете до родника под красным холмом, не сходите с коней, не пейте там воды и не разбивайте лагерь. Там вас будет подстерегать опасность.

– Хорошо, – обещали они, – будем помнить.

Рано утром все, кроме младшего сына, двинулись в путь. С музыкой, с зурной и барабаном – доолом – въехали в город Багдад, прибыли на царский двор и спешились.

Повелитель Багдада принял их, как подобает, с почестями, радушно. Привели девушек, нарядили их в новые платья. Двое старших сыновей подошли к своим невестам, взяли их за руки и пошли в сад, а младшая сестра осталась одна и вся залилась слезами. Разгневался повелитель Багдада и говорит царю:

– Раз у тебя только двое сыновей, для чего ты сватал трех девушек?

– Клянусь тебе своей головой и твоей головой клянусь, что у меня три сына, – отвечал царь, – третий остался во дворце, чтобы враги не застали нас врасплох. Твою третью дочь возьму я с собой, и свадьбу с моим сыном сыграем у нас.

Старших сыновей женили, устроили пир на славу, а наутро стали собираться в обратный путь.

Повелитель Багдада говорит царю:

– Пусть твоя свита едет, а ты еще посиди со мной, выпьем по чашечке кофе, ты их потом догонишь.

Царь согласился. А царская свита и сыновья с молодыми женами тем временем доехали до красного холма. Визирь говорит:

– Что-то наш царь запаздывает. Давайте разобьем шатры и подождем его здесь.

Разбили шатры, стали готовить пищу. Наконец подъехал царь. Говорит им:

– Собирайтесь сейчас же, уедем отсюда.

А визирь возражает ему:

– Уже темно, куда мы сейчас двинемся? Вот рассветет и поедем.

– Визирь, – говорит царь, – ты разве не слышал, как младший сын предупреждал нас, что это опасное место?

– Чего ты боишься? – засмеялся визирь. – С нами пятьсот всадников, целое войско, и мы же еще должны бояться?

– Действительно, – говорит царь, – наверное, ты прав, останемся.

А когда рассвело, и царь проснулся в своем шатре, он увидел, что его лагерь со всех сторон окружил огромный дракон – вишап.

– Пропусти! – закричали вишапу все пятьсот всадников сразу.

Но вишап рассмеялся так, словно гром загремел:

– Ха-ха-ха! Да я захочу, хвостом шевельну – и от вас следа не останется.

Сам царь стал просить вишапа:

– Пропусти ты нас, нам надо спешить во дворец.

– Пропущу, – говорит вишап, – но только обещай, что отдашь мне своего младшего сына.

– Ничего не поделаешь, – говорит царь. – Надо же отсюда выбираться. Обещаю.

– Проходите, – говорит вишап. – Только невесту младшего сына я оставлю в залог. Отпущу ее, когда царевич приедет.

Поскакали гонцы во дворец. Говорят младшему царевичу:

– Свет очам твоим. Царь возвращается!

Взял младший сын сто всадников, поскакал навстречу царю. Увидал царь своего сына и горько зарыдал.

– Многие лета здравствовать тебе, царь, – говорит сын. – Что же плачешь в такой радостный день?

– Потому плачу, – говорит царь, – что совета твоего не послушался, сделал привал у красного холма, а ночью нас окружил грозный вишап. Он хотел нас уничтожить и не отпускал до тех пор, пока я не обещал ему тебя, сын мой. Он оставил у себя твою невесту как заложницу. Теперь ты знаешь, почему я плачу.

– И напрасно плачешь, – говорит младший царевич. – Вот если я умру, тогда поплачешь, а пока не все потеряно. Буду собираться в путь.

– Не ходи, – стал умолять его царь. – Не уходи, останься. Уж что должно случиться, того не миновать...

– Нет, нет, – отвечает сын. – Стыдно нам будет перед повелителем Багдада, если мы оставим его дочь на съедение вишапу. Прощайте все!

Младший царевич сел на коня и отправился в путь. Доехал он до вишапа. Вишап говорит:

– Добро пожаловать. Невесту твою я сберег невредимой. Если послужишь мне верой и правдой, отдам я тебе твою невесту, увезешь ее домой и женишься.

– Приказывай, я к твоим услугам, – отвечает царевич.

– Сядь мне на голову, – говорит вишап. – Схватись крепко за уши и не отпускай. И ничего не бойся. Мы с тобой полетим в небеса.

Поднял вишап царевича выше седьмого неба и говорит:

– Смотри направо.

Царевич посмотрел.

– Что видишь там?

– Город вижу.

– Это столица царя Чинмачина, – говорит вишап. – Дворец видишь?

– Вижу.

– А огромную чинару перед дворцом?

– Тоже вижу.

– А теперь вглядись и скажи мне: видишь ли ты на ветках девушку? Смотри внимательно.

Сначала царевич ничего не мог разглядеть, а потом пригляделся и увидел девушку.

– Вижу, вижу, – говорит. – Она одета в красное платье и сидит почти на самой макушке чинары. Вишап спустил юношу на землю и говорит:

– Пойди и добудь мне эту девушку. Тогда отдам тебе твою невесту.

Дал ему вишап скатерть.

– Вот это, – говорит, – тебе на дорогу. Как проголодаешься, разверни скатерть, найдешь в ней все, что пожелаешь.

Взял царевич скатерть и пошел. Долго ли шел, коротко ли, про то ему лучше знать, дошел до дремучего леса. А из лесу выскочили на дорогу два огромных великана – дэва, и преградили ему путь.

– Стой, – говорят, – очень мы голодны, хоть тобой закусим!

– Не трогайте меня, – говорит юноша. – Я накормлю вас. Что бы вы хотели съесть?

– Семь буйволов хватило бы нам, – говорят дэвы.

Царевич расстелил скатерть и сказал:

– Скатерть, дай мне семь буйволов!

И тут же ровно семь буйволов сошли со скатерти на траву.

Накинулись на них дэвы, все съели, все косточки обглодали и спрашивают юношу:

– Куда ты путь держишь?

– Иду, – говорит, – в столицу Чинмачина.

– Что ж, – говорят дэвы, – ты нас накормил, мы тебе за это добром отплатим.

Один дэв посадил его себе на спину и мигом донес до границ своего дэвского царства.

– Вот, – говорит, – тебе на прощание мой волос. Если худо тебе придется, сожги его.

Поблагодарил царевич дэва и пошел дальше. Идет он, идет и видит: движется ему навстречу несметное войско. Это конные муравьи возвращаются с войны против обезьян. Окружили муравьи царевича, и повели его к муравьиному царю. Царь поглядел на него и говорит:

– Мне он не нужен, заберите его и съешьте. Вам как раз хватит.

– Многие лета здравствовать тебе, царь, – говорит царевич. – Разреши накормить твоих подданных повкуснее, а меня пусть они не трогают.

– Разрешаю, – говорит царь.

– Что вы любите есть? – спрашивает юноша у конных муравьев.

– Пшеницу, ячмень и просо.

– А сколько вам нужно?

– Сто мешков насытили бы нас вполне.

Постелил царевич скатерть, и тут же оказалось на ней сто мешков зерна. Наелись муравьи досыта.

А царь муравьев достал нитку и протянул ее царевичу.

– Накормил ты моих подданных досыта. Я тебе за это добром отплачу. Как придется тебе туго, обмотай нитку вокруг пальца, мы тогда придем тебе на помощь.

Пошел царевич дальше. Шел, шел и видит: идет навстречу войско. Ни конца ему нет, ни края. Подошел поближе, увидел, что это обезьяны, которые дрались с конными муравьями. Окружили его обезьяны и повели к своему царю.

– Многие лета здравствовать тебе, царь, – обращается он к царю. – Вели своим подданным отпустить меня, а я их досыта накормлю.

– Чем накормить вас? – спросил он у обезьян.

– Мы едим миндаль, бананы и грецкие орехи.

– А сколько съедите?

– Мы съедим шестьдесят мешков.

Расстелил юноша скатерть и попросил у нее шестьдесят мешков грецких орехов, бананов и миндаля.

Наелись обезьяны, а обезьяний царь протянул юноше два кольца и говорит:

– Накормил ты моих подданных досыта, я тебе за это добром отплачу. Одно кольцо надень на правую руку, одно на левую. Одну руку опустишь в воду – вода замерзнет. Другую опустишь – лед растает.

Двинулся юноша дальше. И наконец дошел до города Чинмачина. Город этот был окружен глубоким рвом, а моста через этот ров не было. Опустил он в воду левую руку – вода замерзла. Перешел он через ров. Коснулся кольцом правой руки льда во рву – лед растаял. В городе встретил царевич старушку. Расспросил у нее, какой в городе царь и хорошо ли живется людям в Чинмачине.

– Живется неплохо, – отвечает старушка. – Только вот беда: пропал у царя сын. И еще одна беда: тому, кто посватается к царской дочери, предлагает царь испытание, а если жених испытаний не выдерживает, царь рубит ему голову.

– Что ж, – говорит юноша, – теперь настала моя очередь. Пойду сватать царскую дочь.

– Не ходи, сыночек, – говорит старушка. – Лишишься ты головы, жалко мне тебя.

– Нет, пойду, – говорит царевич. – Если позволишь, я у тебя переночую, а с утра разбуди меня пораньше и проводи во дворец.

Пошел он с утра во дворец, подошел к стражникам и говорит:

– Пустите, у меня дело к вашему царю.

Пошли слуги, доложили царю.

– Так и так, – говорят. – Пришел какой-то юноша, хочет с тобой говорить.

– Введите! – приказывает царь.

Вошел юноша в царские покои. Семь раз поклонился, на восьмой руку к сердцу приложил.

– Что скажешь? – говорит царь.

– Скажу, что пришел сватать твою дочь, – отвечает царевич.

– Уходи той же дорогой, что и пришел, – говорит царь. – Жалко мне тебя. Ведь если не пройдешь мои испытания, голову тебе отрублю.

– Согласен, – говорит юноша.

Тут чинмачинский царь созывает своих назир-визирей и говорит:

– Расставьте серебряные подносы под чинарой, а на золотой поднос поставьте стакан воды. Если парень влезет на чинару и слезет с нее, не пролив ни капли, отдам ему дочь, если прольет, отрублю ему голову.

Юноша подошел к дереву, опустил палец с кольцом в воду, заморозил его и полез на чинару. Поднялся на самую вершину и сел на ветку. А потом стал спускаться, слез с дерева и незаметно превратил лед в воду другим кольцом.

– Ну, – говорит царь, – сегодня тебе повезло. Завтра снова придешь.

Пошел царевич ночевать к старушке, а она его жалеет:

– Ослепнуть бы моим глазам и не видеть, что над тобой творят. Ложись, отдыхай.

Наутро опять отправился царевич во дворец. Царь заставил его целый день простоять у ворот, а к вечеру приказал наполнить маслом два тридцатипудовых чана и велел ему съесть их до утра. Съел юноша крошечный кусочек масла и уже наелся. «Эх, – думает, – отрубят мне завтра голову». И вдруг вспомнил про дэвов. Поднес он волосок к огню – и дэвы тут же вошли в его комнату.

– Что случилось? – спрашивают:

– Видите чаны с маслом? Я позвал вас, чтобы угостить.

Дэвы говорят:

– Мы уже сорок лет масла не пробовали. Опустили они морды в чаны и все съели, даже стенки облизали.

На рассвете царь встал и позвал своих назир-визирей:

– Приведите парня, отрубим ему голову. Столько масла и тысячу человек не съедят.

Вошли назир-визири в комнату к царевичу, а он спит. Разбудили они его и привели к царю.

– Ну, что скажешь? – говорит царь.

– Я съел все масло, – отвечает царевич. Царь послал слуг, те стали проверять – искать, везде шарить, но ничего не нашли. Пришли к царю и говорят:

– Он и вправду все съел.

Тут прислужницы сообщили царевне, что один парень за нее сватается и уже два испытания прошел.

– Что же, – говорит царь юноше, – пока еще не все. – Сейчас иди, отдохни, а вечером приходи во дворец. Пошел царевич к старушке, отдохнул у нее, а вечером опять явился к чинмачинскому царю.

Царь зовет своих назир-визирей и говорит:

– Отмерьте десять мер ячменя, десять мер пшена и столько же проса. Смешайте все и велите парню к утру по сортам разобрать.

Начал юноша крупы разбирать и видит, что ему до утра и с одной горсточкой не справиться. И вдруг вспомнил он про муравьев. Намотал он нитку на палец – и тут же вся его комната наполнилась муравьями.

Говорит им юноша:

– Я вас попрошу пшено, просо и ячмень на три кучи разделить, все по сортам. Только не ешьте, я вас после накормлю.

И вот собрались муравьи, и было их столько, что если их выстроить по одному, последний окажется на вершине горы Арарат. Разобрали они все зерно, а потом царевич разостлал перед ними скатерть и досыта их накормил.

На рассвете проснулся царь, стал созывать своих назир-визирей.

– Приведите, – говорит, – парня, отрублю ему голову.

Пришел царевич, а чинмачинский царь велит ему голову рубить.

– За что же? – говорит юноша. – Я все сделал.

Пошли, проверили, все зерно перемерили. Видят: работа и вправду выполнена.

Царь говорит:

– Иди, на следующее утро опять придешь.

Сообщили прислужницы обо всем этом царевне.

– Интересно, где этот парень живет? – спрашивает царевна.

Говорят ей:

– У одной старушки.

Царевна дала целую горсть золота своей служанке и говорит:

– Чтобы лишнего слова не слетело с твоих губ. Пусть старушка оденет парня в девичий наряд и вечером приведет ко мне.

Вечером старушка нарядила юношу в женскую одежду и привела во дворец. Стражник не хотел ей открывать ворота.

Старушка говорит:

– Я привела свою дочь на обучение к царской дочери.

– Ну ладно, раз так, веди. Отвела старушка юношу к царевне, поклонилась ей и говорит:

– Чему можешь научить мою дочь, сейчас учи, а на ночь ей нельзя здесь остаться.

Царевна отослала служанок, и когда они остались одни, обратилась к царевичу:

– Ты прошел предыдущие испытания, но завтра предложат новые. Слушай внимательно и запоминай. Завтра мой отец приведет сорок девушек, одетых в черные платья, посадит их на черных коней, накинет им на головы черные вуали, построит их в ряд и спросит тебя, которая из них его дочь. Отсчитай девятнадцать от начала, а двадцатая буду я. Смотри, не перепутай.

На рассвете царевич приходит к царю. Зовет царь назир-визирей и говорит:

– Идите, привезите сорок девушек. Оденьте их в черные платья. Посадите на сорок черных коней. Накиньте им на головы черные вуали. А царевичу говорит:

– А ну-ка, которая тут моя дочь?

Царевич считает до девятнадцати, подходит к двадцатой девушке, берет коня под уздцы и говорит:

– Вот твоя дочь.

– Что ж, правильно, – говорит царь. – Ну, иди домой, а утром снова придешь.

Царевич ушел, но тут же вернулся, переодевшись в женский наряд.

Царевна опять отослала слуг и учит его:

– Слушай, юноша. Завтра мы сядем на красных коней, наденем красные платья, покроем головы красными вуалями. Я буду стоять последней в ряду. Подойдешь к моему коню и возьмешь его за уздечку.

Утром снова идет царевич во дворец.

Царь приказывает своим назир-визирям:

– Приведите сорок девушек в красных платьях и вуалях, посадите на красных коней и постройте их в ряд.

Спрашивает чинмачинский царь у царевича:

– Которая тут моя дочь?

Царевич подошел к последнему коню.

– На этом коне твоя дочь, – говорит.

– И сегодня тебе повезло, – говорит царь. – Иди домой, придешь завтра утром.

Опять приходит юноша к царевне в девичьем наряде.

Царевна говорит ему:

– Завтра сядем на белых коней, оденемся в белые платья, головы покроем белыми вуалями. Я буду первой. Подойдешь, возьмешь коня моего за узду, подведешь к царю.

Рано утром пошел юноша во дворец.

Выходит царь и приказывает:

– Идите, приведите сорок девушек, оденьте их в белые платья, покройте головы их головы белыми вуалями, посадите их на белых коней и постройте в ряд.

Спрашивает царь юношу:

– Которая моя дочь? Найди и приведи ее.

Подошел юноша к первой всаднице, взял коня за уздечку, подвел к царю и говорит:

– Многие лета здравствовать тебе, царь. Уже шесть дней ты меня испытывешь. Вот тебе твоя дочь. Отдашь ты ее мне наконец?

Царь приказал всем всадницам сойти с коней и всех пригласил в царские покои.

– Кто ты? – спросил он у юноши. – До сих пор через мои испытания никто не сумел пройти. Отвечает ему юноша с поклоном:

– Я царский сын, приехал сюда сватать твою дочь. А что все твои испытания я прошел, так это просто мне повезло.

Говорит ему чинмачинский царь:

– Не хотелось мне ее замуж отдавать. Мой сын пропал. Как же я с единственной дочерью расстанусь? Женись на ней и оставайся здесь.

– Нет, – отвечает юноша. – Снаряди нас в дорогу, а свадьбу мы сыграем у моего отца.

– Ничего не поделаешь, – отвечает царь.

На прощание чинмачинский царь говорит ему:

– Послушай, юноша, что я скажу тебе. Пропал мой двадцатипятилетний сын. Ты такой мудрый, может быть, сына моего найдешь. Если вернешь мне сына, отдам я тебе половину своего царства. А теперь счастливого вам пути.

Доехал юноша с царевной до страны обезьян.

Обезьяны отвели его к своему царю.

Обезьяний царь говорит:

– Добро пожаловать, накорми нас, потом мы тебя проводим.

Расстелил юноша скатерть, досыта накормил обезьян. А они проводили его короткой дорогой до страны конных муравьев.

– Добро пожаловать, – сказал им муравьиный царь.

– Накорми нас, а потом мы тебя проводим.

И перед муравьями расстелил юноша скатерть и накормил их досыта. И муравьи проводили его короткой дорогой до страны дэвов.

Дэвы подходят к юноше и говорят:

– Накорми нас, и доброго тебе пути.

Наелись дэвы и быстро перенесли юношу с царевной к дому вишапа. Вишап его спрашивает:

– Ты почему так долго?

– Нелегко было пройти все испытания, – отвечает царевич.

– Оставь эту девушку у меня, – говорит вишап. – А сам сходи в сад за своей невестой.

Потом вишап говорит девушке:

– Скорей обмотай свои волосы вокруг моей шеи.

Испугалась девушка, отшатнулась от него, а он так ласково ее просит, умоляет. Она обмотала волосы вокруг его шеи. И в ту же секунду вишап вскрикнул, шкура на нем разорвалась, и он превратился в прекрасного двадцатипятилетнего юношу. Дочь чинмачинского царя увидела, что это ее брат.

В этот момент царевич возвратился из сада.

Увидев незнакомого юношу, он тут же выхватил саблю, а чинмачинский царевич говорит ему:

– Подожди, не убивай меня, сначала выслушай. Эта царевна – моя сестра. Только одна она могла разрушить колдовство. Многих я посылал за нею, и только ты один сумел ее привезти.

И тут все они так обрадовались, будто им целый мир подарили. Все четверо сели на коней, поехали в царский дворец и сыграли свадьбу царевича с его невестой.

Через некоторое время царевич говорит:

– Я должен отвезти сына и дочь чинмачинского царя к их отцу.

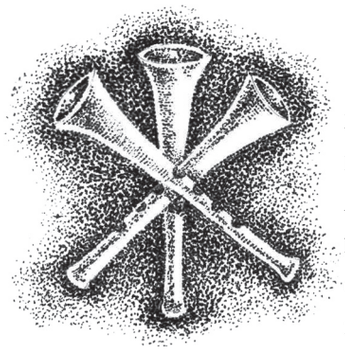
А вперед скачут гонцы.

– Свет очам твоим! – говорят они чинмачинскому царю. – Твои сын и дочь вернулись.

Чинмачинский царь созывает всех придворных, всех слуг, весь народ, задает невиданный пир.

С неба упало три яблока: одно – тому, кто рассказывал, другое – тому, кто слушал, а третье – тому, кто на ус намотал.

Сказка о Тапагёзе

Жил-был один крестьянин. У этого крестьянина никого не было, кроме сына. Сыну было пятнадцать лет. Однажды он увидел во сне девушку и влюбился в нее, а девушка эта была дочерью царя. Оказывается, в ту же ночь царская дочь тоже видела во сне этого юношу и влюбилась в него. Проснулся юноша утром, открыл глаза. Видит – ни девушки, ни царского дворца. С тех пор потерял он сон и покой. Все об этой девушке думал и плакал. Так провел он целый месяц в большом горе. Однажды напала на него какая-то лихорадка, потерял он сознание, потом уснул, а когда проснулся, почувствовал, что влилась в него богатырская сила. И он подумал: «Бог дал мне силы, чтобы я стал богатырем, и теперь я пойду искать свое счастье».

Захотел он испробовать свою богатырскую силу. Пошел на край села, видит: пастухи устроили бой буйволов. Подошел он, схватил за рог одного буйвола, а другой рукой – второго буйвола. Поднял над землей и швырнул в разные стороны. Пастухи, как увидели это, от страха разбежались. Тут юноша окончательно убедился, что стал богатырем. Пошел он, заказал саблю весом в тридцать пудов, привязал ее к поясу и пустился в путь.

Много ли, мало ли он прошел, ему лучше знать, повстречался он по дороге с одним человеком. А был этот человек волшебником. Но юноша этого не знал, думал, что просто путник. Этот волшебник спрашивает:

– Куда идешь, братец?

А юноша ему отвечает:

– Если вздумаю от тебя скрыть, так ведь от всех не скроешь. Иду в Аравию, там есть девушка. Хочу найти ее и на ней жениться.

– Если так будешь идти, – говорит волшебник, – за десять лет не дойдешь. Я тебе совет дам, а ты выслушай. Пойдешь прямо, увидишь дерево. Под деревом ручей бежит. Возьмешь конскую уздечку и спрячешься под деревом. Придет к ручью огненный конь воду пить. Подкарауль его, взнуздай и скачи верхом.

Юноша говорит:

– Сделаю.

Пошел он по дороге и видит: стоит одинокое дерево, а под ним журчит ручей. Сходил он к кузнецу, купил у него уздечку и спрятался за деревом. Вдруг ветер поднялся, пыль встала столбом, подлетел к ручью конь. Остановился и начал пить воду. Юноша выскочил из-за дерева, быстро надел на коня уздечку и сел на него верхом.

Конь говорит:

– Юноша, спешься, не то подниму тебя до небес, сброшу на землю, разобьешься на тысячу кусков.

А тот отвечает:

– Поднимешься, а я под брюхом твоим спрячусь.

Конь говорит:

– Ударю, так провалишься в землю на семь аршин.

Юноша отвечает:

– А я залезу тебе на спину.

Конь увидел, что этот юноша настоящий джигит, и подумал: «Лучше этого парня я себе не найду хозяина».

– Что ж, будь моим хозяином, – говорит конь. – Что ни захочешь, все исполню.

– Довези меня скорее туда, куда я иду.

Тут огненный конь взлетел к небу. Летит он как вихрь, и вдруг юноша видит, впереди две горы раздвигаются и сдвигаются, хлопаются друг об друга.

Остановился конь и говорит:

– Слушай, молодец! Ты так вонзи шпоры в мои бока, чтобы материнское молоко изо рта полилось, а я так подскочу, что перелечу через эти горы.

Юноша говорит:

– Ладно.

Когда горы раздвинулись, конь прыгнул и пролетел между ними.

Поехали они дальше. Долго ли ехали, коротко ли, про то им лучше знать, вдруг встретился им на пути роскошный сад. Юноша пустил коня

в этом саду пастись, а сам расположился на траве поесть. И вот оказалось, что это был сад царя дэвов.

Сторож этого сада подошел к нему и сказал строго:

– Слушай, ты разве не знаешь здешних дэвов? Никто не смеет входить в их владения, а ты пришел, да еще коня тут пасешь. Вот они придут – тебе покажут!

Юноша не испугался.

– Иди, – говорит, – зови своих дэвов, пусть приходят.

Сторож говорит:

– Ты что, с ума сошел? Встань и уходи, не то дэв сейчас сюда явится.

Юноша встал и закатил сторожу такую оплеуху, что тот на ногах едва удержался. Сторож пошел и пожаловался царю дэвов:

Так и так, неизвестный человек пришел в твой сад. Я хотел его миром выпроводить, так он тебя обругал, а меня побил.

Царь дэвов, услышав эти слова, пришел в бешенство, созвал войско и двинулся с ним на юношу.

А тот поел и уже собирался уходить, как вдруг видит, что идет войско. Если звезды в небе еще можно кое-как сосчитать, то воинов в этом войске пересчитать было невозможно.

С быстротой молнии юноша вскочил на коня, выхватил тридцатипудовый меч и устремился к войску. С одной стороны врубается в войско, с другой – выходит, а под конец убил и самого царя дэвов.

Поехал он дальше. Ехал много ли, мало ли, про то ему лучше знать, доехал до пещеры. Видит: вход в пещеру заложен большой каменной плитой, которую и тысяча человек поднять не могли бы.

Сошел он с коня, отстегнул ножны, налег на плиту и отшвырнул ее в сторону. Вошел в пещеру, а там сидит на ковре девушка, красивая, как солнечный свет.

Увидев девушку, проговорил он:

– Я нашел то, что искал, – и без чувств упал на землю.

А девушка, как только он вошел, поняла, что это тот самый юноша, которого она видела во сне. Подбежала она к нему, брызнула водой и привела его в чувство. Сели они рядышком, и все никак не наговорятся, никак не налюбуются друг на друга.

Когда наступил вечер, девушка сказала юноше:

– Дорогой мой, меня похитил и принес сюда одноглазый великан – Тапагёз. Отец и двенадцать царей воевали с ним, не могли его победить.

Теперь Тапагёз ушел на охоту, вот-вот вернется. Иди, я тебя спрячу, не то он тебя съест.

Юноша говорит:

– Что это за Тапагёз, что двенадцать царей не смогли одолеть его?

А девушка объясняет:

– Это не человек, а существо с каменным сердцем, а на лбу у него один-единственный большой глаз. Если выколоть ему этот глаз, он умрет, а так никакой меч ему не опасен.

Юноша спрашивает:

– Откуда ты это знаешь?

Девушка говорит:

– Раньше не знала, но однажды между нами был разговор. Я хотела выведать, чем его можно одолеть. А он сказал: «Только если вонзить в мой глаз раскаленный вертел, а иначе никто меня победить не может». Как-то раз, когда он спал, я хотела так сделать, но побоялась. А каменную плиту мне самой не отодвинуть, да к тому же я не знаю дороги, как отсюда выбраться.

Юноша говорит:

– Что же нам делать?

– Давай внесем твоего коня в пещеру, а тебя я спрячу в укромном месте, а каменную плиту, которую ты отшвырнул, принеси и поставь на место, чтобы Тапагёз ни о чем не догадался.

Юноша пошел, привел коня, привязал его в темном углу, плитой завалил вход. Сам же взял саблю и спрятался. Когда стемнело, послышался гром, загрохотали горы и ущелья – это идет Тапагёз, гонит перед собой четырех буйволов, несколько баранов, десять коров и волов, чтобы съесть их на ужин, а на плече тащит огромное дерево вместо дубинки.

Пришел, отодвинул в сторону плиту, все свое стадо загнал в хлев и зарезал сразу трех баранов. Зажарил он их и в три приема проглотил. Посидел он немного, повертел своим глазом то в одну, то в другую сторону, обернулся к девушке и спрашивает:

– Что это человечьим духом пахнет?

А девушка отвечает:

– Я-то ведь человек! А больше некому сюда прийти, ведь все тебя как огня боятся.

Тапагёз поверил девушке, встал, выпил большую кадку воды, еще одного буйвола зажарил, проглотил его в два приема и лег спать.

Как только Тапагёз заснул, девушка встала, хорошенько разожгла огонь, положила в огонь вертел, чтобы он докрасна раскалился. Привела она юношу, показала ему Тапагёза.

Юноша удивился:

– Вот так Тапагёз. Одна голова его весит пятьдесят пудов!

Как только раскалился докрасна вертел, схватил он его и вонзил в единственный глаз Тапагёза. Тот завопил не своим голосом, покатился по полу и издох.

Схватил его юноша, понес и швырнул в ущелье.

Сели они вдвоем на коня и доехали до огромного города.

Юноша сломал калитку в царском саду, вошли они оба, привязали коня и сели поесть.

Пришел сторож, увидел их и говорит:

– Послушайте, кто вы такие, как вы осмелились сломать калитку в царском саду?

А юноша отвечает:

– Я тот, кто может выколоть глаз твоему царю.

Изумленный сторож пошел к царю, передал ему эти слова.

Позвал царь своего министра – назира – и говорит:

– Может, этот юноша с голоду взбесился? Отнесите ему немного хлеба, пусть поест и уйдет.

Вышел назир в сад.

– Вот, – говорит, – царь тебе хлеба послал. Подкрепись и уходи.

– Нет, – отвечает юноша, – в хлебе я не нуждаюсь.

Нарисовал он на бумаге пятнадцать навьюченных верблюдов и дал назиру, чтобы тот отнес царю.

Царь нарисовал мешок зерна, что должно было означать: «Выведу столько воинов, сколько в мешке зерен, и разобью тебя». А юноша нарисовал курицу, что должно было значить: «Моя курица все это зерно склюет». Мол, все твое войско один человек разобьет.

Видит царь: просто так от него не отделаешься. Собрал войско, чтобы выгнать незваного гостя.

Увидел юноша, что войско идет, сел на коня, выхватил свой тридцатипудовый меч и бросился войску навстречу. С одного конца в войско врубается, а с другого – выходит.

Потерял царь все свое войско, а заодно и надежду от этого юноши избавиться. У царя на службе было еще три дэва. Послал и этих трех дэвов, но и все три дэва тоже погибли. Растерялся царь, созвал большой совет. Кто-то предложил позвать гадальщика.

Поглядел гадальщик в священные книги и говорит:

– Многие лета здравствовать тебе, царь. Ты помнишь, как много лет тому назад дочь царя Аслана похитил Тапагёз?

Царь говорит:

– Помню.

– Так вот, этот молодец пошел и убил Тапагёза. Ты с двенадцатью царями и то не мог победить его, а он один победил. Так что же ты с ним можешь поделать?

Царь, как только узнал это, обрадовался и говорит:

– Раз так, не пятнадцать, а тридцать навьюченных золотом верблюдов дам ему!

Выслал он к юноше тридцать верблюдов, навьюченных золотом, а сам известил царя Аслана: «Поздравляю, приезжай ко мне. Твоя похищенная Тапагёзом дочь нашлась и находится на моей земле».

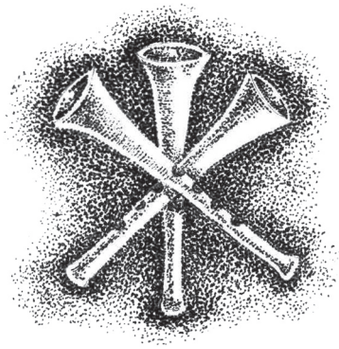
Царь Аслан, получив эту весть, поехал и привез дочь и юношу в свой дворец.

Послал он за крестьянином, отцом этого юноши, и сделал его своим казначеем. Семь дней и семь ночей играли свадьбу.

Они добились своего счастья, а вы добейтесь своего!

Змееныш Ацаманук и Аревацаманук, на которого разгневалось солнце

ил-был царь. У царя никогда не было детей. Однажды охотился он в горах и увидел, как змея на солнышке играет со змеенышами.

«Вот, – подумал царь, – даже у змеи есть дети. А я бездетный. Нет у меня ни сына, ни дочки, даже змееныша нет».

А как вернулся он домой, говорят ему:

– Родился у царицы сын: голова человеческая, туловище змеиное.

Назвали царевича Ацаманук, что как раз и значит «змееныш». Чем только ни пытались его кормить, от всего отказывался Змееныш, требовал человеческого мяса. И вот приказал царь, чтобы приводили во дворец ежедневно по молодой девушке Змеенышу на обед. Подошла очередь семьи одного бедного крестьянина. Было у него две дочери: одна родная, другая падчерица. Говорит он жене:

– Твою дочь поведем во дворец.

А мачехе хочется неродную дочь отвести. Она кинулась скандалить и мужа своего переспорила. Стала она мужнину дочь к Змеенышу собирать. Плачет девушка, плачет отец, да ничего не поделаешь, утром надо во дворец идти. Легли они спать. И видит девушка сон, а во сне явился ей кто-то, не поймешь кто, и говорит: «Ничего не бойся, возьми с собой кувшин молока, нож и воловью шкуру. Завернись в шкуру, подойди к Оцаманук-Змеенышу, разрежь на нем змеиную кожу и умой его молоком. Увидишь, что будет!».

Утром девушка говорит крестьянину:

– Не плачь, отец. Пусть будет то, что будет. Только я хочу взять с собой кувшин молока, нож и воловью шкуру.

Крестьянин приготовил все, о чем просила дочь, и, понурив голову, повел ее к Змеенышу.

Несчастную завели в одну из комнат царского дворца и заперли на замок. Девушка огляделась: полутемный зал казался огромным, так как его стены были укрыты мраком. Не теряя времени даром, она с головой укрылась воловьей шкурой, спрятав на груди нож. Кувшин с молоком стоял на полу, совсем рядом. Вдруг послышался шорох. Сквозь небольшую щель в складке воловьей шкуры девушка увидела, как подполз к кувшину с молоком Оцаманук и принялся пить. Отхлебнув немного молока, он остановился: узкое горлышко не позволяло ему пить дальше. Тогда Оцаманук свернулся кольцом, положил голову себе на хвост и заснул. Как только это произошло, девушка сбросила с себя воловью шкуру и быстрыми движениями ножа разрезала на Оцамануке змеиную кожу. После этого она взяла кувшин с молоком и стала умывать им тело царевича.

После того, как все тело Змееныша было умыто молоком, Оцаманук проснулся и стал биться в судорогах, да так, что ударом хвоста сбил девушку с ног. Пошатнувшись, она упала, выбив при этом себе передний зуб, и потеряла сознание.

Когда девушка очнулась, она увидела, что над ней склонился красивый юноша. Оглядевшись, она увидела разбитый кувшин, воловью шкуру и змеиную кожу.

– Да, это я, – Оцаманук, – сказал юноша. – Ты спасла меня. Чары разрушены. Я теперь – человек.

Радости царя и царицы не было конца. Недолго думая, они устроили свадьбу. Девушка с радостью согласилась выйти замуж за царевича Оцаманука.

На свадебный пир, как и положено, пригласили и родителей девушки – отца, мачеху и ее дочь. Пир шел семь дней и семь ночей, а на восьмой день случилась беда – на царство напали враги. Собрал тогда Оцаманук войско и пошел с ним на врага.

Тем временем мачеха, сгоравшая от зависти, решила подменить невесту. Ей помогло то, что в городе и во дворце в это время царила паника, да и девушки были очень похожи друг на друга.

Переодев свою родную дочь в свадебное платье, мачеха оставила ее во дворце, а девушку – дочь крестьянина и жену Ацаманука, – она тайком вывела из города и бросила одну в дальнем лесу.

Долго скиталась по лесу девушка, пока не оказалась около хижины, где жили муж с женой, у которых был златокудрый сын-красавец, которого звали Ареваманук, что значит «дитя солнца». Ареваманук очень гордился тем, что он родился таким красивым и сильным. Это испортило его характер так, что он стал очень заносчивым и высокомерным.

Семья Ареваманука приютила бедняжку. Их сын, Ареваманук, подружился с девушкой.

Дружба переросла в привязанность, привязанность – в увлечение, а увлечение – в любовь. И вскоре девушка стала Ареваманука женой.

Как-то раз охотился Ареваманук в лесу. Смотрит он: на берегу реки стоит юноша и весь пылает, словно огонь.

– Кто ты такой? – спросил Ареваманук.

– Я Арекаг, – солнечный луч, – был ответ.

– Ты что тут делаешь? Хочешь лес спалить? А ну убирайся отсюда прочь! – грозно сказал Ареваманук и поднял свой меч.

– Так тебе не дает покоя солнечный луч? Что ж, раз так, то знай: ночь, что наступит сегодня, будет для тебя вечной. Ты сможешь жить только ночью. И горе тебе, если упадет на тебя луч солнца – ты тут же погибнешь. Так что не теряй время и строй себе убежище, – сказал Арекаг, сверкнул огнем и исчез.

Страх обуял Ареваманука. Кинулся он строить шалаш, а как построил его, так и не смел из него показываться при дневном свете.

Отправилась жена Ареваманука на поиски мужа и нашла его в дальнем конце леса, в шалаше. Обо всем рассказал ей Ареваманук. Поведал о страшном своем проклятье. Осталась жена с мужем в шалаше, решив не бросать его в такой беде одного.

Вскоре у них родился сын.

– Ты должна уйти отсюда к людям, – сказал Ареваманук. – Иначе наш сын одичает в лесу.

Написал он письмо и отдал жене. Взяла она ребенка и, придя в дом к родителям Ареваманука, вручила им послание от их сына. Ареваманук написал: «Посылаю к вам свою жену с сыном, а мне нельзя при дневном свете быть нигде, кроме своего шалаша, иначе погибну».

С радостью приняли родители Ареваманука невестку с внуком.

Однажды услышали они, как их невестка в темноте ребенка укачивает:

– Спи-усни, сынок, баю-баю-бай, – приговаривает она.

И чей-то мужской голос вторит:

– Баю-баю-бай.

Удивились они: кто бы это мог быть? Пристали к невестке с расспросами, и в конце концов она созналась:

– Это, – говорит, – ваш сын приходит по ночам, хочется ему своего маленького сыночка поглядеть. Но вы его в дом не зазывайте, он всегда должен на рассвете быть в своем шалаше, иначе его поразит смерть.

Дождались старики ночи. Прокрались в сад. Видят, их невестка ходит и качает сына на руках. Вдруг слышат, кто-то окликает ее и тихонько пробирается между деревьями. Вгляделись, а это их сын. Схватили они его, целуют, обнимают, тащат в дом.

– Не трогайте меня, – взмолился Ареваманук. – Не могу я войти в дом, не могу остаться у вас – погибну.

Не поверили ему родители, втащили в дом, поили его, кормили, заговорили... Забыл обо всем Ареваманук, а с первым лучом солнца упал на землю, и дыхание его замерло. Но жизнь все еще еле-еле теплилась в нем. Мать и отец обливались слезами, рвали на себе волосы, но сделать так ничего и не смогли.

А на следующую ночь приснился матери Ареваманука сон. Явился ей во сне кто-то, не поймешь кто, и говорит: «Вставай скорей, обуй железную обувь, возьми железный посох и иди на запад. Там, где обувь твоя прохудится, а посох сломается, найдешь ты средство воскресить своего сына».

Встала мать, обула железную обувь, взяла железный посох и пошла на запад. Долго шла, не год и не два. Прошла она страну белых людей, потом страну черных людей, потом вокруг нее летали только птицы и рыскали звери, а после и тех не стало, и дошла она до края земли. А на краю земли стоял прекрасный дворец из голубого мрамора. Подошла она ко дворцу, и тут сломался ее железный посох, прохудилась ее железная обувь. Прошла она через арку, попала в роскошный сад, прошла его, видит: опять голубая арка. Миновала она двенадцать садов и двенадцать арок и попала в голубую спальню, где тихо лежали и спали ровно тысяча звезд. Пошла она дальше.

Видит: стоит золотая тахта, а на тахте сидит царица света – Луйс, мать Арекага – золотого солнечного луча. Увидела она мать Ареваманука и спрашивает:

– Зачем ты пришла ко мне, женщина?

– Пришла я тебя умолять, чтобы вернула ты жизнь моему сыну, – отвечает странница с поклоном.

– Плохого сына ты вырастила, – отвечает царица Луйс. – Избаловала его. Стал он злым и хотел убить Арекага – моего сына.

Опустила голову мать Ареваманука, покраснела от стыда и сказала:

– Ты права, о царица, но он очень много выстрадал и изменился. Прости его, верни ему жизнь. Ты мать, и я мать, ты должна понять меня.

– Пусть будет так, – вздохнула добрая царица Луйс. – Спрячься вон там, за жемчужным покрывалом. Сейчас на земле настанет ночь, и Аре-

каг – солнечный луч – придет домой. Выкупается он в бассейне, а ты, когда он выйдет, зачерпни оттуда воды и этой водой умой сына.

Только она это сказала, вошел Арекаг, сверкая огнем, и погрузился в бассейн. А когда он вышел, мать Ареваманука зачерпнула воды и с полным кувшином отправилась в обратный путь. Умыла она солнечной водой Ареваманука, и он воскрес, и проклятие было снято с него.

Весть об этом чуде облетела все края, и услышал о нем Оцаманук, вернувшийся с войны. Как приехал он во дворец, так сразу же понял, что жену его подменили.

Направился он к Ареваманук попросить совета у его матери, не поможет ли она его горю, не найдет ли средство отыскать жену, без которой быть бы ему до сих пор змеей. Оцаманука хорошо приняли, посадили за стол, стали угощать. Рассказал им Оцаманук все по порядку, а как дошел до того места, что девушка, которая его спасла, отшатнувшись, упала и сломала передний зуб, невестка улыбнулась и блеснул у нее во рту золотой резец. Узнал Оцаманук свою любимую жену. Растерялись тут все и не знали, что делать. Оцаманук отозвал Ареваманука в сторону и говорит:

– И ты не виноват, Ареваманук, и я не виноват. Так сложилась наша жизнь. Давай испытаем судьбу. Накормим жену соленым хоравацем[1], а сами возьмем в руки по стакану воды, у кого она пить попросит, тому и женой будет. Сели они на коней и выехали в поле. Вышла жена с ребенком на руках и окликнула:

– Ареваманук!

Он спешился, хотел ей воды поднести, а она тут же позвала:

– Оцаманук!

Тот тоже сошел с лошади. Женщина, стоя между ними, сказала:

– Ареваманук, вот твой сын. Сына я отдаю тебе, расти его, а я пойду с Оцамануком, потому что я его законная жена.

Взяла она стакан воды, выпила и ушла с Оцамануком.

С неба упало три яблока: одно тому, кто рассказывал, одно тому, кто слушал, одно тому, кто на ус намотал.

[1] *Мясное блюдо.*

Волшебная роза

В давние времена жил-был царь. При дворце у него был розовый сад. В саду рос куст волшебной розы. Как ни старался царь, как ни охраняли царские садовники эту розу, никак не могли уберечь ее. Только начинала она распускаться, как нападал на нее губительный червь. И так из года в год повторялось одно и то же. Царь никак не мог дождаться своей волшебной розы.

Как-то пришел к царю юноша-садовник и сказал:

– Найми меня, я уберегу твою розу от червя. Как только она распустится, сорву ее, принесу тебе.

– Юноша, – говорит царь, – сколько у меня садовников перебывало, ни один не уберег ее, где уж тебе справиться?

– Справлюсь, а если нет – вели казнить.

– Ладно, как знаешь, коли сумеешь, постереги.

Наступила весна, новый садовник взял лук и стрелу, забрался под куст и стал сторожить розу. Стережет он день, два дня, три дня, неделю. Наконец роза начала распускаться, но тут садовника потянуло в сон...

Тем временем выполз червь, накинулся на розу, сожрал ее и уполз. Проснулся садовник, видит: нет розы. Пошел к царю и говорит:

– Целую неделю, день и ночь я сторожил розовый куст, а когда роза стала распускаться, я задремал... Открываю глаза, а червь уже успел сожрать розу. На этот раз помилуй, в будущем году я расправлюсь с червем.

– Ничего, – сказал царь, – это червю даром не пройдет...

Прошел год.

Настала весна, царский садовник снова пошел сторожить куст. Едва роза начала распускаться, снова червь ползет к розе. Только хотел садовник пустить в него стрелу, вдруг откуда ни возьмись прилетел соловей, клюнул червя и улетел. Роза осталась цела.

Обрадовался садовник, сорвал розу и понес ее царю.

– Государь, – говорит он, – я принес тебе розу. И нынче червь хотел сожрать розу, но откуда ни возьмись прилетел соловей, клюнул червя и улетел.

– Ничего, – говорит царь, – и соловью это даром не пройдет.

Прошел еще год.

Весной опять садовник отправляется сторожить розовый куст. День и ночь сидит под ним. Только начала распускаться роза, снова ползет червь, хочет сожрать цветок, снова откуда ни возьмись прилетел прошлогодний соловей, хотел клюнуть червя, но в этот миг из-под кустов выскочил дракон и разом проглотил соловья с червем. Опять роза осталась цела. Обрадовался садовник, сорвал розу и понес ее царю.

– Государь, – говорит он, – теперь, как и в прошлом году, приполз червь, хотел сожрать розу, а тут откуда ни возьмись прилетел соловей и только хотел клюнуть червя, как из-под кустов выскочил дракон, набросился на соловья и на червя и обоих проглотил. Вот тебе роза – цела и невредима.

– Ничего, – говорит царь, – и дракону это даром не пройдет.

Прошел еще год. Наступила весна, снова садовник отправился сторожить розу. Пришло время ей цвести. Опять появился червь и пополз к розе. Откуда ни возьмись прилетел соловей и только хотел клюнуть червя, как из-под кустов выскочил дракон и проглотил и соловья, и червя. Садовник натянул тетиву и пустил стрелу в дракона, дракон завертелся, истек кровью и околел.

Садовник сорвал розу и понес царю.

– Государь, – сказал он, – опять появился червь, хотел сожрать розу, прилетел соловей, хотел клюнуть червя, дракон выскочил из-под кустов, набросился на соловья и на червяка и обоих разом поглотил. Я как увидел это, натянул тетиву и уложил дракона на месте.

– Ну и хорошо, – сказал царь, – только и тебе это даром не пройдет.

Удивился садовник и думает: что за загадка, почему царь все время так говорит?

Думает садовник, думает – ни до чего додуматься не может. А спросить у царя боится: что, если царь рассердится? Решил садовник подождать, посмотреть, что будет дальше.

В розовом саду у царя был мраморный бассейн, где иногда купались царь и царица. Однажды садовник взобрался на дерево, росшее рядом с бассейном, хотел обрезать засохшие сучья. Вдруг видит: царица

со своими служанками подошла к бассейну купаться. Садовник оробел и остался на дереве.

«Подожду, – думает, – искупается царица, уйдет, тогда и слезу». Разделась царица, вошла в бассейн, искупалась, вышла, стала одеваться, взглянула вверх и увидала садовника. Не проронила она ни слова, пошла во дворец и все рассказала царю:

– Знаешь ли, пошла я к бассейну купаться, искупалась, оделась и уже хотела идти, как вдруг увидала на дереве садовника. Знать, он заранее взобрался на дерево, хотел подсмотреть за мной.

Как услыхал царь про то, разъярился, точно лев. Тут же крикнул:

– Палача, палача, палача!

Явились палачи, поклонились царю.

– Государь, что прикажешь? – спрашивают они.

– Сейчас же приведите садовника и отрубите ему голову!

Палачи привели садовника. Садовник понял, что его ожидает:

– Государь, дозволь сказать два слова, а потом делай со мной, что хочешь.

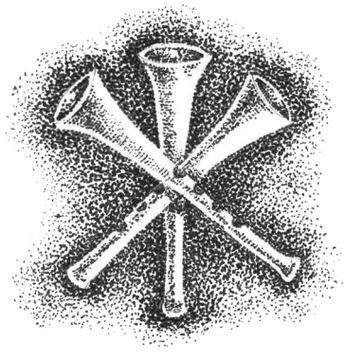
– Ладно, говори.

– Помнишь, когда ты нанял меня в первый год, я пришел к тебе и рассказал, как червь сожрал розу, ты мне сказал: «Ничего, это ему даром не пройдет». Я и на другой год пошел сторожить розу. Пришел к тебе и сказал: «Прилетел соловей и клюнул червяка». Ты и тогда мне ответил: «Ничего, и ему это даром не пройдет». На третий год, когда я пришел к тебе и сказал, что из-под кустов выскочил дракон и проглотил соловья и червя, ты опять говоришь: «Ничего, и ему это даром не пройдет». На четвертый я пришел и сказал тебе: «Я убил дракона». А ты мне: «Ничего, и тебе это даром не пройдет». И вправду мне это даром не прошло, сбылись твои слова, коли ты захотел ни за что ни про что мою голову снять. Нынче я говорю тебе: и царю это даром не пройдет.

Услыхал царь мудрый ответ садовника и помиловал его.

Златокудрая девочка

ила-была одна женщина. Жили с ней родная дочь и падчерица. И была у них одна-единственная корова. Каждый день мачеха выгоняла корову, давала падчерице кусок хлеба и говорила ей:

– Пропади ты пропадом, ступай, паси корову. Вот тебе хлеб, не ешь его, по лугу поноси да назад принеси. Да возьми веретено, пока будешь ходить, ниток насучишь.

Голодная девочка целыми днями пасла корову да сучила нитки. Однажды оборвалась нитка, веретено покатилось, покатилось: в земле была дыра, в эту дыру оно и упало. Поглядела падчерица, а через дыру видно, что сидит под землей мать вишапа – дракона, жует вместо хлеба кусок железа и нитки прядет.

Девочка крикнула ей:

– Нани-джан[1], нани, дай мне мое веретено!

Отвечает ей мать вишапа:

– Кто ты, такая смелая, что решаешься заговорить со мной? Ко мне и птица-то не залетает, и змея не заползает. Может, ты спустишься?

Сошла падчерица вниз, а старуха и говорит ей:

– Поди-ка голову мне помой.

Стала девочка ей голову мыть и волосы чесать, а волосы у старухи как свиная щетина, и насекомых в них всяких видимо-невидимо.

– Что, – спрашивает старуха, – хороши ли мои волосы?

– Хороши, – отвечает девочка, – мягкие да шелковистые, какие у моей родной матери были.

– Ты, наверное, есть хочешь, – говорит старуха, – пойди, возьми себе хлеба.

[1] *Почтительно-ласковое обращение к матери или другой женщине, старшей по возрасту.*

Пошла девочка, взяла, а это не хлеб, а высушенный навоз – кизяк. Держит она его, не знает, куда его деть.

Старуха спрашивает:

– Что, вкусный ли мой хлеб?

А девочка отвечает:

– Вкусный, нани-джан, вкусный, точно моя родная мать испекла.

– Ну, поешь теперь квашеной капустки.

Глянула девочка в кувшин, а там жаба да змея заквашены.

– Что, вкусно ли? – спрашивает старуха.

А девочка кувшин подальше отставила, а сама говорит:

– Вкусно, нани-джан, вкусно, как будто моя родная мать заквасила!

Так ничего неприятного она и не сказала. Тогда старуха и говорит девочке:

– Поди сюда. Вон, видишь, из-под земли два родника бьют, в одном вода черная, в другом – белая. Ты черной воды не касайся, иди и окуни свою голову в белую.

Девочка так и сделала, и стали ее волосы из чистого золота. Испугалась падчерица, говорит старухе:

– Ах, нани-джан, если моя мачеха увидит, она мне волосы вырвет!

– Ничего, – говорит старуха, – я тебе голову платком повяжу.

– Все равно боюсь идти, – говорит девочка, – наверное, моя корова пропала.

– Не пропала, – говорит мать вишапа. – Теперь, когда будешь ее пасти, один рог подави – из него масло потечет, а другой подави – из него польется мед. Кушай да поправляйся, становись красавицей.

Прошло несколько дней. Девочка поправилась, сделалась красивой, как райская дева – гури-пери.

– Пропади ты пропадом, – говорит ей мачеха. – С чего это ты так хорошеешь, ведь ничего не ешь, только корову пасешь? Пусть завтра моя дочь пойдет корову пасти, может, и она красавицей сделается.

Наутро пошла мачехина дочь корову пасти. Мать ей с собой дала молочные пенки – каймак, масло, сыр, белый хлеб.

– Кушай, – говорит, – и становись красавицей, как райская дева гури-пери.

Пошла мачехина дочь на луг. Раза-два веретено крутанула, нитка и оборвалась, а веретено попало в дыру. Подошла она к дыре и видит: сидит под землей мать вишапа, железо жует и прядет.

– Эй, – кричит она, – старая карга, отдавай-ка мое веретено!

Отвечает ей мать дракона:

– Сойди-ка вниз.

Сошла она, а старуха велит ей голову помыть.

– Тьфу, – говорит мачехина дочка, – да чтобы я к твоим мерзким волосам прикасалась!

Старуха ей говорит:

– Тогда пойди кусок хлеба съешь, вон он лежит.

– Тьфу, – говорит мачехина дочка. – Да чтобы я такую дрянь в рот взяла!

– Тогда квашеной капустки поешь, вон она, в кувшине.

– Тьфу, – опять плюется мачехина дочка, – ты что, одурела: это же змея да жаба в кувшине заквашены!

– Иди сюда, – говорит старуха. – Видишь, из-под земли два родника бьют? В одном вода белая, в другом – черная. Окуни голову в черную.

Мачехина дочка окунула голову в черную воду, и повис у нее с затылка ослиный хвост. Пришла она домой, а мать в отчаянии закричала:

– Зарежьте корову, из-за нее моя дочка ослиный хвост заработала!

Побежала падчерица к матери вишапа и говорит:

– Нани-джан, корову хотят зарезать! Что мне делать?

А старуха ей говорит:

– Не плачь, дочка, пусть зарежут. Только потом, когда мясо съедят, ты все косточки собери да в землю закопай. Увидишь, как все хорошо получится.

Когда корову зарезали, падчерица горько плакала. Мяса она не ела, а только косточки собирала.

– Пропади ты пропадом, – говорит ей мачеха. – Зачем тебе эти кости?

– Похоронить хочу, – отвечает падчерица.

Стали над ней мачеха с дочкой насмехаться да издеваться, а она все равно кости собирает. Собрала все косточки и закопала у самого порога.

Много ли времени прошло, мало ли, им лучше знать, собираются мать с дочерью на богомолье. Мачеха рассыпала просо по полу и говорит:

– Все по зернышку соберешь да вот этот тазик слез наплачешь.

Ушли они, а падчерица просо по зернышку собирает и плачет. Входит в это время в дом незнакомая старушка и говорит:

– Отчего это ты, девочка, плачешь и зачем просо по зернышку собираешь? Что случилось с тобой?

– Ничего, нани-джан. Просто так грустно стало. А просо я собираю, чтоб без дела не сидеть.

Старушка возражает ей:

– Неправда это.

Видит девочка, что старушку не обманешь, и рассказала все.

Старушка говорит:

– Да падет горе на голову тех, кто так мучает бедную сироту. Возьми веник и смети просо, а в таз воды налей, брось туда щепотку соли – и все.

Сказала старушка и ушла, а падчерица ее послушалась, как та велела, так и сделала.

Вышла она к порожку, где были закопаны коровьи кости. Думает, посмотрю, что из этого вышло. И вдруг видит и глазам своим не верит – стоит у порога огненный конь-красавец. А к седлу коня прикручен сверток с удивительными узорами. Развернула его падчерица, а там платье, какое свет не видывал, да пара туфелек блестящих. Одела падчерица платье, обула туфельки и стала точно как красавица гури-пери. Вскочила она на коня и поскакала вслед за мачехой и ее дочкой на богомолье. Народ глядит – не налюбуется. Сошла красавица с коня, помолилась да назад поскакала. Скакала она быстро и не заметила, как с ноги туфелька упала и полетела в реку.

Дома разнуздала она коня, отпустила на луг, одежду под порог убрала, надела свое изодранное платье и села у стенки.

Вернулись мачеха и сестра с богомолья.

– Пропади ты пропадом, – говорит она падчерице. – И ты, такая оборванка, себя девочкой называешь? Видала бы ты, какая красавица приезжала на богомолье: золотые кудри распущены по плечам, одежда сверкает и огненный конь под ней так и танцует.

Отвечает падчерица:

– Что же делать, вы же меня с собой не взяли, чтоб и мне на такое поглядеть?

– Пропади ты пропадом, – отвечают они ей, – надо было тебя с собой взять, чтоб огненный конь тебя растоптал.

К вечеру царских коней повели на водопой. А кони в реку не идут, видят, что-то сверкает в реке, и шарахаются. Пошли слуги к царю, говорят: кони не пьют, там что-то сверкает в реке. Царь говорит:

– Закиньте невод, вытащите из реки то, что сверкает.

Слуги закинули невод, видят – туфелька, маленькая и блестящая. Отнесли царю.

Царь говорит:

– Уж если туфля так хороша, то как же хороша его хозяйка! Найдите ее, я на ней своего сына женю.

Стали слуги всем девушкам туфельку примерять, а она никому на ногу не лезет. Семь деревень обошли, дошли до мачехиного дома. Очень старалась мачехина дочка блестящую туфельку надеть, да где уж ей было!

Слуги говорят:

– Пусть и эта замарашка наденет, царь приказал, чтобы все мерили.

Надела падчерица туфельку, а она ей в самый раз!

– Теперь, – говорят слуги, – ждите, царь приедет эту девушку за своего сына сватать.

Через два дня подъезжает царь со свитой к их дому, а мачеха скорей падчерицу в печь – тонир – запихала, накрыла да сверху камнем привалила, а свою дочку разрядила в пух и прах и на тахту усадила. Приезжает царь, начинают они пировать.

Вдруг влетает в дом петух, садится на тонир и кукарекает:

– Ку-ка-ре-ку, ослиный хвост на тахте, а золотые кудри в тонире!

Мачеха бьет его, гонит, а он перелетел на тахту и опять:

– Ку-ка-ре-ку, ослиный хвост на тахте, а золотые кудри в тонире!

Царь приказывает:

– Откройте тонир!

Открывают и видят: златокудрая девочка сидит, съежившись, в углу. Вытащили ее оттуда. Захотели переодеть. А она говорит:

– Не надо.

Достала она свою одежду из-под порога и превратилась в красавицу гури-пери. Мачеху с дочкой опозорили и выгнали, а потом устроили свадьбу златокудрой девочки с царским сыном.

Как сбылись их заветные желания, так и ваши пусть сбудутся.

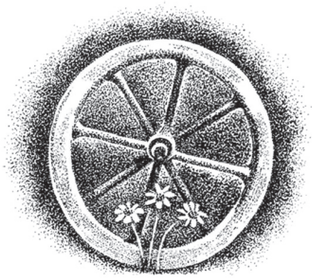

Справедливость укрепляет дружбу.

БАЛКАРСКИЕ СКАЗКИ

Слепой хан

Очень давно это было. В одном ауле жил слепой хан. Был он злой, жестокий и жадный. Жители аула не любили его. А дети – у него было три сына – боялись отца.

Однажды хан позвал своих сыновей и сказал:

– Найдите такое место, где не ступала моя нога, и привезите оттуда горсть земли. Я приложу эту землю к глазам и тотчас прозрею.

Поклонились сыновья отцу и обещали исполнить его волю.

Сначала отправился в дальний путь старший сын. Целый день ехал он на своем коне не останавливаясь и доехал наконец до родника.

«Уже далеко от дома отъехал я, – подумал он, – наверное, отец здесь не был». Он отдохнул у родника, взял горсть земли и отправился в обратный путь.

Когда приехал домой и отдал землю отцу, тот потрогал ее руками и сказал:

– Нет, сынок! Эта земля мне не годится. У родника, где ты брал эту землю, я бывал много раз. Доходил туда всего за несколько часов. Отправлялся в путь рано утром, и как только солнце начинало пригревать землю, я возвращался домой, успев отдохнуть у родника и напиться воды. Нет, эта земля не поможет мне!

Тогда отправился в путь средний сын хана. Он ехал два дня и остановился под тенью большого дуба, отдохнул, взял горсть земли и отправился домой.

Когда хан взял в руки землю, привезенную средним сыном, он воскликнул:

– Не годится, не годится! Я знаю: ты взял эту землю под большим дубом. Туда я обычно выезжал утром, а к обеду уже был дома. Не вылечит меня эта земля!

И вот отправился в путь младший сын. Звали его Аслан. Долго он ехал. И встретился ему в дороге старик пастух, который пригласил его к себе в кош отдохнуть.

Аслан рассказал пастуху о слепом отце, о его просьбе и о своих братьях.

– Я знал твоего отца, – сказал пастух, – он иногда ночевал у меня. Выйдя утром из дома, он к ночи добирался до моего коша. Если хочешь доехать до такого места, где не ступала нога твоего отца, тебе придется еще долго-долго ехать. Но на таком коне, как у тебя, туда не добраться. Вот, возьми моего черного коня, поезжай и помни: ничего не делай, не посоветовавшись с ним.

Аслан поблагодарил пастуха, сел на черного коня и отправился в дальний путь.

Долго ли, коротко ли он ехал, сказать трудно. Только вдруг видит: сидит на дороге курица и вся сверкает, вся светится, будто алмазами усыпана. Залюбовался Аслан. Уж очень она ему понравилась. И спрашивает у своего коня:

– Можно ли мне взять с собой эту курицу?

– Ну, что ж, – отвечает конь, – возьми, только потом отдай ее хозяину дома, где придется тебе заночевать.

Так и сделал Аслан: взял курицу и подарил ее хану, у которого остановился на ночь.

Когда утром Аслан проснулся, он увидел, что возле дома хана собралось множество людей.

– Кто попадет из ружья в наперсток, тому хан отдаст в жены свою дочь, – говорили в толпе.

– Может быть, и мне попытать свое счастье? – спросил Аслан у своего черного коня.

– Ну что ж, – ответил конь, – попытай. Ты попроси у людей разрешения, и если тебе скажут «да», то стреляй.

Аслан так и сделал. Он подошел к собравшимся, поклонился хану и всем людям и спросил:

– Можно ли мне, вашему гостю, тоже выстрелить?

Ему разрешили. Он выстрелил и сбил наперсток. Хан в тот же день объявил всем о помолвке своей дочери.

Но среди приближенных хана нашлись завистники, которые решили во что бы то ни стало погубить Аслана.

Пошли они к хану и сказали:

– Человека этого никто не знает. Прежде чем отдать за него свою дочь, нужно бы испытать его.

Хан согласился и приказал им придумать условия испытаний.

Тогда завистники отправились к старой колдунье и попросили ее:

– Научи нас, как убрать пришлого человека.

Она посоветовала:

– Идите к хану и скажите ему, что у алмазной курицы, которую подарил тебе пришелец, должен быть и алмазный петух. Если хан пошлет этого человека за алмазным петухом, он уже никогда не вернется.

Так и сделали приближенные хана.

Задумался хан. Очень ему захотелось иметь и алмазного петуха. Позвал он своего гостя и сказал:

– Найди и принеси мне такого же, как курица, алмазного петуха, и я выдам за тебя свою дочь.

Огорчился Аслан. Пошел к своему черному коню и говорит:

– Хан требует, чтоб я принес ему алмазного петуха. Что же мне делать? Где искать его?

Конь задумался, потом ответил:

– Скажи хану, чтоб приказал слугам вырыть на окраине селения глубокую яму и около нее насыпать сто телег проса.

Аслан так и сделал, как научил его конь: попросил хана, чтоб приказал вырыть глубокую яму и насыпать около нее сто телег проса. И хан исполнил его просьбу.

Когда наступил вечер, Аслан и его конь спрятались в этой яме, а конь сказал:

– Рано утром к этой горе проса соберутся птицы со всех концов света. Среди них будет и алмазный петух – их царь. Пока он не скажет: «Ешьте», птицы не будут клевать просо, но как только скажет, ты скорее хватай петуха.

Все получилось так, как говорил конь.

К горе проса слетелось множество птиц, и когда петух крикнул: «Ешьте!», Аслан выскочил из ямы, поймал петуха и понес его хану.

Обрадовался хан. Богато наградил Аслана. И полюбил его еще больше. А дочери велел готовиться к свадьбе.

Но приближенные хана не успокоились. Они пуще прежнего стали завидовать Аслану, еще сильнее возненавидели его.

Снова отправились они к старой колдунье с вопросом, как погубить Аслана.

Глубоко задумалась старуха и наконец сказала:

– Есть где-то на свете волшебный тур. Шерсть у него вся покрыта алмазами, рога – золотые, копыта – серебряные. Никому еще не удалось поймать его. Если хан пошлет своего гостя за ним, тот не сможет поймать тура и никогда сюда не вернется.

Злые завистники сейчас же побежали к хану, чтобы упросить его еще раз испытать приезжего. Они рассказали хану о волшебном туре. И хану очень захотелось иметь волшебного тура с шерстью, покрытой алмазами, с золотыми рогами и серебряными копытами. Позвал он к себе Аслана и приказал найти и поймать тура.

– А тогда, – сказал хан, – и свадьбу сыграем.

Опечалился Аслан. «Что делать? Как быть?» – думал он. Отправился к своему черному коню и рассказал, какое испытание придумал для него хан.

А конь выслушал Аслана и говорит:

– За Лысой горой есть ущелье. Пусть хан пошлет туда своих людей и велит им углубить это ущелье. Вот тогда мы с тобой подумаем, как нам поймать там волшебного тура.

Пошел Аслан к хану и сказал ему все, что велел конь.

Хан послал своих слуг, и они выполнили приказ: углубили ущелье. Сел Аслан на своего верного коня и поскакал к ущелью.

– Жди меня здесь, в ущелье, до восхода солнца, – сказал Аслану конь. – На заре я пригоню сюда тура, а ты приготовь аркан и встань в самом узком месте ущелья. Тур будет стараться выпрыгнуть из ущелья, но оно теперь намного глубже, и это ему не удастся. Тогда он попытается проскочить через узкий проход между двумя скалами. Вот тут-то ты и набрось аркан ему на рога.

Сказав это, конь исчез. К восходу солнца он, как и обещал, пригнал в ущелье тура. Заметался тур по ущелью, хотел выпрыгнуть, да очень глубокое было ущелье. Аслан изловчился, набросил аркан на рога тура и поймал его.

Очень обрадовался хан, когда увидел тура, сверкающего алмазами, с золотыми рогами и серебряными копытами. Обнял он Аслана. Не знал, куда посадить и чем угостить его. А дочери велел готовиться к свадьбе.

Но завистники не унимались. Опять побежали они к колдунье.

– Обманула ты нас, старая, и за это – смерть тебе! – закричали они.

– Подождите, не убивайте меня! – попросила она их. – Я придумаю для гостя такое дело, которое он никогда не сможет выполнить! Вот увидите, на этот раз он непременно погибнет, или я – не колдунья!

– Говори же скорее! – торопили ее приближенные хана. – Но помни: если и на этот раз жених не погибнет, умрешь ты!..

– Так слушайте, – начала старуха. – На дне океана есть чудо-конь. Сам он золотой, а хвост – весь в алмазах. Если и этого коня поймает ваш гость – делайте со мной, что хотите!

Побежали приближенные хана к своему владыке и рассказали ему о золотом чудо-коне. Уговаривали его дать Аслану еще одно, последнее испытание.

Позвал хан своего любимца и приказал ему достать со дна морского чудо-коня.

– Как только сделаешь это, – сказал хан, – отдам тебе половину своих богатств, и дочь моя в тот же день будет твой женой.

Заплакал Аслан: «Не выполнить мне такой приказ хана! Как я могу попасть на дно морское?»

И опять пошел он со своим горем к черному коню.

– Не горюй раньше времени, – успокоил его черный конь. – Скажи-ка лучше хану, чтоб он приказал своим слугам насыпать гору песка на берегу моря и привезти к этой горе сто телег смолы. Вот тогда мы попробуем поймать золотого чудо-коня.

Аслан пошел к хану и сказал ему все, что велел черный конь.

В тот же день хан приказал слугам насыпать на берегу моря гору песка и привезти сто телег смолы.

Когда все было готово, Аслан сел на своего любимого черного коня и поскакал на берег моря.

Конь приказал ему растопить смолу сначала с одной телеги и залить ею песок. А когда Аслан это сделал, конь стал валяться на песке. Потом велел облить себя смолой и снова вывалялся весь в песке. И так продолжалось до тех пор, пока не кончилась вся смола и весь песок, а конь сделался величиной с гору. Тогда он сказал Аслану:

– На рассвете из моря выйдет пастись тот самый золотой чудо-конь, а с ним целый табун златогривых коней. Как только золотой конь увидит нас, он тотчас набросится на меня. И мы будем драться!.. Если он поставит меня на колени, ты сейчас же беги, иначе он убьет тебя. Если же я поставлю его на колени, ты поскорее набрось на него уздечку. Но в этот миг из воды выйдет девушка и скажет тебе: «Давай бросать камни – кто дальше бросит, или давай бороться!» Ты ответь ей: «Бросать камни каждый может, давай лучше бороться!» Когда начнете бороться, не тяни ее к себе, пусть она тебя тянет. А ты в это время держись за меня. Если девушка же сможет

перетянуть тебя, она скажет: «Теперь ты тяни меня к себе». Тогда ты ударь ее камчой[1], сбей с головы шапочку, схвати за волосы и держи крепче. Она будет просить отпустить, но ты не отпускай до тех пор, пока она не скажет: «Ради золотого коня отпусти меня, и я сделаю все, что ты захочешь».

Только закончил говорить конь, как из воды вынырнул чудо-конь, а за ним целый табун златогривых коней.

Увидел чудо-конь черного коня и сейчас же набросился на него. Хотел укусить его, но зубы вязли в смоле и песке. И как ни старался он укусить, это ему не удавалось.

А черный конь искусал чудо-коня и поставил его на колени. Тогда Аслан, помня наказ своего коня, надел на чудо-коня уздечку.

Вдруг море заволновалось, забурлило... И из глубины его на гребне волны вынырнула девушка невиданной красоты.

– Ты осмелился угнать мой табун! – воскликнула она. – Давай бросать камни или бороться: кто кого перетянет, тот и победитель!

– Давай лучше бороться! – ответил Аслан. – А камни бросать каждый сможет!..

– Ну хорошо, – промолвила девушка. – Тяни меня к себе!

– Нет, тяни сначала ты меня, – сказал Аслан.

Девушка потянула его к себе с такой силой, что если бы он не держался за своего коня, она сразу перетянула бы его. Но черный конь был величиной с гору, Аслан же крепко держался за него, и как девушка ни старалась, она не могла сдвинуть их с места.

– Все! – наконец, сказала она. – Теперь ты тяни меня к себе!

Тогда Аслан камчой сбил у нее с головы шапочку и схватил за волосы. Она пыталась вырваться, но он держал крепко, и наконец девушка попросила:

– Ради чудо-коня отпусти меня. Я сделаю все, что ты пожелаешь!

– Будь мне сестрой! – сказал Аслан.

– Ну что ж, – ответила девушка. – Ты победил меня, и я согласна. Только знай: я – владычица подводного царства, и мы должны будем спуститься на дно моря, чтоб взять с собой все мои богатства.

Аслан согласился, и они вместе отправились на дно морское.

Удивился Аслан, когда увидел, что на дне моря были и дома, и дворцы, и люди, и поля, на которых паслись табуны златогривых коней.

Еще больше удивился он, наблюдая, как царица морская собирала свои несметные богатства в один маленький наперсток. Когда все было закончено, Аслан набрал земли со дна морского и вместе с царицей поднялся на сушу.

[1] *Камча – плеть.*

Здесь сели они на чудо-коня, поехали к хану. Аслан забрал невесту, и все вместе они отправились к отцу Аслана. Черный конь следовал за ними.

На пути остановились они у старика пастуха, хозяина черного коня. Поблагодарил Аслан старика, вернул коня и подарил ему табун златогривых коней.

Ласково простился Аслан со своим верным другом – черным конем – и поехал вместе с невестой и названой сестрой дальше.

Поселились они недалеко от аула, где жил отец Аслана. Царевна морская вынула из своего наперстка все богатства, и мгновенно выросли дома, улицы, появились люди. В центре селения сам собой выстроился прекрасный дворец, где и поселились молодые.

Через несколько дней Аслан сел на золотого чудо-коня, посадил рядом с собой жену и сестру, и они отправились к отцу. Братья Аслана к этому времени были уже женаты и жили со своими женами в дальних селениях.

Аслан прежде всего отдал отцу землю, которую достал со дна морского. Отец приложил эту землю к глазам и сейчас же прозрел.

Но, видно, правду говорят, что слеп тот, у кого сердце слепо. Прозрел хан – увидел несметные богатства сына, его красавицу жену и позавидовал сыну. Задумал хан избавиться от него и завладеть всеми богатствами, а красавицу жену увезти к себе.

Однажды хан пригласил сына к себе на обед, но просил, чтобы он пришел один. А в котел, где готовилось мясо для сына, хан положил отраву. Морская царица, почувствовав что-то недоброе, дала Аслану с собой маленькую собачку и сказала:

– Ешь только то, что будет есть собачка.

Когда сели за стол, сын бросил собачке кусок мяса, но она не стала его есть. Тогда и сын отказался от мяса.

Через несколько дней хан приказал слугам вырыть перед своим домом глубокую яму и накрыть ее кошмой. Потом послал слугу к сыну с просьбой прийти к нему.

Сын собрался навестить отца, а названая сестра опять дала ему собачку и сказала:

– Иди только туда, куда пойдет эта собачка.

Так и отправились они к хану: собачка впереди, Аслан за ней. Когда подошли к дому хана, собачка не ступила на кошму, а пошла, тесно прижимаясь к стене дома.

Аслан следовал за ней и потому не упал в яму. Тогда хан задумал новую хитрость: он незаметно подсыпал в чашу, из которой сын пил, сонный порошок, когда Аслан заснул, заковал его в цепи.

Через некоторое время Аслан проснулся и увидел у себя на руках и ногах цепи. Рядом стоял отец и улыбался.

– Что ты сделал, отец! – закричал Аслан, тут же разорвал он цепи и поднялся.

Испугался хан. Но он был хитер и коварен. Правду говорят старые люди: нет такой злой собаки, которая не виляла бы хвостом.

– Сын мой, – сказал он ласково, – просто я хотел испытать твою силу. Если ты сумел разорвать железные цепи, то никаким врагам с тобою не справиться!..

Поверил сын ласковым словам и сказал:

– Это правда, отец! Со мной можно справиться, только вырвав у меня волос из усов.

– Дай-ка я проверю, – все так же ласково проговорил отец и вырвал у сына из усов один волос.

А потом снова заковал сына в цепи, и тот уже не мог двинуть ни рукой, ни ногой. Однако сын не поверил в коварство отца и попросил:

– Теперь освободи меня, отец, ты ведь убедился в правильности моих слов.

Но жестокий хан закричал:

– Сейчас ты увидишь, как я освобожу тебя!

Он позвал слуг и приказал им бросить сына с горы в пропасть.

Неподвижно лежал Аслан на дне глубокого ущелья. А вокруг него – трава зеленая, густая, высокая... Птицы летают... И вдруг одна птица села ему на плечо и заговорила человеческим голосом:

– Ты лежишь на траве, которая исцеляет от всех недугов и придает человеку силу необыкновенную!

Обрадовался Аслан, сделал усилие, протянул руку, сорвал немного травы, стал жевать ее. И сразу почувствовал себя здоровым и таким сильным, каким никогда еще не был.

Поднялся Аслан, вылез из ущелья и отправился домой. Когда подошел к селению, увидел, что хан со своими слугами окружил его дворец и пытается ворваться в него.

На крыше дворца стоят его жена и царевна морская, стреляют в них из лука. А ворота дворца охраняет золотой чудо-конь. Никого не пропускает во дворец. Убивает всех, кто осмелится прибли зиться к воротам.

Аслан в рваной, грязной одежде, с лицом, покрытым пылью, прикинулся странником. Подошел к отцу, поклонился. А тот и не узнал его.

– Кто такой и откуда? – спросил хан.

– Я бедный странник, бродяга, – ответил Аслан. – Если прикажешь, пойду и схвачу для тебя тех красавиц, что на крыше дворца. И буду твоим слугою.

– Если ты сможешь это сделать, я озолочу тебя, отдам половину своего богатства и этот дворец, только приведи мне их! – ответил хан.

Аслан направился ко дворцу, и как только подошел к воротам, золотой чудо-конь сразу признал его и пропустил во дворец. Поднялся он на крышу, женщины радостно кинулись к нему. Они вместе спустились во двор, сели на золотого чудо-коня и выехали из ворот.

Только тогда узнал хан своего сына и задрожал от злобы и ненависти.

– Хватайте его! – закричал он своим слугам. – Свяжите и убейте сейчас же, а красавицу царевну везите ко мне в дом.

Только не встает солнце с запада и не светит луна днем. Слуги хана не двинулись с места, чтобы исполнить приказ своего господина. Никто из них не решился приблизиться к чудо-коню: он гневно храпел, из ноздрей у него шел дым, из-под копыт вылетали искры.

Тогда хан сам хотел выстрелить в Аслана, но конь ударил его копытом, и жестокий хан упал замертво.

Аслан стал управлять селением и счастливо зажил со своею женой и названой сестрой.

Недаром в народе говорят: как ни долга ночь, а день придет!

Иналук и лесная волшебница

Высоко, у подножия снегового хребта, в скалистых горах, над которыми часто поднимаются белые туманы, приютился аул.

Сакли, сложенные из камня-плитняка, с плоскими земляными крышами и широкими трубами, теснились на неровном дне ущелья; меж них вились узкие и кривые улочки, как лесные тропинки, спустившиеся к речке, которая с шумом мчалась по каменистому руслу, потом сорвавшись с крутого обрыва водопадом, бежала по долине, где рос большой и старый лес.

В ауле, в полуразвалившейся сакле, жил со своим сыном, мальчиком Иналуком, бедный горец Мусса.

Был он одинок: жена его давно уже умерла и не было у него родных и близких, которые пожалели бы его старость.

Кусок хлеба добывал он тяжелым трудом, работая в ауле у богатого горского князя – таубия, или в городе, находившемся в долине за лесом.

Как-то раз, в середине весны, Мусса ушел на заработки в город и уже больше не вернулся в аул.

Что случилось с ним: умер ли он в дороге или же отправился странствовать в дальнюю сторону – никто не знал.

Неделю-другую ждал Иналук отца, а потом пошел разыскивать его.

Спустился он в долину, пошел к лесу и остановился на его опушке.

Лужайка расстилалась перед ним: из густой травы выглядывали синие, желтые и белые чашечки цветов, порхали красивые бабочки, мелькали золотистые пчелы.

На краю лужайки одиноко стояла чинара, а дальше начиналась лесная глушь – клены, карагачи, дубы и ясени перемешались меж собой,

густо переплелись ветвями своих вершин. В зелени их пел зяблик, тоскливо ворковала горлица.

Иналук постоял, прислушиваясь к пению птиц, посмотрел на чинару, вершина которой вздрагивала и шумела от ветра, и пошел по тропе.

Около самого леса нашел он на земле желторотого и еще не совсем оперившегося птенца: он выпал из гнезда и беспомощно бился крылышками в траве.

Тут же, в кустах терна, склонившегося над тропой, было гнездо – маленькое, сплетенное из тонких былинок, внутри устланное пухом.

Поднял Иналук птенца, бережно опустил его в гнездо, пошел дальше и вдруг остановился, увидев впереди женщину: из лесной чащи показалась она, одетая в зеленое, как цвет листьев клена, платье и подпоясанная лозою дикого винограда.

Была она старенькой – из-под ее платка выбилась прядь седых волос, а лицо было покрыто морщинами. Одной рукой опиралась она на палку, а в другой держала пучок лесных трав и цветов.

Шла она тихо, не поднимая головы; над нею, щебеча и чирикая, как рой пчел, кружились маленькие птички, садились ей на голову, на плечи.

Иналук сразу узнал ее: это была Агач-катын – лесная волшебница, сестра Апсаты, горного духа, покровителя зверей.

Затрясся мальчик от страха, хотел было шмыгнуть в кусты, но тот же час понял, что не уйти ему от волшебницы, потому что она знала все, что делается в лесу и, наверное, уже успела заметить его.

– Великий Аллах, сохрани мою жизнь! – прошептал он, пошел навстречу старушке и нарочно громко проговорил:

– Добрый день, бабушка!

– Добрый день, Иналук! – весело ответила она. – Куда идешь?

И от этого веселого голоса, от ласки, засветившейся в ее глазах, пропал страх у мальчика.

– Отца своего, старого Муссу, иду я искать, бабушка, – сказал он, доверчиво приближаясь к волшебнице.

– Старого Муссу? – спросила она и задумалась.

– Что ж, – промолвила она потом, – поищи: может быть, и найдешь.

А птички все кружились над ней и щебетали-щебетали.

Она прислушалась.

– Вы все об одном говорите, мои милые, – сказала она им, – о том, что Иналук птенца от смерти спас. Но ведь я знаю это, знаю.

И, отмахиваясь от них рукой, она продолжала:

– Летите, милые, пойте, резвитесь, а я с мальчиком пойду в свою саклю.

Птички тот же час оставили ее и, не переставая щебетать, разлетелись в разные стороны.

В изумлении посмотрел им вслед мальчик, а старушка весело засмеялась и сказала:

– Нечему удивляться! Пойдем в путь-дорогу…

И направилась она по тропинке вглубь леса. Иналук последовал за ней.

Подошли они к громадному дереву, к старой-престарой чинаре; с ветвей ее длинными космами свешивался мох, толстая кора на ней потрескалась, а в стволе, почти около самого низа, было широкое и глубокое дупло.

Старуха неторопливо сунула в это дупло конец палки, и тот же час на месте чинары появилась сакля с большими светлыми окнами, с широкой трубой, из которой вился синий дымок.

И опять по-прежнему весело засмеялась старушка.

– Что, не ожидал?! – спросила она. – Хе-хе… Не то еще увидишь… Заходи в саклю, будь моим гостем.

Двери сакли сами собой отворились, и мальчик с волшебницей вошли в большую комнату. Пол ее был устлан чистыми циновками, а стены увешаны красивыми коврами.

В очаге, около стены, против двери, горели дрова; рядом с очагом стоял деревянный диван со спинкой, покрытой узорчатой резьбой.

– Садись, мальчик, – промолвила хозяйка, кивнув головой на диван, и как бы нечаянно уронила на пол цветок.

Бесшумно раздвинулись ковры, в стене отворилась дверь, и в комнату вошла молодая, красивая девушка с медным тазом и кумганом в руках, а полотенце было перекинуто через плечо.

Опустилась она перед мальчиком, вымыла ему ноги, вытерла их полотенцем и ушла, унеся с собой таз и кумган.

Еще один цветок уронила старуха, и другая девушка внесла в комнату и поставила перед мальчиком круглый столик, на котором лежали куски жареного мяса дикой козы, белые соты меда, ячменный хлеб – гырджын – и стояла чаша – аяк – с холодным айраном.

– Аша[1], аша, – потчевала старуха гостя, а пока он ел, в комнату вошли прежние обе, молча постлали на циновках постель и удалились.

[1] *Кушай, ешь.*

Иналуку все это сначала казалось красивым сном, но мясо дикой козы было сочно и вкусно, гырджын горячий и мягкий, душист мед и прохладен айран.

– Нет, это не сон, – подумал он и, когда наелся досыта, кланяясь, сказал:

– Берекет болсун[1], бабушка!

– Что ты, что ты! – замахала на него старушка. – Стоит ли благодарить?!

Опять явилась девушка с кумганом и тазом, подала умыться мальчику и ушла.

А за окном лес посинел, притих и задумался: наступал вечер.

И удивился мальчик, что так скоро день прошел, а старуха, зная его мысли, засмеялась и сказала:

– Пока сон не придет к тебе, послушай мои сказки.

И увидел Иналук, как сами-собой растворились окна, как потянулись в них ветви старой чинары.

Где-то рядом шумно захлопала крыльями большая птица, и в комнату влетел филин, уселся на спинке дивана.

Повернул он ушастой головой направо-налево, то закрывая, то открывая круглые янтарные глаза, оправил клювом перышки на крыльях и заговорил.

Начал он рассказывать о маленьких лесных человечках, которые на лето сшивают себе одежду из темно-зеленых зубчатых листьев дуба, украшают ее лепестками дикой розы и синими незабудками.

Всю весну и лето резвятся они в лесу: качаются на ветвях чинар и карагача, в жаркий полдень спускаются к светлому, говорливому ручью, который бежит по дну глубокой балки, купаются в холодной воде. А вечером выходят они на лесную опушку и при свете звезд пляшут на лужайке.

Когда же зарумянятся яблоки и кизил станет темно-красным, они веселой, шумной толпой идут собирать их.

Осенью холодком с гор потянет, листья пожелтеют, опадать начнут, и они прячутся в дупла, зароются в мох и заснут до весны, до той поры, когда снег стает и покажутся первые цветы – красивые и нежные подснежники.

Глаза мальчика медленно закрылись, и он крепко заснул под говор филина и шелест листьев.

Рано-рано утром, только начало рассветать, запел на чинаре черный дрозд. Его звонкое пение разбудило Иналука.

[1] *Пожелание изобилия и достатка в доме.*

Мальчик открыл глаза. Над ним свесились ветви чинары, сквозь листья которой просвечивалось слегка зарумянившееся небо.

Быстро поднялся он, с удивлением и недоумением осмотрелся.

Вокруг стояли только деревья: листья их от свежего ветерка вздрагивали, покачивались, тропинка бежала мимо чинары и пропадала в чаще, на траве блестели капли воды, из балки доносилось журчание ручья, поднимался легкий белый пар. Где-то вблизи застучал по стволу сухого дерева дятел, заклекотал орел.

А вчерашней сакли нигде не было – от нее и следа не осталось.

В молчаливом раздумье стоял мальчик.

День разгорался, где-то далеко за лесом поднималось солнце. Доносилось звонкое и красивое пение дрозда.

А Иналук все стоял и думал о том, что с ним случилось…

– На все воля бабушки: как она хотела, так и случилось, тихо промолвил он и побрел по тропинке.

Пробрался сквозь чащу, заваленную буреломом, спустился в балку, поднялся из нее и вышел в степь. Широко разметалась она, травой и мелким кустарником заросла, и ни дороги, ни тропинки не было на ней.

Посмотрел Иналук назад.

Вдали синел лес, а еще дальше за ним поднялись снеговые горы.

Под первыми лучами солнца алыми огнями загорелись их вершины, пурпуром вспыхнул белый туман, поднявшийся из глубоких горных пропастей.

Долго смотрел Иналук на горы, и росла в душе его печаль. Вздохнул он и пошел степью.

Много дней и недель был он в пути, и тяжело было ему идти под палящими лучами солнца, часто изнемогая от голода и жажды.

Питался он ягодами и съедобными кореньями, иногда удавалось ему найти птичьи яйца.

Шел он днем, а ночью отдыхал, располагаясь на ночлег в кустах.

Немало рыскало в степи зверей: не раз видел он волков, видел и свирепого барса, выбежавшего из камышей, густо разросшихся на болоте, но Аллах хранил мальчика, и звери не тронули его.

Видел он и птиц разных: у него из-под ног вылетали с шумом то куропатки, то золотистые фазаны, на маленьких озерах видел он лебедей, уток и красных гагар.

Красива была степь днем, еще красивее была она вечером, но мальчик очень обрадовался, когда наконец прошел ее и, голодный, обессиленный, дотащился до приморского города.

Своею громадностью, своим многолюдством и суетливой жизнью поразил его город. Впервые он увидел многоэтажные дома с балконами, с лепными украшениями на стенах, дворцы, блиставшие роскошью отделки, мечети с высокими белыми минаретами, широкие, вымощенные камнем улицы, обширные площади, обсаженные каштанами, кипарисами и тополями.

На площадях били высокой струей фонтаны, а вокруг них росли красные, белые и желтые розы, лилии и много других цветов.

По улицам тянулись караваны верблюдов с тяжелыми вьюками товаров, ленивые волы тащили скрипучие арбы на высоких колесах; ослы, нагруженные корзинами с фруктами, шли своим неторопливым шагом и на палочные удары погонщиков только поводили длинными ушами; верхом на великолепных арабских скакунах ехали ханские сановники, богатые купцы.

И все эти караваны, арбы, вся эта разноплеменная и разноязычная толпа направлялась в гавань или на базарную площадь.

В гавани стояло много кораблей, мачты их поднимались лесом, пестрели паруса, флаги. Одни корабли с распущенными парусами плыли в море, отправляясь в дальнее плавание, другие, нагруженные заморскими товарами, приставали к берегу.

Еще оживленнее, еще шумливее была базарная площадь. Жизнь здесь начиналась рано утром, задолго до восхода солнца, когда на площадь со всех сторон города спешил народ.

Очутившись в городе, Иналук весь день пробродил по базарной площади и чувствовал себя глубоко одиноким и несчастным: был для него чужим этот город-громада, были чужими люди, среди которых он находился.

Он изнемогал от голода, а попросить кусок хлеба не решался, никогда раньше ему не приходилось просить.

Настал вечер. Мальчик совсем обессилел, свалился под навесом старой лавчонки и крепко заснул, а утром, когда проснулся, увидел перед собой старика с большой седой бородой, в старой, выцветшей малиновой феске, в старой синей куртке, широких шароварах и в стоптанных туфлях.

Старик расспросил его, кто он и как попал в город, потом подумал, покачал головой с видом сожаления и сказал:

– Пойдем, мальчик, ко мне, я покормлю тебя.

Взял он его за руку, привел на окраину города, в небольшой домик с фруктовым садом, приласкал, накормил его, а вечером уложил спать.

На другой день взял старик глиняную чашу, бурдюк и пошел с мальчиком за город, к роднику с чистой и холодной водой.

– За такую воду в городе хорошо платят, – говорил старик, наполняя бурдюк водой. – Иди, мальчик, походи по базару, а вечером принеси мне деньги.

Взял Иналук бурдюк с водой и до самого вечера бродил по базару и в гавани, выкрикивая:

– Суууk суу!..[1] Суууk суу!..

За день Иналук успел несколько раз опорожнить бурдюк, но старик, пересчитав вечером его выручку, покачал головой.

– Мало заработал ты, мальчик, – сказал он. – Ленился ходить по городу. На первый раз я тебя прощаю, но если и потом будешь плохо работать, буду тебя наказывать.

И с того дня началась трудовая жизнь Иналука. Рано утром он брал бурдюк, бежал к роднику, потом ходил по городу, а домой возвращался поздно вечером.

С каждым днем он зарабатывал денег все больше и больше, но старик по-прежнему был недоволен им и нередко бил его.

– Лентяй! Ты меня скоро нищим сделаешь! – кричал он, пряча в кошелек заработанные мальчиком деньги.

Сварливый и скупой был старик. Держал мальчика впроголодь, постоянно ворчал на него и жаловался соседям, что тот обкрадывает его.

Целый год прожил Иналук у старика, терпеливо переносил и брань, и побои, но наконец стало ему невмоготу терпеть, и решил он тайком покинуть своего хозяина.

Но пока он собирался это сделать, хозяин распорядился по-своему. В один вечер пришел к старику купец, молча сунул ему в руку кошелек с деньгами и молча отвел мальчика на корабль, отплывавший в чужую сторону.

На корабле мальчика заперли в тесную каморку, где уже было несколько невольников, и он понял, что старик продал его работорговцу.

Много рассказов слышал Иналук об ужасной участи рабов, сам не раз видел, с какой жестокостью обращались с ними их хозяева, и задумал сбежать с корабля.

Но пока корабль стоял в гавани, сделать этого он не мог, потому что рабы были в каморке под замком, и только на другой день вечером, когда корабль находился в пути и плыл мимо какого-то большого острова, их выпустили на палубу подышать свежим воздухом.

[1] *Холодная вода.*

Стало темнеть. Иналук потихоньку отделился от рабов и, никем не замеченный, бросился в море, надеясь вплавь достигнуть берега острова. Но налетела громадная волна, подхватила его и понесла. Он потерял сознание и не помнил, как был выброшен на берег.

Прошла ночь, настало утро, а он все еще лежал. Солнце поднялось высоко, стало припекать. Он открыл глаза и поднялся.

У ног его сонно плескалось море, от песчаного берега, усеянного мелкими ракушками, начиналась степь, кое-где поросшая жидким кустарником и бурьяном, местами виднелись на ней лужайки, вдали серебром блестели на солнце солончаки, а дальше в голубой дымке смутными очертаниями вырисовывались стены города.

К этому городу и направился Иналук.

Но едва он сделал несколько шагов, как впереди, около бурьяна, мелькнула чья-то тень: казалось, большая серая птица, Бог знает, откуда взявшаяся, быстро опустилась в бурьян.

– Что такое? – с недоумением проговорил он, продолжая идти, и вдруг увидел перед собой волшебницу.

Как и раньше, когда он впервые встретил ее в лесу, она одной рукой опиралась на палку, а в другой держала пучок травы и цветов.

– Бабушка!.. Милая бабушка!.. – радостно воскликнул он, бросаясь к ней.

Но ее уже не было: она исчезла также внезапно, как появилась, и только оброненный ею голубой цветок лежал на том месте, где она стояла.

Тоской защемило сердце мальчика, и взором искал он всюду старую бабушку – лесную волшебницу. Но вокруг лежала пустынная, молчаливая степь, ветер гулял по ней, шумел в бурьяне, и море начинало сильнее плескаться о берег.

Посмотрел мальчик на цветок, поднял его и, сам не зная для чего, спрятал в карман.

В это время в степи показалась толпа вооруженных всадников, и мальчик увидел, как они направились к нему.

«Разбойники!» – мелькнуло у него в голове, и опять кинулся в бурьян.

Но он ошибся: всадники были не разбойниками, а сановниками и воинами того хана, которому принадлежал остров. По воле своего повелителя с раннего утра они ездили по степи, разыскивая чужого, неведомого им мальчика, и очень обрадовались, когда издали увидели Иналука.

Для чего понадобился им сын бедного Муссы?

А вот для чего он был им нужен.

Хан этой страны был в большом горе: его единственная и горячо любимая дочь тяжко заболела, и ни один врач той страны не мог ни вылечить ее, ни облегчить ее страданий. И, как зажженная свеча, таяла принцесса.

Хан с ханшей часто плакали в своих роскошных покоях, а министры и другие сановники в угоду хану старались казаться удрученными, глубоко опечаленными.

Но в одну из ночей, когда больная чувствовала себя особенно плохо, главному ханскому чубукчи[1], человеку уже немолодому, приснился сон: явился ему неведомый юноша в светлых одеждах и сказал, что принцессу может вылечить только мальчик, который будет поутру одиноко бродить по степи.

Проснувшись, чубукчи долго размышлял о своем сне, а утром, подавая хану трубку, рассказал ему о нем.

Хан задумался.

– Сны, – сказал он, выпуская изо рта клуб дыма, – иногда бывают вещие. Может, и твой сон из таких.

И приказал он сановникам отправиться в степь искать бродящего мальчика.

Уже много дней, как только наступало утро, начинали рыскать по степи сановники и воины хана и когда наконец увидели Иналука, обрадовались, подъехали к нему, вытащили его из бурьяна, посадили на коня и помчались в город.

Явились они к хану и в один голос воскликнули:

– Великий хан! Прославленная мудрость всей земли! Вот – мальчик, которого ты приказал найти.

Хан замахал на них рукой, указывая глазами на дверь, и они тот же час удалились.

Оставшись вдвоем с Иналуком, хан сказал ему:

– Мальчик, я не спрашиваю, кто ты и откуда пришел в наш край: я знаю – сам Аллах послал тебя ко мне. И я смиренно прошу тебя: дай мне великую радость – вылечи мою дочь.

А Иналук дрожал от страха, с недоумением смотрел на хана и не совсем понимал, о чем тот его просит.

Но вот перед ним мелькнула серая тень, и кто-то тихо-тихо зашептал ему на ухо:

[1] *Слуга, подающий трубку с табаком.*

– Не бойся, мальчик. Свари в воде голубой цветок, его отваром напои дочь хана, и она выздоровеет.

«Это говорит бабушка», – обрадовался Иналук и почувствовал, что сразу пропал страх перед ханом.

– Я вылечу твою дочь, – сказал он хану и не медля отправился на кухню, чтобы приготовить отвар из цветка.

Хан сам понес питье дочери, и она тут же встала с постели, едва отведала его.

– Я здорова, здорова! – радостно воскликнула она, обнимая отца.

От радости хан заплакал и повел дочь к ханше.

Весть о чудесном выздоровлении принцессы быстро разнеслась по двору, и сановники поспешили принести хану свои поздравления.

На радостях хан совсем было забыл об Иналуке, а когда вспомнил, сказал ему:

– Мальчик, ты исполнил мою просьбу. Теперь ты проси у меня все, что хочешь.

Иналук был голоден и попросил кусок хлеба.

Хан приказал накормить его, одеть в лучшую одежду и оставил при дворце.

Не забыл хан и чубукчи: подарил ему свой роскошный халат.

Иналук остался жить во дворце.

Хан, ханша и принцесса ласкали его, а сановники относились к нему с почтением.

Ел он изысканные кушанья, которые подавались на стол в серебряной посуде, а гулять ходил в роскошный сад, заросший розами и сиренью.

Но всего лишь три дня прожил он во дворце, а уже нажил врагов среди сановников, которые сильно завидовали ему, а придворный лекарь, злой старик с трясущейся бородой, возненавидел его: ему было обидно, что какой-то мальчик-оборвыш оказался более опытным лекарем, чем он.

И задумал старик погубить мальчика.

Пошептался он с сановниками и с встревоженным лицом прибежал к хану.

Глянул на него хан и заранее испугался.

– Что такое случилось? – воскликнул он.

Поклонился ему старик и отвечал:

– Великая опасность, могущественный хан, грозит тебе и твоему семейству.

Хан побледнел и задрожал.

– Что ты такое говоришь! – вскричал он испуганно. – Пойдем, пойдем скорее ко мне.

Заперся он со стариком в своих покоях и, оглядываясь по сторонам, проговорил дрожащим голосом:

– Ну, рассказывай, мой верный друг: какая опасность грозит мне?

– Хан, – сказал старик, – мальчик, которого ты окружил роскошью, замышляет завладеть твоим троном.

Хан весело рассмеялся.

– Ну, эта опасность не велика, – сказал он. – Не страшен мне мальчик.

Старик вздохнул.

– Да, великий хан, он пока еще мальчик, а через год-другой станет юношей, – промолвил старый лекарь и продолжал. Никто из нас не знает, кто этот мальчик, как он попал в нашу страну. Ты рассказывал, что твоему чубукчи было откровение о нем во сне, но я уверен, что чубукчи заранее отыскал мальчика, а потом выдумал свой сон. Чубукчи же – человек подозрительный: его мать колдуньей была. Тут во всем замешана нечистая сила. Впрочем, – опять вздохнул старик, – может быть, я неправду говорю... Ты лучше расспроси сановников.

Задумался хан. Не верил он старику – смешным казалось ему, что мальчик может быть его злейшим врагом.

«Но, – подумал он, – всякое случается на свете. Тут что-то такое есть: дыма без огня не бывает. Послушаю-ка я сановников: что скажут они».

И приказал позвать сановников, а те уже стояли за дверями.

Вошли они, упали перед ним на колени, прикоснулись губами к полам его халата.

– Встаньте, – сказал он им, – говорите, что знаете о мальчике...

– Великий хан, мудрость вселенной, – заговорил один из них. – Я боюсь навлечь на себя гнев твой, если повторю те слова, которые произнес мальчик.

– Говори, – сказал хан. – Я заранее прощаю тебя...

И сановник начал рассказывать, как он с другими сановниками стоял в ханском саду за кустами сирени, как в тот же сад вошел Иналук и, не видя их, громко проговорил:

– Скоро я сам буду ханом, а теперешнего хана, этого старого дурака, заставлю пасти табун.

Хан чуть было не задохнулся от гнева, но сдержал себя и спросил остальных сановников:

– Правду ли он говорит?

– Истинную правду, – ответили сановники.

И приказал хан заковать Иналука в цепи и посадить в темницу.

Чубукчи из окна своей комнаты видел, как повели мальчика под стражей, и испугался.

«А, проклятый сон, ты и меня погубишь!» – подумал он и незаметно скрылся из дворца, а потом из города. И сделал он это вовремя, потому что хан отдал приказ и его взять под стражу.

Бегство чубукчи было на руку врагам Иналука.

– Видишь сам, великий хан, что я правду тебе говорил, – сказал хану придворный лекарь. – Если бы чубукчи был чист перед тобой, зачем ему было скрываться?

– Да, – отвечал хан. – Ты прав, мой друг! Но что мне теперь делать с мальчишкой?

– Что делают со злодеями? – спросил лекарь. – Казнить его надо...

– Да будет так, – сказал хан. – Иди и скажи, чтобы к завтрашнему дню все было готово для казни.

Лекарь поклонился и поспешил передать распоряжение хана сановникам.

Весь день и всю ночь работали сто человек рабочих, строя высокий помост, с которого должны были смотреть на казнь хан и сановники.

На другой день с раннего утра по городским улицам разъезжали глашатаи, объявляя о предстоящей казни «важного преступника, злоумышлявшего против хана». И народ со всех концов города поспешил на площадь.

Иналук только что проснулся, когда к нему в каморку явились воины и вывели его во двор, где уже стояли войска.

Скоро показался из дворца хан, окруженный сановниками и муллами.

Был он одет в красный шелковый халат, а на боку у него висела кривая сабля в золотых ножнах, обсыпанных драгоценными камнями. Сел он на великолепного арабского коня и медленно поехал по улице, а за ним двинулись сановники и войска, окружив закованного в цепи Иналука.

Охваченный тоской, шел мальчик и мысленно прощался с солнцем, с родными горами, с отцом, и текли у него по щекам слезы.

На площади хан слез с коня, взошел на помост, сел на богато убранное сидение, а по обе стороны от него разместились сановники и придворные.

Хан махнул рукой, давая знать палачам, что уже пора приступать к казни.

Но в это время небо потемнело от великого множества Бог знает откуда появившихся птиц. Громадные горные орлы, степные коршуны, соколы, ястребы, копчики с ужасным криком налетели на войска, народ, хана, сановников и начали бить их крыльями, рвать когтями и клювами. И было их так много, что заслонили они собой небо, а от взмахов их крыльев поднялся сильный ветер.

В ужасе бросились бежать хан, сановники, народ и войска, давя один другого, и к крику птиц присоединились людские вопли и крики.

И сильнее всех кричал хан: зацепился он полой длинного халата за перила помоста и повис в воздухе.

– Спасите меня, спасите! – кричал он, беспомощно болтая ногами, но спасать его было некому, потому что каждый только и думал о своем собственном спасении.

Иналук глазам своим не верил, глядя на происходившее вокруг него. Он стоял по-прежнему в цепях; ни одна из птиц не тронула его, тогда как палачи избитые крыльями и клювами, валялись тут же, около него.

Вдруг он услышал позади себя.

– Здравствуй, мальчик!

Он оглянулся. К нему подходила лесная волшебница, но уже без палки и цветов в руках.

– Бабушка!.. Бабушка!.. – воскликнул он и заплакал.

– Ну-ну... Перестань плакать, мальчик, – проговорила старушка, освобождая его от цепей. – Посмотри, как птицы разделываются с твоими врагами! Посмотри, как хлещут орлы крыльями хана!.. А вот старикашку, главного клеветника, они совсем заклевали!

Но не одному хану и придворному врачу, а всем очень плохо пришлось от хищных птиц. Воины оружие побросали и со всех ног улепетывали по улице, а сановники растеряли свои чалмы, кидались из стороны в сторону, но птицы всюду настигали их.

– Поделом вам, клеветники! – засмеялась старушка и потом, обращаясь к мальчику, сказала:

– А ведь все это наделала маленькая птичка!..

– Какая птичка? – спросил Иналук.

– Помнишь, ты поднял в лесу птичку, в гнездо положил? Времени с тех пор прошло немало, и она уже успела вырасти. Она всюду сопровождала тебя, только ты этого не знал. Случилось с тобой несчастье, и

она поспешила ко мне рассказать о нем. Ну, да ведь я сама все знала и послала свое войско выручать тебя...

– Какое войско?

– Ах ты, глупый мальчишка! Орлы, коршуны, соколы и все птицы – мое войско... Но об этом поговорим когда-нибудь в другой раз, а теперь пойдем в нашу сторону, в наш милый старый лес – там живется свободнее.

Взяла она мальчика за руку. Немного прошли они, а были уже за городом, в степи.

Из города доносились крик и шум.

Прислушалась волшебница и сказала:

– Надо отозвать свое войско, не то много бед оно наделает.

Махнула она рукой, и тотчас же со стороны города показалась громадная черная туча – то летели птицы и скоро скрылись вдали.

Волшебница и мальчик подошли к морю.

Взяла она его на руки, как птица, взвилась вверх и полетела через море.

Глянул мальчик вниз: далеко-далеко расстилалась водная пустыня, а корабли на ней казались ореховыми скорлупками.

Но вот показалась земля: волшебница опустилась на нее и пошла, ведя за руку мальчика.

Шли недолго, а Иналук уже стал узнавать родные места: показались вершины снеговых гор, а потом и лес.

Прошли еще немного, и увидел Иналук на лесной опушке какого-то старика.

– Узнаешь ты этого человека? – спросила его старушка.

Посмотрел он пристально на старика и вдруг радостно вскричал:

– Атам![1] Атам!..

И побежал к нему, обнял его.

– Сын мой! Мой мальчик, – говорил старик, а у самого дрожали губы, дрожала седенькая бородка, а на глаза навернулись слезы.

– Вот и отец нашелся! – весело проговорила старушка. – Но стоять здесь нечего, пойдемте ко мне в лес – там я кое-что приготовила для вас.

И пошли они втроем по тропинке, пробрались на полянку.

Красивая башня, вся убранная зеленью, возвышалась на полянке. Распахнулись в ней толстые дубовые двери, и маленькие лесные человечки в зеленых курточках, сшитых из дубовых и кленовых листьев, в красных шапочках с поклонами встретили путников.

[1] *Отец.*

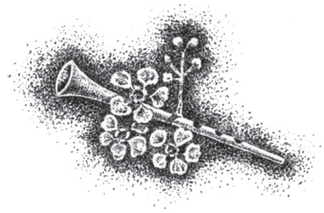
Закружились, защебетали и запели маленькие птички. Путники вошли в большую комнату, пол и стены которой были устланы и увешаны красивыми коврами, и сели на диван.

Явились девушки с кумганами, тазами, вымыли им лица, ноги, одели их в богатые одежды, а затем поставили перед ними столики с дымящимся жареным оленьим мясом, с румяными яблоками, синим виноградом, красным кизилом.

Волшебница попробовала винограда, поднялась и сказала Иналуку и его отцу:

– Оставайтесь жить в башне. Не заботьтесь о том, что вам кушать: все вовремя будет подаваться вам. Будьте здесь хозяевами, а я иногда буду приходить к вам в гости.

И ушла старушка в лес, к своим любимым деревьям, цветам и птицам, а мальчик с отцом остались жить в башне.

Темрюк и Наэльхан

Давным-давно владетель одного большого аула, горский князь – таубий Тенгиз – просватал свою дочь Наэльхан за молодого князя Джанхота и созвал на пир гостей из соседних горных аулов.

В просторной зале старинной башни, стоявшей в скалистом ущелье, сидели гости.

В сторонке от гостей, около пылавшего очага, певец Мусса, ослепший от старости, водя изогнутым смычком по кыл кобузу[1], пел о доблестях предков Тенгиза. Гости подхватили песню, и она, шумная, многоголосая, билась о каменные стены башни, увешанные рогами оленей, туров и шкурами медведей, рвалась в открытую дверь на простор, к горам.

А на дворе горели костры: на них в больших медных котлах варилось мясо, жарились на длинных вертелах целые туши баранов, телят, туров.

Уже третий день длился пир, а жених ни разу не заглянул на него: по народному обычаю, он не должен был переступать порог дома своего будущего тестя до тех пор, пока мулла не совершит над ним и невестой некях – мусульманский брачный обряд. И в ожидании дня этого обряда Джанхот находился в ауле, в сакле своего друга Темрюка, молодого охотника. И невеста также не показывалась гостям: тот же обычай запрещал ей делать это. В верхнем ярусе башни, в своей комнате она стояла с девушкой-служанкой у окна, смотрела на горы, по которым уже начали ползти вечерние туманы.

Служанка промолвила:

– Отойди от окна, мое солнце, наступает время, когда обур – злая колдунья, покинув свою пещеру, летает над горами и высматривает добычу.

[1] *Струнный музыкальный инструмент.*

Наэльхан засмеялась:

– Я же не ребенок, и колдуньей не испугаешь меня, – сказала она и, посмеиваясь, прибавила, – хотелось бы мне хоть раз в жизни взглянуть на нее.

– Что ты говоришь?! – испуганно воскликнула служанка. – Никогда не желай этого!

И отошла она от окна, чтобы зажечь светильник. Ударила она огнивом по кремню, и вдруг послышалось хлопанье крыльев и раздался отчаянный крик Наэльхан. Быстро повернулась служанка к окну и увидела, что громадная черная птица вцепилась когтями в ее госпожу. Когда она опомнилась, в комнате уже не было ни черной птицы, ни девушки. Кинулась она к окну и увидела, как мелькнули на потемневшем небе две птицы – черная и белая.

Сбежала она по лестнице вниз и, очутившись в нижней зале, среди пировавших гостей, крикнула:

– Колдунья унесла Наэльхан!

Оборвалась песня, затих говор. А князя Тенгиза эта страшная весть точно молотом ударила, но он превозмог себя, поднялся, протянул руку вперед, стараясь успокоить гостей.

Дошла эта весть и до князя Джанхота. Он бросился было бежать из сакли, но зашатался, и чтобы не упасть, прислонился к стене.

– Князь, – сказал ему Темрюк, – веришь ли ты в мою дружбу?

– Верю, – глухо проговорил Джанхот.

– Так поверь же и тому, что я возвращу тебе твою невесту! – воскликнул он, взял лук, стрелы, повесил на пояс кинжал и, обнявшись на прощанье с князем, вышел из сакли.

Прошел год с тех пор, как покинул он свой аул, но нигде не только не встретил колдунью, но и слова одного о ней не слыхал.

Как-то, бродя по горам, заночевал он под скалой и во сне услышал, что кто-то приказал ему съесть три крупинки земли. Проснувшись рано утром, он проглотил три крупинки и собрался идти в путь. Вдруг откуда-то появились две большие птицы – черная и белая. Они медленно и низко пролетели недалеко от него. Пустил он в них из лука стрелу и слегка зацепил ею крыло белой птицы. Обе птицы испуганно метнулись в сторону, взвились вверх и быстро исчезли, а после них в воздухе медленно закружилось, опускаясь на землю, белое перышко. Поднял его Темрюк, спрятал в карман и вышел на дорогу. Впереди, в нескольких шагах от него, стояли две женщины – одна старая и безобразная, одетая в грязное тряпье, а другая – стройная, в большом белом платке, в кото-

рый было плотно закутано ее лицо. «Колдунья», — мелькнуло у него в голове, и он взялся было за лук. Но старуха громко крикнула:

– Эй, охотник! Оставь свой лук, отдай мне перо и получишь за него три горсти золота.

«А-а! Вот кто были птицы!» – подумал Темрюк и хотел было пустить в старуху стрелу, но лук его разлетелся на несколько частей. А старуха снова крикнула ему:

– Отдай перо и получи золото. Слышишь?

Вместо ответа он с обнаженным кинжалом бросился на нее. Она же, не сходя с места, замахала руками, то же самое сделала ее спутница, и обе женщины превратились в больших птиц – черную и белую – и поднялись вверх. Улетая, черная птица прокричала:

– Я знаю, что не могу погубить тебя: по совету моего врага – горного духа – ты тремя крупинками земли предохранил себя от моих чар. Но помни: даром ты не получишь той, которую ищешь.

Прошел еще один год. Однажды в горах началась сильная буря. Замерла от ужаса душа Темрюка, и упал он лицом на землю. Когда буря закончилась, он поднял голову и увидел у края площадки тех двух женщин, которых встретил год тому назад. По-прежнему была грязна и безобразна старуха и по-прежнему была закутана в белый платок ее спутница.

– Отдай мне белое перо, – крикнула старуха.

– Проклятая, зачем ты мучаешь несчастную? – закричал Темрюк.

– Я не перестану и тебя мучить, пока ты не отдашь мне белое перо! – прокричала старуха, опять превратившись в черную птицу.

Снова поднялась буря, подхватила Темрюка и понесла. Наступила ночь, потом сменилась днем, а Темрюк все летел в облаках, в белом, как молоко, тумане и опустился в снеговых горах, на громадную глыбу льда, окруженную пропастью. Темрюк еще не успел осмотреться, как над головой его уже закружились две птицы.

– Эй, послушай меня, мудрая женщина, черной птицей летающая по свету! Я отдам тебе белое перо, если ты возвратишь таубию Тенгизу его дочь Наэльхан, – крикнул он.

Но черная птица прокричала в ответ:

– Никогда этого не будет, охотник!

А он, не спуская с нее глаз, продолжал:

– Эй, мудрая женщина, возьми мою жизнь: по капле кровь мою выпей, и ни стона, ни жалобы ты не услышишь от меня, только возврати Тенгизу его дочь.

А черная птица, улетая, опять прокричала:

– Никогда этого не будет, охотник.

И, оставшись один среди молчаливых льдов и пропастей, с горячей мольбой Темрюк воскликнул:

– О Апсаты[1], могучий покровитель охоты! Я знаю, ты всесилен в горах и в лесах: молю тебя, помоги мне спасти дочь старого Тенгиза, и в благодарность за это я принесу тебе жертву.

И с белой вершины сошел могучий Апсаты, громадный старик в широкой белой, блестевшей как серебро одежде, руку протянул к Темрюку и, подобно перышку, поднял его и понес, шагая через пропасть. К лесу он спустился и под скалой Темрюка оставил, а сам взял чинару, поваленную бурей, и ударом о скалу в мелкие щепы разбил ее. Сложил из щеп костер, дунул на него, и весело разгорелся яркий огонь. Затем Апсаты удалился в горы. А Темрюк задремал у костра и во сне снова увидел Апсаты.

– Сожги белое перо, и перед тобой явится дочь Тенгиза! – сказал он ему.

Проснувшись, Темрюк бросил в огонь перо, и как только сгорело оно, из пламени костра вышла Наэльхан. Радостно воскликнул он, взял на руки девушку и понес через лес. Могучий Апсаты дал ногам его быстроту ног оленя, и Темрюк быстро шел, не уставая; в скалистое ущелье он спустился и в старинную башню принес девушку.

Старого, сгорбившегося Тенгиза он увидел и сказал:

– Таубий, вот дочь твоя Наэльхан, возьми ее, а я побегу к князю Джанхоту и обрадую его. Старик обнял дочь и сказал охотнику:

– Темрюк, ты сделал все, что должен сделать благородный джигит. Будь ты моим другом, но не ходи к князю Джанхоту: он не достоин Наэльхан. Все время, пока ты, разыскивая ее, скитался по свету, он сидел в своей сакле, ел шашлык, запивая его бузой, и развлекался соколиной охотой, о невесте же своей совсем не беспокоился.

Поник головой Темрюк.

– Бедная девушка, – прошептал он печально.

И тогда Наэльхан взяла его руку и сказала Тенгизу:

– Отец, вот мой жених!

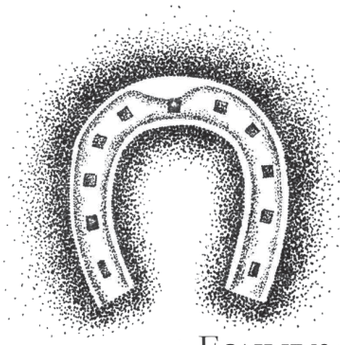
И старик утвердительно склонил голову.

– Да, – сказал он, – он достоин быть твоим женихом, ибо он – благородный джигит.

Три дня прошло, и в старинной башне начался свадебный пир, и слепой певец пел об отважном джигите Темрюке и его прекрасной жене Наэльхан.

[1] *Бог – покровитель диких животных и бог охоты.*

Счастье, ум и богатство

Поспорили однажды между собой Счастье, Ум и Богатство.

– Я важнее всех, – похвалялось Богатство.

– Без счастья и богатство ни к чему, – возражало Счастье.

– Если ума нет, не помогут ни богатство, ни счастье, – сказал Ум.

Долго спорили они, а потом решили проверить, кто из них прав.

Отправились они странствовать по свету и вскоре увидели бедного юношу, который сеял на своем маленьком поле кукурузу.

Остановились Ум, Счастье и Богатство.

– Пусть поле бедняка покроется золотом! – повелело Богатство.

И тут же покрылось все поле бедняка золотыми самородками.

Но Ум, чтобы доказать свое могущество, взял и покинул бедняка. И когда лишился бедняк своего ума, он, увидев самородки, подумал, что это простые камни, и сказал:

– Беда, на мое поле выпал град из камней!

Он решил пойти в аул и рассказать об этом людям.

По дороге он повстречал бая[1].

«Что-то встревожен этот человек. Поеду-ка я и погляжу, что там стряслось», – подумал бай и быстро поехал к полю юноши.

Увидев самородки, бай не подал виду и говорит хозяину поля:

– Так и быть, земли у меня много, выручу я тебя. Ты возьми самое лучшее поле из моих земель, а этот участок теперь будет моим.

Обрадовался юноша, что променял свой клочок земли на большое поле. Собрал бай все золото и увез на арбах к себе домой, ну а бедняк тем временем стал пахать свое новое поле.

Тогда Счастье, чтобы показать свое могущество, глянуло на бедняка и промолвило:

– Будь счастлив!

[1] *Бай – богач.*

И сразу же откуда ни возьмись подъехала к юноше большая дружина.

– Мы давно ищем себе предводителя, – сказали воины. – Просим тебя, будь нашим предводителем.

Юноша по глупости, поскольку ума-то у него не стало, не знал, что сказать, только головой кивнул. Тогда воины облачили его в серебряную кольчугу, опоясали драгоценным оружием, посадили на вороного скакуна и увезли с собой. Таким стал юноша джигитом, что и узнать нельзя!

Остановился отряд на ночь в ауле того самого бая, что поменял свое поле на клочок земли бедняка. А у бая была дочь, красавица из красавиц.

– Давайте, женим нашего предводителя на дочери бая! – решили воины и послали к нему сватов.

Бай согласился, и джигит сделался женихом его дочери.

Созвали народ повеселиться на пиру, будущего зятя посмотреть. А джигит рта не раскрывает да как-то странно по сторонам озирается.

Так он сидит день, другой, будто воды в рот набрал. Кто из байской родни не подойдет к нему, не заговорит, а он и слова в ответ не молвит.

– Что это он все молчит? – дивится будущая родня. – Может, он и разговаривать не умеет?

На третий день уже и сам бай рассердился. Видят Богатство и Счастье, что дела плохи, стали Ум просить:

– Вернись к джигиту!

Послушался Ум, вернулся к бедняку. Как раз в это время пришел бай, чтобы поговорить с будущим зятем.

– Скажи, джигит, отчего ты все молчишь? – спросил он.

И тут на удивление всем джигит заговорил:

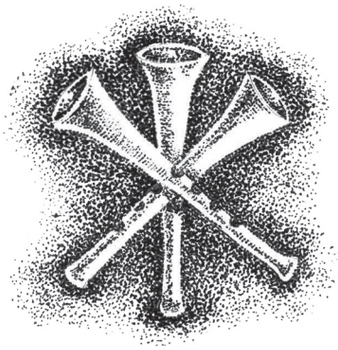
– Когда я был еще ребенком, напали на наш аул враги. Все жители поднялись на защиту – и мужчины, и женщины. Но отважнее всех сражался юный джигит – он один почти всех врагов одолел. А когда кончилась битва, оказалось, что тем юным джигитом была девушка, переодетая в мужское платье. Вот я и молчал два дня, все думал: можно ли считать эту девушку по храбрости равной мужчинам?

Обрадовался бай, когда услыхал, что его будущий зять так складно и мудро рассуждает.

Сыграли они на радостях веселую свадьбу. Забрал джигит молодую жену и уехал в свой аул.

А вскоре опять встретились Счастье, Ум и Богатство. И решили они, что самое главное для человека – ум! Если нет у человека ума, ни богатство, ни счастье не помогут.

Сокур-Али

ил на свете один очень богатый человек, звали его Ибрагим-хан.

Однажды пришло ему в голову, что не только богаче, но и умнее его нет никого. И захотелось ему посмеяться над людской глупостью. Объявил он всенародно, что если найдется человек, который сумеет рассказать ему то, чего на свете никогда не было и быть не может, то он отдаст за него замуж дочь красавицу и наградит его деньгами. Но предупредил, что каждого, взявшегося рассказывать и не сумевшего рассказать, он прикажет гнать со двора грязными метлами и палками.

Охотников породниться с Ибрагим-ханом и поживиться его деньгами находилось много, но всех их постигла неудача: как они ни старались, а все же не могли рассказать того, чего на свете никогда не было и быть не может, и прислуга богача гнала их со двора на потеху уличной толпы.

Жил в том же городе бедный человек Али по прозвищу Сокур, что значит – кривой: он и на самом деле был кривой на один глаз. Человек неглупый он был, большой весельчак и бесшабашная голова.

Как-то увидел он дочку Ибрагим-хана, и полюбилась она ему. Задумал тогда и он попытать свое счастье.

Пришел к богачу и сказал:

– Хочу, Ибрагим-хан, рассказать тебе кое-что из того, чего никогда не было.

Засмеялся богач.

– Что, – спросил он, – видно, у тебя спина зачесалась? Палок отведать ты захотел?

– Это не твое дело, – ответил Сокур-Али. – Хочешь слушать – слушай, а кого угощать палками придется – потом решим.

– Ладно, Сокур-Али, – засмеялся Ибрагим-хан. – Говори.

И Сокур-Али начал рассказывать.

– Ну, слушай, – сказал он. – В один день родила меня мать, в тот же день у моего отца пропали коровы. В этот же день я сел на лошадь и отправился разыскивать их. Заметь, Ибрагим-хан, что все это случилось очень рано утром, поздно после обеда, как раз в обеденное время того дня, когда я на свет появился. Ездил я, ездил, подъехал к реке, а уже настало время делать молитву – намаз. Слез я с коня и стал искать, куда бы его привязать.

Вдруг увидел: торчит из травы палка. Я начал было привязывать к ней коня, вижу: палка шевелится; присмотрелся к ней: оказалось, что это нога какой-то птицы. Потянул я ее и вытащил из травы маленького журавля. Отрубил я ему шашкой голову, подошел к реке, начал мыть руки. Но в это время кто-то схватил в воде меня за руку, и я вытащил на берег большую рыбу. «Хороша добыча», – подумал я, выпотрошил рыбу, стал обмывать шашку и уронил ее в воду. «Как же мне быть без шашки?», – подумал я. Но сейчас же придумал, как горю пособить: взял пучок соломы, зажег его, потом зажег и воду. Выгорела вся вода, я и пошел искать в песке шашку. Вижу: лежит деревянная рукоятка шашки, а стальной клинок, к несчастью, сгорел. Погоревал я, погоревал, воткнул рукоятку в ножны, повесил журавля на один бок лошади, рыбу на другой, собрался в дорогу. Повторяю, что все это случилось очень рано утром, поздно после обеда, как раз в обеденное время того дня, когда я появился на свет.

Продолжаю свой путь и приезжаю в большой лес, вижу: на поляне пасутся четыре диких козла и у каждого из них по одной деревянной ноге. «Хорошо бы поймать этих козлов», – думаю. Выхватил рукоятку шашки, прицелился – трах! Всем козлам ноги перебил. Взвалил козлов на лошадь и поехал. Еду и вижу: пчелы сидят на дороге. «Э-э, говорю, да ведь тут медом пахнет! Вот находка-то!». И не ошибся: согнал пчел и увидел на дороге пудов этак, как бы не ошибиться, пудов пятнадцать меду! Повезло мне в тот день удивительно! Да только беда в том, что не во что было собрать мед. Но ведь ты сам, Ибрагим-хан, кажется, знаешь, что Аллах не обидел меня умом, и живо я сообразил, что если содрать шкуру с четырех ног лошади, то получится четыре отличных бурдюка. Так я и сделал: ободрал ноги лошади, наполнил бурдюки медом, хотел завязать и... нечем! Ну хоть бы маленький обрывочек веревки был! Но и тут мой ум выручил меня: снял я с лошади остальную шкуру, нарезал из нее ремней не только чтобы завязать бурдюки, но и привязать их к седлу. Потом сел на свою ободранную лошадку и продолжил путь очень рано утром, поздно после обеда, как раз в обеденное время того дня, когда меня мать родила.

Ехал-ехал, и вдруг лошадь упала. Что такое случилось? Оглянулся, вижу: половины лошади как не бывало.

Однако горевать было некогда, надо было ехать разыскивать коров, и пошел я назад по дороге, отыскал половину лошади, взвалил ее на плечи, принес к первой половине. Теперь оставалось только скрепить их. Другой бы на моем месте и голову потерял бы, но ведь я человек довольно сообразительный: лежали сбоку дороги две чинары, вывернутые бурей с корнем, взял я их, крепко-накрепко привязал по бокам лошади и таким образом скрепил обе половины. И поехал. Посматриваю по сторонам, не покажутся ли где пропавшие коровы. Вдруг откуда-то сверху посыпалась на меня мякина. «Что за чудеса? – думаю. – Откуда в лесу взяться мякине?» Посмотрел направо, посмотрел налево, оглянулся назад, вижу: корни одной чинары свесились над моей головой. «Уж не с этих ли корней сыплется мякина? – говорю. – Дай-ка полезу туда и посмотрю...» Живо взобрался я на корни, глянул и ахнул от удивления: на корнях было расположено три тока, а на них в мякине копалось тридцать кур, три петуха, и один из них, как бы приветствуя меня, загорланил: «Ку-ку-ре-ку-у!». «Э – думаю, – так вон она штука-то какая! Что ж, куры дома будут не лишними». Коров же я так и не нашел и направился я домой очень рано утром, поздно после обеда, как раз в обеденное время того дня, когда я родился.

Приезжаю домой, слышу в кунацкой голоса, значит, гости приехали в дом. Надо было поспешить накормить их – благо было чем. Снял с лошади козлов, снял с них шкуру, разрезал на куски, положил в котел мясо, налил воды. К сожалению, не заметил я, что в котле была дыра, и в нее провалилось все мясо, а вода, к моему удивлению, осталась в котле. Но беда была не велика, потому что козьего мяса у меня оставалось еще достаточно. Только вот дров не было ни полена! Погнал я пару ослов в лес, нарубил дров, а ослов уж и след простыл! Воткнул я в землю кинжал острием вверх, влез на него, осмотрелся и увидел своих ослов на вершине Эльбруса. Спрыгнул я с острия, побежал. Вижу: ослы лед лижут. «А, – говорю им, – вы пить хотите? Постойте же, я вас напою». Недолго думая сорвал с плеч свою голову да как хвачу ею об лед, вода из-под него так и потекла! Напились вдоволь мои ослы.

Вернулся я с ними в лес, навьючил на них дрова и отправился домой. Был очень знойный день, и множество мух кружилось в воздухе, а от холода туман окутал весь лес. В лесу цвели цветы, а снег был по колено. Ослы от сильного зноя прятались в холодок, а их ноги от мороза покрылись льдинками.

Благополучно я добрался домой, вошел в кунацкую, хотел поздо-

роваться с гостями и только тут вспомнил, что голову свою позабыл на вершине Эльбруса. Побежал я туда, но по дороге поломал ногу и руку, но все же нашел голову, приставил ее к плечам, вернулся домой, вошел в кунацкую и поздоровался с гостями.

Тут Сокур-Али перевел дух и сказал Ибрагим-хану:

– Это только начало рассказа, а самый рассказ впереди...

Ибрагим-хан замахал руками.

– Нет, нет! – поспешно вскричал он. – Довольно, вполне довольно. Если от этого начала у меня голова закружилась, то от самого рассказа, пожалуй, с ума сойду.

– А если так, то выдай за меня замуж свою дочь да и деньгами раскошеливайся, – сказал Сокур-Али.

Жаль стало Ибрагим-хану расставаться и с дочерью, и с деньгами. Почесал он за ухом, почесал затылок и сказал:

– Конечно, я своему слову господин, дочь моя будет твоей женой, и три горсти золотых я тебе отсыплю, только заодно уж покажи свою ловкость – сумей украсть моего коня.

– Хитришь ты, как лисица, – засмеялся Сокур-Али, – но хорошо, пусть будет по-твоему... Ожидай – сегодня ночью я уведу твоего коня, хотя бы ты запер его и на три замка в самой крепкой конюшне.

– Ладно, – отвечал Ибрагим-хан, – посмотрим.

Ушел Сокур-Али, а Ибрагим-хан задумался.

– Как уберечь коня? – спрашивал он сам себя. – Ведь этот хитрец сумеет и стену конюшни разобрать, и замки тоже сумеет сломать!

Думал он, думал...

– Хм... хм, – засмеялся он. – Ты, Сокур-Али, хитер, но я еще хитрее.

Поставил он коня среди двора, а слугам приказал четверым взяться руками за ноги коня, одному за хвост, одному за голову и держать так всю ночь, не смыкая глаз ни на минуту.

Подсмотрел это Сокур-Али, раздобыл большой кувшин крепкого хмельного напитка – бузы – и пробрался во двор Ибрагим-хана. Подошел он к караульщикам.

– Не спите? – спросил он их.

– Не спим, – отвечали те, приняв его за одного из знакомых своего хозяина. – Караулим...

– Хорошее дело, – сказал Сокур-Али. – Смотрите, не засните, а чтобы вам было веселей, вот возьмите и выпейте за здоровье Ибрагим-хана и его дочери.

Оставил он им кувшин с бузой, а сам пошел и притаился в дальнем углу двора.

Напились бузы караульщики, сначала подняли шумный разговор, потом песни затянули, а потом свалились на землю, заснули, а Сокур-Али тем временем увел коня, сунув каждому караульщику в руки по палке.

Утром рано проснулся Ибрагим-хан, вышел на двор, увидел спящих караульщиков с палками в руках и все понял. Ахнул он от удивления, что так ловко обошел его Сокур-Али, и на караульщиков раскричался.

– Дармоеды! Каменные головы! – завопил он, схватил палку и принялся бить караульщиков, а те вскочили, таращили на него глаза и почесывались, ничего не понимая.

Вдруг услышал Ибрагим-хан, кто-то с улицы зовет его. Глянул: Сокур-Али сидит на его коне.

– Ну, что скажешь? – крикнул Сокур-Али. – Теперь уж выдавай за меня дочь да и деньги высыпай...

Еще жальче прежнего стало Ибрагим-хану расставаться с дочерью и деньгами. И опять он начал хитрить.

– От своего слова я не отказываюсь, – сказал он, – но мне хочется еще раз испытать тебя: сумей похитить мою дочь, если ты на самом деле джигит.

– О лисица, хитрая лисица! – воскликнул Сокур-Али, засмеявшись. – Но хорошо, сделаю так, как ты хочешь!

Потом спрыгнул с коня, пустил его во двор.

– Получай своего коня: я не корыстолюбив – знай это, – сказал он и как будто бы направился по улице, а сам шмыгнул под плетень и стал слушать, что скажет Ибрагим-хан.

Вот слышит он: Ибрагим-хан приказывает слугам запрячь в арбу с кибиткой пару волов.

– Я с дочерью в степь уеду, а вы об этом никому не болтайте, – сказал он.

«Та-а-ак», – засмеялся про себя Сокур-Али, побежал домой, взял пару расшитых серебром чевяк[1], направился в степь, сел в бурьян и стал следить, по какой дороге поедет Ибрагим-хан.

Вот видит он: направляется тот по дороге, пролегающей через лес. Вышел он из кустов, побежал вперед, бросил на видном месте чевяк, а в полуверсте от него – другой и спрятался в придорожных кустах.

Показалась арба. Впереди сидел Ибрагим-хан, нарочно одевшийся в старую и рваную черкеску, и погонял волов, а в кибитке – его дочь. Зорко посматривал Ибрагим-хан вперед и по сторонам, потому что ему казалось, что откуда-то следит за ним Сокур-Али. Увидел он: лежит на

[1] *Чевяки – туфли на мягкой подошве.*

дороге красивый чевяк. Хотел было спрыгнуть с арбы, поднять его, да раздумал. Что, мол, толку в одном чевяке? Вот если бы пара их лежала, тогда совсем другое дело!

Проехал он еще полверсты и другой такой же чевяк увидел. Остановил волов, спрыгнул с арбы, поднял чевяк, осмотрел со всех сторон.

«Хороша находка!» – подумал он и назвал себя дураком за то, что не поднял первый чевяк.

– Впрочем, дело поправимое, – промолвил он и сказал дочери, чтобы она подождала его, а сам со всех ног пустился бежать назад по дороге.

Бежит, шагу прибавляет – боится, чтобы кто-нибудь не поднял чевяка, но беспокойство его было напрасно – чевяк лежал на прежнем месте. Поднял он его, осмотрел.

– Гм... женские чевяки, – пробормотал он, но если размочить их, то они, пожалуй, и на мою ногу полезут. А ну, попробуем...

Сел он с краю дороги, разулся и принялся чевяки на ноги напяливать. Мучился-мучился, не лезут чевяки, да и только!

– Ну, ничего, – пробормотал он, – дочери подарю...

И тут только вспомнил он про дочь и про Сокура-Али и бросился к арбе.

Прибежал на то место, где арбу остановил, а ее уже не было.

Осмотрелся и увидел на траве след колес. Он вел к лесу.

Ёкнуло у него сердце.

«Уж не Сокур ли угнал арбу в лес?», – подумал он, пошел по следу.

Пришел в лес. Видит: стоит распряженная арба, а волы по самую шею забрались в болото.

– Вот дура-дочь, вздумала волов поить в болоте – ведь они могут потонуть, – сказал он и, думая, что дочь сидит в кибитке, крикнул.

– Расточительница отцовского хозяйства!

Разделся он и полез в болото волов вытаскивать. Схватил одного из них за рога, рванул что есть силы и упал на спину – вода так и раздалась! Кое-как поднялся, смотрит: в руках у него воловья голова.

– Неужели я оторвал волу голову?! – удивился он. – Я и не подозревал, что так силен! А ну, попробую еще.

Взял он за рога другую голову, потянул слегка и вытащил ее. Внимательно осмотрел он ее и увидел, что отрезана она от туловища. И понял тут Ибрагим-хан, что Сокур-Али зарезал его волов, а головы бросил в болото.

Стал он выбираться из болота, завяз в тине, насилу вылез, весь покрытый липкой грязью.

Стал он искать одежду и не нашел ее. Заглянул в кибитку – там нет никого.

– Пропал я, пропал! – заплакал он.

Комары, оводы облепили его, стали жалить, и бросился он бежать в степь.

«Просижу до вечера в кустах, а как стемнеет, незаметно проберусь домой», – подумал он, вышел на дорогу и повстречался с тремя всадниками.

Глянули на него всадники, засмеялись и весело крикнули:

– Куда идешь, сумасшедший?

– Я не сумасшедший, а со мной случилось большое несчастье, – сказал им Ибрагим-хан.

– Врешь ты, – засмеялись всадники. – Кто же тебя сделал несчастным?

– Сокур-Али, да упади на его голову крыша сакли!

И рассказал Ибрагим-хан, что произошло с ним, а чтобы всадники удостоверились, что он не лжет, показал им арбу и воловьи головы.

– Тут поблизости должны быть воловьи туши, – заметили всадники, стали искать и нашли их в кустах.

– Вот и отлично, – сказал один из всадников, – есть из чего приготовить шашлык. Выбрали всадники местечко на полянке, стреножили коней, пустили их пастись, а сами начали снимать шкуру с одной из туш. Ибрагим-хан помогал им. Один из всадников дал ему бурку – ведь на нем не было одежды.

Время незаметно подошло к вечеру, и когда стемнело в лесу, всадники разложили костер, принялись жарить шашлык, а Ибрагим-хана послали стеречь коней.

Закутался он в бурку, присел под деревом и задремал, а уж совсем стемнело.

Подошел к нему один всадник и пробормотал каким-то глухим голосом.

– Ступай, поешь шашлыка, а я покараулю.

Проголодавшийся Ибрагим-хан живо вскочил на ноги, подошел к костру. Глянул: все четверо всадников сидят вокруг огня.

– Зачем ты коней оставил? – спросили они его.

– Как зачем? – возразил он. – Ведь один из вас послал меня поесть шашлыка, а сам остался коней караулить...

– Никто из нас не звал тебя, – сказали всадники Ибрагим-хану.

– Ну, тогда это был Сокур-Али! – воскликнул Ибрагим-хан.

Бросился он обратно к коням, а за ним всадники. А коней уже и след простыл. Искали их долго, измучились и возвратились к потухшему костру, а тут другое несчастие их постигло: пропали седла и бурки.

И принялись всадники ругать Ибрагим-хана.

– Это ты во всем виноват! – кричали они. – Это от тебя пошло несчастье!

Вздохнул Ибрагим-хан.

– Я несчастнее вас, – сказал он. – Но я готов заплатить вам за коней. Пойдемте ко мне.

Все пятеро они направились в аул.

Пришли во двор Ибрагим-хана. В сакле светло, слышен веселый говор.

Заглянул Ибрагим-хан в саклю и увидел, что Сокур-Али сидит перед столиком, ест шашлык, с дочерью его разговаривает, а та суетится, новые кушанья готовит для гостя.

Ибрагим-хан так и затрясся от злости. Вскочил он в саклю, бросился было на Сокура-Али с кулаками.

– Эй, не трогай! – крикнул ему Сокур-Али. – Разве ты не видишь, что я твой гость.

– Что правда, то правда, – подтвердили вошедшие в саклю всадники. – Только ты, Сокур-Али, возврати нам коней и седла, не то мы разделаемся с тобой...

– О, не беспокойтесь! – весело возразил Сокур-Али. – Ваши кони в конюшне едят сено.

– Почему это ты распоряжаешься в чужом доме как хозяин? – сказал ему Ибрагим-хан, заскрипев зубами от злости.

– Помилуй, Ибрагим-хан! – возразил Сокур-Али. – Разве я чужой тебе человек? Ведь по уговору ты должен выдать за меня свою дочь. Я теперь твой зять, и твой дом – мой дом.

– Нет, нет! – вскричал Ибрагим-хан. – Бери дочь, вот тебе в придачу еще кошелек с золотыми, только, пожалуйста, поскорее уходи из моего дома, а то я очень боюсь, как бы ты не превратил меня в своего работника.

Сокур-Али весело рассмеялся.

– Пусть будет по-твоему, – сказал он. – Что поделаешь с тобой, если ты такой несговорчивый?

И ушел с дочерью Ибрагим-хана к себе домой, а на другой день и свадьбу сыграли.

Где нет хороших стариков, там нет хорошей молодежи.

БЖЕДУГСКИЕ СКАЗКИ

Курджимуко Лаурсен

Все было у Курджимуко Лаурсена: отец и мать, хорошая семья, достаток. Во дворе у него стоял большой стог сена, приготовленный на зиму для скота. Однажды, когда хозяина не было дома, стог загорелся. В это время Курджимуко Лаурсен возвращался домой. Увидел он, что горит сено, взял длинную хворостину и подошел к стогу. Стог горел снизу, а на верху его шипела змея.

– Оказавшемуся в беде не дают сгореть, – сказал Курджимуко Лаурсен и протянул змее хворостину. Та мгновенно проползла по хворостине и обвила шею спасителя.

Хотел Курджимуко Лаурсен снять змею – не смог; попробовали самые сильные джигиты аула – тоже не смогли. Решили так и оставить змею – побоялись, что если станут снимать ее силой, она задушит своего спасителя.

Но змея не причиняла ему никаких хлопот. Постепенно все привыкли к тому, что Курджимуко Лаурсен ходит со змеей на шее, и перестали говорить об этом.

Однажды приснилось Курджимуко Лаурсену, будто пришел к нему какой-то мужчина и сказал: «Если хочешь, чтобы змея оставила тебя, ты должен пройти путь, который сможешь одолеть за семь месяцев. Приготовь достаточно запасов и отправляйся в дорогу. Первые три месяца будешь идти по лесу, следующие два месяца – под землей, шестой месяц – по песку и камням. На седьмой месяц пересечешь поле, усыпанное гусиными яйцами, и здесь змея оставит тебя».

Встал Курджимуко Лаурсен утром и сказал отцу и матери:

– Мне тяжело жить, потому что мой вид заставляет страдать ваши сердца. Сегодня приснился мне сон. Если он исполнится, может быть, я избавлюсь от змеи.

– Пусть будет к добру твой сон, – сказала мать. – Скажи, сынок, что же тебе приснилось?

– Мне сказали во сне, что змея оставит меня, если я пройду путь, который одолею за семь месяцев. Вот я и решил отправиться в дорогу. Приготовь мне, мать, дорожной провизии, чтоб хватило ее до конца пути! – ответил Курджимуко Лаурсен.

– Вряд ли змея покинет тебя от того, что ты пройдешь такой путь! Мало ли что приснится во сне – не губи себя и никуда не ходи! – стала просить его мать.

Но сын настаивал на своем, и мать приготовила дорожную провизию, чтобы хватило ему на семь месяцев. Навьючили ее на семь ослов, и Курджимуко Лаурсен отправился в путь.

Первые три месяца он шел по горам и долам, следующие два месяца – под землей, шестой месяц – по песку и камням. Седьмой месяц он шел по полю, усыпанному гусиными яйцами.

К тому времени дорожные припасы у него кончились, он был голоден и утомлен дорогой. Увидев большое дерево, он лег под ним и крепко уснул. Проснулся он от того, что кто-то позвал его:

– Вставай, Курджимуко Лаурсен!

Тут Лаурсен почувствовал необычайную легкость – змеи на его плечах не было, а перед ним стояли три девушки. В руках они держали разные кушанья.

– Отведай нашего угощения, – сказали девушки и поставили перед ним еду.

Поел Курджимуко Лаурсен, огляделся – не увидел своего коня.

– Где мой конь? – спросил он.

– Отдыхай спокойно, твой конь не пропадет, – сказали девушки.

Вскоре Курджимуко Лаурсен уснул, а когда проснулся, рядом не было ни девушек, ни коня.

Забрался он на дерево, под которым спал, огляделся.

– Где же мой конь? – снова сказал он.

Вдруг он увидел, что на его коне едет какая-то старуха. «Э-э-э, пусть Аллах пошлет ей несчастье, откуда у этой старухи мой конь и зачем он ей?» – подумал Курджимуко Лаурсен.

В это время старуха подъехала к дереву и сошла с коня.

– Добро пожаловать, Курджимуко Лаурсен, будь нашим гостем! – сказала она и пошла обратно.

Лаурсен сел на своего коня и поехал за старухой. Гостил он у старухи три дня и три ночи. На четвертый день она сказала:

– Теперь тебе надо искупаться в семи водах.

Искупался джигит в семи водах, и старуха спросила его:

– Как теперь у тебя на душе?

– Мне кажется, я могу сделать больше, чем десять таких джигитов, как я! – ответил Лаурсен.

– Тогда надевай эту рубашку, – старуха протянула ему новенькую рубашку.

– Как теперь у тебя на душе? – спросила она, когда Лаурсен надел рубашку.

– Мне кажется, не найдется в мире человека, которого я не смог бы победить!

– Тогда помоги мне одолеть моих врагов, семерых жестоких братьев-великанов – иныжей. Они живут недалеко отсюда. У них каждую ночь выпадает снег из камней и покрывает землю до половины человеческого роста. Каждое утро они заставляют меня убирать этот снег, а ночью он выпадает снова. Я долго искала человека, который смог бы одолеть этих иныжей. Однажды во сне кто-то сказал мне: «Если бы ты пошла к Курджимуко Лаурсену, он победил бы этих иныжей». После этого я обратилась в змею и привела тебя сюда.

Утром Курджимуко Лаурсен взял деревянную лопату, какой чистят снег, и вышел со двора.

Он шел и разгребал снежные камни, шел и ловил иныжей. Так он убил семерых иныжей. После этого пошел в их конюшню и стал бить коней кулаком по хребту. Шестерым коням он перебил хребты, и они упали замертво, а седьмой даже не пошатнулся от его удара.

– Этот конь мне подойдет, – сказал джигит и пошел обратно к старухе.

– Какие хабары, сын мой? – спросила она.

– Я убил всех иныжей, успокоил твое сердце.

– Благодарю тебя. Ты сделал большое дело, но я хочу просить тебя еще вот о чем. Остался еще один мой враг. Сам он с вершок, борода его – семь вершков, ездит он верхом на петухе, а вместо плетей у него шипящие серые змеи. Он похитил мою старшую дочь, и только ты можешь вернуть ее, – сказала старуха.

– Скажи, где твой враг, и я привезу твою дочь!

– Невозможно человеку отыскать место, где живет Сам-с-вершок. Сегодня ночью он должен приехать сюда – хорошо бы поймать его.

Лаурсен сел в засаде, стал ждать его приезда. Когда наступила полночь, прибыл Сам-с-вершок. Борода его была семи вершков, сидел он

верхом на петухе, а вместо плетей у него были шипящие серые змеи. Схватил он среднюю дочь старухи и поскакал обратно.

Погнался за ним Курджимуко Лаурсен. Долго скакал, но не смог догнать. Сам-с-вершок подъехал к кургану и скрылся в нем.

Лаурсен не мог пройти туда, куда пошел Сам-с-вершок. Он вернулся к старухе, взял у нее деревянную лопату для снега и поскакал обратно к кургану. Расчистил он лазейку, через которую прошел Сам-с-вершок, проник в курган и схватил похитителя. Отнял он у него и петуха, и волшебную плеть из серых шипящих змей, и среднюю дочь старухи.

– А где старшая дочь старухи? – спросил он.

– Я ничего не знаю о ней, – ответил Сам-с-вершок.

– Лучше не говори так, поскорее приведи ее ко мне, не заставляй убивать тебя! – сказал тогда Курджимуко Лаурсен.

– Ну что ж, раз ты требуешь, я привезу ее, хотя я и не увозил ее. Отдай мне петуха и плети, и я верну тебе девушку, – пообещал Сам-с-вершок.

Только отдал ему Лаурсен петуха и плети, как захохотал Сам-с-вершок.

– Курджимуко Лаурсен, я обманывал не таких, как ты, – сказал он. – Теперь, когда у меня есть и петух, и плеть, ты мне не страшен.

И он поскакал во весь дух.

Погнался за ним Курджимуко Лаурсен, настиг его у входа в подземелье и убил. После этого он вошел в курган, вывел оттуда девушек, вынес все богатства, что награбил Сам-с-вершок у людей.

Вернулся он к старухе, привез ей дочерей.

– Я покончил и с этим твоим врагом. Если у тебя есть еще враги, говори, – сказал юноша.

– Больше у меня нет врагов, – произнесла старуха. – Ты одолел жестоких иныжей и злого старика-карлика, и все, кто страдал от них, теперь вздохнут свободно. Теперь все мы будем жить спокойно. Если хочешь, возьми в жены одну из моих дочерей.

Женился Лаурсен на средней дочери старухи.

Прошло время. У Курджимуко Лаурсена родились сын и дочь. Однажды решил он осмотреть края, где поселился. Ехал, он ехал и приехал к берегу моря.

Перед ним была изгородь из колючего кустарника, а за ней – кунацкая. Заехал он во двор, крикнул:

– Эй!

Вышла из дома женщина.

– Заходи к нам, будь гостем, – сказала она.

– А где твой хозяин? – спросил Курджимуко Лаурсен.

– Он в отъезде, но дом-то его стоит на месте, заходи, будешь гостем, – ответила женщина.

Не знал Курджимуко Лаурсен, что муж той женщины был иныж, и что задумал он одолеть гостя хитростью.

Зашел Курджимуко Лаурсен в кунацкую. Его хорошо накормили и уложили спать.

А иныж тем временем сказал своей жене:

– Ты ведь можешь обернуться любым существом, и мы воспользуемся этим. Утром, когда наш гость будет разъезжать на своем коне по берегу моря, ты обернись уткой и плавай у берега так, чтобы он заметил тебя. Сделай это два-три раза, а потом будто невзначай скажешь ему: «У меня была ученая утка. Теперь она уплыла в море, мне без нее скучно, а поймать ее никак не могу». Гость пообещает тебе поймать утку. Когда он на другой день выедет па берег моря, ты опереди его, обернись уткой, плавай у берега и даже выйди на берег. Когда гость увидит тебя, он спешится. Ты плавай совсем близко от берега. Тогда он разденется и войдет в воду. Тут ты заплыви подальше в море и замани его туда, а когда он будет далеко от берега, поднимись и улетай. Потом снова обернись человеком, возьми его нижнюю рубашку и возвращайся домой. Без рубашки я его легко одолею.

Вечером, когда возвратился Курджимуко Лаурсен, женщина понесла ему в кунацкую ужин. Стали они разговаривать, и между прочим она сказала.

– У меня была ученая утка. Теперь она уплыла в море, мне без нее скучно, а поймать ее никак не могу.

– Разве это трудно! – сказал Курджимуко Лаурсен. – Завтра же я поймаю ее!

На другое утро Курджимуко Лаурсен поел, оседлал коня и выехал со двора. Женщина опередила его – она обернулась уткой и стала плавать вдоль берега.

Когда Курджимуко Лаурсен подъехал к морю, он увидел, что утка плавает совсем близко от берега. Он быстро разделся, оставил одежду на берегу, а сам вошел в воду. Тотчас утка стала отплывать от берега. Она все больше удалялась в море, а джигит плыл за ней. Когда он был совсем близко от нее, утка поднялась и улетела.

Потом она снова обернулась человеком, взяла нижнюю рубашку Лаурсена, в которой была его сила, и вернулась домой.

Вышел Лаурсен на берег моря и не нашел своей рубашки. Понял он, что его обманули. Сел он на коня и поехал обратно. Когда въехал Лаурсен во двор, навстречу ему выскочил иныж и ударил его мечом.

– Ты убил меня, – сказал Лаурсен иныжу. – Прошу тебя, положи меня на коня и отпусти его.

Поскакал конь к старухе и привез своего хозяина, когда тот был уже едва жив.

– Аллах, Аллах, что случилось? – запричитала старуха, увидев раненого Лаурсена.

– Не знаю, что случилось. Я потерял рубашку, что ты дала мне, а потом меня ранил какой-то иныж.

Старуха сняла джигита с коня и внесла его в дом. Долго лежал Курджимуко Лаурсен, наконец поправился. Как и в первый раз, старуха искупала его в семи водах и дала ему точно такую рубашку, как та, что он потерял.

– Теперь ты сможешь победить иныжа? – спросила старуха.

– Обещаю тебе, что привезу его на крупе моего коня!

– Я не хочу, чтобы ты привозил его сюда, достаточно, если ты принесешь мне три полосы кожи с его спины. А жену иныжа – колдунью – доставь сюда живой, – сказала старуха и отпустила джигита.

Поскакал Лаурсен к иныжу. Ворвался к нему в дом, схватил его и выволок во двор. Содрал он со спины иныжа три полосы кожи, привязал жену иныжа к крупу своего коня и поехал обратно.

Радостно встретила Лаурсена старуха.

– Теперь мое сердце успокоилось, – сказала она, – а тебе пришла пора возвращаться к отцу-матери. Мне оставь мальчика, а жену и дочку возьми с собой.

Так и сделали, и отправились они в путь. Когда доехали до окольцы аула, Лаурсен спросил у одного парня:

– Какие новости у Курджимуковых?

– У них был один-единственный сын. Вокруг его шеи обвилась змея, и никто не мог освободить их сына от нее. Тогда он выехал в дальний путь, и с тех пор о нем ничего не слыхали. Все, что было у его отца-матери, забрал один пши, и старики живут теперь в нищете, – сказал парень.

– А не пустят ли эти старики меня на постой? – спросил Лаурсен.

– Может, и пустят, – ответил парень.

Приехал Лаурсен к своим родителям. Не узнали они его, и стал он у них жить.

Как-то Лаурсен спросил стариков об их житье-бытье, и они рассказали ему все, и то, как их сын со змеей на плечах выехал из дому.

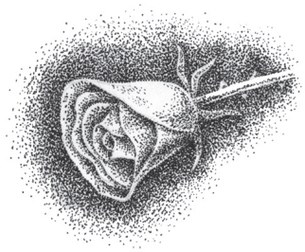
– А теперь, – закончили они свой рассказ, – пши забрал у нас все, что было, и мы живем тем, что пожертвуют нам аульчане.

– Не падайте духом, вернулся ваш сын! – сказал Лаурсен.

Старики не поверили своим глазам и ушам, и пришлось Лаурсену рассказать все, что с ним приключилось. Обрадовались старики, когда убедились, что их сын вернулся живой и невредимый.

На другое утро Лаурсен отправился к пши, убил его и всю его семью, прогнал дворян-уорков, а все их богатства раздал беднякам. Себе он взял только то, что забрал пши у его отца.

Слава о делах Курджимуко Лаурсена пошла по всей округе. А он стал жить спокойно и счастливо.

Сказка о пшитлѐ

Как сказывают и пересказывают, жили-были на свете муж с женой. Их дом стоял рядом с княжеским, и были они бедными крепостными крестьянами – пшитлями.

Однажды пши позвал к себе пшитля, которого недолюбливал, и велел ему ехать в дальний край, где он найдет много золота, привезет его пши и сам разбогатеет. «Кто знает, может быть, мне посчастливится», – закралась надежда в сердце бедняка, и он решил ехать.

Пши хорошо знал, что посылает бедняка на верную гибель. А бедняк, надеясь выбиться из нищеты, усердно готовился в путь. Сидя на крылечке, он чинил конскую сбрую. Жена, сидевшая у его ног, просила мужа не уезжать, сердцем чувствовала, что он погибнет в чужом краю, а ведь она со дня на день ожидала рождения ребенка. Но как ни просила жена, муж пропустил ее слова мимо ушей – он решил ехать. К вечеру он приготовил коня и сбрую, а жена уложила ему дорожную провизию. На рассвете, когда аул еще спал, пшитль сел на коня и отправился в путь. Никто не знал, куда он уехал.

Жена так и не дождалась его возвращения.

Когда подошел срок, у женщины родился сын.

Шел день за днем, месяц за месяцем, и так прошло много лет. Вырос мальчик, пошел ему восемнадцатый год.

Однажды парень играл с сынками пши и нечаянно сломал руку одному из них. Тот громко заплакал, и на крик мальчика на улицу выбежала его мать:

– Если тебе некуда девать силу, то лучше узнай, где твой отец и что с ним произошло!

С той поры юный джигит стал часто думать о том, где его отец, и не раз спрашивал об этом у матери, но она не отвечала.

Однажды мать приготовила хантхупс – похлебку из пшенного отвара, заправленного перцем и молоком – и поставила его перед сыном. Он стал просить, чтобы мать поела вместе с ним:

– Нана, мы никогда не ели с тобой вместе. Давай теперь всегда будем есть вместе.

Удивилась женщина словам сына:

– Нет, мой мальчик. До сих пор мы не ели за одним столом и теперь не будем.

Но юноша не прикоснулся к еде, пока мать не села с ним за круглый столик-анэ.

Некоторое время сын ел молча, а потом неожиданно схватил руку матери и сунул ее в хантхупс:

– Нана, поклянись пастой-солью, что расскажешь мне обо всем, о чем я спрошу тебя, – сказал он.

– О мой мальчик, обещаю тебе, расскажу, что знаю. В этом большом мире мне плохо живется, но я никак не умру. Что я могу рассказать тебе, когда я сама ничего не знаю о судьбе твоего отца. Отпусти мою руку.

– Нет, нана, пока не скажешь, что стало с нашим отцом и где он, не отпущу.

– О мой мальчик, кому я скажу, если не тебе? Отпусти руку, расскажу все, что знаю, – пообещала мать.

И она поведала сыну о том, как пши уговорил его отца поехать за богатством и как тот не вернулся. Она рассказала ему также, что отец вырастил в подземелье, тайно от людей, жеребенка от своего коня на тот случай, если у него родится сын.

– Нана, если буду жив, обязательно узнаю хабар об отце, – сказал юноша.

День он провел в глубоком раздумье. А когда лег спать, долго не мог уснуть – все думал о том, что пойдет по следам отца и узнает хабар о том, жив ли отец или пропал. На рассвете сладкий сон одолел его. Приснилось ему, будто подошел к нему незнакомый мужчина и сказал: «Если отправишься в путь, переправишься через семь рек, выедешь на единственную дорогу, что идет через лес. Поезжай по этой дороге. Она приведет тебя к золотому дому, там ты и узнаешь хабар об отце и станешь богатым».

В это утро джигит спал долго. Когда он проснулся, солнце уже было в зените.

– О, нана, через несколько дней я отправлюсь в путь. Приготовь мне на дорогу гомыле[1], – сказал он матери.

[1] *Дорожная провизия из долго не портящихся продуктов.*

– О мой мальчик, я просила твоего отца никуда не ездить, он не послушал меня и не вернулся. Ты один, на кого я могу надеяться, поэтому прошу тебя – не покидай отцовский дом, – сказала мать и заплакала.

Но сын стал собираться в дорогу. Он оставил юношеские забавы и занимался только тем, что чинил сбрую, холил своего коня.

Пши, погубивший его отца, заметил приготовления молодого джигита и решил разузнать, что он задумал. Однажды пши послал за юношей своего слугу – унаута – и велел привести его к себе.

Когда джигит вошел в дом, пши велел подать ему лучшее угощение, а после этого стал расспрашивать, далеко ли он собирается. Парень все рассказал ему, ничего не утаил.

Послушал пши юношу, понял, что он умен и силен, испугался, что молодой джигит может, если захочет, отобрать у него власть, и потому одобрил его намерение отправиться на поиски отца.

– О мой мальчик, – сказал пши, – я все вижу: как ты встаешь на рассвете, как обхаживаешь коня, как учишься рубить мечом. Все это хорошо, и пусть Аллах поможет тебе в осуществлении твоих намерений. И я помогу тебе, чем смогу. Твой конь, оружие и снаряжение не годятся для дальнего пути. Подожди, мой мальчик, неделю, я прикажу приготовить для тебя и коня, и оружие, – сказал пши.

– Я не могу ждать еще неделю, – сказал юноша.

– Тогда пойди к моему табуну и возьми коня, на котором я выезжал в походы. Этот конь будет достоин тебя – перенесет тебя через семь рек, в окрестностях нет другого коня, который смог бы это сделать, – сказал пши. – Я велю отдать тебе мой меч, в молодости мне ни разу не пришлось краснеть из-за него, но я считаю, тебе нужен лучший меч. Я велю заказать кузнецам для тебя самый хороший меч, – добавил пши.

И джигит направился к княжескому табуну, где взял коня пши. Неделю он кормил коня овсом, пас на лучшем лугу, поил ключевой водой. Через неделю пши опять прислал за джигитом своего унаута, и они пошли в кузницу. Кузнецы вынесли готовый меч – он был обоюдоострый, тяжелый и сверкал, как солнце.

Пши смог лишь едва приподнять меч, но взмахнуть им не смог.

– Посмотри-ка, мой мальчик, – сказал пши, – этот меч достоин тебя!

Джигит подошел, поднял меч и поиграл им в воздухе, будто у него в руках было куриное яйцо.

Бывалые кузнецы сразу поняли, что юноша владеет недюжинной силой и никто в окрестности не сможет ого победить.

Когда юноша возвратился из кузницы, пши приказал приготовить

для него дорожную провизию и сам проводил его в путь. Юноша сел на коня и выехал со двора. Вскоре он подъехал к реке. Конь остановился и стал пятиться назад. Поднял джигит плеть и вспомнил, что пши предупреждал его: нельзя бить коня плетью три раза, так как он может унести всадника очень далеко. Но он не придал значения словам пши, и трижды хлестнул коня. Конь рванулся вперед и помчался, раздвигая воду грудью. Он перенес хозяина через семь рек, и ни одна капля воды не попала на седока. После этого джигит изо всех сил натянул уздечку, и конь остановился как вкопанный. Юноша спешился, перекусил и отдохнул.

Отдохнув, он продолжал свой путь и скакал несколько дней и ночей без отдыха. Вскоре джигит приехал к дремучему лесу, нашел ту единственную тропинку, по которой должен был ехать, и поскакал по ней.

Не сворачивая никуда, ехал он по этой тропинке три дня и три ночи. На третью ночь увидел дом необыкновенной красоты.

Он остановил коня, спешился и вошел в дом – в нем никого не было. Джигит немного поел и решил подождать прихода хозяина.

Прошло двое суток, а никто не появлялся. За это время юноша разглядел свое пристанище и понял, что это не простой дом. Когда он выходил во двор – дом казался огромным, а когда входил обратно, оказывался в единственной комнате с одним входом. Приглядевшись, джигит увидел, что дом сделан из золота, и тут он вспомнил, что именно такой дом видел во сне. Он решил подождать еще один день, и если опять никто не появится, возвращаться домой, захватив с собой корзину золота.

Приняв такое решение, джигит прилег отдохнуть и крепко заснул. Было уже за полдень, когда он проснулся от сильного шума. Он открыл дверь и посмотрел вокруг, но никого и ничего не увидел. Шум все усиливался. Предчувствуя опасность, джигит вынул меч и спрятался за дверью. Он решил снести голову тому, кто войдет в дом.

Через несколько мгновений показался семиглавый дракон – бляго. Когда он подошел к дому, он сразу почуял, что в нем находится человек.

– Всевышний покровительствует нам, сейчас будем есть вкусное мясо маленького человека! – с этими словами семиглавый бляго открыл дверь и просунул шесть своих голов в комнату. Тут джигит взмахнул мечом и снес все шесть голов чудовища, а седьмую сильно ранил. Бляго упал замертво.

Думая, что семиглавый дракон убит, джигит сбросил его в глубокую яму.

Не успел он отдохнуть от расправы с семиглавым драконом, как появилось второе чудовище. И его сразил молодой джигит.

Вслед за вторым появились третий, четвертый, пятый, шестой, седьмой драконы. Все они были с семью головами, и всех он сразил.

Расправившись с семью чудовищами, джигит подошел к дому, отколол от стен золото, чтобы наполнить им корзину и отнести ее матери.

Но тут он подумал: «Почему мы с матерью не можем здесь жить – ведь это лучше, чем быть рабами пши. Этого золота нам хватит до конца жизни. Привезу сюда мать, и мы будем счастливо жить здесь с ней», – решил юноша.

Он поскакал обратно и вскоре приехал домой.

Много лет был джигит в пути – за это время он возмужал, а мать его состарилась.

Когда он вошел в дом, то увидел старушку, сидевшую у печки. Она мешала золу в печке и плакала. Одета она была в тряпье.

– О нана[1], что случилось с тобой? – воскликнул джигит.

– О мой единственный мальчик, ты вернулся живой! Какое счастье, а я сижу и думаю, что ты уехал туда, куда поехал когда-то твой отец и не вернулся.

И мать бросилась обнимать сына

После возвращения джигита мать с сыном стали жить никому не завидуя – ведь у них было много золота.

Прошло время, и сын стал уговаривать мать переехать туда, откуда он вернулся.

– О мой сын, как я покину аул, где прожила всю жизнь! Нет, я не смогу этого сделать, – сказала мать.

– Нана, нам нельзя не ехать. Там много золота, которого хватит на наш век. Почему мы должны быть здесь пшитлями? Давай поедем, – сказал сын. – Когда ты захочешь приехать сюда, я привезу тебя, и ты будешь гостить здесь столько, сколько пожелаешь, – пообещал он.

Вскоре они отправились в путь и приехали к золотому дому.

Хорошо жилось им на новом месте – сын уходил в лес на охоту, а мать оставалась дома.

Бывало, что сын не возвращался с охоты месяцами. Вместе с ним всегда были его верные собаки. Одна из них бежала далеко впереди хозяина и, почуяв опасность, возвращалась обратно, чтобы предупредить его о беде. Кроме собак у джигита всегда с собой были ружье и меч.

Однажды джигит отправился на охоту в лес, а мать, по обыкновению, осталась дома. Вдруг она услышала громкий стон и сильно испугалась – она ведь знала, что вокруг никто не живет. Она вышла во двор – никого не видно. Женщина вернулась в дом и продолжала занимать-

[1] *Мама.*

ся своими делами. Через некоторое время стон повторился. Женщина снова вышла из дому, осмотрела весь двор. Стоны раздавались совсем близко. Тогда женщина подошла к яме, в которую ее сын бросил убитых драконов, и заглянула в нее. Тут она увидела, что стонал тот семиглавый бляго, которому ее сын снес шесть голов.

Дракон вылез из-под трупов своих братьев и хотел выбраться из ямы, но она была такая глубокая, что он не мог этого сделать без посторонней помощи. Увидев женщину, бляго жалобно попросил:

– Кто бы ты ни была, помоги мне выйти из этой ямы: если у тебя нет брата – буду тебе братом, если нет мужа – стану тебе мужем. Обещаю, что проживешь век в довольстве. Ради Аллаха, помоги мне!

Но женщина ушла в дом, приговаривая: «Чтоб Аллах умертвил тебя прежде, чем я тебя освобожу».

Но вскоре она снова вышла из дому и пошла к яме. Как и в первый раз, бляго стал просить ее о помощи.

Женщина решила стать его женой и потому спросила:

– Как помочь тебе выйти из ямы?

– В конюшне стоят двенадцать лошадей, выведи их и привяжи к их хвостам большую веревку. Я ухвачусь за нее, и они меня вытащат, – сказал бляго.

Женщина быстро пошла в конюшню, вывела лошадей, привязала к их хвостам большую веревку и бросила конец в яму.

Бляго схватился за него, а лошади вытянули его из ямы

После этого женщина отвела лошадей в конюшню, а потом помогла раненому бляго войти в дом. Оказавшись в доме бляго сказал:

– Достань вот там ключ и открой двери.

Женщина взяла ключ и стала открывать двери одну за другой. В доме оказалось семь комнат. В седьмой комнате братья-драконы лечились, и бляго стал врачевать здесь свои раны.

Молодой джигит и не подозревал о существовании этих комнат.

К возвращению сына женщина запирала их, а когда сын уезжал на охоту, она проводила время с бляго как с мужем.

Прошло время, и женщина понесла. Она сказала об этом мужу-дракону, и он посоветовал:

– Когда родится ребенок, я отнесу его на развилку дорог и положу там. Твой сын, возвращаясь домой, найдет ребенка и возьмет с собой. Но сначала он положит его в конюшне, в яслях, а потом зайдет в дом. Когда ты начнешь расспрашивать его о причине печали, он все тебе расскажет и станет просить, чтобы ты воспитала подкидыша. Ты не соглашайся, а он будет настойчиво просить тебя: «Воспитай, нана, этого мальчика, он

будет мне младшим братом, да и тебе не будет скучно». Тогда ты как бы без особой охоты согласишься, а дальше будет видно.

И вот пришел день, когда мать родила мальчика. Юноша в это время был на охоте.

К моменту возвращения юноши бляго отнес ребенка к развилке дорог и положил там, а сам вернулся домой.

Когда юноша возвращался с охоты домой, как обычно одна собака бежала впереди него, а другая – рядом. Вдруг он увидел на дороге младенца-подкидыша. Удивился юноша: сколько лет он не встречал здесь ни одной живой души, кроме зверей или животных, а тут ребенок.

Взял он его и принес домой, но, побоявшись матери, положил в конюшне. Опечаленный, вошел он в дом. Мать, как обычно, радостно вышла навстречу сыну, завела его в дом, поставила перед ним столик-анэ.

– О мой мальчик, почему ты сегодня такой невеселый, что случилось? – спросила она.

Сын сидел молча, даже не притрагивался к еде. Мать настойчиво расспрашивала его, и тогда он рассказал, что нашел ребенка, и попросил:

– Нана, воспитай мальчика, и тебе не будет скучно одной, и мне он будет младшим братом!

Женщина как бы не очень охотно, но согласилась. А для юноши мир стал светлым и радостным, он словно летал на крыльях радости. Он провел дома несколько месяцев, никуда не выезжая, и помогал матери воспитывать мальчика.

– Хватит мне отдыхать, – сказал, однажды джигит, сел на коня и поехал на охоту.

Прошло два или три года, а юноша все еще не знал, что его мать стала женой бляго и что его младший брат – сын бляго. И мать, и бляго боялись, что он узнает об этом, и задумали погубить его.

Однажды, когда юноша, как обычно, поехал охотиться в лес, бляго вышел из своей комнаты и стал обсуждать с женой, как это сделать. В это время сын бляго играл, сидя у печки, и слышал, как отец сказал:

– Когда твой сын будет возвращаться с охоты, я его встречу и сражусь с ним. Но ты должна сделать так, чтобы он забыл дома либо меч, либо ружье. Лучше, если он будет без меча, – сказал бляго, – убить меня из ружья он сочтет недостойным для себя. Когда он не станет стрелять в меня, я скажу: «Спешивайся, поиграем в хеч-хас[1]». Он сойдет с коня, и мы начнем бороться. Один из нас должен победить. Если я одержу победу – хорошо, но если победит он, то сожжет мое тело, а прах развеет

[1] *Борьба сказочных персонажей, заключающаяся в поочередном «вбивании» друг друга в землю.*

по ветру. Когда такое свершится, ты пойди к тому месту, где он будет сжигать мое тело, возьми немного земли, пропитанной моим жиром, свари ее вместе с пшенной кашей-пастой и накорми своего сына. Когда он съест эту пасту, он умрет, а я тут же воскресну.

Женщина согласилась сделать все так, как научил ее бляго.

А маленький мальчик, сидевший перед печкой, хорошо запомнил этот разговор.

В это время во дворе послышался шум – то вернулся с охоты сын женщины. Бляго тут же скрылся в своей комнате, а женщина вышла из дому. Она так радостно встретила сына, как будто бы и не замышляла против него ничего дурного.

Обрадовался джигит, увидев мать такой веселой.

– Что, нана, ты жива? А я опасался за тебя: мне приснился дурной сон, и я вернулся с охоты раньше времени, потому что сильно беспокоился и за тебя, нана, и за брата. Что поделывает мой младший брат? – спросил он у матери.

– Сын мой, ничего не случилось со мной, и твой младший брат целыми днями сидит у печки и играет, – сказала женщина.

Пока юноша ставил коня в конюшню, женщина пошла в комнату и быстро приготовила для него анэ.

Когда юноша вошел в комнату, младший брат с радостью бросился ему на шею.

– Чем занимаешься, мой младший брат? В каких геройских делах проводишь дни? – спросил юноша.

– Придет время, и ты увидишь, что я делаю, – отвечал, смеясь, брат.

Юноша умылся, поел. Вместе с ним поел и младший брат. Отдохнув несколько дней, юноша опять сел на коня и уехал. Перед отъездом мать сказала ему:

– О мой сын, сегодня не бери с собой и меч, и ружье – возьми что-нибудь одно.

– Мать, меч болтается туда-сюда, а ружье более удобно, – сказал он, но, не желая обидеть мать, оставил ружье, взял меч и уехал.

Пока он охотился, бляго готовился к его возвращению. Женщина ему помогала. А младший сын, слышавший разговор отца и матери, которые задумали погубить его старшего брата, подставил скамейку и достал с полки ружье брата, вынес его из комнаты и спрятал в кормушке. После этого он вернулся, сел на прежнее место и продолжал играть.

Бляго приготовился к поединку и вышел из своей комнаты вместе с женщиной. Он хотел взять ружье, но не нашел его.

– Ты сказала, что заставила сына оставить ружье, где же оно? – спросил бляго.

– Да, он оставил ружье, но, наверное, вернулся и все-таки взял его с собой. О мой мальчик, ты не знаешь, где ружье твоего старшего брата? – обратилась женщина к младшему сыну.

– А мой старший брат вернулся с дороги, взял ружье, даже со мной не поговорил и быстро ушел, – ответил мальчик.

Бляго некоторое время стоял в раздумье, потом сказал женщине:

– Пойду-ка, встречу его безоружным, а он не сочтет за честь для храброго мужчины убивать безоружного.

И он отправился к развилке дорог, где стал ждать возвращения юноши.

Не успел он присесть, как из-за угла выскочили две собаки – одна остановилась как вкопанная, а другая побежала обратно к хозяину, чтобы предупредить его об опасности. Джигит тут же приготовился к встрече с врагом.

Подъехав к развилке дорог, он вдруг увидел того семиглавого бляго, которого давно считал убитым, только теперь у него была одна голова. Бляго сидел в тени деревьев.

– Что я вижу! Откуда ты взялся, разве я не убил тебя в тот раз? Значит, ты остался жив, но теперь-то я расправлюсь с тобой! – сказал джигит.

Тем временем младший брат, спрятавшись за деревом, наблюдал за ними. Он предусмотрительно захватил с собой ружье и украдкой шел следом за бляго, прячась от него за деревьями. Мальчик очень боялся, что отец убьет его старшего брата.

– О юноша, кто безоружен, того не встречают оружием! – сказал бляго. – Если хочешь, слезай с коня, поборемся в хеч-хас, а?

Джигит был уверен в своих силах и потому согласился.

Он сошел с коня и подошел к дракону. Они встали лицом к лицу. Первой была очередь бляго. Он схватил юношу и вбил его в землю по колени. Когда настала очередь юноши, он взял бляго и, высоко подняв, вогнал его в землю по бедра. Рассвирепел бляго и, схватив юношу второй раз, вбил его в землю по бедра. Тут джигит понял, что если не приложит все силы и все умение, то погибнет. И когда опять подошла его очередь, он высоко поднял бляго и вбил его в землю по пояс. Бляго, схватив джигита в третий раз, ударил его изо всех сил, но вогнал его в землю чуть-чуть ниже пояса. Тогда юноша собрал все свои силы и вбил противника до шеи – так, что он уже не смог освободиться.

В тот же миг к ним подскочил младший брат, который наблюдал за поединком из засады. В руках он держал ружье.

– Скажи, брат, куда мне стрелять? – спросил мальчик.

– Мой младший брат, стреляй ему в голову, – сказал джигит.

Выстрелил мальчик и убил своего отца – бляго. Юноша тут же сжег тело дракона, а золу развеял по ветру. Посадив брата к себе на коня, он поехал, домой. Когда подъехали близко к дому, мальчик сказал:

– Давай я тут сойду, а то мать узнает, что я помогал тебе расправиться с бляго, и будет меня ругать.

Так и сделали.

У ворот мать ожидала сына.

– Мать, как там младший брат? – спросил юноша.

– Там, за конюшней играет, – ответила она.

Юноша зашел в дом, брат тоже прибежал и даже виду не показал, будто что-то произошло.

Сели братья, поели.

На другой день юноша сел на коня и уехал, сказав матери, что вернется через два дня. А женщина пошла к развилке дорог, где был сожжен ее муж-бляго, взяла там немного земли и к возвращению сына приготовила с этой землей пасту.

Когда вернулся старший сын, мать не вышла его встречать. Джигит был удивлен. Ведь всегда раньше она встречала его у ворот. Он не мог понять, что случилось с матерью, быстро вошел в дом и спросил:

– Нана моя, что случилось с тобой?

– Сын мой, целый день болит голова, прямо умираю от боли. Раньше она у меня не болела. Дома нет ни капли воды, я еле-еле принесла немного и сварила пасту, – сказала мать и поставила перед сыном анэ.

Юноша не садился за анэ, не помыв руки. Младший брат, стоявший рядом, сказал:

– Мой старший брат, я мигом принесу воды, а тебя прошу, пока я не вернусь, не прикасайся к этой пасте, – и побежал к колодцу.

Женщине не понравились эти слова младшего сына.

– Можно один раз и не помыть руки, зачем ты слушаешь, что говорит тебе этот подкидыш! То, что говорит мать, которая тебя родила, для тебя ничего не значит?

Тем временем вернулся мальчик с водой и полил из кувшина старшему брату. Сели они вдвоем ужинать, и мальчик снова попросил старшего брата:

– Прежде чем начнем есть, мой старший брат, дай этой пасты собачке!

– Этот паршивец много болтает! – сказала женщина и ударила мальчика по голове.

Но юноша дал кусок пасты собачке. Она проглотила ее и тут же сдохла.

После этого мальчик рассказал брату все, что знал о замысле матери и бляго. Узнав о коварстве матери, юноша вывел из конюшни двенадцать коней, привязал к ним женщину и пустил их в поле.

С тех пор братья стали жить еще дружнее, чем прежде. Мальчик вставал всегда рано, готовил для брата еду, вовремя разжигал огонь, приносил воду, убирал в доме. Так прожили они много лет. Однажды, встав, по обыкновению, рано утром, мальчик обнаружил, что жар в очаге, который он с вечера засыпал золой, потух. Мальчик огорчился из-за того, что нечем развести огонь. У старшего брата в кармане лежало кресало, но если бы он зашел за ним в комнату, то мог нечаянно его разбудить. Что делать? Он вышел из дому, залез на самое высокое дерево и осмотрелся, не светит ли где огонек от костра.

Вдалеке он заметил огонек, быстро спустился с дерева и пошел на него. Долго он шел и наконец увидел, что это войско великанов-иныжей, окружившее дворец хана. Осаждавшие и развели костер, который он заметил.

Мальчику нужно было унести огонь, чтобы приготовить еду для старшего брата. Неслышно ступая по земле, он прокрался между иныжами и подполз к костру. Тут он увидел, что над огнем подвешен большой котел, в котором варились человеческие ноги и руки.

Мальчик неслышно взял головешку и пустился в обратный путь. В это время подул ветер, и уголек от головешки упал на одного иныжа. Тот закричал и, протянув руку, схватил мальчика. Он тут же поднял страшный шум:

– Э-эгей, я поймал человечка и хочу бросить его в котел!

Одни иныжи кричали: «Брось его в котел, наедимся досыта». Другие предложили: «Не надо бросать в котел, лучше пусть он поможет нам. Если поможет – отпустим».

Иныжи хотели, чтобы мальчик помог им пробраться во дворец хана.

Так как мальчик торопился к старшему брату, он пообещал иныжам:

– Завтра в это время я буду у вас, только сейчас отпустите меня!

Иныжи отпустили мальчика с условием, что он возвратится к утру.

Мальчик вернулся домой, развел огонь и приготовил еду. Когда старший брат встал, еда была готова, он хорошо поел и, не подозревая о приключениях младшего брата, сел на коня и уехал.

Подошел срок, назначенный иныжами, и мальчик отправился к ним. Увидев его, иныжи обрадовались. Дело в том, что иныжи решили женить своего царя на дочери хана, славившейся своей красотой, но хан не хотел выдавать ее за иныжа.

Поэтому-то иныжи и окружили дворец хана.

Тот огромный дворец – величиной с целый аул – был обнесен высокой каменной стеной. Потому иныжи не могли пробраться в него.

Иныжи сказали мальчику, что он должен помочь им любым путем пробраться во дворец.

Немного подумав, мальчик сказал:

Найдите гирю побольше и толстую скрученную веревку.

– Это нетрудно, – сказали иныжи и быстро нашли и принесли все необходимое.

Но они не могли понять, что будет делать мальчик с веревкой и гирей.

Когда все было готово, мальчик сказал иныжам:

– Привяжите веревку к гире и забросьте ее во дворец.

Иныжи так и сделали.

– Теперь я поднимусь по этой веревке во дворец. Там я открою малые ворота; большие я не смогу открыть. Конечно, малые ворота для вас будут узки, и когда вы будете проходить, вам будет больно, но терпите, чтобы никто не узнал о вас, – предупредил мальчик.

Так и сделали.

Мальчик вошел во дворец и открыл малые ворота. Иныжи с радостью кинулись к воротам.

– Без шума входите по одному. Пока я не скажу: «Иди следующий», пусть никто не проходит в ворота, – сказал мальчик.

Он пропускал иныжей по одному, каждого убивал и отрезал ему уши. Так он убил всех иныжей.

Все отрезанные уши иныжей он связал и повесил около комнаты, где спала дочь хана. Потом он проник в ее комнату, снял с ее пальца кольцо и переложил девушку так, что голова оказалась там, где раньше были ноги. После этого он возвратился домой.

Утром ханские слуги удивились, увидев связанные уши иныжей. Они не могли понять, кто это сделал.

Хан собрал всех людей своего ханства и объявил:

– За того, кто убил иныжей, отдам свою дочь. Сыновья многих именитых людей стали говорить: «Я убил иныжей». Но доказать свое геройство они не могли, и хан велел их казнить. Головы девяноста девяти молодцов были насажены на колья.

Хан приказал любой ценой найти храбреца.

Однажды к хану пришли три охотника и сказали:

– Мы на охоте встречаемся с одним юношей. Он очень видный, пригожий, с ним всегда две верные собаки. Но мы даже не знаем его имени.

– Это он! Только он мог убить иныжей! Найдите его! Даю вам три дня сроку! – сказал хан и велел охотникам отправиться на розыски юноши.

Охотники пожалели, что рассказали хану о юноше: за три дня разве найдешь его, а не выполнить приказ хана они не могли.

Два дня их поиски были безуспешными. Они очень устали, но на третий день надо было возвращаться к хану. И вдруг под вечер охотники увидели юношу – он сидел под деревом и отдыхал.

Обрадованные охотники рассказали юноше хабар.

– Не пойду я к хану, не убивал я иныжей, – сказал джигит.

– Без тебя нам возвращаться нельзя. Хан велит нас всех повесить, – сказали охотники.

– Если мой приезд спасет вам жизнь – я поеду с вами, но я не сражался с иныжами, – снова сказал джигит и поехал с охотниками к хану.

Прибыли они в ханские владения. Пошел джигит прямо к хану.

– Ты можешь говорить, что не убивал иныжей, но ведь кроме тебя никто другой не мог этого сделать, и никто другой не осмелился бы войти в спальню моей дочери, – сказал хан.

– Поверь мне, хан, я не встречал иныжей, я занимаюсь только охотой, – сказал юноша.

Задумался хан.

– В моей стране не осталось ни одного человека, старого или молодого, кого бы не приводили ко мне. Взгляни: вот головы девяноста девяти джигитов, которые утверждали, что они убили иныжей, но ничем не могли этого доказать. Я велел казнить их – видишь, их уже девяносто девять, до ста не хватает одного, – сказал хан, показывая рукой на вздернутые на кольях головы джигитов.

– О хан, я нисколько не боюсь тебя, но я не могу приписать себе чужие подвиги. Поверь мне, хан, – сказал юноша.

– Тогда помоги мне узнать, кто это мог сделать – будь он молод или стар, мужчина или женщина.

– Я никого не знаю, кто бы мог сделать такое, – сказал охотник.

Но, подумав, добавил:

– Не знаю, хан, у меня есть младший брат, но он еще так мал, что сам не может себе носа вытереть, не говоря уже о том, чтобы совершить такой подвиг. Он даже не знает, живут ли здесь поблизости люди или нет. Всю жизнь он провел в лесу, – сказал юноша.

– Тогда это он! – решил хан. – Не уходи, пока, отсюда, пошли за ним и пусть приведут его, – приказал хан.

Хан приказал устроить для джигита пир, а тем временем посланцы поехали за его младшим братом.

Мальчик пригласил гостей в дом. Угостил их, а потом спросил о цели приезда, и они сказали, что его ждет к себе хан.

Мальчик сказал:

– Я поеду один, без вас, а вы возвращайтесь к хану.

Со всего ханства собрались люди в ожидании храбреца, который победил иныжей.

Тем временем мальчик снарядился, сел на своего коня и поехал. Когда он стал приближаться к ханским владениям, ожидавшие его люди увидели, что дорога через лесную чащу засверкала, словно восходящее солнце.

– Вот едет храбрец, – сказали все, и шум пронесся по толпе.

Выехал из лесу всадник в сверкающей на солнце одежде. Всем пришлась по душе его манера держаться на коне. А старший брат, никогда не видавший его на коне, удивился тому, какой славный джигит его младший брат. Все решили, что кроме него никто не мог победить иныжей. Дочь хана в это время сидела на возвышении-шандаке и смотрела на приближающегося всадника. Подъехал он к шандаку, отдал девушке кольцо и хотел было уехать.

– Это он убил иныжей, и мое кольцо – тому доказательство, – сказала девушка.

Хан велел:

– Приведите ко мне этого джигита – он станет моим зятем!

Когда мальчик приблизился к хану, тот сказал:

– Я отдаю тебе в жены мою дочь!

– Нет, хан, я не буду твоим зятем, – отвечал мальчик. – И я это сделал не для твоей дочери. Я попал в беду и дал слово иныжам помочь им. Но я обманул их и убил всех иныжей. Я сделал это ради старшего брата и прошу тебя, отдай свою дочь ему.

Старший брат стоял и ничего не говорил. Он только удивлялся тому, что видел и слышал. Хан согласился отдать дочь в жены старшему брату. Свадебный пир длился семь дней, а после этого братья вернулись домой.

С этого времени все трое стали жить богато и счастливо, никому не завидуя.

Фаруза

ак сказывают и пересказывают, рассказчик не прибавляет, кто слушает – не забывает, кто пересказывает – не сокращает, жила красивая девочка, звали ее Фаруза.

Умерла у нее мать, и отец взял в жены другую женщину.

У мачехи была своя дочка, которая ничем не походила на Фарузу – ни красотой, ни нравом. И мачеха, и дочь были одинаково жадные, завистливые, грубые. Никто в ауле не любил их.

Фаруза же была добрая, покладистая, аккуратная. Она была искусной швеей, шила быстрее и красивее всех в ауле – недаром говорили, если она обошьет просяное зерно, никто не разглядит следов ниток. Добрая молва об этой девочке шла по другим аулам.

Мачеха возненавидела Фарузу за то, что она во всем превосходила ее дочь. Потому-то она заставляла ее работать с утра до ночи – топить печку, стряпать, мыть и стирать.

Родную же дочь она наряжала как княжну, а если отправлялась в гости, непременно брала ее с собой.

Однажды мачеха с дочерью собрались в гости в соседний аул, а Фарузу оставили стеречь дом. Уезжая, мачеха приказала падчерице:

– Не уходи из дому и не оставайся в нем. Если же я застану тебя здесь или не застану, будь у тебя хоть семь душ, ни одной не оставлю.

Уехали мать с дочерью, осталась Фаруза одна. Не знала она, что делать: и уйти нельзя, и дома быть не велено.

Вдруг опустилась на дерево, что стояло у крыльца, какая-то птичка.

– Ци-ци, о чем плачешь, маленькая красавица Фаруза? – спросила она.

– Моя мачеха со своей дочкой уехала в гости, а мне приказала и не уходить из дому и не оставаться в нем. Вот я и не знаю, как мне быть, – отвечала девочка.

– Разве это трудно выполнить? Это проще всего! – сказала маленькая птичка. – Когда вернется твоя мачеха, стань так, чтобы одна твоя нога стояла за порогом, а другая – в доме.

Сказав эти слова, птичка вспорхнула и улетела. А Фаруза к тому времени, когда должна была вернуться мачеха, встала так, что одна ее нога была за порогом, а другая – в доме.

Вернулась мачеха с дочкой. Увидела она, что падчерица выполнила ее наказ, разозлилась и закричала:

– Ты почему стоишь у порога, разве тебе нечего делать?

Падчерица ответила ей:

– Когда вы уезжали в гости, сказали мне: «Не уходи из дому и не оставайся в нем. Если же я застану тебя здесь или не застану, будь у тебя хоть семь душ – ни одной не оставлю». Вот я и сделала так, как вы велели.

Что было делать мачехе? Поняла она, что падчерица умнее ее, и еще больше возненавидела ее.

На другой день она снова собралась со своей дочкой в гости. Перед отъездом мачеха высыпала пшено и ячмень в одну плетенную корзину-сапетку и сказала Фарузе:

– До моего приезда отдели пшено от ячменя. Не управишься, будь у тебя хоть семь душ – ни одной не оставлю.

Уехала мачеха, а Фаруза со слезами присела около сапетки: она знала, что ей ни за что не управиться до возвращения мачехи. Стала она перебирать по зернышку и вдруг увидела ворону, которая опустилась на дерево.

– О чем плачешь, маленькая красавица Фаруза? – спросила она.

– Моя мачеха со своей дочкой уехала в гости, а мне приказала отделить пшено от ячменя.

– Разве это трудно выполнить? Это проще всего! – сказала ворона, каркнула и улетела.

Скоро она вернулась с целой стаей ворон. Они опустились на землю и быстро отделили пшено от ячменя.

Когда мачеха вернулась, она увидела во дворе две сапетки – в одной было только пшено, в другой – только ячмень.

Еще больше разозлилась мачеха и закричала:

– Ты не могла одна так быстро управиться, скажи, кто помогал тебе?! Не скажешь, будь у тебя хоть семь душ – ни одной не оставлю!

Испугалась Фаруза и рассказала, что ей помогли птицы.

На другой день мачеха послала Фарузу в лес за дровами.

А сама высыпала пшено и ячмень в одну сапетку и велела своей дочери отделить пшено от ячменя, пока она будет в гостях.

Дочь мачехи села во дворе и стала, бранясь, перебирать по зернышку. В это время на дерево спустилась ворона.

– Что ты делаешь, девочка? – спросила она.

Ничего не ответила мачехина дочка – схватила камень и бросила в птицу. Ворона улетела и вскоре вернулась с целой стаей ворон. Они спустились к сапетке и вмиг склевали все, что в ней было, до зернышка.

Когда вернулась мачеха и узнала, что птицы склевали зерно, она дочери не сказала ни слова, а Фарузу сильно побила.

На следующий день мачеха позвала Фарузу и дала ей необработанную шерсть.

– Вымой эту шерсть, высуши, перебери, спряди и сотки из нее сукно. И если не управишься к моему приходу, будь у тебя хоть семь душ – ни одной не оставлю! – сказала она падчерице.

А сама пошла с дочкой гулять по аулу.

Села Фаруза, положила на крыльцо шерсть и горько заплакала. В это время подошла к ней корова и спросила:

– Почему плачешь, красавица Фаруза?

– Мачеха велела мне вымыть эту шерсть, высушить, перебрать, спрясть и выткать из нее сукно. А если я не управлюсь к ее приходу, она снова побьет меня.

– Разве можно плакать из-за этого? – сказала корова и стала есть шерсть.

Съела она всю шерсть и ушла в хлев.

Ничего не сказала Фаруза, еще горше заплакала, потому что знала: больно побьет ее мачеха. Но вскоре она увидела, что корова идет к ней обратно. Подошла корова к девочке и говорит:

– Ну-ка, Фаруза, подставь руки.

Протянула девочка руки, и корова выплюнула готовое сукно.

Обрадовалась Фаруза и стала спокойно ждать мачеху.

Вскоре она с дочкой вернулась. Когда увидела мачеха готовое сукно, закричала:

– Ты не могла одна так быстро управиться, скажи, кто помогал тебе? Не скажешь, будь у тебя семь душ – ни одной не оставлю!

Испугалась Фаруза и рассказала, что ей помогла корова.

«Разве моя дочь не сможет сделать так?» – подумала мачеха.

На другой день она послала Фарузу в лес, а своей дочери дала необработанную шерсть и велела:

– Вымой эту шерсть, высуши, перебери, спряди и сотки из нее сукно.

Принялась дочка за работу, стала, бранясь, перебирать по волоску. Подошла к ней корова.

– Ты чего ворчишь, девочка?

– Мать велела мне вымыть эту шерсть, высушить, перебрать, спрясть и выткать из нее сукно. Да разве я управлюсь!

– Я помогу тебе, – сказала корова и стала есть шерсть.

Увидев это, девушка схватила палку и стала бить ею корову.

Но та съела всю шерсть и ушла в хлев.

Когда мать вернулась, дочка рассказала ей о случившемся. Мачеха набросилась на Фарузу и избила ее, а корову решила зарезать.

Услышала это Фаруза, заплакала и пошла к корове предупредить, что ее хотят зарезать.

– Послушай, красавица, что я скажу тебе, – сказала корова. – Когда зарежут меня и съедят, ты собери мои кости и закопай их под кормушкой. Они когда-нибудь пригодятся тебе.

Фаруза так и сделала, собрала все до одной кости коровы и зарыла их под кормушкой.

Много времени прошло после этого. Случилась как-то в ауле большая свадьба, продолжалась она семь дней – семь ночей.

Когда мачеха с дочкой нарядились и собрались на ту свадьбу.

Фаруза попросила:

– Возьмите и меня с собой!

– Кто пустит такую оборванку на свадьбу?! Сиди, карауль дом! – сказали они и ушли.

Грустная сидела Фаруза и вдруг вспомнила, что сказала ей корова. Пошла она в хлев и стала копать землю под кормушкой. Копнула один раз – и выехал откуда ни возьмись золотой фаэтон, а в нем лежало золотое платье, сшитое словно специально для Фарузы, и золотые башмачки.

Фаруза надела золотое платье, обулась в золотые башмачки, села в золотой фаэтон и поехала на свадьбу.

Когда она приехала, все стали спрашивать друг у друга:

– Аллах, Аллах, что за красавица, словно тхаухуд[1]! Откуда же она, чья дочь?

[1] *Добрый дух в образе прекрасной девушки.*

Каждый хотел танцевать с ней, но вела она себя очень скромно.

Поздно вечером, когда гости стали расходиться по домам, Фаруза, сопровождаемая всем аулом, села в фаэтон и уехала. Лошади понеслись так быстро, что никто не мог ее догнать и никто не узнал, куда она поехала. Вернулась Фаруза домой, сняла с себя золотое платье и золотые башмачки, положила все в фаэтон и поставила его под коровью кормушку. Надела свои обычные лохмотья и стала ждать возвращения мачехи.

Вскоре вернулись мать с дочкой. Они наперебой рассказывали о чудесной гостье, которую видели на свадьбе:

– Ах, какие вы счастливые! Возьмите завтра и меня с собой, может, и я увижу ту красавицу, – попросила Фаруза.

– Кто пустит такую оборванку на свадьбу! Сиди, карауль дом! – сказали они.

На другой день мачеха с дочкой снова отправились на свадьбу, а Фарузу оставили стеречь дом.

Фаруза опять пошла в хлев, выкатила золотой фаэтон, надела золотое платье, обулась в золотые башмачки, села в фаэтон и поехала на свадьбу. Как и в первый день, она долго была на свадьбе, а потом быстро уехала. И в этот раз никто не мог ее догнать, и никто не узнал, куда она поехала.

В ауле только и было разговоров, что о загадочной гостье на свадьбе. Некоторые даже говорили, что она из джиннов, но другие уверяли, что она обыкновенный человек. Заспорили несколько джигитов и договорились на третий день задержать ее.

А Фаруза и на третий день поехала на свадьбу. Когда веселье подходило к концу и Фаруза уже собралась уезжать, джигиты преградили ей путь. Но девушке удалось вскочить в фаэтон и уехать – только золотой башмачок упал с ее ноги и остался на дороге.

Его поднял самый храбрый и самый красивый из всех джигитов аула.

– Я найду красавицу, которой принадлежит этот башмачок, и возьму ее в жены, – сказал он.

На следующий день он пошел по аулу, заходил в каждый двор и просил всех девушек примерять золотой башмачок – только никому он не был впору.

Пришел джигит к дому Фарузиной мачехи. Она вымыла ногу своей дочери, думала, что на мокрую ногу башмачок лучше налезет, долго возилась, но он был слишком мал.

В это время джигит увидел во дворе Фарузу.

– Пусть наденет башмачок и та девушка,– сказал он.

– Да нет, ей он тем более не подойдет. К тому же она еще никогда не была на свадьбе, – отвечала мачеха.

Но джигит настоял на своем, и Фарузе дали башмачок. Надела она его, все тут и ахнули – оказалось, словно был он сшит именно для нее.

– Как хорошо, что славный джигит нашел себе достойную невесту! – стали говорить в ауле и радоваться.

Когда Фарузе пришло время ехать к жениху, она выкатила золотой фаэтон, надела золотое платье, обулась в золотые башмачки и поехала в сопровождении всего аула.

А мачеха с дочкой чуть не умерли от зависти.

Мудрая девушка

ил некогда один жестокий пши. Он не был женат, и поэтому аульчане наказали ему, чтобы он женился. Тогда пши достал пять монет и отдал их своему дворянину-уорку, сказав при этом:

– Купи на эти деньги барана. От этого барана принеси мне кусок вяленого мяса, верни мои пять монет, а барана доставь ко мне живым.

Орк не знал, как выполнить такое задание, и пал духом. Не зная, что делать, опечаленный орк решил отправиться куда глаза глядят.

Шел он долго и достиг какой-то страны. Дошел он до одного аула и завернул в него. Увидела его одна девушка. Как положено по обычаю, пригласила она путника в гости.

Через сутки девушка спросила гостя:

– Куда ты путь держишь, что тебя беспокоит?

– Нашему аульскому пши люди наказали, чтоб он женился. Тогда он достал пять монет, дал их мне и велел купить на них барана, принести кусок вяленого мяса из этого барана, привести барана живым и вернуть ему пять монет. Как я смогу это сделать?! Видно, пришло время моей погибели, но я решил унести свою голову, иду не знаю куда, – сказал орк.

– Это не беда, успокой свою душу, – произнесла девушка и оставила орка погостить у нее еще два-три дня.

Когда прошло три дня, девушка велела орку:

– Сходи к чабанам и купи хорошего барана.

Орк купил барана за пять монет и велел его выхолостить. Девушка посолила и высушила это мясо. Потом она остригла барана, из его шерсти связала чулки и продала их за пять монет.

– Теперь отведи барана к своему пши, отдай ему кусок вяленого мяса от этого же барана и его пять монет, которые он тебе дал, и ты будешь спасен, – сказала девушка гостю на прощание.

Орк возвратился к пши и отдал ему деньги, барана, вяленое мясо.

Сам пши, посылая орка, знал, как можно выполнить задание. Он просто хотел, чтобы орк разыскал для него мудрую девушку, на которой он мог бы жениться.

Когда орк рассказал хабар о девушке, которая помогла ему, пши сказал:

– Эта девушка годится мне в жены.

Он сел на коня, поехал к девушке и женился на ней. Только написали начах[1], как прискакал верховой и сказал, что пши должен ехать в поход на пятнадцать лет.

Перед отъездом пши сказал молодой жене:

– Меня не будет пятнадцать лет. Оставляю тебе свою кобылу – сам сажусь на жеребца. Рядом со мной пойдет мой борзой кобель, здесь оставляю борзую суку. Когда я вернусь, меня должен встретить мой сын верхом на лошади, рожденной оставленной мной здесь кобылой от жеребца, на котором я еду, и с собакой, рожденной сукой, оставленной мной здесь, от кобеля, что будет со мной в пути.

Сделав такие распоряжения, пши уехал. Люди поняли, что женщине никак не выполнить невозможного, и все стали жалеть ее.

– Ты должен хранить мою тайну, никто не должен знать о моем отсутствии. Пусть все думают что я нахожусь в лагуне[2], – сказала тем временем жена пши орку, а сама переоделась в мужскую одежду, села на кобылу, взяла с собой борзую собаку и поехала туда, куда уехал ее муж.

Все это время пши играл в альчики, пил, ел, сидел с друзьями. Девушка узнала об этом и стала заводить знакомство с его приятелями, подружилась с ними.

Однажды она сыграла в альчики с мужем.

– Если обыграешь меня, – сказала она, – дам тебе вот столько золота; если я обыграю тебя – дашь мне твоего жеребца на пятнадцать дней, хочу поездить на нем.

Пши согласился. Жена обыграла его и получила жеребца. Пятнадцать дней она держала его вместе с кобылой в одной конюшне. Когда прошло пятнадцать дней, она отдала коня мужу.

Через несколько дней она еще раз сыграла с ним и выиграла на пятнадцать дней кобеля, подержала его вместе с борзой и вернула мужу.

В третий раз девушка сыграла с мужем в альчики и выиграла у него золотое кольцо. Когда сыграли в последний раз, она сказала:

– У меня есть красивая сестра, если обыграешь меня, то одну неделю она проведет с тобой.

[1] *Письменное свидетельство о браке у мусульман.*

[2] *Лагуна – дом или комната для новобрачных, женская половина дома.*

Девушка дала пши обыграть себя, а потом переоделась в женскую одежду и пошла к пши. Всю неделю она провела со своим мужем.

После этого она вернулась домой. Никто не узнал, была ли она в своей лагуне или отсутствовала.

Пришло время – кобыла ожеребилась, собака ощенилась, а женщина родила сына.

Прошло пятнадцать лет. Однажды по аулу разнесся хабар, что возвращается пши. Юноша вывел коня, оседлал его и сел на него. Захватив с собой собаку, он выехал встречать отца.

Тут нашлись злые люди, которые донесли пши:

– Девушка, оставленная тобой, родила сына неизвестно от кого, и теперь он едет встречать тебя.

Пши рассердился и поклялся:

– Изрублю женщину!

Умная жена пши приготовилась к встрече с мужем. Она свернула циновку, надела на нее свою одежду и поставила у двери, а сама встала за дверью.

Пши, войдя в дом, разрубил саблей наряженное в одежду жены чучело. Тогда жена вышла из-за двери и сказала:

– Теперь, когда ты выполнил свою клятву, дай мне сказать хабар.

Она велела привести своих братьев и в их присутствии сказала:

– Перед отъездом ты сказал мне: «Меня не будет пятнадцать лет. Оставляю тебе свою кобылу – сам сажусь на жеребца. Рядом со мной пойдет мой борзой кобель – оставляю здесь борзую суку. Когда я вернусь, меня должен встретить мой сын верхом на коне, рожденном оставленной мной здесь кобылой от жеребца, на котором я еду, и с собакой, которую принесет сука, оставленная мной здесь, от кобеля, что будет со мной в пути». Чтобы выполнить то, что ты велел, я оставила дом, наказав орку никому не говорить о моем отсутствии, и отправилась к тебе.

И дальше она рассказала все, что случилось с ней в пути.

– Если бы я так не сделала, – закончила свой рассказ женщина, – я не смогла бы выполнить то, что ты велел. Твое кольцо подтверждает, что я говорю правду. Перед своими братьями я смыла с себя позор. Мы теперь не можем быть мужем и женой, – сказала женщина и стала собираться, чтобы уехать к своим братьям.

Пши стал просить братьев жены не забирать ее, и она осталась в его доме.

А тех людей, что наговаривали на его жену, пши приказал привязать к хвостам необъезженных коней и пустить их в степь.

Злоключения голодного волка

Голодный волк вышел из лесу, подошел к кошаре[1] и поймал маленького ягненка.

– Что ты собираешься делать со мной? – спросил ягненок.

– Ничего особенного, съем тебя, и все, – отвечал волк.

– Волк, а волк, а что толку, что ты съешь меня – такого худого и тощего. Лучше разреши мне подпрыгнуть три раза. Тогда я стану жирным, и ты съешь жирного ягненка.

Волк отпустил ягненка. Тот три раза прыгнул в сторону близко стоявшей кошары – и был таков. Что теперь мог сделать волк? У ворот кошары с ружьем стоял чабан. Пришлось волку ни с чем убраться восвояси.

Пошел волк в поле, взял в пасть пучок травы и спрятался в густой траве. Притворился волк мертвым – лежит, не шевельнется.

Неподалеку пасся серый конь. Увидел он пучок травы и захватил его губами. Волку того и нужно было – вцепился он клыками в морду коню.

– Что хочешь сделать со мной, волк? – спросил серый конь.

– Ничего особенного, съем тебя, и все, – отвечал волк.

– О мудрый волк! – воскликнул конь. – Как же ты будешь есть меня с головы – в ней ведь одни кости! Лучше начни есть со спины – она у меня мягкая и жирная, а то пока будешь возиться с моими костями, утолишь голод и не сможешь съесть мою жирную спину.

Волк подумал, что и в самом деле лучше сначала съесть жирную спину, и удивился тому, что сам он до этого не додумался. Он отпустил морду коня и уселся ему на спину. Конь тут же вскочил, сбросил с себя незадачливого волка и убежал.

Голодный волк спрятался теперь на опушке леса, где паслась гнедая лошадь. Опять он взял пучок травы и спрятался. Лошадь не заметила

[1] *Одноэтажная постройка, служащая загоном для скота.*

его. Она потянула траву, которую держал волк. Тот схватил лошадь, повалил ее и хотел сожрать.

– Ты что собираешься сделать со мной, волк? – спросила лошадь.

– А что же я с тобой сделаю? Ничего особенного, только съем тебя, и все, – ответил волк.

– А ты знаешь, волк, как меня надо есть?

Волк задумался, как же надо ее есть. Он решил, что тут есть какой-то секрет, и признался:

– Не знаю.

– Тогда сначала прочти, что написано на моей спине, а потом будешь есть. Там написано, как лучше меня съесть, – сказала лошадь.

Волк очень удивился этому. Он зашел сзади лошади, чтобы прочитать, что написано на ее крупе. Лошадь ударила его задними ногами изо всех сил, выбила у него все зубы и убежала.

Понял волк, что в лесу ему ничем не удастся поживиться, и отправился в аул. Он подошел к дому, что стоял на самом краю аула – в нем жила одна старушка. Увидала она волка и со страху быстро залезла на чердак. Волк лег на пороге ее дома и стал горько причитать.

– Ярэби[1]! Кто до сих пор видел волка-муллу, умеющего читать волка-всадника, кто видел, чтобы ягненок разжирел после трех прыжков? Зачем мне, старому дураку, все это было нужно? Поделом мне, если кто-нибудь возьмет толстую кизиловую палку и убьет меня!

Услышав слова волка, старуха слезла с чердака, взяла коромысло и прибила волка.

[1] *Восклицание, букв. «О Боже».*

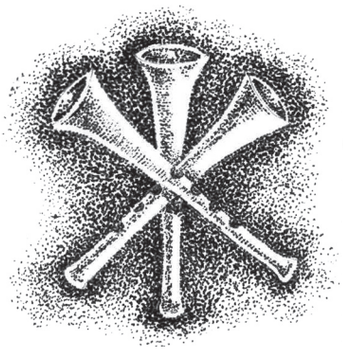

Идущий впереди – мост для идущего позади.

ГРУЗИНСКИЕ СКАЗКИ

Иванэ и Дэвкаци

ил некогда царь, и был у него невиданной силы богатырь-палаван. С виду палаван был совсем как великан-дэв – огромный, весь в густой щетине, и потому прозвали его Дэвкаци – дэв-человек. Гордился царь своим палаваном: никто в целом царстве не мог побороть его. И все-таки хотелось царю найти человека сильнее Дэвкаци.

Разослал царь гонцов по всем городам и селениям искать борца, который одолел бы Дэвкаци.

Разбрелись царевы слуги по всем дорогам, исходили леса и поля, горы и долы, выбились из сил, но не нашли охотника идти на гибель! Молва о могучем Дэвкаци облетела все царство, и никто не решался померяться с ним силой.

Возвращаются царевы слуги назад и видят: сидит у дороги оборванный мальчишка, грызет корку хлеба. Звали его Иванэ.

– Возьмите меня с собой, хочу царский дворец посмотреть, – просит их малыш.

Рассмеялись посланцы царя и прошли мимо. Увязался мальчик за ними, не отстает.

– Беги-ка лучше домой, – говорит ему один из слуг. – Во дворце у царя – Дэвкаци, попадешься ему на глаза, задаст жару.

– Не боюсь я вашего Дэвкаци! – говорит мальчик.

– Ишь храбрец! – рассмеялись слуги. – Может, ты поборешься с ним? Мы как раз ищем такого смельчака.

– А чего не побороться? – отвечает Иванэ.

И смешно царевым слугам, и рады они, что нашли того, кого искали. Не беда, что мал. «А нам-то какое дело, ежели не одолеет он Дэвкаци? Сам вызвался побороться с ним», – решили они и взяли Иванэ во дворец.

Увидел царь мальчика и не знает, смеяться или сердиться.

– Послушай, малец-храбрец, – говорит царь. – Неужто будешь бороться с моим Дэвкаци?

– А чего же не буду? Подумаешь, какой силач твой Дэвкаци! Покорми меня месяц вволю, а там сам увидишь.

Согласился царь потехи ради.

Ест и пьет Иванэ, ест и пьет с утра до вечера. Другие за год не вырастают так, как Иванэ вырастает за день. Прошел месяц. Назначили день схватки Дэвкаци с Иванэ.

С утра со всех концов толпами повалил народ на площадь посмотреть на состязание. Людей собралось тьма-тьмущая. На почетном месте царь сидит с домочадцами.

Вышел на середину круга Дэвкаци. Подскочил к нему Иванэ. Не подскочил, а подлетел! Пошел по кругу, словно по воздуху, ногами земли не касается! Вертится Дэвкаци, машет руками, а мальчика поймать никак не может. Подпрыгнул Иванэ высоко-высоко и упал на Дэвкаци с такой силой, что подмял его под себя!

Закричали все, хлопают победителю, смеются над Дэвкаци, кричат ему обидные слова.

С того дня стал Иванэ царским палаваном.

Целыми днями разгуливает Иванэ перед дворцом и в саду. Ничего не делает, ест, пьет и отдыхает. Одно у него занятие – показать свою силу и ловкость, потешить царя.

Прошел год, другой, и еще прошло много дней.

У царя была дочь, и была она злая, заносчивая.

Случилось Иванэ увидеть ее на террасе. Прошелся он перед царевной и сказал ей шутливые слова по-крестьянски. Обиделась спесивая царевна. Не понравилось ей, что деревенский парень посмел заговорить с ней – с царской дочерью. Решила она проучить Иванэ-палавана: дать ему такое дело, чтобы он не справился и все над ним посмеялись.

Пошла она к царю и говорит:

– В саду Огненного дэва растет яблоня бессмертия. Кто отведает ее плодов, будет жить вечно. Хорошо бы этой яблоне расти в нашем саду!

– Хорошо бы, да кто отважится пойти к Огненному дэву?

– Неужто наш Иванэ-палаван не одолеет дэва?! Пошли его за яблоней. Запала царю в голову мысль о яблоне бессмертия. Призвал он к себе Иванэ и говорит:

– Слушай, мой палаван. В саду у Огненного дэва растет яблоня бессмертия, пересади ее в мой сад.

– С превеликой охотой! – отвечает Иванэ.

Долго ли шел, коротко ли, дошел Иванэ до сада Огненного дэва. Стоит там яблоня, пылает вся от красно-золотистых яблок.

Ударил Иванэ ногой по стволу, и посыпались на землю, покатились яблоки – ни одного не осталось на ветках!

Сел Иванэ под деревом, наелся яблок и прилег в тени поспать. Почуял Огненный дэв запах человека и вошел в сад. Увидел Иванэ под деревом, подивился его дерзости.

– Кто ты? Как посмел топтать землю в моем саду? – взревел он.

Вскочил Иванэ, поднял Огненного дэва над головой и по горло всадил его в землю. А потом занес меч – отсечь ему голову.

– Не убивай меня, век рабом тебе буду, из любой беды выручу, – взмолился дэв. – Дам тебе зеркальце волшебное. Заглянешь в него – обернешься зверем каким захочешь, заглянешь в другой раз – опять человеком станешь.

– Ладно, дарю тебе жизнь, будешь мне братом, – молвил Иванэ.

Огненный дэв повел побратима в дом, угостил и подарил ему волшебное зеркальце. Рассказал Иванэ, зачем послал его царь.

– Так и быть, забирай яблоню – не ссориться же из-за нее! – сказал Огненный дэв и сам вырвал дерево с корнем.

Положил Иванэ зеркальце в карман, взвалил яблоню бессмертия на плечо и собрался идти назад.

– Если в беду попадешь, кликни меня – мигом примчусь, – сказал ему дэв на прощание.

Вернулся Иванэ и посадил яблоню перед дворцом.

Идет время, а яблоня не цветет, яблок не дает. Насмехается спесивая царевна над Иванэ-палаваном.

– Ну какой ты палаван – Огненного дэва не одолел! И царя обманул – простое дерево посадил.

Насмехается царевна, обрывает с яблони листья. А дерево больно хлещет ее за это ветками.

«Ладно, изведу я тебя, Иванэ», – решила царевна. Пришла она к царю и говорит:

– Не сумел Иванэ добыть тебе яблоню бессмертия, пусть добудет златогривых волшебных коней – раши, отобьет их у трех братьев-дэвов. Не даром же ты его кормишь и поишь.

Призвал царь своего палавана:

– Сослужи мне службу, Иванэ, покажи свою храбрость. Пригони златогривых раши.

– С превеликой охотой, – отвечает Иванэ.

Взял Иванэ большой острый меч и пустился в путь.

Идет он путем-дорогою, а сам не ведает, как златогривых раши добыть. Вспомнил Иванэ о своем побратиме. Кликнул он Огненного дэва. В единый миг появился перед ним дэв.

– Что за нужда у тебя, братец? – спрашивает дэв.

– Да вот царь не дает покоя, велел доставить ему златогривых раши, а я не знаю, где их искать.

– Не тужи, брат, помогу тебе, отведу во владения дэвов, у которых златогривые раши, – говорит Огненный дэв.

Привел Огненный дэв Иванэ к широкой реке, за которой обитали три дэва – три брата. Сел он на берегу под деревом, налил миску воды, укрепил на краю ее свечку и говорит своему побратиму:

– Я останусь на берегу, а ты иди к дороге, отбей у дэвов раши. Если не справишься, приду на помощь. Как покраснеет вода и погаснет свеча, буду знать, что ты в беде.

Перешел Иванэ реку и спрятался в кустах возле дороги, по которой дэвы возвращались домой.

Настал час ужина. Показался старший дэв – трехглавый, верхом на златогривом раши. Только подъехал он к кустам, Иванэ как крикнет:

– Хвит!

И взвился под дэвом раши.

– Но-о, волчья сыть! – взревел дэв. – Чего испугался? Далеко от нас Иванэ-палаван.

– А вот и нет!

Подскочил Иванэ-палаван к дэву и одним махом снес ему все три головы. Взял златогривого раши под уздцы и опять укрылся в кустах.

Показался на дороге средний – шестиглавый дэв, верхом на златогривом раши. Только подъехал он к кустам, как крикнет Иванэ:

– Хвит!

И стал раши под дэвом как вкопанный, шагу ступить боится.

– Но-о, волчья сыть! – взревел дэв. – Не бойся, далеко от нас Иванэ-палаван.

– А вот и нет!

Выскочил Иванэ из кустов, взмахнул мечом и отрубил дэву все шесть голов. Взял под уздцы второго раши и сел подстерегать третьего дэва.

Вот наконец едет верхом младший дэв – девятиглавый! Только подъехал он к кустам, Иванэ как крикнет:

– Хвит!

И шарахнулся златогривый раши.

– Но-о, волчья сыть! – загремел гороподобный дэв. – Не нападет на нас тут Иванэ-палаван.

– А вот и нападу! – отозвался Иванэ и подскочил к девятиглавому дэву. Громадный был дэв, не сумел Иванэ снести ему головы. Подхватил дэв Иванэ, усадил на ладонь, загоготал.

– Захочу, в порошок тебя сотру, в золу обращу, ха-ха-ха! – и швырнул он Иванэ-палавана оземь.

По самую грудь ушел в землю Иванэ. Вытащил дэв свой меч, и тут Иванэ говорит чудовищу:

– Дай мне напоследок выкурить твою трубку, а там делай со мной что хочешь.

Набил дэв трубку табаком и протянул человеку. А трубка у него длинная-предлинная, большая-пребольшая – целый мешок табака набивал дэв в нее.

Иванэ медленно раскуривает трубку – тянет время, не хочет умирать, ждет, когда придет на помощь Огненный дэв.

А побратим его задремал в эту пору. Не видит, как краснеет вода в миске, как гаснет свеча. Но вот погасла свеча, и открыл Огненный дэв глаза. Вскочил он и вихрем понесся выручать Иванэ.

Налетел Огненный дэв на девятиглавое чудовище и одним ударом снес ему все девять голов.

Сели побратимы на златогривых раши, собираются в обратный путь, и тут решил Иванэ посмотреть, не остался ли кто в доме дэва.

– Обожди меня здесь, – говорит он побратиму. – Пойду, погляжу, что в доме дэвов творится.

Достал он волшебное зеркальце, глянул в него, обернулся кошкой и пробрался в дом.

Сидит у очага клыкастая старуха, разговаривает сама с собой.

– Отчего мои сыновья не возвращаются? Не случилось ли с ними беды? Не убил ли их кто? Огнем запылаю на пути злодея, испепелю его. Снежной бурей налечу – под собой схороню, потоком разольюсь – потоплю.

Выбрался Иванэ во двор, глянул в зеркальце и снова обратился в человека. Рассказал побратиму, как грозится клыкастая мать дэвов.

Вскочили они на златогривых раши, пустили их во весь опор. Не успели они выехать из владений дэвов, запылал на дороге огонь.

– Это старуха хочет нас сжечь, – говорит Иванэ побратиму.

Выхватил он меч, ударил по языкам пламени. Мигом исчез огонь.

Помчались они дальше. Вот уже и река. Да не переехать ее никак. Разбушевалась она, бурлит, пенится. И вдруг перекинулся через реку ветхий мостик.

– Не отстает от нас старуха, – говорит Иванэ, – мостиком перекинулась, рухнет под нами, и потонем мы в реке.

Выхватил он меч, ударил по мосту. Развалился мост, и тотчас успокоилась река. Перебрались побратимы на другой берег, едут дальше.

Вдруг завихрился снег, и вырос на дороге огромный сугроб – никак его не объехать, все растет и растет.

– Это опять старуха! – говорит Иванэ.

Выхватил он меч, ударил по сугробу. Мигом развалился сугроб, и очистилась дорога.

Тут распрощались побратимы, и каждый отправился своим путем.

Пригнал Иванэ-палаван царю златогривых раши. Радуется царь, похваляется перед всеми волшебными чудо-конями. Но не радуется спесивая царевна. Душит ее злость на Иванэ за то, что со всеми поручениями справился. Потеряла царевна покой, все думает, куда бы еще послать палавана, чтобы он назад не смог воротиться.

Вот проведала она, что в далеком море буйволы с алмазными рогами обитают, и пошла к царю.

– Слыхала я, что в далеком море, за семью горами, буйволы с алмазными рогами есть. Вели палавану добыть тех буйволов.

Послал царь Иванэ-палавана за буйволами с алмазными рогами.

Вышел Иванэ в поле и кликнул Огненного дэва. Явился его побратим.

– Что за новая беда у тебя, братец? – спрашивает дэв.

Рассказал Иванэ, за каким делом послал его царь.

– Не тужи, нехитрое это дело, – говорит Огненный дэв. – Буйволы по вечерам на берег выходят воды из колодца попить. Не по вкусу им морская вода, соленая да горькая. Колодец тот огромные муравьи стерегут. Попроси у царя двенадцать вьюков ваты, двенадцать кувшинов вина и сорок туш овец. И воды чистой заранее припаси. Кинь туши муравьям, набросятся они на мясо, а ты тем временем осуши колодец ватой и налей в него вина. Что делать дальше, сам поймешь.

Все сделал Иванэ, как Огненный дэв велел, и стал ждать.

Вот зашло солнце, и вышли из моря алмазорогие буйволы. Подступили они к колодцу и тут же отпрянули – не понравился им запах вина! Ходят вокруг колодца, мучает их жажда.

Увидели буйволы Иванэ и взмолились:

– Напои нас, человек, век тебе служить будем!

Иванэ напоил их водой и погнал к царю.

А буйволы те были всеведущие – все ведали, все знали.

– Славный ты человек, – говорят ему буйволы, – храбрый и сильный, только погубят тебя глупый царь и злая царевна, ежели не избавим мы тебя от их козней.

Вот вернулся Иванэ с буйволами. Вышли из дворца и царь, и царевна, и назир-визири – посмотреть на диковинных алмазорогих буйволов. А буйволы пригнули головы и понеслись прямо на царя и царевну. Еле успели они отскочить в сторону и кинулись бежать прочь со страху.

И никто с тех пор их не видал.

Собрался народ и выбрал царем Иванэ-палавана. В тот же день зацвела яблоня бессмертия перед дворцом, и запылали на ней потом красно-золотистые яблоки.

Дочь солнца

Были да жили, а может, и нет, три брата. Бедно они жили. Однажды мать чистила ларь для хлеба и нашла три завалявшихся зерна. Братья вспахали три поля и посеяли три зерна. Старшие братья – на крайних полях, а младший – на среднем. Взошли всходы, заколосились тяжелые колосья, и наполнились радостью сердца братьев при виде богатого урожая. Но вот разбушевался в небе громовержец Элиа, нагнал тяжелые черные тучи и побил градом среднее поле. Погиб весь урожай.

Пригорюнился младший брат – одному ему не повезло! Но что было делать? Взял он серп и пустился в путь – проверить, вправду ли он невезучий.

Прошел много, а может, и мало, и дошел он до пшеничного поля богача. А поле огромное – сто дней будешь жать хлеб, не сожнешь.

– Что мне дашь, – спрашивает бедняк хозяина поля, – ежели за один день уберу весь хлеб на твоем поле?

– Дам половину урожая, – говорит богач.

Взмахнул парень серпом и пошел жать хлеб да вязать снопы. Осталось связать последний сноп, а Солнце уже садится. Снял парень шапку, поклонился светилу и взмолился.

– Не заходи, Солнце, погоди-ка, малость!

Не стало Солнце ждать, закатилось. Пришел хозяин, а последний сноп не связан. Швырнул парень серп на землю и говорит богачу.

– Видать, и вправду я невезучий. Оставайся с миром, пойду своей дорогой.

Пошел Невезучий дальше. Пришел в одно селение и нанялся там к богачу три года овец пасти, да с таким уговором: за три года ни овце пропасть, ни шерстинке с овцы упасть не даст. За это хозяин обещал парню половину отары.

Прошло три года. Овцы все целы, отара разрослась так, что земле тяжко ее носить.

Стал Невезучий в последний день загонять овец в овчарню, как вдруг откуда ни возьмись волк. Схватил овцу – и нет его.

Пригорюнился парень, швырнул посох на землю и пошел дальше счастье пытать.

Идет Невезучий без пути, без дороги. Обжигает его Солнце своими лучами. Разморило парня, присел он передохнуть у речки. Освежился холодной водой, поел, что было в узелке, попил воды и растянулся на траве, в тени большого ореха.

Внезапно слетели с неба три девушки, три дочери Солнца, скинули платья, стали купаться. От красоты их засверкала вода. Поплескались девушки в речке и вышли на берег, оделись и только собрались взлететь, схватил Невезучий младшую и не отпустил. Пришлось ей остаться на земле.

Построил бедняк хижину на опушке леса, стали они там жить-поживать.

У дочери Солнца было колечко, да не простое – что ни пожелаешь, все исполнит. На землю колечко положишь – скатерть расстилается, на скатерть положишь – еда и питье появляются.

Однажды охотился в том лесу царь. За весь день подстрелил он только одного фазана. Проголодался царь и велел визирю зажарить фазана.

Приметил визирь на опушке леса хижину и послал туда слугу. Поздоровался слуга с хозяином – это был Невезучий – и попросил разрешить ему приготовить ужин для царя. Развел Невезучий огонь, слуга насадил птицу на вертел и начал жарить.

Тут во двор вышла дочь Солнца. Поразила ее краса слугу. Уставился он на красавицу – глаз отвести не может: краше ее никого не видал! Разинул он рот и позабыл про фазана. Обгорел фазан со всех сторон, обуглился почти.

Вернулся слуга к царю с пустыми руками. Разгневался царь, хотел наказать нерадивого слугу.

– Выслушай меня, о великий государь, – взмолился слуга. – Не виноват я, там женщина красоты невиданной! Краше ее между небом и землей никого не найти! Засмотрелся на нее и не заметил, как обуглился фазан.

Решил царь проверить, правду ли сказал слуга, и поехал со своими назир-визирями к хижине Невезучего.

Хозяин вышел навстречу гостям.

Спешились царь и визири.

Невезучий сначала о конях позаботился: провел колечком, и у каждого коня на шее торба с ячменем появилась. Потом пригласил гостей присесть на лужайке перед хижиной. Положил перед ними колечко, и расстелилась скатерть, полная разных яств. Дивится царь. Не поймет, откуда все взялось.

Не утерпел Невезучий, позвал жену, чтобы похвастаться перед царем ее красотой. Вышла дочь Солнца и чуть не ослепила всех своим сиянием. И смотреть на нее больно, а глаз отвести невозможно! Черная зависть заполнила душу царя. А Невезучий еще волшебным колечком хвалится.

Воротился царь во дворец и заперся с назир-визирями обдумать, как отобрать у Невезучего волшебное колечко, как отнять красавицу-жену. Три дня думали и наконец придумали. Послали слуг и привели Невезучего во дворец.

– Ты, видать, все можешь, – говорит царь Невезучему. – Принеси мне молока от буйволицы, что за самой высокой горой живет. Не принесешь, сниму голову с плеч!

А к той свирепой буйволице никто на свете не мог подступиться.

Попросил Невезучий у царя веревку и отправился к самой высокой горе.

Девять раз через девять гор перебирался и все же до самой высокой горы добрался. Видит: на склоне огромная буйволица пасется.

Заметила она человека, говорит ему по-человечьи.

– Береги, дурень, свою шкуру, моя – в две пяди толщиной, не пробить тебе ее, человечишко!

– А я и не собираюсь тебя убивать, поглядеть пришел! Много чудного про тебя рассказывают, – отвечает Невезучий.

Подошел он поближе и как накинет веревку на буйволицу – вмиг заарканил! Привел Невезучий буйволицу на царский двор.

– Вот тебе буйволица, государь. Вели слугам подоить ее, я не знаю, сколько тебе надобно молока!

Не надеялся царь увидеть парня живым, рассердился на визирей, что не придумали они задачу потрудней. Не знал царь, что ответить Невезучему, и сказал со злости:

– Возьми кувшин с буйволиным молоком, поднимись на чинару и спустись, да успей заквасить молоко. Не заквасишь – велю придушить тебя, как котенка.

Понял Невезучий, что тут одной силой да ловкостью ничего не поделаешь, и пошел советоваться с женой, как справиться с таким трудным делом.

– А колечко на что? Обмакни его в кувшин – мигом заквасится молоко, – говорит ему дочь Солнца.

Дали Невезучему до краев полный кувшин молока. Взобрался он на самую макушку высокой чинары. Обмакнул там колечко в молоко и ловко спустился вниз. Поднес царю кувшин, а в кувшине уже густая простокваша – хоть ножом ее режь!

Царь чуть не лопнул с досады, да не подал виду. Догадался он, что не обошлось тут без волшебства.

– Говори, каким чудом удалось тебе так скоро молоко заквасить! – потребовал царь.

– А таким, какого тебе не понять! – усмехается Невезучий.

– Хорошо, раз ты такой умный да умелый, приведешь мне в жены старшую дочь Солнца! Даю тебе сроку три года, три месяца, три недели и три дня. Не приведешь в срок, заберу твою жену.

Загоревал Невезучий, вернулся домой, рассказал жене о новой беде.

– Не тужи, – говорит ему дочь Солнца. – Возьми колечко. Оно покатится и доведет тебя до владений моего отца.

Снарядился Невезучий в дальний путь. Катится колечко, идет следом за ним Невезучий.

Докатилось колечко до синего моря и остановилось.

Видит Невезучий: лежит у самого берега рыба, еле дышит, так ее раздуло.

– Помоги мне, человек, – молит рыба, – шевельнуться не могу.

– Рад бы помочь, да не знаю как, – говорит Невезучий.

– Ты ведь к Солнцу идешь, человек. Узнай у светила, как моему горю помочь!

Покатилось колечко дальше. Докатилось оно до широкого поля. А в поле крестьяне землю пашут. Ломается у них сошник то и дело.

Спросили пахари Невезучего, куда он путь держит. Обрадовались, как узнали, что к Солнцу идет.

– Узнай у светила, как нашей беде помочь, – просят они Невезучего.

Покатилось колечко дальше, докатилось до склона высокой горы. На склоне пастухи овец пасут. Узнали пастухи, куда Невезучий идет, обрадовались.

– Узнай у светила, отчего у нас летом овцы гибнут, – просят они невезучего.

Покатилось колечко вверх по склону, остановилось на самой вершине у копыт оленя. На голове оленя тополь растет – высокий-превысокий, макушка в облаках прячется.

– Куда идешь, человек? – спрашивает олень.

– Иду на небо, за старшей дочерью Солнца.

– Заберись на тополь. От него золотые ступеньки доведут тебя до башни Солнца. Но дай мне сперва хоть немного травы – три года, как ничего не ел.

Поблагодарил Невезучий оленя, нарвал ему сочной зеленой травы – целых три охапки положил перед ним – и полез на тополь.

Все ниже опускается Солнце по небу, все выше поднимается Невезучий по дереву. Вот и ступеньки золотые. Добрался Невезучий до башни. Одна половина ее золотая, другая – серебряная. В золотой половине Солнце отдыхает, в серебряной – Луна.

Солнце еще озаряло землю, и навстречу Невезучему вышла Луна. Расспросила она человека, за каким делом пришел. Рассказал Невезучий, какая нужда его в тяжкий путь отправила.

– Солнце скоро вернется, – говорит Луна. – Не сожгло бы оно тебя, не испепелило.

Превратила Луна Невезучего в иголку и воткнула в столб. Вернулось Солнце и сразу учуяло дух человечий.

– Кто явился в наши владения? Почему человечий дух стоит? – заворчало светило.

– Может, и пахнет человеком, может, и кажется, – отвечает Луна. – А что, если зять придет к нам, испепелишь его?

– Нет, не трону, клянусь своим светом! Эх, хоть бы краешком глаза поглядеть на него!

Тут Луна, не мешкая, обратила Невезучего снова в человека.

Солнце приветливо поздоровалось с зятем, ласково спросило, зачем он пожаловал.

Рассказал Невезучий, чего требует от него завистливый царь, а заодно и о себе поведал: как пострадал от громовержца Элиа, от волка да и от самого Солнца.

– Что было – было, – усмехнулось Солнце. – Отдохни с дороги в моем саду. Свое слово потом скажу.

Повело Солнце Невезучего в свой небесный сад.

Идет бедняк, оглядывается по сторонам, диву дается: одни деревья цветут, другие зеленеют нежной листвой, на третьих наливаются соком диковинные плоды.

– Сядь, посиди. Поесть тебе принесут. И волка того увидишь, и громовержца Элиа, – молвило Солнце и оставило Невезучего одного.

Пришел волк, расстелил перед Невезучим скатерть. Пришел громовержец Элиа, принес еду и питье.

Напустился Невезучий на громовержца Элиа.

– Ты зачем побил мое поле градом? Зачем погубил урожай? Что я тебе плохого сделал?

Поколотил Невезучий громовержца своей здоровенной дубинкой, бил его, пока душу не отвел.

Накинулся потом парень на волка.

– Ты зачем украл овцу из моей отары? Три года я глаз не смыкал, шерстинке с овцы упасть не давал, а из-за тебя в последний миг уговора не сдержал.

Спросил, а ответа ждать не стал – поколотил волка, чуть шкуру с него не спустил.

Рассчитался Невезучий с обоими и сел обедать. Немного погодя пришло к нему Солнце.

– Ну, как, сынок, доволен? Воздал должное своим обидчикам? – спрашивает оно Невезучего. – И я виноват перед тобой. А чтобы искупить свою вину, избавлю тебя от злого царя. Возвращайся на землю и скажи ему: «Не бывать тебе зятем Солнца. Станешь ты зайцем, а назир-визири твои – волками».

Поблагодарил Невезучий Солнце и рассказал ему про рыбу, пахарей и пастухов.

– Помоги им, светило светлое! Ты все знаешь, все можешь.

– Рыбу ударь крепко по брюху, она мешок с деньгами проглотила, оттого ее и раздуло. Пахарям вели сменить деревянный сошник на железный, тогда не будет ломаться. А овец весной надо стричь. Жарко им летом, потому и гибнут.

Попрощался Невезучий с Солнцем и по золотым ступенькам спустился на землю.

Впереди колечко катится, за ним Невезучий идет. Докатилось колечко до склона горы, где пастухи овец пасли. Подошел к ним Невезучий и говорит:

– Не забыл я о вас, узнал у Солнца, как вашей беде помочь. Стригите весной овец, жарко им летом, оттого и гибнут они.

Покатилось колечко дальше, докатилось до широкого поля, где трудились пахари. Подошел к ним Невезучий и говорит:

– И о вас не забыл, узнал у Солнца, как вашей беде помочь. Смените деревянные сошники на железные, не будут тогда ломаться.

Покатилось колечко дальше и привело Невезучего к берегу моря. У берега рыба лежит, раздуло ее, еле дышит.

– Не забыл ли ты обо мне, человек, узнал ли, как моей беде помочь? – спрашивает она Невезучего.

– Нет, не забыл и твоей беде помогу.

Ударил он рыбу по брюху, и вывалился из нее мешок с деньгами.

Покатилось колечко дальше – прямо к царскому дворцу. Не ожидал завистливый царь увидеть Невезучего, не думал, что вернется он живой. Почернел царь от злости.

– Не бывать тебе, царь, зятем Солнца. Станешь ты зайцем, а визири твои – волками!

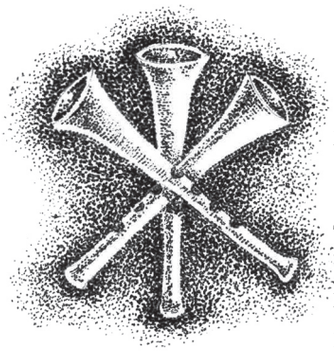
Только молвил так Невезучий, обратился царь в зайца, а назир-визири обернулись волками. Растерзали волки зайца.

Вернулся Невезучий домой к своей жене-красавице и поведал обо всем, что с ним приключилось. Обрадовалась жена, что вернулся муж цел и невредим и сумел спасти ее от завистливого царя.

На том и сказке конец.

Голубой ковер

ил царь. И был у него единственный сын.

Вот вырос царевич, взрослым юношей стал. Глядит на него царь, любуется и думает: «Старею я. Надо бы мне царство сыну передать. Хорошо, кабы и у него маленький наследник рос. Тогда мог бы я умереть спокойно».

Вот подзывает он однажды царевича к себе и говорит:

– Не время ли тебе, сынок, невесту себе поискать? Пора и своей семьей обзаводиться.

И повел его царь в большую залу. Все стены ее портретами были увешаны – и на всех портретах девушки нарисованы, одна другой красивее, одна другой милее.

– Вот, сынок, – говорит царь, – выбирай себе жену.

Обошел царевич всю залу, все портреты разглядел и говорит отцу:

– Нет, батюшка, не могу себе по сердцу ни одной выбрать. Все они красавицы, слов нет. А ни к одной из них у меня душа не лежит. Позволь мне лучше самому все наше царство обойти. Может быть, я и встречу свою суженую.

Царь согласился, и отправился царевич в путь.

Ходит он по родной земле, ходит по горам, по виноградникам, в древние города заходит, в деревни заглядывает. Много девушек в его родной стране, много красавиц и умных, и добрых, а не лежит к ним сердце царского сына.

Но вот однажды в горах, на краю бедного селения, встретил он девушку – стройную, как кипарис, с косами, словно коричневый шелк. Увидал царевич девушку и понял, что ее одну будет любить всю жизнь.

Вошел он к ней в саклю и сел рядом.

– Выходи за меня замуж, красавица, – просит.

– Кто ты? – девушка спрашивает.

– Я – царевич.

– А что ты умеешь делать? Какое ремесло знаешь?

Удивился юноша.

– Ремесла я не знаю. Я же говорю тебе, что я – царевич.

Засмеялась девушка.

– Быть царевичем – это еще не занятие. Сегодня ты царевич, а завтра нет. Чем тогда будешь семью кормить? Пойди, научись какому-нибудь ремеслу. Научишься – тогда выйду за тебя замуж, а нет – больше не показывайся.

Опустил голову царевич, вышел из сакли печальный. Какому ремеслу научиться – не знает.

Вернулся он во дворец, рассказал отцу о своем горе. Улыбнулся царь:

– Не печалься, сынок. Это дело поправимое.

И приказал он созвать к себе во дворец мастеров-ремесленников со всего царства. Пришли на царский зов кузнецы и печники, бондари и ткачи да плотники. Стоят в золотой зале, ждут царя, между собой шепчутся, не знают, зачем их царь призвал.

И вот выходит из покоев царь и с ним царевич.

Поклонились им ремесленники.

– Здравствуйте, мастера, – говорит царь. – Собрал я вас сюда вот по какому делу. Хочет мой сын, царевич, выучиться какому-нибудь ремеслу. Кто из вас может его в науку взять?

Зашептались мастера, головами закачали. Нелегкая это задача – царского сына простому ремеслу учить.

– Ну, что же, никто не решается? – спрашивает царь. И подзывает он к себе мастера-слесаря, который во дворце все замки ставил. – Я знаю, ты хороший мастер. Берешься обучить царевича слесарному делу?

Растерялся слесарь.

– Отчего не обучить, ваше величество? – отвечает. – Да не знаю, угожу ли.

– А сколько времени нужно, чтобы хорошим слесарем стать? – спрашивает царевич.

Подумал слесарь.

– Да года три нужно...

– Ну, это мне не подходит, – говорит юноша. – Столько времени моя невеста ждать не станет.

Подозвал царь бондаря и спрашивает:

– Сколько времени нужно, чтобы царевича твоему ремеслу обучить?

Поклонился бондарь царю.

– Два года, ваше величество.

– Нет, и это слишком долго, – говорит царевич.

Мастера за мастером – всех царь спросил. Наконец дошел до последнего. Это был старый ткач – редкий искусник. Ткал он ковры такой красоты, что любоваться на них из других стран приезжали.

– Ну а ты, старик, неужели не поможешь? – спрашивает царь.

Подумал старый ткач, потер лоб.

– Хорошо, ваше величество. Я обучу царевича моему ремеслу.

– А во сколько времени? – спрашивает царевич.

– В три дня, – говорит старик.

– Вот на это я согласен, обрадовался царевич. – Три дня – срок невелик!

Пошел царский сын за старым ткачом и пробыл у него три дня. А когда вернулся во дворец – умел он ткать такие ковры, что были они не хуже работ его учителя. Выткал царевич чудесный ковер и повез его показывать своей невесте.

Приезжает он в селение, входит в саклю, ковер перед глазами красавицы раскидывает.

– Вот, погляди, чему я научился. Пойдешь теперь за меня замуж?

– Теперь пойду, – говорит девушка.

Привез ее царевич во дворец. Очень девушка царю и царице понравилась. Благословили они сына, сыграли счастливую свадьбу, и зажил царевич с женой в мире и согласии.

Несколько лет прошло. Умер старый царь, и стал царевич царем. Вот как-то раз и говорит он жене:

– Хочу я пройти по своей земле, чтобы разузнать и проведать, что подданные про меня говорят, не затевает ли кто измену. Но сделаю я это потихоньку, чтобы никто не знал.

Оделся он в рубище нищего, взял сумку и палку и отправился бродить по стране. А государством управлять жене поручил.

Долго ходил царь по городам и селам. Пора ему скоро и домой возвращаться. Да однажды вечером заблудился он в горах и попал в дикое ущелье. Называлось оно Змеиным, и недобрая шла про него слава. Сбился царь с дороги и попал в руки разбойникам. Потащили его разбойники в свою пещеру. А царь кричит:

– Не смейте меня трогать! Я – царь.

А разбойники смеются:

– Вот еще выдумал! Станет наш царь в таких лохмотьях по горам шататься!

– Если ты царь, так давай выкуп! – кричат одни.

– Прикончим его. Что с него взять? – говорят другие.

А царь и отвечает:

– Денег у меня с собой нет, но убивать меня вам все-таки невыгодно. Я могу соткать такой ковер, какого еще никто не видал. Продадите его – много денег получите.

Задумались разбойники.

– А долго ты ткать будешь?

– Нет, недолго. В три дня всю работу закончу.

– Ладно, – говорят разбойники, – три дня подождать можно. Принимайся живее за работу.

Заперли они царя в подземелье, дали ему шерсти и шелку.

Принялся царь ковер ткать. Еще третьи сутки не кончились, как ковер готов был. Вышел он весь голубой, золотыми цветами заткан. По всем четырем краям диковинные узоры бегут, между сказочными цветами невиданные птицы крылья распустили.

Глянули разбойники на ковер – так и обомлели.

– Да, такая работа дорого стоит. Повезем ковер в город продавать.

Взяли они ковер и поехали в город. Целый день по базарам и по купцам ходили, чудесный ковер купить предлагали. Да не нашли покупателя. Дивятся все мастерской работе, оценивают ковер в тысячи, а купить – ни у кого денег не хватает. Так и вернулись разбойники вечером в горы. Злые вернулись и заходят к царю в подземелье.

– Никто твоего ковра купить не может. Денег даже у купцов не хватает. Ни к чему твой ковер. Завтра казним тебя.

А царь и говорит:

– Погодите еще немножко. Поезжайте завтра прямо во дворец и просите, чтобы вас к жене царя допустили. Уж она-то купит мой ковер.

Подумали разбойники, посудили и согласились. Утром поехали двое из них в царский дворец. Приезжают, просят допустить их к царице. А придворные не пускают:

– Занята царица, не до вас ей.

Развернули тогда ковер разбойники.

– Поглядите, что мы ей продавать привезли.

Ахнули придворные, в глазах у них зарябило.

– Ну, ради такого чуда придется о вас доложить.

И пропустили разбойников к царице. А царица грустная сидит, целые дни плачет. Скучает она, беспокоится о муже. Давно все сроки прошли, а царя все нет и нет.

Вошли разбойники, поклонились.

– Погляди, царица, какой ковер у нас. Не купишь ли?

Глянула царица на ковер – и обмерла. Это не узор диковинный, это буквы причудливые по краю ковра вытканы, а из букв надпись выходит: «Я в плену у разбойников в Змеином ущелье. Присылай помощь, не то меня казнят».

И виду не показала умная царица, что прочитала надпись. Заплатила разбойникам, не торгуясь, сколько за ковер спросили. А только они из комнаты вышли, царица всех своих главных полководцев к себе потребовала и приказала тотчас в горы отправляться, царя выручать.

Сидят вечером разбойники в своей пещере, делят деньги полученные. И вдруг – шум за дверями, крики, топот: целый отряд военных на ущелье наступает.

Ворвались полководцы в пещеру, стали стены ощупывать, подземный ход искать. Спустились в подземелье – и вышел оттуда царь, бледный, оборванный, в лохмотьях.

Схватили тут разбойников, руки всем связали и в город на суд повезли.

А царица мужа во дворце встречает и говорит:

– Уж не думала я тебя в живых видеть.

Отдохнул царь, поел, вымылся, опять свое платье царское надел. Вышел вечером с царицей в сад, сел под розовыми кустами. А царица и говорит ему:

– Ну, что бы ты стал делать, если бы ремесла не знал? Не помогло бы тебе, что ты царь! Убили бы тебя разбойники.

Ирмиса

или-были, а может, и нет, старик со старухой. Родился у них на старости лет мальчик. Вскоре старик умер. Осталась старуха одна – трудно ей стало жить. Повела она сына в лес к хромому оленю и попросила его выкормить мальчика оленьим молоком.

Прошло время. Мальчик подрос и стал бегать с оленем по лесу. Охотился в том лесу однажды юный царевич. Увидел он хромого оленя с мальчиком и так изумился, что бросил охоту. Велел слугам поймать мальчика, привести к нему, да никто его догнать не мог. Не подпускал он к себе людей.

Вернулся царевич во дворец и попросил отца выковать ему цепь в семьдесят пудов и дать сто сорок слуг.

Выполнил царь желание сына.

Отправился царевич в лес, чтобы поймать мальчика. Выследили слуги мальчика с оленем, раскачали цепь и набросили на него. А мальчик рванулся и разорвал цепь, как ниточку. Хлестнули концы цепи слуг, сбили их с ног. Убежал мальчик, пропал из виду.

Вернулся царевич домой и просит отца выковать ему цепь вдвое крепче и длиннее. Выследили слуги мальчика во второй раз, накинули на него цепь, а он и ее порвал. Огорчился царевич, но от своего не отступает, хочет изловить лесного мальчика. В третий раз попросил он отца выковать цепь – втрое крепче и длиннее первой!

Заарканили этой цепью мальчика, не сумел он разорвать ее. Усадил царевич его на своего коня и привез во дворец.

Мальчика прозвали Ирмиса, что значит «принадлежащий оленю». Поскольку Ирмиса не умел говорить, он сторонился людей. Но прошло время, и научился он говорить и есть то, что люди едят.

Подружились Ирмиса и царевич, стали вместе на охоту ходить. Только Ирмиса никогда не убивал зверей – жалел их. А был Ирмиса сильный – равного ему по силе не найти было во всем царстве!

Однажды Ирмиса и царевич забрели в дремучий лес и сбились с пути. Долго плутали они по глухим ущельям, пока не выбрались на какую-то тропку. Привела их тропка к морскому берегу.

Пусто на берегу. Дом один стоит да яблоня растет перед ним. Нагнулся царевич, подобрал с земли паданец и стал есть.

– Зачем ты червивое ешь? – удивился Ирмиса.

Стукнул он кулаком по стволу, и посыпались с веток яблоки, покрылась земля золотисто-красными плодами. Сидят Ирмиса и царевич под деревом, едят яблоки. Вот склонился день к вечеру, и вышел из моря дэв.

– Чего расселись тут! Вы кто такие? – закричал он на пришельцев.

– Подойди – узнаешь, – отвечает Ирмиса.

Не успел дэв шагу ступить, накинулся на него Ирмиса, повалил и придавил коленом. А из моря вышел второй дэв и тоже налетел на Ирмиса. А тот и второго дэва повалил – прямо на первого – и также придавил его коленом. Выскочил из моря третий дэв, увидел, что поборол человек его братьев, и как закричит:

– Ах ты, козявка-малявка, убить моих братьев хочешь? В порошок тебя сотру!

Машет дэв кулаками, подступает к Ирмисе.

Схватил тот его за руку и повалил на первых двух братьев.

– Убить вас или нет? – спрашивает Ирмиса.

– Не убивай, – взмолились дэвы, – братьями тебе будем!

Отпустил Ирмиса дэвов, и повели они пришельцев пировать в дом. Пошли хозяева в марани[1] за семилетним вином.

– Не пей вина, – тихо говорит Ирмиса царевичу. – Свалит вино с ног, и съедят тогда нас дэвы!

Принесли дэвы большой бурдюк вина. Подали рог с вином Ирмисе, а тот повернулся к окошку и спрашивает:

– Куда вон та тропинка ведет?

Пока дэвы в окошко глядели, Ирмиса выплеснул вино под стол. Подали дэвы рог с вином царевичу. Повернулся царевич к другому окошку и спрашивает дэвов про другую тропинку. Пока дэвы в другое окошко глядели, царевич тоже выплеснул вино под стол.

[1] *Помещение для хранения вина.*

Кончили есть. Поблагодарили Ирмиса с царевичем хозяев и легли спать. Только дэвы заснули, встали Ирмиса с царевичем и пошли искать дорогу дальше.

Мало ли прошли, много ли, дошли до большого дома под горой. Пустил Ирмиса стрелу в дверь. Думает, выйдет хозяин. Никто не вышел из дому. Тогда зашли юноши в виноградник возле дома, нарвали винограда и разлеглись в тени. Едят они виноград, наслаждаются прохладой.

К вечеру явилось семь дэвов. Принесли они семь оленьих туш и побросали во дворе. Пошли за котлом, а в дом не войти – прибило стрелой дверь к косяку, не открывается!

Ухватились все семером за стрелу, да куда там – не вытащить! Глядит на них Ирмиса, покатывается со смеху.

Оглядываются дэвы по сторонам, не поймут, кто это над ними насмехается, кто осмелился без спросу в их владения забраться. Увидели людей в винограднике и раскричались:

– Эй, вы, как посмели в наш сад забраться, нашим виноградом лакомиться?

– А, вам винограда жалко, тогда мы и на ужин у вас останемся! С дороги попить, поесть охота, – бесстрашно отвечает Ирмиса.

«Не будь он сильным, не стал бы так смело говорить с нами! И стрелу, видно, он всадил в дверь», – решили дэвы и притихли.

– Ладно, вытащи стрелу из двери, вынеси из дому котел, да поставь на треногу, – попросили они Ирмису.

Сварили дэвы оленье мясо, поужинали с гостями у очага. А когда закончили есть, поблагодарили гости хозяев и спрашивают, как им до своего дома добраться, долго ли туда идти.

– Долгой дорогой сорок дней идти, короткой – десять, но ведет она мимо дома стоглавого дэва. Не пропустит он вас, погибнете, – отвечают дэвы.

– Там видно будет, кто погибнет! – говорит Ирмиса. Попрощались друзья с дэвами и пошли короткой дорогой.

Не много, не мало прошли они и дошли до дома стоглавого дэва. Дэв спит на террасе, а девушка-пленница мух от него отгоняет.

– Уходите, покуда целы. Проснется дэв и съест вас, – шепчет она юношам.

– За нас не бойся. Сойди-ка во двор, расскажи, как сюда попала, – говорит ей Ирмиса.

– Не могу, искусают мухи дэва, худо мне придется.

Уговорил ее Ирмиса, и спустилась девушка во двор. Только она отошла, мухи дэва искусали. Проснулся он и как взревет:

– Кто увел мою пленницу? Куда она делась?

Тут заметил он пришельцев и кинулся, разъяренный, во двор, схватил под террасой стопудовую палицу и как швырнет в Ирмису. Увернулся юноша. Угодила палица в дуб, и повалилось дерево. Налетел стоглавый дэв на Ирмису. Долго они бились, то один одолевал, то другой. Подхватил дэв Ирмису и всадил в землю по колени. Выскочил Ирмиса, приподнял дэва и по пояс вогнал в землю. Выхватил потом меч, занес над дэвом и спрашивает:

– Говори, поганище, жизнь или смерть?

– Жизнь, – молит стоглавый дэв. – Даруй мне жизнь – отдам тебе все свое добро!

– Оставь добро себе! Отдашь царевичу всю свою силу.

Вытащил Ирмиса дэва из земли, а коварный дэв снова набросился на него. Ирмиса приподнял дэва и по плечи всадил в землю. Тогда поклялся стоглавый дэв небом над головой и землей под ногами, что отдаст царевичу всю свою силу.

Вытащил Ирмиса дэва из земли, оставил с ним царевича, а сам ушел настрелять дичи. Вернулся к вечеру, глядит: лежит царевич на куче золы чуть живой. Это стоглавый дэв лишил его сил. Рассердился Ирмиса, набросился на стоглавого дэва и прижал его к земле.

– Почему слова не сдержал, поганище?! Всажу тебя по шею в землю, будешь меня слушаться!

Затрясся дэв от страха и тотчас вернул царевичу его силу да еще свою ему отдал.

Ирмиса с царевичем взяли с собой девушку-пленницу и пошли путем-дорогою дальше.

Не успели они отойти от дома стоглавого дэва, ураганом налетел на них каменный дэв – Дэвкажиани, подхватил девушку и взвился опять в небо.

Вернулись друзья к стоглавому дэву и спросили, как найти дорогу к Дэвкажиани.

Указал дэв дорогу и говорит:

– Дойти до его жилья дойдете, войти – не войдете. Не поймать вам Дэвкажиани, не одолеть его. Дэвы справиться с ним не могут, забросает он вас черными тучами!

– Пронзят наши стрелы тучи, пронзят наши мечи и самого Дэвкажиани! – отвечает Ирмиса.

– Не возьмут Дэвкажиани ни меч, ни стрела, не при нем его душа. В девятиглавом дэве душа Дэвкажиани, за девятью горами, на Черной горе, и стережет ее Бессмертный олень.

Пошли друзья искать Дэвкажиани. Шли они, шли и дошли наконец до круглой горы, где жил непобедимый дэв.

Внутри горы все гудит, а из вершины пламя вырывается – это Дэвкажиани дышит. Обошли Ирмиса с царевичем гору – нет нигде входа, не попасть в нее!

Отправились они тогда искать девятиглавого дэва. Перебрались юноши через девять гор, а за девятой горой – неоглядное поле, за полем – Черная гора. В поле триста косарей косят траву, складывают в три стога. Подошел к ним Ирмиса, поздоровался:

– Зачем вам столько травы? – спрашивает.

– Бессмертного оленя кормить. Он раз в день с Черной горы спускается и три стога в три минуты съедает. Если мало накосим, перетопчет нас всех, – отвечают косари.

– Хватит косить! Забирайте траву охапками и уходите отсюда назад, за девять гор! – велит Ирмиса косарям.

Отказываются косари уходить, боятся Бессмертного оленя. Ирмиса с царевичем отняли у них серпы и закинули за Черную гору. Прогнали косарей с поля, заставили унести скошенную траву. Потом спрятались сами в высокой траве и ждут оленя.

Спустился Бессмертный олень с Черной горы и погнался за косарями. Как исчез олень из виду, вскочили юноши и понеслись к Черной горе.

Взбежали на вершину и стали, не могут дальше и шагу ступить – слепит их ярким светом девятиглавый дэв! Висит дэв на дереве и светится слепящим светом. Подобрался Ирмиса кое-как к дэву, перерезал мечом веревку, и грохнулось чудище на землю. Только свалился – перестал светиться. Разрубил Ирмиса дэва пополам – разрубил и душу Дэвкажиани.

Вернулись Ирмиса с царевичем к круглой горе и смотрят: не выбивается больше из вершины пламя, не вырывается из недр гул.

Спустился Ирмиса через отверстие в гору и вынес девушку-пленницу. Отправились они втроем дальше. Шли день до вечера. Настала ночь, и легли путники спать под чинарой. Ирмиса лежит, глаз не смыкает: как бы снова не похитили девушку.

В полночь на чинару уселись злые духи – каджи. Увидели они людей и прокляли их:

– Пусть царевич споткнется и насмерть разобьется возле своего дома, – сказал один.

– Пусть девушка сломает ногу, как станет надевать золотые башмаки, – молвил другой.

– Пусть налетит ночью на дворец дракон – гвелвешапи – и проглотит их всех, – добавил третий. – А кто слышал нас да проговорится, пусть обратится в камень-тень.

Все слышал Ирмиса, но утром он ничего не сказал ни царевичу, ни девушке. Побоялся обратиться в камень-тень.

Много ли шли, мало ли, добрались друзья до дома. Только ступили они на царский двор, споткнулся царевич, а Ирмиса подхватил его и не дал упасть.

Обрадовался царь, когда увидел своего сына целым и невредимым. Понравилась царю прекрасная девушка, и он тут же решил женить на ней царевича. Велел он слугам принести для нее золотые башмаки. Взяла девушка золотые башмаки, хотела обуться, а Ирмиса вырвал их у нее и втоптал в землю. Обиделась девушка на Ирмису, даже перестала разговаривать с ним.

Наступила ночь. Улеглись все спать. Ирмиса не спит, охраняет дворец.

Вдруг загудело, засвистело вокруг, задрожал воздух – летит на дворец гвелвешапи! Взмахнул Ирмиса мечом и одним махом разрубил чудище надвое – словно две горы рухнули на землю.

Утром стал царевич допытываться, как Ирмиса проведал про гвелвешапи. Ничего Ирмиса не сказал ему. Обиделся царевич и тоже перестал разговаривать с другом. Не выдержал Ирмиса этого и рассказал, что слышал от злых каджи. Произнес он последнее слово и обратился в камень-тень.

Увидела это девушка и заплакала горько. Упала ее слеза на камень-тень, и ожил Ирмиса к великой радости девушки и царевича.

Цикара

ил на свете, а может, и нет, маленький мальчик. Мать у него умерла, и отец женился еще раз. Мачеха была злая, бессердечная женщина. Не давала она мальчику житья – и встал он не так, и сел не так. С утра раннего об одном думала: как бы помучить пасынка. Заставит его принести воду из дальнего родника, а потом выльет. «Мутная, – говорит, – иди снова неси». Пошлет его пасти коров, даст на весь день кусок черствого хлеба и накажет: «Сам поешь, прохожих накорми и домой принеси». По каждому пустяку бранила и наказывала мальчика – запрет в комнате и начнет избивать.

Некому было защитить сироту. Один только бык Цикара оберегал его от злой мачехи. Как услышит крик мальчика, налетит Цикара на дом, ударит рогами так, что весь он задрожит. Со страху мачеха тут же выпустит пасынка – не обрушилась бы кровля! Мальчик очень любил Цикару: пас его до вечера, купал в речке и укрывал в жару под раскидистой чинарой.

Стала мачеха думать, как избавиться от мальчика и его защитника. И придумала.

Улеглась однажды в постель и начала охать да ахать, стонать и плакать. Прикинулась больной.

– Все-то у меня болит, все нутро горит, – жалуется она мужу.

– Чем тебя лечить, чем помочь? – спрашивает муж.

– Дай поесть печень Цикары. В ней одной мое спасение.

Знает злая мачеха: зарежут быка – умрет мальчик с горя. Жаль мужу резать быка. Бьет он себя по голове, причитает.

– Что за напасть! Как мне кормильца нашего зарезать! Как без него жить станем!

– Ты моей смерти хочешь! – кричит женщина.

Пришлось мужу согласиться – не умирать же человеку.

Взял нож и стал точить.

– На что тебе острый нож? – спрашивает сын.

– Цикару резать!

Опечалился мальчик, еле слезы сдерживает. Просит отца позволить ему свести быка в последний раз на водопой.

Пришли они к речке. Пьет бык воду, а мальчик обливается горючими слезами.

– Не плачь, дружок, не горюй! – молвил вдруг Цикара человечьим голосом. – Знаю, хотят меня зарезать. И тебя погубит злая мачеха. Сходи домой, возьми гребень, кувшин для воды и кремень. Убежим с тобой отсюда.

Принес мальчик все, что велел бык, и покинули они с Цикарой родные места.

Отец ждал сына, ждал, не дождался, пошел к реке. А там – ни быка, ни мальчика! Кинулся он в одну сторону, кинулся в другую. Ищет их повсюду, не может найти, будто в воду канули.

Как узнала мачеха, что пасынок перехитрил ее, вскочила с постели и от злости начала все рвать и ломать.

Был у мачехи кабан, злющий-презлющий, вроде нее самой. Погнала она его вернуть беглецов.

Мчится Цикара, уносит подальше от мачехи своего маленького друга. Несется за ними клыкастый кабан.

– Оглянись, дружок, нет ли погони? – говорит бык.

Оглянулся мальчик.

– Далеко-далеко за нами кабан бежит!

– Смерть настигает нас, вылей из кувшина воду!

Вылил мальчик воду, и разлилось за ними грозное море. Бушует, волнуется, а кабан не испугался, бросился в воду и плывет по волнам. Плыл он, плыл и переплыл море. Выбрался на сушу и помчался напролом.

– Оглянись, дружок, нет ли снова погони? – говорит Цикара мальчику. Оглянулся мальчик.

– Далеко-далеко кабан за нами бежит!

– Кинь на землю гребень! – велит Цикара.

Кинул мальчик гребень, и вырос позади них лес густой. Деревья тонкие, да так часто стоят, что меж ними мышке хвост не пронести.

Бросился кабан на деревья, срезает их своими клыками. Валятся деревья одно за другим, пробирается он вперед, а лесу конца нет. Не отступает кабан. И вот поредел наконец лес.

Скачет Цикара, уносит мальчика от беды.

– Оглянись, дружок, нет ли погони? – спрашивает он в третий раз. Оглянулся мальчик.

– Далеко-далеко снова бежит кабан!

– Кинь на землю кремень! – велит Цикара.

Кинул мальчик кремень, и поднялась за ними отвесная скала под самые облака. Бьет кабан скалу клыками, вырубает ступеньки и поднимается по ним все выше. Достиг уже середины и вдруг оступился – полетел в пропасть.

Увидели Цикара и мальчик, что не гонится за ними больше лютый кабан, и перевели дух. Знают, не достать их теперь мачехе.

Принес Цикара мальчика в поле под развесистую чинару, усадил на дерево и дал две свирели – веселую и грустную.

– Сейчас я покину тебя, дружок, буду пастись на лугу. А ты сиди на дереве и играй на свирели. Веселая свирель и накормит тебя, и напоит, и позабавит. А будешь в беде – заиграй на грустной, я тут же примчусь выручать, – сказал бык, попрощался со своим другом и ушел.

Сидит мальчик на чинаре, играет себе на веселой свирели.

Услышал его царский пастух и пришел посмотреть, кто так ладно играет. Удивился пастух: сидит на дереве мальчик, играет на свирели, а под веселые звуки бабочки порхают, мальчика забавляют. Позавидовал ему пастух, захотел отнять у мальчика свирель и говорит:

– Сойди-ка с дерева, покажи свирель, из чего она сделана, такая красивая.

Но мальчик не послушался пастуха и не спустился. Тогда пошел завистливый пастух к царю и рассказал ему о мальчике и его свирели, под звуки которой бабочки порхают.

Царь созвал своих назир-визирей и велел тотчас привести к нему того мальчика. Назир-визири призвали старуху-ведунью посоветоваться, как снять мальчика с дерева.

– Я сама справлюсь с ним, сама приведу его к царю, – говорит им старуха.

Взяла она козу, шило, два сырых полена и пошла к раскидистой чинаре.

Мальчик не чует беды, все играет на веселой свирели.

Старуха развела под чинарой огонь. Сырые дрова чадят, дым поднялся и застлал все кругом. Закашлялся мальчик. А старуха колет шилом козу. Больно козе, блеет она жалобно.

– Что ты там делаешь, бабушка? Отчего коза так кричит? – спрашивает мальчик.

– Ей стянуло шею веревкой, никак узел не развяжу и огня не разведу. Сошел бы, сынок, помог старушке!

Оставил мальчик волшебные свирели на дереве, сам спустился на землю помочь старухе. Откуда ему знать, что у старой на уме? А старуха дала мальчику понюхать какой-то цветок, усыпила его и унесла во дворец.

Царь разбудил мальчика и приказал ему сыграть на волшебной свирели, а свирели на чинаре остались.

Заточили мальчика в башню за девятью замками. Сидит он взаперти, плачет с горя.

Утром заглянуло солнце в башню, улыбнулось мальчику, и легче стало у него на душе. Стоит он у окна и видит: ворона летит.

– Ворона, ворона, сделай милость, слетай в поле, принеси мне свирели с высокой чинары! – крикнул ей мальчик.

– Нет, не принесу. Вы, мальчишки, камни в меня швыряете, – прокаркала ворона и пролетела мимо.

Мальчик посмотрел ей вслед и опять заплакал. Летит мимо башни галка. Кличет ее мальчик:

– Галка, галка, ради твоих деток, слетай в поле, принеси мне свирели с высокой чинары!

– Нет, не принесу. Вы, мальчишки, мои гнезда разоряете, – прокричала галка и пролетела мимо.

Мальчик посмотрел ей вслед и еще сильнее заплакал.

И вдруг увидел он в небе ласточку. Запел мальчик жалобно:

– Куда спешишь, ласточка?
Слетай в долину, милая,
Там журчат родники,
Там порхают мотыльки.
Краснокрылые.
На чинаре, ласточка,
Ты увидишь, милая,
Там свирели мои,
Сохнут без меня,
Принеси их сюда.
Острокрылая!

Полетела ласточка в поле к высокой чинаре. Принесла мальчику обе свирели.

Заиграл мальчик на грустной свирели, и словно заплакала она.

Услышал Цикара печальную песню свирели и тотчас помчался вызволять из беды своего друга. Подскочил он к башне, ударил рогами – разлетелись восемь дверей. Налетел еще раз, ударил в девятую, и сломался у него один рог! А дверь цела осталась. Что делать, как друга спасти?

Тут выскочил мышонок из норы и говорит Цикаре.

– Разрешишь взять твою шкуру, когда околеешь, – прилажу тебе рог.

– Хорошо, бери, – говорит Цикара.

Мышонок лизнул сломанный рог, и он тут же прирос так, будто и не ломался.

Разбежался бык, ударил рогами в девятую дверь и выломал ее.

Сел мальчик Цикаре на спину, и умчались они так далеко, что царь даже узнать не смог, куда они делись.

Остановился Цикара посреди широкой долины. Мальчика посадил на высокий тополь, а сам пошел пастись.

Играет мальчик на веселой свирели. Незаметно проходит день за днем.

Много ли, мало ли времени прошло, соскучился мальчик по Цикаре и заиграл на грустной свирели. Не прибежал Цикара на зов друга. Тогда спустился мальчик с дерева, отправился искать его. Искал, искал и нашел мертвым на лужайке.

Припал мальчик к Цикаре и горько заплакал. От жалости к мальчику и травинки плачут, не шелестят, не колышутся, и бабочки не летают, плачут вместе с мальчиком.

– Горе мне, мой Цикара, – рыдает мальчик, – как я буду без тебя! Не хочу я жить без тебя!

И тут откуда ни возьмись появился перед ним мышонок.

– Скажи, ты согласен умереть ради своего друга? – спрашивает он мальчика.

– Согласен! Дай только увидеть Цикару живым!

Забегал мышонок по лужайке, нарвал целебной травки, провел ею по голове быка, и ожил Цикара, вскочил на ноги.

Обнял мальчик друга, ласкает его, целует в глаза. Рад и Цикара, лижет мальчика шершавым языком.

– Хватит вам обниматься! – пищит мышонок. – Некогда мне ждать, пора тебе умирать, мальчик!

Нарвал мышонок смертной травы. Не хочется мальчику умирать, жалко расставаться с Цикарой, но надо сдержать слово – отдать жизнь за друга!

Взял мальчик у мышонка траву. Сейчас проведет ею по лицу и умрет!

Остановил его тут мышонок.

– Дарю тебе жизнь! Вижу – настоящие вы друзья! – сказал он и исчез.

Снова усадил Цикара мальчика на дерево, а сам пошел пастись.

Мальчик по сей день сидит на тополе, играет на веселой свирели, а как соскучится по своему другу, заиграет на грустной, – и верный Цикара тотчас прибегает к нему.

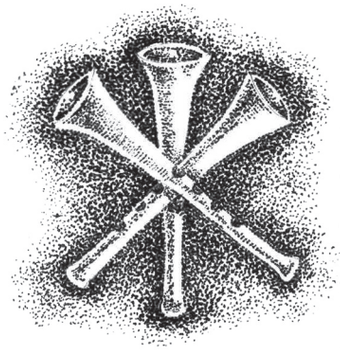

ДАРГИНСКИЕ СКАЗКИ

Когда работающих много, работа спорится.

Шах и бедная девушка

ил-был в некотором городе, в некотором селении один шах. Однажды приказал он, чтобы во всем городе никто не зажигал света. Ночью он вышел из дворца и принялся бродить по улицам, чтобы проверить, как выполняется его приказ. Шел он, шел и вдруг заметил в окошке одного маленького старенького дома слабый свет. То был дом бедной девушки-сироты, которая трудилась ночами, чтобы заработать себе на хлеб. Шах приблизился к ее окошку и услышал, как она говорила про себя:

– Если бы шах женился на мне, я родила бы ему сына с золотыми волосами и девочку с серебряными.

Не сказав ей ничего, шах ушел и на второй день опять приказал не зажигать света в домах.

Стал он опять ходить по городу, проверяя, не горит ли где-нибудь свет, и снова увидел, что в домике светло. Подошел шах, прислушался и опять услышал слова:

– Если бы я стала женой шаха, то подарила бы ему златоволосого мальчика и сребровolосую девочку.

Опять ничего не сказал ей шах и ушел во дворец. На третий день он снова объявил, что нельзя зажигать свет в домах, и снова отправился в город. Вновь он увидел свет в окошке сироты и услышал те же слова. И тогда шах постучался в ее дверь, вошел в дом и спросил ее:

– Значит, если шах женится на тебе, ты родишь ему мальчика и девочку, у которых будут золотые и серебряные волосы?

– Да, – ответила девушка.

Тогда шах женился на девушке и сыграл шумную свадьбу. Вскоре после свадьбы шах отправился, как обычно, в горы, поглядеть на свои отары, проверить скот, испытать коней. Перед уходом он нака-

зал своим нукерам, если родятся дети с золотыми и серебряными волосами, пусть они вывесят на башне красный стяг, а если дети будут обычными – черный.

Вскоре после его ухода молодая жена родила мальчика с золотыми волосами и девочку с серебряными. Как раз в эту ночь ощенилась и ханская сука. И первая жена хана, которая давно жаждала мести, приказала своим слугам подменить детей щенками, а детей заколотить в ящик и бросить в реку.

Вскоре после этого вернулся шах. Еще издали он смотрел на башню, стараясь увидеть флаг, но никакого флага не было. Узнав о том, что жена родила щенков, он пришел в ярость и приказал зашить ее в шкуру буйволицы, не телившейся семь лет, и бросить у входа во дворец, чтобы каждый входящий вытирал о нее ноги и каждый выходящий плевал на нее.

А ящик с детьми плыл по реке и попал под мельничное колесо. Мельник пошел вниз узнать, в чем дело, и нашел ящик. Вытащил он его наверх, открыл и нашел ангелоподобных детей с золотыми и серебряными волосами.

– Какое великое богатство послал нам Аллах, – обрадовались мельник с женой, ибо у них не было детей. Стали они воспитывать их как своих собственных и очень их полюбили. Прошло несколько лет, дети подросли, и родители не могли нарадоваться на них и ни в чем им не отказывали. У каждого из них была даже отдельная комната.

Однажды девочка заскучала и стала просить, чтобы брат пришел к ней. Тот спросил разрешения у отца и пошел. Девочка попросила его:

– Возьми у отца деньги, сходи на базар и купи мне аршин бязи.

Пошел мальчик к отцу, взял у него деньги и, купив на базаре аршин бязи, тайком от родителей отдал его сестре.

Девочка сделала платок и вышила на нем узор золотыми и серебряными волосами. Затем она опять позвала брата и велела ему отнести платок на базар, причем наказала, чтобы он сам цены не называл, но и от предложенной не отказывался, а ей принес бы два аршина бязи. Пришел мальчик с платком на базар, и все, кто там был, поразились красоте узора и необычности ниток. Восторг людей, их удивление были настолько велики, что ни один не осмелился спросить цену платка, полагая, что он не в состоянии будет купить его. Пришлось мальчику возвращаться, не продав платка.

На обратном пути ему встретился купец, который сказал:

– Твой платок хотели бы приобрести многие, но они боятся, что он непомерно дорог. Сходи в лавку перса, что на площади, только он может купить такую вещь.

Пошел мальчик к персу и говорит ему:

– Мне сказали, что ты купишь у меня этот платок.

– Назови цену, куплю, – отвечал тот.

– Дай то, что ты считаешь нужным, – сказал мальчик.

И тогда перс вышел из-за прилавка и, показывая на все свои четырнадцать магазинов, сказал:

– Возьми все мои магазины.

– Не смейся надо мной и дай, что тебе не жалко, – сказал мальчик.

И перс дал ему четырнадцать подвод, груженных всяческим добром, посадил его на одну из подвод и отправил домой. Мальчик отвез богатства на мельницу и вернул подводы перса.

Потом он пошел к сестре и дал ей два аршина бязи. И она опять вышила этот кусок золотыми и серебряными волосами, и когда закончила, попросила отца, чтобы он отпустил ее на базар вместе с братом. Отец разрешил им, и они пошли. И опять все восхищались платком, но никто не спрашивал цены. Когда они возвращались домой, не продав платка, им повстречался купец и посоветовал пойти в лавку армянина. Армянин тоже вышел из-за прилавка и предложил за платок все свои двадцать восемь магазинов, а когда дети отказались, дал им двадцать восемь запряженных верблюдами подвод, груженных серебром и золотом. Когда они получили эти богатства, сестра говорит брату:

– Братик, куда мы теперь пойдем?

– К себе домой, – отвечал тот.

– Нет, – возразила девочка, – пойдем и поселимся на краю этого города.

Вышли они за город, подождали наступления темноты и ночью воздвигли для себя дворец из золотых и серебряных кирпичей, втрое лучше и краше шахского и как раз напротив его дворца.

Утром проснулась жена шаха, вышла на балкон, глянула вдаль и чуть не ослепла. Там, где еще вчера вечером было чистое поле, высился прекрасный, сверкающий на солнце дворец, и в нем она увидела юношу и девушку. Жена шаха стала кусать себе пальцы, так как поняла, что это те самые дети, которых по ее приказу подменили щенками . Быстро позвала она к себе старую колдунью, которая жила в городе, и приказала ей любыми средствами погубить их.

И вот однажды, когда юноша был на охоте, а сестра его сидела одна дома, колдунья постучалась к ней.

– Кто это? – спросила девушка, а старуха сладким тонким голосом говорит:

– Это я, дочь моя, – и вошла в дом.

– Как хорошо вы сделали, что построили дворец лучше шахского, – сказала она, – вот если бы еще в вашем дворе посадить одно красивое дерево, о котором я слышала, то красивее дворца не было бы во всем мире.

Сказав это, колдунья ушла. Когда юноша вернулся с охоты, он застал свою сестру очень печальной.

– Что с тобой, сестрица, – сказал он, – почему ты такая грустная?

– Одна старуха мне рассказала, что за семью горами есть очень красивое дерево. Вот бы посадить его на нашем дворе!

– Хорошо, сестрица, я привезу это дерево, а ты три дня и три ночи холь моего коня, купай его в теплом молоке и пои чаем с сахаром.

И, сказав так сестре, юноша отправился обо всем рассказать коню. Конь сказал ему:

– То дерево находится за высокой стеной, и охраняют его огнедышащие драконы. Когда мы прибудем туда, я прыгну внутрь, а ты обхвати дерево рукой. Тогда я прыгну обратно, но ни в коем случае не говори мне в это время «но», ибо драконы проснутся и спалят нас.

И вот поскакал юноша туда, все сделал, как велел конь, но не выдержал и крикнул:

– Но!

Драконы сразу проснулись и стали осыпать их огнем. Однако царю драконов понравилось, как мужественно вел себя в это время юноша, и поэтому он остановил своих драконов из уважения к его мужеству, а юноше сказал:

– Можешь идти домой, не опасаясь, юноша, и дерево пусть будет навсегда твоим.

Прибыв домой, юноша посадил дерево в середине двора, но конь его чуть не погиб, поплатившись за неосторожность своего хозяина.

На другой день утром жена шаха увидела во дворе напротив дерево, на котором весело пели птички. Она пришла в ярость и, позвав колдунью, сказала ей:

– Ты обещала погубить их, а сама сделала им еще лучше. Смотри, если ты не погубишь их, я казню тебя лютой казнью.

И вот, когда юноша был на охоте, ведьма пришла к девушке и говорит:

– Видишь, дочь моя, как вам пригодился мой совет. На свете нет таких брата и сестры, как вы, златоволосых и сребровolосых, но если бы к вам еще и девушку, которая живет во дворце за семью морями, то никто уж не мог бы сравниться с вами, ибо только эта девушка и достойна быть женой твоего брата.

Ведьма ушла, вернулся с охоты брат. Смотрит, а сестра опять задумчивая сидит. Стал он спрашивать, что с ней, почему она загрустила и кто в этом виноват. А сестра отвечает ему:

– Тут одна старуха приходила и рассказывала о прекрасной девушке, которая живет за семью морями. Вот было бы хорошо, если бы ты привез ее и женился на ней!

– Хорошо, сестрица, только ты шесть дней и шесть ночей холь моего коня, купай его в теплом молоке и корми рисом и изюмом, – отвечал брат и пошел к коню.

– Что скажешь, юноша? – спросил его конь.

– Говорят, за семью горами, за семью морями девушка прекрасная есть. Не сможем ли привезти ее? – сказал юноша.

– Не беспокойся, с помощью Аллаха мы привезем ее, – отвечал конь.

И вот отправились они в путь. Когда были пройдены семь гор, конь остановился и сказал юноше:

– Теперь слезай, ибо я силен только на суше, а через море перебраться не могу. Вон видишь в море скалу из мрамора? Подойди и приподними скалу одним пальцем, и тогда к тебе явится морской конь. Схвати его за шею и не отпускай, как бы он ни старался от тебя избавиться. Тогда он спросит, что тебе нужно, и ты скажи ему, что тебе нужно попасть во дворец за семью морями. Он даст тебе сесть на него, ты зажмурь глаза, но ни в коем случае не позволяй коню вертеть головой. Во дворце будет семь ворот. Первые вышиби кулаком, и в каменном столбе, в нише, найдешь ключи от всех семи комнат. Открывай их все ключами, и в седьмой увидишь тахту и спящую девушку на ней. Рядом с ней будет золотая нагайка. Возьми нагайку и бей девушку. После сорок первого удара она проснется и будет умолять тебя, чтобы ты не бил ее. Но ты не слушай и бей ее, пока она не скажет: «Не бей, я твоя, а ты – мой».

Юноша пошел к морю, и все было так, как говорил конь. Когда девушка сказала ему нужные слова, он велел ей собираться, а она стала

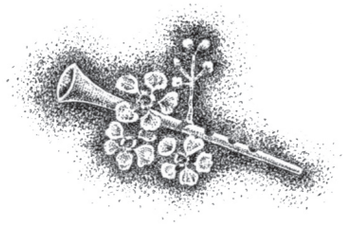
умолять его, чтобы он остался. Юноша и слышать об этом не хотел, и тогда девушка разрушила дворец, и он исчез, как будто его и не было. Затем они сели на коней и очутились на берегу. Конь юноши так беспокоился о своем хозяине, что даже траву не ел и сильно похудел. И до того он обрадовался возвращению юноши, что помчался быстрее ветра и в тот же вечер был у дворца. А жена шаха, убедившись, что ей не удастся погубить брата и сестру, ночью стала жаловаться мужу и упрекать его, что его теперь и за шаха не считают: дворец без спроса рядом с его дворцом построили, а он не наказал гордецов.

– Потерпи, жена, утром разберемся, – отвечал он.

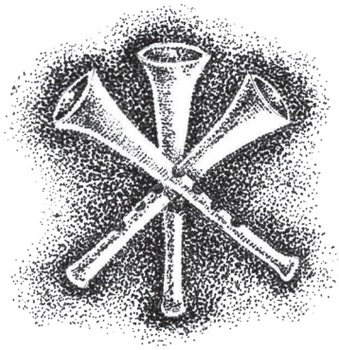
Утром шах послал к юноше человека с письмом, чтобы тот немедленно явился к нему. Юноша пришел во дворец, и визирь шаха, увидев его, не удержался и рассказал шаху, как жена его упрятала детей в ящик и выбросила в реку. Сам он все время знал, где находятся дети, но боялся гнева жены шаха и поэтому никому ни о чем не говорил.

– Теперь же мальчик превратился в богатыря и постоит и за себя и за меня, если понадобится, – добавил он.

Шах очень обрадовался, узнав, что у него есть такие дети, и немедленно послал за своей дочерью и за матерью этих детей. И зажили они после этого счастливой и дружной семьей. Что же касается первой жены шаха, то в наказание за мерзкие дела ее сгноили в тюрьме. Так ей и надо.

Кувшин золота

Жили когда-то на свете три брата и одна сестра. Жили они дружно и не очень бедно, так как братья круглый год работали на своем поле, а сестра вела все хозяйство да одежду и обувь братьям шила. Была у них только одна печаль – младший брат их не был наделен умом и часто подводил их.

Однажды братья были на пахоте. Во время пахоты младший брат зазевался, и лемех слишком глубоко ушел в землю. Раздался скрежет, постромки натянулись, и лемех вывернул из земли большой серебряный кувшин.

Глянули братья – и ахнули. Кувшин был полон золота! Велика была радость братьев, и так им хотелось поскорее поделиться ею со своей сестрой, что в оставшееся время они почти ничего не сделали.

Когда они шли домой, старший брат промолвил:

– Вот сестра обрадуется, теперь ей не надо будет сидеть ночами, чтобы ткать сукно, будем покупать все, что нам нужно.

А младший говорит:

– А люди как удивятся, небось, и не поверят. Ну, ничего, я им докажу! Хотя бы поскорей добраться до годекана[1]!

И тут помрачнели сразу старшие братья: узнают люди – узнает и хан, и тогда прощай золото! Стали братья думать, как скрыть от людей и хана свою находку. Но ничего они не смогли придумать, и поэтому пропала вся их радость, но брата никто не стал упрекать, потому что знали: он не виноват в своем слабоумии.

Пришли они домой, сестра, как всегда, встретила их у ворот и заторопилась принести им воды помыться. А младший брат сразу к ней кинулся и кричит:

[1] *Площадь, место для собраний.*

– Сестрица, а мы нашли кувшин с золотом, теперь ты не будешь ночами работать!

Взглянула сестра на старших братьев, увидела их мрачные лица и сразу все поняла. И тогда она обласкала младшего брата, велела оставаться во дворе, а сама пошла в дом. Здесь она быстро принялась готовить халву из всех своих запасов муки, масла и сахара, а старшего брата попросила отнести большой таз на крышу. Когда все было готово, она объяснила старшим братьям свой план, и все принялись за дело. Старший брат вышел было из дому, но через мгновение вбежал обратно с криком.

– Дождь из халвы идет!

И стал снимать с головы и плеч куски горячей халвы.

Дурачок хотел выбежать, но сестра удержала его, сказав, что он может умереть от ожогов. Старший брат поддержал сестру и сказал, что средний брат прячется во дворе, не успев добежать до дому.

– Если хочешь халвы, – добавила сестра, – садись у очага, достаточно будет того, что упадет туда.

И действительно, туда уже падала халва. Дурачок с радостным криком бросился к очагу и стал ею лакомиться. А средний брат сидел на крыше, бил в таз и бросал в очаг куски халвы.

На второй день братья увели дурачка в поле, на третий – тоже, а вечером под разными предлогами не выпускали его из дому. Наконец через несколько дней дурачку удалось выбраться на годекан, и он сразу же начал рассказывать о кувшине с золотом. Люди насторожились, стали расспрашивать, где и когда это было, а он отвечает:

– А помните день, когда шел дождь из халвы, я еще так сильно ею тогда наелся, что даже живот заболел.

И тогда все вокруг принялись хохотать, и никто больше не стал его слушать, как он ни клялся. А братья зажили хорошо, но особенно хорошо стало теперь сестре. Ну, она уж это заслужила!

Ханский закон

В некотором царстве жил некий хан. Некогда издал он закон, по которому каждого старика, достигшего шестидесяти лет, следовало отвести за город и сбросить с высокого моста.

Однажды отцу одного из подданных хана исполнилось шестьдесят лет, и сын повел его на мост.

Когда сын вел отца к мосту, старик вдруг заплакал.

– Почему ты плачешь, отец? – спросил его сын. – Ведь такова судьба всех стариков, достигших твоего возраста.

– Сын мой, – ответил старик, – не из-за своей жизни я плачу, мне она не дорога, но я вспомнил, что тебе уже сорок, и через двадцать лет и тебя сбросит с моста твой сын. Представив себе это, я не выдержал и заплакал.

И тогда сын старика подумал: «Зачем я должен убивать своего отца, который так любит меня? Лучше я его спрячу». Он выкопал большую яму, спрятал в ней отца и, вернувшись домой, объявил, что старик нашел свою смерть под мостом. Ночью, когда город спал, сын вернулся за отцом и привел его домой. Он поместил его в подвале дома, тайком кормил и поил и так содержал пятнадцать лет.

Надо сказать, что по соседству с ханом этого царства правил еще один хан, еще более могущественный. Однажды отправил он к этому хану людей и велел отгадать загадку. А загадка была такая: хан прислал гладко выструганный ровный брусок дерева и двух одинаковых маленьких жеребят и повелел: «Определи, какой конец бруска был обращен к корням, и какой к ветвям, когда брусок был деревом, и скажи, который из жеребят старше. А не отгадаешь загадку – быть тебе моим слугой вместе со всеми твоими людьми».

Хан очень испугался и приказал отгадать загадку всем своим людям. Однако ни один человек в ханстве не смог этого сделать.

Вечером этого дня старик, которого прятал сын, стал расспрашивать о новостях в ханстве. Сын рассказал ему, что хан из Хунзаха прислал брусок дерева и двух одинаковых жеребят и требует определить, какой конец бруска был направлен к ветвям, какой к корням, когда брусок был деревом, и который из жеребят старше.

Никто в нашем ханстве не смог сделать этого, – продолжал сын, – и теперь наш хан должен стать подданным хунзахского хана.

– О Аллах,– воскликнул старик, – я мог бы отгадать загадку, но ведь если я выйду ради этого, хан казнит меня, а главное – и тебя.

– Расскажи мне, что сделать, – сказал сын, – а я передам это хану, не упомянув о тебе.

Старик сказал тогда:

– Брусок нужно бросить в воду, и тот конец, что был ближе к корням, погрузится в воду глубже, чем верхний. Жеребят же нужно кормить два-три дня, а потом повести к речке. Старший из них пойдет на водопой раньше младшего на целый час.

Вот сын и пошел к хану с отгадкой. И правда: бросили брусок в воду – узнали, который конец верхний, который нижний. Повели жеребят к реке – и узнали, который старше. И миновала хана и его народ злая судьба. И вот тогда хан призвал к себе сына этого старика и потребовал рассказать, откуда и как он узнал отгадку. Как ни отказывался сын старика, хан был непреклонен.

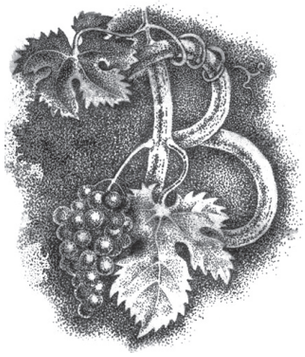
«Все равно помирать, – решил сын, – расскажу-ка я хану правду».

И он рассказал, как пятнадцать лет назад пожалел своего старика отца, не сбросил его в пропасть и тайком содержал до сих пор. Тут-то хан и понял, что напрасно он приказывал избавляться от стариков, и повелел:

– Отныне пусть старики живут хоть до тысячи лет и пусть никто их не трогает.

Так мудрость старика проучила хана и принесла народу избавление от несправедливого закона.

Птица Гуглахай

старые, в давние годы жила птица Гуглахай.

Нашла она в лесу высокое дерево, увидела в дереве дупло, свила птица Гуглахай в этом дупле гнездо и вывела птенцов. Птенцы растут, птица Гуглахай глядит на них, радуется и думает: «Ни у кого таких красивых птенцов нет!»

Шла однажды мимо дерева лиса и услышала, как птенцы в дупле пищат. Остановилась и спрашивает:

– Кто в этом дереве гнездо свил?

– Я, птица Гуглахай.

– А знаешь ли ты, птица Гуглахай, что этот лес весь мой, это дерево мое, в нем дупло тоже мое, и в дупле гнездо мое? Убирайся прочь, птица Гуглахай, – я хочу дерево рубить!

– Лиса, моя светлая княгиня, – говорит птица Гуглахай, – подожди, дай мне птенцов выкормить и вырастить!

– Сколько у тебя птенцов? – спрашивает лиса.

– Трое их у меня, лиса, моя светлая княгиня!

– Почему это трое? – закричала лиса. – Разве ты не знаешь, что вам, глухарям, больше двух птенцов выводить нельзя? Давай мне сюда лишнего!

– Не отдам я тебе свое дитя, лиса, моя светлая княгиня! – отвечает птица Гуглахай.

– Не отдашь? – кричит лиса. – Ну, так смотри, тебе же хуже будет: позову сейчас страшного лесоруба Бази-Аду с острым топором, он это дерево срубит, всех твоих птенцов погубит!

Испугалась птица Гуглахай – кинула лисе птенца.

Лиса отбежала за куст и съела его.

На другой день лиса опять прибежала к дереву, подняла голову и запела:

– Этот лес весь мой, это дерево мое, в нем дупло мое, и в дупле гнездо мое! Гуглахай, Гуглахай, убирайся прочь – я хочу дерево рубить!

Загоревала птица Гуглахай, стала просить лису:

– Ох, лиса, моя светлая княгиня! Позволь ты мне моих двух птенчиков выкормить да вырастить!..

– Не позволю двоих вырастить! – отвечает лиса. – Они драться будут, клеваться будут, мое дерево раскачают. Давай мне одного, я его сама выкормлю, сама выращу.

– Нет, – говорит ей птица Гуглахай, – не отдам я тебе моего птенца!

– Ах, так! – сказала лиса и закричала на весь лес: – Иди сюда, Бази-Аду, страшный лесоруб! Неси свой острый топор! Сруби дерево, на котором птица Гуглахай гнездо свила!

Испугалась птица Гуглахай – кинула в лес второго птенца.

А лиса за куст – съела его и ушла. Сидит птица Гуглахай на ветке возле дупла и плачет.

Летела мимо сорока, села на ветку рядом с птицей Гуглахай и спрашивает ее:

– О чем ты, птица Гуглахай, плачешь?

– Как мне не плакать? У меня лиса двух птенцов отняла, – отвечает ей птица Гуглахай.

– А ты бы ей не давала! – говорит сорока.

– Нельзя было не давать: лиса хотела дерево срубить, страшного лесоруба Бази-Аду звала!

– А ты ей не верь: никакого Бази-Аду здесь нет! А сама она дерево срубить не сможет. Хвостом что ли своим будет рубить?

Посидела сорока и улетела. Рано утром лиса опять к дереву пришла, свою песню завела:

– Этот лес весь мой, это дерево мое, в нем дупло тоже мое, и в дупле гнездо мое! Гуглахай, Гуглахай, убирайся прочь – я хочу дерево рубить!

– Ох, лиса, моя светлая княгиня! – отвечает птица Гуглахай. – Погоди немного, разреши мне последнего птенца вырастить да выкормить!

– Нет, – отвечает лиса, – не разрешу! Ему одному в гнезде скучно будет! Давай его мне, я его сама выхожу, со мной ему веселее будет!

– Мое дитя, – отвечает птица Гуглахай, – я и буду его растить! А ты к своим детям ступай!

– Ах, вот ты как со мной разговаривать стала! Ну, погоди, сейчас я страшного лесоруба Бази-Аду позову. Придет он со своим острым топором, вмиг дерево срубит!

– Зови, зови! – говорит птица Гуглахай. – Посмотрю я, как твой Бази-Аду будет мое дерево рубить!

Стала лиса звать Бази-Аду, а он не идет. Устала лиса, уселась под деревом и спрашивает:

– Кто это тебя надоумил, птица Гуглахай, скажи мне?

Птица Гуглахай говорит:

– Сорока-умница мимо летела, она меня и научила!

– А-а, сорока! – крикнула лиса. – Ну, я ей покажу, как не в свое дело нос совать! – и побежала искать сороку.

А сорока в это время сидела на камне, кость долбила. Лиса подкралась к ней – сорока даже и не заметила как – и цап ее!

– Попалась! – говорит. – Не жди милости у меня! Теперь я тебе, негоднице, припомню, как птицу Гуглахай на ум наставлять!

И сдавила сороку своими острыми зубами.

Видит сорока: беда пришла, не вырваться ей. Пустилась она на хитроть.

– О, – пищит, – лиса, моя светлая княгиня! За дело ты меня наказать хочешь! Если надумала ты съесть меня, – ешь, только скажи: «Хорошую сороку я поймала!», пусть все птицы это услышат!

Разжала лиса зубы и говорит:

– Хорошую сороку я поймала!

А сороке только это и нужно было: взлетела она, села на ветку орешника и говорит:

– Благодарю тебя, лиса, моя светлая княгиня, что послушала меня!

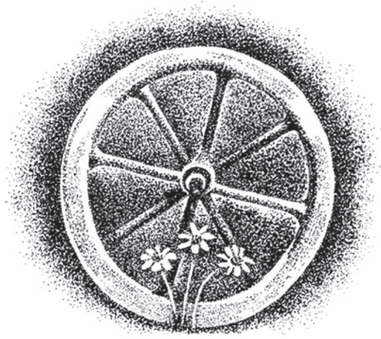
– Глуп тот, кто хвалит свою добычу, прежде чем съест ее, – сказала лиса.

И убежала от стыда далеко-далеко – в другой лес.

А птица Гуглахай своего птенца вырастила, выкормила и вместе с ним песни поет. Кто хочет их песни послушать – послушайте!

Блоха

Однажды под невыросшим кустом, не выстрелив из ружья, я убил еще не родившегося зайчонка. Принес я его домой, положил в котел без дна и сварил на очаге без огня. Жир от зайчонка перелился через край и заполнил весь дом. Куда его девать? Решил я смазать им сапоги. Весь жир ушел на один сапог, а на второй не хватило. Сняв сапоги, я лег спать.

Вдруг я проснулся от страшного шума. Гляжу: шум подняли мои сапоги. Дерутся они насмерть, оба в крови захлебываются.

– Эй, чего это вы деретесь?! – крикнул я им.

Оказалось, что драку затеял несмазанный сапог, он обиделся, что я его обделил. Надоели они мне, разозлился я и закинул оба сапога подальше: смазанный – туда, где море, несмазанный – туда, где горы.

Смазанный сапог угораздило меня зашвырнуть в Теркеме, прямо во двор чиновника-мирзы.

Прошло время, и я получил весточку от смазанного сапога. Сапог приглашал меня прийти к нему за рисом. Стал я собираться в дорогу, вынул шубу и встряхнул ее. И тут из шубы выпала блоха величиной с буйвола. Я решил, что неплохо бы отправиться в путь верхом на ней, пошел в просяные заросли, сделал седло из просяного зерна топором без топорища и молотком без ручки. Принес я седло домой, оседлал блоху и поскакал в Теркеме.

Смотрю: лежат тридцать мешков риса. Взвалил я все эти мешки на блоху и отправился обратно. И тут блоха вдруг занозила себе ножку деревом. Как я ни бился, как ни старался, но вытащить дерево из ножки блохи так и не смог. Пришлось мне вернуться обратно в Теркеме и при-

вести семьдесят пар быков. Заставил я быков тянуть занозу и наконец вытянул. Блоха после всего этого стала слегка прихрамывать.

Добрался я домой, снял мешки с блохи, смазал ей раненую ножку ореховым маслом и отпустил ее в горы – пусть себе поправляется.

Прошло всего два-три дня, и от блохи пришла весточка – она просит меня прийти. Отправился я к ней, раздумывая по дороге: что бы с ней такое могло случиться?

Пришел я и вижу: из ее ножки выросло триста ореховых деревьев. Стал я трясти ореховые деревья, набрал орехов, нагрузил их на блоху – и домой.

Потом я продал орехи, а на вырученные деньги и посейчас живу.

Вот как!

Благодать нисходит туда, где есть согласие.

ИНГУШСКИЕ СКАЗКИ

Золотые листья

Давным-давно, в далекие времена за девяносто девятью горами, где волны моря, набегая друг на друга, плачут, где скалы, ударяясь друг о друга, высекают молнии, жил князь с тремя сыновьями. У князя был большой сад. Днем сад сиял под лучами солнца. Ночью, споря с сиянием солнца, сад освещало дерево с медными ветвями и золотыми листьями. Эти листья каждую ночь похищала какая-то неведомая сила. И князь ничего не мог с этим поделать. Однажды старший сын князя сказал:

– Отец, я пойду охранять дерево.

– Иди, – сказал отец, – Только смотри не усни.

Старший сын отправился караулить. В полночь вдруг поднялся сильный ветер, все небо покрылось тучами. От страха, что ветер унесет его, сын князя обхватил ствол дерева, а злая сила унесла золотые листья.

– Ты узнал, куда деваются листья? – спросил князь у старшего сына, когда тот вернулся утром.

– Я уснул и никого не видел, – ответил он.

На следующую ночь средний сын князя сказал:

– Сегодня, отец, я пойду охранять дерево.

– Иди, – сказал отец, – только смотри не усни.

В полночь вдруг поднялся сильный ветер, все небо покрылось тучами. Средний сын испугался, накрылся полушубком, обхватил ствол дерева и уснул. Когда он проснулся, золотых листьев на дереве уже не было.

– Ты узнал, куда деваются листья? – спросил князь у среднего сына.

– Я уснул крепким сном и никого не видел, – ответил средний сын.

На третью ночь младший из сыновей сказал отцу:

– Сегодня, отец, я пойду охранять дерево.

– Не уподобься старшим братьям, – сказал отец.

И на третью ночь поднялся сильный ветер. Вскочил младший сын князя и вступил в борьбу со злой силой, которая тучами заволокла небо. Высоко, три раза на пятнадцать локтей, подпрыгивал он и наносил удары шашкой. С полночи до рассвета сражался младший сын со злой силой. Только на рассвете ветер стих, а небо просветлело. И тогда увидел младший сын чью-то голову, черный палец с большим ногтем и кровавый след – он вел из сада туда, куда ушла эта неведомая сила.

Утром младший сын князя никому не сказал ни слова, вооружился и отправился по кровавому следу.

В пути он встретил человека, который вырывал с корнями деревья, растирал их ладонями и превращал в порошок.

– Какие чудеса ты совершаешь! – удивился сын князя.

– То, что я делаю, неудивительно – чудеса совершает сын князя! – сказал человек, растиравший деревья в порошок.

– Я – младший сын князя, будем друзьями!

Отправились они дальше вместе и встретили человека, который одним глотком выпивал море, а потом смотрел на рыб, оставшихся без воды, и этим забавлялся.

– Вот чудо! – удивился сын князя.

– Это не чудо, – сказал человек, одним глотком выпивавший море, – чудеса совершает младший сын князя.

– Я – младший сын князя, стань нашим другом!

И они продолжали путь втроем. В пути встретили еще одного человека, который подбрасывал папаху, стрелял в нее, а затем ловил и пулю, и папаху.

– Вот чудо! – удивился сын князя.

– Это – не чудо. Вот младший сын князя – чудо, – сказал и этот.

Стали они четверо друзьями и отправились по кровавому следу. Дошли до одного отверстия в земле. Кровавый след вел к нему.

– Я спущусь, а вы поставьте здесь шалаш и ждите меня, – сказал сын князя.

Вырывавший деревья добывал дрова, стрелявший в папаху охотился, выпивавший море доставал рыбу, а сын князя спустился в отверстие.

Он попал в большой лес, посреди леса был луг, а на лугу бил чистый родник.

«Кто-нибудь должен прийти к этому роднику», – подумал сын князя.

И действительно, вскоре пришла к этому роднику красивая девушка с двумя кувшинами. Она долго плакала, а потом набрала в кувшины воды и ушла.

Пришла девушка еще раз и снова заплакала, потом набрала воды и пошла обратно. Сын князя вышел из укрытия и заговорил с девушкой:

– Почему ты плачешь? Кто обидел тебя?

– Нас было три сестры в верхнем мире, – сказала девушка. – Отец наш был падчах. Однажды ночью трехглавый орел унес нас из башни и привел на этот свет. Чтобы мы не скучали, он каждую ночь приносил нам золотые листья. Вчера он возвратился без одной головы и без пальца. Мои сестры положили себе на колени его оставшиеся головы, сидят и плачут, а я ношу им воду. Когда вода кончается, орел встряхивает головами и до смерти пугает моих сестер.

– Ты скажи орлу, что не можешь больше приносить воды, и спроси: «Что бы могло убить тебя?» – сказал сын князя.

– Осмелюсь ли я? – спросила девушка.

– Не бойся, ничего с тобой не случится.

Девушка, горько плача, с водой пришла в дом и спросила:

– Я не могу больше приносить воды. Что бы могло убить тебя?

– Ха-ха, вы ждете моей смерти, но ваше потомство исчезнет еще до моей кончины, – сказал орел. – Отсюда за семью горами находится баран, который может съесть сено, скошенное шестьюдесятью тремя косарями. Внутри этого барана – заяц, а внутри зайца – утка. В утке три птенца с моей душой.

Девушка пришла к роднику и передала сыну князя слова орла.

Отправился сын князя за семь гор. Он подкараулил барана, уснувшего после того, как съел сено, три раза на пятнадцать локтей подпрыгнул и шашкой ударил его. Только он отсек ему голову, как из него выскочил заяц. Стрелой из лука юноша убил зайца. Как только стрела попала в зайца, из него вылетела утка. Три раза на пятнадцать локтей подпрыгнул сын князя и меткой стрелой сбил утку. Разорвал он утку, вытащил из нее трех черных, как уголь, птенцов и завернул их в платок.

Долго ли, коротко ли шел он и вновь пришел к роднику.

Пришла к роднику и девушка. Из ее глаз вместо слез текла кровь. Увидев сына князя, она очень обрадовалась. Он отдал ей одного птенца и сказал:

– Как только придешь домой, убей его и посмотри, как будет чувствовать себя орел.

Девушка ушла и вскоре вернулась. Она сказала, что орел, видимо, сдох.

Сын князя направился к отверстию и потряс веревкой. Первой подняли старшую сестру, второй – среднюю. Третья сказала:

– Неизвестно, что за люди твои друзья, поэтому лучше сначала поднимись ты.

– Нет, – сказал сын князя, – они не поступят плохо, поднимайся ты.

– Возьми себе это кольцо, вдруг что-нибудь случится, – сказала младшая сестра. – Если они совершат подлость и ты останешься здесь, то в пятницу в полдень тут появятся три коня. Дотронешься до белого – очутишься в верхнем мире, дотронешься до красного – останешься здесь, дотронешься до черного – очутишься в нижнем мире.

Младшая девушка была самой красивой.

Как только ее подняли, спутники княжеского сына подумали: «Если поднять сына князя, то он может взять девушек себе, а мы останемся».

Бросили они веревку в яму, а сами вместе с девушками ушли.

В пятницу перед сыном князя появились три огнедышащих коня, из их ноздрей выбивалось пламя того же цвета, какой была масть каждого коня.

Как ни старался сын князя дотронуться до белого коня, не смог. Коснулся он черного коня и оказался в нижнем мире.

Юноша вошел в саклю, стоявшую на краю села.

– Умри, тебя не родившая мать! У кого нет сына, к тому сын идет, – с такими словами вышла навстречу ему из сакли старушка.

– Голоден я, нани, накорми меня, – сказал сын князя.

Услыхав такие слова, старушка горько заплакала.

– Почему ты плачешь? – спросил сын князя.

Старушка сказала:

– У меня нет воды. Сармак[1], захватил реку, и если ему каждый день не приводить по девушке, он не будет давать воды. Сегодня ему должны привести дочь падчаха, а до этого он воды не даст.

– Я пойду к нему, – сказал сын князя.

Он на десять пальцев повесил десять ведер и пошел к реке.

– Не подходи! – закричал сармак.

Но юноша подошел, набрал десять ведер воды и отправился в обратный путь.

– Я тебя отпускаю потому, что ты гость, но не вздумай больше приходить сюда, – сказал сармак.

[1] *Дракон.*

На дороге играли дети. Они бросились к сыну князя и выпили все десять ведер воды. И снова пошел сын князя за водой.

– Не подходи! – опять закричал сармак.

Но юноша подошел, набрал воды. На обратном пути налетели на него утки и гуси и выпили всю воду. И он опять отправился за водой.

– Не подходи! – снова закричал сармак.

Но сын князя опять набрал воды.

– Ты приходишь в третий раз. Я пощадил тебя, потому что ты гость. Но если ты придешь еще раз, я съем тебя.

Когда сын князя возвращался, на него набросилось стадо коров и выпило всю воду. В одном ведерке на дне осталось несколько капель, и он пришел к старушке, месившей муку. Тесто затвердело без воды. Он взял ведра и снова, хоть старуха и отговаривала, пошел к сармаку.

– Не подходи! – скрипя зубами, сармак двинулся на юношу, из его пасти вырывалось синее пламя.

Сын князя разрубил сармака шашкой на шестьдесят три части, проткнул их шашкой и пригвоздил к земле со словами: «Пусть никто не сможет тебя выдернуть, кроме того, кто воткнул». А сам набрал воды и пошел к старушке.

Увидев убитого сармака, все очень удивились.

– Тому, кто убил сармака, я отдам полцарства и дочь, – сказал падчах.

«Я, я убил сармака», – говорили усатые богачи, известные воины, но выдернуть шашку никто из них не смог.

– Кто не может выдернуть шашку, тот не мог убить сармака, – сказал падчах. – Есть ли еще кто-нибудь в моем царстве, кто не явился на мой зов? – спросил он.

Дети сказали, что не явился только один человек – сын старухи, который ведрами носил воду с реки.

Падчах велел привести его. Сын князя подошел, мизинцем подбросил шашку, а когда она полетела вниз, с маху вложил ее в ножны.

Падчах сказал юноше, что ему принадлежит полцарства, и теперь он его зять.

Сын князя отказался.

Удивился падчах.

– Что же тебе нужно? Все, что запросишь, мы тебе дадим! – упали перед ним люди на колени.

– Мне нужно подняться в верхний мир, – сказал сын князя.

Все понурили головы.

– Это не в наших силах, дорогой гость. На черной горе свила гнездо орлица, птенцов этой орлицы поедает большая змея. Если ты спасешь птенцов орлицы, она постарается вынести тебя в верхний мир, – сказал падчах.

Взобрался сын князя на черную гору, спрятался под гнездом орлицы и стал выжидать.

Когда он увидел, что змея поднимается к орлиному гнезду, он шашкой изрубил ее на куски. Птенцы, услышав, что ползет змея, заклекотали, и орлица на их крики полетела к гнезду. Самый маленький птенец видел, как юноша изрубил змею. Он сказал сыну князя:

– Сейчас прилетит орлица, если она увидит тебя, то съест. Спрячься под нашими крыльями.

Только спрятался сын князя, как появилась огромная орлица, изрыгавшая из клюва пламя. Увидела она убитую змею и спросила птенцов:

– Кто вас спас, мои птенчики?

– Если ты не сделаешь ему ничего плохого, мы скажем тебе, – сказали они.

– Не сделаю.

И птенцы показали ей сына князя.

– Что тебе нужно? – спросила орлица.

– Мне нужно подняться в верхний мир, – сказал он.

Немного подумала орлица и сказала:

– Ты просишь меня о трудном деле. Когда мы полетим, то на каждое мое «вак» ты будешь давать мне по быку и бочке воды, и тогда я смогу поднять тебя. Если этого не будет, у меня не хватит сил подняться в верхний мир.

Сын князя уставил на спине орлицы шестьдесят быков и шестьдесят бочек воды. И они отправились в путь.

Орлица говорила «вак», и он бросал ей быка и бочку воды, и так шестьдесят раз. Когда они были уже недалеко от верхнего мира, кончились и быки, и вода. «Вак»,– сказала орлица, и сын князя отрезал от левой ноги икру и бросил ей в рот. «Вак», – сказала орлица, и он бросил ей в рот икру правой ноги. Опять подала сигнал орлица – он бросил мышцу левой руки, в следующий раз – мышцу правой руки. И когда еще раз орлица сказала «вак», сын князя произнес.

– Да умри у твоего отца семь человек, у меня ничего больше нет, если не отдать самого себя.

Взмахнув крыльями, орлица сбросила седока, но вскоре подлетела и снова усадила его на спину.

– Я хотела испытать тебя, – сказала орлица, и вскоре они достигли верхнего мира.

Здесь орлица выплюнула икры и мышцы княжеского сына, и они мгновенно приросли.

Поблагодарили они друг друга и расстались. Пошел сын князя по селу.

– Кому нужен даровой пастух, даровой пастух кому нужен?

– Мы и за деньги не можем найти работника, – сказал один богач и нанял его.

Сын князя заметил, что хозяева готовятся к какому-то празднику.

– Куда вы собираетесь? – спросил он.

– На свадьбу спасителей девушек, которых когда-то унесла черная сила, – ответили ему. – Разве ты не слышал об этом?

– Если вы позволите, я пойду с вами, – попросил сын князя. – Может, мне дадут там милостыню.

Когда сын князя в старой одежде пришел на пиршество, он увидел, что там веселились его бывшие друзья.

Младшая дочь падчаха сразу увидела на руке гостя кольцо, подаренное ею когда-то.

– Это не они спасли нас, вот наш спаситель, – указала дочь падчаха на гостя.

Сын князя убил коварных друзей, забрал девушек и отправился к себе на родину.

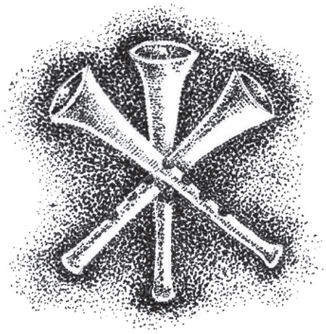
Старших сестер он отдал в жены старшим братьям, а на младшей женился сам.

Нож-меч между ними,

Козел-баран между нами!

Храбрый Пахтат

или старик и старуха. Они были очень богаты. В горах их табуны лошадей пас один пастух. Второй пастух пас на равнине стада коров. Всего у них было в достатке, но не было у них детей. На старости лет они и мечтать перестали о ребенке.

Однажды пришел пастух, который пас коров, и говорит:

– Стада коров сильно расплодились, и нет места, где их пасти. Не знаю, что и делать.

Старик вместе с пастухом отправился к стадам. В это время к нему подошла стельная корова. «Вот теперь и эта отелится, и ее теленку нужно будет место», – думал старик про себя.

А корова принесла не теленка, а мальчика. Старик, удивленный и обрадованный, разорвал свою шелковую черкеску, завернул в нее мальчика и, забыв о пастбищах для коров, бегом бросился домой.

Старики обрадовались ребенку и назвали его Махтат – рожденный коровой. Мальчик сосал вымя коров, садился верхом на жеребят и быстро подрастал. Через семь месяцев он стал как пятнадцатилетний юноша.

Старику не давали покоя трое братьев-великанов – вампалов. Один из них и украл мальчика, игравшего в поле. Опечаленные, сидели старик и старуха. В это время пришел с гор пастух, который пас табуны лошадей.

– Сильно расплодились твои лошади – им не хватает пастбищ. Я не знаю, что с ними делать, – сказал пастух.

Отправился старик вместе с пастухом в горы. Табуны его увеличились в три раза. Он не знал, что с ними делать. В это время к нему подошла жеребая кобыла. «И жеребенку, принесенному тобой, понадобится

место», – подумал старик. В это время кобыла родила мальчика с солнцем и месяцем между ребрами.

Обрадованный старик завернул мальчика в красную шелковую черкеску и прибежал с ним домой. Его покормили три раза, и он стал как семилетний мальчик. Старики гордились сыном. С каждым днем он становился сильнее, донимал сельских детей, растирал их альчики в порошок. Исполнилось ему пятнадцать лет, и назвали его Пахтат – рожденный кобылой. Ребята, которым он не давал покоя, сказали ему однажды:

– Чем спорить с нами, лучше бы ты отомстил вампалу, который украл твоего брата. Покажи свое мужество перед вампалом, а не перед нами.

Разгневанный Пахтат спросил у матери и отца:

– Скажите, что за брат был у меня? Кто его украл? Я не позволю людям смеяться над собой!

Старики боялись, что лишатся сына, и поэтому ничего не говорили ему.

– Лучше скажите! Я не позволю оскорблять себя.

Делать нечего, и старики рассказали, что рожденного коровой Махтата украл вампал. И посоветовал отец, как нужно поступить.

– Если ты поднимешь во дворе нашего дома большой синий камень, то заметишь дверь в подземелье. Открой ее и увидишь другую дверь. Всего их девять. Откроешь замки всех дверей – увидишь коня, на которого садятся лишь раз в год. Если щелчком по лбу ты осадишь коня, то сможешь оседлать его и повелевать им.

Рожденный кобылой Пахтат отодвинул большой камень и начал срывать замки с дверей. Сорвал один, два, три, четыре, пять. Стал срывать шестой и услышал шум. Сорвал седьмой – услышал громкие крики. Сорвал восьмой – земля ходуном заходила. Сорвал девятый – на него бросился подобный тигру жеребец, у которого во лбу звезда, из глаз исходит сияние, из ноздрей вылетают искры. Он хотел растоптать Пахтата.

Дал Пахтат щелчок в лоб, прямо по звездочке, и осадил коня на задние ноги. А когда конь хотел вырваться, Пахтат проговорил:

– Поднимайся в небо и опускайся на землю. Теперь тобой будет повелевать сын, не имеющий отца.

Конь перестал сопротивляться. Вывел Пахтат коня, стоявшего по пояс в навозе, на солнечный свет, искупал, накормил и оседлал. Отец очень не хотел отпускать сына. Он плотно закрыл двери своего фарфорового двора и сказал:

– Если ты разрушишь стены и ворота двора, ты сможешь повелевать этим конем. Тогда отправляйся в путь-дорогу.

Пустил сын коня вскачь и вдребезги разбил фарфоровые стены и ворота.

– С миром оставайтесь, не переживайте. Останусь жив – вернусь с братом, – попрощался Пахтат с матерью и отцом и ускакал.

Его конь встречные горы перескакивал, густые леса проходил, текущие реки вспять обращал.

Через день Пахтат встретил одного всадника. От пота, стекавшего с его коня, разливались озера, от пара, бьющего из ноздрей, стлался туман – таким страшным был встречный всадник, во лбу которого сияло солнце.

– Ассалам-алейкум! – обратился к нему Пахтат, рожденный кобылой.

– Ва-алейкум-салам! Извини, что не могу останавливаться больше, чем на приветствие. Я прослышал, что со своего двора сегодня выехал Пахтат, рожденный кобылой. Хочу завязать с ним дружбу и боюсь разминуться с ним, – сказал всадник с солнцем во лбу и пустил коня вскачь.

– Рожденный кобылой Пахтат – это я. И мне хочется дружить с тобой.

Повернул коня всадник с солнцем во лбу.

– Я сын Солнца. С этой минуты мы – верные друзья. Куда путь держишь?

– Враг моего отца, вампал, украл моего брата. Я слышал, что он в пастухах у него. Я хочу убить этого вампала и вернуть брата.

– Ты не сможешь вернуть брата. Одолеть этого вампала никто не может. Не ездил бы ты.

– Лишь бы мне добраться до него, а там будь что будет. Я не оставлю брата в беде.

– Ну, тогда поезжай, – сказал сын Солнца. – А если тебе понадобится моя помощь, как я об этом узнаю?

Рожденный кобылой Пахтат протянул ему пулю.

– Когда из этой пули ударит струя крови, знай, что мне нужна твоя помощь, – сказал он сыну Солнца.

Попрощались они, сын Солнца взял пулю и уехал.

На второй день Пахтат встретил всадника с полумесяцем во лбу. От него исходило сияние, летели искры, от пота, стекавшего с его коня, разливались озера, от пара из ноздрей коня стлался туман.

– Ассалам-алейкум! – сказал Пахтат. – Куда путь держишь?

– Ва алейкум-салам! Извини, что не могу задерживаться для расспросов. Я прослышал, что со своего двора выехал Пахтат, рожденный кобылой. Хочу подружиться с ним и поэтому спешу, – сказал всадник с полумесяцем во лбу и ускакал.

– Пахтат, рожденный кобылой, которого ты ищешь – я. И согласен быть твоим другом.

Услыхав эти слова, всадник с месяцем во лбу вернулся и сказал:

– Я сын Месяца. Мы теперь верные друзья. Куда путь держишь?

– Враг моего отца, вампал, украл моего брата. Он теперь в пастухах у него. Хочу убить вампала и выручить брата.

– Никто не смог еще одолеть вампала: не спасти тебе брата. Ты можешь лишиться жизни – лучше не езди.

– Нет, я непременно верну брата. Каким бы вампал ни был, но я не успокоюсь, пока не убью его.

– Делать нечего, поезжай, – сказал сын Месяца, – но как я узнаю, когда тебе будет нужна моя помощь?

Протянул ему Пахтат пулю.

– Когда из этой пули ударит струя крови, знай, что я нуждаюсь в твоей помощи.

Попрощались они, сын Месяца взял пулю и уехал.

На третий день рожденный кобылой Пахтат встретил всадника со звездами во лбу. Из глаз его коня сыпались искры, тонкие ноги по колена уходили в землю, от пота его возникали моря, от пара из ноздрей – облака.

– Ассалам-алейкум! – приветствовал его Пахтат.

– Ва-алейкум-салам! Извини, молодой человек, я не могу останавливаться. Прослышал я, что рожденный кобылой Пахтат выехал со своего двора. Хочу встретиться с ним и подружиться.

– Пахтат, рожденный кобылой, которого ты ищешь – я. И готов подружиться с тобой.

Всадник повернул коня и говорит:

– Я сын Звезды. Будем верными друзьями и молочными братьями. Куда путь держишь?

– Враг моего отца, вампал, украл моего брата, который теперь в пастухах у него. Хочу убить вампала и вернуть брата.

– Нежелательно это. Трудно будет с ним сражаться, но если решил – поезжай, – сказал сын Звезды. – А если понадобится моя помощь, как я узнаю об этом?

Протянул Пахтат пулю.

– Когда из этой пули ударит струя крови, знай, что я нуждаюсь в твоей помощи.

Сын Звезды взял пулю, попрощался и уехал.

Ехал-ехал Пахтат, рожденный кобылой, и очутился на развилке девяти дорог. В этом месте сидел Бийдолг-Бяре[1] величиной с локоть. Вокруг него лежали листочки. Бийдолг-Бяре предсказывал всем судьбы со дня их рождения.

– Что ты сидишь, Бийдолг-Бяре? – подъехал к нему Пахтат.

– Я предсказываю судьбу женщинам и мужчинам со дня их рождения, – ответил он.

– Да лишишься ты отца своего, Бийдолг-Бяре, если не укажешь мне самую опасную из девяти дорог.

– Ненужное дело ты затеял. Я не могу лишиться своего отца. Вот тебе самая опасная дорога, – указал Бийдолг-Бяре на одну из девяти дорог. – Мало кто туда отправлялся, а кто и направился – не возвращался. Не одолеешь ты этого вампала. Видишь, вдали три холма. Их возвел вампал из человеческих тел. По его земле человек не проходил, а по небу птица не пролетала. Это – брат вампала, который украл Махтата.

Отправился Пахтат по дороге, по которой редко кто ходил, а кто отправлялся по ней, никогда не возвращался.

Навстречу ему шел вампал, на плечах он держал булаву весом в шестьсот тридцать пудов. Он поднимался в небо и опускался на землю, горя желанием убить всадника, ступившего на его землю. От его крика земля дрожала.

– Как ты очутился в моем краю? Здесь даже птица не пролетала и волк не пробегал. Или тебе жить надоело?

– У тебя, вампал, в сердце злоба кипит, что я ступил на твою землю, где птица не пролетает и зверь не пробегает. Сразимся врукопашную или будем стреляться из луков?

– Я дерусь только врукопашную, – ответил вампал.

Сошлись они и стали драться врукопашную.

– Если победителем стану я, то Божье золотое солнце – на моей стороне, – сказал вампал.

– Ты не окажешься им, грязный вампал! Если я одержу победу, то Божье золотое солнце – на моей стороне, – сказал Пахтат, рожденный кобылой, схватил вампала и по пояс всадил его в землю.

С трудом вылез из земли вампал и снова бросился драться.

[1] *Персонаж фольклора в образе карлика-богатыря.*

– Если победителем стану я, то Божье золотое солнце – на моей стороне, – опять сказал вампал.

– Ты не окажешься им, грязный вампал! Если я одержу победу, Божье золотое солнце – на моей стороне, – сказал Пахтат, рожденный кобылой, и, подбросив его до небес, по горло всадил в землю.

Вампал не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой и остался торчать в земле. Ударом шашки Пахтат снес вампалу голову и сделал из нее холм. Вытащил тело из земли, разрубил его пополам и сделал еще два холма. Три черных холма установил Пахтат, рожденный кобылой. Таким образом на этой земле стало шесть холмов. Беспрепятственно поехал он по земле вампала.

Видит он башню вампала и его хозяйство. В этой башне жила привезенная три года назад самая красивая девушка на свете по имени Тани Гук. Три года уговаривал ее вампал стать его женой. Эти три холма вампал сделал из тел тех, кто хотел освободить ее. Пахтат, рожденный кобылой, увидел Тани Гук, сидевшую у окна. И девушка его увидела. Пахтат помахал плеткой и попросил ее спуститься вниз. Тани Гук с первого взгляда полюбила молодого человека.

– Да поможет тебе Бог в твоих несчастьях! Напрасно ты сюда приехал. Убегай быстрее, сейчас явится вампал, голова у него величиной с медный котел. Он убивает всех, кто приходит сюда.

– Ты не бойся, девушка, что краше солнца. Посмотри на землю вампала. Что ты видишь?

– Я вижу шесть холмов вместо трех. Еще три холма появилось. Я не могу больше терпеть, чтобы из-за меня убивали людей. Лучше умереть.

И она хотела броситься с башни.

– Не губи своей жизни, не спеши. Эти три холма я воздвиг из тела вампала, – сказал Пахтат.

Обрадованная Тани Гук сбежала с башни и угостила Пахтата, рожденного кобылой, обильной едой и развлекла ласковыми речами.

– Если ты хочешь, я стану твоей женой, – сказала Тани Гук.

Стали они мужем и женой. И жили в башне вампала из золота, серебра и жемчуга. Пахтат каждый день ходил на охоту.

Вампалов было три брата. Младшего убил Пахтат. Второй из них и был тем вампалом, который украл Махтата. Старший брат хотел отобрать у младшего Тани Гук. Дошел до него слух, что младший брат убит, а Тани Гук живет с Пахтатом. Он знал, что ему не одолеть того, кто победил его брата-вампала, и обратился к ведьме-гамсельг:

– Ты будешь обеспечена на всю жизнь, на пуховых постелях будешь спать, в шелках ходить, есть будешь только сладкое и жирное, если исполнишь мою просьбу. Ты должна убить Пахтата и привести Тани Гук.

Гамсельг согласилась. Когда Пахтат ушел на охоту, она в нищенских одеждах под видом дряхлой старушки пришла к Тани Гук. Из жалости Тани Гук приняла ее, напоила и накормила.

– Женщина без дочери – сирота. Мать без дочери – тем более сирота. Мы будем жить как мать и дочь. Пусть Пахтат не ходит на охоту в незнакомые места. Его могут убить. Пусть все время будет дома, – говаривала старуха Тани Гук.

С убитым оленем возвратился домой Пахтат. В этот день, как ей советовала старуха, Тани Гук сказала мужу:

– Плох этот край, тебя в нем не знают, и тебе эти места незнакомы, не ходил бы ты на охоту. Тебя легко могут убить.

– Меня не так-то легко убить, потому что душа моя живет не в моем теле.

– Где же живет твоя душа?

– Моя душа в том столбе, что стоит во дворе, – нарочно сказал Пахтат жене и снова отправился на охоту.

Обо всем рассказала Тани Гук гамсельг.

Гамсельг знала, что в столбе нет души Пахтата. Почистила она столб и так смазала его маслом, что он стал блестеть.

Когда Пахтат возвратился, он все это увидел. Улыбнулся и нарочно сказал, что его душа в ножке стула.

На следующий день Пахтат снова отправился на охоту.

Доверчивая Тани Гук рассказала все гамсельг. Как и столб, почистила гамсельг ножку стула и так смазала маслом, что ножка стула заблестела.

Возвратился Пахтат, увидел сверкающую ножку стула, поверил жене и, чтобы больше не беспокоить ее, рассказал всю правду.

– Под черепом у меня есть коробочка. В этой коробочке три птенца. Только убив их, можно лишить меня жизни.

И об этом рассказала Тани Гук гамсельг.

– Ты должна охранять его, дорожить им, – сказала гамсельг.

Лег Пахтат спать, а в середине ночи гамсельг вошла к нему в комнату, вынула из-под черепа коробочку с тремя птенцами и бросила ее в море.

Тут и скончался Пахтат.

Делать было нечего, Тани Гук постелила под него мягкую постель, накрыла буркой и надела на его палец свое кольцо.

Гамсельг позвала слуг и насильно отправила Тани Гук ко второму вампалу.

Как только рожденный кобылой Пахтат умер, у его друзей, связанных с ним клятвой, из всех трех пуль ударили струи крови. Бросились на помощь другу сын Солнца, сын Месяца и сын Звезды.

Два с половиной года искали они Пахтата и наконец нашли. Он был накрыт буркой, а на пальце его было кольцо. Стали они оказывать ему помощь, но ничего не помогало. Стали искать лекарство. Сын Солнца искал его везде, где светит солнце, сын Месяца – где светит месяц, сын Звезды – между звезд и среди рыб в воде. Среди звезд не было снадобья и в воде его не было. И рыбы не могли найти снадобья для оживления Пахтата. Наконец сын Звезды увидел на берегу моря пузатую рыбешку, которая все время пряталась. Всех звезд и рыб призвал он на помощь, и на дне моря поймали эту рыбешку. Разрезали ее и внутри нашли коробочку с птенцами.

Вскрыли коробочку и увидели двух мертвых птенцов и одного живого. Выбросили они мертвых и, закрыв коробочку с одним живым птенцом, вложили ее снова под череп Пахтата.

Глубоко вздохнул Пахтат.

– Уф-ф, как долго я спал, – сказал он и приподнялся.

– Да, ты спал все три года и никогда не проснулся бы, – отвечали друзья.

– Что случилось? Расскажите, – попросил Пахтат.

Обо всем рассказали ему друзья – о подлости гамсельг и о том, что его жена находится у вампала.

– Так ли это?

– Да, так. В пятницу будет свадьба и обильное угощение. Когда вампал увел Тани Гук, он хотел сделать ее своей женой. Но твоя жена сказала: «Я стану твоей женой лишь после трех лет траура по любимому мужу». В эту пятницу истекает три года ее траура.

– Друзья, мы должны туда поехать. Этот вампал дважды мой враг. Он украл моего брата Махтата, рожденного коровой, и мою жену. Я отомщу ему за все!

Поехали они и по дороге встретили человека, пасшего пятьсот овец. Он был бледен и худ. Приближаясь к овцам, он плакал, а подходя к суме, смеялся. Подозвали они его и спрашивают:

– Кто ты? Почему плачешь, приближаясь к овцам? И почему смеешься, подходя к суме?

– Я – Махтат, рожденный коровой, достойный сын своего отца. Меня украл вампал, и я пасу его овец. Моего брата Пахтата, которого я не видел, убил вампал, забрал его жену и хочет на ней жениться. Завтра будут варить мясо в шестидесяти трех котлах, а накипью бульона будут брызгать в меня. Помня об этом, я плачу. Но завтра же с полной сумой мяса я пойду пасти овец. Вспомнив об этом, я смеюсь.

– Бедный мой братишка, как трудно тебе приходилось! Не беспокойся, мы отомстим за тебя. Я – Пахтат, рожденный кобылой, твой брат.

Бросились братья в объятия, поговорили обо всем.

– Брат, надо торопиться, – сказал Махтат.

– Что случилось?

– Срок, назначенный вампалом, истекает завтра. Чтобы не стать женой вампала, Тани Гук покончит с собой.

– Этого нельзя допустить! – И Пахтат отдал кольцо, оставленное женой. – Незаметно отдай ей это кольцо, и не надо ничего говорить. Если тебя обрызгают накипью бульона, ты должен стерпеть. За все отомстим сполна.

Отправился Махтат выполнять поручение брата. Идет он по двору, пастухи и слуги брызгают в него накипью бульона из шестидесяти трех котлов. Ничего не сказал им Махтат и незаметно отдал кольцо Тани Гук. Она сразу поняла, что ее муж жив. Сбросила с себя траур и пустилась в пляс. И комнаты засверкали от ее красоты.

Об этом узнали вампал и гамсельг. Они обрадовались: ведь три года не могли заставить Тани Гук снять траур и произнести хоть одно слово.

Выполнив поручение, Махтат вернулся к брату и его друзьям. Они переночевали в поле и на второй день отправились на свадьбу, где множество людей пили, ели и веселились.

Говорит Пахтат, рожденный кобылой:

– Покажи, братец, где твои и мои враги.

– Вот они, – указал Махтат, рожденный коровой, на окно.

Взглянули друзья и видят: сидит у окна грязный вампал, а рядом с ним восседает на мягких шелковых постелях вся в золоте и серебре гамсельг.

– Кого убьем из них первым, кого вторым? – спросил Пахтат.

– Лучше сначала убить гамсельг, – сказал Махтат.

Натянул Пахтат лук, который не смогли бы натянуть и шестьдесят человек, пустил стрелу и убил гамсельг, словно птичку. Затем пу-

стил стрелу в вампала и вышиб ему мозги. Люди разбежались, свадьба не состоялась.

Пахтат забрал всех коров, отары овец, богатство двух вампалов и со своей женой, братом и верными друзьями отправился домой. В каждом селе по дороге они устраивали веселье.

Приехал он к дому отца. В высоких башнях дома отца птицы свили гнезда, весь двор зарос бурьяном, по двору ходили дикие собаки. Из курятника доносились жалобные стоны. Заглянул Пахтат в курятник и увидел мать и отца, ослепших от пролитых слез.

– Что вы сидите? Выходите, ваши сыновья Пахтат и Махтат вернулись домой.

– Убирайся, не терзай наши души, наших детей убили грязные вампалы, а старший вампал разрушил наше хозяйство. Мир велик, уходи, оставь нас!

Жители села подтвердили, что перед ними их сыновья. А те рассказали, что убили двух вампалов.

– Я поверю вам, если будет убит старший вампал, – сказал отец.

Убили сыновья с друзьями и старшего вампала. Привезли его голову на арбе, запряженной шестью быками. Только прикоснулись мать с отцом к голове убитого вампала – тут же прозрели. Устроили они пир для всего села. Друзья Пахтата возвратились на небо, а сам он остался с Тани Гук.

Пусть у того, кто распустит о них сплетни, язык отсохнет, у доносчика пусть душа оборвется! Пусть недостойный не родится, а если и родится, пусть умрет!

Тайна безносого Силаймы

Для того чтобы обрадовать вас хорошим, чтобы развеселить вас веселым, расскажу вам эту сказку...

Когда-то, давным-давно, жил один воин. Он ездил по белому свету, выручал добрых людей из беды, наводил страх на врагов. Повидал он разные страны, побывал во многих битвах, а когда почувствовал, что прошла его молодость и надвинулась старость, решил вернуться в те места, где родился и вырос. А родился он в ауле среди высоких гор, возле быстрого Терека. Туда и направил он своего боевого коня. На привалах не задерживался, дорогу выбирал покороче, где встречал реку – переправлялся вплавь, где встречал лес – не объезжал его, а пробивался прямо через чащу. И все торопил коня: хотелось ему поскорее родные горы увидеть.

И вот на двадцать третий день пути оказался богатырь у быстрого Терека. Крутая каменистая дорога вела в горы. Когда конь стал подниматься по дороге вверх, всадник придержал его и сказал:

– Поезжай потише, мой верный конь. Пока мы ехали к этим горам, я торопил тебя, просил мчаться быстрее ветра. На привалах не задерживался, дорогу выбирал покороче, где встречал реку – переправлялся вплавь, где встречал лес – не объезжал его, а пробивался прямо через чащу. Не терпелось мне, хотелось поскорее родные горы увидеть. Довез ты меня до быстрого Терека. Теперь поедем не торопясь: я хочу насмотреться на горы, каждый камень, каждое дерево хочу я разглядеть получше. Ведь с той поры, как я уехал отсюда, много в Тереке воды утекло, много раз листва опадала в лесах.

Послушался верный конь седока своего, пошел по дороге шагом. А воин, отпустив повод, вспоминал свою молодость, глядел по сторонам, рассматривал горы, старался ни одного дерева, ни одного камня не пропустить.

И вот вдали показался аул. Богатырь сразу узнал его, обрадовался и сказал своему коню:

– Наконец-то я снова вижу аул свой. Стану в нем жить и больше никогда его не покину. Скажи мне, мой верный конь, чего ты хочешь – жить при мне или по свету поездить?

– Я хочу еще по свету поездить! Отдай меня молодому смелому джигиту, – отвечал конь человеческим голосом.

Всадник подумал-подумал и говорит:

– Будь по-твоему. Не пристало боевому коню на конюшне стоять. Подарю я тебя джигиту без коня, которого мы встретим в пути. Только ты его сперва проверь – дорожит ли он тобою. Если он проверку выдержит, служи ему верою, как мне послужил. А когда он отпустит тебя, разыщи меня снова.

– Хорошо, – произнес конь, – я выполню твой наказ.

Пока всадник с конем своим говорил, из того аула, куда он направлялся, показался человек. Он шел навстречу по той же дороге. Всадник подъехал поближе и увидел молодого джигита. Когда воин поравнялся с ним, джигит почтительно поздоровался и посторонился.

– Далеко ли путь держишь, джигит? – спросил богатырь.

– Далеко ли, и сам не знаю. Иду я счастье свое искать.

– А почему ты идешь пешком, разве у тебя нет коня?

– Сирота я. Нет у меня ни отца, ни матери. Кто же мне даст коня?

– А тебе по душе мой конь? Хочешь, я тебе отдам его?

– Таких прекрасных коней я только во сне видел. Но как же ты дальше поедешь, если коня отдашь мне?

– Бери, бери, до аула рукой подать, ноги меня донесут. А дальше я ехать не собирался. Садись в седло, нельзя без коня в далекий путь отправляться.

Джигит помог воину слезть с коня, вскочил в седло, взял в руки повод. Старый воин сказал:

– Теперь поезжай, ищи свое счастье, но запомни, что я тебе скажу на прощанье. Лучше моего коня есть на свете только один конь. Пока ты его не отыщешь, моего коня не меняй и никому не отдавай. А если добудешь того коня, отпусти моего, он отыщет меня.

– Спасибо тебе за коня. А твой наказ я крепко запомню,– ответил молодой джигит.

Попрощался он со старым воином, проводил его взглядом и поехал вниз по каменистой горной дороге. «Теперь у меня есть конь. Не вернусь

в аул, пока не отыщу свое счастье», – сказал про себя джигит и пришпорил коня. Конь помчался быстрее ветра. Расступились горы, остался позади Терек, а конь все мчался и мчался.

Так они проехали три дня. На утро четвертого дня вдруг впереди засверкала вода. Юноша подъехал поближе и оказался на берегу огромного, широкого и глубокого озера. Посредине озера виднелся островок с высокой каменной башней. Она сияла на солнце золотой крышей, серебряными окнами. «Поплыву к этой башне, посмотрю, кто в ней живет», – решил джигит и направил коня в воду. Конь покорился и поплыл к маленькому островку. Но он не забыл наказ старого хозяина своего и решил проверить, дорожит ли им новый хозяин. Когда до островка оставалось меньше половины пути, конь притворился, что тонет.

– Без тебя я не хочу жить! – воскликнул джигит и отпустил коня. – Выбирайся на берег, лучше я погибну!

Но конь не дал ему утонуть.

– Держись за седло, – крикнул он человеческим голосом, – доберемся до берега оба! Я только проверить хотел, дорожишь ли ты мною.

И они двинулись дальше. Конь плыл, а джигит за седло держался. Плыли-плыли, пока волна не вынесла обоих на берег.

Джигит взял коня под уздцы, подвел к башне и привязал к железному кольцу, которое заметил у самого входа. Потом открыл серебряную дверь и смело поднялся в башню. А в той башне жила красавица, подобная солнцу. Джигит вошел, поздоровался и попросил у девушки напиться. Девушка подала ему воды в дорогой чаше и бросила туда золотое кольцо. Юноша понял, что это значит: девушка увидела его мокрый бешмет[1] и спрашивает, не поднялся ли он из-под воды. Он отпил несколько глотков, бросил в чашу сучок и вернул ее девушке. Это был ответ: я прибыл сюда по воде.

– Садись, будь гостем моим и скажи, что привело тебя сюда, – сказала хозяйка.

Джигит молча смотрел на девушку и не мог отвести глаз, а потом ответил:

– Я вышел на поиски своего счастья, а как увидел тебя, сразу понял, что был бы счастлив с тобой.

Красавица сказала:

– Ты тоже мне нравишься, джигит. Сюда, ко мне добраться было не просто. А теперь, если ты хочешь, чтобы я стала твоей женой, ты должен вернуться на берег, отыскать человека по имени Силайма, узнать,

[1] *Мужская верхняя одежда.*

здорова ли его жена, и выведать его тайну. Но никому не говори, куда ты едешь, и ни у кого дороги не спрашивай.

– Как же я того Силайму узнаю? – спросил джигит.

А девушка ответила:

– Узнать Силайму нетрудно: у него нет кончика носа, но почему его нет, того никто не знает. Это и есть тайна Силаймы. Он дал слово открыть ее только тому, кто совершит настоящий подвиг. Больше ничего я тебе сказать не могу. Хочешь – ищи Силайму, не хочешь – возвращайся домой.

– Я найду Силайму, все узнаю о его жене и выведаю его тайну! – воскликнул джигит и тут же попрощался с хозяйкой башни.

Вышел он к своему коню, вскочил в седло, выбрался на берег и пустился в путь. Долго ли он ехал, коротко ли – догнал незнакомого всадника.

– Салам алейкум, добрый человек!

– Ва-алейкум салам! – ответил всадник.

– Куда путь держишь?

– К себе домой возвращаюсь. А ты куда? – спросил незнакомец.

– А я счастье свое ищу.

Поехали они рядом. Джигит подумал-подумал и говорит:

– Я хочу подружиться с тобой.

– Сперва испытаем силу коней, потом сами померимся силами, а там посмотрим, можешь ли ты быть другом моим, – ответил незнакомец.

Пустили они коней вскачь – конь джигита вырвался вперед. Потом спешились и стали мериться силами. Джигит изловчился и положил незнакомца на лопатки.

Незнакомец сказал:

– Теперь я вижу, что ты можешь быть моим другом. До сих пор ни один джигит меня еще не побеждал.

Сели они на коней и поехали дальше. Едут джигиты и рассказывают друг другу разные истории. Вот увидели на пригорке большой каменный дом. Когда проезжали мимо, из дому выбежала девочка и сказала:

– Не шумите у этого дома. Если проснется Берзы Каза, не сносить вам головы.

– А кто такой этот Берзы Каза, что все его бояться должны? – громко спросил джигит.

– Тише! – испугался его спутник. – Берзы Каза – страшный волчище. На всем белом свете нет никого опаснее его. Не страшусь я никаких

чудовищ, а вот с ним встречаться не решаюсь. Я за своего коня боюсь: он сызмала волков пугается.

Но Берзы Каза уже проснулся. Из дому послышалось его грозное рычание.

– Я приму вызов и вступлю с ним бой, мой конь не из пугливых. А ты отъезжай подальше, спустись в лощину и подожди меня! – крикнул джигит своему новому другу.

Едва спутник его отъехал, из дому показался страшный волчище Берзы Каза. Был он лохматый, огромного роста, с большущими клыками. Джигит не испугался. Конь его тоже стоял как ни в чем не бывало.

– Давай бороться! – крикнул Берзы Каза.

– Давай! – смело ответил джигит и слез с коня.

Начали они бороться. Боролись час, боролись два, боролись три. Наконец, джигит осилил Берзы Каза и подмял его под себя. Не давая волчищу опомниться, он выхватил свой кинжал и снес ему голову. А затем вскочил на коня и поехал в лощину, где друг его дожидался.

Направились они дальше и скоро оказались у какого-то замка. Друг подъехал к воротам и сказал:

– Вот в этом замке я и живу. Сделай милость, будь моим гостем.

Он привел джигита в кунацкую, усадил, а сам вышел за угощением. Джигит осмотрелся и заметил, что в одну из дверей проникает какое-то сияние. Подошел, приоткрыл дверь и удивился: на высокой постели лежала красавица. Сияние исходило от ее лица, от ее волос. Но глаза красавицы были закрыты. Красавица тяжело ворочалась и стонала. Когда хозяин вернулся, джигит не выдержал и спросил, кто это лежит в соседней комнате.

– Это жена моего брата. Она отчего-то вдруг занемогла и с каждым днем слабеет. Мы с братом не знаем, чем ее вылечить. У всех лекарей побывали, все снадобья перепробовали, а ей все хуже и хуже. Брат мой опять уехал искать лекарство, неизвестно – привезет или нет.

«Пока не отыщу для нее лекарство, не поеду дальше, – решил джигит, а другу он ничего не стал говорить. – Вот вернусь с лекарством, тогда и скажу. Пусть он пока остается здесь. Мало ли что случиться может, потребуется помощь, а помочь будет некому». Когда его друг вышел из комнаты, джигит выбежал из замка, вскочил на коня и выехал в поле.

– Что ты решил? Куда нам следует ехать? – спросил у него конь после трех дней пути.

– У моего друга есть брат, его жена прекраснее лучей солнца. Но она вдруг занемогла и лежит при смерти в замке. Я хочу помочь

ей вылечиться. Пока я не найду для нее лекарство, не успокоюсь, – ответил юноша.

– Лекарство находится далеко отсюда, за двумя высокими горами, которые стоят так близко одна к другой, что и муравей не проползет между ними. Время от времени горы расходятся, но это продолжается всего один миг. Когда они расходятся, между ними может проскочить всадник. Горы сразу с громом и грохотом сходятся. Все, что попадает между гор, обращается в пыль. Когда подъедем вплотную, ты крикни, будто кричат пятнадцать человек, и ударь меня кнутом, будто ударили восемнадцать человек. Я брошусь вперед, и мы проскочим между горами, – посоветовал конь.

– Хорошо, я сделаю все, как ты сказал, только поезжай побыстрее, чтобы нам поскорее вернуться, – ответил джигит.

Конь помчался вперед. И вот впереди показались горы. Джигит подъехал поближе и увидел: две горы стоят так близко, что даже муравью между ними не проползти. Слез джигит с коня, подобрал сваленное сухое дерево, подошел к двум горам и, когда они разошлись, сунул дерево между ними. Горы сдвинулись с грохотом и громом и раздавили дерево в порошок. «Правду сказал мне конь, опасное это место», – подумал джигит. Но раздумывать не стал и вскочил на коня. Напряглось, словно стало каменным, все его тело, гулко забилось сердце. Джигит крикнул, будто крикнуло пятнадцать человек сразу – горы разошлись, он хлестнул коня, будто его хлестнуло восемнадцать человек, и устремился в щель. Горы сомкнулись с грохотом и громом, но смелый всадник успел проскочить.

Поехал джигит по равнине. Ехал-ехал и заметил вдали огромного льва. Лев громко рычал и катался по земле.

– Этот лев занозил себе ногу острым осколком камня, – сказал конь, – поэтому он так мечется. Ты вырой яму, и мы укроемся в ней. А затем начни дразнить льва. Лев бросится к нам, перепрыгнет через яму, и острый камень, засевший в его лапе, выпадет. Лев успокоится, станет смирным и поможет добыть лекарство, которое мы ищем.

Джигит послушался доброго совета. Быстро вырыл яму, укрылся в ней с конем и принялся дразнить льва. Лев бросился на крик и перепрыгнул через яму. Острый камень вылетел, боль в лапе прошла. Лев лег на траву и довольно заурчал. Когда джигит выбрался из ямы, лев проговорил человеческим голосом:

– Это ты меня от мук избавил? Теперь я твой друг. Скажи мне, что привело тебя в эти края. Сюда мало кто может добраться, а тот, кто добирается, не может обратно вернуться.

– Я ищу средство, чтобы вылечить одного человека, – ответил джигит и поведал льву, кто он и откуда.

– Следуй за мной,– коротко промолвил лев.

Шли-шли и наконец дошли до глубокой пещеры.

– Подожди меня здесь, – сказал лев, а сам скрылся в пещере.

Вышел оттуда с кувшином молока и отдал его юноше с такими словами:

– Если трижды побрызгать этим молоком больного человека, он сразу станет здоровым.

Джигит поблагодарил льва и отправился в обратный путь. Ехал-ехал и опять оказался у двух гор. Подъехал к ним вплотную, крикнул, будто крикнуло пятнадцать человек, хлестнул коня, будто хлестнуло восемнадцать человек. Горы разошлись на миг, и конь устремился в щель. Горы сдвинулись с грохотом, но смелый всадник уже проскочил.

Долго ли ехал, коротко ли, наконец, прибыл джигит к своему другу. Зашли они в комнату, где лежала красавица, и трижды побрызгали ее молоком. Она сразу встала с постели, будто и не болела. Друг джигита побежал за братом своим. А красавица взглянула на джигита и сказала:

– Когда мой муж увидит меня здоровой, он сильно обрадуется и спросит, что тебе подарить. Ты отвечай: «Подари мне вон ту саблю с отломанным концом и вон ту серую клячу, что пасется на лугу; больше мне ничего не нужно». Сабля эта не простая: кто владеет ею, того никто не победит в поединке. А у коня только вид неказистый. Быстрее его на свете нет другого коня.

Джигит выслушал ее и подумал: «Видно, нашел я того коня, о котором мне старый воин говорил, когда отдавал своего скакуна».

И вот приехал муж, увидел, что жена его выздоровела, обрадовался и воскликнул, обращаясь к молодому джигиту:

– За то, что ты для меня сделал, проси у меня что хочешь!

– Подари мне саблю с отломанным концом и серую клячу, что у замка пасется, – попросил юноша, – больше мне ничего не надо.

– Зачем тебе поломанная сабля и старый конь? – удивился хозяин замка. – Взял бы что-нибудь получше.

Но джигит стоял на своем. Хозяин отдал ему саблю и старую клячу.

Пока хозяин замка говорил с ним, джигит удивленно поглядывал на его лицо: у хозяина не было кончика носа. «Уж не это ли Силаймa, которого я должен найти?» – подумал он. Потом набрался решимости и спросил:

– Скажи мне, пожалуйста, не зовут ли тебя Силаймой?

– Да, я Силайма, прозванный Безносым, а зачем тебе это знать?

– Красавица, которая живет в башне посредине озера, дала слово стать моей женой, если я узнаю тайну человека по имени Силайма. Скажи мне, какой я должен подвиг совершить, чтобы ты раскрыл мне свою?

– А разве ты не совершил подвига, раздобыв лекарство для моей жены? Слушай, что со мною приключилось. В одной высокой башне, которая стояла в середине моря, жили-были две сестры. Я посватался к старшей из них: ее-то ты и вылечил. Она ответила, что выйдет за меня, если я пригоню табун лошадей семиглавого горного змея вместе с тигроподобным жеребцом. Я взял с собой восемь товарищей и поехал за этим табуном. Мы угнали табун, когда семиглавый змей спал. Но скоро он проснулся, узнал, что мы угнали его лошадей, и бросился вдогонку. Едва мы выбрались из гор и выехали на равнину, сзади поднялся шум и гул. Это змей мчался за нами следом. Он отломал верхушку горы и бросил ее в нас. Каменной глыбой он убил восьмерых моих товарищей. Я ехал впереди на тигроподобном жеребце, и камень меня не достал. Но маленький осколок камня срезал мне кончик носа. С тех пор меня и прозвали Безносым Силаймой. Вот тебе моя тайна.

Джигит выслушал рассказ Силаймы и заторопился в дорогу. Попрощался он с Силаймой, с его женой-красавицей, с его братом, своим другом; взял волшебную саблю и пошел к своим коням: к тому, на котором приехал, и к тому, которого Силайма ему подарил.

Сначала отпустил коня, которого ему у родного аула старый воин подарил:

– Поезжай, отыщи первого своего хозяина, поклон ему от меня передай и живи при нем.

– Прощай, молодой джигит, – сказал конь человеческим голосом и ускакал.

Затем джигит оседлал серую клячу, а когда сел на нее, она тряхнула гривой, мотнула головой и обернулась стройным серым скакуном.

– Куда везти тебя, храбрый джигит? – спросил скакун человеческим голосом.

– Вези меня к большому озеру, где в башне под золотой крышей моя невеста живет.

Серый конь рванулся вперед. Он больше летел по воздуху, чем по земле, и к вечеру оказался у озера.

– Отыскал ли ты человека по имени Силайма, узнал, как поживает его жена, и выведал ли его тайну? – спросила девушка-красавица, когда увидела джигита.

– И Силайму я нашел, и жену его видел, и его тайну выведал. Сейчас расскажу тебе все, как было, – ответил джигит.

Рассказал он ей о своих приключениях: как он подружился с братом Силаймы, как победил страшного волка Берзы Каза, как добыл чудесное молоко, вылечил красавицу жену Силаймы. Поведал и тайну Силаймы.

– Ты нашел Силайму и узнал его тайну. Ты добыл чудесное молоко и спас жизнь красавице, которая приходится мне родной сестрой, – воскликнула девушка, – я согласна стать твоей женой!

Юноша женился на ней, и они стали жить-поживать. Если на их землю налетали враги, молодой джигит доставал свою волшебную саблю, садился на чудесного коня, выезжал навстречу врагам и обращал их в бегство. И пошла из аула в аул молва о добром непобедимом богатыре и его красавице жене.

Как старик шайтанов перехитрил

подножия высокой горы, на опушке леса стояла маленькая сакля, обмазанная глиной, с плоской крышей, небольшими окнами и низенькой дверью. В той сакле жили старик со старухой. Детей у них не было. Старик ходил в лес на охоту, а старуха за домом смотрела.

Однажды на рассвете шел старик лесом и под кустом увидел спящего зайца, но пожалел его и стрелять не стал. Пошел он дальше и в глубокой пещере заметил медведицу с медвежатами. Их он тоже не тронул и пошел своей дорогой.

А в том лесу с некоторых пор поселились черти-шайтаны. Они считали лес своим, и им не нравилось, что старик как хозяин бродит по лесу и охотится. Собрались они и решили выжить старика из леса. Но как это сделать? Долго думали, но не могли ничего придумать. Наконец самый старший шайтан, огромный, страшный – звали его Панк-Панк, – сказал:

– Я выйду к нему и скажу: «Я – Панк-Панк, самый страшный среди шайтанов! Давай, старик, бороться с тобой! Если ты меня поборешь, то можешь и дальше в нашем лесу охотиться. А уж если я тебя поборю – ты уйдешь отсюда и больше никогда в лес не будешь приходить».

– Хитро ты придумал! – закричали шайтаны.

Отыскал Панк-Панк старика в чаще, подошел к нему и говорит:

– Я – Панк-Панк, самый страшный среди шайтанов! Давай, старик, с тобой бороться! Если ты меня поборешь, то можешь и дальше в нашем лесу охотиться. А уж если я тебя поборю – ты уйдешь отсюда и больше никогда в наш лес не будешь приходить.

– Хорошо, я согласен, – отвечает старик, – но только сначала ты поборись с моим младшим братом, а то я боюсь, что переломаю тебе все ребра.

Повел он страшного Панк-Панка к той пещере, где заметил медведицу, и говорит:

– Мой младший брат живет в этой пещере. Зайди к нему и поборись с ним. А уж если его поборешь, тогда и я стану с тобой силой мериться.

Послушался его Панк-Панк и пошел в пещеру. А медведица проснулась на шорох, поднялась на задние лапы, обхватила непрошеного гостя и давай его мять. Помяла-помяла, в пыли поваляла и сбросила в пропасть.

Выбрался Панк-Панк из пропасти еле живой, а старик тут как тут – стоит, усмехается:

– Ну что, теперь со мной поборешься?

А Панк-Панк и слова не в силах вымолвить. Притворился, что не видит старика, и побрел скорее в чащу. Добрался к своим, еле в себя пришел, а потом поведал, что с ним случилось.

– Нет, никому из нас не побороть старика! – закончил он рассказ.

Стали шайтаны думать, советоваться, как дальше быть. Долго думали, но не могли ничего придумать. Наконец средний шайтан, самый ловкий и быстрый – звали его Танк-Танк, – предложил:

– Я выйду к старику и скажу ему: «Я – Танк-Танк, самый быстрый и самый ловкий среди шайтанов! Давай, старик, с тобой наперегонки побежим. Если ты прибежишь первым, то можешь и дальше в нашем лесу охотиться. А уж если я буду первым – ты уйдешь из нашего леса и больше никогда сюда не вернешься».

– Хитро ты придумал! – закричали шайтаны.

Отыскал Танк-Танк старика в чаще, подошел к нему и сказал:

– Я – Танк-Танк, самый быстрый и самый ловкий среди шайтанов! Давай, старик, с тобой наперегонки побежим! Если ты прибежишь первым, то можешь и дальше в нашем лесу охотиться. А уж если я буду первым – ты уйдешь из нашего леса и больше никогда сюда не вернешься.

– Хорошо, я согласен, – отвечает старик, – но только сначала ты моего сынка догони. Хочу убедиться, быстро ли ты бегаешь.

Повел он Танк-Танка в ту сторону, где видел зайца, который спал под кустом. Не доходя до куста, остановился, поднял сосновую шишку и бросил в зайца, а шайтану сказал:

– Беги за ним!

Заяц вскочил и бросился наутек, а Танк-Танк помчался за ним следом. Полдня носился он за зайцем, но так и не смог догнать его.

Исцарапался он, запыхался – вот-вот задохнется.

Понял Танк-Танк, что сына старика ему не догнать. Свалился на тропинку и лежит – отдышаться не может. А старик тут как тут – стоит усмехается:

– Ну что, теперь со мной наперегонки побежишь?

А Танк-Танк и слова не может вымолвить. Притворился, что не видит старика, поднялся и побрел скорее в чащу. Добрался кое-как к своим, еле в себя пришел, а потом подробно рассказал шайтанам, что с ним случилось.

– Нет, никому из нас не обогнать старика! – закончил он свой рассказ.

Стали шайтаны думать, как дальше быть. Долго думали, но ничего не могли придумать. Наконец самый младший, самый сильный и самый хитрый – звали его Манк-Манк, – предложил:

– Я возьму булаву, которая нам от наших предков досталась, выйду к старику и скажу ему: «Я – Манк-Манк, самый сильный и самый хитрый среди шайтанов! Давай, старик, будем с тобой бросать эту булаву. Если ты бросишь ее выше, чем я, то можешь и дальше в нашем лесу охотиться. А уж если я брошу булаву выше, то ты уйдешь из нашего леса и больше никогда сюда не придешь».

– Хитро ты придумал! – воскликнули шайтаны.

Вышел Манк-Манк из чащи, отыскал старика и сказал ему:

– Я – Манк-Манк, самый сильный и самый хитрый среди шайтанов! Давай, старик, будем с тобой бросать эту булаву. Если ты бросишь ее выше, чем я, то можешь и дальше в нашем лесу охотиться. А уж если я брошу булаву выше – ты уйдешь из нашего леса и больше никогда сюда не придешь.

– Хорошо, я согласен, – отвечает старик, – только начнем с тебя, ты бросай первый.

Схватил Манк-Манк тяжелую булаву, замахнулся и изо всей силы бросил ее вверх. Взлетела булава выше самых высоких деревьев, выше самой высокой горы и скрылась в тучах. И только через час послышался вой, и свист и булава упала, ушла в землю по самую рукоятку.

– Теперь твоя очередь, старик! – гордо сказал Манк-Манк, самый сильный и самый хитрый среди шайтанов.

Старик взялся за рукоятку, но бросать не спешил – он знал, что такую тяжелую булаву ему и не поднять. Стоит он, на небо поглядывает и будто высматривает что-то.

А Манк-Манку не терпится.

– Что же ты не бросаешь?

Старик ему отвечает:

– В прошлом году я забросил на небо такую же булаву и пробил там дыру. Этой дыры сейчас не видно, ее облаком закрыло. Подождем, пока облако в сторону уйдет, чтобы не пробивать новых дыр.

– Что ты, что ты, старик! – испугался Манк-Манк. – Эту булаву нельзя насовсем забрасывать, она нам от наших предков досталась!

Не стал он дожидаться, что ему ответит старик, вырвал булаву из земли и бросился с нею в чащу. Бежит, а сам все оглядывается – не догоняет ли старик, чтобы отобрать заветную булаву и забросить на небо.

Прибежал он к братьям своим, долго в себя не мог прийти, а потом рассказал, как старик хотел забросить на небо булаву, которая им от предков досталась.

– Нет, ничего с этим стариком нам не сделать! – сказали шайтаны.

И решили они, что лучше им самим покинуть этот лес и перебраться в другое место.

Так они и сделали. Взяли свою булаву и побрели куда-то в горы – подальше от хитрого старика.

А старик остался со своей старушкой жить в сакле на опушке леса.

Он спокойно охотился в лесу, а старуха за домом смотрела.

Кузнечик и муравей

Было это или нет – сказать трудно. На опушке леса около старого дерева жили два друга – кузнечик и муравей. Знали они вокруг каждую травинку, каждый листочек, каждую ямку. Знали тропинку, которая мимо дерева проходила. Часто выбирались они на тропинку и глядели вдаль, на синие горы. И захотелось им отойти от дерева подальше, посмотреть, куда тропинка ведет, узнать, что есть вокруг. Долго они размышляли об этом и вот однажды встали пораньше и отправились в путь. Шли-шли – и оказался у них на пути пруд. Не то чтобы очень большой – воробей мог бы его осушить, но обойти нельзя. Надо перепрыгнуть.

– Прыгай, муравей! – сказал кузнечик.

– Прыгай ты! – ответил муравей.

– Нет, первым ты прыгай! – стоял на своем кузнечик.

Муравей прыгнул и упал в воду, а выбраться не может. Взмолился он тоненьким голоском:

– Кузнечик, разыщи в лесу дикого кабана, попроси у него щетинку и помоги мне выбраться из воды.

Отыскал кузнечик дикого кабана и попросил:

– Дай мне, пожалуйста, щетинку. Я вытащу ею своего друга муравья из воды, и мы вернемся домой.

– Хорошо, – прохрюкал кабан, – но принеси мне сначала желудь.

Попрыгал кузнечик к дубу.

– Дуб, дуб, дай мне, пожалуйста, желудь. Я его кабану отнесу, он даст мне щетинку, я вытащу ею своего друга муравья из воды, и мы вернемся домой.

– Желудь я тебе дам, – прошелестел листьями дуб, – но скажи лесному голубю, чтобы он на меня не садился.

Поспешил кузнечик к лесному голубю.

– Голубь быстрокрылый, не садись ты на дуб: тогда дуб мне желудь даст, я отнесу желудь дикому кабану, кабан мне даст щетинку, я вытащу ею своего друга муравья из воды, и мы вернемся домой.

– Пусть по-твоему будет, – сказал лесной голубь, – не стану я на дуб садиться, но сначала попроси для меня горсть кукурузы у сапетки.

Попрыгал кузнечик к сапетке.

– Сапетка, сапетка, сделай милость, дай мне горсть кукурузы: кукурузу я отнесу лесному голубю, голубь не будет садиться на дуб, а дуб мне даст желудь, желудь я отнесу дикому кабану, кабан мне даст щетинку, этой щетинкой я вытащу своего друга муравья из воды, и мы вернемся домой.

– Дам я тебе горсть кукурузы, – отвечала сапетка, – но и ты окажи мне услугу: скажи мышам, чтобы они не лазили сюда за зерном.

Попрыгал кузнечик к мышам.

– Мышата, милые, не лазьте в сапетку: сапетка даст мне горсть кукурузы, кукурузу я отнесу лесному голубю, голубь не будет садиться на дуб, а дуб мне даст желудь, желудь я дам дикому кабану, кабан мне даст щетинку, этой щетинкой я вытащу своего друга муравья из воды, и мы вернемся домой.

– Будь по-твоему, – сказали мыши, – но сперва скажи кошке, чтобы она не трогала нас.

Отыскал кузнечик кошку.

– Кошка, кошка, не трогай, пожалуйста, мышек: мышки не будут в сапетку лазить, сапетка мне даст горсть кукурузы, кукурузу я дам лесному голубю, голубь не станет садиться на дуб, а дуб мне даст желудь, желудь я отнесу кабану, кабан мне даст щетинку, этой щетинкой я вытащу своего друга муравья из воды, и мы вернемся домой.

– Хорошо – сказала кошка, – но сначала попроси у коровы молока для меня.

Нашел кузнечик корову.

– Добрая коровушка, дай мне миску молока: я отнесу ее кошке, а кошка не станет трогать мышей, мыши не будут лазить в сапетку, сапетка мне даст горсть кукурузы, кукурузу я дам лесному голубю, голубь не будет садиться на дуб, дуб мне даст желудь, желудь я отнесу дикому кабану, кабан мне даст щетинку, этой щетинкой я вытащу своего друга муравья из воды, и мы вернемся домой.

– Будет тебе молоко, – промычала корова, – но попроси для меня сперва охапку сена у косаря.

Прискакал кузнечик на луг, где косарь сено стоговал.

– Косарь, дорогой, дай мне охапку сена: сено я отнесу корове, корова мне даст миску молока, молоко я дам кошке, кошка не будет трогать мышек, мышки не будут лазить в сапетку, сапетка мне даст горсть кукурузы, кукурузу я отнесу лесному голубю, голубь не будет садиться на дуб, дуб мне даст желудь, желудь я отнесу дикому кабану, кабан мне даст щетинку, этой щетинкой я вытащу своего друга муравья из воды, и мы вернемся домой.

– Сена мне не жалко, бери, сколько хочешь, – отвечал косарь, – но сначала сходи к моей жене, принеси мне теплую лепешку.

Поспешил кузнечик к жене косаря.

– Тетя, дай мне лепешку: лепешку я отнесу косарю, косарь мне даст охапку сена, сено я дам корове, корова мне даст миску молока, молоко я дам кошке, кошка не будет трогать мышек, мышки не будут лазить в сапетку, сапетка даст мне горсть кукурузы, кукурузу я дам лесному голубю, голубь не будет садиться на дуб, дуб мне даст желудь, желудь я отнесу дикому кабану, кабан мне даст щетинку, этой щетинкой я вытащу своего друга муравья из воды, и мы вернемся домой.

Добрая женщина разгребла в печке золу, вынула самую поджаристую лепешку, посыпала солью и протянула кузнечику. Кузнечик отнес ее косарю. Косарь дал ему охапку сена. Кузнечик отнес сено корове. Корова дала ему миску молока. Кузнечик отдал молоко кошке. Кошка обещала не трогать мышек. Мышки обещали не лазить в сапетку. Сапетка дала кузнечику горсть кукурузы. Он отнес кукурузу голубю. Голубь обещал не садиться на дуб. Дуб дал кузнечику желудь. Он отнес желудь дикому кабану. Кабан дал кузнечику щетинку.

Кузнечик поскакал к муравью, протянул ему щетинку и вытащил муравья из воды. Целые и невредимые, друзья вернулись домой.

КАБАРДИНСКИЕ СКАЗКИ

Высоко торчащий колос часто бывает пустым.

Приключения Тембота

одного славного джигита родился сын. Назвали его Темботом. Удивительный был этот мальчик – рос не по дням, а по часам. Через семь дней был он как семилетний, а через семнадцать дней стал словно семнадцатилетний юноша. Видит отец, что растет у него необыкновенный сын и что уже пришла пора посадить его на коня.

Вот и говорит однажды отец Темботу:

– Хочу я, чтобы ты выбрал себе достойного коня. Поезжай завтра к реке, к тому месту, куда приходят на водопой кони. Вырой неподалеку яму и спрячься в ней. Конь, который подойдет к реке последним, будет твоим. Как только он станет пить, ты подкрадись неслышно и вскочи ему на спину. Это не простой конь. Он захочет сбросить тебя, но ты держись.

Тембот так и сделал. Когда последний конь подошел к реке напиться, Тембот подкрался к нему и вскочил на спину. Чего только не выделывал конь – он то взмывал выше туч, то кидался на землю, но никак не мог сбросить седока.

Понял конь, что не сладить ему с Темботом, и заговорил человечьим голосом:

– Я вижу, ты будешь славным джигитом. Клянусь, я буду тебе достойным конем.

Вернулся Тембот домой.

– Теперь у меня есть конь – пришла пора испытать мою силу. Разреши мне отправиться в дальний путь, – сказал он отцу.

– Ну что ж, поезжай. Пусть твой путь будет счастливым.

Снарядили Тембота по всем правилам, оседлал он своего коня и поскакал.

Едет-скачет, едет-скачет. Видит: мчится навстречу ему джигит на сером коне. Поравнялись они, Тембот и спрашивает.

– Куда путь держишь?

– Слыхал я, что славный Тембот решил испытать свою силу. Вот я и хочу быть ему товарищем!

– Так я и есть Тембот!

Поехали они вместе. Проехали немного. Видят: мчится навстречу им джигит на вороном коне. Поравнялись они, Тембот спрашивает:

– Куда путь держишь?

– Слыхал я, что славный Тембот решил испытать свою силу. Хочу быть ему товарищем!

– Так я и есть Тембот!

Поехали они втроем и вскоре встретили всадника на белом коне. И этот всадник поехал вместе с ними.

Едут-скачут, едут-скачут, и подъехали они к какому-то аулу.

А в том ауле шел большой пир и состязание. Джигиты перескакивали на конях через огромные рвы и стреляли в игольное ушко. Тому, кто попадет в игольное ушко, князь обещал в жены свою дочь – красавицу красоты несказанной.

Товарищи Тембота вступили в состязание, да ничего у них не получилось. Не смогли они перепрыгнуть ров, не попали в игольное ушко.

Тогда решил попытать счастья Тембот. Натянул он поводья, и словно птица, перелетел его конь через огромный ров. Потом прицелился Тембот, пустил стрелу и попал в игольное ушко. Досталась ему прекрасная княжеская дочь.

Пригласил князь Тембота и его товарищей в кунацкую и угостил, как положено по обычаю кабардинцев.

Утром Тембот сказал своему первому товарищу:

– Пусть прекрасная княжеская дочь станет твоей женой. Оставайся здесь, а мы поедем дальше.

Долго ехал Тембот с двумя товарищами, и наконец подъехали к какому-то аулу. Здесь тоже было большое празднество.

Князь этого аула обещал отдать в жены свою красавицу дочь самому ловкому и смелому джигиту.

В глубоком рву был разведен огромный костер, а на ровной площадке вкопан высокий столб. На верхушке столба торчала игла. Тот, кто перепрыгнет на скакуне через ров и попадет стрелой в ушко иглы, получит княжескую дочь.

Товарищи Тембота даже не вступили в состязание – очень уж глубокий был ров!

А Тембот решил попытать счастья. Он подоткнул полы своей черкески, трижды ударил плетью своего коня. Конь легко перескочил огненный ров. Пустил Тембот стрелу и попал в игольное ушко.

Князь пригласил Тембота и его товарищей в кунацкую и угостил по всем обычаям.

Утром Тембот сказал своему второму товарищу:

– Пусть прекрасная княжеская дочь станет твоей женой. Оставайся здесь, а мы поедем дальше.

Отправился Тембот в путь теперь уже с одним товарищем. Много ли, мало ли они проехали, кто знает – добрались они до третьего аула. И здесь князь отдавал в жены свою дочь самому ловкому джигиту. Посреди двора был врыт высокий столб, а на верхушке столба был укреплен рог с хмельной махсымой[1]. Тот, кто взберется на столб, снимет рог и спустится с ним, не пролив ни капли напитка, – тот победитель.

Многие джигиты хотели получить в жены прекрасную девушку, но ни один из них не смог даже до середины столба подняться!

Только Тембот сумел снять рог и спуститься с ним, не расплескав ни капли.

Князь пригласил Тембота и его товарища в кунацкую и угостил, как велит обычай.

Утром Тембот отдал девушку в жены своему третьему товарищу, а сам пустился в путь – теперь уже один.

Всякий раз, когда Тембот расставался со своим другом, он говорил ему.

– Каждую пятницу пускай в небо стрелу. Если я буду жив, стрела вернется на землю и с нее потечет молоко. Если же на ней выступит кровь, значит, со мной стряслась беда. Тогда спеши мне на помощь. И еще запомни: моя сила – в моем мече. Если мой меч бросить в море, я погибну.

Ехал Тембот, ехал и приехал к развилке трех дорог. Там лежал огромный черный камень. На камне было написано:

«Поедешь прямо – будет тебе удача, поедешь налево – ждет тебя беда, направо поедешь – будет твой путь спокойным и безопасным».

«Я пустился в дальний путь, чтобы испытать свою силу», – подумал Тембот и поехал налево, по самой опасной дороге.

[1] *Слабоалкогольный напиток из проса.*

Слышит Тембот – скачут за ним следом всадники. Обернулся он и видит: догоняют его кровожадные сыновья-людоеды ведьмы Наужыдзы.

Быстро помчался Тембот, еще быстрее скакали враги – вот-вот догонят! Тогда Тембот неожиданно повернул коня навстречу преследователям, и не успели враги опомниться, как Тембот снес им головы. Взял Тембот их оружие и доспехи, навьючил на коней и погнал коней впереди себя.

Вскоре подъехал он к какому-то дому. Привязал Тембот коней к коновязи, а сам вошел в дом.

У очага сидела старуха Наужыдза, точила свой единственный зуб.

– Входи, сын мой, гостем будешь, – ласково сказала коварная старуха.

– Накорми меня, нана, я сильно проголодался! – сказал Тембот.

Старуха стала проворно готовить угощение, а сама думала о том, что этот славный джигит живым от нее не уйдет.

Стал Тембот есть, вдруг видит: словно молния блеснула за окном.

– Скажи, нана, что это блеснуло? – спросил он старуху.

– Это сияет дом, в котором живет красавица. Только тебе не увидеть ее, даже и не думай об этом!

– Но я должен тотчас поехать туда! – воскликнул Тембот.

– Ну, если ты не можешь не поехать туда, то слушай меня. Иди на морской берег и притаись в кустах. Каждый день из моря выходит морская свинья и ложится на песок. Когда свинья уляжется на песке, ты вскочи к ней на спину. Она бросится в воду, а ты крепко держись. Свинья перенесет тебя на другой берег, а там уже ты сам найдешь дом красавицы.

Сделал Тембот так, как сказала ему старуха, и очутился на другом берегу моря. Вошел он в дом и увидел девушку необыкновенной красоты.

Обрадовалась девушка, увидев Тембота, с первого взгляда полюбился ей статный джигит. Вскоре они поженились.

А тем временем старуха Наужыдза ждет не дождется своих сыновей. Вышла она во двор, увидела связанных коней и поняла, что ее сыновья погибли от руки Тембота. Решила Наужыдза отомстить Темботу.

Бросила Наужыдза свой платок, и прекинулся через море железный мост. Перешла она море по тому мосту. Надела старуха на себя всякое тряпье, приняла облик доброй женщины и пошла к дому Тембота. А он как раз возвращался с охоты. Видит: сидит на земле старушка, оборванная, худая.

– Что ты здесь делаешь, нана? – участливо спросил он.

– Нет у меня ни сына, ни дочери, некому приютить и накормить меня, – ответила старуха. – Возьми меня в свой дом.

Пожалел Тембот бедную старуху. Долго жила старуха в доме Тембота. Все к ней привыкли и почитали как старшую.

А Наужыдза не забыла, что она пришла погубить Тембота. Выведала она у жены Тембота, что его сила находится в мече, а меч хранится в сундуке.

– Если бросить меч в море, Тембот погибнет, – сказала женщина старухе.

Улучила старуха удобный момент, выкрала из сундука меч и бросила его в море.

Наступило утро. Все поднялись, а Тембот спит и спит. Стали его будить – не добудятся. Горько заплакала жена.

А Наужыдза злорадно смеется:

– Это я лишила Тембота силы! Я кинула его меч в море.

Сказала так и вернулась в свой дом.

Тем временем три товарища Тембота жили счастливо и благополучно. Они помнили о своем друге и каждую пятницу пускали в небо по стреле. Всякий раз на стреле выступало молоко, и они были спокойны. Значит, Тембот жив-здоров.

Однажды в пятницу пустили они свои стрелы в небо. Когда стрелы вернулись на землю, выступила на них кровь. Поняли друзья, что с Темботом стряслась беда и надо спешить ему на помощь.

Собрались они все втроем и отправились в путь. Приехали к развилке трех дорог, прочитали надпись на камне и решили, что Тембот мог поехать только по самому опасному пути.

Поехали они по страшному пути и вскоре увидели курган, а немного дальше – убитых дзаунежей.

– Всех их убил наш Тембот, – догадались они.

Приехали друзья во двор старухи Наужыдзы и увидели коня возле коновязи – тотчас узнали коня Тембота.

– Добро пожаловать, сыны мои, будьте гостями! – ласково встретила их коварная старуха.

– Где хозяин этого коня? – спросили всадники.

Отвечала им старуха, что Тембот переправился на другой берег моря и женился там на красавице.

– Мы должны немедленно перебраться на тот берег! – решили друзья.

Переправились друзья через море. Вошли они в белый дом и увидели спящего непробудным сном Тембота. Горькими слезами плакала его жена-красавица:

– Коварная старуха погубила Тембота! Это она бросила его меч в море!

– Мы спасем Тембота! – воскликнули его друзья.

Вышли они на берег и до тех пор ныряли в море, пока не нашли меч.

Как только пристегнули меч к поясу Тембота, тотчас вздохнул славный джигит и открыл глаза.

– Долго же я спал, – сказал Тембот.

А коварная Наужыдза лопнула от злости, когда узнала, что Тембот жив и здоров остался.

Жир-Аслан

Давным-давно, когда в дождь пыль столбом поднималась, а в сушь люди не могли из грязи выбраться, когда солнце светило ночью, а днем мерцали звезды, жил да был на свете мальчик. Звали его Жир-Аслан. Мать у него умерла, и отец привел в дом мачеху. Невзлюбила мачеха Жир-Аслана, заставляла его работать, караулить двор и дом. Не мог Жир-Аслан ни поиграть вдоволь, ни поспать всласть. Рассыплет мачеха по всему двору пшено сушиться, а Жир-Аслан должен сторожить, чтобы не склевали куры или птицы.

Скучно было мальчику сторожить целыми днями. Однажды он сидел, сидел да уснул. А куры налетели на пшено и склевали все до единого зернышки. Вышла мачеха во двор, увидела, что нет пшена, разозлилась, раскричалась, толкнула мальчика ногой.

Вздохнул Жир-Аслан и говорит:

– Эх, нана, зачем ты разбудила меня, я видел такой чудесный сон!

– Расскажи-ка, что за сон ты видел.

Но Жир-Аслан не хотел рассказать свой сон. Пуще прежнего разозлилась мачеха и прогнала его со двора. Что делать? Пошел Жир-Аслан, куда глаза глядят.

Нанялся он в работники к старому князю. Прилежно трудился Жир-Аслан. Заметил князь трудолюбивого работника и однажды позвал его к себе. Стал князь расспрашивать Жир-Аслана, чей он родом, почему ушел из дому.

Рассказал Жир-Аслан, как плохо жилось ему у мачехи, как однажды он увидел чудесный сон, а в это время куры склевали все пшено, как злая мачеха прогнала его из дому.

Захотелось князю узнать, что за сон он видел, но Жир-Аслан не рассказал и ему. Разгневался князь, прогнал юношу.

Пошел Жир-Аслан искать удачи. Шел он три дня и три ночи, сильно проголодался и вдруг увидел бахчу. Сорвал Жир-Аслан самый большой арбуз, наелся и тут же уснул.

Надо сказать, что Жир-Аслан был очень красивый. Половина волос на его голове была словно красное золото, другая половина – словно желтое золото. Когда он уснул, упала с его головы шапка, волосы рассыпались и сияли, как солнце.

Пришла на бахчу княжеская дочь Фатима. Увидела она прекрасного юношу и с первого взгляда полюбила его. Присела она рядом с Жир-Асланом, расчесала его золотые кудри и неслышно надела шапку. Потом сорвала самый спелый арбуз и понесла домой.

Увидели сторожа спящего Жир-Аслана, растолкали его и потащили к князю.

Стал князь расспрашивать Жир-Аслана, кто он и откуда. Все без утайки рассказал Жир-Аслан. Захотелось и князю узнать, какой сон приснился Жир-Аслану. И опять отказался Жир-Аслан рассказать сон. Разгневался князь, велел бросить его в болото.

Проворные слуги связали Жир-Аслана, бросили его в болото.

А Фатима не могла забыть прекрасного юношу, которого видела на бахче. Взяла она ведро и пошла будто бы за водой. Шла она, шла и отыскала на болоте Жир-Аслана.

Развязала она его, помогла выбраться из болота.

Каждый день приходила Фатима на болото и приносила Жир-Аслану еду.

Однажды пришла Фатима печальная. Спросил ее Жир-Аслан:

– Какая беда у тебя случилась?

– Напал на наш аул воинственный хан. Прислал он моему отцу два одинаковых ножа, чтобы мы угадали, какой нож крестьянский, а какой княжеский, – отвечала Фатима. – Если в трехдневный срок не пришлем ответ, он уничтожит наш аул.

Жир-Аслан и говорит:

– Это совсем не трудно узнать. Пойди домой, разведи огонь и поднеси ножи к огню. Крестьянский нож какой был, таким и останется – он закален в работе, а княжеский сразу погнется.

Побежала Фатима домой, развела огонь и поднесла к нему ножи. Один нож сразу погнулся, а второй каким был, таким и остался. Фатима отнесла ножи к отцу и говорит:

– Вот этот нож крестьянский, а этот – княжеский.

Прошло несколько дней, и снова прислал вражеский хан своих слуг. На этот раз они принесли двух одинаковых петухов.

– Угадайте, какой из петухов старый, а какой – молодой, – сказали посланцы хана. – Если через два дня не дадите ответ, наш хан разорит вас.

Загоревал князь, а Фатима пошла на болото к Жир-Аслану за советом.

– Стоит ли горевать, ведь это так просто определить, какой петух молод, а какой стар, – сказал ей Жир-Аслан. – Насыпь пшена и пусти петухов. Молодой станет быстро клевать, не поднимая головы, а старый будет суетиться, созывать кур. Так и узнаешь, где старый петух, а где молодой.

Все сделала Фатима, как посоветовал Жир-Аслан, и разгадала вторую загадку хана.

Прошла еще неделя. Встал однажды утром князь и видит: лежит возле его дома огромный абра-камень[1], поднять который под силу не всякому богатырю. Откуда взялся абра-камень, никто не знал. А вражеский хан прислал гонца.

– Если сможете сдвинуть с места абра-камень, хан помилует вас, если нет – уничтожит, – сказал гонец.

Снова пошла Фатима к Жир-Аслану и поведала о своем горе. Жир-Аслан сказал, что он смог бы не только сдвинуть тот камень с места, но и далеко забросить его, да вот боится показаться на глаза ее отцу.

Вернулась Фатима домой и говорит князю-отцу:

– Узнала я, что спасти нас может тот юноша, которого когда-то ты велел бросить в болото, да разве найдешь его теперь? Наверное, и кости его давно уже травой поросли.

Послал князь своих слуг на болото разыскать Жир-Аслана.

Долго искали слуги, наконец, нашли Жир-Аслана и привели его к князю. Говорит князь Жир-Аслану:

– Если ты сдвинешь этот абра-камень с места, я отдам тебе в жены свою дочь.

– Это совсем не трудно, – ответил Жир-Аслан. – Я могу не только сдвинуть, но и забросить его в ханский двор.

Ударил Жир-Аслан ногой абра-камень, полетел камень и упал прямо на ханский дом.

Обрадовался князь победе над врагом. Пышную свадьбу-пир на весь аул устроил. Стала Фатима женой Жир-Аслана.

---

[1] *Камни, которыми заваливали вход в пещеру, а сказочные персонажи мерялись силой.*

Прошло много лет. Родились у Фатимы девочка и мальчик, прекрасные, как солнце и луна. Однажды Жир-Аслан играл с детьми и вдруг громко рассмеялся.

– Что ты смеешься? – удивилась Фатима.

– Вспомнил я чудесный сон, который видел когда-то давным-давно, – ответил он.

– Пусть будет к добру твой сон, – сказала Фатима. – Что же тебе приснилось?

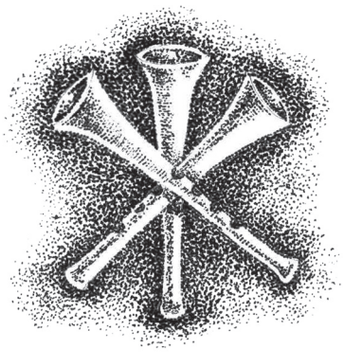
– До сих пор ни один человек не пожелал, чтобы мой сон был к добру, и потому я никому не рассказал его. Да и сон был какой-то непонятный: будто спустилась с неба луна, вошла в мой правый рукав и вышла из левого. Потом с неба сошло солнце, оно вошло в левый рукав и вышло из правого. Что бы это значило?

– Луна – это мальчик, а солнце – девочка. Теперь твой сон исполнился. У тебя есть и мальчик, и девочка, – сказала Фатима.

Долго и счастливо жил Жир-Аслан. Сын его вырос храбрым джигитом, а дочь стала первой красавицей.

Сын бедной вдовы

ила-была вдова. Была она бедная – бедней всех в ауле. Только и радости у нее, что единственный сын. Мать души в нем не чаяла, трудилась днем и ночью, чтобы мальчик был сыт, обут и одет, но бедность не покидала ее дома. И решил юноша пойти в работники. Нанялся он чабаном к одному богачу. Договорились, что проработает он пять лет и за это время ни разу не должен отлучаться от стада.

Стал юноша чабаном. Прошло три года, и затосковал он по матери. Увидели это его товарищи-чабаны и говорят: «Пойди домой, проведай мать – не скажем мы хозяину, что ты отлучался».

Пошел юноша домой, повидался с матерью. Мать приготовила ему на дорогу гомыле, и рано утром отправился он обратно. Идет он и вдруг видит на дороге змеенышей. Удивился он, почему так медленно они ползут, и решил, что голодные. Накормил их и пошел дальше.

В это время змея, мать тех змеенышей, вернулась с добычей. Удивилась она, когда увидела своих детей сытыми и веселыми. Змееныши рассказали, что накормил их какой-то добрый человек.

Догнала змея юношу:

– Зачем ты накормил моих детей, ты ведь знаешь, что люди и змеи – давние враги. Я хочу знать, что ты дал им, – дай и мне попробовать.

Отведала змея, что ели ее дети, и осталась довольна. И решила отблагодарить юношу.

– С этого дня ты станешь понимать язык птиц и зверей. Открой-ка рот!

Испугался юноша – много слыхал он о коварстве змей. Но что было делать? Открыл рот, и змея плюнула ему под язык. Прислушался: что за диво! Сколько секретов зверей и птиц узнал он! Поблагодарил змею и

пошел своей дорогой. Шел-шел, вот уже и видна вдали его отара. Вдруг слышит он: одна ворона говорит другой:

– Сегодня ночью на эту отару нападут разбойники-волки и перережут все стадо; вот уж завтра наедимся мы с тобой досыта!

А другая ворона отвечает:

– Нам немало пищи достается и от чабанов, поэтому лучше бы, если бы эта отара осталась целой. Догадались бы чабаны уйти вон в ту лощину.

Пошел юноша дальше и слышит: два волка говорят о том же. Пришел он к чабанам, а как сказать им, что понял он разговор ворон и волков, как предупредить о беде? Думал, думал и решил сказать, что видел плохой сон, а потому лучше бы перебраться им вон в ту лощину. Посмеялись над ним чабаны и не стали перегонять отару. А юноша перегнал своих овец и сам укрылся в лощине. Только успел он сделать загон для овец, как услышал вой волка, предупреждающий других волков, что можно нападать на отару.

Разговор волков услышали собаки-овчарки, охранявшие отару; самая большая из них – красивая черная собака – сказала:

– Огромная стая волков собирается напасть на отару. Если бы наш чабан зарезал самого жирного барана и накормил нас как следует, мы смогли бы одолеть волков.

Быстро выбрал парень самого жирного барана, зарезал его и накормил собак.

Когда ночью на отару напали волки, собаки без труда растерзали их. А от той отары, что паслась на прежнем месте, не осталось ни одной овцы – всех угнали серые разбойники.

Утром юноша выгнал свою отару из лощины и направился в аул. Навстречу ему валом валил народ – услышали люди о нападении разбойников-волков и спешили на помощь чабанам. Среди них был и хозяин отары, которую пас юноша. Обрадовался он, когда увидел, что все его овцы целы, щедро наградил юношу и отпустил домой.

И зажили юноша со своей матерью богато и счастливо.

Трудовые деньги

Был у одного человека сын-лентяй. Отец трудился с утра до позднего вечера, а сын с утра до позднего вечера бездельничал. Как люди работают, он и понятия не имел, ел и пил готовое, одевался в одежду, сшитую чужими руками. Притом и отцовских денег не жалел, тратил их не считая.

Надоело это отцу. Решил он приучить сына к труду, решил сделать его бережливым. Отвез он сына в соседний аул и отдал его в работники за один золотой в год.

Не хотелось лентяю идти в работники, да ничего не поделаешь. А хозяин узнал, что лентяй – сынок небедных родителей, и подумал: «Зачем я буду заставлять парня работать, как других моих работников? Ведь привезли его ко мне, наверное, не за этим. И если я буду его на работе морить, отец может, пожалуй, и обидеться на меня!»

И хозяин не принуждал лентяя работать. Он хорошо кормил и хорошо одевал молодого бездельника.

Прошел год, хозяин дал лентяю, как было уговорено, один золотой и отпустил его.

Пришел сын домой.

– Ну как, сынок, поработал? – спрашивает отец.

– Поработал.

– Получил за свой труд плату?

– Получил.

– Дай-ка ее сюда!

Подал сын отцу полученный от хозяина золотой.

Отец взял этот золотой и, даже не взглянув на него, забросил в реку. Сын нисколько не удивился и не обратил никакого внимания на такой странный поступок отца. Да и деньги-то какие, подумаешь – всего один золотой!

– Ну, сынок, – сказал после этого отец, – поработай еще годик!

И отвел его в другой аул, к другому хозяину. С этим хозяином он уговорился, что сын проработает у него ровно год и получит за свой труд один золотой.

Этот хозяин, как и первый, подумал. «Может, привели ко мне этого молодца затем, чтобы испытать, каков я. Нет уж, не стану заставлять его работать, а то будет потом говорить, что у меня жалости нет!»

И он не стал принуждать лентяя к работе: хочешь – работай, не хочешь – не надо. А кормил и одевал лентяя хорошо.

Когда прошел год, хозяин дал ему золотой и отпустил домой.

Пришел сын к отцу.

– Ну, сынок, работал ты? – спрашивает отец.

– Работал.

– Получил деньги за работу?

– Получил.

– Дай-ка их сюда!

Подал сын отцу золотой. Отец взял этот золотой и забросил его в реку. Сын по-прежнему не обратил никакого внимания на поступок отца – даже не спросил его, зачем он бросил золотой в реку.

Видит отец, что не так идет дело, как ему хотелось.

На третий год отвез он сына в дальний аул и отдал в работники.

– Вижу я, – сказал отец хозяину, – что ты человек небогатый, поэтому и не прошу никакой платы за труды моего сына. Пусть так работает!

Догадался хозяин, что неспроста привезли к нему этого молодца. С первого же дня он заставил его работать и не позволял ни минуты сесть передохнуть. Только вечером, когда солнце зашло, он дал ему поесть.

Так и пошло день за днем: хозяин встанет чуть свет, примется за работу и лентяя поднимет. Сам трудится без устали и парню бездельничать не позволяет.

Тяжелым показался лентяю труд, он и охал, и кряхтел, и потом обливался, а хозяин будто и не замечал этого. Только одно повторял:

– Как я работаю, так и ты работай! Ни в чем от меня не отставай! Не будь лентяем! Не будь дармоедом!

Видит лентяй, что не спрячешься от работы.

И со временем так привык трудиться, что его и понукать не нужно было. Прежде хозяин подгонял его да бранил, а теперь иной раз и похваливал.

Проработал парень год, натер на руках большие мозоли, а свою нарядную одежду истрепал.

Когда срок кончился, хозяин сказал:

– Твой отец не просил никакой платы за твой труд, но ты так хорошо работал, что нельзя отпустить тебя с пустыми руками. Вот тебе два золотых. Отправляйся домой!

Вернулся сын домой. Взглянул на него отец, усмехнулся незаметно в усы и спросил.

– Ну, сынок дорогой, работал ты?

– Работал.

– Хорошо ли работал?

– Хорошо.

– А заплатил ли тебе хозяин за твою работу?

– Заплатил два золотых!

– Дай-ка их сюда!

Подал сын отцу два золотых. Отец взял эти золотые, и только было замахнулся, чтобы бросить их в реку, как сын подскочил к нему и схватил его за руку.

Отец взглянул на него и спросил:

– Что это ты так испугался?

Тогда сын воскликнул:

– Не бросай, отец, эти золотые в воду! Они достались мне тяжелым трудом!

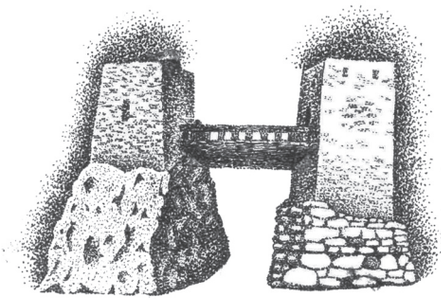
Улыбнулся отец и сказал:

– Вижу, сынок, что это твои трудовые деньги! А трудовые деньги зря не разбрасывают! Понял ты теперь это?

– Понял!

Есть сильнее сильного

Не то на низкой горе, не то на высокой низине в те времена, когда летом было морозно, а зимой жарко, когда в сушу, бывало, из грязи не вылезешь, а в дождь от пыли деваться некуда – жил да был один бедный, но очень сильный человек по имени Есенгель. Люди о нем говорили:

– Большая сила у этого Есенгеля! Такого другого силача и не видано.

А другие им на то отвечали:

– Так-то так, только и лентяя такого другого не подберешь! Если б он со своей силой да взялся за работу – не приходилось бы его старухе-матери голодать.

Сам же Есенгель беда как гордился своей силою.

– Сходил бы ты, сынок, в лес, дров нарубил бы да принес, – говорила ему его мать. – Холодно у нас, стынет моя кровь.

– Что ты, мать! Разве на то у меня богатырская сила, чтоб дрова рубить да таскать? – отвечает старухе Есенгель. – А вдруг узнают богатые князья, что я трачу свою силу на такое низкое дело: не скоро тогда мне дождаться счастья. Мне ведь только бы к знатному князю дружину попасть, оружие хорошее раздобыть. Я бы тогда весь свет победил.

И валяется Есенгель дома – все бережет свою силы для богатырских подвигов, дожидается, когда его позовут к богатому, знатному князю в дружину. А старуха-мать и дрова рубит, и воду носит, и еду себе с сыном кое-как добывает.

Всей скотины у них было – одна тощая коровенка. Да как ей и не быть тощей, кому ее было пасти? Старухе не осилить гонять скотину на дальние, хорошие пастбища, а Есенгель-богатырь такое дело за большой срам для себя считал. Вдруг увидит кто-нибудь, что славный витязь

пасет замоpенную коpовенку! И бpодила коpова по вытоптанным местам около дома.

Раз стаpухе матеpи что-то сильно нездоpовилось. И попpосила она сына:

– Пойди, сынок, попаси коpову в лесу, на хоpошей, сытной тpаве. Наестся она как следует, даст молока побольше, я каймак сделаю, и оба мы с тобой будем сыты. А то в доме ни кpошки еды нет.

Делать нечего, с голоду, говоpят, и сова днем летает. Погнал богатыpь коpову. Пригнал ее в лес, в самое глухое место, пустил пастись на поляне, а сам лег поодаль в кустах. Думает: «Если и пpойдет кто-нибудь мимо, меня не пpиметит!»

Много пpошло вpемени или мало, я не помню, а Есенгелю-богатыpю и вовсе невдомек, потому что он как лег, так и заснул богатыpским сном, – только учуяли волки, поющие ночью Богу хвалу на двенадцать голосов, что коpова без пpизоpа в лесу пасется. Учуяли, собpались стаей да как выскочат на поляну к коpове! Коpова бpыкнула, замычала – да от них. Хвост тоpчком, скачет домой во всю коpовью пpыть. А волки взвыли да за ней всей стаей. А за волками Есенгель-богатыpь несется. Pазбудили богатыpя волчий вой и мычание коpовы.

Бежит Есенгель вслед за волчьей стаей, кpичит на волков со всей мочи. И, веpно, стpашен был богатыpский голос. Вблизи жилья волки стpусили, отстали от коpов и веpнулись в лес поодиночке. А коpова набежала на ворота дома Есенгеля, наскочила со всего маху и стала. Ворота заперты – должно быть, мать заперла изнутри, проводив сына.

За коpовой следом подбежал к дому и Есенгель-богатыpь. Ай-ай-ай, какой злобой pаскалено богатыpское сеpдце: видели завистливые люди, как бежал витязь вслед за коpовенкой, босой и без шапки пpыгал, словно мальчишка какой; слышали ехидные бабы, как вопил богатыpь нескладно! И тепеpь смеются... А тут и ворота заперты – чтоб и петли их, и запоpы пpахом pассыпались!

Подскочил Есенгель к коpовенке, ухватил в злобе ее за хвост, поднатужился, pазмахнулся и швыpнул чеpез ворота, пеpекинул, словно ягненка или собачонку какую!

– Вот так сила! – говоpят люди кpугом. – Ай-ай-ай, какой богатыpь наш Есенгель! Сильней его нет никого на свете.

Отеp Есенгель с лица пот pукавом, взглянул на людей с гоpдостью и так им молвил:

– То-то! Эх, вы, чеpви несчастные! Стыдно мне, богатыpю, и жить-то с вами. Пойду по белому свету искать, с кем бы мне силой помеpиться. Найду себе хоть pавного пpотивника, может быть, веpнусь сюда. А не

найду – да где найти! – тогда весь свет завоюю, и сами вы ко мне придете поклониться. Так и матери моей скажите!

И ушел Есенгель-богатырь из родных мест искать себе равного по силе – сильнее то уж где найти!

Шел он много ли, мало ли – я того не знаю, да и он позабыл – и подошел к какой-то реке. На берегу той реки сидит человек, с виду будто калмык, и удит рыбу, а удилище у него – огромная столетняя сосна.

– Дай тебе Бог удачи, господин! – говорит ему Есенгель. – Видно, ты очень силен, если такой удочкой рыбу ловишь.

– Пусть твой путь прямым будет, молодец! – отвечает ему рыболов. – Какая во мне, во младшем, сила! Вот мой средний брат, дровосек, что на той стороне реки работает, тот, правда, силен.

– Хотел бы я на него поглядеть, – говорит Есенгель, – только не знаю, как через реку переправиться. Очень она глубока, быстра, да и ширина такая, что с берега на берег стрелой не достреляешь.

– Ну, что это за река! – отвечает рыболов. – Я тебя переправлю.

Посадил Есенгеля на ладонь и переставил на другой берег.

Пошел Есенгель искать среднего брата, дровосека. Шел-шел немало времени, и все срубленным лесом: куда глазом ни окинет – все толстые пни, и видно, что недавно деревья сняты. Рыболова Есенгель встретил близ полудня, а как солнце стало клониться к закату, увидал он и среднего его брата, дровосека. Сидит дровосек на земле, и рядом с ним лежит вязанка – все деревья из всего леса, что прошел с полудня Есенгель.

– Помоги тебе Бог в твоем труде! – говорит ему Есенгель. – Видно, очень ты силен, господин, если целый лес на плечах можешь нести.

– Какая это сила! – отвечает ему дровосек. – Вон, глянь на моего старшего брата, вправду, можно сказать, что он не бессилен.

– А где же теперь твой старший брат?

– Где? А не знаю хорошенько, в какой он теперь стороне. Если хочешь знать, садись мне на ноготь левого мизинца, – говорит Есенгелю дровосек.

Есенгель сел дровосеку на ноготь мизинца левой руки. Тот щелкнул пальцами – и полетел Есенгель кверху. А дровосек ему кричит вслед:

– Посматривай, молодец, в какой стороне горы шевелятся!

Через немногое время свалился Есенгель вниз. Дровосек его подхватил на лету и спрашивает:

– Видел, в какой стороне горы шевелятся?

– Видел, господин, отсюда прямо на закат солнца.

– Ну, иди туда, там, значит, старший брат и работает.

Пошел Есенгель на закат солнца. Шел – не шел, бежал – не бежал, к ночи добрался до гор. И видит: человек лопаткой режет горы, как кочки, и сваливает их в пропасти, чтоб разровнять себе местечко под посев.

– Чего смотришь, рот разинув? – спрашивает Есенгеля землекоп.

– Силе твоей дивлюсь, господин.

– Ну, дивиться нечего, найдутся и сильней меня. А ты ступай-ка в наш дом по ту сторону гор да скажи нашей матери, что мы все трое сейчас ужинать придем, – говорит землекоп.

– Помилуй меня, господин, – отвечает Есенгель, – да через эти горы мне и в десять дней не перебраться. И ночь к тому же, ничего не видно.

– Держись-ка за кончик моего уса! – приказал землекоп Есенгелю.

Тот схватился, а землекоп шевельнул усом и стряхнул Есенгеля у двери дома, по ту сторону гор.

– Будь моей молочной матерью, прими меня как родного твоего сына, – сказал Есенгель старухе и с теми словами поцеловал ее грудь. Уж после этого ей нельзя было по обычаю не пожалеть и не поберечь его!

– Ай-ай-ай, сынок нежданный! – сказала старуха. – Не знаю, как сохранить от беды тебя, такого несчастного, слабого. Ведь мои парни прислали тебя сюда, чтоб замучить до смерти, такая уж у них, у грубиянов, повадка. Ох, не первый ты попался, да первый ты, на твое счастье, догадался. Надо как-нибудь постараться тебя выручить!

Сковырнула старуха концом своей иголки ближнюю гору, выкопала под ней ямку, посадила в нее Есенгеля и опять гору на место подпихнула.

Вдруг идут братья – рыболов, дровосек и землекоп.

– А где этот человечек, которого мы сюда прислали? – спрашивают они у старухи.

А старуха им:

– Не знаю, – отвечает, – без вас сюда никто не приходил.

Сыновья понюхали вправо-влево и говорят ей сердито:

– Не обманывай, старуха! Чуем мы, что он здесь, вот здесь где-то близко, совсем рядом. Давай его сюда, а то мы песчинки на песчинке вокруг не оставим!

Нечего делать, пришлось старухе вынуть Есенгеля из ямки.

Сели братья ужинать и Есенгеля с собой посадили. Поужинав, братья стали по углам, старухе велели стать в четвертый угол, а Есенгеля поставили посредине сакли.

– Ну, рыболов, ты младший, – сказал землекоп, – начинай игру!

Рыболов дунул, и отшвырнуло Есенгеля прямо в угол, где старуха стояла. Словно пуля из ружья, полетел Есенгель. Хорошо, что старуха успела подхватить его налету, не дала удариться об стену, а то от него не осталось бы и мокрого места.

– Нет, детки, – говорит старуха, – это что за игра. Ишь, какого жидкого да слабого достали, – он сразу в мелкие брызги разлетится, если попадет в стену. Давайте лучше поставим его посередине и будем на него все вместе дуть. Вот весело будет глядеть, как он вертеться будет!

Сыновья согласились: поставили Есенгеля опять посреди сакли да как дунут на него все четверо сразу!

Завертелся Есенгель веретеном, взвился кверху и вылетел сквозь дыру в потолке, через которую дым выходит.

Это старуха пожалела беднягу: дунула ему под ноги, чтоб его вверх подкинуло.

Вылетел Есенгель из сакли и, свалившись потом с подоблачной выси, застрял в ветвях какого-то дерева.

Братья – рыболов, дровосек и землекоп – выбежали из сакли, поискали-поискали Есенгеля в темноте и назад вернулись.

– Не уйдет далеко ночью! – говорят. – А завтра мы его живо отыщем и доиграем с ним игру.

Как они ушли в саклю, Есенгель слез с дерева – и бежать! Всю ночь бежал, бедняга, сколько было силы, ослаб так, что когда солнце взошло, он уж еле плетется. Вдруг зашумело, загремело сзади. Слышит: бегут братья – рыболов, дровосек и землекоп, гонят следом за Есенгелем, между собой перекликаются:

– Вот он сейчас тут шел! Вот сейчас мы его схватим!

Совсем подкосились ноги у бедного Есенгеля, упал он на землю, ждет неминуемой смерти. Уж хотел было он зажмурить глаза, чтоб больше не раскрывать их, да видит, что мимо него идет какой-то старый человек, весь согнулся, охает и держится руками за бок, а на боку у него прилеплен целый плетень. Откуда у Есенгеля и сила взялась. Вскочил он с земли, подбежал к прохожему, пал перед ним на колени, молит:

– Спаси меня, добрая душа! За мной мучители гонятся!

– А кто такие? – спросил старик.

– Рыболов, дровосек и землекоп, братья, – отвечает бедняга.

– А, знаю я этих разбойников! – сказал старик. – Ладно! Полезай ко мне в перчатку, заберись в мизинец, поглубже.

Только спрятал старик Есенгеля-богатыря в мизинец своей перчатки, как набегают три брата – рыболов, дровосек и землекоп.

– Эй, старик! Куда ты дел человечка, что был сейчас около тебя?

– А зачем он вам? – спросил старик.

– Мы с ним играем, – отвечают братья. – Давай его сюда, не то мы тебя самого возьмем себе как игрушку вместо него.

– Вот вы чего захотели! Ну, я и не с такими, как вы, справлялся, – сказал старик, выдернул из своей бороды три волоска, скрутил братьев – рыболова, дровосека и землекопа – теми волосками по рукам и по ногам и подвесил их на деревья.

– Пусть вас ветерком обдует. Повисите здесь да кричите погромче, чтоб старуха, ваша мать, скорей пришла и выручила вас!

Сказал так старик и пошел своей дорогой.

– А ты кто такой, молодец? – спрашивает он у Есенгеля. – Куда путь держал?

Есенгель рассказал ему все по правде.

– Эх, молодец! – говорит ему старик. – Напрасно покинул ты родную сторону и старуху-мать. Сильней сильного мудрено ли найти?! Вот я теперь больной, чуть бреду, а с тремя этими разбойниками шутя справился. А в молодости я был еще много сильнее. А сын мой еще сильней меня. Вот послушай, какая в нем сила. Задумал я его женить, нашли мы невесту и пошли вчера за ней, чтобы привезти к нам в дом. По дороге ночь нас застала. Остановились мы переночевать в лесу. Сын мой сразу заснул – дело его молодое, а я никак не могу: от его дыханья во сне такой гром, треск и гул в лесу, словно от бури, деревья трещат, с корнями выворачиваются. Лежал я, лежал; вижу: делать нечего, надо разбудить молодца, сказать ему, чтоб он хотя бы на бок перевернулся. Вот я к нему подошел, стал его расталкивать, а он во сне как дунул на меня, я и полетел вдаль. Далеко отлетел да боком упал на скалу. Ну, от моего крика сын проснулся, снял меня со скалы. Рану мы кое-как вот этим плетнем залепили, а идти с ним за невестой я уж не смог. Вот и плетусь теперь, чуть жив, домой. Совсем ослабел.

Только что рассказал это старик Есенгелю, вдруг догоняет их стариков сын.

– Пошел я было, батюшка, за женой, – говорит, – да подумал: не по обычаю ведь так-то будет. Как бы отец невесты не обиделся, что я один, без свиты, без дружков за ней пришел?

– Как же быть, сынок? – отвечает отец. – Я не смогу, ведь туда далеко идти. Хоть бы до дому-то добраться. Отлежусь дома, поправлюсь, тогда и пойдем вместе.

– А это кто с тобой? – спрашивает сын.

Старик рассказал ему про Есенгеля.

– Вот и хорошо, – обрадовался сын, – я возьму его с собой за товарища-дружку. А то очень уж не хочется откладывать свадьбу.

А Есенгель давай отказываться:

– Помилуй меня, молодой господин! – говорит. – Как я пойду? Ведь я до полусмерти измучен, ночи не спал, со страха чуть не умер. Да к тому же боюсь, напуган я очень...

– Ну, это все пустое! – говорит стариков сын. – Коли устал идти, я тебя в кармане донесу. Да вряд ли тот найдется, кто тебя при мне обидит? Не было никогда да и не будет на свете никого сильней меня.

– Смотри не хвались, молодая голова! – сказал отец. – Помни, что за твою невесту сватался тот седобородый на белом коне. Он ведь безмерно силен и злится на тебя за то, что ты у него невесту отбил.

Но сын на своем настоял. Очень ему хотелось побыстрей жениться. Сунул он Есенгеля-богатыря в карман и повернул назад, к дому невесты.

Там приняли жениха с товарищем-дружкой с почтением, хорошо угостили. Все было по порядку, жену молодому мужу передали с рук на руки. Дружка одарили, дали золотую монету, да такую, что он ее и с места не мог сдвинуть. Спасибо сыну старика, он ее положил в свой карман, чтобы Есенгелю потом отдать. Самого Есенгеля-богатыря сунул за ноговицу, а жену посадил на плечо и пошел домой.

Идет он, весело с женой и с товарищем разговаривает, немало уж прошли, как вдруг сзади конский топот. Словно вихрь налетел на них маленький старикашка с длинной-предлинной седой бородой, на белом коне, схватил молодого силача двумя пальцами за бока, сунул в стремя, сверху ногой прижал, а невесту положил на седло перед собой и помчался.

К ночи привез их старик в дремучий лес. Здесь на ночлег остановился. Костер разложил, выломал столетнюю сосну, расщепил ее кинжалом с конца, защемил туда молодого мужа и стал его поджаривать над огнем себе на ужин, словно шашлык из барашка.

От того нестерпимого жара забился бедняга, задергал ногами – и вытряхнул Есенгеля из-за ноговицы.

Так и спасся Есенгель, отполз, затаился в кустах.

А старик-людоед повертел немного над огнем сына старика, и сказал своему белому коню:

– Когда шашлык будет готов, тогда меня разбуди!

Развалился около костра и захрапел так, что из ноздрей у него искры посыпались.

Как заснул старикашка-людоед, принялся молодой муж извиваться и вертеться, чтобы освободиться. Бился-бился, чуть было не вывернулся, но заржал белый конь старика, забил копытами, и старик проснулся. Вправил он молодца поплотнее в защеп и попробовал кинжалом, готов шашлык или нет? Видит, что совсем еще сырой, кровь красная бежит по кинжалу. Рассердился старикашка на своего коня.

– Что ж ты, волчий огрызок, воронья еда, не вовремя меня разбудил? – кричит, – или со вчерашнего вечера разучился смотреть за шашлыками? Вот я тебя научу!

И давай бить коня. Как ударит плетью, так полосу кожи с мясом и срежет, и кровь так и брызжет...

Избил коня и говорит:

– Ну смотри, только разбуди меня еще раз не вовремя!

Потом лег опять старикашка спать и захрапел.

А молодец вновь над огнем вертится, извивается, никак освободиться не может.

Говорит тогда коню молодая жена – ее старик так и оставил привязанную к седлу – просит его жалобно:

– Не губи ты моего мужа, не делай меня, молодую, несчастной навеки! Хоть ты и верно служишь злодею, он за твою верность только бьет тебя и мучает. Лучше послужи ты моему мужу, помоги спастись, чтобы мы отсюда живыми выбрались. Будешь потом у нас жить, я сама буду за тобой ухаживать, буду кормить тебя золотым ячменем и поить родниковой водой.

И ответил ей белый конь:

– Уговорила ты меня, красавица, своими сладкими словами. Пусть твой муж спасается, я будить старика не стану.

Тут сын старика собрался с последними силами и вырвался из защепа, а конь говорит:

– Садитесь на меня быстрее, и я привезу вас домой раньше, чем старик проснется.

– Нет! – ответил сын старика. – Как я буду смотреть людям в глаза, если не отомщу своему обидчику. Пусть он проснется, и стану я с ним биться на смерть.

– Погибнешь тогда и ты с женой, и я с вами погибну! – сказал ему конь. – Не было еще никого, кто осилил бы старика. Но я доведу до конца мою измену и ваше спасение. Пусть жена твоя вынет из ножен кинжал старика и срежет его седую бороду. С бородой лишится он и силы.

Срезала молодая жена бороду старика, а муж схватил его и бросил в огонь. Жалобно закричал бессильный старик-людоед, зашипел, завертелся в пламени и сгорел.

Тогда сын старика посадил жену на белого коня и сам вскочил на него, хоть и весь обожженный, но радостный, потому что не осталась его обида не отомщенной.

– А меня-то, господин, ты и забыл. Товарища-дружку твоего, бедного Есенгеля, оставляешь ты здесь одного, – закричал Есенель из кустов.

– Хватайся, богатырь, за стремя да лезь в ноговицу, на свое место. Ишь, когда из травы вылез! – насмешливо сказал сын старика.

Приехали они вскоре домой.

Лежит там больной старик, отец молодого мужа, на теплых бараньих шкурах и густыми овчинами закрыт. К раненому боку его привязан только что отрезанный, еще горячий бараний курдюк – целительное от ран лекарство. И так сказал старик Есенгелю:

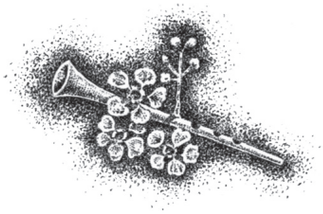
– Ступай, молодец, домой, в родное место, к старухе-матери, и знай, что сила в человеке – последнее дело. Всегда найдется сильней сильного, и той цепи нет конца на свете.

На большой арбе, запряженной четырьмя быками, довез Есенгель домой ту золотую монету, что дали ему на свадьбе сына старика. И стал он богат. Но если ему льстивые соседи говорили:

– Что за дивная сила у тебя, богатырь Есенгель!

Он им отвечал:

– Много есть сильней меня! Сильней сильного всегда найдется, и той цепи нет конца.

КАЗАЧЬИ СКАЗКИ

Стой за правду горою, тогда и люди за тобою.

Казак и солнце

Случилось как-то в Кубанской области, что стояла большая жара. Солнце пекло так, что не было от него бедным станичникам спасу.

Одному казаку очень не нравилось, что солнце все печет да печет, тогда как другие казаки относились к этой жаре как к неотъемлемой части непредсказуемой кубанской природы.

Однажды казак так разозлился, что не было у него никакого терпения. Вот зарядил он свое ружье, залез на крышу своего дома, прицелился прямо в солнце и выстрелил.

Пуля до цели не долетела, но солнце все равно прогневалось на казака и говорит:

– Теперь я тебя проучу, нетерпеливый и злой казак.

И после этого взяло солнце самую грозную тучу и повесило ее прямо над двором этого казака. И пошел в его дворе дождь, и не видно стало яркого неба и теплого солнца.

Станичники глядят и удивляются: везде солнце и жара, а в одном дворе тень и гроза. Никогда такого не видели.

А казаку в первый день такой ливень понравился. Вышел он на крыльцо и говорит:

– Испугалось солнце меня. Будет знать в следующий раз, как честных казаков шмалить своим жаром.

Но прошел день, другой, третий. Затем неделя, другая, а туча как висела над двором казака, так и висит. И как лил дождь из нее, так и льет.

По всему двору казака глубокие лужи стоят, урожай на корню гибнуть стал. А на сороковой день грозы в доме крыша стала протекать, постройки размыло, и они стали потихоньку рушиться. И все птицы, и животные, которые были у казака в хозяйстве, разбежались от него,

и деревья поломались и повалились, а некоторые погорели от молнии. А затем и дом начал проседать, и стена треснула.

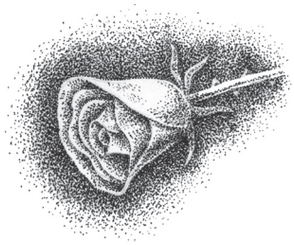
Воды было и во дворе, и в доме высотою в косую сажень. Горевал-горевал казак, да и решил влезть на крышу и просить у солнца прощения. Три дня он сидел на крыше и каялся перед солнцем за то, что так плохо поступил, за свою злобу и нетерпение.

Улыбнулось солнце, жалко ему стало бедного казака. И простило его. Убрало тучу с неба и озарило его двор своим сиянием.

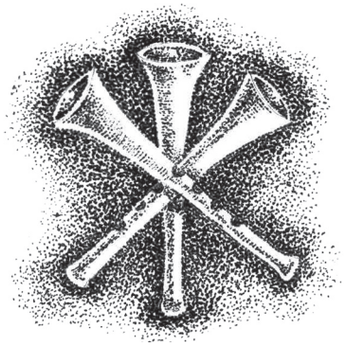
И занялся казак восстановлением своего жилища и хозяйства. И помогали ему в этом деле все станичники.

С тех пор стал он уважительно относиться ко всем явлениям природы и терпеливо переносить все ненастья, зной, дождь и морозы.

И счастье после этого никогда не покидало казака.

Доброе сердце дороже красоты

ил как-то на берегу Тихого Дона добрый казак, и была у него любимая дочка Груня. Некрасива лицом была девушка да и горбата. Еще маленькой упала она с крыльца, ударилась спиной о ступеньку, с тех пор и рос у нее горб на спине.

Зато сердце у Груни было – сто лет ищи по всему Дону, не сыщешь такого! Увидит, как старушка воду с трудом несет, подбежит, подхватит ведра, поможет. Несет старичок вязку дров – шагу лишнего не даст ему ступить. Груня возьмет дрова и сама донесет куда надо. Каждого путника накормит, напоит, спать уложит да еще в дорожную сумку сала, лепешек положит: пригодится, мол, в дороге. За всю свою жизнь никого не обидела Груня. Любили люди девушку за ее сердце доброе. Мать Груни давно померла, и решил отец новую жену в дом взять.

А уж что казак решит, то сделает.

Привел он в дом жену новую, а у нее тоже дочка была, одних лет с Груней. Улитой ее звали.

Уж до чего красива была Улита! Длинные косы, как вороново крыло, брови, словно стрелы, лицо белое, румяное, сама стройная, как березка. Ищи такую красоту по всему свету – не найдешь.

Да было одно лихо у девушки: сердце у нее злое было, лютое. Увидит, бывало, что старушка седая идет, на палку опирается, еле ноги передвигает, подойдет к ней Улита – и ну смеяться, насмехаться.

– И чего ты, бабушка, живешь до сих пор, – спрашивает злая девушка. – Чего ты до сих пор свет коптишь? Кому ты нужна, старая?

Посмотрит на нее старушка, остановится, слезу от обиды ладонью смахнет, покачает головой и пойдет дальше.

А Улита уже к древнему старичку бежит, толкнет его, будто невзначай, посмеется над ним.

А то пойдет на реку, поймает маленькую рыбку, бросит ее на горячий песок и смотрит, как бьется рыбка, задыхается, от боли корчится.

Сразу же невзлюбила Груню злая Улита. Уж как только она не издевалась над бедной Груней! То за косу ее дернет, то ущипнет больно, то привяжет полотенцем к своей спине подушку и начнет показывать, как горбатые ходят. Забьется в темный уголок Груня, плачет тихонько, никому не жалуется.

А мачеха увидит Груню в слезах – и ну попрекать.

– Ах ты лентяйка, такая-сякая, только и знаешь, что плакать да рыдать. И чего ты не помрешь, убогая?

Еще сильнее плачет Груня, а все молчит.

В ту пору казаки войну с врагами вели, и случилось так, что ехал на войну казак молодой мимо дома их. Остановил он коня и крикнул:

– Люди добрые, нельзя ли у вас коня напоить да самому с дороги отдохнуть?

Проходила в это время по двору красавица Улита, взглянула на казака – сапоги у него в пыли, лицо бородой обросло, красоты мало в нем, и сказала:

– Негде у нас коней привязывать, проходи, служивый, дальше.

А Груня выскочила из куреня, коня напоила, казаку помыться дала, чистое полотенце принесла, отвела казака в горницу, накормила, на чистую кровать спать уложила, а сама села в головах, сидит – мух отгоняет.

Залюбовалась Груня красотой казака: чуб казачий на белый лоб падает, от длинных ресниц тень на белые щеки ложится, грудь богатырская, как волна, вздымается.

Положила Груня тихонько руку свою на белый лоб молодца, а казак во сне взял Грунину руку и поцеловал крепко. Испугалась Груня, отдернула руку, а на том месте, где поцеловал казак, горит рука, как огнем обожженная.

Поспал-поспал казак, встал поутру, попрощался с Груней, сел на своего быстроногого скакуна и умчался.

Опять живет Груня в тоске да в обиде, живет – ни на кого не жалуется, вспоминает часто казака-молодца, вспоминает да горько вздыхает:

– Где мне, уродине несчастной, о добром молодце думать? Собаки и те боятся смотреть на меня.

Вот год проходит, два проходят, прогнали казаки-воины врагов с Тихого Дона, идет обратно войско казачье с песнями, с шутками-

прибаутками, идет – люди радуются, зазывают казаков доброй браги откушать, белого калача отведать.

А к Груниному отцу заехал самый главный командир из войска их. Молод он был, красив и очень храбр – о геройстве его уже на Дону песни пели. Пошел он на войну простым казаком, а стал командиром главным.

Мачеха Грунина свою дочку Улиту наряжает, косы ей заплетает, на руки билезики – красивые браслеты – надевает. Еще краше становится Улита. Взглянешь на нее – глаз не отведешь.

А Груня полы моет, на стол кушанья подает, брагу ставит.

Вот сели все за стол, взял командир казачий кубок, крепкой бражкой наполненный, поднял его и повел такую речь:

– Шел я когда на войну с ворогами, притомился с дороги да и зашел в курень казацкий отдохнуть. Лег я спать, и приснился мне сон такой: пришла в горницу девица, села возле меня и сидит, смотрит на меня, сон мой сторожит. Добрая эта девица была, а какая она лицом – не ведаю. Крепко спал я тогда и запамятовал. Встал я поутру, оседлал коня и уехал. Еду и диву дивуюсь. «Никогда во мне силы молодецкой такой не было!» Встретил бы горы тогда – горы свернул. Откуда, думаю, сила эта богатырская во мне?. Повстречалась мне тогда старушка древняя, остановила меня и молвила: «Едешь ты, казак, Тихий Дон от ворогов защищать, и быть тебе большим воином. Никто тебя не одолеет, никто не осилит. А сила в тебе – от сердца девицы перешла, от доброты ее. Запамятовал ты, добрый молодец, как поцеловал ты руку девицы той. А быть тебе добрым мужем девицы той. И найдешь ты ее так: на правой руке у нее будет отметинка, и не исчезнет она у нее до тех пор, пока ты не найдешь свою суженую. Лучшей невесты не ищи, ласковое сердце – дороже красоты». Сказала так старушка, поклонилась и пошла. С тех пор и ищу я свою суженую, нет мне в сердце покоя. Найду ее – в ноги поклонюсь ей за то, что силу она мне такую дала, и будет она мне женою верною.

Пока говорил так казак, встала Груня, вышла на крыльцо, села, сидит, думу думает. Узнала она того казака, который ей руку целовал, а признаться не может ему: куда ей такой добру молодцу сказываться!

Сидит она, пригорюнившись, сидит, вдруг слышит: Улита зовет ее. Подошла к ней Груня, а Улита спрашивает:

– А чего это у тебя, сестрица, правая рука всегда перевязана?

Смутилась Груня, покраснела и отвечает:

– Рубила я дрова да топором и ударила. Никак вот не заживает рука.

А Улита уже догадалась обо всем, злые глаза так и бегают, сердце щемит от зависти.

– А чего ты встала из-за стола, сестрица? – спрашивает она Груню.

– Пить мне захотелось, Улита.

– А иди сюда, я тебе дам водицы, сестрица, – говорит Улита.

Подошла Груня к ней, взяла чашку с водой, выпила и упала замертво: подсыпала ей Улита яду крепкого, смертного.

Схватила ее Улита, оттащила в чулан, бросила, а сама сделала себе на правой руке такую же отметинку, какая у Груни была, обмотала тряпкой и пошла опять в горницу.

Увидал ее обмотанную руку молодой казак, спрашивает:

– А что это у тебя, девица? Аль поранила где, аль ушиблась?

Подошла Улита к нему и говорит:

– Я та самая девица, которой ты руку поцеловал. Вот и отметинка на руке, не заживает с тех пор. Забыл ты, добрый молодец, как сидела я около тебя, сон твой сторожила.

Обрадовался казак, велел войско свое собрать, свадьбу готовить.

Собрались на свадьбу воины, все люди служивые, пришли старики, старухи и дети малые. Начался тут пир горой.

День гуляют казаки, два гуляют, а на третий день входит в горницу старушка древняя, волосы, как нитки серебряные – седая вся. Вошла, посохом о пол стукнула и так молвила:

– Шла я, старая, через леса и горы, через луга и пашни и пришла вовремя: не кончилась еще свадьба, не свершилось еще дело злое.

Взяла она командира казачьего за руку, привела в чулан, а там лежит Груня, лицо у нее посинело, страшное стало.

Брызнула старушка на Груню живой водой, открыла глаза девушка, а в глазах столько доброты, будто от самого сердца идет.

Узнал тут казак девушку, обнял ее и сказал:

– Доброе сердце дороже красоты. Будешь ты женой моей верной, девица, буду я любить и жалеть тебя до самой смерти.

Пришли они в горницу, поклонились старому казаку, отцу Груниному, сели за стол, крепкой бражки выпили.

А старушка подошла к Улите и сказала:

– Нельзя с таким сердцем с людьми жить, злая девица. Будешь ты отныне ползать по дну Тихого Дона, и не знать тебе ни добра, ни ласки человеческой. А за то, что смеялась ты над горем людским – будешь ты всегда горб на себе носить.

Сказала так старушка, ударила ее посохом своим – и превратилась злая Улита в маленькую улитку-горбатку.

А потом обернулась старушка к Груне, дотронулась до нее своей рукой и сказала.

– А ты, девица, доброе сердце, будь такой же красивой, как и доброй.

И стала Груня такой красавицей, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

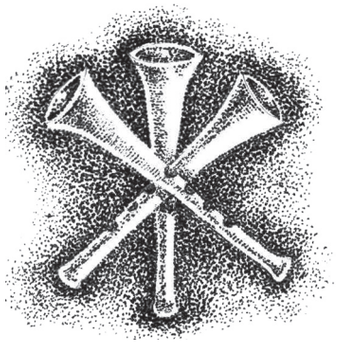
Обнялись они с молодым казаком, поклонились старушке, чарку бражки крепкой ей поднесли, спасибо сказали.

И стали они с той поры жить-поживать, детей растить, да старых людей уважать.

А улитка-горбатка так и ползает с тех пор по дну Тихого Дона да в озерах синих, в реках прозрачных ползает и не знает ни добра, ни ласки человеческой.

Как казак женился

ил да был, ел да пил в одной из станиц Кубанской области казак по имени Мыкола. И была у того казака любимая девушка – Марья.

Любили они друг друга очень сильно, но встречались тайно, так как отец Марьи не имел желания видеть Мыколу со своей дочерью. И вообще он считал, что Марье еще рано встречаться с женихами.

Но все вокруг знали о любви молодых и видели, как они страдают. Но отец девушки и слушать ничего не хотел об этом.

Горевал-горевал Мыкола и решил все-таки рискнуть и идти говорить с отцом Марьи и просить у него руки и сердца дочери. Взял он с собою товарищей и отправился к дому Марьи. На пороге встретил казаков хозяин.

– Здорово, хлопцы! – сказал он. – С чем пожаловали?

– Здравствуй, батько, – отвечает Мыкола. – Пришел я просить у тебя руки твоей дочери Марьи.

Старый казак почесал затылок, прищурил глаз и хитро так говорит:

– Если после ночи снова случится ночь, то можешь приходить за моей дочерью, и не будет тебе отказа.

Вернулся Мыкола домой, расстроился, сидит, чуть не плачет. И просидел он так всю ночь.

А утром выходит на крыльцо, глядит, а через все небо радуга светится и начинается она прямо в его дворе.

Мыкола недолго думая взял мешок и полез по радуге на небо. Долез до солнца и сунул его в мешок, а пока радуга исчезала, он скатился с нее к себе в огород. И темно стало, и птицы перестали петь, и наступила за ночью ночь.

А Мыкола завязал потуже мешок с солнцем, спрятал его в погреб, дверь на семь замков запер, пошел и улегся спать.

Проснулся, смотрит, а солнце отпускать пора. Открыл он погреб, достал мешок, выпустил красно солнышко на волю, и оно потихоньку стало подниматься к небу. И наступило утро.

Вот так и случилось на земле две ночи подряд. И в этот же день получил Мыкола разрешение на руку и сердце Марьи от ее отца, потому что тот уже не мог отказать, так как был он человек слова.

А через три дня гуляли они такую свадьбу, какой станичники не видели век до этого и век после этого.

Как казак с хищниками справился

Жили-были в одном лесу на берегу Кубани две стаи хищных зверей. И хищники эти сильно враждовали между собой.

Весь лес был поделен на отдельные территории, которые принадлежали той или иной стае. Если чужак охотился не на своем участке, то его могли запросто загрызть хозяева.

А неподалеку от леса стояла казачья станица. Вот собрались вожаки хищных стай на свой совет, поделили между собой и эту станицу. И стали станичники замечать, что во дворах и в стадах скот начал исчезать.

Хищники выходили и днем, и ночью и охотились на домашних животных. А у одного казака они съели корову, свиней и насмерть загрызли пса.

Казаку это очень не понравилось. Погоревал он и решил идти в лес. Собрал себе еду, взял пороху да пуль, повесил за спину ружье, за пояс заткнул нож и отправился в путь.

А служил он в Кубанском казачьем войске пластуном. Пластун – это тот, кто умеет неслышно пробираться в трескучем камыше, плавать как рыба, по деревьям лазать как белка, по степи ползать как мышь, запутывать свой след и прочее, прочее...

Вот пробрался казак через пшеничное поле, незамеченным вошел в лес и не выходил оттуда семь дней. Он потихоньку выслеживал хищников и наблюдал за ними. И выведал все об их охоте и территориях.

Одному пластуну очень трудно справиться с двумя сильными стаями зверей, и решил он пойти на хитрость. Залез он на дерево, прямо на границе разных территорий, спрятался в ветвях и стал ждать.

Смотрит, на левом участке зверь появился. Только он подошел ближе к дереву, казак набросился на него, словно пантера, и вспорол ему ножом брюхо. Затем залез на другое дерево и сидит, наблюдает.

Через какое-то время подошли еще несколько хищников из этой же стаи, увидели мертвого сородича и стали все вокруг обнюхивать да осматривать. Но так ничего и не обнаружили.

Казак сидит на ветках, глядит сквозь листья, а на левом участке снова зверь один появился. Набросился пластун на хищника и зарезал его. А немного погодя убил пластун зверя и из другой стаи и снова остался незамеченным.

И те, и другие хищники решили, что их сородичей убивают звери из чужой стаи. И началась у них большая грызня. И дрались они три дня и три ночи, и почти все сдохли, а многие были при смерти. И остался из них один, самый сильный зверь.

Тогда слез казак с дерева, вскинул ружье и метким выстрелом уничтожил и последнего.

Вернулся он в станицу, а там его встречают цветами да накрытыми столами. И гуляли станичники да веселились, пока горилка не кончилась. А когда закончилась, тогда еще принесли и еще три дня гуляли.

И я на том гулянии был, ел, пил, да все позабыл. А когда вспомнил, все вам рассказал. Может что напутал, а может, и нет.

Тут и сказке конец.

Мышь и воробей

ила мышь в степи, а близко был лес. Звали мышь Мышка-Тишка. Вот Мышка-Тишка жила год, другой и третий. И днем, и ночью все три года Мышка-Тишка бегала по полю, а никак не могла запастись хлебом на зиму. Три года засуха была. Посеют казаки хлеб, а он не родится.

Летом, когда хлебу созревать пора, Мышка-Тишка с утра до вечера трудится – колоски собирает, а зима приходит – есть нечего.

Три зимы Мышка-Тишка голодала. Прошла третья зима, она думать стала: «Надо весной хлеб посеять!» Надумала и ждет, когда снег совсем сойдет со степи и земля подсохнет.

Сошел снег, тут-то Мышка-Тишка призадумалась: «Вспашу я землю, а сеять нечем. Пока зерна доставать буду, время сеять пройдет. Где зерна взять?»

Думала она так да и вспомнила: «Погутарю я с Воробьем. Может, вдвоем и посеем. Живет он один, хлеб ему тоже нужен!».

По соседству Воробей жил. Гнездо у него было в дупле сосны. Сосна на отшибе леса стояла. Он тоже три года мучился. Придет весна – живет Воробей: мошек, жучков, червячков много. До самой осени сыт, а зима наступает – есть нечего, урожая нема! Зимой-то он в станицу часто летал. Да в станице своих воробьев много, им тоже нечего есть. Прилетит он, а станичные воробьи прогоняют его, а раз даже побили.

Прошла третья зима, Воробей думает себе: «Живет тут рядом полевая мышка, погутарю я с ней, может, пшеничку вдвоем-то посеем... Полечу-ка я до ней».

Надумал Воробей и полетел в степь. Летит он невысоко и видит: Мышка на бугорочке сидит. Вышла она из хатки своей и смотрит кругом.

Завидела Воробья, встала на задние ноги, а передние к небу подняла и кричит:

– Суседушка, сядь ко мне рядом да погутарим с тобой.

Сел Воробей на бугорок к Мышке, поздоровкался.

– Здравствуй, Мышка-Тишка.

– Здравствуй, Воробей.

Воробей ее спрашивает.

– Как живешь, суседушка?

– Плохо, сусед, живу. Урожаю нема, доходов никаких, жить нечем, детишки малые. Уж я не знаю, куда голову приклонить. Детки исть просют, а хлеба нема, взять негде, от станицы далеко живу, а казаки в поле сусеки не строят. Тебе-то хорошо, взял да и полетел в станицу, поклевал да и домой.

Воробей послухал Мышку, покачал головой и гутарит ей:

– Ой, Мышка-Тишка, кабы хорошо было... В станице воробьех тьма-тьмущая, им самим нечего исть. Прилетел я зимой, они прогнали меня да еще и побили. Не придумаю, суседушка, как жить буду.

Мышка ему гутарит:

– Давай, Воробей, хлеб сеять.

– Давай, – согласился Воробей.

– Я пахать землю стану, а ты сеять будешь.

Договорились они. Мышка-Тишка сказала ему:

– Завтра казаки будут сеять, и мы начнем. Я буду землю пахать, а ты – к казакам за зерном. Украдешь зерно, прилетишь, посеешь – и обратно за зерном.

Наутро рано поднялись Воробей с Мышкой. Мышка-Тишка пашет, а Воробей знай летает до казаков да на свое поле зерно носит. Неделю они так-то сеяли с Мышкой. Посеяли они и мечтают: уродится хлеб и будут они зимовать с блинами, пирогами, в гости будут ходить друг до дружки.

Посеяли и караулить свое поле стали. Мышка ночью караулила. Ходит по земле и все доглядывает. Воробей днем летает над полем. Всех жучков, мошек, червячков поклевал.

Пшеничка взошла, потом колос завязался, цвесть начала, налилась, созрела. Время убирать хлеб. Ну, покосили хлеб, помолотили, провеяли и ссыпали в одну большую кучу все зерна. Вот Мышка-Тишка гутарит:

– Давай, Воробей, делить хлеб.

– Давай. А как мы делить будем? – спросил Воробей Мышку.

– Да так вот и делить будем. У меня четыре ноги, Воробей, а у тебя две. Мне четыре меры, а тебе две. Вот и поделим по-божески.

Воробей не согласился.

– Нет, Мышка-Тишка, это не по-божески. По-божески, когда мы поровну разделим.

– Поровну делить нельзя, – гутарит Мышка.

Воробей стал убеждением действовать на Мышку.

– Ты работала, и я работал, с поля вместе уходили – значит, и делить поровну.

Мышка-Тишка подумала и сказала:

– Нет, так делить нельзя. Надо поделить, как я гутарю. У меня четыре ноги работали, а у тебя – только две. Мне четыре меры, тебе – две.

Воробей разобиделся и кричать стал:

– Ног-то у меня две, а крылья? Они тоже работали. Два крыла, две ноги – будет четыре! Поровну дели, по-божески!

Мышка ему отвечает:

– Да ведь, Воробушек, крылья при работе не нужны. Они ничего не делают. А вот ноги – это другое дело. Не будь у меня четырех ног, я не вспахала бы землю. Лошади тоже о четырех ногах. Вот так и будем делить, как я гутарю.

Долго они спорили, а потом поругались. Мышка назвала Воробья вором, Воробей Мышь обругал. Подрались они. Три дня дрались, так и не поделили свой хлеб.

На четвертый день Мышка-Тишка пришла со своими детьми и стала носить зерно в свою хату. Воробей тоже стал носить зерно к себе в дупло. Мышка полные сусеки насыпала хлебом, а Воробью мало досталось. Рассердился он и полетел до Орла заявлять на Мышь. Прилетел он до Орла и гутарит:

– Сеяли мы с Мышкой хлеб. Убрали с поля пшеницу, помолотили, а Мышка стала делить не по-божески: себе – четыре меры, мне – две, а потом меня обозвала вором и все зерно себе в сусеки ссыпала.

Орел принял заявление.

Мышка побегла до Медведя с жалобой на Воробья.

Прибегла и гутарит:

– Накажи Воробья, Медведь-батюшка! Хлеб мы с Воробьем сеяли. Я пахала, он сеял. Вырос хлеб – стали делить. Я ему две меры дала, а себе – четыре: у меня четыре ноги работали, а у него две. Не хотел он так поделить. Дрался со мною.

Медведь принял жалобу.

Прилетел Орел до Медведя. Гутарили они, гутарили. Орел свои

права, а Медведь свои права защищает. Поругались они и войну друг дружке объявили.

Прошло сколько-то времени. Собрали войска Орел и Медведь и стали драться. Долго они дрались. День дерутся, другой, третий. Звери побеждать стали войска Орла. Неделю дрались, всех птиц поубивали. Осталось несколько в живых. Живыми остались Орел и Воробей. Не утерпели они войны и улетели. Орел до себя улетел, а Воробей до себя.

Медведь видит, что Орел с Воробьем улетели, собрал зверей и гутарит:

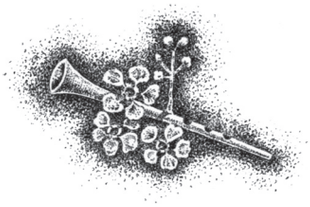
– Вот, звери, правда победила! Теперь Мышка должна пир созвать на весь мир.

Мышка на радостях стала звать к себе на пир.

Прибегла домой Мышка-Тишка, стала пшеничку молоть. Мелет, а сама думает: «Напеку пирогов, блинов, слоеных лепешек – катламок, угощу Медведя-батюшку да зверей».

Думает она, а тут гром ударил. Тучи всю степь накрыли. Пошел дождь. Три дня дождик лил. Затопил степь, и хатку Мышки-Тишки залило. Мышка-то и потопла.

А Воробей поправился. Стал он жить-поживать и добра наживать. Я к нему в гости ходила. Напек он блинов, катламок, меня угощал.

Горный ястреб летит к горе,
сын мудрого отца говорит поговорками.

КАЛМЫЦКИЕ СКАЗКИ

Сказка про три чуда

Случилось это в давние времена. Жил на свете стрелок Хеече-Мерген. Однажды он на охоту пошел туда, куда еще никогда не ходил. И вот прекрасное озеро он увидал. Белые лотосы росли по его берегам, и ветер не решался коснуться его воды. И вдруг три лебедя над озером сделали круг. Лебеди были, как снег, белы и чисты, только головы у них, как бронза, желты. Удивился храбрый стрелок, в траве залег и начал ждать – за птицами наблюдать. А лебеди взмахом крыльев сбросили белые лебединые одеяния свои, и на берегу оказались прекрасные, как заря, тонкие, стройные девушки, излучавшие нежный свет.

Дыхание перехватило у молодого стрелка. А девушки побежали купаться, звонко смеясь. Не отрываясь, за ними следил Хеече-Мерген. А там, где плыли они, светилась вода.

Очнулся на миг очарованный дивом стрелок и спрятал лебединое одеянье одной из них.

Искупавшись, вышли красавицы из воды. Капли на их телах сверкали, как жемчуга. Едва коснувшись одежд лебединых своих, две солнцеликих красавицы превратились опять в лебедей.

А третья, не увидев одежды своей, стала бегать по берегу и всюду ее искать. С тревожным криком подруги летали над ней. Они не хотели вдаль без нее улетать. Но одеяние лебедя они не смогли найти. И тогда пропели подруги:

– Прощай, прости!

И ветер донес растаявшие слова:

– Сестра, быть может, судьба твоя такова...

Девушка медленно шла по густой траве. И вырвался из ее груди жалобный тихий крик:

– Того, кто найдет и отдаст лебединое одеяние мое, если беден он – сделаю его богачом, если он некрасив и слаб, сделаю его силачом, любую редкую вещь достану ему, помощницей в трудной битве стану ему.

Быстро поднялся с земли молодой стрелок и нежно сказал:

– Девушка, подойди ко мне. Вот твое одеяние, твой белоснежный убор.

Вздрогнула девушка, юношу увидав, но тихо сказала, не пряча прекрасных глаз:

– Брат мой, сделай доброе дело, одежду мою верни. Все, что ты пожелаешь, получишь, поверь!

– Что с тебя взять? – ответил веселый стрелок. – Мне ничего не нужно. Ты сама мне теперь нужна. Идем со мною, будешь моей женой.

И вот красавица стала женой стрелка. Стали они вдвоем в согласии жить. Молва о жене Мергена пошла по степи. О солнцеликой красавице скоро и хан услыхал. Был Царкин-хан завистлив, труслив и хитер. Он поскорей побежал посмотреть на жену стрелка. А увидав, убедился, что краше ее на свете нет. Из тела ее струится ласковый лучистый свет. Глаза ее глубоки, ясны и чисты. Прекрасна она, как дочь самого Хормусты[1]. Рысцой прибежал домой толстобрюхий хан. Быстро созвал советников-мудрецов. Всех мудрецов напоил крепкой молочной водкой – арзой. Всех храбрецов угостил злою хорзой[2]. Жирного мяса всем гостям преподнес. И рассказал им всем о жене стрелка.

– Так прекрасна она, что нельзя уснуть. Как я увидел ее – запылала грудь. Тело ее излучает ласковый свет. Как бы ею завладеть, дайте совет?

– Надо ее похитить, – сказал мудрец.

– Надо стрелка убить, – подсказал храбрец.

– Надо стрелка прогнать, а ее забрать, – веско сказал желтолицый угрюмый зять.

Старший советник справа от хана сидел. Старший советник сказал, сощурив глаза:

– Течет далеко-далеко река-море – великий Ганг, на Ганге живет тигрица, у которой трое тигрят. Зверя свирепее этой тигрицы на свете нет. Надо послать к этой тигрице стрелка и приказать принести кувшин ее молока! И станет твоей добычей его жена раньше, чем в наши земли придет весна.

– Мудро придумано! – хором сказали все.

---

[1] *Верховное небесное божество.*

[2] *Крепчайшая молочная водка тройной перегонки.*

– Мудро придумано, – согласился трусливый хан. Он притворился больным и призвал стрелка.

– Слушай, Мерген, тяжкой болезнью я одержим. Лишь молоко тигрицы может меня исцелить. Эта тигрица кормит своих тигрят на великом Ганге, на могучей далекой реке. Никто, кроме тебя, не сможет молока принести. Вот мудрецы и решили: надо тебе идти. Ступай, скорей принеси целебного молока!

И начал корчиться в муках притворщик-хан. Пришел домой отважный стрелок Хеече-Мерген. И стал собираться в далекий опасный путь. Оседлал своего гнедого длиннокорпусного коня. Надел кольчугу, бешмет. Слева пристегнул из черной стали длинный тяжелый меч, справа пристегнул из белой стали острый короткий нож.

– Скажите, куда вы? – спросила его жена, увидев, что муж собирается в дальний путь.

– Наш многомудрый хан тяжело заболел. Лишь молоко тигрицы может его исцелить. Эта тигрица кормит своих тигрят на великом Ганге, на могучей далекой реке. Мне поручили ее молока привезти. Вот я и собрался на Ганг далекий идти.

– Тогда возьмите с собой мой желто-пестрый шелковый шарф – хадак. Как только тигрица близко к вам подбежит, выньте хадак и покажите тигрице его. Когда-то домашней скотиной она у меня была. Мигом узнает тигрица этот хадак, а как узнает – позволит вам без труда надоить кувшин целебного ее молока. Прощайте, да будет дорога ваша легка!

Сел Хеече-Мерген на своего коня и поскакал к великому Гангу-реке. Днем не ел, ночью совсем не спал. Счет дням и ночам давно потерял. И вот впереди река-море, великий Ганг. Тигрица заметила издалека летящего на коне стрелка и с яростным ревом бросилась навстречу ему. Но увидев желто-пестрый хадак у него в руках, остановилась в недоуменьи и робко спросила его:

– Где ты взял эту вещь, скажи мне, славный батыр?

– Это – хадак моей солнцеликой жены, – ответил стрелок.

– А зачем ты приехал ко мне, отважный батыр?

– Наш многомудрый хан тяжело заболел. Только твое молоко может его исцелить.

– Если так – скорей слезай с коня и возьми моего молока полный кувшин.

Стрелок надоил тигриного молока.

– Будь здорова, тигрица! – на прощанье сказал. И обратно в родные края с молоком ее поскакал.

– Да будет счастливым твой путь, стрелок, – прокричала тигрица вслед. – Да будут успешны твои дела, да будет твой конь здоров!

Удивился злобный трусливый хан, что стрелок привез молоко. Но сделал вид, что лекарству рад. Сказал, что выпьет его.

А храбрый стрелок Хеече-Мерген вернулся к себе домой и стал, как прежде, спокойно жить со своей прекрасной женой.

А хан опять собрал на совет сановников-мудрецов. И снова думали мудрецы, куда бы Мергена услать.

И снова старший советник сказал мудрецам:

– Мы посылали его на верную смерть. Но он невредимым вернуться с Ганга сумел. Нам не придумать, как расправиться с ним. Надо собрать пьяниц, мошенников и воров, дать им арзы и мяса, вволю всех угостить и расспросить у плутов, может быть, знают они, куда бы послать, чтоб не вернулся он?

– Правильно ты говоришь, – закричали в ответ мудрецы.

И вот собрали пьяниц, мошенников и воров. Вволю их напоили злой пьянящей арзой. И старший советник кликнул меж ними клич:

– Эй, удалые гуляки, кто среди вас хитер? Кто подскажет способ погубить молодого стрелка? Куда бы его услать, чтоб не вернулся он?

И встал один пропойца, кривой и хромой. Выпил еще одну пиалу арзы и, заплетаясь, медленно проговорил:

– Знаю, куда отправить Мергена-стрелка! Надо ему приказать, чтобы вещь принес, у которой ни вида, ни цвета, ни места нет. Надо ему подсказать, чтоб ее искал в дальней, пустынной, неведомой, темной стране. И тогда храбрый стрелок Хеече-Мерген никогда не появится больше в наших краях.

– Правильно ты говоришь! – закричали в ответ мудрецы.

– Правильно ты говоришь, – одобрил трусливый хан.

И снова он прикинулся тяжко больным. Снова призвал стрелка и сказал ему:

– Слушай, Мерген, страшной болезнью я одержим. Вылечить может меня странная вещь. У вещи этой ни вида, ни цвета, ни места нет. Искать ее надо в неведомой, дальней, пустынной стране. Верю, Мерген, что сумеешь ее привезти? Ну, до свидания, будь осторожен в пути.

– Что же я должен, хан всемогущий, искать?

– Не возражать! Приказываю молчать! Ты непременно найдешь! Ступай же скорей!

И за Мергеном захлопнулись все двенадцать дверей.

Понурый и мрачный вернулся стрелок домой. Днем не ест, ночью не спит, все сидит, раскидывает умом. Но ничего придумать стрелок не смог. И начал коня своего седлать.

– Куда вы едете? – спросила его жена.

– Наш многомудрый хан опять заболел. Только странная вещь может его исцелить. У этой вещи ни вида, ни цвета, ни места нет. Искать ее надо в неведомой, дальней, пустынной стране. Вот хан и отправил меня, чтоб ее найти. Не знаю, сколько теперь я пробуду в пути.

– Чем ехать туда на коне, уж лучше идти пешком. Смело идите вперед за этим клубком. – И жена Мергену вручила желтый клубок тонких шелковых ниток.

Бросил стрелок на землю этот клубок, и тот покатился в неведомую страну. Следом за ним побежал отважный Мерген. Днем не ел, ночью совсем не спал. Счет дням и ночам давно потерял. А клубок все катится, и нет ниткам конца. Но нет и конца терпенью храбреца. В темный лес однажды Мерген вошел. И целый месяц по этому лесу шел. И кончилась эта нитка. И некуда дальше идти. И тут же маленький домик Мерген увидал. «Наверное, нужно мне в этот домик войти», – подумал стрелок и смело в дверь постучал. Прекрасная женщина дверь открыла ему.

– Входите, будете гостем, добрый батыр.

Она подала ему мяса. Стрелок поел. Она постелила войлок, и лег отдыхать Мерген. Утром женщина вдруг увидала в руках стрелка золотую гребенку, излучавшую яркий свет. Она спросила:

– Где вы взяли ее?

– Эта гребенка моей солнцеликой жены, – ответил Мерген. – Перед моим отъездом, прощаясь, она мне ее отдала.

– А я – сестра вашей прекрасной жены. Что ж вы раньше не показали гребенку мне? Куда вы едете? Куда вы держите путь? Чем смогу – обязательно помогу.

– Наш многомудрый хан тяжело заболел, – отвечал стрелок. – Только странная вещь может его исцелить. У этой вещи ни вида, ни цвета, ни места нет. Искать ее надо в неведомой, дальней, пустынной стране. Ваша сестра дала мне желтый клубок. Этот клубок к вашим дверям привел.

– Нет, я не знаю неведомую страну. Может быть, об этом знает старшая наша сестра. – И она вручила Мергену новый клубок. – Нитка укажет дорогу к старшей сестре.

И снова Мерген побежал за желтым клубком. Из лесу вышел. Долго шел по степи. И снова вошел в огромный дремучий лес. Кончилась нитка у дома, у самых дверей. Прекрасная женщина дверь открыла стрелку. И все повторилось, как раньше, и все Мерген рассказал.

– Нет, я не знаю неведомую страну, – услышал стрелок в ответ. – Но я сейчас у крылатых спрошу, быть может, знают они.

И она затрубила в свой золотой рожок. Ровно сто восемь грустных звуков она извлекла, и семьдесят два веселых звука она извлекла. И все крылатые, вплоть до мух, слетелись к дому ее.

– Слушайте, вездесущие верные слуги мои, – закричала она. – Кто из вас знает такую вещь, у которой ни вида, ни цвета, ни места нет? Кто из вас знает, как пройти к неведомой темной стране?

Но все промолчали. Никто не знал. И все улетели прочь.

Опять затрубила она в рожок – водяных и ползучих звать. Черепахи, змеи, рыбы, лягушки – все прибежали к ней. Но и из них никто не слыхал про неведомую страну. И все убежали прочь. Остался только тяжелый рак с толстой железной клешней. Был этот рак над всеми раками хан.

– Что ты знаешь, рак, расскажи скорей!

– Может быть, то, что знаю – не знаю, а может быть, то, что неведомо – знаю, – ответил он.

– Скорей рассказывай то, что неведомо, мудрый рак!

Вот что рак рассказал:

– Если идти в сторону полудня, то через месяц пути прямо к Внешнему морю можно придти. Потом на запад по берегу до переправы месяц пути. А на той стороне Внешнего моря – дремучий лес. В лесу змеится дорога, на ней – следы от колес. В самую чащу леса эти следы ведут. Надо идти прямо по этим следам. А дальше – не знаю.

И рак прыгнул в озеро.

И вот пошел Хеече-Мерген туда, куда рак сказал. На той стороне Внешнего моря увидел дремучий лес. А в лесу на дороге увидел следы от колес. Идет и идет, идет и идет по этим следам. А лес все темней и темней, и неба не видно совсем. Остановился стрелок и думает: «Как же быть, что же мне делать, куда мне еще идти?». И вдруг куда-то пропали следы от колес. И тут же домик увидел храбрый стрелок. В этом домике не было никого, но было ясно, что здесь живет человек. Спрятался в ямку Мерген и стал терпеливо ждать. И вдруг услышал: повозка где-то стучит.

К дому подъехал красивый статный батыр. Самые лучшие одежды были на нем. Самое лучшее оружие было на нем. Вошел он в дом, оружие снял и сел. И громко крикнул, так, что Мерген услыхал:

– Эй, Мурза, подавай-ка еду-питье!

Желто-пестрая скатерть развернулась вмиг перед ним, а на скатерти было столько еды и питья, что могли бы поесть двенадцать богатырей. Вволю поел-попил красивый батыр. И крикнул:

– Эй, Мурза, быстро все убери!

И скатерть тут же свернулась и исчезла-пропала вмиг. А статный батыр оружие пристегнул и снова умчался в темный дремучий лес.

«Что за чудо? Что он за человек? Кто тот Мурза, который еду подает? – сидел и думал стрелок Хеече-Мерген. – Попробую я познакомиться с этим Мурзой».

И смело вошел в домик, снял оружие и сел.

– Эй, Мурза, подавай-ка еду-питье!

Желто-пестрая скатерть развернулась вмиг перед ним, а на скатерти было столько еды и питья, что могли бы поесть двенадцать богатырей. Начал есть и пить искусный стрелок и крикнул:

– Эй, Мурза, садись-ка, поешь со мной!

Жирное мясо стало вдруг пропадать – это Мурза стал его поедать. Наелся Мурза и говорит стрелку:

– Много лет хозяина кормлю, а он мне ни разу не предложил поесть. Ты в первый же день угостил. Будь моим хозяином, добрый стрелок.

– Да ведь я тебя по всему свету ищу. Ты ведь и есть та странная вещь, у которой ни вида, ни цвета, ни места нет! Буду твоим хозяином, добрый Мурза!

– Буду твоим слугою, – отвечал тот.

И вместе они из лесу к морю пошли. Скоро навстречу им в повозке, запряженной восьмеркой гнедых коней, повстречался красивый батыр. Видно, ехал опять поесть. Он не знал, что Мурза уже не его.

А храбрый стрелок через Внешнее море переправился вместе с Мурзой и пошел по степи, направляясь прямо домой. Однажды они увидели старую юрту – джолум.

В ней оказался седой старик-отшельник – даянчи. Он бормотал молитву и устало бил поклоны.

– Здравствуйте, старик-даянчи! – громко сказал Мерген. – Можно я останусь у вас ночевать?

– Кто ты такой? Откуда идешь? Здесь еще никогда не бывало людей, – проговорил старик. – Ночевать оставайся, но нет для тебя еды.

– А мне еды не нужно, – ответил стрелок. – Еда у меня с собой.

– Тогда оставайся, – ответил старик и снова молиться стал.

Вечером ужинать начал старик-даянчи. Щавель, коренья да горсть малины – это и вся еда.

– Я не могу тебя угостить, стрелок, – тихо сказал старик, – я собираю по крохам мою еду, и если я тебе хоть горстку отдам, на то время, которое нужно, чтобы ее собрать, уменьшатся молитвы мои и поклоны мои.

Мерген тогда говорит:

– Эй, Мурза, подавай-ка еду-питье!

И желто-пестрая скатерть развернулась вмиг перед ним, а на скатерти было столько еды и питья, что свободно могли бы наесться двенадцать богатырей.

– Садитесь, старик, поешьте вместе со мной. Садись и ты, Мурза, ужинать будем втроем.

Старик удивился, но все-таки начал есть. Когда наелись и встали, стрелок сказал:

– Эй, Мурза, быстро все убери!

И скатерть тут же свернулась и исчезла-пропала вмиг.

Тогда старик говорит:

– Променяй-ка эту вещицу, храбрый стрелок!

– Нет, старик, такую вещь променять нельзя.

Целую ночь старик Мергена просил. Ценную вещь дать в обмен обещал. Наутро вывел его из джолума и говорит:

– Ты посмотри-ка, что я тебе даю!

Вынул старик цветной трехаршинный шарф-хадак, трижды тряхнул и крикнул:

– Дворец, появись!

И появился огромный, сверкающий солнцем дворец, крыша его почти достигала небес. Жемчуга и кораллы украшали стены его. Такого дворца не видывал белый свет.

Старик говорит:

– Вот что нужно тебе. А твою вещицу мне скорее отдай.

– Нет, старик. Мурзу променять не могу.

А Мурза Мергену на ухо тихо сказал:

– Не бойся, смело меняй. Будет дворец у тебя, и я к тебе прибегу.

– Ладно, согласен, – сказал старику стрелок.

Взял хадак и оставил ему Мурзу. Тряхнул хадаком и крикнул:

– Дворец, уберись!

И мигом дворец пропал, будто не было ничего. И ушел Хеече-Мерген.

Долго шел по горам и долинам, степям и лесам. В кармане его лежит волшебный хадак.

«Где же теперь мой друг, волшебник Мурза», – подумал Мерген.

– Не беспокойтесь, хозяин, я рядом с вами иду, – ответил Мурза.

Шли они, шли, и вот Поперечное море на их дороге легло. Очень

долго его обходить. И тут у берега они увидали корабль. На корабль идут солдаты, наверное, целый полк.

– Солдаты-ребята, возьмите меня с собой. Поперечное море нужно мне пересечь.

– Садись, не жалко, – солдаты ему говорят.

Корабль поплыл, а солдаты начали есть.

– Угостите меня, пожалуйста, вашей едой, – попросил стрелок.

– Ишь ты, ловкий какой, – отвечал солдат, – Сначала тебя на корабль возьми, а потом еще и корми! Нету лишнего хлеба у нас, никто для тебя не припас.

– Что ж, зато у меня запас такой, что хватит на всех на вас!

– Врать-то ты, я вижу, горазд, – сказал усатый солдат. И все засмеялись, и даже корабль от их смеха задрожал. Тут полковник их прибежал и говорит стрелку:

– Если можешь, то накорми, а если врешь – берегись: привяжем камень на шею тебе и пустим рыбку ловить.

– Ладно, садитесь, сейчас накормлю, – ответил храбрый стрелок.

Солдаты уселись. Сидят и ждут. И тихо Мерген сказал:

– Ну, Мурза, теперь выручай. Целый полк накорми!

И желто-пестрая скатерть легла через весь корабль. И было на ней столько разной еды, что хватило бы, наверное, на два таких полка. Поели солдаты, попили, как никогда. Сидят довольные, поглаживают животы.

– Эй, Мурза, быстро все убери, – крикнул стрелок. И скатерть тут же свернулась и исчезла-пропала вмиг.

– Какая хорошая вещь у тебя! – сказал усатый солдат. – Ты бы продал ее, парень, нам. Нам она очень нужна.

– Эту вещь продавать нельзя, – ответил Мерген.

– Тогда давай меняться на трость, на золотую трость. Если ударить ею по земле – войско идет из земли. Если ударить толстым концом – конное войско идет, если ударить тонким концом – пешее войско идет.

– Меняйся, – тихо Мурза говорит. – И войско будет твое, и я потом к тебе прибегу. Не бойся, смело меняй.

– Ладно, согласен, давайте трость. Мурзу оставляю вам.

Солдаты рады, что взяли Мурзу, даже пустились в пляс.

Скоро к берегу подошли. Войско пошло на юг. А храбрый стрелок с тростью в руках прямо на запад пошел. Сутки идет, а Мурзы все нет, вторые – и снова нет. На третьи сутки опять кричит:

– Мурза, где ты, ответь!

– Не беспокойся, мой господин, я рядом с тобой иду.

– Дай же мне поскорей поесть!

И вместе поели они. И снова шли, не считая дней, не считая долгих ночей. Все шли и шли, все вперед и вперед. И вот уже близок дом.

Ровно в полночь в кибитку Мерген вошел. Радостно встретила мужа верная его жена. Спросила, здоров ли, не был ли ранен в пути.

– А что наш хан, – спросил у жены стрелок, – все так же болеет или уже здоров?

– Да он, по-моему, вовсе и не болел. Как вы ушли – сразу ко мне прибежал и стал уговаривать, чтоб я пошла за него. С той поры приходил уже двадцать раз. А я ему отвечала: «Мой храбрый муж пошел лекарство для вашей особы искать». «Умер твой муж в дороге, – хан говорил. – И кости его уже сгнили давным-давно». «Жив или умер, – хану ответила я, – вашей женою не стану я никогда». После этого хан отобрал мой скот. Я голодала. И вот вы наконец пришли.

– Вот он каков, наш многомудрый хан, – проговорил Мерген. – Ладно, что ж, потягаемся, кто кого!

И отправился вместе с женой к дворцу. Недалеко от главного входа дворца вытащил свой волшебный хадак, трижды тряхнул и крикнул:

– Дворец, появись!

И появился огромный, сверкающий солнцем дворец. Крыша его почти достигла небес. Жемчуга и кораллы украшали стены его. Потом ударил о землю тростью своей золотой. Ударил тонким концом – и пешее войско пошло. Ударил толстым концом – и конное войско пошло. Выпустил два полка и поставил дворец охранять. А сам вошел во дворец с женой и с Мурзой.

– Никого не впускать, пока я не проснусь! – страже он приказал.

Наутро ханские слуги видят: стоит дворец, и всего на три локтя до неба не достает крыша его.

– Что за чудо, откуда взялся дворец? Еще вчера здесь не было ничего. Может быть, это к нам явился бурхан[1]. А может быть, это пришел волшебник-мус[2]?

И к хану слуга побежал, чтоб скорей обо всем доложить. Вышел хан и протирает глаза. Не верит глазам и опять кулаками трет. Но все равно перед ним сверкает дворец.

– Что за чудо? – вскричал удивленный хан. – Никогда такого дворца я не видал. Эй, слуги, ступайте, узнайте, кто там живет, да приведите его скорее ко мне!

---

[1] *Дословно – «праведник», человек, достигший совершенства и ставший богом.*

[2] *Мус – многоголовое чудовище, людоед.*

Двое усердных слуг побежали к золотому дворцу. Но у входа вооруженная стража встретила их.

– Чей дворец? – закричали ханские слуги, – кто в нем живет? С неба упали вы или выросли из земли? Скажите, откуда вы в земли наши пришли?

А стражники грозно им говорят в ответ:

– Вы кто такие, вы откуда взялись?

– Мы – ханские слуги. Вон в том красивом дворце живет наш повелитель, наш многомудрый хан.

– Вашего хана не знаем и знать не хотим. А наш повелитель спит в золотом дворце. Ступайте назад, пока головы на плечах!

Испугались слуги и побежали домой. Все рассказали хану, а хан как закричит:

– Трусы, бездельники, я ведь вас посылал не со стражей болтать, а хозяина привести. Получит каждый из вас по пятнадцать плетей!

И отправил к золотому дворцу двух лучших богатырей. Стражники их не пустили, спросили, откуда пришли.

– Мы – посланцы великого хана, – сказали богатыри. – Мы пришли не с вами болтать, а хозяина вашего взять.

И стали они расталкивать стражников, чтоб подойти к дверям. Тогда один из стражников схватил богатырей и лбами их стукнул так, что брызнула кровь. Назад побежали богатыри, держась за носы. Прибежали к хану, упали ниц и стали громко кричать:

– Один злодей нас чуть не убил! Больше туда не пойдем!

И тогда промолвил великий хан:

– Надо послать войска!

Тридцать три полка хан ко дворцу привел. В тридцать три ряда хан дворец окружил. Прохаживается и кричит:

– Эй, хозяин дворца, выходи, коли сила есть, выходи, пока солнце стоит, я тебя научу, как невежливым быть!

Вышел храбрый стрелок Хеече-Мерген и сказал:

– Зачем ты, хан, войско такое привел. Я ведь тебе не враг. Я воевать не хочу. Я на тебя войной не пойду, поверь!

– А я пойду и сам тебя зарублю! – крикнул хвастливый хан.

– Ну, если так – берегись!

Взял золотую трость отважный стрелок. Толстым концом ударил – конное войско пошло. Тонким концом ударил – пешее войско пошло. Стоят, сверкая доспехами, вынимают свои мечи.

– Что прикажете, хан?– спрашивают стрелка.

– Сразитесь с вражеским войском, – ответил Мерген, – а хана приведите ко мне.

Только начали битву, как все тридцать три полка рассыпались и разбежались по всей степи. А хан в испуге кричит:

– Куда же, куда же вы? Я – ваш повелитель, ваш многомудрый хан.

Но тут железные воины к нему подошли.

– Спасите, спасите! – Мергену хан закричал.

– Не трогайте хана, ведите его сюда, – приказал стрелок.

Хан подбежал к Мергену, поклонился в ноги ему и сказал:

– Помилуйте! Оставьте меня в живых!

– А я совсем не хочу вас убивать. Это ведь вы захотели со мной воевать. А теперь давайте закусим и отдохнем. – Эй, Мурза, подавай-ка еду-питье!

И желто-пестрая скатерть развернулась перед стрелком. И было на ней столько разной еды, что могло бы целое войско здесь пировать.

Хан удивился, но все-таки начал есть.

– Слышал я, – говорит хану стрелок, – что у вас проживал стрелок Хеече-Мерген. Где он теперь, этот храбрый стрелок?

– Хеече-Мерген умер давным-давно, – отвечает хан. – Он не пришел назад в назначенный срок, и мы решили, что он в дороге погиб.

– А куда же он уходил, этот стрелок?

– Да так, ушел на охоту и вот не пришел.

– Хан, я не хотел вас убивать. Но вы – негодяй и лжец, и надо вам голову снять. Я – Хеече-Мерген. Теперь узнали меня?

– Да, я узнал тебя, мой лучший стрелок.

– Вы послали меня в неведомую страну, чтоб я привез для вас странную вещь, у которой ни вида, ни цвета, ни места нет. Тот, кто кормит нас, добрый Мурза, и есть та самая вещь. Видите, верой и правдой службу я вам сослужил. А вы в это время хотели моей женой завладеть. Да, вы достойны смерти, но я вам дарую жизнь. Идите в другую землю. Живите там.

Хан поклонился и побежал на юг. И больше в этой стране его никто не видал. А храбрый стрелок Хеече-Мерген зажил, как прежде, с прекрасной своей женой.

Три брата

Много лет тому назад жили старик и старуха. У них были желтая собака и бурая кобылица. Кобылица жеребилась в день по три раза: утром, в полдень вечером.

Однажды старуха говорит старику:

– Если бы я съела мясо жеребенка, вынутого прямо из утробы матери, то помолодела бы. Давай зарежем кобылицу.

– Если мы убьем кобылицу – нашу кормилицу, что же потом будем делать?

А старуха заладила свое.

– Хочу помолодеть! – и послала желтую собаку за кобылицей.

Прибежала собака к кобылице.

Кобылица ее спрашивает:

– Ты зачем пришла?

– Мне приказано тебя привести, зарезать тебя хотят. Решила я тебе помочь. Я подпалю слегка бечевку, которой тебя вязать будут.

Привела собака кобылицу. Недолго думая старик и старуха наточили ножи. Старуха и говорит:

– Собака, принеси бечевку!

Желтая собака подпалила бечевку и принесла ее. Связали бурую кобылицу и только хотели резать, а кобылица как рванется, опрокинула старика и старуху и убежала. Не вышло дело.

Немного спустя старуха опять говорит старику:

– Эх! Поела бы я жеребятинки, сразу бы помолодела.

И так надоела старику, что он вновь согласился резать кобылицу.

Опять послала старуха собаку. Прибежала собака к кобылице.

– Ты зачем пришла?

– Велят опять тебя привести, зарезать тебя хотят, – говорит собака. – Да только я и теперь подпалю бечевку.

Пошли собака с кобылицей. Старики повалили кобылицу.

– Собака! Принеси бечевку, – приказывают.

Подпалила собака бечевку и принесла. Связали старик со старухой кобылицу, резать хотят. Да не тут-то было. Опять сбила кобылица обоих: старика закинула за один бугор, старуху – за другой и убежала.

Только через два дня добрались старики до дому.

Долго старуха помалкивала, а потом опять за свое:

– Поела бы я жеребятинки, помолодела. Давай зарежем кобылицу.

Сказала так и послала за кобылицей желтую собаку. Пришла собака к кобылице.

– Зачем пришла?

– Тебя хозяева требуют.

– А что мне там делать?

– Хотят тебя зарезать, – отвечает собака.

– Подпали опять бечевку, – просит кобылица.

– Ладно, сделаю, – согласилась собака и привела кобылицу.

Старики вдвоем повалили кобылицу.

– Принеси бечевку, – говорят собаке.

Подала собака пережженную бечевку. Связали бечевкой кобылицу покрепче, а как стали резать, забросила кобылица старика и старуху за речку и убежала. Только назад кобылица больше не вернулась.

Бежала она, бежала и прибежала в стоянку одного грозного хана. Слышит: кто-то жалобно плачет. Побежала туда и видит: лежат трое маленьких новорожденных мальчиков, брошенных в ямке. Отца хан угнал воевать, а мать померла от голода и холода. Кобылица положила мальчиков себе на спину и побежала подальше от злого хана.

Бежала она, бежала и прибежала в большой дремучий лес. Смастерила там себе жилье из травы и стала кормить детей своим молоком.

Жили у нее мальчики, пока не выросли большими. А кобылица жеребилась утром, в полдень и вечером. Всю землю кругом скоро заполнила она табуном.

Однажды сказала кобылица трем мальчикам:

– Вы оставайтесь здесь, а я пойду подальше и там где-нибудь буду жеребиться.

Взбежала она на большую гору и осталась там. Жеребилась утром, в полдень и вечером и развела еще один огромный табун. Заполнил он опять всю землю кругом.

Поскакала назад кобылица, домой к трем мальчикам, и говорит им:

– Пойдите, пригоните второй табун.

Оделись три мальчика, сели на лошадей и отправились за табуном. Через три года доскакали они до другого табуна. Пока собирали, прошло еще три года. Пока пригнали домой – еще три. А когда пригнали табун домой, хорошо зажили вместе со своей кормилицей-кобылицей.

Однажды кобылица и говорит им:

– Попрощаться нам надо. Стара я стала.

Сказала – и обернулась черным облаком. А когда улетело облако на небо, меньшой из трех заплакал. Вдруг облако опустилось на землю, вышла из него кобылица и спрашивает:

– Чего ты плачешь? Вон старший брат твой еду варит. Иди к нему! Ну!

Побежал меньшой к старшему брату. Опять обернулась кобылица черным облаком, закричала по-лебединому и взвилась в небо. Снова меньшой из трех братьев стал о ней плакать. Горько плакал, пока снова не спустилась к нему кобылица.

– О чем ты плачешь? – спрашивает.

– Не дала ты мне имени, так безымянным и оставляешь... – ответил меньшой.

– «На голубом стеклянном бугре возросший» – Кокодэ Мудрый – будет твое имя.

Дав имя меньшому, взвилась кобылица облаком, улетела в небо.

Остались три брата одни на земле. Выстроили себе дом, не доставал тот дом до неба всего на три пальца. Дом разукрасили: на дверях тигр и медведь – того гляди схватятся. На притолоках ворон и сокол – вот-вот бросятся друг на друга. На верхней притолоке попугай. Окна в доме из огненного стекла. Перед дверями растет персиковое дерево – шабдал, вершиной в небо упирается. Ветви его свисают вниз и издают чудесные звуки – будто раковины поют и трубы играют. Покоряются все этим звукам – в небе пляшут птицы, а на земле звери. Такое прекрасное дерево перед дверями. По правую сторону дома – табун игривых лошадей. По левую – табун лоснящихся лошадей. Позади дома – табун ретивых лошадей. Впереди дома – табун прытких лошадей. А рядом с домом серая гора Богзатин вершиной самые белые облака подпирает. Так жили-поживали три брата. Однажды меньшой и говорит братьям:

– Что же это мы так живем? Поищем-ка себе жен.

Приказал Кокодэ Мудрый оседлать серо-голубого коня. Взял конюх Кокодэ Мудрого под узцы и пошел за серо-голубым на зеленую траву, где били из земли прохладные ключи.

Чтобы мягко было валяться коню, рассыпан там бархатный песок. Чтобы не потер конь ноги, привязан он арканом из ваты.

Приготовился в путь конь Кокодэ Мудрого. Доброе тело свое подобрал к крестцу, упругое тело свое подобрал к ушам, быстрое тело свое подобрал к глазам, резвое тело свое подобрал к четырем чашам золотым. Вот и готов конь.

Пора одеваться Кокодэ Мудрому. Надел он искусным мастером сшитую, десятью цветами переливающуюся белую одежду. Она на нем как влитая. Надвинул на лоб шапку с кистью – Нильвинг. Она на нем как влитая. Опоясал себя поясом – Лодынг – из кожи пяти четырехлетних лошадей. Он на нем как влитой. Надел красные сапоги со скрипом. Они на нем как влитые. Взял оружие верное.

Когда вышел Кокодэ Мудрый из дому, чтобы сесть на коня, прыгнул конь чуть-чуть не до неба и вернулся на прежнее место, где ждал его хозяин. Потом обошел справа налево дом и отправился в путь вместе с хозяином. Полетел он, как пущенная из лука стрела, растаял, как марево в раскаленном зное летнего дня.

Едет Кокодэ Мудрый и видит вдали что-то величиной с муху. Подъехал поближе, увидел перед собой кибитку с белой дверью без петель. Сошел с коня, серебряный повод-чумбур в руке держит, вошел внутрь и сел у правой решетки. У левой решетки сидит старуха, пищу готовит. А перед старухой сидит, волосы расчесывает такая раскрасавица, что как обернешься назад, то при свете ее красоты можно перечесть всех до одной рыбешек в океане. При сиянии ее лица можно табун караулить, при блеске ее глаз писать и ночью можно. Закричала на него старуха:

– Эй, ты, бугай приблудный, что ты за человек, с пылающим лицом, с горящими глазами, откуда взялся?!

Кокодэ Мудрый тихо ответил:

– Я не бугай приблудный, и не горят мои глаза, и не пылает мое лицо, я простого человека сын.

Сказал так и замолчал. Помолчал и спрашивает:

– А где ваш хозяин?

– Отправился к табуну, – отвечают ему.

Тогда вышел Кокодэ Мудрый из кибитки. Красавица – за ним. Вышла, дала ему три творожных лепешки, ни слова не промолвила и не взглянула ни разу. Кокодэ Мудрый сел на коня, даже не обернулся на девушку и поехал дальше. Полетел он опять по степи на своем коне. Пошел с запада дождь, пошел с востока снег. Вдруг навстречу Кокодэ Мудрому идет чудовище – пятнадцатиглавый черномазый Мус.

– Ха-ха-ха! Вон едет поганый! – приговаривает.

А за ним бежит собака, желтая, облезлая, с трехлетнюю корову ростом. Бежит, раскусывает камни с барана величиной и кидает их. Бросил ей Кокодэ Мудрый одну лепешку. Схватила ее собака, съела и бежит дальше, не лает. Снова бросил ей Кокодэ Мудрый лепешку. Опять она съела. Третью бросил. Третью съела. Подбежала к нему, прыгает на лошадь и ласкается.

А тем временем пятнадцатиглавый черномазый Мус думает: «На всей земле ни одного человека нет, который мог бы победить меня и двух моих братьев. Отчего же ласкается к нему моя собака?»

Приблизился Мус к юноше и говорит ему:

– Эй, ты, бугай приблудный, что ты за человек, с горящими глазами, с пылающим лицом?

А юноша ему в ответ:

– Не бугай я приблудный, и не горят у меня глаза, и не пылает лицо. Я сын простого человека. Хоть и многоголов ты, а безрассуден.

Ударил тут Кокодэ Мудрый по десяти головам Муса, откинул их назад и стал бороться с пятью головами. Боролись они так, что разлетался терн мелкими веточками. Боролись так, что обмелели океаны, стали лужами. Боролись так, что горы стали долинами, а долины горами.

Боролись они сорок девять дней и ночей.

Поборол Мус юношу, чуть-чуть было не убил.

– Рассказывай про свои горести, печали и беды, – говорит Мус, а сам сидит на юноше. – Дрожит мое сердце, сокрушить тебя хочет.

– О бедах я помолчу. Если хочешь на прощанье посмотреть чудеса, которые показывал мне мой отец, смотри, – сказал Кокодэ Мудрый.

Отпустил его Мус. Тогда он и говорит:

– Сядь покрепче, держись сильнее.

Взялся Мус покрепче, сел попрочнее. Толкнул его юноша раз, – едва удержался Мус. Еще раз толкнул. Чуть не свалился Мус. Третий раз толкнул. Перекувырнулся Мус и полетел прочь. Юноша тут же поймал Муса и бросил об землю. Вошел Мус в землю на девять локтей. Тогда Кокодэ Мудрый разжег трубку величиной с бычью голову, уселся и курит. А дым в трубке клокочет.

Ковыляет к юноше Мус, глаз выбит, рука сломана, ноги одной нет, словно коршун подстреленный.

– Мус! Куда ходил? – спрашивает его юноша и улыбается.

– Вода в этой реке горькая, ходил я пить из дальней реки, – отвечает Мус угрюмо.

Поглядели они друг на друга исподлобья, бок о бок, как буганы, потерлись, головы подняли и друг на друга, как верблюды, пошли. Как бараны, схватились, перебрасывались и снова сорок девять дней и ночей боролись. На своем тонком бедре потряс юноша Муса восемь тысяч раз. На своем черном бедре потряс Мус юношу семь тысяч раз. Снова потряс юноша Муса восемь тысяч раз и бросил бездыханного на землю. Черная кровь становой жилы Муса, клокоча, землю на три пальца кругом покрыла. Убил он Муса, слил воду семи рек в одну и бросил в нее Муса. Потом сел Кокодэ на лошадь и умчался прочь.

Повстречал опять на пути кибитку с белой дверью без петель. Подъехал к ней, спешился и с серебряным чумбуром в руках вошел. Сел у правой стены. Снова увидел красавицу. При свете ее красоты ночью можно пересчитать кипарисы за горой. А на левой стороне сидит злая старуха и как закричит:

– Эй, ты, бугай приблудный, что ты за человек, с пылающим лицом, с горящими глазами, откуда ты?

– Нет огня у меня в глазах, и не пылает мое лицо, – говорит Кокодэ Мудрый и спрашивает:

– А хозяин ваш где?

– Поехал к табуну.

Вышел Кокодэ Мудрый, а красавица – за ним вслед. Дала ему три лепешки. Взял он их, положил в боковой карман, сел на коня и поскакал. Еще пуще прежнего дождь льет, еще пуще прежнего снег сыплет, еще страшнее первого двадцатипятиглавый черный Мус навстречу идет. А за ним желтая собака величиной с верблюда, разгрызает камни с быка величиной и бросает их. Бросил ей юноша лепешку. Съела – и дальше бежит. Подбросил другую. Съела – и снова бежит. Бросил третью. Съела, подбежала к нему, прыгает и ласкается.

Размышляет Мус: «Отчего это к чужому ласкается моя собака?».

Подошел Мус к юноше и говорит:

– Эй, ты, бугай приблудный, что ты за человек, с пылающим лицом, с горящими глазами?

– Не горят мои глаза, лицо не пылает и не приблудный я бугай. Хоть и складно говоришь ты, а бестолков.

Ударил Кокодэ Мудрый Муса, оторвал его десять голов и стал сражаться с пятнадцатью головами. Боролись они так, что стали горы долинами, а долины горами. Боролись так, что леса посохли, стали хворостом. Боролись так, что океаны обмелели, стали лужами, а лужи разлились океанами. Боролись они сорок девять дней и ночей. Совсем было одолел Мус юношу и ударил его об землю.

– Перед смертью рассказывай о своих бедах, – говорит Мус, а сам сидит на юноше.

– Подожди, Мус. Посмотри лучше двенадцать хитростей борьбы, каким отец меня научил, поучись у меня напоследок.

– Покажи! – приказал Мус.

– Сядь покрепче, держись сильнее.

Вцепился Мус в юношу, крепко сидит. Толкнул его Кокодэ один раз. Еле удержался Мус. Снова толкнул. Чуть не свалился Мус. В третий раз толкнул. Перевернулся Мус, слетел с юноши. Юноша встал, встряхнулся, а сам посмеивается.

Поставил Кокодэ Мудрый своего серо-голубого коня в тень и сам сел. Пускает дым из трубки величиной с бычью голову. Глядит: Мус ковыляет. Одна пола разорвана, глаз выбит, рука вывернута, нога сломана.

– Мус! Куда ходил? – спрашивает его юноша.

– Вода в этой реке горькая, ходил я пить из дальней реки, – отвечает Мус злобно.

Тут пошли боком друг на друга Мус и Кокодэ Мудрый, как два бугая. Исподлобья друг на друга, как верблюды, посматривают. Схватились, как бараны. Зашумело, загремело все вокруг. Потряс юноша Муса на своем тонком бедре восемь тысяч раз, молча сдавил его семь тысяч раз и загнал его одним ударом на девять локтей в землю. Рекой течет черная кровь из становой жилы Муса.

Тогда Кокодэ Мудрый говорит:

– Если вправду ты богатырь – поднимайся, если нет на то силы – убью.

– Не в силах я, убивай, – отвечал Мус.

Убил юноша Муса, слил воду семи рек в одну и бросил туда Муса.

Опять Кокодэ Мудрый сел на своего серо-голубого коня и отправился дальше. Заметил что-то вдали виднеется. Поехал туда. Стоит кибитка с белой дверью без петель. Подъехал, слез и, держа чумбур, вошел в нее. Вошел и сел. По левую сторону сидит старуха, а перед ней девушка. При свете ее красоты можно счесть все пылинки в степи. Как закричит старуха:

– Эй, ты, бугай приблудный, что ты за человек, с пылающим лицом, с горящими глазами?

Отвечает Кокодэ Мудрый:

– В лице нет у меня жара, и в глазах нет огня, и не приблудный я бугай, – сказал и сел.

Посидел еще и спрашивает:

– Ваш хозяин куда пошел?

– Поехал к табуну, – отвечает старуха.

А когда Кокодэ Мудрый собрался уезжать, красавица девушка дала ему три бараньих ноги. Взял их юноша. Поскакал дальше.

Едет. Дождь идет, снег падает. Мчится прямо на юношу тридцатипятиглавый черный Мус. Один его голос звучит на небе, другой – на земле. Одним клыком бороздит он землю, другим – небо. Бежит с ним собака со слона, на ходу разгрызает камни с целого верблюда величиной. Лает и бежит, бежит и лает. Бросил Кокодэ Мудрый собаке одну баранью ногу. Перестала собака лаять, съела ногу и дальше бежит. Снова бросил Кокодэ Мудрый баранью ногу. Опять съела. Третью ногу бросил. Съела и стала к нему ластиться.

Никак не поймет Мус: «Отчего это моя собака к чужому ластится?». Подъехал и спрашивает юношу:

– Эй ты, бугай приблудный, что ты за человек, с пылающим лицом, с горящими глазами?

Отвечал Кокодэ Мудрый:

– Нет у меня огня ни в глазах, ни в лице, не приблудный я бугай. Хоть и силен ты, но безрассуден, хоть и здоров, а дурак.

Ударил Кокодэ Мудрый по десяти головам, разлетелись они в разные стороны, и стал бороться с двадцатью пятью оставшимися.

Боролись так, что стали горы долинами, а долины горами. Боролись так, что океаны обмелели, стали лужами, а лужи разлились океанами. Боролись так, что посохли кусты терна и выросли новые. Сорок девять дней и ночей боролись. Едва одолел Мус юношу. Одолев, сказал:

– Перед смертью юноша всегда три печали вспоминает. Говори, какие у тебя? Сердце бьется – так хочу я тебя убить, жизнь твою кончить. Складной нож, сделанный манджиком[1] Цыда, – у твоего горла.

А юноша ему в ответ:

– Лучше посмотри двадцать хитростей борьбы, каким меня отец научил.

Согласился Мус.

– Крепче держись, прочней сиди, – сказал юноша и толкнул Муса.

Еле удержался Мус. Толкнул его юноша еще разок. Чуть не свалился Мус. Опять толкнул. Кубарем покатился с него Мус. Вскочил юноша с земли, схватил Муса и одним ударом загнал на девять локтей в землю.

– Ну что, Мус? Есть ли у тебя про запас хитрости?

– Нет, – отвечал Мус, – перехитрил ты меня, победил, убивай теперь.

[1] *Манджик – послушник в калмыцком монастыре.*

Убил Кокодэ Мудрый старшего Муса и отправился к нему в дом. Приехал, прикончил еще его злую мать, а жену взял с собой. Скот послал кочевать и так приказал:

– Ступайте по моему длинному следу, где след перекрещивается – там и обедайте, где след кругом пойдет – там заночуйте.

Поехал Кокодэ Мудрый в дом среднего Муса. Убил его мать, жену тоже с собой взял, отослал скотину кочевать и опять наказал идти по своему длинному следу.

К младшему Мусу в дом приехал и с его родней так же расправился.

Поскакал теперь Кокодэ Мудрый в родные свои края. И так погнал своего коня, что до ушей коню рот растянул, до костей его исхлестал. Из конских глаз искры посыпались, из ушей огонь запылал, из носа дым повалил клубами.

Скакал, скакал и прискакал. Вошел в дом. Поздоровался со старшими братьями. Немного спустя прибыли и жены-пленницы. Все три красавицы. Тогда Кокодэ Мудрый отдал жену старшего Муса своему старшему брату, жену среднего Муса – среднему брату, а себе взял жену меньшого.

Так и жили братья, радовались жизни.

Однажды ночью старший брат, Цагада Мудрый, вышел во двор. Видит: тьма кругом, ночь, а в окне Кокодэ Мудрого странный свет мерцает. «Что это за свет?» – подумал старший брат и поспешил в дом Кокодэ Мудрого, вошел и увидел, что сияет лицо жены Кокодэ Мудрого.

Прибежал Цагада Мудрый к Улада Мудрому и говорит:

– Лицо жены брата нашего, Кокодэ Мудрого, чудесное сияние испускало. Забрал он себе самую лучшую. Обманул нас. Давай отнимем у него жену.

Улада Мудрый и говорит:

– Нет, не прав ты. Если бы младший брат не нашел нам наших женкрасавиц, где бы мы их взяли?

Прошло много дней. Однажды ночью опять увидел Цагада Мудрый чудесный свет и опять прибежал к Улада Мудрому.

– Вставай, смотри, в доме Кокодэ Мудрого неземной свет мерцает, – а сам задыхается, еле дальше говорит, – давай воткнем у его порога две косы, а потом потащим по земле кожу и закричим: «Вставай, Кокодэ Мудрый, вставай, украли твоего бурого коня». А потом убежим Кокодэ Мудрый выскочит и отрежет себе косами ноги, а мы возьмем его жену.

Прикрепили братья к дверям острые косы и стали бегать и кричать:

– Кокодэ Мудрый! Выходи! Увели твоего любимого коня!

Вскочил Кокодэ Мудрый, а жена его не пускает, целует, за ноги хватает.

Кричат братья:

– Увели твоего бурого! Вставай скорей! Завладела тобой твоя служанка, трус ты несчастный!

Оттолкнул Кокодэ Мудрый жену, бросился из дому и отсек острой косой себе обе ноги. Повалился Кокодэ Мудрый на землю.

Построили братья Кокодэ Мудрому травяную кибитку и оставили его там. Сами же вместе со скотом и кибитками отправились кочевать.

Прошли дни. Как-то готовил себе Кокодэ Мудрый пищу, вдруг снаружи постучались. Отпер Кокодэ Мудрый. Стоит перед ним человек.

– Что тебе нужно?

– Мои старшие братья слышали, как братья Кокодэ Мудрого расправились с ним, и мне выкололи они оба глаза, – отвечает пришелец.

– Ну, входи сюда, побратаемся в беде, – сказал безногий Кокодэ Мудрый.

Вдвоем сварили они себе кашу, поели, легли спать. На другой день вечером опять кто-то стучится.

– Кто там? – спрашивают.

– Услышали мои старшие братья, что братья Кокодэ Мудрого отрезали ему ноги, и мне отрезали они руки, – сказал пришедший.

– Заходи сюда, будем друзьями, – пригласили его слепой и безногий.

Так втроем и жили дружно – слепой, безногий и безрукий. Однажды услышали они, что Хормуста-небесный отдает замуж свою дочь.

– Поплывем за невестой на лодке, возьмем ее себе, – решили друзья.

Сказано – сделано.

Безногий сел верхом на слепого, а безрукий их вел. Так пришли они к лесу, срубили деревья, смастерили лодку, сели в нее втроем, ударили по корме и поплыли на небо.

Пока плыли вверх, дочь небожителя провезли мимо них на лодке в дом жениха. Взял Кокодэ Мудрый платок в руку и закричал:

– Не ваш ли это платок?

Потянулась девушка за платком, а Кокодэ Мудрый схватил ее за руку и перетянул к себе в лодку. Поплыла по воздуху лодка вниз, а за ней туман стелется.

Прибыли три друга домой. Опять Кокодэ Мудрый оседлал слепого и, взяв в проводники безрукого, отправился на охоту. Хорошо поохоти-

лись. Принесли домой зайцев, лис, велели дочери Хормусты-небесного приготовить пищу. Так и жили себе, поживали.

Как-то раз отправились трое друзей на охоту, а девушка забралась на крышу кибитки и смотрит во все стороны. Вдруг из безлюдного скалистого ущелья дым поднимается. Побежала девушка туда. Видит: выходит дым из старой кибитки. В кибитке той – бабка и дед Муса. Бабка сидит и чешет себе голову.

– Девушка, а девушка, чего робеешь? Заходи! – говорит старуха.

Вошла девушка. Взяла старуха кашу и угощает девушку. Девушка будто кашу съела, а сама спрятала ее в рукав. Потом старуха легла и говорит:

– Почеши-ка мне голову, милая.

Пока чесала девушка старухе голову, та шилом продырявила ей полу, насыпала туда золы и говорит:

– Спасибо, девушка, возьми теперь огонь и ступай домой.

Положила ей в полу горящих углей и отпустила. По пути от кибитки Муса и до дома просыпала девушка золу сквозь дырку в платье. Так след за собой и оставила.

Бабке Муса того и надо. Была та бабка одноглазая, глаз у нее впалый, желтый, да и тот на затылке.

Побежала старуха по следу за девушкой. В кибитку зашла – а девушка спит. Стала старуха пить девичью кровь, насосалась – и домой. Девушка еле живая лежит, заболела, ослабла. Вернувшись домой, трое охотников спрашивают девушку:

– Отчего это ты так похудела?

– Вовсе я не похудела, – отвечает девушка, а сама лежит, плачет.

Прошло некоторое время, пошли друзья опять на охоту. Старуха тут как тут. Пришла в кибитку к девушке, пососала-пососала ее кровь и отправилась домой.

Возвратились охотники, дивятся на девушку и говорят друг другу:

– Отчего это она так худеет?

В другой раз слепой и безногий пошли на охоту, а безрукого оставили следить за девушкой. Только скрылись охотники из виду, глядит безрукий – пришла старуха, старая, нос краснее меди, и давай сосать кровь девушки. Закричал безрукий и прогнал ее прочь. Вскоре вернулись и остальные.

Сказал им безрукий:

– Приходила сюда какая-то ведьма и сосала кровь девушки.

Тогда слепой стал за дверью, безногий залег на дверную притолоку, а безрукий под шкурой спрятался. Пришла старуха. Осмотре-

лась. На руках и ногах у нее козьи жилы. Нос краснее меди, глаз один, и тот на затылке.

Прокралась она в кибитку и шепчет:

– Девушка, есть ли в твоем доме кто?

– Нет, – отвечает девушка.

– Правду говори, – приказывает старуха.

А у девушки и сил нет больше ответить. Пошла старуха за стариком, привела его. Стали вместе сосать.

Кинулись тут на них три друга. Старуху схватили, а старик убежал. Связали они старуху.

– Сделай девушку такой, какая была, сделай, какая была! – бьют и приговаривают.

Взмолилась старуха. Проглотила она девушку и вернула обратно. Сделалась девушка такой, как была прежде. Удивились друзья. Подводят к старухе безглазого.

– Сделай его зрячим, – требуют.

Проглотила его старуха и возвратила его юношей с прекрасными глазами. Отдали ей тогда безрукого. Проглотила и вернула его с руками. Тогда Кокодэ Мудрый сказал друзьям:

– Если старуха меня проглотит и не выпустит, разрубите ее на мелкие куски, разрежьте на мелкие части и освободите меня.

Проглотила старуха Кокодэ Мудрого и говорит:

– Хоть убейте, хоть зарежьте, как знаете, а не выпущу я его.

Порубили два друга старуху на мелкие куски, искали, искали, устали, а Кокодэ Мудрого не нашли. Сели они опечаленные отдохнуть, вдруг воробей на трубе зачирикал:

– Чир-чир-чир! В мизинце ищи, в мизинце ищи!

Стали искать в мизинце и нашли. Сидит Кокодэ Мудрый здоровый, ноги скрестил и трубку курит.

Так превратились калеки в здоровых и решили вернуть дочь Хормусту-небесному. Отвезли ее и пошли втроем куда глаза глядят. Шли, шли и дошли до того места, где дорога на три расходится. Попрощались друзья. Побрели каждый по своей.

Шел Кокодэ Мудрый, шел и пришел к дому своих братьев. Прикинулся он тогда цыганом. Вошел. А в кибитке мясо варили. Жену же Кокодэ Мудрого братья сделали простой пастушкой.

Как сварилось мясо в котле, Кокодэ Мудрый подошел помешать, вынул лучшие куски, а сам и говорит:

– То мясо, которое я первым выну, съест тот, кто у огня сидит.

И отдал лучшее мясо своей жене. Взяла она мясо, вышла и села на дворе, а лицо ее зарумянилось. Дочь Цагада Мудрого увидела это и спрашивает у матери:

– Почему, как поела пастушка мяса, лицо ее зарумянилось?

А мать отвечает:

– Оттого, что она никогда не видала цыгана.

Захотелось женщинам, чтобы у всех был румянец. Стали они просить цыгана доставать и им мясо, а сами ели да ели, пока вечер настал. Постелили на дворе постель Кокодэ Мудрому, а жену его прогнали прочь.

Объявился Кокодэ Мудрый ночью своей жене. Бросились они друг другу в объятия, до рассвета рассказывал он обо всем, что с ним приключилось.

Как настало утро, жена Цагада Мудрого кричит:

– Вставай, пастушка паршивая, открывай трубу!

А пастушка лежит и не встает.

Тогда вскочила жена Цагада Мудрого, схватила кнут, выбежала наружу, да ни с чем пришлось ей вернуться. Сидит пастушка с цыганом, а цыган ее обнимает.

Заварили чай и позвали Кокодэ Мудрого чай пить. Кокодэ Мудрый выпил чаю, разостлал перед кибиткой белый войлок, посадил на него братьев, раздал им по луку, себе один взял и говорит:

– Стрела того, кто из нас в чем виновен, вернется обратно и попадет ему прямо в сердце. А если кто не виновен, то стрела прилетит обратно и попадет ему в правую полу.

Братья пустили стрелы.

Вернулась стрела Цагада Мудрого и прямо ему в сердце вонзилась. Прилетела стрела Улада Мудрого и тоже в самое сердце попала. А стрела Кокодэ Мудрого вернулась обратно, прямо ему в правую полу.

Тогда Кокодэ Мудрый сказал своим двум снохам:

– Что хотите себе взять? Хвосты и гривы семисот кобыл или кобыльи копыта?

Решили снохи: «Из хвостов и грив наплетем мы бечевок и арканов». И ответили.

– Гривы и хвосты возьмем.

– Ладно! По-вашему будет.

Пригнал Кокодэ Мудрый семьсот кобыл, привязал своих снох к гривам и хвостам и погнал табун по степи.

После того жил Кокодэ Мудрый со своей женой и радовался жизни.

Лотос

а, идут годы, текут седые века, и никто никогда не удержит их могучего бега. Будто недавно мои сморщенные руки были сильными и молодыми. Была молодой и та, лежащая в храме Тюменя.

Молодой и прекрасной, как ранняя весна, была Эрле, дочь Сангаджи. И у многих сердца бились, видя ее, и не забывались ее глаза, темные, как ночь.

Эрле была красива, как первый проблеск весенней зари. В высокой траве у задумчивых озер-ильменей проводила она знойные дни, веселая, здоровая, гибкая. Подражала крику птиц, перепрыгивала с кочки на кочку, жила жизнью степных болот и знала самые сокровенные их тайны.

Эрле росла. А Сангаджи кочевал то близ широкой Волги, то по тихой Ахтубе. Летело время, множились табуны. Немало приезжало и купцов из Персии, и из Индии, много добра накупил у них богатый Сангаджи для своей дочери.

Часто длинные караваны сытых верблюдов отдыхали у его кибитки, и руки рабов то и дело передавали в руки Сангаджи переливающиеся на солнце дорогие цветные шелка.

Знатные сваты в богатых, ярких одеждах слезали с коней за пятнадцать шагов, бросались на землю и ползли к Сангаджи.

Лунная летняя ночь дышала испарениями влажной, покрытой тысячью цветов земли, в тишине вздыхали верблюды, кашляли овцы, пели комары, трещали сверчки, стонали луни, спросонья вскрикивала какая-то птица. Жила и радовалась волшебница-степь, навевала красавице Эрле дивные девичьи сны. Улыбаясь, раскинув смуглые руки, лежала она на дорогих бухарских коврах. А ее мать, старая Булгун, сидела у ее изголовья, с глазами, полными слез, в глубоком горе.

«И зачем это так раскричался ночной кулик, – думала она, – зачем так печально шумят над ериком ветлы и о чем вполголоса говорит Сангаджи в соседней кибитке с богатым сватом?.. Милая моя Эрле! Когда я носила тебя под своим сердцем, я была счастливей, чем сейчас, ведь никто не мог тебя отнять у меня».

А в то время Сангаджи говорил знатному свату:

– Ничего мне не надо за мою Эрле потому, что она дороже всего на свете. Разреши мне поговорить с женихом, я хочу узнать, сколь он разумен, и пусть Эрле сама скажет ему свои условия.

Обрадовался сват, вскочил в седло, поскакал к князю-нойону Тюменю и рассказал о том, что, видно, положат скоро Эрле поперек седла и привезут к молодому Бембе.

Старая Булгун плакала у изголовья дочери. Поджав ноги, сидел Сангаджи и печально глядел на Эрле.

– И зачем она так быстро выросла, – шептал Сангаджи, – и почему какой-то сын нойона Тюменя должен отнять у нас Эрле, веселую, как весенний ручеек, как первый луч солнца?

Шли дни, бродили табуны по сочной траве Ахтубинской долины. Накапливался жир в верблюжьих горбах и в овечьих курдюках. Печальны были мать и отец, только Эрле по-прежнему веселилась в цветущей степи. Вечерами дочь обвивала руками седую голову матери и шептала ласково о том, что не скоро уйдет от нее, что еще рано ей покидать стариков и что не страшит ее гнев свирепого нойона Тюменя.

У слияния двух рек догнали сваты нойона Тюменя и сына его Бембе. Бембе не решился беспокоить Эрле, приказал раскинуть палатки на другом берегу сухого канала-ерика и заночевать.

Не спал Бембе, не спал и Сангаджи. Красны были от слез глаза Булгун. Богатые цветные наряды сватов играли радугой на утреннем солнце. Впереди всех ехал Бембе, сын беспощадного, свирепого нойона Тюменя, чье имя приводило в трепет всю степь.

– Пусть сама Эрле скажет тебе условия, – промолвил Сангаджи, когда Бембе заявил о том, что Эрле нужна ему, как сурепка верблюду, как ильмень утке, как земле солнце.

Громче заговорила степь и запели в реке волны, выше подняли голову камыши и приветливо смотрели верблюды, когда вышла к гостям красавица Эрле.

От великих гор до долины реки Или и глубокого озера Балхаш ездил Бембе, видел он тысячи прекрасных женщин, но такой, как Эрле, нигде не видал.

– Все, что хочешь, проси, – сказал он ей, – только согласись.

Улыбнулась Эрле и сказала:

– Бембе, сын знатного нойона, я рада видеть тебя и вечно останусь с тобой, если ты найдешь мне цветок, прекраснее которого нет не только в нашей степи, но и во всем мире. Я буду его ждать до следующей весны. Ты найдешь меня на этом же месте, и если принесешь цветок, я стану твоей женой. Прощай.

Собрал нойон Тюмень нойонов и родовых старейшин и сказал им:

– Объявите всему народу, чтобы тот, кто знает о таком цветке, пришел без страха и сказал об этом за большую награду.

Быстрее ветра облетел степь приказ Тюменя.

Однажды ночью к кибитке нойона подъехал запыленный всадник. А когда впустили его в кибитку, он сказал нойону:

– Я знаю, где растет желанный твоей красавице Эрле цветок.

И он рассказал о своей чудесной стране, которая называется Индией, и раскинулась далеко за высокими горами. Там есть цветок, люди зовут его священным лотосом и поклоняются ему, как богу. Если нойон даст несколько человек, он привезет лотос, и прекрасная Эрле станет женой Бембе.

На другой день шесть всадников пустились в путь.

Скучно рассказывать о том, как жил Сангаджи холодной зимой. Северо-восточные ветры загнали скот в крепи-загоны, а сам он целыми днями лежал и слушал, как за землянкой пели невеселые песни степные бури. Даже веселая Эрле тосковала о солнце и ждала весны. Она мало думала о том, что когда-нибудь возвратится страшный Бембе.

А тем временем шесть всадников держали путь на восток и уже достигли долины реки Или. Они спали и ели в седле. Бембе торопил их, и задерживались они только для того, чтобы добыть охотой еду. Много лишений пришлось перенести им, пока они не достигли таинственной Индии. Дикие степи, высоченные горы и бурные реки встречались им на пути, но всадники упорно ехали вперед.

Наконец они прибыли в Индию и увидели чудный цветок – лотос. Но никто не решался его сорвать, все боялись навлечь на себя гнев богов. Тогда на помощь им пришел старый жрец. Он сорвал лотос и отдал Бембе, сказав:

– Помни, человек, ты получил прекрасный цветок, но потеряешь нечто еще более прекрасное.

Не слушал его Бембе, схватил лотос и велел немедленно седлать коней, чтобы пуститься в обратный путь.

Все реже и реже дул свирепый ветер, а солнце все дольше оставалось в небе. Близилась весна, а ее так ждала бледная, исхудавшая Эрле. Напрасно ходили в землянку ее отца знахари, напрасно поили ее разными травами, с каждым днем таяла Эрле, как снег под солнцем. Не могла больше плакать Булгун. Безумными глазами она смотрела на свою дочь, уходившую от нее навсегда.

А когда запели птицы и зацвела степь, Эрле не могла уже встать. Худой рукой она гладила обезумевшую от горя мать, а глаза ее по-прежнему смеялись тихо и ласково.

Если бы птицы могли говорить, они сказали бы Бембе, чтобы торопил он своих коней, потому что скоро, скоро перестанет биться сердце Эрле. Но и без того торопился Бембе. Оставалось уже немного пути. Усталые кони, с налитыми кровью глазами, спотыкались и чуть не падали от изнеможения.

Знатные сваты примчались навстречу Бембе.

– Торопись, Бембе! – кричали они. – Твоя прекрасная Эрле умирает.

И когда уже показалась кибитка Сангаджи, все увидели, как из нее, пятясь, выходят мать и отец. Всадники поняли, что Эрле умерла. Печально опустил поводья Бембе. Он не увидел живой прекрасной Эрле, не увидела и Эрле цветка, прекрасного, как она сама…

Схоронили ее на берегу Волги, а в память Эрле выстроил Бембе храм. Темной ночью Бембе ушел в камышовые заросли устья и посадил там чудесный лотос.

И до сей поры растет там прекрасный этот цветок.

Семьдесят две небылицы

Давно было дело. Жил один хан. От безделья и скуки у него что ни день – новая прихоть и причуда. Совсем извел окружающих. Житья от него не стало. Для каприза и забавы не жалел хан и родной своей дочери.

Все уже, казалось, перепробовал хан, чтобы развлечь себя, а все скучно ему. Все выдумывает что-нибудь. Вконец замучил подданных.

Однажды надумал хан новую затею. Объявил, что выдаст замуж дочь свою за того человека, который в один присест расскажет ему без единой запинки семьдесят две небылицы и ни одного слова правды. А кто начнет да собьется, тому не то что дочери ханской, а и света белого не увидеть. Жестокий был хан.

Из придворных ханских многие рады были бы получить ханскую дочь в жены. Приданое у нее несметное: золота, серебра, жемчуга, шелка и бархата не счесть. Глаза у придворных от жадности разгораются, да ума и смелости, чтобы семьдесят две неправды рассказать, не хватает.

Прошел день, другой. Третий наступил. Нет смельчаков. Приказал хан по всем владениям своим объявить о желании выдать дочь замуж за того, кто семьдесят две небылицы расскажет.

Стали съезжаться к хану сыновья нойонов. Ни один не рассказал хану семьдесят две небылицы: то собьется рассказчик, то нечаянно правду скажет, то мало небылиц сочинил. Гонит их от себя хан.

Пришел к ханской стоянке один молодой человек. Одет плохо, на вид невзрачный. Сын бедняка и сам батрак.

– Могу, – говорит, посмеиваясь, – рассказать хану семьдесят две небылицы.

Гонит стража бедняка – куда ему! Однако, подумав, доложили хану. Удивился хан, разгневался:

– Бедняк, черная кость, а тоже лезет, с сыновьями нойонов тягаться хочет.

Но все же любопытство овладело ханом. Велел он впустить молодого человека.

– Расскажешь, – спрашивает хан, – семьдесят две небылицы?

– Конечно, – отвечает батрак, – это дело нетрудное.

И начал батрак:

– Родился я раньше отца. Взял неродившегося верблюжонка, привязал его за шею к невыросшему дереву. Сделал ручку-плетку из нескрученной веревки, пошел пасти табун своего пра-пра-прадеда. Жара была страшная, земля льдом покрылась, идешь и скользишь. От жары табун в разные стороны разбегается. Воткнул я плетку в землю, лег под ее летней тенью да так крепко уснул, что проснулся осенью. Посмотрел на табун – нет гнедой лошади-кобылицы, водительницы табуна, у которой брюхо величиной с земной шар, а уши как крыша кибитки. Пошел искать гнедую лошадь-кобылицу; гляжу: она на лугу ожеребилась. Сел я верхом на лошадь, жеребенка малого взял с собою, за седло перекинул, да не может нас поднять мать-матка, везти не может. Сел тогда я на жеребенка, мать-матку за седло перекинул, повез нас жеребенок. Когда въехал я на одну горку, гора от тяжести проваливалась, когда же въехал на цветок, что на откосе балки рос, цветок покачнулся, но выдержал. На другую гору въехал, гора опять провалилась, спасибо, жеребенок на рог черного жука въехал, жук покачнулся, но выдержал. Поехал дальше, убил я, не догнав, зайца, которого не видел. Сошел с коня, закурил трубку без табака, посидел на траве, вернулся, на коня сел, вижу: свою бритую голову оставил там, где сидел. Поехал за своей бритой головой. Еду, обливаюсь пòтом, приехал, вижу: нижняя часть головы ко льду примерзла. Взял я свою бритую голову, подбросил ее за волосы раза три, надел голову на свое место. Поехал в разные стороны, приехал к кибитке, сошел с коня. В кибитке той убили муху и готовили угощение. Жирная была черная муха. Наелись все досыта, а что не съели в запас припрятали, который на семь дней хватило, а остаток от запаса все родственники и знакомые хозяина кибитки ели и сыты остались. Жиром мухи намазал я один свой сапог, а другой забыл смазать. Встал я наутро – с левой ноги смазанный жиром сапог здесь, а несмазанный, с правой, убежал. Воткнул я в один сапог обе ноги, побежал искать второй сапог. Бежал-бежал, до ставки хана добежал. Смотрю, а сбежавший сапог у того хана служит, подносчиком водки сделался. Взял я убежавший сапог, обеими руками отхлестал его по щекам, надел тот сапог с правой ноги на левую ногу и ушел.

Иду дальше. За три версты услышал шум тихий, подъехал, смотрю: уж лягушку ест. Попросил я у него лягушку, закусил сытно кусочком, вернул ужу лягушку. Когда по берегу реки шел, видел, как пауки своей паутиной рыбу ловили. Добрые пауки-рыболовы и мне пару мелких рыбешек да одного сазана большого подарили. Дальше пошел. Вижу у корня невзошедшей травы-полыни лиса, еж и тушканчик в карты играют. Присел и я играть. Выиграл все деньги, что у лисы, ежа и тушканчика в карманах и за пазухой были. Пошел дальше – у другого корня невзошедшей полыни лежит нерожденный зайчик. Не видя того зайчонка, подбил я его, а потом, не держа руками, привязал к седлу. Пошел дальше. Шел-шел, а потом надоело: встал я на месте и заснул стоя. Сплю крепко, да во сне чувствую – дерется кто-то в ногах у меня. Вздрогнул от страха, открыл глаза, гляжу: сапоги мои друг с другом дерутся. «Из-за чего деретесь?» – спрашиваю. Отвечает правый сапог: «Почему ты смазал левый сапог мушиным жиром, а меня обидел? Вот мы и деремся». Затейнику драки, правому сапогу, дал я по справедливости две пощечины, а левому три пощечины. Обиделись сапоги, пошептались, с ног моих соскочили и убежали. Только я заснул, снова чувствую – опять драка идет. Проснулся: мой нож дерется со своими ножнами. Спрашиваю: «Что за драка идет?» Отвечают ножны: «Ты, хозяин, дал ножу мясо, а нам нет. Вот мы и деремся». Дал я ножнам мяса, одел ножны в нож, чтобы не ссорились, положил их спать, а они от обиды вслед за сапогами удрали. Проспал я суток пять. Проснувшись наутро, почувствовал жажду, зной стоит, жара жгучая. Добежал по воздуху до степного ключа-родника, бившего фонтаном. Подбежал и вижу: замерз фонтан от жары и зноя, как кочан капусты. Лед толстый, крепкий, пробить его нечем. Думал я, думал, догадался: сорвал свою голову с шеи, размахнулся, ударил об лед – молния сверкнула, распался лед, и тут я водой хлынувшей напился. Когда надевал голову, посмотрел на нее, а голова подмигивает мне, зубы скалит, посмеивается, дал ей щелчка и снова надел. По дороге собака издохшая ко мне пристала. Сел отдохнуть я, отвязал от седла зайца, что нерожденным мне в руки попался, пустил его под кустиком полежать. Не дошел до куста заяц, как на него собака бросилась. Не успел я с места двинуться, как собака уже быстрее стрелы от него летит. Смотрел-смотрел я на небо, пока собака с глаз не скрылась. Вот чудо! думаю. Поглядел я на землю: лежит мой зайчонок цел-целехонек и спит под кустиком, похрапывает. Лег и я рядом с ним и слышу, как задние ноги зайчика перед передними похваляются: «Трусы вы несчастные! То ли дело мы! Вы чуть что – сейчас же удрать норовите да все впереди нас бежите. А вот мы не такие!

Никакой враг нам не страшен. Сами видели, как мы сейчас собаку на тот свет спровадили!» Оказалось, что зайчонок задними ногами так собаку лягнул, что она без остановки на тот свет отправилась. Ну и ну! Отпустил я зайца, без него пошел. Курить мне опять захотелось; достал кисет, наложил в табак трубку, сделал из него кремень, из воды – трут, ударил о кремень – искры летят, горит трут – славно покурил я! Отдохнуть хотел, да не пришлось. Два больших кургана затеяли спор, кто из них старше. Спорили-спорили да в драку пустились. Пыль кругом стоит, земля трясется, от ударов по степи малые курганчики, что шишки выскакивают. Ушел я от драчунов, опять по дороге путь свой держу. Только прошел немного и вижу: стоит вверх ногами кибитка. Зашел в нее – глазам не поверил: пир горой идет, один сапог мой разносит гостям водку, нож мой мясо режет и пирующим раздает. Увидели меня сапог и нож, обрадовались: «Хозяин, хозяин наш пришел». Угощать меня стали: сапог водку подливает, нож мясо подносит. Наелся, напился, выспался сладко, пошел наутро дальше. Иду, по пути сладкий терн зеленый срываю и кушаю. По дороге мимо меня одной лошадью запряженная тройка промчалась. Дошел к вечеру домой, верст пятьсот отмахал за день. Смотрю – табун прирост дал: ожеребились кобылы верблюдами. Верблюдов тех желтых стало уже восемьдесят. Выбрал я могучего великана-верблюда, сел на него, не выдерживает меня верблюд, валится…

Тут хан не вытерпел:

– Да может, верблюд твой, – кричит, – слабый да малосильный был!

Отвечает батрак:

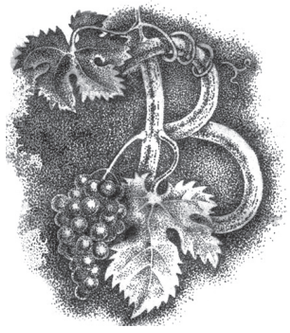
– Нет, хан, верблюд мой сгрызал на корню дерево сосновое, так что дерево и покачнуться не успевало.

– Да может, – не унимался хан, – дерево-то низкое да тонкое было!

– Нет, дерево то в сто пятьдесят обхватов было, а как кинул его верблюд в колодец-худук глубиной в шестьдесят пять саженей, так дерево еще на пятнадцать саженей над колодцем торчало.

Насупился хан. Дочь его – ни жива, ни мертва. Придворные в ужасе. За простого батрака ханскую дочь выдавать придется. Делать нечего. Повздыхал хан и отдал дочь свою батраку. Дочь та красавицей была, да в красоте и батрак ей не уступал. Взял батрак себе в жены дочь ханскую и зажил с ней счастливо.

Петух и павлин

В далекие, седые времена жили соседи – петух и павлин. Красив и наряден был петух. Золотистые его перья, ослепительно блестя, переливались под солнечными лучами. Все птицы завидовали петуху. Многие из них, сидя на деревьях, жалобно пели: почему они не имеют такого красивого наряда, как у петуха? Важен и горделив был петух. Ни с кем он не разговаривал, кроме павлина. Ходил он важной походкой и так же важно клевал зернышки.

Петух дружил с павлином. Оттого ли он был снисходителен к павлину, что наряд того был беден, оттого ли он дружил с ним, что были близкими соседями, не знаю, но жили они дружно.

Однажды павлин собрался в далекие края в гости. Грустен был павлин, что наряд его слишком беден. С завистью он смотрел на петуха и думал: «Каким бы я был счастливцем, если бы имел такой красивый наряд, как у петуха. Что у меня есть? Кроме жалких перьев, ничего. Разве я могу появиться в чужом краю в таком убогом виде! Нет, мне стыдно показаться в таком виде чужим. Почему не обратиться к петуху? Лучше я попрошу у него его наряд. Неужели он откажет мне?»

И обратился павлин к петуху с этой просьбой, обещая вернуться к следующему утру.

Подумал петух и говорит:

– Что же я буду делать, если ты завтра к рассвету не явишься?

Павлин ответил:

– Если я не приду к рассвету, то ты кричи, на твой зов я обязательно явлюсь. Но если меня не будет утром, то кричи в полдень, а если и в полдень не явлюсь, то кричи вечером. К вечеру, конечно, я буду.

Поверил петух павлину, снял свой красивый наряд и отдал ему, а сам оделся в перья павлина.

В красивом наряде петуха стал павлин самой красивой птицей. Радостный и гордый, он отправился в далекие края.

Прошел день. Прошла ночь. Ждет петух павлина. Но павлина нет. Стал беспокоиться петух. Не выдержал петух, закричал:

– Ку-ка-ре-ку!

И еще раз, еще раз, но павлина нет. Опечалился петух. Ждет, когда настанет полдень. Настал полдень. Опять кричит петух. Нет павлина. Ждет вечера. Настал вечер. Опять кричит петух, зовет павлина, но павлина след простыл.

Так и пропал павлин, а вместе с ним и красивый наряд петуха.

С тех пор петухи каждый день три раза – утром, в полдень и вечером – зовут павлина, который унес их прежний красивый наряд.

КАРАЧАЕВСКИЕ СКАЗКИ

Вековую дружбу ветер не унесет.

Черный орел

Давным-давно в маленьком домике на опушке леса жил с женой и дочерью старый охотник. Когда-то охотился он очень удачно: дня не проходило, чтобы не принес он в дом дичи. Но теперь постарел, глаза уже не такие зоркие стали, да и твердости прежней в руках не было. Все меньше приносил он добычи, и семья часто голодала.

И вот надумал старик охотиться так: приметил в лесу поваленное дерево, натопил смолы и смазал ею ствол дерева. «Авось мелкая зверушка или птичка какая попадется», – думал старый охотник.

Однажды решил он проверить свою ловушку. Пришел в лес и остановился в удивлении: на стволе сидел огромный черный орел, лапы его увязли в смоле, и взлететь он не мог.

Охотник хотел убить орла и прицелился в него.

«Ну, сегодня у нас будет хороший обед», – подумал старик.

Но орел вдруг заговорил человеческим голосом:

– Не убивай меня, добрый человек! Вырви из моего хвоста три перышка и отпусти на свободу! Ты увидишь, как я отблагодарю тебя! Дам тебе все, что попросишь!

Удивился старый охотник, услышав такую речь.

«Дай, – думает, – испытаю свое счастье». Он вырвал перья из хвоста орла, очистил его лапы от смолы и отпустил на свободу.

Дома старик рассказал все жене о черном орле. Но жена отругала его:

– Эх, глупый ты старик, глупый! – говорила она. – Ведь обманул тебя этот орел! Ты подумай только, что может дать он тебе? Лучше бы мы съели его и хоть были бы сыты!

Молча выслушал старый охотник слова жены. И решил все же посмотреть, что будет, – испытать свое счастье. Взял перо, вырванное из

хвоста орла, подбросил вверх, ветер подхватил его и понес, а старик охотник пошел следом за ним.

Шел, шел и пришел к большому дворцу, вокруг которого собралось много людей. Все они работали: убирали сено, молотили зерно, кололи дрова.

– Хорошей вам работы, джигиты! – приветствовал их старый охотник. – Чей это дворец?

– Спасибо, добрый человек, – ответили работники. – Это дворец черного орла.

– О-о!.. Если здесь живет черный орел, посоветуйте, что попросить у него? Он обещал мне дать все, что попрошу!

– Знай же, добрый человек, что у черного орла есть волшебная чаша – гоппан, в которую он складывает свои богатства, – ответили работники. – Попроси у него этот гоппан! Но как достать из гоппана богатства, знает только черный орел.

Пошел старый охотник во дворец и попросил у черного орла гоппан. Черный орел неохотно, но все же выполнил просьбу старика: отдал ему гоппан.

– Ты спас мне жизнь, – сказал он, – я отдаю тебе свой гоппан. Когда придешь домой, скажи: «Наполняйся, гоппан! Рассыпь, гоппан!» Увидишь, что будет.

Поблагодарил старик черного орла, взял гоппан и отправился домой. Но по дороге не вытерпел и произнес: «Наполняйся, гоппан! Рассыпь, гоппан!»

Тут посыпалось из гоппана золото. Много золота! Старик растерялся. Но скоро опомнился и приказал гоппану собрать все золото.

Пошел старик дальше и встретил в пути трех сыновей богатого хана. Увидев старика с тяжелой ношей, они поинтересовались: кто он и куда путь держит, и, получив ответ, пригласили его зайти к ним отдохнуть.

Старик согласился и пошел за ними.

– Чей это дворец? – спросил он, когда вошел к ним в дом.

– Это дворец нашего отца, хана Аслана, – ответили они.

Хан пригласил старика поесть и отдохнуть. Садясь за стол, старик сказал, обращаясь к сыновьям хана:

– Смотрите, джигиты, не трогайте мой гоппан, не то худо будет!

Хан подозвал к себе одного из сыновей и тихо сказал ему:

– Гоппан этот очень похож на волшебный гоппан черного орла. Недаром старик так дорожит им. Иди и незаметно подмени его другим,

похожим гоппаном, а этот спрячь в надежном месте. А я в это время займу старика разговором.

Сын хана пошел и сделал так, как велел ему отец.

Старик поел, отдохнул, взял гоппан и отправился в путь.

Когда пришел к себе домой, начал хвалиться перед женой:

– Ты смотри, что принес я от черного орла! Вот удивишься!

И приказал гоппану:

– Наполняйся, гоппан! Рассыпь, гоппан!

Но гоппан, сколько старик ни приказывал, не наполнялся, и золото из него не сыпалось. И старуха опять заворчала:

– Зачем понадобился тебе этот старый гоппан?! Лучше бы мы имели мясо и пух черного орла!

Старый охотник очень расстроился. Он не мог понять, в чем дело. Что случилось с гоппаном черного орла?

На другой день он подбросил вверх второе перо из хвоста орла, и ветер опять понес его. А старик пошел следом за ним.

Долго шел и вдруг видит: огромное пастбище, и на нем множество овец, коров и лошадей.

Старик поздоровался с пастухами.

– Пусть множатся и хорошеют ваши стада, джигиты! – сказал он.

– Спасибо, добрый старик! Здоровья тебе, удачи! – приветствовали его пастухи.

– Чьи же эти огромные стада? – спросил старик.

– Они принадлежат черному орлу, – ответили пастухи.

– Черный орел обещал мне отдать все, что я захочу. Что же мне попросить у него?

– Проси самого неказистого, низкорослого коня, – сказали пастухи. – У черного орла огромные стада, а весь приплод скота он прячет в этого коня. И если правду говоришь, черный орел отдаст тебе коня, ты станешь богатым. Но только один черный орел знает, как добыть стада из этого коня!

Старик пошел и попросил у черного орла низкорослого коня. Черный орел предлагал ему взамен дорогие вещи, но старик просил только коня. И черный орел отдал ему коня.

– Ты спас мне жизнь, – сказал черный орел, – и я исполню твое желание. Бери моего коня, а как придешь домой, скажи ему: «Рассыпь, конь! Выброс, конь!» Увидишь, что будет.

Поблагодарил старик черного орла, взял коня и отправился домой. Но в дороге опять не выдержал и сказал коню:

– Рассыпь, конь! Выброс, конь!

И вдруг из коня стали появляться овцы, козы, коровы, быки, да так много, что старик глазам своим не поверил. Скоро перед ним было огромное стадо. И тут раздался вдруг страшный шум, земля задрожала, подул сильный ветер, и из леса прискакал трехголовый великан-эмеген.

– Хорошее стадо ты мне приготовил, старик! – крикнул эмеген и хотел угнать все стадо в лес.

Но старик не растерялся и быстро сказал:

– Собери, конь! Спрячь, конь!

И в один миг все коровы, овцы и быки исчезли, а рядом со стариком стоял только невзрачный, низкорослый конь.

– Проклятый старик! – закричал эмеген. – Куда ты спрятал все стадо? Я убью тебя!

– Что пользы тебе убивать меня, старика! Лучше возьми с меня выкуп, – предложил старик.

– Не нужен мне твой выкуп! – закричал эмеген. – Поклянись исполнить мое желание, тогда отпущу тебя!

– Конечно, исполню, – пообещал старик. – Говори, что я должен сделать?

– Узнаешь в другой раз! И помни: не исполнишь обещанное, плохо тебе будет! – прокричал эмеген, захохотал и ускакал обратно в лес.

Опечалился старик. «Пообещал я эмегену, а что, и сам не знаю, смогу ли я это исполнить...» – думал он.

Пошел старик дальше, а навстречу ему – сыновья хана. И опять приглашают в гости. Старик стал отказываться, хотел поскорее домой добраться. Да ханские сыновья уж очень его просили. Не захотел старик их обидеть и зашел опять в ханский дворец.

Там его встретил сам хан Аслан.

– Смотрите не вздумайте сесть на коня, – сказал старик сыновьям хана, – плохо вам будет! Отведите его в сарай, пусть постоит там и отдохнет немного. И коня увели.

А хан Аслан начал угощать старика, а потом и говорит ему:

– Ты сиди здесь, угощайся, а я пойду, распоряжусь, чтобы сыновья накормили и твоего коня.

Старик согласился. А хан позвал старшего сына и тихо сказал ему:

– Беги скорее на конюшню, найди там подходящего коня, надень на него седло и сбрую стариковского коня и приведи его к старику. Что-то уж очень он беспокоился о своем коне. Видно, опять тут какое-то волшебство!

И сын хана подменил коня.

Когда старик пришел домой, ему опять захотелось похвастаться перед женой и дочерью:

– Смотрите, какого волшебного коня я привел! Теперь-то мы уж наверняка разбогатеем!

Он ласково потрепал гриву коня и сказал ему:

– Рассыпь, конь! Выброс, конь!

Но сколько ни повторял это старик, из коня никто не появлялся. Не было ни овец, ни коров, ни быков. Тут старуха опять начала кричать и ругаться.

На следующий день старик пустил по ветру третье перо черного орла. Понеслось перо, а старик снова отправился вслед за ним. Шел, шел и оказался у ворот большого дворца. Тут работало много людей.

– Хорошей вам работы, ребята! – пожелал им старик.

– Спасибо, добрый человек! – ответили они.

– Чей же это дворец? – спросил он.

– Дворец этот принадлежит черному орлу. А мы – его слуги, – услышал в ответ старик.

– Черный орел даст мне все, что я захочу, – похвалился старик. – Что же мне попросить у него?

– Если правду говоришь, – сказали люди, – проси его дубинку. Жалеть не будешь! Мы все работаем на него, а он всю нашу силу собирает в эту дубинку.

– Ладно, попрошу у черного орла дубинку, – решил старик.

Черный орел опять предлагал старику много разных дорогих вещей взамен дубинки, но старик просил только дубинку. Пришлось черному орлу уступить.

– Ну что ж, исполню твое желание и на этот раз, – сказал черный орел. – Бери мою дубинку. Понадобится тебе защита, ты только скажи ей: «Прыгай, дубинка! Бей, дубинка!»

Поблагодарил старик черного орла, взял дубинку и пошел домой.

«Эх, не нажил я богатства, – подумал он, – так хоть защита мне на старости лет будет».

Пошел старик по дороге, а навстречу – опять сыновья хана. И опять они еще ласковее, еще настойчивее уговаривают его зайти к ним в гости.

Старик и на этот раз вошел за ними в ханский дворец. Оставив дубинку возле двери, он сказал сыновьям хана:

– Не трогайте, молодцы, эту дубинку и смотрите не скажите: «Прыгай, дубинка! Бей, дубинка!» Худо вам будет!

Старик уселся за стол. А хан Аслан взглядом показал сыновьям на дубинку. Они поняли, тотчас вышли и подменили дубинку старика. Потом вышли за дом с волшебной дубинкой и крикнули ей:

– Прыгай, дубинка! Бей, дубинка!

И стала дубинка прыгать и колотить сыновей хана. Те прятались от нее и в подвале, и на крыше спасались. Но всюду дубинка настигала их и нещадно била. Тогда они неистово закричали. На крик вышли старик и хан Аслан.

– Останови дубинку! – взмолился хан, обращаясь к старику. – Я выполню любое твое желание!

Но старик не спешил остановить дубинку. Хан подумал, что он убьет его сыновей, и начал умолять старика:

– Мы вернем тебе гоппан и коня, только останови скорей дубинку.

– Так вот кто украл мой гоппан и коня! – воскликнул старик.

Он приказал хану немедленно вернуть ему все украденное.

– А то велю дубинке убить всех вас! – пригрозил он.

Испугался хан и со слезами упал к ногам старика:

– Все отдам сейчас же, только останови дубинку!

Старик едва сумел остановить дубинку.

Хан сейчас же принес старику его гоппан, а сыновья привели коня.

– Вот так-то, ребята! – сказал старик, обращаясь к сыновьям хана. – Никогда не зарьтесь на чужое.

Взял старик свой гоппан, дубинку и погнал коня домой. Шел он и вдруг услышал шум, топот, земля задрожала, ветер подул, и травы поникли: примчался из леса трехголовый эмеген.

– Попался, старик, – захохотал он, – теперь не уйдешь, пока не исполнишь моего желания!

Испугался старик, задрожал.

– Чего ты хочешь, говори! – прошептал он.

– Отдай мне свою дочь! – потребовал эмеген.

Взмолился старик:

– Не могу я этого сделать! Возьми скота сколько хочешь! – И старик приказал: – Рассыпь, конь! Выброс конь!

И тут же появились несметные стада.

– Не нужны мне твои стада! Отдай дочь! – настаивал эмеген.

– Не могу я дочь свою отдать тебе, эмегену! – воскликнул старик, – возьми золота сколько хочешь!

И старик приказал: «Наполняйся, гоппан! Рассыпь, гоппан!»

И тут же посыпалось из гоппана золото.

– Бери все, – сказал старик, – и стада, и золото, только дочь мне оставь!

– Нет! – закричал эмеген. – Тебя я сейчас убью, а дочь твою все равно отыщу!

И тут старик вспомнил про свою дубинку.

– Прыгай, дубинка! Бей, дубинка! – приказал он.

Подпрыгнула дубинка и стала бить эмегена. Но эмеген засмеялся, топнул ногой и воскликнул:

– Стой, дубинка! Остановись дубинка!

И к великому изумлению старика дубинка остановилась. А эмеген еще раз топнул ногой и превратился... в черного орла. Старик не верил своим глазам. А черный орел сказал:

– Ты старик, спас мне жизнь, отпустил на волю! И задумал я испытать тебя, что ты дороже ценишь: дочь или богатство? Но теперь вижу: человек ты добрый, дочь для тебя дороже, чем золото. И я рад, что отдал тебе свои богатства, – он показал на золото и стада, – бери, это все твое!

С этими словами черный орел поднялся в воздух и улетел.

А старик собрал золото в гоппан, скот – в коня, спрятал дубинку и отправился домой.

Сюлемен и злой карлик

Давным-давно жил в горном селении старый кузнец. И был у него сын по имени Сюлемен. Он рос не по дням, а по часам и скоро стал таким сильным, что никто из сверстников не мог одолеть его. Если Сюлемену случалось бороться с ними, он всегда оставался победителем.

И пошел по всему селению слух о Сюлемене: «Он самый сильный, самый смелый человек!»

Однажды к дому кузнеца, что стоял на окраине селения, подъехал всадник.

– Эй, кто здесь живой? Помоги мне сойти с коня! – крикнул он.

Старик кузнец был в это время дома один. Вышел он на крик да так и замер... Видит: сидит верхом на петухе карлик – сам с вершок, а борода на целую версту тянется. Снял старик карлика с петуха, а карлик вырвал волосок из своей бороды и связал им старика по рукам и ногам. Потом вошел в дом, съел обед, приготовленный для всей семьи, забрал из кладовой все съестные припасы и умчался верхом на петухе.

С тех пор карлик на петухе зачастил в селение: то барана уведет, то курицу схватит, то хлеб утащит. А бывает, и людей уносит куда-то. Совсем не стало от него житья. А сила карлика, как говорил народ – вся в бороде его. Пришли односельчане к Сюлемену и просят:

– Ты самый сильный и самый смелый, защити нас от злодея!

Подумал Сюлемен и говорит отцу:

– Сделай для меня меч, да такой острый и тяжелый, чтоб одним взмахом рубил железо. Хочу испытать свою силу, сразиться с бородатым карликом.

Выковал отец меч из всего железа, которое было у него. Сюлемен ударил мечом по наковальне, и меч разлетелся на куски.

– Нет, сказал Сюлемен, – такой меч мне не годится!

Тогда аульчане собрали все железо, что было у них, и выковал старый кузнец чудо-меч для своего сына.

Взял Сюлемен меч в руки и ударил им по наковальне. Раскололась наковальня на две половины.

– Вот этот меч мне подойдет! – воскликнул он. – Ну, теперь держись, бородатый карлик!

Только произнес это Сюлемен, как услышал какой-то шум на улице. Он выглянул в окно кузницы и видит: к соседнему дому подъехал бородатый карлик на петухе.

– Эй, кто там? Выходи, да поживее! Гостя встречай! – закричал карлик.

Но ответа не было. Все в доме попрятались. Никто не выходит. Тогда карлик слез с петуха и топнул ногой. Дверь сама отворилась, и карлик вошел в дом.

Взял Сюлемен меч, подкрался тихо к крыльцу, схватил петуха за хвост и занес над ним меч, а петух говорит человеческим голосом:

– Не губи меня, добрый человек! Отпусти! Я тебе еще пригожусь!..

Изумился Сюлемен.

«Чудеса какие-то!» – подумал он.

– Ну ладно, живи! – сказал петуху и отпустил его.

И тот сейчас же исчез. А в руке у Сюлемена перо от петушиного хвоста осталось. Спрятал его в карман, обернулся, а в дверях бородатый карлик стоит.

Изловчился Сюлемен и поймал карлика за бороду. А она выскользнула из рук, взвилась и так хлестнула Сюлемена, что он упал, ударившись головой о землю. Захохотал карлик и свернулся в клубок.

Покатился клубок вдоль улицы, а Сюлемен за ним вдогонку. Кажется, уже совсем близко карлик, вот-вот Сюлемен догонит его! Но вьется перед Сюлеменом пыль, слепит ему глаза. Падает Сюлемен. А карлик хохочет и мчится вперед.

Докатился клубок до конца улицы и вдруг провалился в яму, только карликова борода еще на земле лежит. Подбежал Сюлемен к яме, вцепился в бороду, а она выскользнула и исчезла. Лишь один волосок у Сюлемена в руках остался. Заглянул Сюлемен в яму, куда провалился карлик, а там темно.

Бросился вслед за карликом, прыгнул в яму и оказался в подземелье.

«Что делать?! Куда идти?» – думает Сюлемен. Вдруг видит: несется к нему петух. Подбежал и говорит человеческим голосом:

– Послушай меня: сейчас сюда явятся два барана, черный и белый.

и начнут драться. Ты постарайся схватить за рога белого барана и сесть на него. Если это удастся, белый баран вынесет тебя наверх, на землю. Но если ты сядешь на черного барана, – он унесет тебя в подземное царство злого волшебника – карлика с бородой.

Сказал – и исчез. И сейчас же с двух сторон появились два барана – черный и белый – и начали драться.

Сюлемен хотел ухватить за рога белого барана, но промахнулся, схватил черного и сам не помнит, как остался у него на спине.

И унес черный баран его глубоко под землю, в царство злого карлика. Сбросил на землю и исчез.

Смотрит Сюлемен: перед ним роскошный сад и тропинка узкая меж кустов тянется, а по ней карлик бежит, борода позади него, как змея, вьется.

Кинулся за ним Сюлемен, а карлик – от него, и все быстрей, быстрей... Добежал до большого озера и нырнул в воду.

«Что делать? – думает Сюлемен. – Как выманить из озера злого карлика?»

Осмотрелся и видит: неподалеку от озера – большое селение.

«Пойду-ка я в это селение, – решил Сюлемен. – Узнаю, кто живет тут, и о злодее карлике порасспрошу, а потом – к озеру. Сяду на берегу и буду подстерегать. Как только злодей выйдет из воды – будем драться».

Сюлемен заметил, что из трубы крайнего домика поднимается дым. Подошел ближе, постучал в дверь и зашел в этот дом.

У очага сидела женщина и горько плакала.

– Долгой тебе жизни, мать? – с порога приветствовал ее Сюлемен.

– Здравствуй, сынок, проходи, будь гостем.

– Спасибо, мать! Я умираю с голоду. Не найдется ли у тебя чего-нибудь поесть!? – попросил Сюлемен.

– Охотно бы накормила тебя, сынок, но могу дать только вот эту лепешку – не знаю, будешь ли ты ее есть. Она – пополам с соломой и замешана на грязной воде, – сказала старуха, подавая лепешку и продолжая горько плакать.

– Скажи, мать, почему ты все плачешь? И почему вы едите хлеб пополам с соломой, а воду берете только грязную, когда рядом чистое озеро? – удивленно спросил Сюлемен.

– Э-э-э, сынок, знал бы ты, как издевается над нами злодей-карлик! День и ночь работаем на него, а хлеб печем пополам с соломой. Воду берем из грязной ямы. Он дает кувшин чистой воды из озера только

в том случае, если мы отдаем ему молодую девушку. У людей нашего селения он забрал почти всех девушек, держит их у себя в подводном царстве и заставляет мыть и расчесывать его бороду, которой конца и краю не видно. Я свою дочь все прятала. Но недавно злодей увидел ее и требует, чтобы я привела ее. А если ослушаюсь, он утопит меня вместе с дочерью в озере. Вот я и плачу день и ночь и не знаю, что мне делать! – рыдая, говорила старуха.

– Успокойся, мать, не плачь, не горюй! Дочку никуда не отводи. Я расправлюсь с этим злодеем! – сказал Сюлемен и отправился к озеру.

Близко подошел и видит: сидит на берегу невиданной красоты птица с тяжелой цепью на шее. Конец цепи в озеро ушел. Крылья птица опустила, голову повесила.

– Почему ты на цепи? Кто привязал тебя? – спросил Сюлемен.

– Всему виной бородатый карлик, – отвечала птица. – Была я девушкой, жила в селении наверху, солнышко видела. Карлик похитил меня у родителей, заставлял мыть и чесать его бороду, а я отказалась. Вот он и превратил меня в птицу, держит здесь на цепи.

Подошел Сюлемен поближе, хотел оборвать цепь, а птица как забьет крыльями.

– Не трогай цепь! – шепчет она. – Прилипнет рука к железу, утащит тебя цепь в озеро!

Послушался Сюлемен, не тронул руками цепь, а выхватил свой меч и ударил по ней. Разлетелась цепь на тысячу кусков и упала в воду. Замахала крыльями чудо-птица, поднялась над озером.

– Ах! Что ты наделал, добрый человек! Меня спас, а сам погибнешь! Беги скорей отсюда!

Только она это сказала – вода в озере замутилась, забурлила, заходила волнами, и показались из воды одноглазые чудища...

– Ого-го! – воскликнул Сюлемен. – Много их! Целое полчище!

Вдруг слышит тихий голос:

– Не бойся, Сюлемен! У тебя есть волосок из бороды карлика. Брось его в одноглазых чудищ!

Оглянулся Сюлемен – никого вокруг. Опустил руку в карман, а там перо из петушиного хвоста да волосок из бороды карлика.

Подпустил Сюлемен чудищ поближе и бросил в озеро волосок из бороды карлика. В тот же миг все чудища в глубину озера ушли, только круги на воде остались.

Не успели Сюлемен дух перевести, как озеро снова забурлило, заволновалось, и показался из воды сам длиннобородый карлик. Поднялся

он над Сюлеменом, борода в воздухе вьется, норовит зацепить Сюлемена. Собрал Сюлемен свои силы, левой рукой схватил карлика за бороду и притянул к земле, а правой взмахнул мечом и отсек ему бороду. Тут карлик завертелся волчком и рассыпался в пыль.

Только вложил Сюлемен свой меч в ножны, как зашумели широкие крылья птицы. Видит Сюлемен: летит к нему спасенная им чудо-птица. Ударилась она о землю и превратилась в красавицу-девушку.

– Спасибо тебе, добрый человек, – сказала девушка, – ты освободил меня от заклятия злого карлика. Теперь я снова человек!..

Смотрит Сюлемен, а к ним уже бегут со всех сторон жители селения. Люди бросились к озеру и стали жадно пить чистую воду.

Потом окружили Сюлемена, благодарили его.

– Мы всегда будем помнить добро, которое ты сделал для нас! – говорили они. – Ты избавил нас от злодея карлика! Мы день и ночь работали на него – добывали из глубин земли золото, серебро, драгоценные камни. Он все забирал себе, а нас морил голодом, не давал воды. Ты спас нас! Теперь мы свободны! Оставайся жить с нами.

– Спасибо, добрые люди! Я рад, что помог вам, – отвечал Сюлемен. – Но жить без высоких гор, без синего неба, без солнца не могу. Я должен вернуться домой! Но как мне выйти отсюда?

Только произнес он эти слова, как услышал шепот:

– Брось мое перо в озеро!

Вынул Сюлемен из кармана петушиное перо и бросил в озеро. И тотчас появился петух. Он хлопнул крыльями и превратился в вороного коня.

И конь вдруг заговорил человеческим голосом:

– Добрый ты человек, Сюлемен! Избавил меня от заклятия злого карлика! Пожалел, не убил меня, когда по воле этого злодея я был петухом. Спасибо тебе! Я дал клятву всю жизнь служить тебе верой и правдой. И сейчас помогу выбраться отсюда. Садись на меня и крепче держись за поводья!

Попрощался Сюлемен с жителями подземного селения. Вскочил на коня, подал руку девушке, и они вместе понеслись в обратный путь.

Долго мчались, наконец очутились перед железными воротами, на которых висел такой огромный замок, что ни ключом его не открыть, ни мечом не разрубить.

– Что же нам теперь делать! – воскликнула девушка. – Ведь этот замок отпирал только карлик!

– Не печальтесь! – опять человеческим голосом проговорил конь.

– Заклятие с меня спало, но волшебная сила во мне еще осталась.

Конь ударил три раза копытом в ворота, и они открылись. Над головой всадники увидели синее небо и яркое солнце!

Конь взвился вверх, вынес их на поверхность земли, и они снова помчались.

Прошло какое-то время, и Сюлемен с красавицей девушкой подъехали к его родному дому.

Старый кузнец, отец Сюлемена, увидев сына живым и невредимым, да еще с красавицей девушкой, так обрадовался, что не знал, куда их усадить и чем угостить. Коня накормили, приласкали, и остался он жить у них.

А жители селения, как только узнали о возвращении Сюлемена, сбежались к старому кузнецу. Плакали от радости, обнимали Сюлемена. Скоро и свадьбу Сюлемена сыграли.

Как не видели мы бородатого карлика, так пусть никогда не узнаем несчастий и бед.

Зынгырдаук – горный дух

одного бедняка было три сына. Они жили только тем, что добывали на охоте. Однажды бедняк пошел на охоту и не вернулся домой. Через несколько дней старший из сыновей пошел искать отца.

Шел он, шел и вышел на поляну. На ней он увидел большую дикую козу. Он прицелился и выстрелил. Коза споткнулась, но не упала, а бросилась бежать. Десять раз попадал в нее охотник, а она все бежала. Наконец выпустил он одиннадцатую, последнюю пулю, и коза свалилась на бок.

Юноша подошел к добыче и начал снимать шкуру, но тут откуда ни возьмись появился горный дух – Зынгырдаук – и сказал:

– Откуда ты пришел? Только недавно я еле избавился от твоего отца. Он истребил мои многочисленные стада коз, осталась одна – и эту ты убил! Будь же жертвою божества охоты – Апсаты!

Потом разгневанный Зынгырдаук подошел к охотнику вплотную и спросил:

– Будем стреляться или бороться?

– Стреляться могут и женщины, давай бороться, – ответил юноша.

Схватились они, и началась жестокая борьба. Охотник так ударил Зынгырдаука, что тот провалился в землю по самые щиколотки. Второй раз они схватились, и юноша вогнал Зынгырдаука в землю по колено, а Зынгырдаук юношу – до пояса. Схватились в третий раз: юноша ударил Зынгырдаука о землю, и тот ушел в землю до пояса. Зынгырдаук рассердился, поднял юношу, покрутил его в воздухе, ударил о землю и вогнал его в землю по самую шею. А потом насмешливо сказал:

– Ага, попался, молодец! Как чувствуешь себя? – отрубил ему голову и исчез.

Прошло два-три месяца, и братья забеспокоились.

– Аллах ведает, – сказал средний брат, – где наш старший и что с ним случилось, – и отправился на поиски старшего брата.

Шел он долго и вышел на ту же самую поляну. На поляне увидел он пасущуюся козу. Много раз стрелял он, и каждый раз попадал в нее, но коза все бежала. Наконец охотник выпустил последнюю пулю – и коза свалилась. Начал он снимать со своей добычи шкуру, но тут вновь появился Зынгырдаук и обратился к нему со слезами и проклятьями:

– Откуда ты появился здесь? Я еле-еле избавился от твоего отца. Он истребил мои многочисленные стада коз. Уцелела только эта коза, а ты и ее убил! Будь же жертвою Апсаты!

Разгневанный Зынгырдаук подошел вплотную к охотнику и спросил:

– Стреляться будем или бороться?

– Стреляться могут и женщины, давай бороться, – ответил юноша.

Начали бороться. Зынгырдаук и среднего брата вогнал в землю по самую шею и со словами:

– Ага, попался, молодец! Как же ты теперь чувствуешь себя? – отрубил ему голову и исчез.

Через некоторое время на поиски братьев отправился самый младший – Саран. Он решил во что бы то ни стало найти братьев. Долго он шел и дошел до красивой поляны. На той поляне паслась дикая коза. Саран выпустил все свои пули и наконец убил ее. Как только Саран начал снимать с нее шкуру, появился Зынгырдаук и сказал:

– Эх, что ты наделал! Я еле избавился от твоего отца, он истребил мои многочисленные стада коз, осталась одна эта коза, и ту ты убил! Будь же жертвой Апсаты!

Со слезами и проклятьями спросил Зынгырдаук:

– Бороться будем или стреляться?

– Стреляться могут и женщины. Давай бороться.

Долго, долго они бились, но одолеть друг друга никак не могли. Наконец Саран так ударил Зынгырдаука оземь, что тот не смог подняться. Саран хотел отрубить ему голову, но Зынгырдауку удалось вырваться и убежать. Саран хотел было погнаться за Зынгырдауком, но тут вышла к нему навстречу чародейка – куртха катын – и сказала:

– Добрый молодец, так ты не догонишь Зынгырдаука. Лучше пойди обходным путем вон на ту дорогу, где Зынгырдаук будет проезжать на коне. Там выкопай на дороге три глубокие ямы. Зынгырдаук провалится с конем в первую яму. Он будет сильно бить своего коня, выскочит, но попадет во вторую яму и будет стегать его еще сильнее. И если только конь попадет в третью яму, то он потеряет свою богатырскую силу и уже

не выскочит оттуда. Ослабеет и Зынгырдаук и бросит коня. Тогда ты подойди к коню и погладь его куском ткани. Конь придет в себя, станет, как прежде, богатырским, но впадет в трехдневный сон. Потом ты на этом коне быстро догонишь и захватишь Зынгырдаука. А Зынгырдаук, знай, не мужчина, а девушка несказанной красоты. Если тебе удастся ее поймать, то ты сам убедишься в этом. Привяжи тогда ее за косы к черному столбу и возьми с нее клятву повиноваться тебе. Пока она не поклянется именем черного коня, не верь ни одной ее клятве.

Саран сделал все, что говорила чародейка. На богатырском коне он догнал Зынгырдаук, поймал ее и взял с нее клятву именем черного коня повиноваться ему. Зынгырдаук после этого стала женой Сарана. Она подарила ему своего скакуна, на котором никто другой не мог ездить, потом преподнесла свой огромный меч и надела на палец кольцо в знак своей любви.

Саран стал жить с Зынгырдаук в ее замке. Он каждое утро уходил на охоту, а Зынгырдаук готовила пищу. Саран так сильно любил Зынгырдаук, что всегда носил с собой ее изображение. И Зынгырдаук отвечала ему такой же любовью. Не было бы беды, если б однажды Саран проезжая мимо реки, не уронил изображение жены. Сильный ветер тут же унес изображение Зынгырдаук в воду. Саран был очень огорчен этим и грустный вернулся в замок. Его стали мучить нехорошие предчувствия.

Между тем, около одного аула слуга хана заметил плывущий по реке портрет. Он достал его и принес ханскому сыну. Тот поразился невиданной красоте девушки и сказал:

– Буду жив, обязательно найду эту девушку и женюсь на ней.

Так поклявшись, он отправился со своим войском на поиски красавицы. Вскоре он прибыл к замку, где Зынгырдаук жила со своим мужем Сараном.

Сын хана начал воевать с Сараном, однако Саран без труда перебил неприятельское войско, а сына хана отпустил домой.

Ханский сын рассказал отцу о своем поражении. Собрал хан войско втрое больше прежнего, и снова сын его отправился к замку Сарана. Саран, увидев приближение большого войска, сел на своего богатырского коня, взял меч, подаренный женой, и вступил в бой.

Снова перебил он войско, а ханского сына отпустил домой.

В третий раз ханский сын собрал войско – оно было еще больше – и отправился в замок с такой клятвой:

– Не перестану воевать до тех пор, пока не убью этого Сарана.

Но Саран только посмеивался над ним. Сел он на скакуна, взял меч и снова вступил в жаркий бой с ханским сыном. Ударил налево – порубил половину вражеского войска, ударил направо – порубил другую половину, а ханского сына взял было в плен, но потом опять отпустил домой.

Наконец хан и сын, убедившись, что они не в силах победить Сарана, позвали старуху-колдунью и сказали:

– Плохи наши дела, не можем мы справиться с Сараном. Помоги нам победить его, и тебе будет хорошая награда.

– Ну что же, – сказала колдунья, – постараюсь сделать для вас все, что смогу.

Колдунья отправилась к Сарану и обратилась к нему со словами:

– Сынок, я женщина бедная, старая, идти мне некуда и жить негде. Пожалей меня, приюти у себя в доме. Я буду выполнять всю домашнюю работу.

Пожалел Саран старуху и сказал жене:

– Одна бедная старушка пришла, может, пустим ее к нам жить?

Зынгырдаук согласилась.

На следующий день, когда Саран ушел, колдунья спросила Зынгырдаук:

– Красавица, а знаешь ты, где находится душа твоего мужа?

– Не знаю, – ответила Зынгырдаук.

Тогда колдунья сказала:

– А ты спроси его, и он тебе скажет, если любит.

Как только Саран в тот день вернулся с охоты, как жена, ласкаясь к нему, спросила:

– Милый мой муженек, ты до сих пор не сказал мне, где находится твоя душа.

Саран, недолго думая, ответил:

– Моя душа находится в венике, который стоит за дверью.

Как только Саран ушел из дома, Зынгырдаук взяла веник, нарядила его и положила на кровать. Вернувшись, Саран спросил с удивлением:

– Что это ты вздумала наряжать веник?

Она ответила:

– Разве могла я держать твою душу где-нибудь за дверями?

Посмеялся Саран и сбросил веник с постели. Тогда жена обиделась и сказала:

– Так скажи тогда правду, где же твоя душа?

– Моя душа в собаке, которая лежит на дворе, – ответил Саран.

Когда муж снова ушел на охоту, Зынгырдаук взяла собаку в комнату и нарядила ее в богатую попонку.

Вернувшись с охоты, Саран выгнал собаку из комнаты. Тогда Зынгырдаук заплакала:

– Зачем ты обманываешь меня? Вижу я, что ты меня не любишь, – сказала она.

– Да постигнет несчастье того, кто внушил тебе эту мысль! – воскликнул Саран. – Моя душа в маленьком ножичке, который лежит у меня под моим золотым чубом.

На другой день, когда Саран по обыкновению ушел, пришла колдунья и спросила Зынгырдаук:

– Ну как? Узнала ты наконец где находится душа твоего мужа?

Не подозревая о злом намерении колдуньи, Зынгырдаук ответила:

– Я узнала, что его душа находится в маленьком ножичке, который лежит у него под его золотым чубом.

Однажды колдунья обратилась к Сарану:

– Сынок, давай я причешу тебе голову, пока ты отдыхаешь.

Саран не соглашался, но она настаивала. Тогда Саран положил голову к ней на колени. Сначала колдунья для виду расчесывала его волосы, но потом она усыпила его, выхватила из-под чуба ножичек и убила Сарана, а тело выбросила в поле. Потом побежала к хану и сказала:

– Я исполнила данное мною слово! Я убила непобедимого Сарана. Поезжайте теперь и забирайте Зынгырдаук.

Зынгырдаук насильно посадили в повозку и повезли к хану. А скакуна Сарана никак не могли поймать. Конь убивал всех, кто подходил к нему. Все воины хана, как ни старались, не могли поднять и седло Сарана. Собралось все войско хана и еле-еле положили седло на арбу, запряженную двенадцатью парами быков.

Меч Сарана тоже был так тяжел, что весь народ с большим трудом положил его на другую арбу, запряженную двадцатью парами быков.

Зынгырдаук привезли во дворец хана, седло и меч положили в сарай, а коня все-таки поймали и стали держать за четырьмя железными оградами. Как-то пастухи проходили мимо того места, где лежал убитый Саран. Они остановились и увидели на пальце юноши кольцо, а из шеи юноши торчал маленький ножичек. Один из пастухов обратил внимание на золотой чуб Сарана, и тут все заметили ямку, где раньше хранился ножичек. Пастухи взяли ножичек и положили его на прежнее место. В ту же минуту Саран ожил и сказал пастухам, потягиваясь:

– Вот чудо! Как крепко я спал!

Пастухи ему на это ответили:

– Если бы не мы, спать бы тебе до окончания мира. Когда мы тебя увидели, в шее твоей торчал ножичек. Мы положили его на место, под твой золотой чуб, и оживили тебя.

Тут Саран вспомнил все. Пошел он домой и увидел свой замок разрушенным. Искал, искал он свою Зынгырдаук, своего коня, меч и седло, но ничего не мог найти. Тогда Саран догадался, что разорил его замок и увез Зынгырдаук сын хана, который так долго вел с ним войну.

Оделся Саран нищим и отправился в замок хана. Подходя к замку, увидел он у реки девочку с кувшином. Она черпала воду.

– Для кого ты берешь воду, девочка? – спросил Саран.

– Для невесты ханского сына, Зынгырдаук, – ответила девочка.

Саран расспросил девочку и узнал от нее обо всем происшедшем. Затем он взял у девочки кувшин, зачерпнул воды, незаметно опустил в кувшин кольцо и строго наказал:

– Иди к невесте хана и скажи, что у нее руки грязные. Когда она начнет мыть руки, ты сразу вылей всю воду, а сама убегай из комнаты.

Девочка пришла к Зынгырдаук и сказала:

– Невеста, у тебя грязные руки, давай я полью воды, ты их помоешь.

Зынгырдаук собралась мыть руки, но девочка сразу вылила ей на руки всю воду и убежала во двор.

Увидела Зынгырдаук кольцо и поняла, что ее муж жив и находится где-то рядом. От счастья тут она чуть ума не лишилась. Позвала девочку и стала спрашивать, кого она видела у реки, когда ходила за водой.

А во дворе хана уже начались танцы. Саран в одежде нищего подошел близко к танцующим. Зынгырдаук в это время, не отрываясь, смотрела в окно, и несмотря на лохмотья нищего, узнала в толпе мужа.

Не узнанный всеми другими, Саран подошел к хану и почтительно сказал:

– Хан, разреши мне напоить твоего коня, с которым никто не может справиться.

– Пожалуйста, – сказал хан. – Только остерегайся, он может ударить и убить тебя. Конь этот убил уже много людей, и мы его на водопой не водим, а носим ему воду в конюшню за четырьмя железными оградами.

– Все же я попробую, – ответил Саран.

Подошел он к коню, а тот сразу узнал хозяина и начал скакать вокруг него.

Потом Саран попросил у хана седло, чтобы проехаться до водопоя. Видя, что конь не бросается на нищего, хан сказал:

– Седло в сарае возьми, и если конь к тебе привыкнет, оставайся у меня конюхом.

Саран вошел в сарай, одним махом поднял седло и положил на коня. Очень удивились все такой невиданной силе нищего. А Саран обратился к хану:

– Хан, разреши теперь взять мне и тот меч, который в сарае лежит.

Не подозревая подвоха, хан ответил:

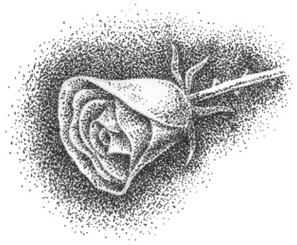
– Можешь даже взять этот меч себе, только он очень тяжелый, тебе все равно его не поднять.

Саран без труда поднял меч.

Народ удивился еще больше. Напоил Саран коня, вернулся во двор хана. И тут отрубил он голову хану и его сыну, разрушил их замок и освободил жену свою Зынгырдаук.

Вскоре построил Саран новый замок, и стали они с женой жить богато и счастливо.

Как этого мы не видели своими глазами, пусть так же не узнаем болезней и бед!

Босхасан

Давно это было. Трудно даже вспомнить когда. Жил в одном селении хан. Жена его умерла, и остались у хана дочь Фатима и пасынок по имени Джанкир. Невзлюбил хан пасынка, все думал, как бы от него избавиться.

Прошло какое-то время. Дети подросли. Джанкир стал сильным и смелым юношей.

Внезапно хан заболел: у него отнялись ноги, и он не мог подниматься с постели. Тогда повелел он созвать мудрецов и спросил у них:

– Что нужно сделать, чтобы вылечить мои ноги?

Долго думали мудрецы и наконец сказали:

– Живет на дне морском олень с золотыми рогами. Если убить этого оленя, содрать с него шкуру и обернуть ею больные ноги, болезнь тотчас отступит, и человек будет здоров. Или же достать со дна моря траву, которой питается олень, сделать отвар из этой травы и дать больному выпить. Он будет здоров.

И все в ханстве стали думать, как поймать оленя с золотыми рогами.

Как-то раз хан послал Джанкира наловить рыбы. Вместе с Джанкиром отправилась и его сестра. Сколько ни забрасывал Джанкир сеть в море, поймать ничего не мог. Но вот забросили в последний раз, и – о чудо! – сеть кто-то сильно потащил в глубину. Напряг Джанкир все свои силы, потянул сеть. Вдруг на гребне волны показался красавец олень с золотыми рогами, запутавшийся в сети. Сестра Джанкира захлопала в ладоши от радости и стала просить брата скорее убить оленя. Но Джанкир стоял, онемев от восторга. Он любовался красавцем оленем. У него не поднималась рука убить его. Наконец Джанкир выхватил нож, разрезал сеть и освободил оленя. И тот мгновенно нырнул в море.

Сестра очень рассердилась на Джанкира и пожаловалась на него отцу.

А отец, выслушав дочь, рассвирепел. Он приказал собрать народ и на глазах у всех казнить Джанкира. Сестра горько заплакала. Ей жалко было брата. Она уже сожалела о том, что пожаловалась отцу. Ночью она прибежала к брату в слезах.

– Беги скорее отсюда! За то, что ты отпустил оленя с золотыми рогами, отец решил расправиться с тобой. Я привела тебе хорошего коня, он стоит у ворот. Садись на него и скачи! Прости меня! Я не хотела тебе зла! – говорила она, рыдая.

Не раздумывая, Джанкир вскочил на коня и поскакал. Долго он мчался, сам не зная куда. Но вот впереди показался всадник. Джанкир хотел догнать его, чтобы спросить, куда ведет эта дорога. Долго он скакал за всадником, но догнать не смог и остановился. Тут всадник тоже почему-то остановился.

Джанкиру даже показалось, что этот всадник машет рукой и зовет его к себе.

Юноша поскакал к нему.

– Следуй за мной! – сказал всадник, когда Джанкир приблизился.

И оба помчались вперед. Вскоре подъехали они к домику в глухом лесу.

– Каракыз! – громко позвал всадник.

Из домика вышла смуглая женщина и спросила:

– Что тебе нужно, Босхасан?

– Я привез к тебе своего названого брата, – ответил всадник.

Женщина пригласила Джанкира в дом. А всадник помчался дальше.

Долго ли, коротко ли ехал – трудно сказать. Только въехал он в широкую долину и увидел множество людей, косивших траву. Лица у них потные, обросли бородами и волосами, рубашки грязные.

– Хорошей вам работы, люди! – поприветствовал их всадник.

– Спасибо, добрый человек! – ответили косари, не прерываясь.

– Что у вас за черный день? Почему такая спешка, что вы даже поговорить не можете с проезжим человеком?

– Пусть такой черный день выпадет на долю твоего врага! – ответили сердито косари. – К заходу солнца сюда явится баран с двенадцатью рогами. Каждый день мы должны накосить для него сто стогов сена. А если не успеем сделать столько, он убьет нас своими рогами. Вот почему мы так торопимся, – объяснили косари.

– Коли так, бросайте сейчас же работу, идите к роднику, выстирайте себе рубахи и умойтесь! – приказал им Босхасан.

– Но ведь скоро явится баран! – встревожились косари.

– Не бойтесь! – сказал Босхасан. – Барана я сам встречу. А вы, когда помоетесь, потихоньку начинайте косить, а мне покажите место, откуда появляется баран.

– Видишь вон ту, самую большую копну сена? Оттуда он всегда и выходит, – сказали косари и направились к роднику.

Когда прошло какое-то время, явился баран с двенадцатью рогами.

– Эй, вы, рожденные собакой! – закричал он. – Где сено, которое вы должны были накосить для меня?

– Ты сам рожден собакой! – крикнул в ответ Босхасан. – Почему ты заставляешь людей косить от зари до зари?!

Он схватил барана за рога, повалил на землю и поднял над ним нож.

– О-о-ох!.. Не убивай меня, добрый человек? Я – не баран. Я – дочь хана. До сих пор я не встречала такого храброго человека. Теперь ты победил, и я подчиняюсь тебе!

И баран превратился в красавицу девушку.

– Вот это другое дело! – воскликнул Босхасан. – Садись вместе со мной на коня!

И девушка тотчас же села к нему на коня.

А Босхасан, обращаясь к косарям, сказал:

– Вы теперь свободны! Идите куда вам хочется!

Босхасан повез девушку к той же женщине, у которой оставил Джанкира.

– Каракыз! – крикнул он, подъехав к дому. – Я привез невесту для моего названого брата!

Скоро и свадьбу сыграли.

Только Босхасану не сиделось дома, и он опять отправился странствовать по белу свету.

Долго он ехал и добрался до селения, расположенного на берегу большой реки. Он вошел в первый дом и обратился к хозяйке:

– День добрый, сестра! Не дашь ли ты мне чего-нибудь поесть?

– Братец, – ответила хозяйка, – хлеба-то у меня нет ни крошки. Весь кончился. Хочешь, я испеку лепешку?

Она встала и принесла воду, чтобы замесить тесто.

– А почему, сестра, у тебя такая грязная вода для теста, ведь рядом – чистая, прозрачная вода в речке? – спросил Босхасан.

– Да что ты, братец, из этой речки мы даже чашку воды не можем взять. Эту реку охраняет девятиглавый великан – эмеген.

Услышав это, Босхасан пошел к реке, набрал воды и принес женщине. Она обрадовалась и замесила тесто. Но для того, чтобы испечь

лепешку, женщина сняла с себя верхнюю одежду и собралась ее поджечь. Босхасан очень удивился.

– Зачем же, сестра, поджигать одежду?

– А дров-то у нас нет, братец. И мы не можем собирать их в лесу: боимся эмегена. Если даже прутик возьмем из леса, эмеген убьет нас, – ответила женщина.

Тогда Босхасан отправился в лес и принес женщине дров.

– Скажи мне, сестра, откуда появляется этот эмеген?

– Вон с той горы, – указала женщина.

И тут появился сам девятиглавый эмеген.

– Эй, ты, собачий сын! – заорал он. – Это ты берешь воду из моей реки и дрова из моего леса?

– Да, это я. Ну и что? – ответил Босхасан.

Эмеген вырвал с корнем большое дерево и швырнул в Босхасана. А тот схватил дерево еще больше и ударил им эмегена. Так вырвали они с корнями все деревья в лесу, кроме одного.

Босхасан первым подбежал к оставшемуся дереву, вырвал его с корнем и замахнулся, чтобы ударить эмегена. Но тут эмеген превратился в красивую девушку.

– Я – не эмеген, я – дочь хана, – сказала девушка. – До сих пор я не встречала такого, как ты, достойного человека. Теперь ты победил, и я подчиняюсь тебе!

– В таком случае садись вместе со мной на моего коня.

Девушка села, и Босхасан повез ее к Каракыз.

– Каракыз! – воскликнул он, входя в дом. – Я слышал, что жена моего названого брата исчезла. Это правда?

– Да, ответила Каракыз, – она растаяла на наших глазах, как туман.

– Ну, не горюйте, я привез брату новую невесту – красивую девушку. Она у ворот, на коне.

Все трое выбежали из дома, чтобы встретить девушку. Но девушки там не было. Она исчезла. У ворот стоял только привязанный к столбу конь.

Босхасан сильно расстроился. Вскочил на коня и хотел ускакать, но Джанкир остановил его.

– Не уезжай, – попросил он. – Помоги мне. Здесь, в лесу, я встретил девушку, лучше которой нет на всем белом свете! Я очень полюбил ее, не могу без нее жить! Сделай так, чтобы я мог на ней жениться!

– Ну хорошо, – ответил Босхасан, – я дал себе клятву исполнять все твои желания. Постараюсь все сделать для тебя и на этот раз, хотя сделать это будет очень трудно. Я знаю эту девушку.

И послал Босхасан сватов к девушке.

Сваты принесли от нее такой ответ: «Пусть Босхасан и его названый брат три раза спрячутся. Если я хоть раз не сумею найти их, победителями будут они. Если же я все три раза найду, превращу их в два камня и положу у входа в мой дом».

И вот как только наступила ночь, Босхасан превратился в коршуна, а названного брата превратил в воробья. И они взлетели высоко в небо.

Девушка встала рано утром, умылась, осмотрела все вокруг себя и сказала:

– Пусть Босхасан исчезнет с лица земли. Сам он превратился в коршуна, а брата превратил в воробья. И взлетели они высоко в небо.

Видя, что девушка разгадала хитрость Босхасана, они с братом спустились на землю.

На вторую ночь Босхасан превратился в страшного удава, а брата превратил в зайца и проглотил его. Потом вполз на высокую гору и спрятался там за большим камнем.

Утром девушка встала, умылась и, осмотревшись вокруг, сказала:

– Пусть Босхасан исчезнет с лица земли. Сам он превратился в страшного удава, а брата сделал зайцем и проглотил его. Я знаю, что они прячутся на высокой горе за большим камнем.

Делать было нечего, пришлось Босхасану и Джанкиру признать себя побежденными и спуститься с высокой горы.

На третью ночь, как только девушка легла спать, Босхасан превратился в петлю, а Джанкира сделал пуговицей. И они прикрепились к воротнику рубашки этой девушки.

Когда рано утром девушка встала, умылась и внимательно осмотрела все вокруг, она не увидела их и никак не могла догадаться, где их искать.

– Ой, Босхасан, пропади ты пропадом, – воскликнула девушка, – не вижу, где ты, Босхасан, выходи!

Тут Босхасан и Джанкир вмиг встали перед девушкой, и ей ничего больше не оставалось делать, как дать согласие выйти за названого брата Босхасана замуж.

Вскоре и свадьбу сыграли. Так и женился Джанкир на любимой девушке.

– Вот теперь отвези нас домой, к отцу, – стал просить Босхасана Джанкир.

– Но там тебе не будет жизни, оставайся, – уговаривал его Босхасан.

Но Джанкир настаивал, и Босхасан очень неохотно, но все-таки согласился.

Он достал для больного отца Джанкира морскую траву со дна моря, которой питался олень с золотыми рогами, и повез своего названого брата с женой в его родное село.

Их приветливо встретили аульчане. Очень радовалась приезду Джанкира его сестра. Ласково принял и отчим. Он выпил отвар привезенной сыном морской травы, и сразу болезнь отошла, он выздоровел. Ноги его как будто никогда не болели. А Босхасан построил для молодых дом и вокруг дома – девять железных заборов. Все удивлялись и спрашивали Босхасана:

– Для чего такие заборы?

– Пригодятся! – отвечал он.

Некоторое время Джанкир и его жена жили с отцом дружно. Но вот однажды отец сказал сыну:

– Давай, сынок, сходим сегодня на охоту!

Сын с радостью согласился. Он взял с собой вкусную еду, приготовленную женой. А хан взял только одну очень соленую лепешку, и они отправились в путь.

Долго ходили по лесу, и пришли наконец на большую поляну. Был уже полдень, и они решили пообедать.

Сын постеснялся есть приготовленный женой вкусный обед, и отдал его отцу, а отец, дал ему свою соленую лепешку.

Закусив, они отправились в горы.

Прошло немного времени, и сыну очень захотелось пить, но воды поблизости не было.

– Отец, я умираю от жажды, – стонал он.

– Сынок, – отвечал ему хан, – я хорошо знаю, что воды здесь нет. Ты покажи мне свою ловкость: прыгни вниз вот с этого уступа, тогда я дам тебе глоток воды.

Джанкиру так хотелось пить, что он не задумываясь прыгнул с уступа горы вниз. Он сломал себе ногу, потерял сознание и долгое время лежал неподвижно.

Тем временем хан осторожно спустился вниз и дал Джанкиру глоток воды. Когда он склонился над ним, Джанкир увидел его злые, полные ненависти глаза и понял, что хан хочет бросить его здесь.

Джанкир с усилием поднялся и, опираясь на ружье, сделал несколько шагов. «Потихоньку, шаг за шагом, спущусь с горы, – думал он, – а там как-нибудь доберусь и до дома».

Но мучительная боль в ноге и охватившая еще больше жажда мешали ему двигаться, и он упал.

Заметив, что Джанкир поднялся, недалеко ушедший хан, вернулся и снова подошел к нему.

– Сынок, – сказал он, – вижу, тебе трудно двигаться дальше, давай помогу спуститься со скалы вниз и там дам напиться холодной воды. Вставай!

Джанкир сделал над собой последнее усилие и встал, но тут хан со всей силы толкнул его в спину, и он полетел со скалы вниз.

Вскоре к нему подошел спустившийся с горы хан. Но вместо того, чтобы дать ему воды, хан сказал:

– Вот теперь ты узнаешь, что значит быть безногим. Теперь я отплатил тебе за то, что ты выпустил тогда оленя с золотыми рогами, который вылечил бы меня еще несколько лет назад.

Сказав это, он бросил неподвижно лежавшего Джанкира, и ушел.

Босхасан часто посылал своего коня узнать, как живет его названый брат. Конь обычно сообщал ему: «Там все хорошо!» Но вот однажды конь возвратился и сказал, что у Джанкира какое-то несчастье. Босхасан тотчас же вскочил на коня и помчался к нему домой.

Он нашел жену Джанкира на крыше дома. Она рассказала ему, что муж ушел с отцом на охоту. Но отец почему-то очень скоро вернулся один и сказал, что сын решил еще немного поохотиться.

– Однако прошло уже несколько дней, а муж все не возвращается! Значит, с ним что-то случилось! – рыдая, говорила жена названого брата. – Я все смотрю отсюда, но его не вижу!

Жена Джанкира была женщиной необыкновенной: она могла видеть все, что происходило вокруг, на большом расстоянии. Вот опять долго, внимательно всматривалась она в далекие горы и вдруг громко зарыдала.

– Вижу, вижу! – закричала она. – Он в глубоком ущелье, у скалы лежит.

Босхасан, не раздумывая, вскочил на своего коня и поскакал в горы. Он нашел Джанкира у подножия большой скалы, разбитого, умирающего. Дал ему выпить морской воды, и Джанкир сразу почувствовал в себе прежнюю силу, и поднялся как ни в чем не бывало. Босхасан посадил его рядом с собой на коня и повез к жене.

Когда подъехали к дому, они увидели, что отец ломает железные заборы, построенные Босхасаном. Хан решил ворваться в дом, захватить жену пасынка и жениться на ней. Босхасан соскочил с коня и тут же убил злого хана.

Вот так и бывает: другому яму копал, в нее сам и попал.

Прошло какое-то время, и жизнь у Джанкира потекла тихо и спокойно.

Босхасан очень любил своего названого брата и часто навещал его. Как-то раз они сидели на берегу моря, и Джанкир предложил Босхасану вместе искупаться. Босхасан стал отказываться.

– Я готов исполнить любую твою просьбу, только не эту, – сказал он. – Ведь если ты заставишь меня войти в воду, ты можешь навсегда потерять меня.

– Пустяки, ничего не случится! – настаивал брат. – Давай искупаемся!

– Ну что ж, если ты так настаиваешь... Я ведь поклялся исполнить любое твое желание. Пойдем!

Босхасан разделся, отдал брату свою одежду и вошел в воду.

– Теперь прощай! Мне больше нельзя выходить на берег. Я – тот самый олень с золотыми рогами, которого ты спас. Но я – не олень. Я – человек. Только на мне лежит проклятие черного джинна. Он превратил меня в оленя и бросил в пучину морскую. Оттуда я никогда уже не смог бы подняться. Ты зацепил меня своей сетью и вытащил со дна моря. Ты должен был убить меня, но не убил, а освободил. Заклятие спало с меня, я снова стал человеком и сохранил в себе чудодейственную силу. Однако джинн сказал: «Если хоть раз потом ты войдешь в воду, заклятие снова подействует и тебе уже никогда не выйти со дна моря». Ты сделал меня снова человеком, и я дал себе клятву исполнять все твои желания. И вот сейчас выполнил и это твое желание. В последний раз. Прощай!

Босхасан превратился в оленя с золотыми рогами и нырнул в море.

Джанкир понял, что навеки потерял своего друга. Кинулся за ним, хотел догнать оленя, остановить, но его уже не было видно. Джанкир проклинал себя, горько плакал, но слезами горю не поможешь.

Даже надев бурку и сев на коня, нельзя догнать уже прошедший дождь!

Лошадник Чора

Давным-давно в одном горном ауле жил человек по имени Чора. Был он человек умный, веселый, приветливый. Все его в ауле любили и ходили к нему за советом.

А еще знал Чора толк в лошадях. Звали его поэтому «лошадник Чора». Стояли у него на конюшне три скакуна. Один скакун с белыми отметинами на всех четырех ногах, другой скакун со звездой на лбу, третий – вороной, без единой отметины.

Был Чора бездетен. И он, и жена его очень об этом горевали.

– Кто будет нашей опорой, когда состаримся? – сокрушались они.

И вот наконец пришло к ним долгожданное счастье. Родился у них мальчик. Теперь все их заботы были о сыне. Рос он забавой и радостью для родителей.

Однажды, когда пас мальчик отцовских овец, увидели его разбойники. Схватили, заткнули рот, связали, вскинули в седло и увезли через поля, через луга, за высокие горы, далеко от любимых отца с матерью, Увезли и продали там одному богачу за большие деньги.

Не знали утешения Чора и его жена, потеряв долгожданного сына. Особенно убивалась жена. Седлал Чора своих коней, с седла не слезал, все сына разыскивал. Где только ни побывал, кого ни расспрашивал – и следов не нашел.

А время шло, и вот приехали в тот аул купцы. Понравились им кони Чоры.

– Продай нам коней! – просили они. – Дадим что пожелаешь!

Спрашивает умный Чора у купцов:

– Где вы ходите? Где бываете?

– Всюду ходим, везде бываем, – отвечают купцы. И назвали многие города и страны, куда они свои товары возили.

Долго раздумывал Чора, а потом решил: «Всюду разъезжают купцы эти, далеко торгуют. Пусть берут моих скакунов. Может, встретит их мой сын, узнает коней и поймет, что это я ему знак посылаю...»

И продал своих трех скакунов купцам.

Скоро сказка говорится, да не скоро дело делается. Сын Чоры вырастал на чужбине, стал подпаском, пас чужих овец. Вот однажды пас он стадо и увидел в степи лошадиный череп. Взял череп в руки и по зубам его понял, что это был резвый скакун. Вспомнил трех отцовских коней, вспомнил отца с матерью, родной аул и горько заплакал:

– Эх, череп, череп! Был ты, видать, лихим скакуном... А я был любимым сыном Чоры!

Мимо проезжал всадник в богатой одежде. Услышал он слова мальчика и остановился:

– О чем ты плачешь?

– Вспомнил отца и мать, родину вспомнил. Три года как украли меня и продали в рабство разбойники.

– А что ты черепу сказал?

– Сказал: «Был ты когда-то лихим скакуном, а теперь только кости твои белеют в степи. Был я когда-то сыном лошадника Чоры, который людей уму-разуму учил, а теперь вот продали меня в рабство».

– Как же ты узнал, что это был добрый скакун?

– По зубам узнал. Отец меня этому еще в детстве научил.

– Стало быть, ты резвую лошадь сразу отличишь?

– Отличу без промаха!

– Едем тогда со мной! Я тебя своим сыном сделаю. Я хан. Будешь у меня жить, горя не зная.

– Мой хозяин за меня большие деньги заплатил. Отпустит, так поеду.

Поскакал хан к тому богачу, выкупил сына Чоры и повез к себе.

Много ли, мало ли времени прошло, вызывает он его и говорит:

– У меня несметные стада, много золота и серебра, но жить я не могу без добычи. Привык я на добычу ходить. Только не везет мне! Каждый раз всех, кто со мной идет, убивают, а я возвращаюсь один с пустыми руками. Думаю я: все дело в коне! Будет у меня добрый конь – буду я возвращаться с богатой добычей.

Отправились они вдвоем добывать доброго коня. Много ли исходили, мало ли, сколько времени в пути были, кто знает. Побывали во многих аулах, осмотрели многие табуны. Нет нигде таких коней, что пришлись бы по душе сыну Чоры.

Наконец где-то в горах, у речки, увидели они купцов на привале. Стоят арбы, а к ним три скакуна привязаны: у одного на всех четырех ногах белые отметины, другой скакун со звездой на лбу, третий – вороной без единой отметины. Как увидел их сын Чоры, задрожал от радости – отцовские ведь кони! И шепнул он хану:

– Этих коней не упускай!

Долго отказывались купцы, не хотели скакунов продавать. Все же хан их уговорил, дал полный кошелек золота. Привели красавцев коней домой к хану.

Вскоре призвал хан к себе сына Чоры и велел ему:

– Собирайся! Завтра за добычей едем. А сейчас оседлай коней, поедем их испытывать.

– Хан, – отвечает сын Чоры, – купцы плохо смотрели за скакунами. Ослабели они, исхудали. Надо их прежде выходить, а потом уж в набег пойдешь.

Не понравилось это хану, однако спорить не стал. А сын Чоры за отцовскими конями ходит, глаз с них не спускает, сам на пастбище гонит, сам купать ведет. Понимает, что не зря отец коней продал.

Через три месяца сказал он хану:

– Теперь давай поедем новых коней испытывать.

Вывели коней на степной простор. Садились на них по очереди, испытывали, какой конь на скаку быстрей и выносливей. Белоногий конь и конь со звездой на лбу обогнали вороного. Их и взял себе хан, а вороного подарил сыну Чоры.

– Собирайся-ка, – приказал опять, – на той неделе за добычей поедем. Табуны у соседей отнимем, золота добудем!

Промолчал сын Чоры, а как неделя прошла, стая хана просить:

– Отпусти меня, хан, домой к отцу, к матери. Желание твое я исполнил. Добрых коней тебе нашел. А за добычей ходить, честных людей грабить – не лежит мое сердце.

Рассердился хан:

– Неблагодарный! – кричит. – Я тебя купил. Ты мой раб! Как смеешь ослушаться?

Тогда сын Чоры оседлал своего вороного и ускакал. Увидел это хан, сел на белоногого коня, помчался в погоню. Уже нагнал было сына Чоры, но въехали они в узкое ущелье, где пришлось скакунам по камням скакать. Начал белоногий конь отставать. Пересел тогда хан на коня со звездой во лбу и снова погнался за сыном Чоры. Вот-вот догонит воро-

ного. А сын Чоры взял да и повернул своего вороного прямо на восход солнца. И снова отстал хан!

– Эй! – закричал он издалека. – Остановись! Клянусь, я тебе плохого не сделаю! Ответь только на два вопроса.

Остановил сын Чоры вороного. Хан подъехал поближе и спрашивает:

– Почему, когда мы коней испытывали, мои скакуны обогнали твоего вороного? Почему сейчас вороной их обскакал?

– Когда мы коней испытывали, дело было в степи. В степи белоногий вороного далеко позади оставит. А когда по камням ехали и ты на звездолобого пересел, я своего коня на восход солнца пустил. Против солнца звезде не устоять!

Повернул хан домой ни с чем, а сын Чоры поехал дальше. Вороной сам держал путь в ту сторону, где была их родина. Много ли ехали, мало ли, кто знает. Приехали наконец в родной аул. Было это темной ночью. Не успел сын Чоры на землю спрыгнуть, как вороной громко заржал. Услышал Чора голос своего вороного.

– Если есть у нас еще хоть крупица счастья, – говорит он жене, – это наш сын вернулся! Выйди, погляди.

Выбежала мать во двор, видит: стоит перед ней ее ненаглядный сынок.

Так умный лошадник Чора, продав коней, помог сыну освободиться от неволи. Зажили с тех пор они все трое вместе, не разлучаясь.

Не видели мы всего, о чем рассказали, а вам не видать несчастья, беды и болезней!

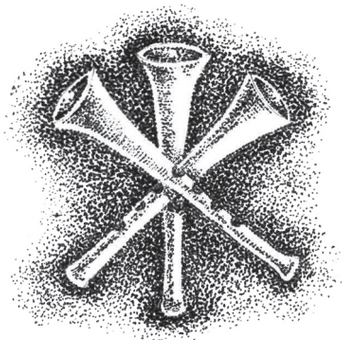

КУМЫКСКИЕ СКАЗКИ

Язык – ключ к сердцу.

Сорок братьев

ил некогда один человек, и было у него сорок сыновей. Однажды пришли старшие братья к отцу и сказали:

– Найди нам, отец, в невесты сорок сестер.

– Сделай как они просят, отец, – посоветовал самый младший из сыновей, Малик-Мамед. – Только когда поедете искать невест, смотрите не останавливайтесь на ночлег возле города Палас.

– Стар я уже, – ответил отец, – и трудно мне будет странствовать. Однако чего не сделаешь для таких молодцов!

И, оставив дома Малик-Мамеда, пустился с остальными сыновьями в путь. Долго ехать не пришлось. Вскоре встретили они нищего.

– Куда, бедняк, идешь? – спросил старик.

– Ах, не спрашивай, путник! – ответил нищий. – Был я когда-то добрым хозяином, да вот родила, на беду, жена моя сорок дочерей, а кормить мне их нечем. Вот и хожу с сумой да посохом, прошу подаяния.

– Тебя-то нам и надо, приятель! – вскричал обрадованный отец.

Поехал он с сыновьями в дом бедняка, взял сорок его дочерей и веселый отправился с ними домой.

Хоть и спешили они засветло добраться до дому, но ночь застала их в пути, и пришлось им остановиться на ночлег близ большого города, дорогу к которому преградила река, тускло блестевшая при молодом месяце.

Поутру первым проснулся старик и увидел, что не река лежала ночью перед ними, а огромный змей – ашдага, – и змей этот теперь обвился кольцами вокруг их стоянки, и чешуя его сверкала и переливалась на солнце.

– Горе, дети мои! – застонал отец. – Вот он, тот город Палас, которого велел остерегаться Малик-Мамед!

Так прошел день, прошел и другой, а под вечер третьего дня, когда все они изнемогли от голода и жажды, старик сказал змею ашдага:

– Эй, жестокий, или съешь, или выпусти! Сжалься над нами.

– Пришли ко мне твоего младшего, и я выпущу вас всех невредимыми, – ответил змей.

Нечего было делать – отправил старик одного из сыновей за Малик-Мамедом. Приехал тот домой и заплакал:

– Братец, случилась беда! Мы заночевали там, где ты нам не велел. А теперь злой ашдага взял нас в плен и не хочет выпустить, пока ты не явишься к нему.

– Что ж, братец, пойдем!

Малик-Мамед оседлал коня и поспешил на помощь.

– Чего хочешь от меня, змей? – спросил Малик-Мамед, когда ашдага, приподняв кончик хвоста, выпустил из плена его отца, всех братьев и девушек.

– Привези мне в жены прекрасную дочь шаха дэвов. А не привезешь, я настигну тебя, где бы ты ни был.

Сел Малик-Мамед на своего доброго коня и выехал в дорогу. Он потерял счет дням и ночам, разыскивая прекрасную дочь шаха дэвов. Конь его охромел, сам он притомился. И вот однажды у входа в глухое ущелье юноша увидел старого волка, который отдыхал, положив голову на серые лапы.

– Куда ты едешь, Малик-Мамед? – спросил волк человечьим голосом.

– Змей-ашдага послал меня найти для него прекрасную дочь шаха дэвов.

– Вернись, – посоветовал волк. – Дело это трудное, а конь у тебя плохой. Добудь себе доброго скакуна взамен этой клячи, которая спотыкается на каждом шагу.

Послушался Малик-Мамед, попросил волка посторожить его лошадь и пошел добывать себе хорошего скакуна, а старый волк сидел на дороге и честно сторожил его лошадь.

Вернувшись, Малик-Мамед подарил ее волку в благодарность за совет, и волк сказал ему:

– Поезжай все вперед, никуда не сворачивая. На другом конце этого ущелья, из которого ты выберешься после двух месяцев пути, лежит царство дэвов. Желаю удачи! Когда будешь ехать обратно, загляни ко мне в гости.

Два ли месяца ехал Малик-Мамед или дольше, я не знаю, только как выехал он из ущелья, увидел быстроногого юношу, который на бегу доил убегавшую лань.

– Однако и проворен же ты! – похвалил его Малик-Мамед.

– Это что! – ответил Быстроног. – Ты куда проворней, если согласился поехать за прекрасной дочерью шаха дэвов.

– А ты меня знаешь?

– Как не знать! – закричал тот. – Давно слышал о тебе и желаю быть твоим товарищем.

Отправились они вдвоем, а немного погодя увидели великана, который отламывал от скалы и бросал в ущелье огромные камни.

– Ну и силен же ты! – позавидовал Малик-Мамед.

– Это что! – ответил Скалолом. – Вот ты, видно, всех сильней, если отважился ехать за прекрасной дочерью шаха дэвов.

– А ты разве меня знаешь?

– Как не знать! – обиделся тот. – Знаю и хочу быть тебе товарищем.

Отправились они втроем, а немного погодя встретили толстяка, который забавлялся тем, что одним глотком выпивал реку, а потом выплевывал ее обратно.

– Ну и ловок же ты! – восхитился Малик-Мамед.

– Я-то что! Вот ты, верно, очень ловок, если осмелился ехать за прекрасной дочерью шаха дэвов.

– И ты меня, оказывается, знаешь?

– Как не знать! – рассердился Водохлеб. – Сижу вот, жду тебя здесь, чтобы проситься к тебе в товарищи.

И они вчетвером отправились к шаху дэвов.

– Чего вы хотите? – спросил у них грозный шах дэвов.

– Мы хотим увезти твою дочь, – ответил Малик-Мамед.

– Вот как! – усмехнулся шах дэвов. – Ну что ж, исполните три моих приказания – отдам вам дочь. Не исполните – убью всех четверых!

И он приказал им для начала переночевать в железной сакле, откуда никто еще не выходил живым.

– Не торопитесь, друзья, – сказал Водохлеб и осушил одним глотком ближайшую реку.

А потом они вошли в железную саклю, и слуги шаха дэвов заперли их там на большой замок.

Ночью шах дэвов приказал разложить под полом той сакли костер и жечь его, пока гости не изжарятся на железном полу, как на сковороде.

В полночь почувствовали вдруг друзья, что очень им становится жарко, и забеспокоились, но Водохлеб только засмеялся и стал выплевывать понемножку воду, которую выпил с вечера. В сакле стало прохладно, и друзья уснули сладко и проспали до утра. Поутру открыли слуги шаха дэвов железную дверь и увидели, что Малик-Мамед со своими товарищами живы, невредимы и спят преспокойно по горло в воде.

Очень не понравилось это шаху дэвов, и сказал он Малик-Мамеду:

– Хорошо! Теперь ты с одной хромой старушкой, которая живет у меня из милости, должен пойти в лес и принести мне молоко лани. Только смотри: если она вернется из лесу раньше тебя, живому тебе не быть!

Он обманул Малик-Мамеда, сказав, что старуха была хромая: старуха бегала, как ветер.

И тут за дело взялся Быстроног.

– Будь спокоен! – сказал он Малик-Мамеду. – Это сделаю я.

И они со старухой помчались в лес, а когда Быстроног только еще начал доить первую лань, старуха с полным кувшином молока уже возвращалась обратно. «Хорошо же!» – подумал он и, надоив молока, быстрей вихря полетел за старухой и догнал ее.

– Ты что так торопишься, матушка? – спросил он.

– Сынок, – ответила она, – я ведь хромая. Боюсь, ты меня перегонишь, – и дала ему кусочек соленой лепешки – подкрепиться.

Быстроног съел соленую лепешку, и ему очень захотелось пить. Старуха напоила его сладкой водой. Он выпил сладкой воды, но жажда мучила его все сильнее. Хитрая старуха угостила его крепким вином, от которого он уснул, свалившись на полдороги, а сама поставила его кувшин с молоком ему на голову и убежала.

Увидел Малик-Мамед, стоя на башне шахского дворца, что Быстроног уснул на полпути, и чуть не заплакал с досады. Взял он свой лук, натянул и пустил стрелу, да так метко, что она разбила кувшин и сшибла с головы спящего, не задев при этом его самого.

Вскочил Быстроног, а старуха уже приближается к городским воротам!

Ринулся он быстрей вихря и бури, догнал ее, выхватил у нее из рук кувшин, полный молока, и принес Малик-Мамеду.

Очень был зол шах дэвов, но делать нечего, взял у Малик-Мамеда кувшин и сказал:

– А теперь поборись-ка ты, смельчак, с моим главным силачом.

Вот вышел силач, ростом с каменную гору и крепкий, как камень, и ужаснулся тут Малик-Мамед, увидев его.

– Постой! – сказал тогда Скалолом. – Бороться с ним буду я.

Он схватил силача поперек, поднял над головой и забросил так далеко, что еле его потом разыскали.

Нечего было тут сказать шаху дэвов. Пришлось ему отдать свою прекрасную дочь Малик-Мамеду. И пустились с ней друзья в обратный путь.

Водохлеб остался на берегу первой встреченной ими реки, Скалолом остановился, завидев первую каменную гору, а Быстроног погнался за первой ланью, которая попалась им на пути. Малик-Мамед же с прекрасной дочерью шаха дэвов поехали дальше одни.

– Куда ты везешь меня, Малик-Мамед? – спросила красавица.

– Хоть и стыдно признаться, но везу я тебя к страшному змею ашдага, – ответил Малик-Мамед.

Прекрасная дочь шаха дэвов горько заплакала.

– Убей змея, – попросила она, – и я стану твоей женой.

– Вот научил бы меня хоть кто-нибудь, как его убить, – вздохнул Малик-Мамед.

И тут вспомнил о мудром волке, который звал его заехать в гости на обратном пути.

Старый волк лежал у выхода из ущелья, положив голову на седые лапы, и очень обрадовался, увидев Малик-Мамеда.

– Что делать мне, волк? Как избавиться от змея? – спросил юноша.

И волк ответил ему:

– На лугу, через который вы будете ехать, живет огромная серая куропатка величиной с осла. Семь дней и семь ночей она спит, а затем не спит один день: пасется на этом зеленом лугу. Убей ее, пока она спит, и достань из нее яйцо. В этом яйце живет душа змея. И как только ты разобьешь яйцо, ашдага издохнет.

Выехал Малик-Мамед на зеленый луг, убил серую куропатку величиной с осла, разрезал, достал из нее яйцо и только хотел разбить его о камень, как увидел: мчится к нему змей ашдага, гремя и дымя по дороге.

Не растерялся Малик-Мамед – бросил яйцо. Оно разбилось, и змей упал на землю мертвым.

Поехал тогда счастливый Малик-Мамед с прекрасной дочерью шаха дэвов к своему отцу и женился на ней, а тридцать девять его братьев женились на тридцати девяти дочерях старика.

На сороковой же я был женат. От нее все это слыхал и вам рассказал.

Друзья пастуха

То ли было, то ли не было – жил некогда в одном городе бедный старик. И был у того старика сын. Служили оба в пастухах, пасли городское стадо.

Пас однажды юноша коров на лугу у самого моря и увидел на песке большую рыбу.

Послал пастух с прохожим человеком весть отцу, чтоб приехал поскорей на арбе за добычей, а сам кинулся к рыбе с кинжалом. Взмахнула хвостом рыба, заговорила человечьим голосом, стала молить о пощаде:

– Не убивай меня, юноша. Столкни меня лучше в море! Я пригожусь тебе в трудный день...

– А как отыщу я тебя в трудный день? – спросил юноша.

– Возьми мой плавник. Когда надо будет, придешь на берег и бросишь плавник в огонь. Не успеет он сгореть, как я приплыву к тебе.

Пожалел юноша рыбу, взял плавник и столкнул ее в море.

– Где же большая рыба, сын мой?– еще издали закричал отец.

Он торопился на арбе за добычей.

– Очень хотелось рыбе вернуться обратно в море. Просила помочь ей. Я помог, – сказал сын.

Бранил отец сына, бранил, даже побить хотел.

Убежал пастух от гнева отца и забрел в дремучий лес. Блуждает он по лесу и слышит жалобный стон. Пошел дальше и видит: запутался олень рогами в ветвях дерева. Юноша схватился было за кинжал, а олень говорит человечьим голосом:

– Не убивай меня, человек, помоги мне освободиться! Вырви клок моей шерсти, и когда будет тебе трудно, брось мою шерсть в огонь. Я мигом явлюсь перед тобой, чтобы сослужить любую службу.

Пожалел юноша оленя, вырвал у него клок шерсти, помог ему выбраться на волю и отпустил его.

Долго бродил пастух в лесной чаще, пока не вышел наконец на поляну. Бежит по поляне лиса, а за ней по пятам гонится стая борзых. До смерти устала лисица, прижалась она к ногам юноши.

– Не убивай меня, добрый человек! – заплакала лиса. – Спаси меня от борзых, вырви волосок из моего хвоста и отпусти. Как будешь в беде, сожги мой волосок, я прибегу и выручу тебя.

Разогнал пастух борзых и отпустил лису, вырвав волосок из ее хвоста.

Пошел он дальше. Много ли он шел, мало ли – дошел до большого города.

– Не примете ли вы гостя? – спросил он, входя в бедную саклю неподалеку от городских ворот.

– Отчего ж не принять? – ответила старушка-хозяйка.

Усадила она пастуха, накормила и напоила. А потом пастух пошел поглядеть на город.

Город тот был богат и обширен, много было в нем прекрасных зданий, но всех прекрасней и богаче был, конечно, дворец хана. Вернулся гость и спрашивает у старушки, кто живет в ханском дворце.

– Ох, лучше не спрашивай, сынок! – вздохнула старушка. – У нашего хана одна-единственная дочь. Слава о ней разнеслась далеко по чужим странам. Ханская дочь и умна, и красива, но гордость и жестокость ее не знают пределов. Многие прославленные храбрецы сватались к ней. И каждому жениху приказывает она спрятаться и обещает, что выйдет за него замуж, если не сумеет найти его.

– А ведь и я не из трусливых! Пойти, что ли, и мне взглянуть на красавицу!

– Не ходи, сынок, – стала уговаривать старушка, – ты ведь не дослушал меня. Не было еще на свете человека, который сумел бы от нее спрятаться. Под водой ли ты укроешься, под землей ли – она отыщет тебя и прикажет отрубить голову. Сотни юношей она уже отдала в руки палача.

– Не горюй, добрая старушка! – сказал ей пастух. – Я ведь только простой пастух. Женюсь, не женюсь, но, как знать, может, и перехитрю ханскую дочь.

Пришел он ко дворцу и закричал:

– Эй, великий хан, хочу помериться умом с твоей дочерью!

– Дочь моя, ответь этому глупцу, – велел хан.

И ханская дочь крикнула в ответ с высокой башни:

– Спрячься так, чтобы я не нашла тебя, и я твоя. Но если найду – тебе отрубят голову, знай это!

– Сколько раз позволишь ты мне прятаться? – спросил пастух.

– Трижды!

– Хорошо, ищи! – сказал юноша, поспешил на берег моря и сжег плавник рыбы.

Выплыла рыба из морских глубин:

– Чего тебе, юноша, надо? Какая у тебя забота?

Попросил он рыбу спрятать его подальше. Раскрыла рыба пасть и проглотила пастуха, а потом нырнула на самое дно моря и легла брюхом на песок.

С высокой башни смотрела ханская дочь вверх, смотрела вниз, кидала взгляды на все четыре стороны света – нигде не видно юноши. Так бы и не найти ей пастуха, да разинула рыба пасть, заглядевшись на проплывавший вверху корабль.

– Вижу, вижу! – закричала, захлопала в ладоши ханская дочь. – Выходи! Ты не спрячешься от меня даже на дне морском.

Вышел пастух и стал перед ней.

– Прячься во второй раз! – приказала она.

Пошел юноша в чащу, сжег клок оленьей шерсти. Зашумели, затрещали ветви, примчался олень и говорит:

– Рассказывай, какая у тебя забота.

Попросил юноша спрятать его получше.

Посадил тогда олень юношу к себе на спину, откинул голову, велел крепко держаться за рога и полетел, как ветер. Перевалил через семь вершин, миновал семь долин, спрятал юношу в глубокой пещере и лег, закрыв вход своим телом.

Глядела ханская дочь на все четыре стороны света, кидала взгляды со своей высокой башни. Но так и не нашла бы она юношу, если бы вдруг не вскочил олень, чтобы отогнать муху, которая кружилась над ним.

– Вижу, вижу, выходи из пещеры! – закричала красавица, захлопала от радости в ладоши. – В третий раз смотри прячься хорошенько.

Пошел юноша на широкую равнину, сжег волосок из хвоста лисы.

Лиса словно из-под земли выросла, мигом очутилась перед ним.

– Чем помочь тебе, добрый человек, какая у тебя забота? – спросила она.

– Развяжи мешок своих хитростей и спрячь меня, да так, чтобы никто не нашел, – ответил юноша.

Превратилась лиса в купца с рыжей бородой и со свертком цветного сафьяна под мышкой, а юношу превратила она в блоху и велела ему спрятаться в этом свертке.

– Я буду прохаживаться со своим товаром перед башней ханского дворца, – сказала лиса юноше. – Дочь хана – щеголиха, она захочет посмотреть сафьян и позовет меня наверх. Ты прыгай тогда на подол ее платья. И пусть мне отрежут рыжую бороду, если красавица тебя заметит.

А ханская дочь стояла в это время на своей высокой башне, смотрела на все четыре стороны света, но нигде не могла найти юношу. И тут увидела она купца, который проходил мимо башни.

– Кто купит отличный сафьян? Кто купит красный и синий сафьян?– кричит купец.

– Неси сюда свой сафьян! – велела ханская дочь.

Купец влез на башню и раскинул перед красавицей свой товар. Загляделась красавица на сафьян и не заметила, как прыгнула блоха на подол ее платья.

– Ну что, дочь моя, видишь ли ты этого человека? – закричал в нетерпении хан.

– Нет, отец, не вижу, нигде не вижу! – ответила красавица.

– Смотри хорошенько, дочь моя!

Но сколько ни смотрела ханская дочь, так и не увидела пастуха.

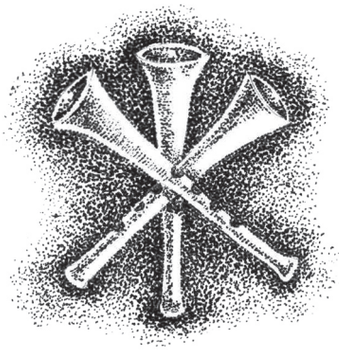
– Я потеряла надежду найти его! – сказала она в отчаянии.

И только успела это сказать, как молодой пастух принял свой прежний вид.

Обрадовался народ той страны, что перехитрил молодой пастух злую ханскую дочь. Стали из пушек палить, в барабаны бить, заиграли на зурне, запели песни, устроили великий пир. Я на том пиру был, помедвежьи плясал, а потом оставил народ петь и веселиться, а сам побежал к маленьким детям, чтобы рассказать им эту сказку.

Хитрый Байбурак

ил в одном ауле бедный старик, и было у него двенадцать сыновей. Одиннадцать старших сыновей были злые, глупые и ленивые. А самый младший сын, Байбурак, был добрый, ловкий и умный. Когда сыновья подросли, отец задумал их женить. Но вот беда: где найдешь столько невест? И пришлось старику отправиться искать по белу свету невест для своих сыновей.

Сшил он себе сапоги без верхов и бешмет без рукавов, взял на дорогу лепешку да баранью ногу и пошел странствовать.

Шел он шаг вперед, а два назад и дошел наконец до горы, где стояла сакля старухи Карт-Энем. Старуха Карт-Энем пряла волчью шерсть.

– Здравствуй, соседка! – сказал старик.

– Здравствуй, человек! Зачем пожаловал?

– Ищу невест для моих двенадцати сыновей, – ответил старик. – Сапоги стоптал, бешмет изодрал, а толку не видно.

– Очень хорошо! Женим-ка мы твоих сыновей на моих дочерях, – сказала старуха Карт-Энем. – У меня как раз двенадцать.

Пошел старик домой и велел сыновьям ехать за невестами.

Быстро собрались братья и поехали. Старуха их накормила, напоила и уложила спать под волшебное одеяло, которым можно было укрыть три тысячи человек.

В полночь младший брат Байбурак услышал, как старуха точила в темноте свой большой нож, и разбудил старших.

– Не спите, – сказал он.

Наточила Карт-Энем нож, подошла к братьям и спросила:

– Кто спит, кто не спит?

– Я не сплю! – откликнулся Байбурак.

– Почему же ты не спишь?– удивилась старуха.

– Потому что твои гуси кричат.

Пошла старуха Карт-Энем и зарезала своих гусей. Только трех оставила – это были волшебные гуси.

– Кто здесь спит, кто не спит? – спросила она, вернувшись.

– Я не сплю! – откликнулся Байбурак.

– Почему же ты не спишь? – рассердилась старуха Карт-Энем.

– Потому что твои коровы мычат.

Побежала старуха Карт-Энем, разбудила старшую дочь, и вдвоем перерезали они всех своих коров.

Едва старуха Карт-Энем вышла, кинулся Байбурак к братьям, и они помчались прочь от этих мест так быстро, как только умели.

А старуха Карт-Энем пришла домой и поняла, что Байбурак с братьями перехитрили ее. Взвыла она от злости, села в арбу без колес и полетела за ними в погоню.

Увидел Байбурак: догоняет их Карт-Энем, бросил в нее камень, и выросла между ними высокая гора. Старуха Карт-Энем стала грызть эту гору своими железными зубами, прогрызла насквозь и опять погналась за братьями.

Она уже почти догнала их, но Байбурак топнул ногой, и за спиной у братьев легла глубокая пропасть. Старуха Карт-Энем не смогла ее перепрыгнуть. Пришлось ей повернуть обратно.

А старшие братья хоть и вернулись домой благополучно, но по глупости и по злобе возненавидели Байбурака за его смелость и ловкость и только и думали о том, как бы его погубить.

И придумали наконец. Пришли к хану той страны и сказали:

– У старухи Карт-Энем, великий хан, есть волшебное одеяло, которым могут укрыться сразу три тысячи человек.

Хану очень захотелось иметь такое одеяло.

– Добудьте мне его! – приказал он.

– Мы не добудем, наш братец Байбурак добудет, – ответили одиннадцать братьев.

– Тогда скажите ему: пусть принесет мне волшебное одеяло, а не то голову отрублю.

Недолго думал Байбурак, перекинул через плечо палку и отправился за волшебным одеялом.

Пришел он к старухе Карт-Энем, забрался на крышу и продолбил в крыше дыру как раз над постелью хозяйки. Потом воткнул в конец палки иглу и сидит – ночи дожидается.

Вот уснула Карт-Энем, а Байбурак просунул палку в дыру и уколол ее иглой. Подумала старуха, что ее блохи кусают, и с досады выбросила за дверь волшебное одеяло.

А хитрый Байбурак взвалил одеяло на спину и ушел.

Старуха Карт-Энем поворочалась еще немного, а потом подумала: «Не стащил бы этот хитрец Байбурак мое одеяло!» Вышла из сакли и увидела: одеяла нет, а Байбурак уже переваливает через соседнюю гору.

Чуть не лопнула старуха Карт-Энем от злости, села в арбу без колес и пустилась в погоню.

Как только стала она догонять Байбурака, он бросил камень, и за спиной его поднялась высокая гора. Вгрызлась старуха в эту гору железными зубами и прогрызла ее насквозь. Вот-вот догонит она Байбурака.

Тогда Байбурак топнул ногой, и легла между ними глубокая пропасть. И опять Карт-Энем не смогла перебраться через нее и, лязгая зубами, вернулась домой.

А Байбурак отнес волшебное одеяло во дворец и получил от хана в награду золотой червонец. Еще больше возненавидели Байбурака завистливые братья. И придумали они, как его погубить. Пришли к хану и сказали:

– У старухи Карт-Энем, великий хан, есть волшебные гуси: они умеют предсказывать будущее, и наш Байбурак может добыть одного из тех гусей.

Хан призвал к себе Байбурака:

– Добудешь мне волшебного гуся?

– Добуду! – ответил Баибурак.

Мало ли шел Байбурак, много ли, но пришел к старухе Карт-Энем и спрятался за дверью.

– Поди-ка принеси мне гуся, – сказала как раз в это время старуха Карт-Энем старшей дочери. – Я погадаю, где теперь этот хитрец Байбурак.

Дочь принесла гуся.

– Гусь, где сейчас Байбурак? – спросила старуха.

– У тебя за дверью спрятался, – ответил гусь.

Не поверила старуха Карт-Энем, рассердилась и оторвала гусю голову, а дочь послала за вторым гусем. Принесла дочь второго гуся.

– Ну-ка, гусь, где сейчас Байбурак?– спросила старуха Карт-Энем.

– Здесь, за дверью стоит, – ответил гусь.

Тогда и второму гусю оторвала она голову и послала дочь за третьим.

Третий гусь онемел от страха, когда увидел, что случилось с другими гусями, а потом закричал:

– Посмотри сама, Байбурак стоит за дверью!

Тут только догадалась старуха открыть дверь. В уголке стоял Байбурак. Она схватила его и стала привязывать к столу. А сама распевала:

– Ну, попался ты мне наконец! Вот тебя и зажарю, хитрец!

– Эка скука – одной обедать, – откликнулся Байбурак. – Позвала бы на обед своих родственников, а потом уже и песни пела!

И старуха Карт-Энем побежала скликать на обед своих родственников, а Байбурак разорвал веревки, схватил под мышку волшебного гуся и пошел домой.

На этот раз старуха Карт-Энем пустилась в погоню слишком поздно – всех родственников ведь не скоро созовешь.

Байбурак спокойно добрался до своего дома, отдохнул немного и понес хану в подарок волшебного гуся.

А хан на радостях дал ему целых два золотых червонца.

Злые братья совсем высохли от зависти. И пошли к хану в третий раз, и сказали ему:

– Волшебное одеяло и гусь-предсказатель у тебя теперь есть, великий хан. А Байбурак похваляется, говорит: притащу сюда и старуху Карт-Энем.

Позвал хан Байбурака и спросил:

– Приведешь во дворец старуху Карт-Энем?

– Привести можно, – сказал Байбурак. – Боюсь только, как бы не было беды.

Пошел Байбурак к ханскому кузнецу и велел сковать железный сундук со ста замками, а потом переоделся в лохмотья, прицепил себе бороду из пакли, поднял сундук на плечо и заковылял к старухе Карт-Энем.

– Знаешь ли ты Байбурака? – спросил он у старухи Карт-Энем.

– Ох, знаю, знаю! Много горя причинил мне этот хитрец Байбурак, – ответила старуха.

И тут она увидела железный сундук.

– Для чего ты таскаешь с собой такой тяжелый сундук?

– Я прячусь в него летом от жары, а зимой от холода, – объяснил Байбурак.

– Продай мне сундук, – попросила старуха Карт-Энем.

– Продать можно. Только ты сперва залезь в него, посмотрим, удобно ли тебе будет.

Байбурак открыл крышку, и едва старуха Карт-Энем залезла в сундук, захлопнул крышку и запер все сто замков.

Взвалил Байбурак сундук на плечи и понес его в город, но во дворец с ним не пошел, явился к хану налегке и сказал ему:

– Все! Больше я тебе не слуга! И награды мне никакой не надо. Вот тебе ключи от сундука.

Отдал Байбурак ключи хану и забрался на высокую башню. А перед дверью той башни была вырыта глубокая яма.

Прибежал хан за сундуком и только открыл последний из ста замков – старуха Карт-Энем выскочила и проглотила хана живьем.

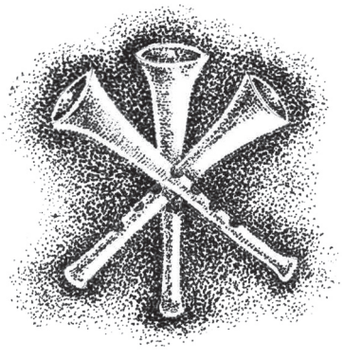
Поглядела потом Карт-Энем по сторонам к увидела Байбурака на высокой башне. Бросилась она к нему да второпях споткнулась, упала в яму и разбилась.

А Байбурак зажил с тех пор спокойно. И жил, надо вам сказать, неплохо.

Я сам в гостях у него был. Брагу пил, халвой закусил!

Чалтук-Ахмед

ил на свете бедняк по имени Чалтук-Ахмед.

Не было у него никакого добра, а только одна старая, хворая лошадь. Чалтук-Ахмед жалел свою лошадь. Целых две недели он не работал на ней, а по ночам пускал в поле на травку.

Но две недели прошли, а лошадь ничуть не поправилась. Она стала совсем тощей, и на спине у нее появились болячки.

Встревожился Чалтук-Ахмед. Решил всю ночь в поле караулить. Вот пустил он лошадь пастись, а сам спрятался за большой камень.

Когда настала полночь, пришли дикие звери: волк, медведь, кабан и лиса. Они, оказывается, играли с лошадью, по очереди взбирались к ней на спину, царапали ее когтями.

Не стерпел Чалтук-Ахмед. Выскочил из-за камня и переловил всех зверей. А звери испугались и стали просить, чтобы он их освободил.

Волк сказал, что пригонит Чалтук-Ахмеду большое стадо овец. Кабан обещал вспахать его поле, медведь – показать в лесу старое дерево, в дупле которого полно меду. Одна лиса ничего не пообещала. Она сказала только:

– Я худа и мала. Что тебе за польза, если ты меня убьешь? Ты отпусти меня, быть может, я пригожусь тебе в трудный час.

Чалтук-Ахмед подумал-подумал и отпустил их всех.

На следующий день волк пригнал во двор Чалтук-Ахмеда стадо овец.

Кабан в свой срок вспахал клыками его маленькое поле. А там и медведь пришел и стал звать Чалтук-Ахмеда за медом.

Чалтук-Ахмед взял с собой топор, бурдюки для меда и пошел с медведем в лес.

Завел его медведь в лесную чащу, нашли они старое дерево, из дупла которого сочился душистый мед, и тут медведь сказал:

– Вот теперь я тебя задушу и съем!

Обомлел Чалтук-Ахмед от страха и выронил топор, а медведь давай душить Чалтук-Ахмеда.

Вдруг слышат они, кто-то зовет:

– Чалтук-Ахмед! Чалтук-Ахмед!

– Здесь я! – откликнулся тот, узнав голос лисы.

– Чалтук-Ахмед, не видел ли ты медведя? Сюда идут охотники, им нужна медвежья шкура.

Медведь испугался и шепнул Чалтук-Ахмеду:

– Скажи, что не знаешь, скажи, что не знаешь!

– Не знаю! – крикнул Чалтук-Ахмед.

– А это что перед тобой? – спросила лиса.

– Скажи – чурбан! Скажи – чурбан, – зашептал медведь.

– Это чурбан! – ответил Чалтук-Ахмед.

– Разве у чурбана бывают уши? – спросила лиса.

– Скажи, что это сучья! Скажи, что это сучья! – прошептал медведь.

– Это сучья! – крикнул Чалтук-Ахмед.

– Тогда возьми топор и ударь между ними покрепче! – приказала лиса.

– Возьми топор и ударь легонько, милый Чалтук-Ахмед! – заплакал медведь. – Я никогда не забуду твоей доброты.

– Нет, не верю тебе! – сказал Чалтук-Ахмед.

Размахнулся и ударил медведя как следует.

Тут вышла из кустов лиса. Набрали они с Чалтук-Ахмедом полным-полны бурдюки меда и пошли домой.

Ученый заяц

У бедного Кадыра не осталось в сакле ни зерна кукурузы, ни горсти муки, ни гроша денег. Жена с утра до ночи ругала его за это. Долго думал Кадыр, где бы ему раздобыть денег, наконец придумал: пошел к знакомому охотнику и попросил у него двух живых зайцев, которых тот только что поймал в силки.

– Ну, жена, будем богаты! – сказал Кадыр, вернувшись домой. – Деньги – хорошая вещь, но умная голова еще лучше. Слушай меня и хорошенько все запомни. Я сейчас возьму одного зайца и пойду к соседу-богачу, а ты сходи к дочери, займи у нее баранины, рису и приготовь жирный плов и халву. Когда мы с соседом придем сюда и он тебя спросит, почему ты решила приготовила такой роскошный обед, ты ему скажи, что прибежал мой заяц и сообщил, что к нам в гости идет уважаемый человек, вот ты и постаралась принять как следует дорогого гостя. А сама посади на тахту такого же зайца, которого я тебе оставлю.

На этот раз жена не стала спорить с Кадыром, сделала все, что он ей велел.

А Кадыр положил зайца в мешок и пошел к богачу, который принял его очень вежливо и стал занимать разговором. Поговорили они о том, о сем, наконец Кадыр предложил пойти к нему пообедать.

– Ты что ж, званый обед устраиваешь, Кадыр? – удивился богач, зная, что Кадыр больше любит поесть в гостях, чем накормить их у себя.

– Нет, почтеннейший, я не устраиваю никакого обеда. Да и где мне, бедняку, приглашать гостей! Но если ты согласен, то я отсюда пошлю жене приказание приготовить обед, какой ты пожелаешь, а сами мы не спеша пойдем ко мне.

– Кого же ты пошлешь к жене с таким приказанием? – спросил богач. – Работник мой в поле, а ты пришел один.

– Нет, не один, – ответил Кадыр. – Со мной пришел мой заяц.

– Какой заяц и где он? – удивился богач.

– А он сидит вот здесь, в мешке, – ответил Кадыр.

– При чем же здесь заяц? – рассердился богач. – Ты что, смеешься надо мною, что ли?

– Да разве я осмелюсь на такую дерзость! – вскричал Кадыр, вставая и униженно кланяясь. – Разве ты не знаешь, что мой заяц ученый?

– Не рассказывай мне глупостей! – еще больше рассердился богач.

– А вот я тебе докажу, что говорю правду! – сказал Кадыр обиженным голосом. – Сейчас я скажу своему зайцу, чтобы он бежал к жене и велел ей приготовить нам обед. Скажи, чего ты хочешь?

– Я бы не отказался от плова, да и халва у твоей жены получается. Только смотри, если ты надо мной смеешься, то несдобровать тебе!

– Будь покоен, все будет так, как я тебе говорю.

С этими словами Кадыр вынул из мешка зайца, сказав при этом:

– Значит, тебе на обед плов и халва, а я хочу баранины.

Пошептав зайцу на ухо, он открыл дверь и выпустил его на улицу.

– Ну, теперь прощайся со своим зайцем! – засмеялся богач.

– Не будь так маловерен! – обиделся Кадыр.

Посидели еще немножко, а затем не спеша пошли к Кадыру. Войдя в саклю, они увидели, что на ковре расстелена скатерть и все приготовлено к обеду, а заяц забился в угол и ждет их прихода.

Удивился богач безмерно и говорит:

– Продай мне, Кадыр, этого зайца. На что тебе, бедняку, ученый заяц? А я дам за него десять червонцев.

– Что ты, что ты! – закричал хитрый Кадыр. – Да я с ним не расстанусь ни за какие деньги! Сколько лет я его учил и вдруг продам тебе!

Богач сел обедать, но зависть, что у Кадыра есть такой ученый заяц, не давала ему покоя. «Ничего не пожалею, но заяц должен быть у меня! – подумал он. – Вот чем я смогу удивить друзей!».

Пообедали. Жена Кадыра убрала скатерть, оставила их вдвоем.

– А все-таки ты должен продать мне своего зайца! – сказал богач. – Если десяти червонцев мало, то я дам тебе двадцать.

– Помилуй, почтеннейший, не нужно мне твоих денег! – вскричал Кадыр. – Не могу я расстаться с зайцем.

– Тридцать червонцев дам! – не унимался богач.

Кадыр только головой покачал. Он знал, что упрямый богач будет добиваться своего, и продолжал набивать цену зайцу.

Наконец богач крикнул:

– Пятьдесят червонцев!

Тогда Кадыр прикинулся очень расстроенным.

– Не деньги меня прельщают, – сказал он, – а желание доставить тебе удовольствие. Один Аллах ведает, как тяжело мне расстаться с зайцем, но дружба – прежде всего! Бери зайца, он твой.

Обрадованный богач схватил зайца и, решив тут же проверить его ученость, сказал:

– А теперь мы прикажем ему пойти к моей жене и сказать, чтобы она приготовила нам ужин. Чего ты хочешь?

Перепуганный Кадыр стал отговаривать богача от этой затеи, говоря, что он сыт, но тот вручил ему пятьдесят червонцев и теперь хотел удивить свою жену способностями зайца.

– Если ты сыт, – сказал он, – то пошлем с зайцем жене приказание приготовить нам на ужин только сладости и фрукты.

Богач пошептал на ухо зайцу и выпустил его за дверь, а сам вместе с Кадыром пошел не спеша к своей сакле.

– Ну, жена, угощай нас ужином! – вскричал богач прямо с порога сакли.

– Каким ужином? – удивилась жена. – Я и не ждала тебя к ужину, ведь ты ушел в гости к Кадыру.

– Вот это да! А разве тебе заяц не передал, что я заказал на ужин?

– В своем ли ты уме? Какой заяц?

– Ученый заяц, которого я послал к тебе.

– Я не видала никакого зайца.

Богач стремительно повернулся к Кадыру. «Ох, пропал я!» – подумал Кадыр, но вид имел невозмутимый.

– Что ты на это скажешь, Кадыр? – вскричал весь красный от гнева богач. – Значит, твой заяц дурак дураком! Давай назад деньги, старый хитрец!

Еще много бранных слов произнес богач, беснуясь вокруг Кадыра. А тот стоял спокойно, выжидая момента, когда тот немного успокоится. Наконец сказал:

– Разреши мне, почтеннейший, спросить тебя, что ты сказал зайцу?

– Я сказал ему, чтобы он велел жене приготовить нам на ужин сладостей и фруктов.

– И больше ничего не сказал?

– Ничего!

Кадыр весело рассмеялся:

– Что же ты на зайца гневаешься и меня обижаешь? Ведь ты же не сказал ему, куда он должен бежать. Как же он мог найти твою саклю? Он, бедный, просто заблудился!

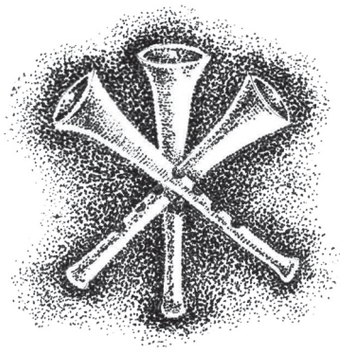

Одно слово мудреца лучше, чем много богатства.

ЛАКСКИЕ СКАЗКИ

Волшебный колодец

ил-был некогда на свете некий хан, и была у него единственная дочь. Черствый сердцем, этот хан ненавидел нищих и никогда не подавал милостыню. А дочь его была мягкосердечной и щедрой. Она плакала, когда гнали с ханского двора просящих подаяние, и говорила отцу:

– Неужто оскудеет твоя казна, если мы дадим неимущему грош, а голодному кусок хлеба? Неужто у нас во рту станет пусто, если угостим бедняка?

Отцу не по нраву были такие речи. Слушал он, слушал, а потом разгневался и сказал:

– Если еще посмеешь мне перечить, я выдам тебя за первого попавшегося нищего. Посмотрим тогда, будет у тебя во рту пусто или нет.

Вскоре после этого зашел на ханский двор юноша-нищий. Едва завидел его хан, схватился за палку. Но дочь, забыв об отцовской угрозе, попросила его:

– Отец, не гони бедняка! Если мы уделим ему крошку от нашего стола, мы не обеднеем!

Хан окончательно потерял терпение.

– Эй! – крикнул он. – Приведите осла!

Осла привели, и хан велел посадить на него свою дочь и выгнать ее вместе с нищим юношей.

– Посмотрим теперь, – напутствовал он дочь, – будет у тебя во рту густо или пусто!

Юноша-нищий и ханская дочь полюбили друг друга с первого взгляда. Они решили пожениться.

– Все бы ладно, да есть у меня одно горе, – сказал юноша. – Моя мать много лет не встает с постели, у нее отнялись ноги. Оттого и хожу я, побираюсь, что не могу оставить ее, уйти на заработки.

Привез юноша ханскую дочь в горы, к небольшой пещере.

– Вот тут мы и живем! – показал он.

В пещере были голые стены, а на земле на бедной подстилке лежала больная старушка.

Рассказал юноша матери, как досталась ему в жены ханская дочь.

– Что ж, сынок, – вздохнула старушка, – и мы не всегда были бедными. Твой отец был богатым купцом. Убили его разбойники, ограбили, оставили нас с тобой без гроша. Не горюйте, дети, были бы вы счастливы!

Теперь юноша мог оставить мать с молодой женой. Послала его мать к отцовскому другу, одному купцу.

– Проси, – посоветовала она, – пусть возьмет тебя погонщиком верблюдов в свой караван и даст сколько-нибудь денег вперед.

Юноша так и поступил. Нанялся к купцу погонщиком верблюдов, а купец дал ему денег для матери и жены.

– Будьте наготове, – распорядился купец, – я и мои товарищи через три дня кончаем снаряжать караваны.

И через три дня ушел юноша с купцами в далекий путь. Шли они так долго, что счет дням потеряли, и вот однажды показались впереди желтые пески. То была пустыня – страшное место для путников.

Остановились купцы у глубокого колодца на краю пустыни запастись водой. Расстелили на земле ковер, и каждый бросил на него кошелек с золотом. Такова была плата тому, кто полезет в колодец и добудет воду. Но все погонщики отказались. Колодец тот, оказывается, был не простой. Взять из него воду можно было только спустившись глубоко вниз. А из тех, кто вниз спускался, обратно ни один не поднимался.

Подумал-подумал юноша и решился.

– Я полезу! – сказал он. – Будь что будет!

– Не надо! – уговаривал юношу отцовский друг. – Ты погибнешь! Подумай о своей матери.

– А без воды погибнем все, – отвечал юноша и, взяв бурдюки, спустился в колодец.

Когда набрали воды достаточно для всех караванов, бросили конец веревки вниз, чтобы поднять юношу.

Но едва подняли его наполовину, как открылась в стенке колодца щель, и кто-то потянул юношу за руку вглубь подземелья.

В подземелье было светло. Там стоял хмурый, худющий – кожа да кости – человек, перед ним – черепаха, а вдоль стен лежали тела бездыханных людей.

– Отпустите меня! – взмолился юноша. – Что дурного я сделал?! Отпустите, дома меня ждут старая мать и молодая жена.

Посмотрел худющий ему в глаза и говорит:

– Я задам тебе три загадки. Отгадаешь – отпущу с наградой. Не отгадаешь – останешься лежать, как те, кто до тебя сюда попал.

– Испытаю судьбу! – согласился юноша. – Давай свои загадки!

– Что на свете самое сладкое? – спросил худющий.

– Нет ничего слаще, чем губы любимой! – не задумываясь воскликнул юноша. Лицо у худющего посветлело, и сам он на вид стал вроде бы чуть потолще. А на панцире черепахи появилась трещина.

– Что на свете самое приятное? – загадал худющий следующую загадку.

– Сон рядом с любимой! – без запинки откликнулся юноша.

Тело худющего еще чуть-чуть пополнело, на губах заиграла улыбка. А панцирь со спины черепахи упал наземь.

– Что на свете самое красивое? – такова была третья загадка.

– Та, которую любишь! – твердо сказал юноша. – Ее лицо прекрасней всего на свете!

Тут черепаха встрепенулась и превратилась в красавицу-девушку. Не стало и худющего. На его месте стоял статный, высокий джигит.

– Мы любим друг друга, – сказал он юноше. – В ночь после свадьбы околдовал нас злой колдун. Своей преданностью любимой ты снял его заклятье. Пусть все без страха берут теперь воду из колодца! А мы вернемся в родные места. Эй, пленники, проснитесь! Вы свободны! – крикнул он, и люди, лежавшие бездыханными, ожили и поднялись.

– У нас с ними иная, чем у тебя, дорога, – обратился джигит к юноше. – А ты поднимайся наверх.

И он подарил юноше на прощанье два больших граната.

Вытащили юношу из колодца на белый свет. Поведал он своим спутникам о чудесах в подземелье, показал гранаты. Немало подивились купцы. Отдали юноше кошельки с золотыми и собрались уже было тронуться, как навстречу им из пустыни вышел другой караван, истомленный жаждой в знойных песках.

– Поделитесь с нами водой! – умоляли встречные.

– Из этого колодца может брать теперь воду любой! – уверял их юноша.

Но те купцы не поверили. Они отдали ему кошельки, полные золота, чтоб только юноша достал для них воды.

Теперь он не был больше нищим. Все свое золото и два граната он доверил караван-баши[1] встречного каравана и попросил вручить его матери и жене.

Вернулся тот караван-баши домой, честно отнес и деньги, и гранаты двум бедным женщинам. Обрадовались они! Разломила дочь хана гранат, хотела свекровь угостить, а в гранате вместо зерен – отборный жемчуг.

Теперь, когда у них было золото и жемчуг, пригласила ханская дочь самых искусных лекарей, и они вылечили ее свекровь. А потом решила ханская дочь построить к возвращению мужа дворец. Да такой, какого никто не видывал: чтоб один кирпич в нем был серебряный, другой – золотой, и так все кирпичи!

Возвела свой дворец на горе, напротив отцовских окон. Смотрел хан и дивился: кто это возводит такое чудо? Но сколько ни рыскали его посланцы, не могли узнать, чьих рук это дело.

Год минул. Три пролетело. Вернулся домой юноша с караваном. Вышли мать и жена ему навстречу – уже все в городе знали, что караван идет, – повели его в новый дом. А он удивляется:

– Мы не туда идем! – говорит. – Наша пещера в другой стороне.

Ну, юноша тоже вернулся из дальних стран не с пустыми руками. Зажили они счастливо и богато. Прошло время, и жена попросила:

– Позови в гости моего отца!

Взял юноша подарки, отправился к хану.

– Только смотри, – наказала ему ханская дочь, – возвращайся домой непременно самой короткой дорогой. У моего отца есть привычка: скажет – буду завтра, а сам возьмет да следом и пожалует.

Вручил юноша хану подарки. Хан остался доволен: такого крупного жемчуга он и не видывал. Сказал:

– Приеду послезавтра!

А как юноша ушел, тотчас велел оседлать скакуна и поехал вслед. Но юноша опередил его. Он возвращался самой близкой дорогой и к приезду хана был уже дома.

Встретили они с женой своего гостя на пороге дворца, дорогой ковер под ноги постелили, оказали почет. Дочь свою хан не узнал, она закрыла лицо тонким покрывалом.

– Откуда у вас такие богатства? – дивился хан, разглядывая дворец.

[1] *Предводитель каравана.*

– У того, кто щедр, во рту не бывает пусто! – ответила дочь.

Опечалился хан.

– Так всегда говорила мне дочка, – вздохнул он. – А я под горячую руку прогнал ее за это. Где она теперь, узнать бы!

Откинула тогда ханская дочь покрывало и призналась отцу во всем. Обрадованный хан велел сыграть пышную свадьбу. Семь дней весь народ на той свадьбе гулял.

И я там был, плясал и пил. Проводили меня с подарками, да жаль, мой осел в пути захромал. Халва из хурджинов по крошке высыпалась, буза из кувшина до капли вылилась. Была еще баранья ножка да полчурека – их голодные собаки отняли.

Сберег я, правда, одну жемчужину из тех, что в гранате были. Дарю ее вам! Берите – это моя сказка!

Гугурчи

лучилось однажды в некотором царстве так, что пошли утром женщины за водой, а воды не набрали. У источника лежал змей-ашдага и никому не давал прохода. Несколько дней так продолжалось, и народ начал страдать от жажды. Доложили об этом царю. Послал царь к источнику войско. Но ашдага в бой не вступил. Он сказал:

– У вашего царя есть три дочери. Пусть отдаст мне одну из них в жены, и я уйду с миром. Ашдаги всегда берут в жены царских дочерей. Таков наш обычай.

Войско вернулось ни с чем. Доложили царю: так, мол, и так, ашдага драться не желает, а желает получить в жены царевну.

Крепко задумался царь. Загрустил, сидя на золотом троне. Утром пришла к отцу поздороваться старшая дочь.

– О Аллах! Отчего ты так печален, отец? – воскликнула она.

И царь рассказал ей про ашдагу и спросил:

– Согласишься, доченька, стать его женой?

– Ты что, с ума сошел?! – закричала старшая дочь. – Провались он, твой ашдага! Неужто не сыщется для меня лучшего мужа?!

И, хлопнув дверью, ушла. А огорченный царь пересел с золотого трона на серебряный.

Вслед за старшей пришла средняя дочь, принесла отцу завтрак на чеканном блюде.

– О Аллах, отец! – удивилась она. – Почему с золотого трона ты пересел на серебряный?

И царь рассказал ей про ашдагу и спросил:

– Не согласишься ли стать его женой, доченька?

– Будь ты проклят со своим ашдагой! – рассердилась средняя дочь. – Неужто не найдется для меня на свете жениха получше?!

И ушла, хлопнув дверью, а царь чуть не заплакал от обиды и пересел с серебряного трона на медный.

Последней пришла к отцу младшая дочь, увидела его лицо и побледнела:

– О Аллах! Что с тобой сталось, отец? Беда какая? Почему ты сидишь на медном троне?

Рассказал и ей царь про ашдагу.

– Твоя старшая сестра назвала меня безумным, а средняя прокляла. – Царь низко опустил голову. – И я не решаюсь теперь просить тебя стать женой ашдаги.

– Если у тебя только одно это горе, ему можно помочь, – утешила его младшая царевна. – Пусть ашдага разорвет меня и проглотит! Я согласна ради людей, страдающих от жажды, ради тебя, дорогой отец. Я выйду замуж за ашдагу!

И она попросила отца пересесть с медного трона на золотой.

Созвал царь своих визирей, велел известить народ о том, что младшую, самую любимую дочь отдает в жены ашдаге. И велел жениху прислать для невесты подарки: платье такого тонкого шелка, чтоб вмещалось в скорлупу ореха, и ожерелье из самоцветов. Подарил ашдага царевне наряд, тонкий, как паутинка, и ожерелье из редких самоцветов, и многие драгоценности из тех, что нравятся девушкам.

Царь отдал дочку ашдаге, и поселилась она с ним в уединенном доме с единственной служанкой. Вечерами ашдага ложился у ворот и любовался гуляющей в саду молодой женой, а царевна посматривала на него украдкой и со страхом.

Но вот однажды ночью пришел ашдага в ее спальню и лег у порога. Едва завидев его, служанка бросилась бежать. Она думала, что сегодня ашдага съест наконец царевну.

Царевна тоже так думала. Но чем дольше разглядывала она ашдагу, тем меньше его боялась. Глаза у него были добрые. И царевна сказала:

– Если ты ашдага – съешь меня. Если человек – промолви словечко!

– Наступи ногой мне на спину! – попросил ашдага.

Царевна боязливо подошла к нему и сделала, как он велел. Вдруг кожа на спине ашдаги лопнула, он вышел из нее и превратился в красивого, стройного юношу.

Повесил юноша кожу на гвоздь, проверил, занавешены ли окна, нет ли щелей в дверях, а которые были – залепил воском. После этого он сел рядышком с женой и поведал ей свою тайну:

– Я – Гугурчи, сын правителя подземного царства. Отец хотел насильно женить меня на двоюродной сестре. А я отказался. Тогда моя

злая тетка, мать этой девушки, превратила меня в ашдагу. Я бежал из отцовского дома. Теперь слуги отца разыскивают меня повсюду. Смотри никому не проговорись, кто я есть!

На заре Гугурчи снова влез в кожу ашдаги и улегся у порога.

Утром подкралась к двери служанка, приложила ухо, прислушалась: жива ли царевна? Услышала ее голос. Постучала в дверь. Открыла ей царевна, а у самой губы улыбаются, глаза горят, лицо, как солнце, сияет. И ашдага тихонько лежит у порога, будто дремлет.

Побежала служанка во дворец, рассказала обо всем старшей и средней царским дочкам.

– Правдой или неправдой узнай, кто такой этот ашдага? – велели ей сестры-царевны. – Тут что-то нечисто! Узнаешь – наградим по-царски.

Служанка принялась тайком следить за ашдагой, но ничего особого не приметила. Тогда она лаской и лестью проложила путь к сердцу хозяйки, и та доверила ей свою тайну.

Тотчас поспешила служанка во дворец с доносом к двум старшим царевнам. Позавидовали они младшей сестре лютой завистью, локти с досады кусали. И начали приставать к отцу, чтоб послал нукеров украсть кожу ашдаги.

Долго противился царь. Не хотелось ему нарушать покой младшей дочки. Но старшие царевны так его донимали, что махнул он рукой и согласился.

Ночью пробрались нукеры в спальню молодых и украли кожу ашдаги. А старшие дочери бросили ее в огонь. В тот же миг, как кожа вспыхнула, Гугурчи проснулся, вскочил в страхе с постели и закричал:

– Ой-ой! Чую запах своей кожи!

Проснулась и царевна. Увидели они, что кожа исчезла.

– Ты рассказала кому-то о моей тайне, – печально сказал Гугурчи.

И царевна вся в слезах созналась ему, что выпытала у нее тайну служанка.

Топнул Гугурчи ногой, превратился в гвоздь и ушел под землю. Осталась царевна со своим горем одна. И пожаловаться некому. Сама виновата! Ждала она день, ждала два, ждала три. Ждала неделю и месяц. Нет Гугурчи! Пошла тогда царевна к отцу:

– Счастье мое сгорело, сердце разбито. Как мне жить?

– Прости, доченька! Это твои сестры не давали мне покоя. Они меня пугали, что ашдага унесет тебя в подземное царство и я потеряю тебя, – сокрушался царь. – Обманули они меня!

Надела царевна мужскую одежду, спрятала косы под баранью папаху, пошла по свету искать, спрашивать: не видел ли кто Гугурчи?

Долго бродила царевна. Никто про Гугурчи и не слыхивал. Однажды попросилась она переночевать к дряхлой, больной старушке. Доверилась ей, рассказала про свое горе.

– Не убивайся! – утешила ее старушка. – Я что-нибудь придумаю. – И она погладила царевну по голове. – Жить мне осталось мало. Но я еще успею дать тебе добрый совет.

Наутро старушка, чуя, что близится ее час, сказала царевне:

– Пойдешь к роднику, что бьет из-под белого камня за моей саклей, наклонишься пониже и позовешь: «Ух-Вай!»

Сказала – и умерла. Схоронила царевна старушку, поплакала над ней. Пошла к роднику, склонилась к воде и позвала:

– Ух-Вай!

И тотчас встал перед ней великан и сказал:

– Я – Ух-Вай! Приказывай, царевна!

– Проводи меня в подземное царство, – попросила царевна.

– Будет исполнено! – ответил Ух-Вай. – Только перед этим нам надо омыться водой из родника у белого камня.

Так они и сделали. А потом Ух-Вай взял царевну на руки и полетел. Долго летели они, высоко летели, под самыми облаками. У подножья снежной горы Ух-Вай опустился на землю. Там была трещина в скале. Из нее валил дым и вырывался огонь, но Ух-Вай успокоил царевну:

– Не бойся, идем! Вода, которой мы омылись, волшебная! Огонь нас не тронет!

И они спустились вниз по трещине, глубоко-глубоко, и дошли до подземного царства. У ворот в него Ух-Вай остановился.

– Дальше мне идти нельзя. Вот тебе ключ от ворот, а вот семь тысяч ключей от домов подземной столицы. Иди, ищи своего Гугурчи. А понадоблюсь я, кликнешь: «Ух-Вай!»

Взяла царевна ключи, отомкнула ворота, вошла в город. Все живое в нем – и люди, и звери, и птицы – было превращено в камень. Окаменели купцы за прилавками, дети в колыбелях, коровы и овцы в хлевах, голуби на балконах. Тихо и мертво было кругом.

Царевна открывала двери в каждом доме, но ни в одном не нашла Гугурчи. Наконец увидела она дом с настежь распахнутой дверью. Она вошла в него и в одной из комнат заметила ласточку, которая сидела на подоконнике, словно ожидая ее. Ласточка вспорхнула и опустилась на плечо царевны, и заглянула ей в глаза, а царевна поцеловала ее головку. Тут птица легко взмахнула крыльями, коснулась пола, и на этом самом месте встал перед царевной ее Гугурчи. От радости оба долго не могли слова вымолвить. Обнялись, поцеловались, и Гугурчи ей рассказал:

– Когда моя тетка проведала, что шкуру ашдаги твои сестры сожгли, она опять начала сватать за меня свою дочь. Я отказался, и тетка со злости превратила меня в ласточку, а все живое в столице превратила в камень. Теперь оглянись вокруг! Твое смелое сердце, твоя любовь победили злые чары колдуньи.

И впрямь! Оглянулась царевна, а кругом кипит жизнь. Люди принялись за работу, пастухи погнали на пастбища стада, заворковали на карнизах голуби...

Пошел Гугурчи с царевной к своему отцу. Он надеялся на прощение. Но ни сам правитель подземного царства, ни его жена, ни его родня не захотели принять молодую невестку. Мать Гугурчи сказала:

– Решили мы женить тебя на двоюродной сестре – и женим! А эту девушку, что ты привел, мы сделаем служанкой. Пусть для начала вымоет к твоей свадьбе все улицы в городе морской водой. А не вымоет, твоя тетка превратит ее в камень!

Горько заплакала царевна, пошла на берег моря. Увидели в небе облака, что заливается она слезами, пожалели ее. Вобрали в себя морскую воду и пролили ее частым дождем над столицей.

Стали белыми, заблестели камни на всех улицах.

Хоть и подивилась про себя родня Гугурчи такому чуду, но не угомонилась. Взялись думать: какую еще царевне задачу задать? Думали-раздумывали и придумали. Мать Гугурчи кликнула царевну:

– Сегодня вечером прибудет невеста моего сына. Во дворце должно быть светло, как днем. Ты будешь встречать невесту, держа на голове смоляной факел.

Как такое сделать?!

И все же исхитрилась царевна! Когда наступил вечер, зажгла факелы по углам двора и на лестнице во дворце, а у себя на голове привязала круглое зеркальце. Огненные отражения в нем ослепили правительницу подземного царства. Она зажмурилась и не разглядела, есть ли у царевны факел на голове. Но подумала, что есть.

Во второй раз перехитрила царевна родню Гугурчи.

Но мать Гугурчи не угомонилась. Когда вернулось к ней зрение, она велела царевне:

– А теперь вот тебе третья задача: достань из колодца семь кувшинов топленого масла для свадебной халвы.

Как вместо воды достать из колодца масло, царевна не знала. Пошла она к колодцу и только нагнулась над ним, чтобы заглянуть вниз, как правительница подземного царства, подкравшаяся сзади, столкнула ее в колодец.

Гугурчи увидел это из окон дворца. Бросился он к колодцу, вытащил свою жену, и пустились они бежать. С собой Гугурчи захватил пузырек морской воды, острый нож и пачку иголок.

За беглецами отправилась в погоню злая тетка Гугурчи. Не бежит – летит, вот-вот догонит и схватит! Кинул Гугурчи через плечо пачку иголок и крикнул:

– За нами, перед тобой, пусть вырастет колючий, как иголки, терновник!

И вырос за спиной у беглецов густой колючий терновник. Колдунья-тетка семь дней прогрызала в нем дорогу. Вся в кровь изодралась, но прогрызла. И еще шибче за ними погналась. На просторной равнине она чуть было не настигла Гугурчи и царевну. Но Гугурчи метнул через плечо острый нож и крикнул:

– За нами, перед тобой, пусть встанут скалы острые, как этот нож!

И выросли между ними высокие скалы. Вгрызлась в них тетка зубами, изранилась, порезалась, но все же прорвалась и помчалась вперед, догонять беглецов.

Царевна утомилась, ноги до крови сбила, от голода ослабела. Взял ее Гугурчи на руки и понес. А злая колдунья уже догоняет, по пятам идет.

Посадил Гугурчи жену отдохнуть. Плеснул на землю морскую воду из пузырька и крикнул:

– За нами, перед тобой, пусть разольется озеро!

И разлилось за ними соленое озеро. Плавать колдунья не умела и в том озере утонула.

– Ух-Вай! – позвала тогда царевна.

И тотчас возник перед ней великан и сказал:

– Я здесь! Приказывай, царевна!

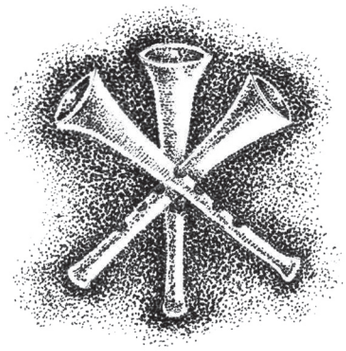
– Отнеси нас поскорее в дом моего отца!

Поднял Ух-Вай царевну и Гугурчи и взвился под самые облака. Опустился перед царским дворцом. Царь был счастлив, что вернулась его любимая дочь. А как увидел своего зятя, сразу его полюбил, давай его обнимать.

Сыграли во дворце веселую свадьбу, и зажили с тех пор молодые счастливо, и рождались у них сыновья, похожие на отца, и дочки, похожие на мать.

Тут и сказке конец!

Гунуна и царица ветров

ила на свете девушка Гунуна. Умерли у нее отец и мать. Осталась девушка круглой сиротой. И взял ее к себе дядя по отцу. Дядя был добрый человек, жалел племянницу. Но его жена и дочь невзлюбили сиротку. Всю тяжелую работу в доме на нее взвалили. Гунуна и шерсть чесала, и нитки пряла, и сукно ткала, и хлеб в поле жала.

А дядина дочь жила белоручкой. Сама ни за какую работу не бралась, а над Гунуной насмехалась. Прозвала ее замарашкой.

Не расчешет Гунуна шерсть к сроку, как ей дядина жена прикажет, не подоит вовремя корову – оставят Гунуну голодной до ночи, а не то изобьют. Даже зимой не было у нее ни теплой одежды, ни башмаков. Ходила босая, в старье да в обносках.

Мотала однажды Гунуна во дворе шерстяную пряжу, положила моток на колени, а ветер дунул и унес моток в поле.

Побежала Гунуна шерсть догонять, но куда там! Ветер уносил моток все дальше и дальше. Гналась Гунуна за мотком, пока не стемнело – так и не поймала.

Домой вернуться девушка побоялась. Ночь провела на траве между камней, а наутро снова принялась искать свою пряжу. Долго бродила, заблудилась, где ее дом теперь, не знает.

Пошла Гунуна куда ноги несут, и встретился ей на пути большой ток. На этом току три великана молотили чистое золото.

– Не нужна ли вам моя помощь?

Великаны обрадовались.

– Нам еще вчера надо было обмолот закончить, – сказал старший. – Да вот не управились. Работаем с рассвета, и еду приготовить некогда. Свари нам хинкал[1]!

[1] *Национальное блюдо народов Дагестана.*

Сходила Гунуна за водой. Нашла у великанов в припасе муку и баранину, сварила хинкал на славу. Ели великаны и похваливали.

– Что делаешь ты одна в наших местах, без отца, без брата? – спросили они, когда насытились.

– Я сирота. Ветер унес у меня моток шерсти. Вот я и хожу, ищу его. Не найду, изобьет меня дядина жена, из дому выгонит.

– А ты выбери себе одного из нас в мужья, какой глянется, и оставайся с нами. Мы тебя никому в обиду не дадим.

Поблагодарила Гунуна за честь и говорит:

– Когда настанут дни осени и женихи будут выбирать невест, бросая в них красные яблоки, приходите и вы. Там все и решится. А сейчас мне надо мою пряжу отыскать.

– Тогда не ходи так попусту. Пойди к Царице ветров, пожалуйся ей, попроси, пусть велит ветру вернуть твою пряжу.

И великаны рассказали ей, как найти царицу Ветров:

– Иди все прямо. По пути тебе встретится еще один ток. Там ты увидишь наших братьев. Они тебе укажут дорогу дальше.

Подарили великаны Гунуне на прощанье пригоршню золота. Завязала она золото в платок, отправилась в путь.

Шла, шла и встретила женщину, несущую на спине двух маленьких детей. По щекам ее текли слезы.

– Что с тобой? О чем ты плачешь? – ласково спросила Гунуна.

– Мужа моего убил злой змей ашдага, а меня с детьми выгнал из дому, – еще горше заплакала женщина. – Остались мы, бедные, без крова, без защитника, и не на что мне кусок хлеба купить.

Развязала Гунуна платок. Отдала женщине золото – подарок великанов. Дальше пошла.

Вскоре увидела она ток. На этом току три великана лопатили вороха самоцветов. Поздоровалась девушка, пожелала, чтоб работа спорилась, спросила:

– Не нужна ли вам моя помощь?

Обрадовались великаны.

– Со вчерашнего дня не ели, – говорят. – Торопимся кончить работу. У нас есть оленина, приготовь нам жаркое – кавурму.

Гунуна сбегала за водой, порубила мясо, приготовила котел кавурмы, такой, что пальцы оближешь. Великаны ели да похваливали.

– Куда путь держишь? – спросили они, насытившись. – Ветер унес у меня моток пряжи. Я его ищу. Если не найду, побьет меня дядина жена, из дому выгонит.

– А ты выбери себе одного из нас в мужья, который по душе придется. Остальные станут тебе братьями. В обиду никому не дадим!

– Спасибо! – ответила Гунуна. – Как настанут дни осени, приходите, бросайте красные яблоки. Тогда и решим. А мне надо свою пряжу найти.

Подарили ей великаны горсть самоцветов, проводили, пока дорога за дальние склоны не повернула.

Шла, шла Гунуна, и встретилась ей дряхлая старушка с костылем.

– Далеко ли до замка царицы Ветров, матушка? – спросила Гунуна.

– Близко, милая, – ответила старушка.– Только она никогда дома не сидит, по полям, по горам, по ущельям летает. А замок ее караулят остророгие туры и зубастые тигры. Они вечно голодные. Турам царица Ветров дает мясо, а тиграм – сено. Ты положи сено перед турами, а мясо – перед тиграми. Они и пропустят тебя в замок.

– Спасибо! – поблагодарила Гунуна от души и насыпала старушке самоцветов в ладонь.

Пришла Гунуна в замок царицы Ветров. У дверей лежали взятые на цепь остророгие туры и зубастые тигры. Дала девушка турам сена, тиграм – мяса, а они пропустили ее в замок.

Оглядела Гунуна все вокруг – нигде ни души. Пусто было в замке и грязно, и пыльно, паутина висела во всех углах.

Хоть и устала Гунуна с дороги, не присела, не легла. Засучила рукава, натаскала воды, пыль обмела, полы, окна помыла, медную посуду перечистила. Краше всего убрала Гунуна спальню царицы. А когда в замке все заблестело, вышла в сад отдохнуть. Видит: лежит под деревом немощная старуха.

Спросила ее Гунуна:

– Кто ты? Почему лежишь на земле? Дай я уложу тебя в постель.

– Я – царица ветров, – говорит старуха. – Две недели летала над морями, над горами, из сил выбилась. Хотела проверить, исправно ли ветры свое дело делают. А теперь вот подняться не могу.

Помогла Гунуна царице Ветров встать, отвела ее в спальню. Согрела воду, искупала старуху, голову ей помыла, косы частым гребнем расчесала.

Тут царица Ветров как заохает:

– Ох! Ох! А где же мои четки?!

А четки эти, надо вам сказать, были волшебные. С их помощью она управляла самыми буйными ураганами, посылала им приказы.

Четки у царицы Ветров оказались старые-престарые. Одних бусин не хватало, другие поломаны. Сделала Гунуна вместо них четки из тех

самоцветов, что ей великаны подарили. Принесла царице Ветров новые четки. Царица осталась довольна, похвалила Гунуну.

– Вот это хорошо, – сказала она. – Сейчас я над этими четками поколдую, и будут они мне верно служить! Теперь мои буйные ветры не будут попусту по свету носиться да бури поднимать. А то взяли себе, сорванцы, за привычку деревья с корнями выворачивать, корабли топить, дома разрушать. Обижают бедных людей!

Осмелилась тут Гунуна свое слово вставить:

– А у меня ветер-озорник моток пряжи унес. Вели, царица, ветру мою пряжу вернуть. Без нее меня дядина жена в дом не пустит, со свету сживет.

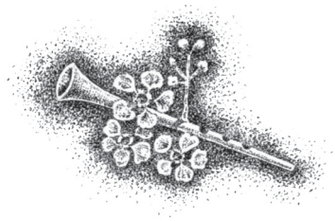
Перебрала царица Ветров четки, нашла нужную бусину. Явился к ней ветер-озорник.

– Верни девушке пряжу! – строго приказала царица.

И ветер вернул Гунуне ее моток.

Поблагодарила Гунуна царицу и стала в дорогу собираться. А царица Ветров подарила ей три кувшинчика с мазями красоты: черной, белой и красной.

Черной мазью Гунуна помазала брови и стала чернобровой красавицей. Белой натерла лицо и стала белолицей красавицей. Красной тронула щеки и стала румяной, как яблочко, всех на свете красивей, красавицей!

Бацулай и Кацулай

То ли было, то ли не было, растила вдова Бацулай трех маленьких дочерей. Собралась она однажды на мельницу зерно смолоть и сказала дочкам:

– В наш аул повадилась ходить ведьма Кацулай. Она ходит со своей собакой и крадет маленьких детей. Заприте крепко двери и не открывайте никому. А меня узнаете по голосу. Я скажу вам два слова: «Я – Бацулай!»

А ведьма Кацулай в это время стояла со своей собакой за углом и все слышала.

Взвалила мать на плечи мешок, ушла на мельницу. А Кацулай тихонько подкралась к двери и ласковым материнским голосом спрашивает:

– Не приходила ли к вам Кацулай, детки? Откройте поскорее!

Я – ваша мама Бацулай.

Дети поверили ведьме. Старшая девочка подбежала к двери, открыла ее, а собака Кацулай схватила девочку и унесла.

Вскоре вернулась мать домой. Видит: нет старшей дочки.

Долго искала бедная Бацулай свою девочку. Весь аул обошла, поднималась на высокие горы, опускалась в глубокие ущелья, нет нигде и следов ее доченьки.

Через месяц ли, через два собралась Бацулай на базар: пряжу продать, соли купить.

– Смотрите, детки, никому не открывайте! – строго наказывала она. – Только мне откройте, когда скажу: «Я – Бацулай!»

Дети пообещали ей никому-никому не открывать, чужого в дом не пускать. И мать ушла.

И только она скрылась с глаз, Кацулай тут как тут. Голосом матери она спросила:

– Не приходила ли сюда Кацулай, деточки? Открывайте, я ваша мама Бацулай!

И средняя девочка открыла дверь, а собака Кацулай схватила ее и унесла.

Вернулась мать с базара, дома одна только младшая дочка плачет. Долго искала Бацулай среднюю дочь. Весь аул дважды обошла, на высокие горы поднималась, в темные ущелья опускалась, звала, кричала – никто не откликнулся.

Наступила зима. Надо было матери за хворостом в лес сходить. Осталась дома одна младшая дочка. Строго-настрого приказала ей Бацулай:

– Помни, доченька: открывать никому нельзя! Я вернусь, скажу: «Я – Бацулай», тогда и откроешь.

Вернулась под вечер мать с вязанкой хвороста, а двери настежь и в доме пусто.

Трижды обошла Бацулай весь аул. На самые высокие горы поднималась, в самые глубокие ущелья спускалась. Все понапрасну!

Встретила она в горах старика-отшельника.

– Что привело тебя в эти дебри? – спросил старик. – Люди сюда заходить не отваживаются.

Заплакала Бацулай:

– Горе мое меня привело! Украла ведьма Кацулай моих деточек.

– Она со своей собакой частенько охотится в моих краях. А живет она в ущелье, которое наглухо закрывается скалой. Скала у ведьмы волшебная. По ее слову она расходится, как ворота, по ее слову сходится.

И отшельник поднялся с Бацулай на соседнюю гору и оттуда показал ей волшебную скалу, а за ней логово людоедки Кацулай.

Поклонилась женщина отшельнику в ноги, молвила: «Спасибо» и собралась было идти, но отшельник остановил ее:

– Это еще не все! Ты послушай меня. Кацулай скоро должна вернуться с охоты. Постарайся проскользнуть за ней следом, пока скала будет открыта. Там, внутри, тебе ничто не грозит. Кацулай и ее пес после охоты сразу завалятся спать. Будут спать как убитые три дня. А ты за это время открой подвалы и выпусти на волю всех малых детей, что сидят у ведьмы под замком. А потом бегите, да побыстрее.

Отшельник подарил Бацулай кувшин с молоком лани, ветку терновника и острый как нож кремень.

Еще раз поблагодарила Бацулай старика, поспешила к волшебной скале. Пришла и спряталась за камнями.

Ждать ей пришлось недолго. Поднялся вихрь, вершины деревьев склонились до самой земли, и сквозь шум ветра послышался собачий

лай. Верхом на собаке, сидя задом наперед, ехала людоедка Кацулай. Она везла хурджины, полные краденых детей.

Подъехав к скале, Кацулай остановила собаку и крикнула: «Халт!» Это было волшебное слово, и скала, словно ворота, распахнулась. Скала пропустила собаку и ведьму, а вслед за ними проскользнула и Бацулай.

Скала тут же захлопнулась. Она прищемила подол платья Бацулай. Женщина отрезала кусок подола острым кремнем, что подарил ей отшельник, оглянулась и увидела, что стоит перед домом ведьмы. Дом был высечен из цельного камня. На дверях семи его подвалов висели семь замков, а в подвалах громко плакали дети.

Бацулай спряталась и подождала, пока ведьма с псом уснули и захрапели. Кинулась она тогда открывать замки. Выпустила из подвалов всех детей и своих трех девочек нашла. Обнимала она их, ласкала, плакала от радости.

Самых маленьких деток Бацулай посадила в хурджины, которые перекинула через плечо. А тем, кто постарше, велела взяться за руки и бежать следом за ней.

Собрались все у скалы. Бацулай громко сказала: «Халт!» – скала распахнулась, и все они вышли на волю, и скала за их спиной тут же захлопнулась.

Бежали они быстро, как могли детские ножки. Но вот оглянулась старшая дочка Бацулай и увидела: гонится за ними по пятам Кацулай с собакой. А бедной матери тяжело было нести хурджины, полные детей, и она все отставала.

– Скорей, скорей, матушка! – закричала девочка. – Догоняет тебя ведьма!

Оглянулась назад средняя дочка Бацулай, видит: ведьма вот-вот их настигнет.

– Скорей! Скорей! Убегай, матушка! – взмолилась она. – Ведьма уже близехонько!

Оглянулась назад младшая дочка Бацулай, видит: ведьма уже зубы показывает: «Всех вас съем!»

– Матушка, милая! Ведьма съест нас сейчас! – заплакала девочка.

Взяла тогда Бацулай в правую руку острый кремень – подарок отшельника и бросила в Кацулай, приговаривая:

– Пусть встанут между тобой и нами кремневые скалы!

И встали между ними и ведьмой неприступные скалы, и побежали мать с детьми еще быстрее.

Но Кацулай и ее собака прогрызли кремневые скалы.

Оглянулась назад Бацулай, видит: нагоняет их людоедка. Бросила тогда Бацулай позади себя терновую ветку, что подарил отшельник, и сказала:

– Пусть вырастет между нами колючий терновник!

И выросла между ними колючая чаща, и мать с детьми перевели дух и побежали так быстро, как могли.

Но Кацулай и ее собака прогрызли дорогу в колючем терновнике, и снова догнала ведьма беглецов – по пятам идет!

Что делать им, бедным? Силы уж на исходе. Бацулай устала нести тяжелые хурджины, быстро бежать больше не могла. Глянула: ведьма и ее пес – вот они, уже за спиной слышны. Плеснула тогда Бацулай через плечо молоко лани из кувшинчика, подаренного отшельником, сказала:

– Пусть разольется между нами молочное озеро!

И разлилось позади большое озеро.

Людоедка Кацулай с собакой остались на том берегу. Плавать она не умела. Надумала озеро выпить. И так они с собакой нахлебались молока, что животы у них вздулись, как бурдюки, и лопнули с треском, подобным грому в горах.

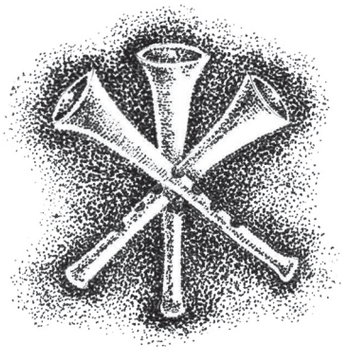
А Бацулай и дети тоже напились молока. Они плясали и смеялись от радости. Отдохнули на травке хорошенько и пошли спокойно домой.

Спасенных от ведьмы детей Бацулай отдала их родителям, а сама с тремя своими девочками жила с той поры спокойно и счастливо.

А люди хвалили храбрую Бацулай и сложили про нее эту сказку.

Кот Маракан

или-были на свете два брата, Аракан и Саракан.

Аракан был бедный дровосек. Нарубит в лесу вязанку дров, продаст – тем и жив. Днем и ночью просил он у Аллаха осла, чтоб дрова возить, но Аллах почему-то не спешил исполнить его просьбу.

А Саракан торговал одеждой. Портные, что шили черкески, бешметы, шубы, поручали ему их продавать. Он ездил по селениям, сбывал товар и зарабатывал неплохо, для семьи хватало. Но осла купить Аракану он тоже был не в состоянии.

Пошел однажды Аракан в лес, снял бешмет, положил под деревом, принялся топором работать. Нарубил большую вязанку, взял свой бешмет, а оттуда выпал лесной котенок: он забрался в рукав и там спал.

Посмотрел Аракан на котенка, жалко ему стало малыша. Сунул его в тепло за пазуху и пошел домой.

Котенку он дал имя Маракан. Делил с ним свою скудную еду, брал с собой в лес, а по вечерам рассказывал ему сказки.

Однажды к Аракану заглянул его младший брат. Он шел с товаром в дальние селенья. А у Аракана в доме было в ту пору пусто. Не то что брата угостить, даже кота покормить нечем. И он решил: Маракан теперь уже стал на ноги, взрослый кот, пусть сам себе добывает пропитание.

– Возьми его с собой, – попросил он Саракана. – Унеси куда-нибудь подальше, чтоб не нашел обратной дороги. Жалко мне Маракана, да приходится расставаться.

А Маракан во время этого разговора сидел в углу на овчине и глаз не сводил с хозяина. Когда Саракан подошел к нему, чтобы взять его на руки, кот выгнул спину, поднял хвост трубой, приготовился к схватке.

– Ах ты, негодяй несчастный! Брысь отсюда! – погрозился Саракан.

– Вовсе я не негодяй! – обиделся Маракан. – И несчастным ты меня не зови. Я – предвестник счастья!

Маракан говорил гордо и, к великому изумлению братьев, человеческим голосом.

– Это что ж такое?! – воскликнул Аракан.

– Если ты предвестник счастья, что ж не осчастливил своего хозяина? – спросил Саракан.

– Время не пришло! – ответил кот.

«Может, он дело говорит?» – подумал Саракан. И взял с собой кота. Но не для того, чтоб где-нибудь бросить, а чтоб помогал ему торговать, раз уж умеет говорить человеческим языком.

Прибыли они в большой город. У Саракана здесь были кунаки. Они отвели ему горницу для его товара. Сложил Саракан вещи, оставил кота, пошел искать покупателей.

Ходил до вечера. А вечером слышит поднялся в город небывалый шум и крик.

– Что случилось? – спросил Саракан у прохожих.

– На город напали полчища крыс, – ответили ему. – Они грызут все, что встретят на пути. Их тысячи тысяч, и сколько мы их ни убиваем, меньше не становится.

– О Аллах! – ужаснулся Саракан. – А я оставил у кунаков свой товар. Что теперь с ним будет?

– Беги скорей! – посоветовали люди. – Может, хоть что-нибудь спасешь.

Побежал Саракан со всех ног, а навстречу стаи зубастых крыс: пожирают на ходу и припасы, и одежду...

Не переводя духа добрался Саракан до дома своих кунаков, открыл дверь. И что же? Лежит его товар целехонек, а кругом задушенные крысы валяются. Это были подвиги Маракана. Он всех крыс в доме перевел и отправился во двор, а потом и на улицу. Ночь напролет воевал храбрый Маракан. Всех крыс извел, а которые уцелели, те из города убежали.

Прошел по всему городу слух о грозном воине Маракане – истребителе крыс. Люди шли к Саракану на поклон с гостинцами.

– Отпусти, сделай милость, к нам своего Маракана на денек-другой! Пусть похозяйничает в наших кладовых и подвалах. Может, там еще где крысы остались.

Саракан отпускал кота, и тот усердно трудился. Не только крыс – мышки ни одной в кладовых и подвалах не уцелело. Радовались люди. Несли Саракану кто деньги, кто разные подарки. Разбогател Саракан. Вернулся домой с хурджинами, полными добра.

Отдал он Аракану заработанные котом деньги, поделился подарками:

– Вот, бери! Правду сказал твой Маракан. Время пришло, и он тебя осчастливил. Живи теперь припеваючи!

Долгие годы после этого жил Аракан со своим котом, ни беды, ни нужды не ведая. Но все на свете старится. Постарел Аракан. Подкралась и к Маракану старость.

Однажды Аракан пошел погостить к брату. Он, как всегда, оставил Маракану еду, но задержался в гостях. А Маракан все съел и сильно проголодался. Воевать, как прежде, с мышами и крысами он уже не смог. Но все же удалось ему поймать одну старую мышку.

Есть ее Маракан не стал. Он даже угостил ее кусочком сала.

– Я теперь не ем ни крыс, ни мышей, – сказал он. – Я собираюсь совершить путешествие и хочу замолить старые грехи. Но прежде чем пуститься в дальний путь, я хотел бы попрощаться со всем мышиным родом. Созови всех сюда!

Старая мышка поверила Маракану. Он говорил таким умильным голосом. Кликнула всех своих родичей. Пришли они.

– Есть еще где-нибудь мыши? – спросил Маракан.

– Нет, – откликнулась старая мышка. – Все тут!

Маракан угостил мышей салом, велел им закрыть все мышиные норки, а сам запер окна и двери. Потом он стал перед мышами и сказал:

– Я хотел проститься с вами перед отъездом и попросить прощения за то, что губил вашего брата несчетно и нещадно. Но этой ночью кто-то из вас прогрыз мои новые сапоги – чарыки, в которых я думал отправиться в путь. Признавайтесь, кто этот злодей?

Никто из мышей не признался, потому что чарыков тех они и в глаза не видели. Тогда Маракан передушил всех мышек до одной. Подкрепился, положил в сумку с десяток мышей на дорогу и пошел искать своего хозяина.

Дорога лежала через лес. Была она не близкой, а тут, как назло, похолодало. Принялся Маракан теплое убежище искать. Нашел лисью нору. Залез в нее, высунул свой пушистый хвост наружу и уснул.

В это время вернулась с охоты лисица. Она несла в зубах курочку. Положила ее у входа в нору и только собралась закусить, как видит: в норе змея шевелится. На самом деле это был хвост Маракана. Испугалась лисица. Бросила курицу и убежала. Пошла она к волку.

– Что делать, волк, что делать? – причитала она жалобно. – В моей норе поселился черный змей ашдага. Нет у меня теперь дома, негде мне, сироте, приютиться!

– Пойдем, я его уничтожу! – пообещал волк.

Пошли. Но когда волк увидел торчавший из норы хвост Маракана, он задрожал.

– Знаешь, лиса, – сказал волк, – я никогда не имел дела со змеями. И не хочу иметь, по правде сказать. Давай кликнем медведя, а?

Отправились они вдвоем медведя разыскивать. Медведь охотно согласился помочь.

– Вот увидите, я разорву этого змея! – погрозился медведь.

Пошли они втроем: впереди медведь, за ним волк, сзади лиса. Но чем ближе подходили к лисьей норе, тем медленнее топал медведь. А потом и вовсе отстал, поплелся позади всех.

– Не люблю я драться со змеями! – признался он.

Но все же до норы они добрались. И тут Маракан громко всхрапнул во сне. Медведь первым кинулся улепетывать. За ним побежали волк и лиса. Бежали, бежали, сели под скалой передохнуть.

Стали гадать, как бы змея из норы выманить, чтоб хоть издали поглядеть на него. Решили развести костер и сварить мясной суп.

– Змей, когда почует запах мяса, непременно выползет из норы, – уверяла лисица.

– Я пойду за мясом, – сказал медведь.

– Я дров наберу, – сказал волк.

Ну а лиса побежала добывать большой котел.

Медведь зарезал в ханском стаде быка. Волк натаскал гору хвороста. Лиса украла в ханской кладовой огромный котел. Разожгли костер, поставили мясо вариться, а сами спрятались в кустах подглядывать.

Запахло вареным мясом по всему лесу. Маракан проснулся. Он уже успел проголодаться, повел носом, вылез из норы, увидел костер, а на нем котел, и подумал: «Тут где-то близко люди», – и давай по кустам шарить.

Лисе показалось, что ашдага ее ищет. Кинулась она бежать. Маракан испугался лисы и со страху прыгнул на дерево. А на дереве сидел медведь, который заранее там спрятался. Медведь подумал, что ашдага хочет его съесть, свалился со страху наземь и убежал. Следом за ним прыгнул в кусты насмерть перепуганный Маракан. А там притаился волк. Волк был уверен, что ашдага метил съесть именно его, и со всех ног кинулся наутек.

Пока этот переполох шел, костер догорел, мясо поспело. Маракан набил живот мясом и в мешок про запас положил кусок побольше. Пошел домой.

А дома о нем давно уже беспокоился Аракан и очень Маракану обрадовался.

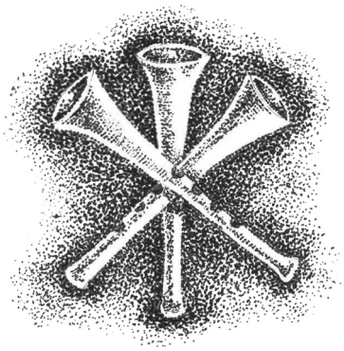

ЛЕЗГИНСКИЕ СКАЗКИ

Одной рукой двух арбузов не поднимешь.

Пери-Задэ и Чигали

ил в одном ауле старик. Был он бедный человек, ничего не имел ни от земли, ни от неба. И была у него единственная дочь – красавица Пери-Задэ.

Девушка эта вязала на продажу пестрые ковровые чулки – джурабки. Она любила сидеть со своим вязаньем в саду у отцовского дома. Однажды вязала она усердно дотемна и позабыла в саду нитки.

На следующий день рано утром побежала Пери-Задэ в сад, чтобы нитки взять, и видит: все в саду – и деревья, и цветы, и трава – покрыто каплями росы. А роса так и горит, так и переливается на солнышке! Нашла девушка свои нитки и пошла в дом задумчивая, тихая...

– О чем грустишь, милая дочь? – встревожился отец. – Скажи, чего тебе хочется? Я все сделаю!

Вздохнула дочь.

– Милый отец, – отвечала она, – вышла я сегодня на заре в наш сад и увидела деревья, цветы и травы в росе. Роса так и горела, так и переливалась на солнышке! И захотелось мне найти себе жениха по имени Чигали. Его имя напоминало бы мне о раннем утре в саду. Но где найти Чигали, я не знаю, вот и грущу.

Надел отец железные чарыки, взял в руки железный посох и пошел искать для своей Пери-Задэ жениха по имени Чигали. Много ли, мало ли ходил, железные чарыки износил, железный посох иступил, но нигде не нашел человека с таким именем.

И вот в одном горном ущелье, где шумела река, встретился старику караван верблюдов.

– Не знаете ли вы, добрые люди, человека, которого зовут Чигали? – спросил старик у караванщиков.

– Как же! – отвечал караван-баши. – Знаем, конечно! Это наш хозяин-купец! Мы везем на верблюдах его товары, а сам он едет на коне позади. Сейчас он поскачет вон через тот мост. Стань на берегу у моста, и ты увидишь его.

Обрадовался старик, поспешил к мосту и вскоре увидел молодого, статного всадника.

– Не знаешь ли, добрый человек, где найти того, кто носит имя Чигали? – спросил старик с поклоном.

– Я и есть Чигали! – воскликнул всадник, поклонившись в ответ. – Чем могу служить тебе, уважаемый странник?

– Выслушай меня, сын мой, – сказал старик. – Есть у меня дочь-красавица... Однажды на заре увидела моя дочь сад, обрызганный росой. И захотелось ей найти жениха, которого зовут Чигали, чтобы имя его напоминало раннее утро в саду. Вот я и странствовал повсюду в поисках тебя, Чигали. Железные чарыки износил, железный посох заступил, пока нашел. Что теперь мне скажешь?

Дал Чигали старику алый шелковый платок:

– Отнеси, прошу тебя, этот платок своей дочери. Пусть она постирает его в двух водах. Первую воду пусть выльет на вашу крышу, а вторую – на крышу соседей. На вашей крыше вырастут розы, на соседней – колючий куст – держидерево. Розы зацветут алым цветом, и мои сваты, которых я пришлю с подарками, по этим цветам найдут твой дом.

О чем же теперь рассказать вам?

Вернулся старик к своей дочери, обнял ее.

– Нашел я, милая дочь, твоего Чигали. Он прислал тебе этот алый платок. Постирай платок в двух водах. Первую воду вылей на нашу крышу, вторую – на крышу соседей. У нас на крыше вырастут розы, а у соседей – держидерево. Сваты твоего жениха по цветущим розам найдут дом.

А плешивая соседка сидела в это время на крыше своего дома и подслушала рассказ старика. Только принялась Пери-Задэ стирать, как спустилась соседка со своей крыши и прибежала к ней:

– Дай мне, сестрица, теста на закваску!

– Закваска стоит у меня в кладовой, милая, – ответила девушка. – Иди и сама возьми!

Но плешивая не пошла, а сказала:

– Принеси ты, сестрица! Как я пойду одна, без хозяйки!

Пошла девушка в кладовую, а плешивая выплеснула воду из таза на свою крышу и налила другой воды. Потом она взяла закваску и доволь-

ная побежала домой. А Пери-Задэ ничего и не подозревала. Выстирала она алый платок и вылила воду на свою крышу. Потом, постирав еще разок, вылила воду на крышу соседей. Выросло у нее на крыше держидерево. А на крыше у плешивой соседки зацвели алые розы.

Приехали от Чигали сваты с подарками и, конечно, пошли в дом, где цвели на крыше розы. Как увидела это Пери-Задэ, всплеснула руками, горько зарыдала:

– О, бедная я! Чем видеть это, лучше стану я сизой голубкой, взлечу в поднебесье.

И превратилась она в сизую голубку. А отец ее умер от горя.

О чем же поведать вам теперь?

Засватали сваты для Чигали плешивую невесту, отдали подарки. Приехал потом и сам жених, сыграли свадьбу, увезли плешивую к мужу.

Прилетела однажды девушка-голубка в дом Чигали и села на полку с посудой. А плешивая сидела в углу за занавеской, чесала голову.

– Что ты там делаешь в углу? – спрашивает Чигали.

– Орехи ем, – отвечает плешивая.

– Дай попробовать.

– Мне соседка немножко принесла, я уже все съела...

– Не верь ей! Не верь! – заворковала голубка. – Не орехи ест, а плешивую голову чешет.

– Кыш! Кыш! – закричала плешивая. – Гони ее! Гони эту птицу вон! Терпеть не могу голубей.

Но Чигали пожалел голубку и не выгнал ее, а она в благодарность кружилась над ним, навевала на него крыльями прохладу.

Очень не понравилось это плешивой. Терпела она несколько дней, а потом велела слугам поймать и зарезать бедную птицу.

– Смотрите только, – наказала злая женщина, – чтоб ни одна капля крови не упала наземь!

Услышала голубка, о чем она говорит, и проворковала:

– О, если бы стать мне высокой чинарой! Не страшны были бы мне злые люди...

Когда резали голубку, недоглядели слуги, и одна капля ее крови упала наземь. Выросла на том месте высокая, стройная чинара.

Но не успокоилась плешивая и снова начала приставать к мужу:

– Прикажи слугам срубить эту чинару! Тень от дерева падает на мое окно. Да смотри, когда будут рубить, чтоб ни одна щепка не отлетела в сторону!

Срубили слуги чинару, как велела плешивая, и не заметили, что одна щепка упала в траву у забора.

В это время собирала там бедная старушка молодую крапиву.

– Щепка ведь не простая, чинаровая, – сказала старушка, – пригодится!

Подняла щепку, принесла домой и положила на полку в стеклянный кувшин. Положила и пошла к соседям попросить огонька. Старушке захотелось испечь пирожков с молодой крапивой. Вернулась она от соседей, а пирожки лежат уже готовые, испеченные, белой скатертью прикрытые. Очень удивилась старушка, но пирожков все же отведала.

С тех пор так и пошло. Уйдет старушка из дому, а за нее кто-то всю работу сделает: и помоет, и постирает, и пыль сотрет.

Решила старушка наконец узнать: кто же без нее в доме хозяйничает? Спряталась она потихоньку за сундук и увидела, как поднимается чинаровая щепка из кувшина, превращается в красавицу девушку.

Убрала девушка все в доме и только хотела обратно в кувшин спрятаться, как вдруг вышла старушка из-за сундука и крепко схватила ее за руку.

– Пусти меня! – жалобно сказала девушка.

– Нет, милая, не пущу! Скажи мне твое имя!

– Пери-Задэ, – ответила девушка.

– Ну, так будь, Пери-Задэ, моей названой дочерью.

О чем же теперь рассказать вам?

Рассказ будет о том, как услышала однажды Пери-Задэ, что Чигали раздает соседям жеребят выращивать.

– Давай и мы вырастим коня, – сказала Пери-Задэ старушке. – Пойди попроси у Чигали жеребеночка.

Пошла старушка к Чигали, и дали ей там самого плохонького жеребеночка. Повела его Пери-Задэ на конюшню. В одном углу конюшни она вымыла руки, и там забил чистый, холодный ключ. В другом углу вымыла ноги, и зацвел там весенний луг. Жеребенка она пускала пастись на этом лугу и поила его вдоволь ключевой водой.

Пришел срок возвращать коней хозяину. Одни соседи вырастили для Чигали славных лошадок, другие принесли шкуры павших жеребят. Не пришла одна лишь бедная старушка, которой дали самого плохонького жеребенка.

Послал Чигали слугу:

– Поди посмотри, что сделала старуха с нашим жеребенком.

Вернулся вскоре слуга и сказал:

– Вырастила старуха такого могучего и резвого скакуна, что никто его и обуздать не может!

Пошел Чигали сам посмотреть на чудесного коня. Стоит конь золотой масти, глаза – огонь, грива – шелковая, ушами прядает, никому подступиться не дает. Залюбовался им Чигали и не заметил, как вошла в конюшню красавица девушка.

Погладила она коня и сказала:

– До сих пор я тебя холила. Теперь вернись к своему хозяину!

Взяли у нее коня. Но Чигали захотелось еще хоть раз увидеть девушку, вырастившую такого чудесного скакуна. Велел Чигали на другой день созвать всех девушек селения к нему в дом шерсть прясть.

Все девушки пришли шерсть прясть, только старушка не пустила свою названую дочку.

– Сиди дома! – сказала она. – На улице грязь и злые собаки.

Ждал Чигали, ждал, а красавицы, которую ему так хотелось увидеть, все нет. Послал он за ней снова, а сам притаился за углом, чтобы разглядеть ее получше.

Пришла Пери-Задэ и говорит подругам:

– Милые сестрицы, чтоб веселей было работать, пусть каждая из нас расскажет, что пришлось ей испытать в жизни.

И девушки стали рассказывать каждая о своем. Поведала и Пери-Задэ о своей горькой участи, о коварстве плешивой.

А Чигали стоял за углом и все слышал.

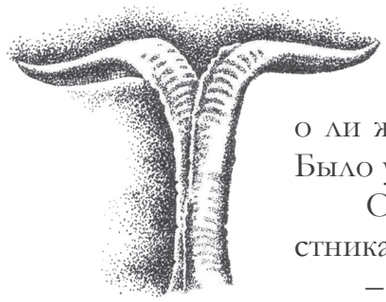
Еще не кончили девушки шерсть прясть, как Чигали уже был у старушки.

– Матушка! – закричал он. – Я только сейчас узнал, что твоя дочь – моя суженая. Хочу я на твоей Пери-Задэ жениться! Проси сколько хочешь золота и подарков, только пусть она станет моей женой!

Прогнал Чигали с позором плешивую обманщицу, женился на красавице Пери-Задэ, и жили-поживали они сто лет в добром согласии.

Сестра семи братьев

То ли жили, то ли не жили, говорят, когда-то муж и жена. Было у них семь сыновей.

Однажды пошли мальчики играть со своими сверстниками, а те не приняли их в игру.

– Мы не хотим играть с братьями, у которых нет сестры! сказали им сверстники.

Вернулись домой семеро братьев очень печальные.

– Что с вами, сыночки? – забеспокоилась мать.– Кто вас обидел?

– Мы хотели поиграть с соседскими детьми, – жаловались сыновья,– а они не приняли нас в игру, потому что у нас нет сестры!

И сказали семь сыновей отцу с матерью:

– Нет у нас сестрицы. Не хотим мы больше здесь жить. Испеките нам хлеб в дорогу. Мы пойдем странствовать!

Горько плакали отец и мать, не отпускали сыновей, но сыновья настояли на своем и покинули отцовскую саклю.

Долго ли, коротко ли они странствовали, но пришли наконец в дремучий лес, нашли в том дремучем лесу вековую чинару и построили себе под чинарой жилье.

Стали они охотниками. Днем ходили в лес за добычей, а к вечеру домой возвращались.

Прошли так не год и не два – много лет прошло. А у матери семи сыновей родилась и подросла за это время дочь.

Захотела однажды девушка со своими подружками поплясать, а те не приняли ее в хоровод.

– Мы не хотим танцевать с сестрой, у которой нет братьев, – сказали они. Заплакала девушка, прибежала домой.

– О чем ты плачешь, доченька? – встревожилась мать.

– Хотела я поплясать, – сказала дочь, – а девушки прогнали меня, сказали: «У тебя нет братьев».

– Ах, доченька! – заплакала мать. – Братьев у тебя было семеро... – и замолчала, боясь огорчить дочь.

Но девушка стала ласкаться к матери, стала просить ее рассказать, где же эти семеро братьев, и видя, что дочь не оставит ее в покое, мать сказала:

– Да, было у тебя семеро братьев, доченька. Так же, как ты, пошли они однажды поиграть со сверстниками, а те не приняли их в игру, закричали: «Не хотим дружить с братьями, у которых нет сестры!» Обиделись твои братья, и вот уже много лет, как ушли они из дому.

– Ах! – сказала дочь. – Милая мама! Пойду и я за ними! Укажи мне дорогу, по которой они ушли.

Очень горевали отец с матерью, долго отказывались отпустить единственную дочь, но она настояла на своем, и пришлось им согласиться.

Купил отец для дочери новые чувяки, дала ей мать вкусных чуреков да кувшин щербета, и пошла девушка по той же дороге, по которой ушли ее братья.

Много ли, мало ли она шла, но вот встретился ей пастух со стадом коров.

– Отведай, пастух, моего щербета! Отведай моих сладких чуреков! Скажи, не знаешь ли ты, где дом семи братьев?

– Спасибо, милая! – поблагодарил пастух. – Твоего угощения мне не надо. Я и так тебе все расскажу. Иди по этому ущелью, дойдешь до дремучего леса. В дремучем лесу увидишь вековую чинару. Под этой чинарой стоит дом семи братьев!

Поклонилась девушка пастуху и снова пустилась в путь. Отыскала дом своих братьев, открыла дверь, вошла.

Навела она в доме порядок, все почистила, убрала, огонь в очаге раздула и ужин сварила. А сама потом спряталась в сундук с орехами.

Наступил вечер. Вернулись семеро братьев с охоты домой. Увидели они, что все прибрано и ужин готов, обрадовались:

– Чьи это добрые руки потрудились? Кто это о нас позаботился?

Поужинали братья и говорят старшие младшему:

– Пойди, братец, принеси орехов!

Сунул младший брат руку в сундук, а там что-то живое! Испугался он да как закричит:

– Здесь кто-то есть!

– Ба! – сказал старший брат.– Кто бы там ни был, ведь он же не храбрей меня!

Пошел, открыл крышку и увидел в сундуке девушку.

– Кто ты такая? Как ты к нам попала? – спрашивают братья.

Рассказала девушка, как она пришла и кто она такая.

– Так ты наша сестрица? – обрадовались братья. – Будь в нашем доме хозяйкой! Поживешь немного с нами в лесу, поохотимся мы вдоволь, а потом вместе к отцу с матерью вернемся.

Рано утром собрались семеро братьев на охоту.

– Милая сестрица, – наказывали они, – все здесь твое. Делай что хочешь. Только об одном тебя просим: смотри, чтоб не потух огонь в очаге. Огня в этих местах добыть невозможно!

Ушли братья в лес, а девушка поднялась на крышу и стала низать на нитку свои кораллы, не забывая поглядывать вниз на очаг.

Раз, когда она так наклонилась, упала у нее прямо в очаг коралловая бусинка. А когда девушка смотрела, есть ли в очаге огонь, она видела эту красную бусинку и думала, что это тлеет уголек.

Стало солнце заходить. Спустилась девушка с крыши, хотела разжечь очаг, приготовить ужин, а огня-то в очаге нет – только красная бусинка!

Забралась девушка высоко на чинару и увидела, что вдали над лесом поднимается дымок.

А там, где поднимался дымок, был дом злого змея Ашдаги. Но девушка-то этого не знала! Слезла она с чинары и решила побежать к соседям огонька попросить.

Прибежала к дому Ашдаги, стала в ворота стучаться.

Ашдага услышал и сказал своей дочери:

– Эй, Гури, Гури, дочь моя Гури-пери! Пойди, посмотри, кто там стучится!

Вышла дочь Ашдаги, посмотрела: стоит за дверью девушка и плачет.

Пожалела ее Гури-пери, сказала тихонько:

– Милая моя сестрица, ведь мой отец – змей Ашдага! Если он тебя увидит, станешь ты лакомством для него! Беги отсюда!

– Убить меня в вашей власти, – отвечала девушка. – Пощадить – тоже в вашей власти. Делайте, что хотите, только дайте мне огня. Я не могу оставить моих братьев без ужина.

– Что ж, заходи тогда, – пригласила дочь Ашдаги и крикнула. – Отец, эта девушка просит у нас огня!

Ашдага в ту пору был сыт. Он подумал: «Я могу съесть ее и потом. Только надо сделать так, чтобы ее можно было найти».

– Принеси мне железное сито, – велел он дочери.

Наполнил Ашдага сито золой, а сверху положил горящие угли.

– Когда будешь нести, – сказал он девушке, – покачивай по дороге сито, иначе угли затухнут.

Поблагодарила девушка, схватила сито и, покачивая его, побежала домой. А где бежала, там от золы след оставался.

Разожгла девушка огонь в очаге, сварила ужин. Вернулись ее братья домой: поели, попили и спать легли. Она им ничего не рассказала, побоялась.

Рано утром ушли семеро братьев, как всегда, в лес на охоту. А змей Ашдага к тому времени успел проголодаться и по следу, который оставила зола, приполз к дому семи братьев. Увидела девушка змея, закрыла дверь на засов.

– Открой! – шумел змей. – Открой, а не то я дом развалю!

Но девушка дверь не открыла.

– Вот сейчас вернутся мои братья! – крикнула она.

– Хорошо же! Завтра я тебя съем непременно! – погрозился змей и уполз, потому что все-таки побаивался семи братьев-охотников.

Вечером, когда вернулись братья из лесу с добычей, молвила сестра:

– Милые братцы, я вчера побоялась рассказать правду. Не уберегла я огонь в очаге, и пришлось мне просить огня у змея Ашдаги. А сегодня Ашдага приполз к нашему дому. Он грозится меня съесть.

– Не бойся, милая сестрица, – успокоили ее братья. – Мы убьем Ашдагу!

Вырыли они у дверей сакли большую яму и ловко накрыли ее войлоком, а сами, все семеро, не пошли на охоту, спрятались за дверью.

Голодный Ашдага приполз на другой день и тут же свалился в яму. Выскочили из-за двери семеро братьев, пустили в него семь стрел. Убили Ашдагу и землей засыпали.

Упросила вскоре сестра семерых братьев на родину вернуться.

Купили братья золотой сундук и белого верблюда. Сестру свою они посадили в этот золотой сундук, навьючили сундук на белого верблюда и пустились в путь.

Все было бы хорошо, да на беду, когда уже выходили они из лесу, попался им навстречу заяц. Не стерпели семеро братьев, схватили свои луки и бросились догонять зайца.

А белый верблюд с золотой поклажей брел да брел потихоньку. Увидел его проходивший мимо молодой крестьянин. Остановил он верблюда, открыл сундук, а там красавица девушка!

Долго ждали они семерых братьев, но те, видно, так далеко погнались за зайцем, что и дорогу потеряли.

– Поедем к нам! – сказал тогда юноша сестре семи братьев. – Если я тебе по сердцу, будь моей женой.

Девушка согласилась, вышла за него замуж. Родился у них сын. Когда мальчик научился говорить, мать привела его на берег озера неподалеку от их дома.

– Как станут в озере лягушки квакать, – сказала она, – брось в них, сыночек, горсть песку и скажи: «Лягушки, лягушки! Моя мама – сестра семи братьев, моя мама – поклажа белого верблюда, моя мама – сокровище золотого сундука!»

Ушла она, оставив ребенка на берегу, и слышит мальчик: заквакали в озере лягушки. Бросил он в них горсть песку, закричал громко:

– Эй, лягушки, лягушки! Моя мама – сестра семи братьев! Моя мама – поклажа белого верблюда! Моя мама – сокровище золотого сундука!

Проходили в это время мимо озера семеро братьев-охотников. Услышали они, что кричал мальчик, обрадовались.

– Веди нас скорее к твоей маме! – сказали братья.

Но сестра уже сама бежала к озеру им навстречу. Обнялись они и поклялись никогда больше не разлучаться.

А потом все вместе – и зять семи братьев, и племянник семи братьев, и сестра семи братьев, и сами семь братьев – вернулись к отцу с матерью и остались там навсегда.

Я тоже с ними там был, но погостил немного и вернулся сюда, к вам, чтобы рассказать вам эту сказку.

Дынька

То ли было, то ли не было – жили, говорят, в одном ауле старик со старухой. И подрастали у них две дочери: одна дочь – старухина, другая – старика. Дочь старика – красавица, росла девушкой скромной и ласковой, на всякую работу умелой. А старухина дочь – некрасивая, росла злой, сварливой и лентяйкой к тому же. Но родную дочь старуха знай похваливала да по головке гладила. А падчерицу всегда только бранила да колотила – хотелось ей выжить бедняжку из дому.

И вот пристала старуха к старику:

– Что хочешь делай, куда хочешь девай ты свою дочь, но чтоб глаза мои ее не видели! В поле ее с собой возьми, заведи подальше и там оставь, чтоб мои уши голоса ее не слышали!

А у этого старика было, оказывается, далекое поле. Вот положил он в хурджун дыньку, кликнул дочь и увел ее из дому.

Шли они, шли. Наконец дошли до поля старика и сели отдохнуть. Дорога была трудной, девушка устала.

– Я прилягу отдохну, милый отец, – сказала она.

– Ну что ж, отдохни, милая дочь!

– А ты никуда не уйдешь? – спросила девушка.

– Нет, не уйду, милая дочь, – обещал отец. – А если боишься, что уйду, положи голову на рукав моей черкески.

Поверила дочь, положила голову на рукав отцовской черкески и уснула. А отец отрезал потихоньку рукав и ушел домой.

Проснулась девушка, видит: отца нет, она одна в поле, кругом ни души. Только лежит подле нее на траве маленькая дынька.

Стала девушка громко кричать и плакать, звать отца. Вдруг откуда ни возьмись налетели на нее вороны. Закружились над ней черной тучей, закаркали:

– Скажи, ты не птичка ли? Скажи, ты не птичка ли?

– Да, милые вороны, да! Я – бедная птичка! – ответила девушка.

И когда она так ответила, вороны, не причинив ей никакого зла, улетели.

Сидит девушка одна в поле. Скучно ей, и давай она забавляться дынькой, что оставил отец, давай вертеть дыньку в руках, подбрасывать и приговаривать:

– Ах, дыня сладкая, мой свет,
Как быть сиротке? Дай совет!
Не съесть я не могу тебя,
И съесть я не могу тебя,
И крова у сиротки нет!

А дынька и говорит:

– Покати меня, милая девушка, вокруг места, на котором сидишь.

Девушка послушалась, и там, где она покатила дыньку, как из-под земли вырос красивый дом.

Девушка обрадовалась, давай опять вертеть дыньку в руках, подбрасывать и приговаривать:

– Ах, дыня сладкая, мой свет,
Как быть сиротке? Дай совет!
Не съесть я не могу тебя,
И съесть я не могу тебя,
И хлебца у сиротки нет!

А дынька и говорит:

– Покати меня, милая девушка, вниз по полю.

Покатила девушка дыньку вниз по полю, и превратилась дынька в горячую печь-тануp. У танура хлопотала дряхлая старушка, вынимала белые хлебцы.

И вдруг печь поднялась вместе с хлебцами и полетела к новому дому.

– Ну, милая девушка, – сказала дынька, – пробуй, хороши ли мои хлебцы.

Попробовала девушка хлебцы, похвалила и давай опять вертеть дыньку в руках, подбрасывать ее и приговаривать:

– Ах, дыня сладкая, мой свет,
Как быть сиротке? Дай совет!
Не съесть я не могу тебя,
И съесть я не могу тебя,
И платьев у сиротки нет!

А дынька говорит тогда:

– Покати меня, милая девушка, снова вниз по полю.

Девушка покатила дыньку вниз по полю, и превратилась дынька в арбу. А на арбе той чего только не было: и платья, и скатерти, и одеяла с подушками. Настоящее приданое для невесты!

– Ну, милая девушка, – сказала дынька, – неси в дом приданое!

Внесла девушка в дом все добро, постели убрала, чистой скатертью хлебцы накрыла. А сама нарядилась в красное платье и давай опять дыньку в руках вертеть, подбрасывать ее и приговаривать:

– Ах, дыня сладкая, мой свет,
Как быть сиротке? Дай совет!
Не съесть я не могу тебя,
И съесть я не могу тебя,
И мужа у сиротки нет!

И дынька тогда сказала:

– Ну что ж, милая девушка! Покати ты меня еще разок вниз по полю.

Покатила девушка дыньку вниз по полю. Далеко-далеко укатилась дынька, уже и не видно ее. Остановилась дынька на берегу и превратилась в ковер. А в это время вброд через реку переправлялся с чувяками в руках молодой пастух. Увидел он ковер, обрадовался и встал на него босыми ногами. И только он встал, взвился ковер под небеса, полетел и опустился прямо перед домом девушки.

– Вот тебе муж, милая девушка! – сказала дынька.

– Кто ты и откуда, красавица? – спросил пастух.

– Выжила меня из дома злая мачеха, бросил меня на дальнем поле родной отец, ждали меня беды-несчастья, – сказала девушка. – Добрая дынька спасла меня от голода и холода, подарила мне красивый дом. Не хочешь ли ты стать в этом доме хозяином?

– С радостью! – ответил юноша, и они поженились и стали жить вдвоем, а дыньку с почетом поставили на подоконнике.

Много ли, мало ли времени прошло, но вот однажды вспомнила о своей падчерице злая мачеха и сказала мужу:

– Иди, негодный старик, принеси хоть кости своей дочери!

Заплакал старик и пошел на дальнее поле. Видит: стоит там новый красивый дом. Вышла из того дома его родная дочь, оказала отцу уважение, накормила его, напоила, а когда уходил – подарков надарила.

– Жена! – закричал он еще у порога. – Дочь-то моя не умерла! Она замуж вышла и живет себе счастливо в новом доме с молодым мужем.

– Ах, проклятый старик! – закричала старуха. – Свою дочь ты замуж выдал, моя в девках сидит! Веди-ка на дальнее поле и мою дочь!

Напекла старуха для своей любимицы сладких пирожков и отправила ее со стариком в дорогу.

А старик подумал и повел старухину дочь на другое поле. Шли они, шли, дорога была трудная, девушка устала.

– Я спать хочу! – сказала она сердито.

– Ложись спи, доченька! – ответил старик.

И девушка тотчас уснула, а он отправился домой. Проснулась старухина дочь, видит: осталась одна на дальнем поле – испугалась и заплакала. Вдруг откуда ни возьмись налетели на нее вороны. Закружились вороны черной тучей, закаркали:

– Скажи, ты не птичка ли? Скажи, ты не птичка ли?

Ей бы сказать: «Да, милые вороны, да! Конечно, я птичка!», а она замахала руками и начала браниться:

– Сгиньте, проклятые вороны! Прочь отсюда!

И заклевали вороны старухину дочь.

На другой день погнала старуха мужа на дальнее поле.

– Иди, – сказала она, – посмотри, в каком красивом новом доме живет там моя доченька.

Пришел старик и видит: от старухиной дочки одни кости остались. Собрал он кости в свой хурджун, принес домой и высыпал посреди двора перед женой.

Рвала старуха себе волосы, плакала злая старуха, да уже поздно было!

Ленивица

То ли было, то ли не было, жила на свете старуха с сыном. Была у них пара быков – вот и все хозяйство.

Однажды зимой захотелось старухе мяса, и она сказала сыну:

– Милый сынок! Давай зарежем одного быка. Очень хочется мяса!

Сын удивился и опечалился.

– Мама, мама, – сказал он, – как же вспашем мы поле весной, если зарежем одного быка?

– Милый сынок, – ответила мать, – да неужто до весны мы не купим другого быка!

Сын не посмел ослушаться, зарезал быка, и старуха всю зиму готовила разные вкусные кушанья.

Наступила весна, соседи давно уже выехали на пахоту, а у старухи так и не нашлось денег купить второго быка.

– Что ж, мама, поедем пахать, – сказал сын. – Все соседи уже в поле. Пора и нам!

Не знала старуха, что возразить. Взял сын соху, выгнал из сарая своего единственного быка, и вышли они в поле.

Быка сын запряг слева, а сам запрягся справа и принялся пахать, а старуха погоняла.

Ехал в это время мимо хан со своей свитой на охоту. Увидел хан диковинную упряжку и закричал:

– Эй, пахарь, ты почему как бык тянешь соху? Что это значит?

А пахарь ответил:

– Было у нас два быка, да одного мать попросила зимой зарезать. А денег, чтоб нового купить, не нашлось. Вот и запрягся в соху я сам.

– Послушай, – сказал хан, – есть у меня на пастбище в горах один злой и ленивый бык. Еще никому не удалось надеть на него ярмо. Если сумеешь – бери и запрягай в соху.

Очень обрадовался юноша, поблагодарил хана, пошел на горные пастбища за быком.

Бык тот был черный, сильный и свирепый. Он рыл копытами землю, он грозил рогами, никому не давал к себе подойти. Но молодой крестьянин перехитрил его: выкопал большую яму и гонял быка вокруг, пока тот в нее не свалился. Там бык без еды обессилел и потерял всю свою злость. Тогда юноша привел его домой и еще три дня держал в хлеву и не давал ни капли воды, ни клочка сена.

После этого бык стал смирным как теленок и позволил запрячь себя в соху.

Много ли, мало ли времени прошло, но вот выехал однажды хан снова на охоту. Видит он: ходит в поле с песней молодой пахарь, погоняет двух быков, и с правой стороны – тот самый черный бык, которого никто не мог усмирить, покорно шагает в борозде.

А надо вам сказать, была у этого хана единственная дочь, и такая ленивая, что кусочек хлеба, говорят, сама отщипнуть не хотела. Она только рот открывала, а кормили ее из рук няньки да служанки. Вот задумался хан, глядя на пахаря, и говорит своему визирю:

– Ступай, визирь, расскажи этому трудолюбивому человеку о моей дочке. Уж если суждено кому на свете вышибить из нее лень, так это ему одному. Никто другой не сумеет!

Поскакал визирь на своем скакуне через поле к пахарю и передал ему слова хана.

– Эта девушка так ленива, – добавил визирь, – что не сдвинется с места даже при виде ореховой халвы. Хану очень хочется отучить ее от лени. Он думает, что ты это сможешь. Если ты посватаешься за нее, знай, хан не откажет.

– Ладно, посватаюсь! – ответил молодой крестьянин.

Вспахал он свое поле, вернулся поздно вечером домой и говорит матери:

– Иди, мама, к хану во дворец, сватай за меня ханскую дочь.

– Что тебе в голову взбрело? – испугалась мать. – Разве отдаст хан свою дочь за бедного пахаря?

– Отдаст, мама! – уверял ее сын. – Ты только сходи, посватайся.

Нечего делать! Хоть и очень боялась старуха прогневить хана, пошла во дворец.

– Каковы твои желания? – спросил хан, когда привели к нему слуги старуху.

– Как тебе сказать, почтенный хан! – смутилась старуха. – Если выдаешь дочь, выдай. А если не выдаешь, как тут быть? Сын мой послал меня, чтобы я посватала для него невесту.

К удивлению старухи, хан охотно согласился.

– Выдам! – воскликнул он.

Обрадованная старуха вернулась домой.

– Ну что, мама? – спросил ее сын. – Как принял тебя хан?

– Согласен! Согласен! – закричала старуха.

Купили они кольцо и платье для невесты, и женился молодой крестьянин на ханской дочери.

Отпраздновали свадьбу, а назавтра собрался юноша в поле.

– Смотри, мама, – наказал он, уходя, – не давай своей невестке хлеба в руки. Положи хлеб перед ней на видном месте и уйди из дому на целый день. Проголодается – сама возьмет!

И верно! Пришли после работы старуха с сыном домой, видят: кусочка хлеба, что лежал на подносе, нет.

На второй день наказал молодой крестьянин матери:

– Теперь положи хлеб в кунацкой, и пойдем-ка ячмень полоть.

Положила старуха в кунацкой кусок хлеба с овечьим сыром и ушла вместе с сыном работать в поле.

Вернулись домой, видят: и хлеб, и сыр – все съела ханская дочь, ни крошки не оставила.

На третий день наказал юноша матери:

– Сегодня не оставляй, мама, хлеб на виду. Пусть твоя невестка его сама поищет!

Спрятала старуха в кладовой целый хлебец и добрый ломоть овечьего сыра да еще масло в придачу и ушла из дома вместе с сыном на целый день до вечера.

Сидела, сидела ханская дочь одна в углу на мягких подушках, скучно ей стало да и очень она проголодалась.

«Видно, эти люди не кормят тех, кто не работает. Примусь-ка я за дело, может, меня ужинать позовут», – подумала она, встала и давай хлопотать. Пол подмела, посуду вымыла, огонь в очаге развела. А когда убирала, нашла в кладовой еду, наелась досыта.

Вернулись с поля молодой крестьянин с матерью, видят: в доме порядок, чистота, в очаге огонь горит, а ханская дочь встает им навстречу и уступает старухе лучшее место на подушках.

С тех пор совсем забыла ханская дочь о своей лени. И в поле с мужем ходила, и по дому всю работу справляла – словом, стала ловкой, проворной и сильной, как богатырь-пехлеван!

А хан хоть и доволен был, что избавился от ленивой дочери, все же скучал по ней. Да, признаться, и любопытство его замучило. Хотелось хану посмотреть, как там дочь поживает?

Велел оседлать коня и поехал со своим визирем к зятю в гости.

Встретил крестьянин тестя хорошо. Зарезал молодого барашка, а старуха мать поставила на огонь котел с рисом.

Ханская дочь в это время как раз к роднику ушла. Вернулась она с кувшином воды. Увидела отца, увидела котел с пловом и шепнула:

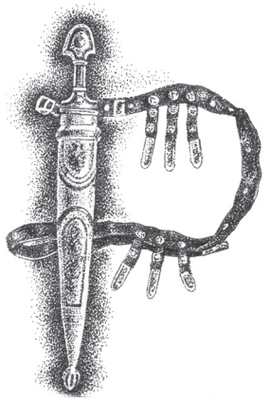
– Батюшка, видишь, из очага угли выпали? Ты подними их скорей! Здесь не дают есть тому, кто ничего не делает.

Подивился хан про себя. Однако смолчал, поднял с пола горячий уголек. Угостили хозяева своего гостя пловом, и уехал он восвояси.

А молодой крестьянин с женой да со старухой матерью жили дружно, работали тоже дружно, и водились у них в доме всегда и хлеб, и мед, и сушеное мясо.

Как смышленый пахарь барса проучил

Запахали жители одного аула пашню возле самой опушки леса. Земля была хорошая, урожай всегда собирали богатый. Да вот появился в тех местах барс. Выскочит он из леса и разорвет и пахаря, и его быков. Так и раз, и два, и три было. В ауле все в ужасе, что делать – не знают. Отправились было молодцы, хотели убить барса, да куда там! Хитрый зверь спрятался, даже хвоста его не увидели охотники.

– Ну, – говорят, – видно, нам от этого барса не избавиться!

И забросили они свои пашни: кому же охота к зверю в лапы попасть. «Лучше голодать, чем умирать», – говорят.

Только один крестьянин не испугался.

– Погодите, – говорит, – проучу я этого барса!

Запряг он двух быков в соху, кликнул своего кота и отправился на пашню, будто никакого барса там никогда и не было.

Глядят на него соседи – удивляются, говорят один другому:

– Видно, он с ума сошел или жизнь ему не дорога: ведь на верную смерть отправился!

И жену его, и детей его жалеют, сиротами их называют.

А пахарь приехал на пашню и стал распрягать быков – пусть немножко отдохнут, перед тем как пахать. Только он выпряг одного быка откуда ни возьмись выскочил из леса барс. Крадется барс – то к земле прижмется, то приподнимется, сам зубы скалит, фыркает, трясет усатой мордой. Почуял его бык, перепугался и убежал.

Подскочил барс, увидел кота. Оглядел его, удивился и спрашивает:

– Ты кто такой?

Кот отвечает:

– Я сын твоей сестры. Ты мой дядюшка, я твой племянник!

Глянул барс на кота и говорит:

– Правда, ты из нашего рода! И глаза, и уши, и усы, и лапы, и хвост у тебя, как у барсов. Только почему же ты такой маленький?

– А потому, – отвечает кот, – что попал я в руки вон того человека! Попадешься к нему – и ты станешь таким же маленьким, как я.

– Что же в нем за сила такая? – зафыркал барс. – Я его не боюсь! Сейчас съем и быка, и его самого в придачу!

Кот говорит:

– Поди попробуй!

Барс подскочил к пахарю и зарычал:

– Эй, человек! Что ты сделал с моим племянником?! За это я тебя сейчас разорву на куски и съем!

– Могучий барс! – смиренно ответил пахарь. – Вижу я, что разгневал тебя и не помилуешь ты меня. Но хочу я, чтобы у тебя было больше добычи.

Удивился барс.

– Как так? – спрашивает.

Пахарь говорит:

– У меня два быка, один увидел тебя, испугался и убежал. Будь добр: подержи этого быка, а я сбегаю, поймаю другого и приведу сюда. Тогда ты всех нас и съешь!

– А как его надо держать? – спрашивает барс.

– Давай я надену на тебя ярмо, вот так ты и будешь держать его, – ответил крестьянин.

– Ну хорошо, – сказал барс и сам сунул свою голову в ярмо.

Только он влез – пахарь проворно закрутил ярмо железными закрепками и туго-натуго стянул их ремнем. А потом взял кнут и давай хлестать барса по спине. Хлещет да приговаривает:

– А ну паши землю! А ну иди быстрее!

Рванулся барс, туда-сюда заметался, прилег к земле, хотел подскочить, вырваться. Да не тут-то было: пахарь знай хлещет его кнутом! Бык со страху мычит, бегом бежит по пашне. И пришлось дикому барсу, хочешь не хочешь, тащить соху вместе с быком. А пахарь погоняет его кнутом да покрикивает:

– Ничего, не бойся, не умрешь! Быстрее, быстрее! Не сбивайся с борозды!

Так к полудню они и вспахали добрую половину пашни. А кот рядом идет, на барса поглядывает. Спрашивает тихонько барс кота:

– Послушай, сын моей сестры, скоро ли меня отпустит твой хозяин?

– Когда станешь таким же маленьким, как я, тогда хозяин тебя и отпустит! – отвечает кот.

Струсил барс.

– Да я и так уж вдвое меньше стал, – говорит. – Если он будет до ночи пахать, то я уже меньше тебя стану!

Опустил он голову к земле и потащил соху дальше. Наконец настал вечер. Пахарь освободил барса из-под ярма и говорит:

– А теперь убирайся подальше и никогда больше на глаза мне не попадайся, не то три дня подряд пахать на тебе буду!

Поплелся барс в лес – еле-еле ноги передвигает, лег под дерево, высунул язык и лежал так три дня и три ночи. Вороны увидели его и закричали:

– Падаль! Падаль! Клевать сейчас будем!..

Опустились они на барса, и стали было клевать его.

Хорошо, у него достало силы хвостом махнуть – ворон отогнать.

После этого барс больше никогда на пашню не приходил. А когда встречался с другими зверями, всегда говорил им:

– Как увидите человека, бегите от него скорее: он хоть и не силен, да зато умен! Нам с человеком ни за что не справиться!

Если объединиться – и успехи будут большими.

НОГАЙСКИЕ СКАЗКИ

Сон

ил когда-то юноша-сирота. Однажды он увидел сон: у его изголовья сияет луна, у ног – солнце, а по бокам – по звезде. Проснулся юноша – ни луны, ни солнца, ни звезд. И вот решил он отправиться в путь и найти то, что ему приснилось. Приготовил он себе еды на дорогу, обул неснашивающиеся чувяки и пошел.

Шел юноша, шел и встретил пастуха с отарой овец. Он рассказал пастуху о своем сне, и тот сказал ему:

– Продай мне твой сон за пятьдесят овец.

– Нет, – ответил юноша.

– Ну продай за сто овец.

– Нет, я сам пойду искать свой сон.

– Ну тогда продай за всю отару.

Юноша не устоял и продал свой сон. И вот пастух отправился на поиски сна. Много дней провел он в пути и наконец однажды ночью увидел свет. Он подошел поближе, смотрит: перед ним дом. Вдруг к дому подскакал всадник на черном коне, ведя на поводу серую лошадь. Всадник спешился, присел у забора и тут же заснул.

Тем временем из окна дома выглянула девушка и крикнула:

– Готов?

Растерявшийся пастух ответил:

– Готов.

– Раз готов, то садись на коня и скачи вслед за мной.

С этими словами девушка выбежала из дому, вскочила на серого коня и поскакала.

Недолго думая пастух помчался следом на черном коне. Они скакали долго, всю ночь. Когда стало светать, девушка обернулась и увидела пастуха.

– Кто ты? – спросила она. – Как ты оказался здесь?

Пастух рассказал ей обо всем.

Тогда девушка говорит:

– Тот всадник на черном коне – мой жених. Он хотел меня украсть. Да, видно, Аллаху угодно, чтобы моим мужем стал ты. Нам надо торопиться, отец может пуститься в погоню.

Они поскакали дальше. Наконец пастух и девушка достигли какого-то аула. Они остановились на окраине аула и стали жить там в шалаше.

Однажды девушка сказала мужу:

– Возьми мою золотую ложку и отнеси ее в подарок хану.

Пастух выполнил наказ жены. Через некоторое время она говорит ему:

– Сходи к хану и попроси у него жилье. Ведь не можем же мы всю жизнь оставаться в этом шалаше! Какой бы дом он ни предлагал тебе, проси построить для нас жилье на куче золы.

Пастух снова отправился к хану, и тот велел построить для них дом на куче золы.

Стали они жить в новом доме. Однажды девушка говорит пастуху:

– Мы уже столько времени здесь живем, а ни разу не пригласили хана в гости. Сходи и позови хана к нам. Только помни: когда подойдешь вместе с ханом к нашему дому, входи первым, иначе нас постигнет несчастье.

Пастух отправился к хану и пригласил его в гости. В дороге они заговорились, пастух забыл о наказе девушки, и хан переступил порог первым. Увидев девушку, он был поражен ее красотой и сразу влюбился в нее. От любви он не мог ни есть, ни пить, сказался больным и ушел домой.

Дома хан призвал к себе министров-вазиров и сказал:

– Мне нужна жена пастуха, поэтому я решил убить его.

– Не делай этого, – отвечают ему вазиры. – Лучше прикажи ему достать молока арабской кобылицы.

Хан послушался совета вазиров, призвал к себе пастуха и говорит:

– Я болен, и помочь мне может только молоко арабской кобылицы. Где хочешь достань мне чашку этого молока.

Опечаленный юноша вернулся домой и рассказал обо всем жене.

– Не тревожься, – говорит девушка. – Это можно сделать. Пойди к хану попроси у него седло, нагайку и мешок соли. Затем отправляйся в сторону восхода солнца. По дороге увидишь озеро. Выкопай на берегу яму и спрячься в ней. А мешок с солью открой и поставь на берегу. Когда арабская кобылица придет к озеру на водопой, ты сумеешь поймать ее.

Пастух сделал все, как говорила его жена. Пошел к хану, попросил у него седло, нагайку и соль, затем поехал к озеру, поставил на берегу мешок с солью, выкопал неподалеку яму и спрятался в ней.

Через некоторое время к озеру пришла арабская кобылица. Она увидела соль и стала есть ее. Затем ей захотелось пить, и она вошла в воду. Тут пастух выскочил из ямы и попытался набросить седло на кобылицу, но она умчалась как вихрь.

Пастух снова спрятался в яму и стал ждать. Смотрит: кобылица опять пришла. Она стала жадно пить воду, и в это время пастух незаметно подкрался к ней и набросил на нее седло. Но когда он попытался вскочить на нее, кобылица умчалась.

Пастух снова спрятался в яме и стал ждать. Когда же кобылица пришла в третий раз, пастух сумел вскочить в седло. Кобылица три раза подбросила его до небес и три раза ударила оземь, но пастух удержался в седле. Тогда побежденная кобылица сказала:

– Ты – мой господин.

Он ударил ее нагайкой и поскакал домой. Затем пастух надоил полную чашку молока от этой кобылицы и принес хану.

Хан не ожидал увидеть юношу живым и невредимым и очень удивился.

– Ты, верно, принес мне молоко от обычной кобылы, – сказал он.

– Нет, – возразил пастух. – Я достал молоко арабской кобылицы. Если хочешь взглянуть на нее – она у твоих дверей.

Хан увидел арабскую кобылицу и отпустил юношу домой. Затем он созвал своих вазиров и сказал им:

– Этого юношу не так-то легко погубить. Придется убить его.

Тут один из вазиров говорит:

– Зачем его убивать? Пошли его за яблоком райской девушки. Уж тогда-то он наверняка погибнет.

Хан призвал к себе юношу и велел принести яблоко райской девушки. Юноша выслушал хана и опечаленный побрел домой.

– Отчего ты невесел? – спрашивает его жена.

– Хан приказал мне достать яблоко райской девушки.

– Не печалься, – говорит жена. – Ты привезешь хану это яблоко. Отправляйся в южную сторону. Дойдешь до озера. К озеру прилетят три голубки и обернутся райскими девушками. Пока они будут купаться, ты спрячешь одежду одной из них. Когда девушка станет просить свое платье, отдай ей с условием, что она пойдет с тобой. Потом ты приведешь ее к нам домой и заберешь у нее райское яблоко.

Пастух сделал все так, как велела его жена. Он поехал в южную сторону, нашел озеро, вырыл на берегу яму и спрятался в ней. Вскоре к озеру прилетели три голубки. Они обернулись девушками, сбросили свои платья и стали плескаться в воде. Пастух незаметно схватил одежду одной из них и спрятал. Когда девушки вылезли из воды, одна из них не нашла своего платья. Тут пастух крикнул ей:

– Твое платье у меня. Если согласишься пойти со мной, я отдам тебе его.

Девушке пришлось согласиться.

Пастух положил ее платье на прежнее место, девушка оделась и пошла с ним. По дороге пастух спросил:

– Есть ли у тебя яблоко?

– Есть, – ответила девушка и отдала яблоко пастуху.

И вот пастух принес хану яблоко.

– Это самое обычное яблоко из простого сада, – говорит хан. – От этого яблока моя болезнь не пройдет.

– Нет, это яблоко райской девушки, а сама девушка – у меня дома, – отвечал пастух.

Хан собрал своих вазиров и отправился домой к пастуху. Пришел и видит: перед ним сидит райская девушка.

Хан вернулся домой и говорит:

– Этого пастуха надо убить, иначе от него не отделаешься.

– Нет, хан, не убивай его, а лучше пошли туда, откуда не возвращаются, – посоветовал хану один из вазиров.

– Куда его ни пошлешь, он отовсюду вернется, – отвечает хан.

– А ты скажи ему так, – говорит вазир. – «Когда умерла моя мать, на ее пальце было золотое кольцо. Принеси это кольцо, а также узнай у матери, где она закопала перед смертью три бурдюка золота».

Хан так и сделал. Он призвал пастуха и повелел ему принести золотое кольцо и узнать, где закопаны бурдюки с золотом.

Когда пастух рассказал жене о новом желании хана, она сказала:

– Тут я ничем не могу помочь тебе. Спроси у своей новой жены, может, она знает.

Новой женой пастуха стала райская девушка. Узнав о наказе хана, она сказала пастуху:

– Пойди к хану и попроси у него двадцать арб дров и две бочки смолы.

Когда пастух получил у хана все, что велела райская девушка, его жены развели большой костер.

– Сейчас мы бросим тебя в пламя, – сказала пастуху райская девушка, – но ты не бойся. Ты выйдешь из огня живым и невредимым, получишь кольцо и узнаешь, где мать хана закопала бурдюки с золотом.

С этими словами они бросили пастуха в самую середину костра.

Через некоторое время юноша выбрался из огня живым и совсем невредимым.

Он снял с пальца золотое кольцо, отдал его хану и сказал:

– Твоя мать передала тебе это кольцо. А про бурдюки с золотом она сказала, что закопала их под сараем.

Видя, что пастух остался цел, хан и сам решил войти в огонь, чтобы повидать свою мать. Он попросил жен пастуха, чтобы те бросили его в огонь. Те бросили хана в костер, и он сразу сгорел на глазах у всего народа.

Народ тут же избрал пастуха ханом, и он стал жить в счастье и довольстве вместе со своими двумя женами. Вскоре у них родились двое детей. Молодой хан призвал к себе прорицателя и говорит:

– Растолкуй мне такой сон: у моего изголовья сияет луна, у ног – солнце, а по бокам – по звездочке.

И прорицатель сказал ему:

– Луна у изголовья – это твоя первая жена, солнце у ног – твоя вторая жена, а звездочки по бокам – твои дети.

Прекрасный юноша в змеиной шкуре

одного старика было три дочери. Однажды в базарный день он отправился на базар, чтобы купить дочерям три шелковых головных платка. Два платка он купил, а третьего не нашел. Опечаленный старик побрел домой. По дороге ему повстречалась змея.

– Почему ты так печален? – спрашивает змея.

– Да вот, для двух дочерей купил платки, а для третьей не нашел.

– Передай своим дочерям, что одна из них должна стать мне женой. Если же они откажутся, то я каждый день буду приползать и сосать твою кровь.

Старик совсем опечалился и понуро поплелся дальше. Наконец он подошел к дому. Увидев отца, все три дочери побежали ему навстречу.

– Ну как, купил нам платки? – спрашивают они.

– Два платка купил, а третий – нет.

Тут две старшие дочери схватили платки, а младшая смотрит на отца и спрашивает:

– Акай[1], почему ты такой печальный? Что-нибудь случилось?

Старик рассказал о своей встрече со змеей и о том, что одна из дочерей должна выйти за нее замуж.

Тут старшая дочь говорит:

– Зачем мне муж-змея? Разве это пара для меня?

Средняя дочь сказала то же самое, а младшая говорит:

– Я выйду замуж за змею, лишь бы она не причиняла вреда отцу.

– Хорошо, дочь моя, – говорит старик. – Я вижу, ты действительно любишь отца. Скоро змея будет здесь, так что иди в курятник и жди ее там.

[1] *Отец.*

Девушка взяла старый матрац и пошла в курятник. Там она бросила матрац на земляной пол, села на него и стала ждать змею. Через некоторое время послышался зловещий свист. Девушка испугалась, задрожала и забилась в угол. А старшие сестры стали у окна и смотрят: что же будет дальше? Видят они, что как только змея очутилась в курятнике, в нем стало очень светло. Смотрят девушки: у стены стоит золотая кровать, застланная дорогим покрывалом, а змея вдруг обернулась прекрасным юношей!

Увидев все это, девушки прибежали к отцу и стали упрекать его:

– Ты нарочно подстроил все это и выдал младшую дочь за змею. Ты знал, что это не змея, а прекрасный юноша.

Старик говорит, что не знал этого, но дочери не верят ему.

Так юноша каждое утро превращался в змею и покидал курятник, и сразу же там становилось темно, а каждый вечер он входил туда, оборачивался прекрасным юношей, и в курятнике становилось светло и тепло.

Однажды молодая жена стала просить мужа, чтобы тот бросил змеиную шкуру.

– Старшие сестры издеваются надо мной, говорят, что я вышла замуж за змею.

Юноша любил свою жену и уступил ее просьбе. Он отдал змеиную шкуру девушке и сказал:

– Будь осторожна и храни эту шкуру в надежном месте. Не будет шкуры, и мы потеряем друг друга.

Сестры девушки подслушали этот разговор, и как только юноша утром ушел, пристали к сестре:

– Давай мы тебя вымоем! Ведь ты живешь в таком вонючем курятнике!

Они развели большой костер и поставили на огонь котел с водой.

У девушки за пазухой была спрятана змеиная шкура, и она не соглашалась мыться, но сестры насильно раздели ее, и змеиная шкура упала на землю. Сестры сразу подхватили шкуру и бросили в огонь. Девушка заплакала, а сестры, злобно смеясь, убежали.

В это время юноша, обернувшись воробьем, сел на крышу курятника и сказал:

– Теперь меня для тебя нет и тебя для меня нет.

С этими словами он улетел.

Девушка с плачем побежала за ним, но вскоре потеряла из виду и вернулась назад. Она пошла к отцу и говорит:

– Акай, сделай мне железные чувяки и железный посох. Пока чувяки не станут дырявыми как сито, а посох тонким как игла, я буду искать своего мужа.

– Дочь моя, ты не найдешь его. Он упорхнул воробьем, – отвечает отец.

Но девушка настояла на своем, отец выполнил ее просьбу, и она отправилась в путь. Девушка шла-шла и пришла к пастуху, который пас коров.

– Ты караванщик или лекарь для таких, как я? – пропела она ему.

– Не караванщик я и не лекарь для таких несчастных, как ты, – отвечает пастух. – Недалеко от меня другой чабан пасет овец, сходи к нему.

Девушка пришла к чабану и запела:

– Ты караванщик или лекарь для такой несчастной, как я?

– Не караванщик я и не лекарь для таких несчастных, как ты. Сходи лучше к табунщику, он пасет лошадей недалеко отсюда, – отвечает чабан.

Девушка пошла к табунщику, но и тот не смог ничем ей помочь и отправил к птичнику. Но и там она не услышала ничего утешительного. Девушка пошла дальше, искать мужа. Навстречу ей попался караван, и она запела: «Умираю от тоски по нему! Пока железные чувяки не станут дырявыми как сито, а железный посох тонким как игла, буду искать его!»

Тут хозяин каравана говорит:

– Я твой караванщик и лекарь. Открой глаза и взгляни на меня. Я тот, которого ты ищешь.

Она посмотрела на него и признала в нем своего мужа. Они обнялись и заплакали.

– Сегодня ночью я не могу привести тебя домой, – говорит он ей. – Ты побудь здесь, а завтра я принесу тебе одежду, а потом отвезу тебя домой и скажу, что украл себе невесту.

Рано утром юноша вернулся на то место с одеждой для невесты, переодел девушку и с почетом привез ее к себе домой. Он был сыном падишаха, жил со своим отцом, двумя старшими братьями и их женами. Дома очень обрадовались женитьбе младшего сына и хорошо приняли невестку. Молодые зажили хорошо, и вскоре у них родились двое детей.

Прошло несколько лет, и старшие братья с женами стали завидовать своему младшему брату. Они пришли к отцу и говорят:

– Твой младший сын и его жена не дают нам покоя. Выгони их.

Не ведавший истины старый падишах призвал к себе младшего сына и говорит ему:

– Ступай на тот свет и принеси кольцо от твоей матери.

Юноша опечалился и думает: как же он, живой, отправится на тот свет?

Жена заметила печаль мужа и спрашивает:

– Что с тобой? Почему ты такой грустный?

Юноша рассказал обо всем ей.

– Выполнишь наказ отца – найдешь счастье, – говорит девушка. – Я приготовлю тебе еды на дорогу, и отправляйся в путь. Найдешь кольцо – вернешься.

На следующий день юноша вышел в дорогу. Ночь застала его в степи. Вдали от себя он заметил огонек и направился к нему.

Подошел, смотрит: перед ним дом, дверь приоткрыта. Сын падишаха заглянул в дом, видит: сидит юноша, а по бокам лежат две свиньи. Сын падишаха поздоровался и спрашивает, что за свиньи.

– Одна свинья – мать, а другая – отец, – отвечает юноша.

Сын падишаха удивился и спрашивает, как это произошло.

– Я учился в медресе, – рассказал юноша, – и ко мне часто приходили люди. Отец с матерью не любили гостей и потому превратились в свиней.

Тогда сын падишаха предложил:

– Давай сотворим молитву. Может быть, они снова станут людьми и будут любить людей.

Они сотворили молитву, и свиньи на их глазах стали стариком и старухой. Но едва они стали людьми, как тут же упрекнули сына:

– Никогда нам не было жизни от твоих друзей, а теперь еще одного нашел?!

– А они действительно свиньи, – сказал сын падишаха и покинул тот дом.

Он продолжал свой путь и встретил мужчину с женщиной. У женщины был такой большой лоб, что не видно было глаз.

– Почему у нее такой большой лоб? – спрашивает царский сын у мужчины.

– На белом свете она грубила мне, и поэтому у нее теперь такой безобразный лоб.

Потом сын падишаха повстречал старика. Тот мучился от боли и не знал, как успокоиться.

– Что с тобой? – спрашивает сын падишаха у старика.

– Если бы два мои сына, которые остались на белом свете, молились обо мне, я бы не мучился так от боли.

Сын падишаха пошел дальше. Смотрит: перед ним женщина, а на животе у нее – ручная мельница. Сын падишаха спросил у нее, в чем дело, и она ответила:

– На белом свете у меня была мельница, и я молола людям муку. Они платили мне за это, а я воровала у них муку. Поэтому я теперь и мучаюсь.

Сын падишаха пошел дальше. Видит: женщина повешена за язык. Он спросил женщину об этом, и она ему ответила:

– На белом свете я сплетничала, поэтому теперь мучаюсь.

Он пошел дальше. Видит: женщина горит в огне. Он спросил ее об этом, и она ответила:

– На белом свете я была очень жадной и ничего никому не давала, поэтому теперь горю в огне.

Сын падишаха пошел дальше и пришел на берег какого-то озера. К озеру прилетели воробьи. Одни напились воды, а другие не могли пить. Они покружились над водой и улетели ни с чем.

После этого юноша увидел женщину, которая черпаком набирала кипящее молоко из чугуна и тут же выливала его обратно. Увидев юношу, она обратилась к нему:

– Откуда ты взялся, сын мой? Сюда люди обычно не приходят.

Юноша спросил у женщины: почему одни воробьи напились воды, а другие не сумели? И женщина ответила:

– Воробьи, утолившие жажду, – это дети, родившиеся от законного брака, а воробьи, не сумевшие напиться, – это незаконнорожденные дети.

Сын падишаха рассказал женщине, зачем он пришел. Женщина оказалась его матерью и сказала ему:

– Твой отец, когда посылал тебя сюда, думал, что ты не найдешь меня и не вернешься на белый свет. Дорога открылась тебе благодаря твоей благородной жене. Она хорошая, добрая женщина. Возьми это кольцо и возвращайся домой. Сразу же поезжай в дом своей жены, у отца тебе не будет жизни.

Юноша выбрался с того света, вернулся домой и отдал кольцо отцу. Сам же вместе с женой и двумя детьми переехал в дом тестя.

– Приехал зять, что живет в курятнике! – такими насмешками встретили его сестры жены. Они вышли замуж и жили вместе с отцом.

Через некоторое время отец сестер заболел. Он призвал своих зятьев и сказал им:

– Если бы я съел яблоко от такой-то яблони, я бы поправился.

И вот три зятя старика, вскочив на коней, отправились на поиски той яблони. У сына падишаха был очень хороший конь. Стоило юноше поднести к ладони зажженную спичку, как его конь тут же доставлял его в любое место. И на этот раз он мигом доставил его к яблоне. Юноша сорвал с дерева три яблока и поспешил назад. По дороге он встретил обоих свояков.

– Ну, как, нашли яблоки? – спрашивает он их.

– Нет, не нашли, – отвечают те.

Тогда сын падишаха предложил:

– Я дам вам по яблоку, но за это поставлю клеймо на спину каждого из вас.

Те согласились, и он заклеймил их. Затем свояки взяли у него по яблоку и поспешили к больному старику.

– Ты всегда зови нас, когда тебе что-нибудь нужно, – говорят они ему. – Мы принесли тебе яблоки, а если еще чего-нибудь хочешь – скажи. Мы всегда все достанем.

А сын падишаха вернулся к своей жене в курятник. Он отдал ей яблоко, велел обмазать его куриным пометом и отнести старику. После этого он пришел к тестю, увидел, как его свояки хвастаются тем, как нашли яблоки. Тогда он заставил их показать спины с его клеймом, и им пришлось рассказать, как все было. Тут младшая дочь протянула старику яблоко, вымазанное куриным пометом. Старик и его съел с удовольствием.

Тогда девушка спрашивает:

– Акай, какое из трех яблок понравилось тебе больше всего?

– Самым вкусным было твое яблоко, дочь моя, – отвечает старик, – Только оно отдавало куриным пометом.

– Что ж тут удивительного? – говорит дочь. – Ведь мы живем в курятнике.

Тогда отец переселил их из курятника в конюшню.

Прошло время, и старик снова призвал к себе зятьев.

– Если бы я попил кумыса, – говорит он, – то окончательно поправился бы.

В тех местах ни у кого не было кобылицы, и зятья отправились в дальние края. Сын падишаха с помощью своего чудесного коня быстро нашел кумыс и поехал домой. По дороге он встретил двух других зятьев, дал им кумыса и снова заклеймил спину каждого.

Три дочери старика поставили перед ним три чашки кумыса. Только младшая дочь бросила в чашку измельченный навоз. Старик выпил все три чашки и говорит младшей дочери:

– Твой кумыс отдает конским навозом.

– Что ж тут удивительного? – отвечает девушка. – Ведь мы живем в конюшне.

Когда старшие зятья стали хвастливо рассказывать тестю, как они добыли кумыс, младший зять заставил их снять рубашки и показать вторые клейма. Тогда они с позором ушли.

Тем временем пришла весть о том, что сын соседнего хана приглашает всех на свадьбу. Старшие зятья с женами отправились на свадьбу и говорят младшему:

– Какая уж свадьба для тех, кто живет в конюшне! Сидите дома.

Как только они уехали, пришло второе известие: два старших сына падишаха и их семьи убиты молнией, и падишах просит своего младшего сына вернуться домой.

Сын падишаха отвез свою семью к отцу. После этого он оделся как падишах, положил на своего коня золотое седло и через ограды и дома птицей полетел на свадьбу ханского сына. При виде такого знатного гостя хозяева дома с поклоном спрашивают его:

– Кто ты такой?

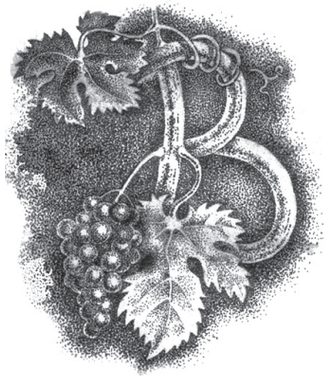
Тогда сын падишаха сказал, что от него сбежали два раба со своими семьями и он разыскивает их.

– На спине у каждого раба по два клейма, – сказал юноша.

Тут хан приказал всем гостям снять рубашки, и все увидели клейменые спины свояков. Так сын падишаха забрал их вместе с семьями к себе в рабство.

Шестиногий конь

давние времена жил старик со старухой. У них было три сына и три дочери. Старшую дочь они выдали за медведя, среднюю за лису, а младшую – за орла.

Пришла пора старику умирать. Он призвал сыновей и поочередно обратился к ним.

– Твоя стрела попадет в мой могильный камень, – сказал он старшему сыну.

– Ты свою стрелу пустишь на запад, – сказал старик среднему сыну.

– Ты свою стрелу пустишь на восток, – сказал он младшему сыну.

Старик умер, и каждый из сыновей пустил свою стрелу. Младший брат простился с обоими братьями и пошел вслед за своей стрелой. Он шел несколько месяцев и наконец увидел свою стрелу в зарослях камыша. Стрела вонзилась в черепаху. Юноша смастерил себе шалаш из веток и камыша и остался жить в тех местах. Рано утром он выходил на охоту и стрелял дроф, стрепетов и уток. Поздно вечером юноша возвращался в свой шалаш.

Однажды вечером юноша как всегда пришел в свой шалаш и увидел в нем разные яства. Он стал есть и никак не мог остановиться – очень уж вкусно все было приготовлено! «Кто же это позаботился обо мне? – думает юноша. – Ведь кругом болото, камыши и лес!» Он вырыл в шалаше яму, спрятался там и стал ждать. Через некоторое время в шалаш вошла девушка. Юноша выскочил из засады и схватил ее.

– Отпусти меня, – говорит девушка. – Я и так твоя.

Оказывается, этой девушкой стала та самая черепаха, которую поразила стрела юноши.

Юноша зажил в шалаше вместе со своей женой. Однажды, когда он шел на охоту, ему повстречался старик.

– Возьми меня к себе в работники, – стал просить юношу старик. – Я могу выносить золу, таскать воду, заготавливать дрова.

Юноша привел старика к жене. Ей не понравился новый работник, и она сказала мужу:

– Я одна управлюсь со всеми делами.

Но юноша все же оставил старика.

Когда он вернулся с охоты, то не нашел дома ни жены, ни старика. Юноша отправился в аул, где жила младшая из сестер, и сказал женщинам, которые пришли за водой:

– В вашем ауле живет моя сестра. Сообщите ей обо мне, и она щедро одарит вас.

Сестра юноши жила богато. Она одарила вестника двумя бурдюками золота и встретилась со своим братом. Пока он ел-пил, прилетел орел, муж его сестры.

– Куда ты путь держишь? – спросил орел.

– Я иду искать свою жену, – ответил юноша и рассказал обо всем, что случилось.

Орел говорит:

– Хоть я и летаю всюду, но твою жену не встречал, видно, старик очень хитер и ты не сумеешь отнять у него жену, даже если найдешь ее.

Юноша не послушался орла и отправился в путь. Ехал он очень долго и наконец достиг маленького аула. На краю аула, у реки, он увидел заброшенный дом. Там старик скрывал его жену.

Юноша увидел жену и хотел забрать ее с собой, но она боялась старика и сказала мужу:

– Уходи скорее! Старик придет и убьет тебя!

Но юноша не слушал ее слов. Он вывел жену из дому, вскочил на коня и уехал вместе с ней.

В это время старик спал за домом на соломе. Он спал семь дней и семь ночей. Когда девушка убежала со своим мужем из дому, шестиногий конь старика беспокойно заржал и забил копытом. Старик проснулся и говорит:

– Чего бы мне поесть?

– Ешь жареную курицу, – отвечает конь.

Пока старик ел, конь рассказал ему обо всем, что случилось. Старик тут же вскочил на своего шестиногого коня, и они полетели вслед за беглецами. Вскоре они настигли мужа и жену, старик изрубил юношу в куски, а девушку притащил назад в дом.

Между тем конь юноши вернулся к дому сестры своего хозяина и стал у дверей. Сестра, увидев коня, выбежала из дому, смотрит: брата нет! От горя она лишилась чувств. Когда женщина пришла в себя, она стала просить мужа-орла собрать кости брата и предать их земле. Орел собрал кости юноши, сбрызнул их водой, и юноша вернулся к жизни. Затем орел отдал ему одну из своих трех душ.

Тут сестра стала упрекать своего мужа-орла:

– Ты летаешь в небе, видишь далеко вокруг, а не можешь научить брата, как ему вернуть себе жену!

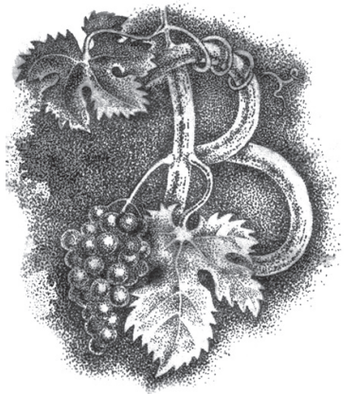
Тогда орел сказал юноше:

– Иди к озеру и притаись там на берегу. Лошади старика придут на водопой. Ты не дашь им напиться и отгонишь их от воды. Когда же к озеру прибежит шестиногий конь, дай ему напиться вдоволь, а потом схвати его за загривок. Он три раза подбросит тебя в небо и три раза стукнет о землю, но ты крепко держись за его загривок, и он подчинится тебе. Тогда можешь не бояться старика, он утратит свою силу.

Юноша послушался орла и сделал все так, как тот сказал. Он убил старика, а жену забрал домой и стал с ней жить в довольстве и счастье.

Повелительница джиннов Сарыгыз

давние времена у одного падишаха было три сына. Братья очень любили охоту. В один из дней они пошли на охоту. Самый младший из них ушел далеко вперед. Целый день он охотился, а с заходом солнца достиг какого-то холма. Он спешился, стреножил коня, а сам взобрался на холм и заснул. Вдруг его разбудили голоса девушек, доносившиеся из холма. Юноша прислушался.

– Если я выйду замуж, – говорит одна девушка, – пока муж вскочит в седло, я выкрою ему каптал[1], сошью его и пуговицы пришить успею.

– Если я выйду замуж, – говорит другая, – я одним яйцом накормлю весь народ.

– А если я выйду замуж, – говорит самая младшая, – рожу девочку с золотыми волосами и мальчика с серебряными бровями.

Услышав их разговор, младший сын падишаха запомнил этот холм, чтобы потом найти его, вскочил на коня и отправился домой. Он рассказал обо всем братьям, и на следующий день они, прихватив лопаты, подъехали к холму. Они стали раскапывать холм с самой вершины. Копали-копали и наконец увидели трех девушек.

– Ин или джинн[2]? – спрашивает девушек старший брат.

– Не ин и не джинн. Мы такие же люди, как и вы, – отвечают девушки.

После этого девушки отвели трех сыновей падишаха к своим родителям. Сыновья падишаха поздоровались, потом пошли и стали свататься к девушкам. Сыновья падишаха дали родителям девушек много скота, взяли девушек в жены и устроили большой пир.

---

[1] *Мужская верхняя одежда.*

[2] *Ду́хи.*

Много ли времени прошло, мало ли, только две старшие сестры не выполнили обещанного. А младшая тем временем понесла. Увидев это, старшие сестры затаили злобу против младшей и решили помешать ей выполнить свое обещание.

Они позвали повитуху, дали ей золота-серебра и сказали:

– Если наша сестра родит девочку с золотыми волосами и мальчика с серебряными бровями, сделай так, чтобы они не жили на этой земле.

Повитуха согласилась. Они вместе приготовили все необходимое и стали ждать, когда младшая сестра родит.

Много ли времени прошло, мало ли, но подошло время младшей сестре родить. Сестры и повитуха пришли в покои, где рожала девушка, закрыли ставни, замкнули двери и никого не пускали внутрь. И вдруг темная комната осветилась. Свет исходил от девочки с золотыми волосами и мальчика с серебряными бровями, которых родила младшая сестра. При виде таких чудесных детей сестры и повитуха сперва растерялись, но потом вытащили из-под кровати два ящика, положили туда детей, сбили ящики вместе и забили крышки гвоздями. А к роженице вместо детей подложили двух щенят.

– Кого родила, кого родила? – спрашивают люди.

– Позор младшей снохе падишаха, – говорит повитуха. – Родила она двух щенят.

Повитуха и старшие сестры потихоньку вынесли ящики с детьми и бросили в реку. А младшую с двумя щенятами посадили в большую бочку со смолой, увезли далеко и бросили.

Недалеко от того царства был маленький аул. В нем жили старик со старухой. Детей у них не было. Паршивый мерин да полуразвалившийся домик – вот и все их богатство. Старик иногда добывал зайца, иногда приносил домой рыбу. А старуха целыми днями побиралась. Так они и жили.

Однажды старик вернулся с охоты, и старуха собралась по воду.

– Старуха, – говорит старик, – пойдешь за водой, проверь-ка мои ловушки-таскармаки.

Старуха набрала воды и стала осматривать таскармаки. Один – пустой, другой – пустой, а третий – такой тяжелый, что и не вытянешь. Старуха взяла ведра с водой и поспешила домой, рассказала старику, что на таскармак что-то попалось. Тогда старик пошел к реке вместе со старухой, но и вдвоем они не вытащили таскармак. Старик вернулся домой и привел на берег своего паршивого мерина. Вместе с мерином еле-еле вытянули

они таскармак. Смотрят: он зацепил большой ящик. Привезли они свою находку домой и темной ночью открыли его. Сразу все осветилось вокруг. Смотрят старик со старухой: в ящике лежат прекрасные мальчик и девочка! Старики от радости ног под собой не чуют! Искупали их, уложили спать. Старик в темноте выкопал в доме яму и спрятал там детей.

Прошло время, дети выросли и стали взрослыми. В один из дней юноша говорит своему приемному отцу:

– Акай, что-то скучно. Дай мне своего коня и оружие, я поеду на охоту.

– Хорошо, – отвечает ему старик, – поезжай. Выезжай чуть свет, а возвращайся затемно.

С тех пор юноша стал ездить на охоту. Выезжал чуть свет, возвращался затемно и привозил хорошую добычу. Однажды соседка увидела, как он сел на коня и выехал со двора. «О Аллах, что за молодой джигит во дворе у бездетного старика?!» – подумала соседка, сказала об этом другой, та – третьей, и молва о молодом джигите пошла по всему аулу. «Тайну не поверяй своему знакомому, ибо у него есть свой знакомый», – говорит пословица, и не зря. Слух о джигите разнесся в соседнем ауле, затем еще в одном и наконец достиг ушей обеих сестер. Сестры в страхе прибежали к повитухе и говорят:

– Дети выросли и нашлись. Делай что хочешь, но погуби их, иначе нам не будет житья на этом свете.

И вот в один из дней повитуха переоделась нищенкой и пришла в дом старика со старухой. Старик в это время был на рыбной ловле, старуха на базаре продавала лисьи и заячьи шкурки, юноша охотился, и девушка с золотыми волосами была дома одна.

Переодетая повитуха разговорилась с ней, поняла, что это дети, которых они когда-то бросили в воду, и говорит:

– А что, твой брат тебя любит?

– Конечно, любит, – отвечает девушка.

– Если бы брат любил тебя, он достал бы рога пятнистого барана и сделал бы для тебя кровать. Ты уже большая, тебе стыдно спать на земле.

– А где водится такой баран, абай[1]? – спрашивает девушка.

– Как он находит других зверей, так найдет и пятнистого барана, – ответила повитуха и ушла.

Вечером брат вернулся с охоты, видит: сестра чем-то опечалена.

– Что случилось, почему ты сторонишься меня?

[1] *Матушка.*

– Ничего не случилось, просто я уже большая, а сплю на земле. Если бы ты любил меня, то сделал бы мне кровать из рогов пятнистого барана.

Услышав это, юноша опустил голову. Сел он на паршивого мерина и поехал поить его. По дороге мерин человеческим голосом:

– Эй, джигит, что голову повесил, какие думы тебя тревожат?

– Если не мне, то кому же думать? – отвечает юноша. – Есть у меня единственная сестра, и спит она на полу. Чтобы сделать для нее кровать, мне надо добыть рога пятнистого барана. А где мне его найти? Вот о чем я думаю.

– Пусть опухнет язык того, кто сказал ей про пятнистого барана! Этот баран на самом деле – дракон-аздаа. В доме твоего приемного отца на чердаке хранится сабля, оставшаяся от семи поколений предков. Попроси у него эту саблю, приготовь себе и мне еды на семь дней, и мы чуть свет выйдем в путь. Если аздаа будет спать, когда мы приедем, я подойду к нему и стану, ты же скажи «Бисмилла![1]» – и хватай его за рога. Затем ты скажи: «Пусть впереди дорога будет ясной и солнечной, а позади пусть будет черный туман», – и беги.

Юноша приготовил еды на дорогу, взял саблю, сел на коня и поскакал. На их счастье аздаа спал. Тут молодой джигит сказал: «Бисмилла», схватил аздаа за рога, взмахнул саблей и отрубил его рога. Затем он сказал: «Пусть впереди дорога будет ясной и солнечной, а позади пусть будет черный туман», – и убежал. Тут аздаа проснулся, вскочил и пустился в погоню, но заблудился в черном тумане. А юноша принес рога домой и ночами стал делать кровать для сестры. Наконец он отдал кровать девушке, сам же чуть свет отправился на охоту.

Между тем повитуха, переодевшись нищенкой, снова пришла к девушке с золотыми волосами. Видит: та сидит на кровати из рогов пятнистого барана.

– Вот хорошо, что у тебя есть кровать из рогов пятнистого барана, – говорит старуха.

Девушка с золотыми волосами накормила старуху мясом и всем, что нашлось в доме. За разговорами старуха спрашивает:

– Дитя мое, брат тебя любит?

– Конечно, – отвечает девушка.

– Если бы он тебя любил, то посадил бы со стороны луны золотое дерево, а со стороны солнца – серебряное.

– А где их найти, абай?

[1] *Во имя Аллаха.*

– Нашел рога пятнистого барана, найдет и деревья, – ответила старуха и ушла.

Вечером юноша вернулся с охоты. Он соскучился по сестре, а та на него и не смотрит.

– Что случилось, почему сердишься на меня? – спрашивает брат.

– Что может случиться? – отвечает девушка. – Если бы ты меня любил, ты бы со стороны луны посадил золотое дерево, а со стороны солнца – серебряное.

Услышав это, юноша опустил голову, сел на коня и поехал поить его. По дороге конь спрашивает:

– Эй, джигит, что голову повесил, какие думы тебя тревожат?

– Если не мне, то кому же думать? – отвечает юноша. – Есть у меня единственная сестра, а ей хочется, чтобы со стороны луны росло золотое дерево, а со стороны солнца – серебряное. А где найти мне эти деревья? Вот о чем я думаю.

– Пусть опухнет язык у того, кто сказал ей про эти деревья! – говорит конь. – Это деревья того самого аздаа. Приготовь еды на дорогу, возьми саблю отца и чуть свет выйдем в путь. Как и в первый раз, скажешь «Бисмилла» и срубишь деревья. Потом скажешь: «Пусть впереди дорога будет ясной и солнечной, а позади пусть будет черный туман», – и убежишь.

Юноша приготовил еды на дорогу, взял саблю отца, и они вышли в путь. Они достигли цели, когда аздаа спал. Джигит сказал: «Бисмилла» и срубил деревья. Затем сказал: «Пусть впереди дорога будет ясной и солнечной, а позади пусть будет черный туман». Аздаа проснулся и пустился в погоню за джигитом, но в черном тумане не смог его догнать. А юноша привез деревья домой и ночью посадил со стороны луны золотое дерево, а со стороны солнца – серебряное. Утром чуть свет он отправился на охоту.

А в это время старуха, переодевшись нищенкой, снова пришла в дом девушки с золотыми волосами. Дома кроме девушки никого не было: брат ушел на охоту, старуха продавала шкуры на базаре, а старик ловил рыбу.

Старуха пришла и видит: девушка с золотыми волосами сидит за шитьем.

– Сидишь на кровати из рогов пятнистого барана, со стороны луны золотое дерево, со стороны солнца – серебряное, как хорошо! – говорит старуха.

Девушка накормила старуху мясом. За разговором та спрашивает:

– Дитя мое, брат тебя любит?

– Конечно, любит, – отвечает девушка.

– Если бы он любил тебя, то каждый день поил бы свежим кумысом, – говорит старуха.

– А где взять свежий кумыс?

– Где брал другое, там возьмет и это, – сказала старуха и ушла.

Вечером юноша вернулся с охоты, соскучился, хотел поговорить с сестрой, но та надулась и молчит.

– Что случилось, почему ты сердишься? – спрашивает он.

– Если бы ты любил меня, то каждый день поил бы меня свежим кумысом.

Услышав это, юноша с серебряными бровями опустил голову, вышел во двор, сел на коня и поехал поить его.

– Эй, джигит, что голову повесил, какие думы тебя тревожат?

– Если не мне, то кому же думать? – отвечает юноша. – Есть у меня единственная сестра, и ее ежедневно надо поить свежим кумысом. А где я достану кумыс? Вот о чем я думаю.

– Пусть опухнет язык у того, кто сказал ей про кумыс, – говорит конь. – Кумыс можно достать от десяти кобылиц, что ходят в одном табуне с жеребцом. От этого жеребца еще никто не ушел живым. Придется поехать в тот табун, и наше счастье, если мы успеем туда, пока лошади не уйдут на водопой. У твоего приемного отца на чердаке есть большая голова воска. Возьмешь этот воск, захватишь еды на дорогу, приторочишь к седлу аркан-курук, и чуть свет мы отправимся в путь. Когда дойдем до песчаного берега, ты выроешь в песке яму, и я спрячусь в ней. Затем ты расплавишь воск и натрешь мне хребет, а сам спрячешься поблизости. Почуяв наш запах, жеребец со ржаньем и фырканьем прибежит к яме и станет меня кусать. От воска его челюсти быстро устанут. Тогда ты вскочишь на меня и накинешь курук на шею жеребца. Мы потащим жеребца за собой, а за ним побегут и десять кобылиц.

Юноша приготовил все, что велел паршивый мерин, и они вышли в путь. На песчаном берегу юноша вырыл яму, расплавил воск и натер хребет жеребца, сам же приготовил курук и спрятался поблизости. Прошло немного времени, и примчался, рассекая и небо, и землю, жеребец. Он сразу же стал кусать мерина, но тот не шевелился. Жеребец кусал-кусал, пока челюсти его не устали, и тут мерин вскочил. Юноша сразу же взлетел на него, набросил петлю на шею жеребца и поволок его за собой. Десять кобылиц поскакали за жеребцом. Когда все они достигли дома юноши, тот соорудил для них загон, сам же чуть свет ушел на охоту.

А в это время старуха, переодевшись нищенкой, снова пришла в дом девушки с золотыми волосами. Она узнала, что юноша и на этот раз остался жив. Дома кроме девушки никого не было. Ее брат был на охоте, отец ловил рыбу, а старуха продавала на базаре заячьи и лисьи шкурки.

Смотрит старуха: девушка с золотыми волосами, ясная как луна, сияющая как солнце, сидит на кровати из рогов пятнистого барана и шьет.

– Как хорошо, – говорит старуха. – Сидишь на кровати из рогов пятнистого барана, со стороны луны золотое дерево, со стороны солнца – серебряное, а ветер доносит запах кумыса. Принеси мне кружку кумыса, – просит старуха.

Девушка с золотыми волосами накормила старуху мясом, напоила кумысом. За разговорами старуха говорит:

– Дитя мое, брат тебя любит?

– Конечно, любит, – отвечает девушка.

– Если бы он любил тебя, то взял бы в жены повелительницу джиннов Сарыгъыз. Она стала бы все делать дома: стирать, убирать.

– А где ее найти, абай? – спрашивает девушка.

– Раз уж он столько всего нашел, то и ее без труда найдет, – ответила старуха и ушла.

Вечером юноша вернулся с охоты. И снова сестра сердится на него.

– Что с тобой случилось? – спрашивает юноша.

– Что со мной может случиться? – отвечает девушка. – Целый день я вожусь в доме, вся в золе, в саже готовлю еду, волосами пол мету. Если бы ты любил меня, то взял бы в жены повелительницу джиннов Сарыгъыз и привел бы ее в дом.

Юноша, опустив голову, вышел во двор, вскочил на коня и поехал поить его.

– Эй, джигит, что голову повесил, какие думы тебя тревожат? – спрашивает мерин.

Юноша рассказал ему обо всем.

– Пусть опухнет язык у того, кто сказал ей о повелительнице джиннов. Все, кто побывал у нее, окаменели. Наше счастье, если мы подоспеем туда, когда она будет расчесывать волосы после мытья. Мы должны приехать ночью, зайти на кладбище и до утра прятаться в могильных ямах. Каждое утро повелительница джиннов Сарыгъыз моет голову. В это время ты должен подняться на нижнюю ступеньку крыльца дома, где она живет, и крикнуть: «Повелительница джиннов Сарыгъыз, выйди сюда!» Если она не выйдет, поднимись на следующую ступеньку и сно-

ва крикни: «Повелительница джиннов Сарыгъыз, выйди сюда!» Если и после этого она не выйдет, поднимись на самую верхнюю ступеньку и крикни: «Повелительница джиннов Сарыгъыз, если ты не заткнула уши ватой, выйди сюда!» Тут Сарыгъыз выйдет наружу и сердито крикнет: «Кто тебе нужен?» – «Ты нужна!» – крикнешь ей в ответ. Тогда она впустит тебя в дом, и там ты должен делать все, что она прикажет.

На следующее утро еще затемно юноша выехал в дорогу. Много ли ехали, мало ли, но к вечеру достигли кладбища. Юноша набрал травы, и они с конем спрятались возле могильного холма, укрывшись травой. Наутро юноша отправился к дому повелительницы джиннов Сарыгъыз. Он поднялся на нижнюю ступеньку крыльца и крикнул:

– Повелительница джиннов Сарыгъыз, выйди сюда!

Никто не откликнулся. Тогда юноша поднялся на вторую ступеньку и снова крикнул:

– Повелительница джиннов Сарыгъыз, выйди сюда!

И на этот раз никто не вышел. Тогда молодой джигит поднялся на третью ступеньку и опять крикнул:

– Повелительница джиннов Сарыгъыз! Если ты не заткнула уши ватой, выйди сюда!

Тут Сарыгъыз выскочила на крыльцо и сердито крикнула:

– Кто тебе нужен?

– Ты нужна! – крикнул в ответ джигит.

Тогда повелительница джиннов Сарыгъыз впустила его в дом. Она дала джигиту большую тарелку, полную меда, сверху положила белый калач и говорит:

– Вон по той лестнице поднимешься вверх, да смотри, чтобы не пролилась ни одна капля меда, и ни одна пылинка не села на калач.

Джигит взял тарелку с медом и калач и стал подниматься по лестнице. Смотрит: перед ним большой аул, на его главной улице много народу. А посреди улицы стоит бочка, до половины наполненная смолой, а в смоле сидит женщина. Поглядел джигит на женщину, не выдержал и повернул назад. Пока он спускался, на калач капали его слезы. Юноша вошел в комнату, а повелительница джиннов Сарыгъыз увидела мокрое пятно на калаче и спрашивает:

– Что это такое?

Тут юноша рассказал ей о том, что видел, и покаялся:

– Не стерпела моя душа, и капнули слезы на этот калач.

Тогда повелительница джиннов Сарыгъыз говорит:

– Это была твоя мать, – с этими словами она вышла из дому, тряхнула волосами, и окаменевшие люди тотчас ожили.

Затем Сарыгъыз приказала ожившим людям:

– Женщину, что сидит в бочке со смолой, выньте, искупайте в бане и приведите ко мне.

Через некоторое время ожившие люди привели мать юноши. Сын и мать целуются, обнимаются, то плачут, то смеются. Затем мать и сын несколько дней отдыхали в доме Сарыгъыз. А мерина поставили в чистый сарай, насыпали ему отборного овса, наложили нежного сена.

Прошло время, и молодой джигит вместе с матерью и Сарыгъыз решил пуститься в обратный путь. Перед дорогой Сарыгъыз стала наставлять юношу:

– В пути мы повстречаем трех охотников. Ты поймаешь дичь, что ускользнула от них, и отдашь им. Один из этих охотников – твой отец. Мы отправимся в аул, где ты родился. На твоем пути будут расстилать ковры и белые одеяла, но ты отбрасывай их и ступай прямо на землю. Тебя пригласят за стол, предложат сесть на подушку, но ты садись прямо на землю. Еду сначала дай попробовать кошке, которая будет сидеть под столом. Затем приведи мать, отца и сестру, собери весь народ и расскажи обо всем от начала и до конца.

И вот молодой джигит посадил в фаэтон мать и сестру, погрузил все богатство повелительницы джиннов Сарыгъыз на арбы, впряг в них вместе с другими лошадьми своего мерина и отправился в путь. Как и говорила ему повелительница джиннов Сарыгъыз, в пути они повстречали трех охотников. Перед ними пробежал заяц, но они не успели его подстрелить.

Тогда молодой джигит вскочил на своего мерина, догнал зайца, подстрелил его и принес охотникам. Так он отдавал им всю дичь, которая от них ускользала, пока сумки охотников не наполнились доверху.

Тут один из охотников поспешил вперед, чтобы рассказать падишаху об этом чуде. Падишах созвал народ и повелел готовиться к встрече гостя. Старшие сестры матери девушки с золотыми волосами и повитуха прослышали о госте и поняли, что конец их близок. Тут они решились на последнее черное дело.

В это время фаэтон молодого джигита, а за ним множество арб, сверкая, как солнце, въехали в аул. Сестры матери девушки с золотыми волосами и повитуха расстилают на пути молодого джигита ковры и белые одеяла. Он отбрасывает их и видит под ними множество игл.

Когда входят в дом, юношу подводят к столу и предлагают сесть на подушку, но он отбрасывает подушку и садится прямо на землю. Когда же перед ним ставят кушанья, он берет кусок со своей тарелки и бросает кошке. Кошка сразу подохла, и тут джигит понял, что его хотят погубить. Тогда юноша обратился к падишаху и попросил разрешения привезти сестру и родителей, оставшихся дома. Падишах дал согласие, и тогда юноша рассказал обо всем, что случилось с его матерью, сестрой и с ним за эти годы. Тут весь народ стал стыдить сестер матери девушки с золотыми волосами и повитуху. Затем их привязали к хвостам семи необъезженных коней, пустили их вскачь, и те разорвали злых женщин на части.

А младший сын падишаха снова обрел жену и детей. Стариков, которые вырастили юношу с серебряными бровями и девушку с золотыми волосами, он назвал своими родителями. Своего сына с серебряными бровями он женил на повелительнице джиннов Сарыгъыз, и все стали жить в счастье и довольстве.

Бык с озера

Давно-давно жил старик. У него было трое сыновей. Младший пас стада, а двое других были дома. Однажды старик решил навестить сына-пастуха и говорит жене:

– Приготовь еды на дорогу, пойду сына проведаю.

Рано утром в пятницу отправился старик в путь. На окраине аула он подобрал палку, подвесил на нее торбу, перекинул через плечо и пошел. Много ли шел, мало ли, повстречался ему аздаа.

– Что ты мне отдашь, молодую или старую душу? – говорит аздаа. – Даю тебе четыре дня на размышление.

Испугался старик, вернулся домой, заболел со страху. Позвал он старшего сына и говорит ему:

– Я болен, а ключ к моему исцелению в ваших руках.

Тут старик рассказал сыну о своей встрече с аздаа. Сын выслушал отца и отвечает:

– Тебе страшно расстаться со своей старой душой, а мне жалко губить мою молодую душу.

Тогда старик обратился к своему среднему сыну, но получил такой же ответ. Что было делать старику? Оседлал он коня и отправился к своему младшему сыну, пастуху. Тот выслушал рассказ старика и говорит:

– Ты, отец, у нас один, для тебя и своей души не пожалею. Да будет моя душа жертвой для тебя!

Тут отец говорит:

– На лугу пасется много табунов под присмотром девяти табунщиков. Пригони лошадей до восхода. Я выберу для тебя подходящего коня.

Юноша так и сделал, но ни один конь не понравился старику. Тогда сын с отцом узнали у табунщика, что есть еще один табун, который пасется далеко отсюда. Они велели его пригнать.

Когда табунщик пригнал этот табун, отец сказал:

– Вот эти кони тебе подойдут.

– Да ведь это упряжные кони, они не обучены под седло, – сказал сын.

Юноша выбрал коня из этого табуна, вскочил на него и полетел как птица. Первый раз конь коснулся земли там, где рождается солнце, второй – там, где солнце заходит, а на третий раз вернулся к старику.

– Ну, что ты узнал? – спрашивает старик.

– На востоке лает собака и мычит корова, на западе – то же самое, – отвечает юноша.

Так прошли четыре дня, отпущенные аздаа. Старик с сыном прискакали к аздаа. Сын остался, а старик вернулся домой.

Юноша с аздаа подъехали к его логову, привязали коней и вошли.

Смотрит юноша: перед ним сидят аксакалы и молодые девушки. Хан аздаа говорит ему:

– Вот моя дочь. Я хочу выдать ее за человека, которого вскормила своим молоком честная женщина.

Юноша женился на дочери аздаа и стал жить в его стране. Однажды он собрался на охоту. Аздаа предупредил его:

– Охоться где угодно, только не ходи на юг!

Долго ехал юноша, но так и не выследил добычи. Тогда, забыв слова аздаа, он отправился на юг. Как только он свернул к югу, его собака и ловчий сокол испустили дух. Конь же, летавший как птица, плелся еле-еле.

– Ты идешь на смерть, – говорит юноше конь. – В этом краю люди гибнут от жажды. Бык с озера не дает им воды. За глоток воды люди отдают быку на съедение своих детей. Давай сделаем вот что. Я полечу над озером, а ты покрепче ухватись за меня и держи в руке саблю. Когда бык поднимет голову, чтобы посмотреть на нас – ведь даже птица не смеет пролететь над ним, – ты сруби ему голову. Если сделаешь это, мы останемся живы, если нет – погибнем. Пока мы не долетим до противоположного берега, не тяни за уздечку.

Юноша так и сделал, но когда конь летел к берегу, юноша второпях сильно потянул за уздечку. И тут у коня отвалился кусок хребта. Конь сказал:

– Возьми кусок спины быка и прикрепи к моей спине.

Юноша так и сделал. Он починил коня, потом приторочил бычью голову к седлу и отправился домой.

В это время хан аздаа хватился своего зятя и стал везде искать его. И вот юноша предстал перед ханом с огромной, как гора, головой быка.

Хан обрадовался и говорит:

– За то, что победил быка, я исполню три твоих желания.

Тут к аздаа обратились аксакалы:

– Пусть джигит сначала отдохнет и отоспится.

Пока юноша спал, двенадцать человек три дня и три ночи делили огромную бычью голову, чтобы раздать куски людям.

Юноша отдохнул и спрашивает у жены:

– Что просить у твоего отца?

– Проси, чтобы тебя вместе со мной отпустили домой, проси серую кобылицу из табунов, проси черный оселок из казны. Все твои желания отец исполнит, а черный оселок ему будет жалко отдать.

Наступил четвертый день, и юноша предстал перед тестем.

– Скажи, чего ты хочешь? – говорит аздаа.

– Отпусти меня с женой домой.

– Хорошо, сын мой. Еще чего ты хочешь?

– Дай серую кобылицу из табунов.

– Кобылица твоя. А еще чего?

– Черный оселок из казны.

Аздаа трет локоть о локоть – не хочется ему отдавать оселок. Тут аксакалы, сидящие по обе стороны хана аздаа, советуют ему не отказывать юноше. Подумал аздаа и дал свое согласие.

Юноша с женой собрались и отправились в путь. Ехали они долго и проголодались. А поесть-то нечего – дочь аздаа не взяла еды в дорогу. Муж сердится, а жена говорит:

– Выбери место, где трава повыше, а вода поспокойнее. Остановимся там, а насчет еды не беспокойся.

Остановились они. Дочь аздаа вынула оселок, потерла его и говорит:

– Накройся!

В тот же миг перед ними вырос красивый дом, а в нем – накрытый стол. Чего только нет на столе!

Когда они наелись и отдохнули, жена потерла оселок и говорит:

– Убери!

Тут же все исчезло – и дом, и стол. Поехали они дальше и вскоре достигли холма недалеко от родных мест. Тут дочь хана говорит:

– Остановимся здесь, а к твоему отцу пошлем вестника: пусть расскажет о том, что мы здесь.

Послали они вестника в дом отца юноши. Тем временем жена достает оселок и просит построить дом. И сразу перед ними встает красивый дом, крытый синей жестью, со всем убранством.

Отец юноши, получив добрую весть, не мог поверить своему счастью. Он поехал к холму и увидел там своего сына. Обрадовался старик и вместе с сыном и его молодой женой вернулся домой.

Прошло время, и старшие сыновья стали упрекать отца за то, что он помог младшему сыну разбогатеть и жениться на дочери хана. Они решили погубить брата и завладеть черным оселком. И вот в один из дней отец, послушавшись старших сыновей, зовет младшего сына и говорит ему:

– Когда моего отца похоронили, на его пальце было золотое кольцо. Принеси мне это кольцо.

Юноша собрался в дорогу, а жена ему говорит:

– Возьми с собой коня, собаку и ловчую птицу. По дороге ты увидишь лису. Она пробежит мимо холма, что возле аула, и скроется в норе под кладбищем. Иди за лисой и увидишь старика.

Юноша послушался жену и нашел старика.

– Зачем ты пришел сюда? – спросил старик.

Юноша рассказал ему обо всем.

Старик, оказавшийся его дедом, пожалел юношу и дал ему кольцо. В придачу же старик насыпал юноше горсть земли и сказал:

– Возьми с собой эту землю. Когда вернешься, скажи вашему молле, чтобы обсыпал этой землей аульчан, когда они соберутся в пятницу в мечети.

Юноша вернулся домой, высыпал землю в золотую чашу и отнес чашу молле.

– Обсыпь этой землей аульчан, когда они соберутся в пятницу в мечети, чтобы сотворить намаз, – попросил он.

Молла выполнил просьбу и обсыпал народ землей. Тут же оба брата юноши превратились в пятнистых свиней. А юноша со своим отцом и с женой с этих пор зажили в довольстве и достатке.

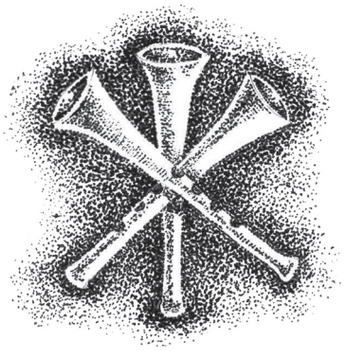

ОСЕТИНСКИЕ СКАЗКИ

Все люди под одним небом живут.

Золоторогий олень

или когда-то в стране у одного владетеля – алдара – муж и жена, не богатые и не бедные, и было у них три сына. Когда подросли сыновья, отец и мать умерли. Братья стали охотиться – тем и жили.

Однажды двое старших братьев пошли на охоту в одну сторону, а младший – в другую. Долго ходили два старших брата по полям и оврагам, по лесам и лугам. Не то что убить, даже не приметили никакого зверя. И так устали, что поклялись никогда больше на охоту не ходить. Отдохнули братья немного, а вечером ни с чем приплелись в свой дом. Вскоре и младший брат вернулся домой, да не с пустыми руками.

Увидели старшие, что младший принес оленя, и забыли о своей клятве. На другой день отправились братья на охоту порознь, один за другим.

Вот старший забрался на гору, посмотрел в низину, а там пасется золоторогий олень. Только нацелился старший брат, как олень заговорил человечьим голосом:

– Не убивай меня, молодец, худо тебе будет! Ты ведь поклялся, что не будешь охотиться.

Не послушался старший брат и пустил в золоторогого оленя острую стрелу. Стрела попала в золотой рог оленя, отскочила, полетела назад и вонзилась в самое сердце старшего брата, и он сам повалился мертвым. Скоро и средний брат поднялся на ту же гору. Посмотрел в низину и видит – пасется на лугу олень, и рога-то у него не простые, а золотые.

Схватил средний брат лук, стрелу меткую и только нацелился, как олень заговорил человечьим голосом:

– Не убивай меня, молодец, худо тебе будет! Ты ведь поклялся, что не будешь охотиться.

Не послушался средний брат, натянул тетиву и пустил стрелу в золоторогого оленя. Стрела отскочила от золотого рога, полетела назад, вонзилась в самое сердце среднего брата, и не олень, а сам он повалился мертвым.

Младший брат весь день и всю ночь ждал своих старших братьев, а рано утром вскочил, умылся холодной водой, сунул в сумку кусок ячменного чурека и кусок холодной оленины и отправился в лес.

Шел он, шел и поднялся по высокому склону горы на самую вершину. Лежат там его братья, пронзенные своими же стрелами.

Горько заплакал младший брат, хоть и знал, что братья сами виноваты. Выкопал он две могилы и похоронил их.

Только он хотел возвращаться домой, как увидел в низине золоторогого оленя.

Схватил он лук и хотел пустить в оленя свою стрелу. Вдруг олень заговорил человечьим голосом:

– Добрый юноша, не убивай меня, худо тебе будет! Отведи лучше меня в свой дом.

Подумал младший брат и не стал пускать в оленя стрелу острую. Накинул веревку на ветвистые золотые рога и повел оленя к себе в дом.

Пришли они в дом, олень и просит:

– Закрой дверь и окна, закрой все щели, чтобы никто не видел меня, иначе алдар меня у тебя отнимет.

Юноша закрыл дверь, окна и все щели, а посреди жилища разжег костер, чтобы светло было. Олень опять говорит:

– Отверни мой левый рог.

Юноша отвернул левый рог оленя и стал вынимать из оленьего рога всякую еду и напитки. Чего-чего только там не было!

Юноша поел и попил вволю. Что осталось из еды и напитков, опять вложил в рог и закрутил его, как было раньше.

Рано утром олень говорит юноше:

– Обменяй свой тугой лук и колчан с меткими стрелами на свирель алдара. Зачем тебе охотиться, когда в моих рогах есть все, что нужно? Да скажи алдару, что после смерти братьев не станешь больше охотиться.

Юноша взял тугой лук, меткие стрелы и отправился к алдару. Алдар отдал ему свирель за колчан и лук. Когда юноша вернулся, олень ему говорит:

– Отверни мой левый рог.

Юноша отвернул рог и вынул из него так много еды и напитков, что половину жилища заполнил.

– А теперь отверни правый рог и заиграй на своей свирели.

Юноша отвернул правый рог, и из него вышло столько отважных юношей и девушек-красавиц, что они заполнили и другую половину жилища. Юноша заиграл на свирели, и все пустились в пляс. Перестал юноша играть на свирели, все стали пировать.

Кончился пир, юноша закрутил оба рога оленя, и в жилище стало по-прежнему темно и пусто.

С тех пор бедный юноша каждый день веселился.

Люди стали говорить друг другу:

– Чем живет этот юноша? И на охоту не ходит больше, и окна, двери закрыл, и оленя не режет. Неспроста, видно, все это, неспроста!

Прослышал алдар про золоторогого оленя и послал своего работника за ним.

– Алдар велел, чтобы ты привел золоторогого оленя, – сказал работник юноше и ушел.

Олень стал утешать юношу:

– Я знал, что злой алдар меня отнимет, но не бойся: веди меня к нему, а там видно будет.

Бедный юноша накинул веревку на рога оленя и отправился к алдару.

Обрадовался алдар, увидев золоторогого оленя, и велел отвернуть сначала один рог, потом другой. Но никто не смог их отвернуть. Тогда алдар велел юноше, и тот отвернул. Алдар оставил в своем замке и оленя, и бедного юношу. Прошло немного времени, и алдар говорит юноше:

– Слышал я, что в одной стране в своей высокой башне живет самая красивая девушка на свете. Хочу жениться на ней. Приведи ее в мой замок. А не приведешь – голову отрублю.

Что было делать бедному юноше? «Никогда я не слыхал о такой девушке-красавице. Как найти ее и против воли привезти к алдару злому?» – думал он.

Да делать нечего. Пошел юноша во двор к золоторогому оленю и рассказал ему все.

– Не горюй, добрый юноша, – говорит олень. – Я тебя научу, как найти эту девушку. Скажи алдару, чтобы он послал с тобой трех работников. Пойдете вы на восток и дойдете до большой равнины. Посреди равнины увидите высокий курган. Ты приляг на курган, вздохни глубоко и скажи: «Ох, мать, меня не родившая, как я устал!»

В кургане откроется дверь, и выйдет к тебе женщина. Она скажет тебе, что дальше делать.

Юноша попросил у алдара трех работников и отправился в путь. Идут они, идут... Немало шли и вот дошли до большой равнины, а посреди увидели высокий курган. Подошли к кургану, сын бедняка прилег, вздохнул глубоко и говорит:

– Ох, мать, меня не родившая, как я устал, как устал!

Только сказал это, как на склоне высокого кургана появилась дверь, открылась сама собой, и оттуда вышла женщина.

– Здравствуй, бедняга, – говорит она ласково. – Чем же помочь тебе?

– Помоги мне увезти красавицу девушку из ее высокой башни.

– Вижу, что нет у тебя отца-матери. За то, что назвал меня своей матерью, я помогу тебе, хоть и нелегкое это дело. А пока спрячьтесь, не то придут мои семеро сыновей-уаигов[1] и съедят вас.

Женщина повела бедняка и алдарских работников внутрь кургана и спрятала их в игольник. Только спрятала, как в открытую дверь кургана один за другим вошли семеро ее сыновей-великанов. Входят и говорят:

– Уф, уф! Аллона-биллона[2] чуем.

А мать им:

– Откуда тут чуять аллона-биллона! Видно, олениной пахнет, которую вы принесли с охоты.

А младший так сказал своим старшим братьям:

– Исходили мы путей немало, вот вам и мерещится аллон-биллон!

Братья-уаиги, конечно, успокоились. Мать накормила их и говорит:

– Задумала поехать я к отцу. Дайте мне коня и раньше чем через год ко мне не приходите.

– Зачем ты поедешь к своему отцу – дедушке нашему? А нам тогда что делать? – закричали они. – Мы сюда, в курган, из-за тебя приходим, а что нам делать тут? Наш дом там, где нас застанет вечер.

А самый младший уаиг сказал:

– Чего вы кричите! Мы целыми месяцами бродим по разным странам, а мать одна сидит в кургане. Разве хоть раз в жизни нельзя ей поехать к родному отцу, нашему деду?

Ну, братья-уаиги, конечно, согласились:

– Хорошо, мать, бери нашего коня и отправляйся. А год пройдет – мы приедем за тобой и привезем тебя сюда.

---

[1] *Уаиги – великаны.*

[2] *Здесь: «человека».*

Мать уложила спать своих сыновей-уаигов, а когда они уснули, потихоньку пошла в другую комнату, открыла игольник и дала чурека и мяса бедняку и трем алдарским работникам.

Как только стало рассветать, братья-уаиги вскочили со звериных шкур, на которых спали, быстро умылись, поели чурека, пожелали счастливого пути своей матери, гремя доспехами, один за другим вышли из кургана и скоро скрылись из глаз.

Мать уаигов посмотрела им вслед, вернулась в курган, вынула из игольника бедняка и алдарских работников, накормила их, вывела из подземелья белого коня и говорит:

– Добрый молодец, вот тебе конь. Сядешь на него и поедешь на восток, на восход солнца. Доедешь до башни – и делай все, как скажет конь. Только смотри возвращайся ровно через год.

Бедняк поблагодарил добрую женщину, сел с работниками алдара на коня и поехал на восток.

Долго рассказывать, сколько они ехали.

Однажды из-за облаков показался большой орел, слетел вниз, сел на плечо бедняка и сказал человечьим голосом:

– Я знаю, что ты бедняк, и поэтому хочу тебе помочь. Скорее вырви у меня одно перо. Когда я понадоблюсь, подержи перо над огнем, и я мигом явлюсь к тебе.

Вырвал юноша перо, и орел улетел за облака.

А юноша и работники алдара пустились дальше. Прошло полдня, и дошли они до ручья. Вдруг из воды выскочила великан-рыба и заговорила человечьим голосом:

– Добрый молодец, я знаю, что ты бедняк, и хочу тебе помочь. Возьми у меня одну чешуйку. Когда я понадоблюсь, подержи ее над огнем, и я мигом явлюсь к тебе.

Сделал юноша так, как рыба велела, а рыба взмахнула хвостом и бултыхнулась в реку.

Наконец, доехали они до высокой башни. Конь сказал:

– Здесь живет та красавица девушка, которую ты ищешь. Скажи, чтобы работники сплясали. Красавица никогда не видела, как люди пляшут. Она сначала посмотрит в окно башни, потом откроет дверь и выйдет, чтобы посмотреть поближе. Ты ее схватишь и вскочишь на меня, а дальше я сам знаю дорогу. А вы, работники алдара, выводите себе коней из башни и скачите прочь.

Все получилось так, как говорил конь. Когда красавица девушка открыла дверь, бедняк схватил ее, вскочил на коня и помчался обратно,

на запад, на заход солнца. Работники вывели себе лошадей из башни и пустились за ними.

Всю дорогу красавица девушка старалась вырваться. Вот доехали они до черного леса, она увидела яблоню и говорит:

– Хочу на дерево влезть, яблоко сорвать.

Поверил ей бедняк и опустил на землю. Вмиг вскарабкалась она на дерево, превратилась в птичку, взмахнула крыльями и улетела.

Заплакал юноша, а конь ему и говорит:

– Подержи перо орла над костром, орел прилетит и поймает ее.

Работники алдара развели огонь. Бедняк подержал над огнем перо, с облаков вдруг спустился большой орел, сел на седло коня и спрашивает:

– Скажи, бедняк, чем тебе помочь?

– Поймай ты мне красавицу девушку: она стала птичкой и улетела. Если ты не поймаешь ее, алдар снимет с меня голову.

Взмыл орел высоко в небо, оглядел все птичье царство и увидел новую птичку, которой раньше не было. «Это и есть красавица девушка», – подумал орел, взмахнул могучими крыльями, поймал ее и принес бедняку. Когда бедняк взял ее в руки, она превратилась в девушку.

– Будь здоров, – сказал юноша большому орлу, и тот улетел.

А юноша с девушкой и работниками отправились дальше своей дорогой. Прошла неделя в дороге. Красавица девушка просит бедняка:

– Юноша, умираю, как хочется пить!

– Принесите ей воды из родника, – посылает бедняк работников.

Те принесли ей в колчане воды из родника, а красавица девушка говорит:

– Я не пью такой воды.

– Какой же тебе?

– Из большой реки.

Принесли ей воды из большой реки, а она опять:

– Не хочу из колчана пить – хочу из реки напиться сама.

Нечего делать, поехали к реке напоить красавицу девушку да и самим напиться.

Только красавица стала пить, как превратилась в маленькую рыбку, вильнула хвостом и скрылась под водой.

Заплакал бедняк, а конь ему и говорит:

– Да у тебя же есть рыбья чешуйка! Подержи ее над огнем, рыба приплывет сюда и поймает ее.

Работники развели костер, бедняк подержал над ним чешуйку. Великан-рыба высунула пасть из большой реки и спрашивает:

– Скажи, бедняк, чем тебе помочь?

– Поймай красавицу девушку: она стала маленькой рыбкой, вильнула хвостом и скрылась под водой.

Великан-рыба нырнула, посмотрела вокруг и среди знакомых рыб увидела чужую маленькую рыбку. «Вот она, красавица девушка», – догадалась великан-рыба.

Сердито махнув хвостом, подплыла она к рыбке, острыми зубами схватила ее за хвост и принесла бедняку. Когда он взял в руки рыбку, она превратилась в девушку.

– Больше не обманешь меня, – сказал ей юноша.

– Я больше и не убегу: видно, не уйти мне от тебя до самой смерти, – отвечала она.

Бедняк распрощался с великан-рыбой, та вильнула хвостом и ушла в реку, а бедняк с красавицей девушкой и работниками отправились дальше своей дорогой, на заход солнца.

Наконец доехали они до кургана. Бедняк отдал коня матери уаигов и поблагодарил ее за все.

Мать уаигов привела бедняку коня похуже, сама села на лучшего и отправилась к отцу, а бедняк с красавицей девушкой и работники – своим путем. Сколько ехали, про то я ничего не знаю, но вот доехали они до алдарского замка. Там красавицу девушку заперли до свадьбы в башне за семью дверьми. Но жадному алдару этого было мало. «Скоро свадьба, а у меня ни скамей, ни кресел из слоновой кости», – сердился он.

Призвал бедняка и приказывает ему:

– Сделай к свадьбе скамьи и кресла из слоновой кости. Не сделаешь – голову сниму.

Опечалился бедняк, вышел во двор и жалуется золоторогому оленю.

– Не горюй, бедняга, – жалеет его олень. – Скажи алдару, чтобы велел выкопать на берегу реки три глубокие ямы. Одну яму пусть наполнит солью, другую – табаком, третью – ронгом[1]. А там дальше увидишь сам.

Бедняк вернулся к алдару и сказал так, как научил его олень.

Алдар велел своим работникам все выполнить. Только успели они закончить, как выходит из чащи слон. Дошел он до ямы с ронгом, подумал, что это вода, и выпил весь ронг, потом наелся соли и табака и сдох. Бедняк сделал из бивней слона скамьи и кресла и отнес их алдару. На другой день рано утром алдар послал глашатаев по своему селению и велел скликать народ на свадьбу.

[1] *Алкогольный напиток из меда.*

– Сегодня алдар женится на красавице девушке. Пусть каждый дом принесет алдару пироги с сыром, одну индейку и кувшин ронга. Кто не принесет, того алдар накажет! – кричали глашатаи.

Красавица девушка услышала это и говорит алдару:

– Наполни буйволовым молоком два больших котла. Один вскипяти, а другой оставь холодным. Мы сначала вместе искупаемся в молоке, а потом я выйду за тебя замуж.

Обрадовался алдар, велел все приготовить. Когда закипело буйволово молоко, красавица вышла из высокой башни и говорит алдару:

– Сначала ты полезай в чан с горячим молоком, а потом я полезу. Да не бойся, со мной ничего тебе не будет.

Ну, глупый алдар первым полез в большой чан с горячим буйволовым молоком и, конечно, сварился, как куриное яйцо. А бедняк сказал красавице девушке из высокой башни:

– Нет больше алдара в нашей стране. Выходи за меня замуж.

– Хорошо, – согласилась она.

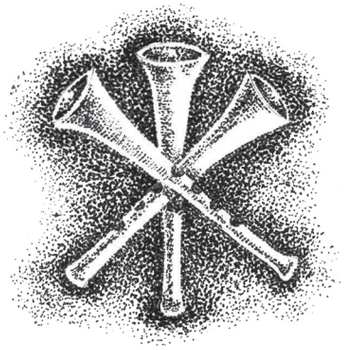
А когда на широкий алдарский двор собрался весь народ с пирогами, индейками и ронгом, – не свадьбу алдара увидели они, а свадьбу бедняка.

Отвернул бедняк левый рог своего оленя – и всякой едой и напитками наполнился широкий алдарский двор. Отвернул он правый рог – и вышли из него столько юношей и девушек, что сосчитать нельзя. Заиграл сын бедняка на свирели – и шумом пляски, звоном песни и веселыми криками наполнился широкий алдарский двор.

Так достались бедняку его олень, красавица девушка из высокой башни и скамьи и кресла из слоновой кости. Все добро алдара бедняк раздал жителям алдарского селения, а самых старых из них поселил в алдарском замке.

Зажил бедняк счастливо со своей красавицей женой и золоторогим оленем. Счастливо зажили и жители алдарского селения.

Халын Бараг

ил один богатый алдар, и не было у него детей. Шли годы, стал алдар горевать: «Кому останутся мои земли, мои богатства? Наложить на себя руки – да это позорная смерть. Жить дальше – да тоска грызет сердце».

И вот однажды заперся он в своей комнате, не выходил наружу и к себе никого не пускал – решил уморить себя голодом.

Люди обращались к нему, жена уговаривала его не делать этого, но алдар не слушал никого, не притрагивался к пище и даже воды не пил.

Жена тревожилась за алдара все больше и больше, а когда поняла, что мужа уговорить не удастся, послала за его другом, соседним алдаром.

Тот явился немедленно, но и его алдар не стал слушать. Тогда друг сказал ему:

– Прошу тебя, откажись от этой затеи, иначе твое имя навсегда покроется позором. Если уж ты ищешь смерти, если наш светлый мир не радует тебя – умри достойно, как положено мужчине: на поле битвы, с оружием в руке. Ты никогда не огорчал меня и впредь, я думаю, этого не сделаешь. Возьми своих людей, а я возьму своих, и отправимся в военный поход – ведь во врагах у нас недостатка нет. Может, тебе доведется встретить смерть в бою.

И алдар послушал своего друга. Собрали они воинов и отправились в поход. Долго ехали степью и нигде не встретили ни одного ручья. Солнце пекло все сильней, все больше мучила их жажда, и тогда два алдара решили:

– Разойдемся в разные стороны и поищем воду. Кто найдет – пусть выстрелит из ружья.

Всадники рассыпались по степи. Проехал наш алдар какое-то расстояние и вдруг видит: в балке растет камыш, рядом стоит ива, а из-под ее корней, журча, бьет чистый родник.

Алдар поднял ружье и выстрелил в воздух, чтобы собрать людей.

Как только прогремел выстрел, под ивой откуда ни возьмись появился какой-то человек. Он бросил в родник камень, и вода тут же исчезла.

– Что ты наделал, – вскричал алдар, – ведь я и мои люди погибаем от жажды!

– А как вы сюда попали – ты и твои люди?

Рассказал алдар свою историю, и тогда человек сказал:

– Я – Халын Бараг. Не тужи больше, не ищи смерти. Я помогу тебе, но с одним условием: в течение трех лет у тебя родятся три сына. Обещай отдать мне одного из них.

– Появились бы у меня дети, а там бери хоть всех троих.

– Трое мне не нужны, но помни о нашем уговоре. Когда-нибудь я приду к тебе.

Сказав это, Халын Бараг поднял камень из родника, и оттуда снова хлынула вода. Тут со всех сторон начали съезжаться всадники, а Халын Бараг исчез так же внезапно, как и появился.

Алдары со своим людьми отдохнули у родника в тени ивы, напились воды. После этого бездетный алдар сказал:

– Мой друг, давай вернемся обратно, и наши славные спутники пусть едут по домам, – я больше не хочу умирать. Прошу прощения за доставленное беспокойство. Благодарю тебя и твоих людей.

И они вернулись домой – а что еще им оставалось делать!

За три года у алдара родились три сына. Время шло, мальчики выросли, и сердце алдара полнилось надеждой и уверенностью, а уж горд он был так, что даже птице не позволял пролететь над собой.

Много ли прошло лет, мало ли, кто знает, но вот однажды в селении алдара появился Халын Бараг и подошел к сидящим на ныхасе[1] людям.

– Добрый день!

– Добро пожаловать, гость!

– Не сможет ли кто-нибудь отвести меня в дом алдара?

Кто же посмеет сунуть руку в пасть змеи? Люди на ныхасе, и старшие, и младшие, переглянулись между собой, но никто не отважился повести гостя к алдару – каждый боялся за свою жизнь.

В конце концов один юноша сказал:

[1] *Место для общественных собраний в селении.*

– Даже если меня изжарят, все равно я должен пойти. Как это может быть, чтобы во всем селе не нашлось человека, не побоявшегося проводить гостя, куда ему надо!

Юноша подошел к дому алдара и стал звать хозяина.

– Что за собака, что за осел смеет кричать у моих дверей?

Зарежьте его! Выбежали алдарские слуги, но юноша успел сказать им:

– Не спешите, я никуда от вас не денусь, а пока сообщите алдару, что к нему пришел гость, Халын Бараг.

Алдар, услышав это имя, велел пригласить в дом и гостя, и провожатого. Он щедро одарил юношу и поблагодарил его:

– Спасибо тебе за то, что не побоялся и поставил обычай гостеприимства выше собственной жизни. Ты привел ко мне гостя, и я ценю твою услугу.

Белых быков, как белых ягнят, резал алдар в честь гостя. Целую неделю сидел Халын Бараг на пиру у алдара, а когда прошла неделя, сказал:

– Ты прекрасно угостил меня, алдар, лучше не бывает. Но не буду скрывать цель своего прихода. Не для того пришел я к тебе, чтобы пировать и веселиться. Ты ведь помнишь, о чем мы договорились возле родника, под ивовым деревом? Теперь исполни свое обещание, дай мне то, что положено.

– Я не забыл своих слов. Есть у меня три сына, и всех троих я не пожалею для тебя.

– Нет, алдар, дай мне то, что обещал – большего я у тебя не прошу, а с остальными живи счастливо.

Тем временем сыновья алдара упражнялись на площади для игр. Алдар послал за старшим. Узнал старший, зачем его позвали, и сказал:

– Даже если этот гость вздумает забрать всю семью, если начнет резать вас всех – я и шагу с ним не сделаю!

Позвал алдар второго сына, и этот повторил слова старшего.

Наконец позвали младшего сына.

– Делай со мной что хочешь – я в твоей воле, – сказал младший. – Бог меня дал тебе, ты вправе мною распоряжаться, и я готов на все. Об одном только прошу: снаряди меня в дорогу так, как положено снаряжать всадника.

Как было алдару не выполнить просьбу сына! Снарядили его как положено, и засверкал он, словно небесный Уацилла[1]: и сам он, и конь его, и оружие.

[1] *Бог-громовержец.*

Перед тем, как отправиться в путь с Халын Барагом, младший сын алдара подошел к братьям и сказал им:

– О мои старшие! Я уезжаю, не зная, куда и зачем. Все может случиться: либо вернусь я живым в родительский дом, либо пропаду где-нибудь. И если вы захотите узнать, жив я или нет, пусть через год старший брат возьмет шило и вонзит его себе в ладонь. Если выступит сукровица – значит, я жив, если кровь – значит, мертв.

Халын Бараг попрощался с алдаром и его семьей и пустился в дорогу, и юноша с ним. Долго они ехали, недолго ли – кто знает, но вот юноша говорит:

– Халын Бараг, я знаю, что ты задумал съесть меня, и вот о чем прошу: съешь меня здесь, чтобы кости мои были недалеко от родного дома.

– Не спеши, юноша, время еще есть, все равно ты от меня никуда не денешься.

Поехали они дальше и в конце концов добрались до какой-то горы. У подножия горы темнела пещера. Слезли всадники с коней, вошли внутрь.

– Это мой дом, юноша, – сказал Халын Бараг. – Присядь, отдохни, а я пока отлучусь.

С этими словами он вышел из пещеры, а юноша остался один. Огляделся вокруг и видит: посреди пещеры стоит на подставке большой котел, а по углам сложены грудами человеческие черепа.

Вдруг один череп выкатился из угла, остановился перед юношей и заговорил:

– В нехорошее место попал ты, брат мой! Дорога твоя – это дорога смерти. Видишь черепа? Все это были похожие на тебя люди, и всех их съел Халын Бараг. Скоро и твой череп будет лежать среди других, если ты не попытаешься вырваться отсюда.

– Как же мне сделать это? – спросил юноша.

– Ты сможешь спастись, если послушаешь меня.

– Я сделаю все, что ты скажешь.

– Тогда слушай: Халын Бараг ушел на охоту. К ужину он принесет из черного леса оленью тушу и сухое дерево и поручит тебе разделать тушу, но ты не соглашайся. Бросив мясо в котел, он сядет в кресло, возьмет в руки двухструнный фандыр[1] и начнет играть, а тебе предложит сплясать на краю котла. И на это не соглашайся, иначе он столкнет тебя

[1] *Струнный музыкальный инструмент.*

в котел, и ты там сваришься, а он, съев твое мясо, бросит твой череп в груду других черепов.

С этими словами череп укатился обратно в угол.

Вечерело. Пришел Халын Бараг, принес на плече тушу оленя, притащил за собой целое сухое дерево.

– Юноша, займись этой тушей, а я пока отдохну.

– Халын Бараг, я еще не опытен и не знаю, как это делается. Сегодня разделай тушу сам. Я посмотрю и научусь, а в следующий раз не дам тебе и пальцем шевельнуть.

Халын Бараг наполнил котел водой, бросил туда оленье мясо, развел под котлом огонь. Вот вода закипела, тут Халын Бараг снял со стены фандыр, заиграл на нем и сказал юноше:

– Гость мой, спляши три круга по краю котла, покажи мне свою ловкость.

– Я бы с удовольствием сплясал на краю кипящего котла, но никогда этого не делал. Было бы хорошо, если бы ты показал мне, как это делается, а потом я буду плясать для тебя каждый день.

– Кто же сыграет мне на фандыре? – спросил Халын Бараг.

– Я немного умею играть, – ответил юноша.

Он взял фандыр, подтянул струны, повел по ним смычком и начал играть.

Халын Бараг вскочил на край котла и стал плясать по кругу. Прошел он один круг над кипящим котлом, а когда делал второй, оказался спиной к юноше. Тот встал с места и столкнул Халын Барага в котел. Пытался еще Халын Бараг выбраться из кипящей воды, но юноша не дал ему этого сделать, и Халын Бараг сварился в кипятке.

Наутро череп снова выкатился из угла и сказал юноше:

– Ты избавился от врага и тем спас свою жизнь. Пока счастье на твоей стороне. Теперь я хочу сказать тебе еще кое-что. Видишь эту дверь? За нею молочное озеро, за молочным – серебряное, а за серебряным озером – золотое. Искупайся вместе с конем во всех трех озерах – и покроешься золотом. Желаю тебе прямой дороги, но если тебе когда-нибудь повезет и ты найдешь свое счастье – не забудь о нас.

Сын алдара искупался вместе с конем в молочном, серебряном и золотом озерах, и засверкали золотым блеском и он сам, и его конь.

Выбрался он из пещеры и поехал по дороге. Привела его дорога к какому-то селению. Постучался путник в крайний дом, а там жила старуха-ведунья. Она ласково встретила гостя, предложила ему ночлег.

Утром все село пришло в движение. Спросил юноша хозяйку:

– Что у вас происходит?

– Сегодня алдарская дочь будет выбирать себе мужа, и весь народ спешит к дому алдара: каждый надеется, что выберут его.

Вышел юноша за порог, смотрит, как стекается народ к дому алдара.

Кто знает, чем бы все это кончилось, если бы дочь алдара не увидела юношу с вершины башни: он сверкал золотом, словно небесный Уацилла.

Собрались во дворе алдара люди, сели за столы, стали пировать.

Тут и дочь алдара вышла с бокалом в руке, прошла сквозь толпу, поглядывая по сторонам, а потом вернулась обратно к отцу и матери и, поставив бокал на стол, сказала:

– Не все люди собрались здесь.

Алдар спросил своих слуг:

– Всех ли вы пригласили?

– Всех, наш алдар, не пропустили никого. Правда, у старухи-ведуньи гостит какой-то человек, но мы усомнились, стоит ли его приглашать, да и дочери твоей он вряд ли нужен.

– Это не ваше дело. Идите и приведите его сюда!

Пошли слуги в дом ведуньи, пригласили ее гостя на пир и посадили за стол на самое нижнее место.

Опять вышла дочь алдара с бокалом в руке, обошла собравшихся и отдала бокал новому гостю.

Устроил алдар богатую свадьбу. Белых быков резали, словно белых ягнят, и столы ломились от яств и напитков.

Кое-кому из людей был не по душе выбор алдара и его дочери, и они ворчали: «Дочь алдара вышла за безвестного бродягу, гостя старухи-ведуньи! Наверно, лучшего она и не заслуживала».

Долго, недолго ли прожили молодые после свадьбы, а только однажды юноша сказал:

– Давно я не был на охоте. Пойду поброжу по лесу, может, добуду какую-нибудь дичь.

– Куда ты собрался, разве мы нуждаемся в мясе? – спросил алдар.

– И все же я пойду. Скучно мне сидеть на месте без дела, хочу немного развлечься.

– Тогда возьми с собой и моего сына, только запомните: идите на Черную гору. На Белую гору не ходите – попадете в беду.

Пошли сын и зять алдара охотиться на Черную гору. Блуждали целый день до вечера, но даже зайца не встретили.

– Будь что будет, пойду я на Белую гору, – сказал зять, – не возвращаться же с пустыми руками. Ты пойдешь со мной?

– Я не могу нарушить запрет отца, – ответил сын алдара, – а тебе желаю удачи.

На том они и расстались.

Поднялся юноша на Белую гору и вдруг увидел перед собой белую лань. Пустил он стрелу, и лань бросилась бежать, оставляя за собой кровавый след.

«Она ранена, – подумал юноша. – Теперь я ее не оставлю, хотя бы мне пришлось идти до края небес».

Стал он преследовать раненую лань. Всю ночь бежали по лесу лань и охотник. Устанет охотник, присядет отдохнуть – и лань впереди приляжет на траву. Так юноша гнался за своей добычей еще и весь следующий день до вечера.

Настал вечер, и вот впереди показался какой-то курган.

Подбежала лань к кургану, и вдруг у его подножия открылась дверь. Лань скрылась за дверью. Юноша недолго думая вошел следом. Вошел – и остановился в изумлении.

Никогда он не видел такого дива. Перед ним большой зал с зеркальными стенами и потолками. Вдоль стен стоят резные кресла. Сел юноша в одно из кресел, и вдруг откуда ни возьмись появились перед ним таз, кувшин с водой и полотенце.

Умылся юноша, утер полотенцем лицо и руки, и все предметы тут же исчезли.

Сидит сын алдара, ждет, что будет дальше.

Тут в одной из зеркальных стен открылась дверь и вошла девушка невиданной красоты. При виде ее юноша едва не лишился чувств.

– Здравствуй, гость, – сказала девушка. – Какое солнце, какое ненастье привели тебя к нам?

– Я ранил лань на Белой горе и по ее следу пришел сюда, – ответил юноша.

– Ты сильно ранил ее. Впрочем, твоя добыча никуда не денется, а пока я хочу угостить тебя.

Тут хозяйка взмахнула рукой, и перед ними появился круглый трехногий стол, уставленный яствами и напитками. Сели они за стол, поели, попили, а когда закончили есть, стол убрался сам собой и исчез.

– Гость мой, – сказала девушка, – теперь не хочешь ли ты развлечься игрой в кости?

– Что ж, давай сыграем, – ответил юноша.

– Только знай, что я играю с условием: если тебе повезет и ты выиграешь, – значит, Бог меня предназначил тебе. Если же проиграешь – значит, на свою беду попал ты в этот зеркальный зал: я превращу тебя в камень. Видишь круглые камни в углу – они тоже когда-то были юношами вроде тебя.

Посмотрел сын алдара на красавицу и сказал:

– Будь что будет. Испытаю и я свое счастье, сыграю с тобой.

Начали они играть, и юноша проиграл. А девушка взяла войлочную плеть, хлестнула ею гостя и превратила его в камень.

– Вот тебе, алдарский сын!

Тесть юноши, его семья и все его люди надели по зятю траур, когда он не вернулся с Белой горы.

Шли дни, менялись месяцы, и вот минул год с той поры, когда юноша покинул свой родной дом. Овладела семьей тревога.

Взял старший брат шило, вонзил его в ладонь – и выступила из ранки кровь.

– Видно, погиб где-то наш брат. Отправлюсь-ка я на поиски, может, хоть кости его найду.

Собрался старший брат в дорогу и на следующий день уехал из дому.

Едет он и видит: по следам его брата полосой вырос кустарник. Стал он держаться этой полосы. Долго ехал, недолго ли, Бог знает, но привела его полоса кустов прямо к пещере Халын Барага.

Остановился путник на ночлег в пещере. Вдруг из угла выкатился череп и обратился к нему:

– Почему ты не сделал, как я сказал? Твой вид совсем не изменился.

Удивился старший брат, но виду не подал.

– Прошу прощения, я забыл твои слова. Повтори мне их снова.

– Вон за той дверью три озера: молочное, серебряное и золотое. Искупайся в них вместе с конем, и оба вы засверкаете золотым блеском.

Старший сын алдара так и сделал: сам искупался в озерах и коня искупал, и оба заблестели, точно золото.

Поехал он дальше, а полоса кустов показывает ему дорогу.

Добрался старший брат до алдарского села. Увидели его люди, побежали к алдару:

– Алдар, алдар, да хранят тебя ангелы! Твой зять возвращается, сверкая как золото!

Поменял алдар траур на праздник, велел резать белых быков и звать народ на пир. Весь день до вечера не прекращались в его доме песни и танцы.

Вот настал вечер, и стала дочь алдара стелить постель. Она-то думала, что приехал ее муж: братья были настолько похожи, что трудно было отличить их друг от друга.

А старший брат понял, что перед ним его невестка. Взял он свою бурку, постелил на полу и лег, положив под голову седло.

– Я целый год ждала тебя, все глаза проглядела, что ж ты не ложишься в свою постель, а улегся на полу?

– Нельзя мне ложиться в постель этой ночью, иначе с нами обоими приключится беда.

Дочь алдара всю ночь проплакала в одиночестве, а старший брат утром оседлал коня и снова пустился в путь.

Добрался он до кургана, вошел в зеркальный зал, умылся и стал ждать. Тут появилась красавица-хозяйка, и при виде ее у юноши закружилась голова и забилось сердце.

Поздоровалась хозяйка с гостем, опять появился перед ними стол с яствами и напитками, а когда они поели и попили, хозяйка предложила сыграть в кости. Старший брат согласился и проиграл, и тоже был превращен в камень.

Прошел еще год. Средний брат вонзил шило в ладонь, и из ранки выступила кровь.

– Пропали мои братья где-то в чужих краях, и родители наши теперь умрут от горя. Или узнаю, что сталось с братьями, или сам пропаду – другого выхода нет.

Попрощался он со старыми родителям и поехал искать братьев.

Едет он, едет, и кустарник обозначает ему дорогу. Добрался средний брат до пещеры Халын Барага, к нему тоже выкатился череп.

– Почему ты не сделал как я сказал? Твой вид совсем не изменился.

– Прошу прощения, но у меня плохая память. Я забыл, о чем мы с тобою говорили.

– Что ж, повторю в последний раз: за этой дверью есть три озера. Искупайся в них вместе с конем, и выйдешь оттуда весь в золоте. И еще раз прошу тебя: если удача будет на твоей стороне, не забудь тех, кто остался в этой пещере. Запомни: больше я тебе ничего не скажу, мне дано говорить только три раза.

Средний брат искупался в трех озерах вместе с конем – и засверкал золотым блеском. Поехал он дальше, и вот перед ним то самое селение. Снова люди прибежали к алдару с радостной вестью, и снова алдар устроил большой пир.

Настал вечер, и опять дочь алдара постелила юноше в своей комнате. Тот понял, что она принимает его за младшего брата, вытащил из ножен меч и положил между собой и невесткой.

И опять она проплакала всю ночь, а юноша на рассвете отправился дальше. Доехал до кургана, смотрит: полоска кустов кончилась.

«Видно, здесь что-то случилось с моими братьями, – подумал он. – Что ж, будь что будет, не возвращаться же обратно!».

Слез он с коня, вошел в зал с зеркальными стенами. И перед ним тоже появились таз и кувшин, а когда он умылся, в зал вошла красавица. Хозяйка накормила его, напоила, а потом предложила сыграть в кости.

Стали они играть, и юноша выиграл. Вскочил он и крикнул:

– Сейчас же говори, где мои братья, или тебе не жить!

– Никуда они не делись, – ответила красавица. – Вот тебе войлочная плеть. Хлестни ею по этим камням – и увидишь своих братьев.

Взял юноша плеть, ударил по камням, и предстали перед ним два его брата, живые и здоровые.

То-то было радости, когда они встретились вновь! После этого взяли братья плеть и принялись стегать ею по груде камней в углу, и камни превратились в толпу людей.

– У кого из вас есть дом и родня – расходитесь по домам, у кого нет – идите с нами, – сказали им братья.

Забрали они хозяйку вместе с ее сокровищами и пустились в обратный путь, а спасенные ими люди двинулись следом.

Вот уже близко селение. Бегут к алдару люди, кричат:

– Алдар, алдар! К нам идет войско, и столько в нем воинов, что их не держит земля!

Испугались алдар и его люди, хотели они бежать, да куда убежишь, если войско уже вошло в селение! Вдруг видят: впереди едут, сверкая золотом, три всадника.

– Алдар! Алдар! Нам нечего бояться: это войско ведет твой зять, а с ним двое похожих на него людей.

Обрадовался алдар, велел готовить угощение для гостей.

Настал вечер. Лег младший брат в свою постель, а его жена, дочь алдара, сидит в углу.

– Почему ты не ложишься? – спрашивает юноша.

– Уж и не знаю, как быть, – отвечает жена. – За два года ты появился дважды. Первый раз спал на полу, завернувшись в бурку, а в другой раз положил между нами меч.

– Это были мои братья, – сказал юноша и поведал жене обо всем, что с ним приключилось.

На другой день братья отправились дальше, а с ними две женщины и новые спутники. Добрались они до пещеры и с помощью войлочной плети оживили всех, кого в свое время загубил Халын Бараг, и все пространство вокруг пещеры заполнилось людьми.

Затем они разделились на две части: у кого еще был дом – поехали домой, остальные же последовали за тремя братьями, и те поселили их в своем селении, а старых своих родителей стегнули войлочной плетью, и они разом помолодели.

Алдар на радостях созвал народ на пир, и целую неделю в его доме царило веселье.

Чудесный пояс

мирая, один бедный человек завещал своему сыну:

– Я не оставляю тебе ни дворцов, ни серебра, ни золота. Но если когда-нибудь будешь нуждаться, отправляйся к моему другу, мудрецу. Он не раз и не два выручал меня из беды и тебе не откажет в помощи.

Сын похоронил отца так, как полагается: ни богато, ни бедно, а сам стал жить в старой дедовской башне что ни день все беднее. Все, что было в доме, кончилось, и в конце концов юноша так ослабел, что не мог руки поднести ко рту.

Тогда юноша отправился к другу своего отца, мудрецу.

Очень обрадовался старик.

– Не думал, что у моего друга остался такой сын, такой молодец, – говорит мудрец. – Весь год я не отпущу тебя из моей башни. Твоей башне не грозит никакая опасность: туда никто, кроме зверей, не заглянет.

Год прошел быстро. Мудрец привел коня, дал юноше в дорогу круг ячменного чурека и круг козьего сыра. Потом дал ему еще пояс из кожи барса и сказал:

– Пока ты жил в моей башне, вокруг выросли такие дремучие леса, что и не проберешься – дороги не найдешь. Вот тебе пояс. Подпоясшешься – и откроется дорога в черном лесу. Когда выедешь из леса на равнину, увидишь медную башню и рядом с ней железную гостевую комнату. Остановишься в гостевой. Выйдет к тебе хозяйка башни, красавица девушка. Множество юношей приезжали к ней, сватались, но ни один не вернулся обратно. Когда она выходит к гостю, то не разговаривает с ним. Но если гость заставит ее три раза заговорить, если у него найдется столько ума, она выйдет за него замуж, и ему достанутся все ее сокровища и башня. Когда она выйдет, ты положи пояс на фынг[1] и

[1] *Деревянный столик на низких ножках.*

скажи: «Видно, хозяйка моя немая, не о чем говорить с ней. Расскажи ты, мой барсовый пояс, что делается на свете». Пояс расскажет три были, и каждый раз будет задавать тебе вопросы, а ты давай нарочно неверные ответы. Если девушка заговорит с тобой – твое счастье; не то велит отрубить тебе голову и насадить ее на ограду башни.

Юноша натянул пояс, поблагодарил мудреца, сел на коня и уехал.

Много он ехал или мало, не знаю, но выбрался на равнину. Показалась медная башня, а рядом железная гостевая.

Юноша спешился, коня привязал к кольцу в стене башни, сам вошел в гостевую, сел и ждет. Вечером в гостевую комнату явилась прекрасная девушка. Красоты она была такой, что и глаз не оторвать.

Юноша приветствовал ее, но девушка ни слова не ответила. Тогда юноша положил пояс на фынг и говорит:

– Видно, хозяйка моя немая, не о чем говорить с ней. Расскажи ты, что делается на свете.

Пояс человечьим голосом ответил:

– Что я могу рассказать! Днем я бываю на тебе, а ночью – под твоим изголовьем.

– Ничего, расскажи нам что-нибудь.

Девушка подняла брови и приготовилась слушать.

Пояс начал:

– У трех братьев был один бык, больше ничего не было в их бедном доме-хадзаре. Очень берегли они этого быка. Один брат, охраняя быка, сидел у его хвоста, другой – у брюха, а третий – у головы. Брат, сидевший у хвоста, как-то заметил, что три дня и три ночи около быка совсем нет навоза. Испугался он, не заболел ли бык, и побежал сказать об этом другому брату, что у брюха. С утра до позднего вечера бежал он и, добежав, говорит:

– Бык наш три дня и три ночи совсем не дает навоза, не заболел ли он?

Второй брат сказал:

– Вот уже три дня и три ночи около него сухо, совсем сухо. Пойдем к брату, посоветуемся.

Два брата на другой день побежали к третьему и вечером, когда солнце спускалось за горы, добежали до него.

– Бык наш три дня и три ночи не дает навоза, не мочит землю. Не заболел бы он у нас!

– А ведь он и есть перестал, – сказал третий брат. – Наверное, ему хочется пить. Пойдем, напоим его.

Три брата повели своего быка к большой реке. Бык одним глотком осушил ее, и все жители реки остались на дне.

Со дна выскочила рыба и сразу проглотила быка. Вдруг с гор слетел коршун, впился в рыбу когтями и поднял ее в небо. Коршун отнес рыбу на гору, и гора рассыпалась пеплом. Тогда коршун положил ее на вековой дуб, но дуб сломался, как былинка. А коршун не выпускает рыбу из когтей. Летает с ней, смотрит во все стороны.

На берегу около пастуха лежал козел, рога его были переплетены. Коршун опустился на его рога и съел рыбу. Когда коршун добрался до быка и стал его есть, лопатка быка отскочила и попала в глаз пастуху.

Вечером пастух пригнал стадо в селение, вошел в дом и говорит своим трем сестрам:

– Сегодня что-то попало мне в глаз. Идите-ка сюда, поищите.

Одна из сестер засучила рукав и сунула руку по самый локоть в глаз брата. Искала, искала, но ничего не нашла. Вторая сестра влезла в глаз брата, но тоже ничего не нашла и ни с чем вылезла обратно. Третья сестра залезла в глаз брата, поплавала туда-сюда и вынесла лопатку. Кость выбросили в мусор, а с мусором вывезли за селение.

Долго лежала эта кость и заросла дерном.

Однажды возчики с обозом в двенадцать подвод расположились на заросшей кости на ночлег. В полночь лиса подкралась к селению в надежде на добычу. Учуяла она кусочек мяса, оставшийся на кости, схватила его и стала крутить кость вместе с обозом.

Среди возчиков оказался хороший охотник. Он взял да и убил лису. Двенадцать человек стали снимать с нее шкуру. Ободрали половину, стали переворачивать лису на другой бок, но сил не хватило. Оставили они напрасную работу, отрезали половину шкуры, и той половиной все двенадцать оделись с головы до ног.

Наутро девушка вышла к реке по воду, споткнулась и говорит:

– Это что такое?

Увидела, что это убитая лиса, нагнулась и ободрала оставшуюся половину шкуры. Принесла шкуру домой и стала кроить шапку для своего годовалого брата, но на шапку не хватило...

Вот тебе мой рассказ, – сказал чудесный пояс. – Теперь ответь: кто был больше всех?

– Коршун, кто же другой! – сказал юноша.

Улыбнулась тогда девушка и говорит:

– С виду ты будто умный человек, но отвечаешь неправильно. Самое удивительное в рассказе – годовалый ребенок, у которого такая большая голова.

Так девушка заговорила в первый раз. Девушка ушла, а сын бедняка улегся спать. На другой день вечером девушка опять спустилась в гостевую комнату, села в кресло и ни слова не говорит.

Юноша снова снял пояс, положил его на фынг и говорит:

– Видно, хозяйка моя немая, не о чем с ней говорить. Расскажи ты, что делается на свете.

– Что я могу рассказать! Днем я бываю на тебе, а ночью под твоим изголовьем, – ответил пояс.

– Позабавь нас немного, скоротаем время, – просит юноша.

И пояс стал рассказывать:

– У трех братьев было стадо овец и коз. Братья охраняли свое стадо по очереди. Однажды старший брат, посвистывая, погнал стадо к опушке черного леса и там стал пасти скот в высокой траве, сам стоит под большим деревом, а овцы и козы пасутся вокруг.

Чтобы скоротать время, стал пастух вырезать на стволе девушку. Весь день вырезал и закончил работу только вечером.

На другое утро средний брат погнал стадо на то же место. Средний брат увидел девушку, вырезанную его старшим братом, и говорит:

– Нет на свете девушки красивее. Хорошо было бы украсить ее.

И начал украшать девушку. Он собрал для нее самые красивые, самые благоухающие цветы.

Когда наступил вечер, он пригнал стадо домой.

На третий день со стадом отправился младший брат. И он погнал свое стадо на то же место, к опушке дремучего леса.

Увидел младший брат изображение девушки, остановился как вкопанный.

Младший брат подумал: «Вот та, о которой я мечтал всю жизнь». Он бросился к дереву, но это оказалась не девушка, а лишь ее изображение.

Тогда взмолился юноша:

– О Бог богов, оживи ее!

Только сказал, как изображение превратилось в живую девушку.

Младший брат привел красавицу девушку в дом, и тут братья стали спорить о том, за кого должна выйти она замуж...

– За кого должна выйти она замуж? – спросил чудесный пояс.

– За старшего брата, конечно, – отвечает юноша. – Если бы не он, девушки не было бы вовсе.

– Неправда, – сказала хозяйка башни. – Девушке выходить только за младшего брата, который ее оживил. Ничего нет лучше жизни на земле.

Так девушка заговорила во второй раз.

На третий день девушка опять пришла в железную гостевую. Молча села она в кресло недалеко от гостя.

Юноша опять снял с себя пояс, положил его на фынг и сказал:

– Расскажи нам еще одну быль, чтобы время скоротать. Видно, хозяйка наша немая – ни слова не говорит.

– Что я могу рассказать? Днем я на тебе, а ночью – под твоим изголовьем. Но если уж хозяйка немая, я расскажу, только слушай хорошенько!

– Буду слушать, ни слова не пропущу, – отвечает юноша.

– У одного владетеля-алдара, повелителя одной страны, была такая красивая дочь, что месяц и звезды видели в ней себя, как в зеркале. Алдар и его жена ни на шаг не отпускали от себя дочь: они жили, пили и ели только для нее. И вот семь великанов-уаигов, семь братьев-насильников, унесли любимую дочь алдара и его жены.

Твоему бы недругу так горевать, как горевали отец с матерью!

В селении алдара жила ведунья. Было у нее три сына. То, что они умели делать, никто другой на свете не сделал бы.

Алдар и его жена изнемогали от горя и послали своих слуг к сыновьям ведуньи – к трем братьям – и велели им сказать:

– Хоть вы и не ровня, все же мы выдадим свою дочь замуж за одного из вас, если вы освободите ее от насильников-уаигов.

– Хорошо, мы освободим твою дочь, – согласились братья и отправились к уаигам.

Братья отъехали от селения, посмотрели друг на друга и говорят:

– Мы алдару слово дали, что освободим дочь. А что будет делать каждый?

– Я вынесу дочь алдара от уаигов так, что они даже и не узнают об этом, – сказал старший брат.

Средний сказал:

– Если дочь алдара попадет в мои руки, то не только уаиги, даже ветер и тот не догонит меня.

– Когда уаиги бросятся в погоню, я истреблю их всех, – сказал младший.

Братья поехали дальше. Когда приблизились к дому уаигов, старший брат отправился к уаигам, а средний и младший стали ждать его.

Старший незаметно вынес дочь алдара из дому уаигов.

Средний взял ее и подобно буре помчался в замок алдара.

Третий брат остановился, ожидая погони, и уничтожил уаигов – ни один из них не вернулся больше домой.

Когда три сына ведуньи – три брата – вернулись домой, стали они спорить, за кого алдар должен выдать дочь...

– За кого? Скажи сам, – спрашивает чудесный пояс юношу.

– За кого? А за того, кто вынес ее из дома уаигов, – ответил тот.

Хозяйка засмеялась:

– Юноша, верно, не так хорош твой ум, как твоя наружность. Алдар должен выдать дочь за младшего. Не велик подвиг – унести ее из дома уаигов: они сумели бы унести ее и второй раз. Но если похитители погибнут, девушке не грозит беда. Алдар должен выдать дочь за младшего сына ведуньи.

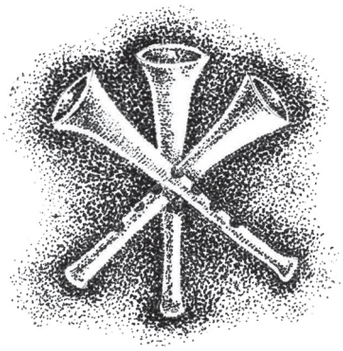
Так заговорила она в третий раз.

– Победил ты меня, добрый юноша! Теперь я твоя навек.

В медной башне юноша и красавица устроили богатый пир, а после счастливо и долго жили.

Общее счастье

Жили-были муж и жена. И родилось у них ни много, ни мало – тринадцать сыновей. Выросли сыновья. Отец и мать нашли им невест и сыграли не одну, а сразу тринадцать свадеб.

И стали они жить да поживать.

Отец говорил, кому что делать по хозяйству, и тринадцать сыновей все исполняли: кто работал в лесу, кто в доме, кто на лугу, а кто в саду. Всем дела хватало. Все были довольны. Все были при деле. Сколько времени прожили – кто знает, но вот у каждого из тринадцати братьев родились по тринадцать сыновей.

Маленькие дети росли, росли да и выросли. Пришла пора женить их. И поженили. Сто шестьдесят девять невест привели в дом. Не одну свадьбу – сто шестьдесят девять свадеб сыграли они.

Пришло время, и у молодых тоже родилось по тринадцати сыновей. В хадзаре старика и старухи так много стало людей, что и не перечесть. Столько народу в доме, что большому селению впору.

Все было у старика и старухи: отары овец и коз, табуны лошадей, стада коров и буйволов; индеек и гусей, кур и уток без счету; закрома полны ячменем и пшеницей; кадушки сыра девать было некуда.

И все были счастливы. Смех и песни не умолкали в доме. Все называли друг друга «мое солнышко», говорили друг с другом ласково. Каждый старался лучший кусок отдать другому, каждый хотел, чтобы у другого лучшая одежда была. А больше всех любили они старого отца и старую мать свою.

Вместе они были богаты и сильны, но подели их на отдельные семьи – и куда все уйдет, не станет ни силы, ни богатства. Но вот пришла беда: разлад в семье. Бывало никто не скажет: «Это мое», а говорит: «Это наше». А теперь, гляди, каждый норовит взять себе, отнять у другого. «Это мой

бык», – говорит один. «Это мой конь», – говорит другой. «За этой козой я ходил, ты не трогай ее», – говорит третий. «Кто выдоил мою корову?» – кричит четвертый. И так во всем. И так каждый день.

Каждый только и делает, что прячет от других все, что попадется под руку, прячет в свой сундук. Каждый кормит и ласкает только своего ребенка, а других не замечает вовсе. Случалось, что не своим детям и подзатыльники давали.

Самый старший в семье, старик отец, видит это, и сердце у него сжимается от горя. Сидит он в своем кресле дубовом, будто окаменел. Никто и не вспомнит о нем, не покормит, извелся старик. А жена его даже и сидеть не могла, все лежала в постели.

Как-то под Новый год отец собрал всю свою семью: и старых, и молодых, и мужчин, и женщин, даже детей созвал и говорит:

– Слушайте, дети, что я вам скажу: пусть этой ночью ни один из вас не выходит из дома. Если любите меня, исполните мою просьбу.

– Хорошо, – сказали все, – мы исполним твою просьбу, сами не выйдем и других не пустим.

Ночью выпал глубокий снег.

Когда день отделялся от ночи и петухи начали кричать, старик встал с постели, открыл дверь и выглянул на улицу. Видит: след взрослого идет от двери в сторону леса.

Разгневался глава семьи, вернулся к себе в комнату, грузно сел в свое кресло и велел собрать всех домочадцев до единого.

Когда собралась вся семья, отец вышел к ним и укорил:

– Не стыдно ли вам обманывать меня! Все как один обещали мне, что никто не выйдет за дверь, а сами нарушаете свое слово.

– Клянемся солнцем, землей и небом, что ни мы, ни дети этой ночью не выходили.

– Ну ладно, посмотрим, – сказал отец. – Я узнаю, правду ли вы говорите.

Старик взял топор под мышку и пошел по следу.

Шел он, шел и пришел в дремучий лес. След довел его до высокого толстого орехового дерева. Под деревом лежали пышные сугробы снега. Там было теплее, чем в доме у старика. Как же узнать, кто вышел из его дома? Закутался старик в шубу, остался под деревом на всю ночь, но никого так и не увидел.

«Чей же это след? Может, он в дупле дерева сидит?» – подумал он и решил свалить дерево. Вскочил он на ноги, сбросил шубу и стал подрубать его. Рубит острым топором, и щепки во все стороны летят.

Подрубил дерево уже до половины, вдруг кто-то сверху спрашивает его:

– Что ты делаешь, старик? Зачем дерево валишь зря?

– А ты кто такой?

– Я Общее Счастье твоей многолюдной семьи.

– Почему же ты сидишь в лесу?

– Где же мне сидеть? Пришлось бежать из твоего хадзара. Никто в семье больше обо мне не думает, никто со мной не считается. Позабыли меня, тебя тоже забыли. И старуху мать тоже позабыли. У них только и заботы, что о себе и своих детях. Сам посуди: как же мне оставаться в твоем доме? Где каждый думает только о себе. Там мне места нет.

– Твоя правда, – согласился старик. – В моем хадзаре каждый думает о себе и часто даже во вред другому. Но ты уважь старика, вернись обратно. Сколько хватит сил, я помогу тебе, чтобы не о себе думали, а обо всех, обо всем хадзаре.

– Не могу я вернуться в твой хадзар, но зато я другим тебя уважу: я дам каждому из твоих домочадцев то, чего они у меня попросят. Пусть только каждый просит что-нибудь одно.

Старик выслушал Счастье, подумал, подумал и сказал:

– Поклянись небом и землей, что ты непременно дашь каждому из моих домочадцев то, чего он у тебя попросит.

Счастье поклялось в том небом и землей.

Старик надел свою шубу, взял топор под мышку и отправился домой. Целый день шел старик и пришел только к вечеру. Пришел, кинул топор в угол, сам сердитый сел в свое дубовое кресло.

Забеспокоились, забегали его сыновья, внуки, правнуки, праправнуки, и жены их, и дети их.

– Что с нашим дедом? – говорят.

– Где он был ночью?

– Не болен ли?

– Не сердит ли на нас?

– Может быть, голоден?

– А может, нездоров?

– Не озяб ли?

– Не холодна ли постель?

Другие хлопочут у постели бабушки, ласковые слова говорят ей.

И так каждый старается угодить старшим в семье – отцу и матери всех – тем, кто всю жизнь провел в труде, больше думал о других, чем о себе. Какой сын, какая дочь или невестка не чувствовали заботы старого отца и старой матери!

А старик стал рассказывать:

– Счастье наше ушло от нас. И просьбы не помогли: не хочет возвращаться. Хорошо ли это?

Никто не сказал «хорошо», но зато наперебой стали спрашивать:

– Почему Счастье обиделось? Что оно говорит?

А старый отец на это отвечает:

– Потому, что вы больше не слушаетесь меня, вашего старшего. Потому, что вы больше не смотрите за своей старой матерью. Каждый стал думать только о себе. Пойдет на охоту, тушу серны принесет – себе, своей жене и своим детям, а не всей семье. Все говорите: «мое», а не «наше». Нам большой дом нужно строить, ведь поглядите, сколько вас стало, а строить никто не хочет, каждый говорит: «Себе я построю, другим не хочу». А Счастье так говорит: «Где не хотят общего добра, а один тянет себе, другой себе, там нет места счастью. Разве у вас есть место для меня?»

Все молча слушали слова старика, и каждый думал про себя: «Правду говорит Счастье».

– Сегодня утром Счастье сказало мне: «Иди домой. Я уважу тебя, дам каждому из твоих домочадцев то, чего он у меня попросит. Пусть только каждый просит что-нибудь одно». Пусть и старый и молодой, и мужчина и женщина скажут, чего они хотели бы попросить у Счастья.

И все наперебой стали говорить. Один хотел бы у Счастья двух быков, другой – коня, третий – оружие. Те хотят побольше ячменя или пшеницы, новые чувяки или одежду, меч или лук со стрелами.

Так все сказали старому деду, кто чего хочет, только одна молодая невестка ни слова не промолвила. Тогда обычай был такой: при старших невесткам нельзя было разговаривать. Ее тоже спросили, чего она хочет. Свою просьбу она прошептала мальчику, а мальчик сказал громко:

– Пусть Счастье даст нам общую жизнь, общую работу и любовь друг к другу.

И все улеглись спать.

На рассвете, когда петухам петь, встал старик с постели, закутался в шубу, папаху надвинул на глаза, взял топор и отправился в дремучий лес. Немало шел старик – целый день – и к вечеру дошел до того большого орехового дерева.

Хоть под большим деревом и тепло было, все же он плотно закутался в шубу и лег спать.

На другой день рано утром старик снял шубу и опять принялся подрубать ореховое дерево.

– Что тебе нужно от меня? – опять спросил кто-то с дерева.

Это Счастье говорило.

Старик передал ему слово в слово просьбу каждого человека из его семьи, а под конец сказал слова молодой невестки.

Голос с дерева так отвечает старику:

– Все я исполню. Одно только не могу исполнить – просьбу твоей молодой невестки. Она просит общую жизнь, общую работу и любовь друг к другу, а все это вместе – я само.

Сколько ни упрашивал старик, Счастье все одно и то же говорит: «Не могу исполнить просьбу твоей молодой невестки».

– Ты же мне поклялось небом и землей, что исполнишь все, о чем попросят мои домочадцы, тогда почему ты не исполняешь просьбу молодой невестки? Клятву нарушаешь? А может, ты нарочно рассорило мою семью?

– Что с тобой поделаешь! – отвечает голос с дерева. – Я дало клятву и не в силах ее нарушить. Ступай себе домой, а там видно будет.

– Будь здорово, – сказал старик, надел шубу, взял топор и отправился обратно.

Старик пришел домой усталый, сел в свое резное кресло. Вся семья прибежала к нему: и старые и малые, и мужчины и женщины. Один теплыми руками согревает ему лицо, другой теплой водой моет ему ноги, третий приносит есть и пить. Юноши запели песню, чтобы усладить слух старика, девушки пляски затеяли.

На другой день все до одного приступили к работам с самого рассвета. Кто рубит лес, кто возит бревна для нового дома. Кто корм задает овцам, быкам и коровам, буйволам, верблюдам и коням. Кто чистит хлев, кто двор. Кто пироги печет, кто шьет, кто песни поет, кто на фандыре играет, кто детям сказки рассказывает, а кто маленьких кормит.

Каждый старается сделать свою работу лучше и быстрее, чем другие.

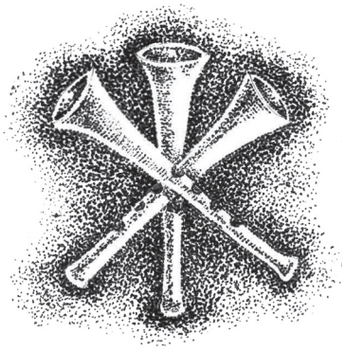
Все стали говорить: «наша работа», «наше добро», «наши дети». А слова «мое» будто вовсе и не знали.

Радостью заблестели глаза всех, щеки порозовели – кровь с молоком. Дети стали толстенькими, чистенькими, веселенькими. Кони и верблюды, овцы и козы, коровы и буйволы тоже стали тучными и гладкими, шерсть лоснится на них, и ходят важно. Даже кошки и те стали еще ласковее.

Днем вся семья работает не уставая, а как вечер наступит, новый большой дом наполняется людьми веселыми и бодрыми.

Счастье навсегда поселилось в большой семье. И было то счастье для всех единым. Общим Счастьем было оно.

Как мышь женился

ил некогда мышь. Пришло ему в голову жениться. Он был очень гордым, и потому все девушки-мыши казались ему недостойными. Он искал себе в жены дочь такого, сильнее которого не было бы на свете.

Поэтому отправился он к месяцу, про которого говорили, что сильнее его нет никого на свете.

– Месяц! – сказал он ему. – Я ищу себе в жены дочь сильнейшего в мире. У нас на земле говорят, что сильнее тебя никого нет, и мне хотелось бы породниться с тобой.

– Да, – ответил ему на это месяц, – я силен, слов нет, и нет такого места, такого закоулка на земле, куда бы ни проникал мой свет, когда я по ночам хожу по небу. Но всходит к утру солнце, и свет мой начинает постепенно тускнеть и наконец совсем пропадает. Только к вечеру, когда солнце заходит и свет его перестает литься на землю, ко мне опять возвращается сила и я снова освещаю обширную землю. Нет, мышь, солнце будет посильнее меня: иди к нему!

Пошел мышь к солнцу.

– Солнце, – обратился он к нему, – ищу я себе в жены дочь сильнейшего в мире. Ходят слухи, что ты и есть сильнее всех на свете. Не отдашь ли свою дочь за меня?

– Правда, сильно и могущественно я, – ответило солнце, – и когда всхожу по утрам, мрак ночной рассеивается бесследно. Звезды и сам месяц не смеют светить при мне, на земле меркнет свет их пред моим светом, и не видно их в то время с земли. Но есть кто-то сильнее меня. Это туча, которая застилает мой свет, закрывает от меня землю. Поэтому иди к туче.

Пошел мышь к туче и обратился со своим предложением.

Подумала туча и сказала:

– Верно говорит солнце: силен его свет, и звезды, и месяц меркнут перед ним, но не может оно светить на землю, когда я большим ковром обложу небо, и не бывает его видно тогда. Но и я не могу устоять против ветра. Когда он подует, разгуляется, то разрывает меня на клочки и разбрасывает по небу... Нет, ветер сильнее меня!

Пошел мышь к ветру. Но и ветер не признал себя сильнейшим.

– Правда, – сказал он, – силен я и одним дуновением уничтожаю тучу. Но найдется кто-то и посильнее меня. Вот быки на пашне: пусть их только пара, я не могу им ничего сделать. Мерно, спокойно идут они по полосе, будто и не чувствуют меня. Они будут посильнее меня.

Обратился мышь к быкам. Быки ей сказали:

– Сильны мы, слов нет, но и нас иногда осиливает плуг, когда вдруг зацепится за что-нибудь в земле. И даже когда хозяин припрягает к нам еще пары четыре, то и тогда мы не можем ничего поделать. Плуг сильнее нас.

Пошел мышь к плугу. Плуг ему сказал:

– Правда, силен я и режу сырую землю без всякого труда. Но есть один корень, который часто останавливает меня, я же не могу его перерезать. Иди поэтому, мышь, к нему, он много сильнее меня.

Пришлось мыши обратиться к корню.

– Да, силен я, – ответил корень, – и не может плуг меня в иной раз перерезать. Но вот мышь, даже самая маленькая, очень легко перегрызает меня. Так что мыши будут посильнее меня.

– Ага! – воскликнул тогда мышь. – Так значит, сильнее нас, мышей, нет!

И женился он на простой мыши.

ТАТСКИЕ СКАЗКИ

Шагая по лику Земли – не забывай дорогу и к Небу.

Золотой сундук

В одном шахстве, в одном падишахстве, на нашей земле не вчера, не сегодня, а в давние времена жил-был один богач. У этого богача был единственный сын, которого он очень любил и исполнял все его желания.

И когда сыну исполнилось восемнадцать лет, пришел он к отцу и говорит:

– Дорогой отец, да быть тебе всегда здоровым, разреши мне поехать на охоту. Надоело мне сидеть дома, я уже взрослый и должен увидеть мир своими глазами.

Обрадовался отец и подумал: «Вот и дождался я того дня, когда сын мой стал взрослым!». Но в то же время богач встревожился за сына. Радость и печаль смешались в сердце старика, и он сказал:

– Милый сын, зачем тебе ехать на охоту? Тех богатств, что я накопил, тебе хватит на сто лет. А у меня нет никого, кроме тебя.

Долго он отговаривал сына, но юноша твердил свое:

– Я уже взрослый и хочу увидеть мир!

И в конце концов отец уступил.

– Только смотри не езди на восток! – предупредил он сына.

Недолго собирался юноша. Из отцовского табуна он выбрал себе самого лучшего коня, мать сложила сыну хурджуны, и юноша отправился на охоту.

За целый день сын богача ни разу не сошел с коня. Много аулов видел он на своем пути, все уголки леса обшарил, но ни одного зверя, ни одной птицы не подстрелил. Наступил вечер, и сын богача опечалился.

«Стыдно будет перед отцом, – подумал он, – если я вернусь с пустыми руками. Поеду я на восток! Мало ли чего мог наговорить мне отец».

И юноша погнал своего коня на восток. Много ли, мало ли проскакал он, много ли, мало ли проехал аулов, ночь ли, две ли ночи был в

пути, наконец добрался до какого-то леса. Изъездил весь лес, но и там не нашел никакой дичи. Кончились припасы, которые мать положила ему в хурджуны, а юноша не встретил ни зверя, ни птицы.

И тогда он решил отправиться дальше. Кто знает, сколько он ехал, а проехал путь, равный длине всех улиц родного города. Наконец юноша выбрался из леса и увидел вдали какую-то крепость. Хлестнул он плеткой скакуна, и тот взлетел в воздух, хлестнул еще раз – и конь донес его до крепостных стен. Юноша сказал себе: «Что бы ни случилось, войду в крепость!»

Сошел он с коня и только тогда почувствовал, как он устал, как истомился жаждой.

Вошел юноша в крепость и увидел внутри красивый кирпичный дом. Сын богача толкнул дверь, вошел в дом и видит: красивая девушка с длинными тугими косами сидит на корточках, мочит в серебряном тазу тряпку и моет пол. И там, где проведет она тряпкой, пол блестит как зеркало. Сын богача смотрел-смотрел на это, и вдруг, то ли от жажды, то ли от блеска, глазам его стало больно, и он упал. Услышав шум, девушка испуганно вскочила и чуть не вскрикнула, но когда увидела, что на полу лежит юноша необыкновенной красоты, она успокоилась и подошла к нему.

– Воды, – прошептал сын богача.

Девушка принесла воды в серебряном кувшине и напоила незнакомца. Он открыл глаза и увидел красавицу. Ему стало стыдно за свою слабость, и он быстро поднялся. Долго стояли юноша и девушка, озаряя друг друга своей красотой. Наконец девушка спросила:

– Откуда ты, куда путь держишь?

Сын богача рассказал о себе, рассказал и о том, что отец не велел ему ездить на восток.

Девушка сказала:

– Верно говорил твой отец: все юноши, которые направлялись на восток, погибли. Твое счастье, что я тебя встретила, иначе не быть бы тебе в живых. Знай же, что этой крепостью владеет мой отец, он приказал убивать всех юношей, попавших сюда, а их тела бросать собакам на съедение. Все это потому, что никто не должен знать о моем существовании.

Но сын богача не слушал речей красавицы, он смотрел на нее и думал лишь об одном – как бы навсегда остаться с ней.

А девушка воскликнула:

– Уходи, юноша! Если отец узнает, что ты здесь, ты погиб!

Красавица открыла двери, юноша попрощался с ней и, никем не замеченный, покинул крепость. Сел он на своего скакуна, хлестнул плет-

кой, и конь взлетел в воздух. Второй раз хлестнул – конь поднялся над тучами, третий раз хлестнул – конь домчал его до отцовского порога.

Отец и мать обрадовались благополучному возвращению сына, стали потчевать его лучшими яствами, расспрашивать о том, где был, что видел. Но глаза юноши не видели никаких яств – в них стоял образ девушки, а уши его не слышали родительских расспросов – в них звучал голос девушки.

С трудом дождался юноша ночи, но не мог забыться. Как кишка шагаду[1], тянулась для него эта ночь. Но всякое начало, всякий путь, всякое время имеют свой конец, эта ночь тоже окончилась. Рано утром юноша встал было с постели, но только ноги его не держали, и он опять лег.

Родители давно уже встали, а сын все не выходил из своей комнаты. Наконец, когда солнце достигло середины неба, отец заволновался и решил узнать, в чем дело. Вошел он в комнату сына и спрашивает:

– Сын мой, почему ты не встаешь? Что с тобой?

Сын отвечает:

– Дорогой отец, быть тебе всегда здоровым, я себя плохо чувствую.

Старый богач прикусил палец, стал проклинать тот миг, когда отпустил сына из дому, но юноше от этих проклятий легче не становилось. Он лежал и не вставал, еду и питье приносили ему в постель, но он почти ничего не ел.

Богач призвал к сыну всех лекарей, всех знахарок, но они были бессильны помочь юноше. А о причине своей болезни он молчал.

У сына богача был единственный друг – сын бедняка. Юноши дня не могли прожить, чтобы не увидеть друг друга. Когда сын богача слег в постель, его друг сразу же пришел проведать больного и спрашивает:

– Что случилось?

Но сын богача и другу не хотел говорить ничего. Так было несколько дней, а потом сын бедняка пришел к своему другу, высыпал у него в комнате мешок золы, сел на пол и стал посыпать себе голову золой. Долго смотрел на него сын богача, но все же не выдержал и воскликнул:

– Чтоб душа твоя растаяла! Зачем ты меня терзаешь, зачем ты это делаешь?

Тогда сын бедняка сказал:

– А ты разве не терзаешь мне душу своим молчанием? Друзья должны делить поровну и радость, и горе.

Улыбнулся сын богача и говорит:

– Да, ты прав. Я тебе все расскажу.

[1]. *Черт, бес.*

Сын бедняка встал, отряхнулся, сел на постель к больному юноше, и тот поведал другу все, что с ним случилось. Когда он кончил свой рассказ, сын бедняка сказал:

– Эта девушка – дочь кровожадного падишаха, и он не дает ее никому в жены.

Влюбленный юноша промолвил:

– Если она будет моей, я излечусь, если нет – никакие знахари мне не помогут.

Сын бедняка встревожился за друга, но виду не подал и сказал ему в утешение:

– Ладно, не горюй, что-нибудь придумаем.

Сразу же после этого сын бедняка пошел к старому богачу и говорит ему:

– Дорогой богач, твой сын влюблен и поэтому болен.

– Пусть он скажет, в кого, и я немедленно его женю!

Сын бедняка рассказал ему все, что узнал, и добавил:

– Я знаю, много юношей погибло от рук хозяина этой крепости. Надо что-то делать, а то не дай бог все это кончится бедой.

Опечалился богач, схватился за голову и говорит:

– Да, я это знаю, вот почему и запретил ему ехать на восток. Я бы отдал все свое богатство, лишь бы спасти моего сына. Ничего не поделаешь, придется идти к кровожадному падишаху.

Богач кликнул слуг и велел собираться в дорогу. Слуги оседлали коней, сложили хурджуны, и богач в сопровождении нескольких слуг отправился в путь. Долго ли они ехали или недолго, но на седьмой день добрались до крепости кровожадного падишаха. Сначала они устроили у речки короткий привал, умылись, напоили коней, сами поели, а уж потом подъехали к крепости. Постучался богач в чугунные ворота, и вскоре на стук вышел сам кровожадный падишах.

– Салам алейкум! – поздоровались приезжие.

– Ваалейкум ассалам! – ответил хозяин. – Заходите.

– Пусть наш приход принесет радость, – сказал богач.

Слуги привязали коней, а хозяин и гость вошли в дом. Кровожадный падишах велел накрыть для гостя богатый стол. Перед ним поставили лучшие яства и вина, но старый богач не торопился. Он сказал:

– Благодарю за гостеприимство, но я приехал по делу. Если мы с тобой это дело не уладим – к еде не прикоснусь!

Хозяин коснулся своего лба рукой и ответил:

– Говори о своем деле.

Богач сказал:

– В такой-то день такого-то месяца мой единственный сын проезжал мимо твоей крепости и зашел напиться воды. Угостила его водой твоя красавица дочь. Мой сын как увидел ее, так и влюбился, а влюбился – заболел и слег. Вот уже три месяца лежит он в постели. Каких только лекарей и знахарей не приводил я к нему – все бесполезно. А другу своему мой сын сказал: «Если эта красавица станет моей – я поправлюсь, если нет – ничто и никто мне не поможет». И вот приехал я просить у тебя дочь для моего сына. За нее я отдам все – ничего не пожалею.

Как полагается, хозяин выслушал до конца и говорит:

– Да продлятся дни твои, дорогой богач! Много сватов приходило ко мне, но я всем говорил, что нет у меня никакой дочери. Тебе сказать я этого не могу – твой сын видел ее. Но выдать замуж свою дочь я не имею права – у нее есть хозяин, имя которого я назвать не могу.

Огорчился богач и стал упрашивать отца девушки. Тот думал, думал и наконец говорит:

– Есть лишь один выход: пусть она днем будет у мужа, а на ночь возвращается домой.

Богач воскликнул:

– Как же это так? Это ж небывалое дело!

Но ничего не оставалось ему делать, как согласиться. Лучше что-то, чем ничего. За сегодняшним днем еще и завтрашний будет!

Кровожадный падишах и богач составили договор, в котором говорилось: отец девушки отдает свою дочь с тем условием, что день она будет проводить у мужа, а на ночь возвращаться домой. Подписав договор, они на радостях сели пировать и пировали до утра. А рано утром богач и его люди отправились домой и сообщили юноше радостную весть.

Как только сын богача узнал, что девушка станет его женой, он сразу же выздоровел.

Вскоре наступил день свадьбы. Богач созвал на торжество всех своих друзей и знакомых, а к вечеру сваты привезли невесту. Что тут делалось! Семь дней и семь ночей не смолкали звуки барабана и зурны. Все это время невеста днем была в доме жениха, а на ночь уезжала к отцу.

Но вот кончилась свадьба, кончились и хлопоты, остались молодые вдвоем, и юноша спрашивает свою невесту:

– Почему ты по ночам уезжаешь к отцу?

– На это я ответить не могу, – только и сказала девушка.

Шли дни, месяцы, но все оставалось по-прежнему: днем девушка была в доме мужа, а на ночь уезжала к отцу. Надоело юноше все это,

да и перед людьми было неловко. Один раз он говорит, что жена уехала к дяде, второй раз – к отцу, третий – еще что-нибудь придумает, и так каждый день.

И вот в один из вечеров юноша вышел за ворота, сел и задумался. В это время проходил мимо какой-то старец, взглянул на лицо юноши и сразу догадался, что у него что-то неладно. Старец остановился:

– Да будет добрым твой вечер!

Сын богача отвечает:

– И твой.

Сел старец рядом с юношей и стал его расспрашивать:

– О чем ты печалишься? Не хочешь ли ты поведать мне свое горе?

Юноша отвечает:

– А что толку из того, что я тебе расскажу? Тогда старец вытащил из кармана шапочку, надел юноше на голову и спрашивает:

– Видишь меня?

– Вижу, – отвечает сын богача.

– А я тебя – нет, – говорит старец.

Затем он надел шапочку на свою голову и спросил:

– А теперь видишь?

Юноша ответил:

– Нет.

– А я тебя вижу, – сказал старец.

Снял он шапку-невидимку, отдал юноше и говорит:

– Бери, пригодится!

Сын богача поблагодарил доброго старца, и они разошлись.

Наутро девушка вернулась к мужу, и видит: очень весел он сегодня. Девушка обрадовалась, целый день они с мужем шутили, смеялись и не заметили, как наступил вечер. Но вот как всегда за девушкой приехала повозка. Девушка попрощалась с мужем и вышла во двор, а юноша надел шапку-невидимку, стал невидимым, выскочил из дому и тоже сел в повозку. И они поехали вдвоем.

Долго ли они ехали или недолго, но как бы то ни было, доехали они до крепости кровожадного падишаха. Сошла девушка с повозки и направилась в дом, юноша – за ней. Пришла девушка в свою комнату, а муж ее – тоже. Только девушка села на тахту, как вошла инчегуз[1], поклонилась и спрашивает:

– Что прикажешь подать на ужин?

Девушка отвечает:

[1] *Девушка из свиты дочери или сына падишаха.*

– Что угодно.

Инчегуз накрыла стол и подала плов с кишмишем, а сверху положила жареного гуся. Девушка вымыла руки и начала есть, то же самое сделал и юноша. Девушка с одной стороны ест, юноша – с другой. Когда они поели, пришла инчегуз и убрала со стола, а девушка разделась и легла спать. Юноша тоже разделся и лег на другой кровати. Девушка как легла, так и уснула, а юноша и глаз не смыкает, лежит, ждет, что будет.

Вдруг ровно в полночь раздался страшный грохот, и весь дом задрожал. Видит юноша: крыша распахнулась, как створки двери, и в комнату влетел золотой сундук. Едва он коснулся пола, девушка вскочила, оделась, забралась в сундук и захлопнула крышку. Сразу же сундук поднялся вверх и исчез, а потом крыша опять сомкнулась, и все стало как прежде. Сын богача удивился, увидев такие чудеса. «Понятно, почему она ночью уходит, – подумал он. – Но куда она улетает в сундуке? Я должен узнать это!» Лежал юноша, лежал да и уснул. Проснулся он от страшного грохота, от которого задрожал весь дом. Снова распахнулась крыша, влетел золотой сундук, из него вышла девушка, а сундук сразу же улетел. Смотрит юноша: утро наступает. А девушка прибрала комнату, умылась, нарядилась, одним словом, собралась ехать к мужу.

Вскоре подали повозку, девушка села и поехала, а вместе с ней и ее муж. У ворот своего дома юноша соскочил с повозки, пробежал к себе в комнату, снял шапку-невидимку и лег в постель. Девушка вошла в комнату, увидела спящего мужа и воскликнула:

– Что это ты спишь так поздно? Вставай!

Сын богача потянулся, открыл глаза и говорит:

– Ах, ты меня разбудила, а я видел такой интересный сон!

Девушка засмеялась и говорит:

– Расскажи, а я послушаю.

И юноша стал рассказывать:

– Снилось мне, что мы с тобой сели в повозку и поехали в дом твоего отца. Приехали мы туда, и нас угостили пловом с кишмишем и жареным гусем. После ужина мы легли спать. Только мы уснули, как раздался страшный грохот и весь дом задрожал. Распахнулась крыша, и в комнату влетел золотой сундук. Забралась ты в этот сундук и улетела. Что было дальше, не знаю – ты меня разбудила.

Удивилась девушка, что сон совпал с явью, но виду не подала.

– Вставай, – говорит она, – ты обо мне думал, вот тебе и приснился непонятный сон.

Юноша ничего не сказал в ответ и стал дожидаться вечера. Долго и томительно тянулся этот день, но вот он кончился, и девушка поехала к отцу. С ней ехал и юноша в своей шапке-невидимке. Приехав в родительский дом, девушка побежала к матери и рассказала, какой сон видел ее муж.

– Ничего страшного! Он из тех умных, которые знают все. Но ты ему скажи: «Разве все то, что ты видел во сне, может стать явью?» А теперь успокойся, иди ешь, – говорит мать.

Все это время юноша в своей шапке-невидимке стоял тут же.

Поговорив с матерью, девушка пошла в свою комнату, а юноша последовал за ней. Как и накануне, они поужинали пловом с жареным гусем, а потом легли спать, девушка – на одной постели, юноша – на другой.

Ровно в полночь с грохотом влетел сундук и стал посреди комнаты. Но на этот раз едва девушка приподняла крышку, юноша вскочил в сундук и притаился в уголке. Девушка тоже забралась внутрь, и сундук взлетел.

Высоко ли поднимался тот сундук или над землей летел, юноше узнать не удалось. А узнал он только то, что семь гор и семь морей перелетел сундук, прилетел на седьмое небо и влетел в какой-то дворец. Как только сундук коснулся пола, крышка открылась, и юноша с девушкой вышли. Направилась девушка в одну комнату, а сундук – в другую. Удивился юноша, последовал за сундуком и видит: здесь уже стоят сорок точно таких же сундуков.

Испугался юноша – как бы не перепутать ему сундуки и не оказаться невесть где! Стал он рядом со своим сундуком и отойти боится.

Вдруг сын богача услыхал звуки саза[1]. И так хорошо кто-то играл, что страх сразу же прошел и юноша направился туда, откуда доносилась музыка. Вскоре он оказался в большой комнате и видит: сидят на коврах сорок девушек и у каждой в руках саз. Девушки одна красивее другой, играют они все в лад, а управляет ими красивая стройная женщина. Если же кто-нибудь из девушек начинает играть неверно, эта женщина бьет ее по рукам золотой палочкой.

Смотрит юноша на все это и диву дается. Вдруг видит он: женщина подошла к его жене, бьет ее по рукам золотой палочкой и говорит:

– Что с тобой? Почему играешь не в лад? Может быть, ты влюбилась?

Обиделась девушка и положила саз на ковер. Юноше стало жалко свою жену, подошел он, взял ее саз и стал играть в лад со всеми. А девушка незаметно уснула. Когда же она проснулась, муж положил ей саз

[1] *Струнный музыкальный инструмент.*

на колени и отошел в сторону. Заиграла девушка сама, но опять сбивалась и нарушала общий лад.

Наконец хозяйка велела девушкам садиться в сундуки и возвращаться домой. Все девушки сели в сундуки, а юноша забрался в сундук своей жены. Хозяйка сказала заклинание, и сундуки полетели.

Кто знает, долго ли летел сундук обратно, но наконец прилетел он в комнату девушки. Вышла она из сундука, а следом за ней и муж. Как и накануне, сундук с грохотом улетел. А девушка прибрала в комнате, умылась, нарядилась и поехала в дом к мужу. Юноша ехал вместе с ней. Как и в тот раз, он первым прибежал в свою комнату, снял шапку-невидимку и лег в постель. Девушка вошла, увидела, что муж еще спит, и сказала:

– Вставай! Что ты спишь так долго?

Юноша открыл глаза, потянулся и говорит:

– Опять ты меня разбудила, а мне такой сон снился!

Девушка говорит:

– Ладно, вставай! Что-то тебе сны каждую ночь стали сниться.

А юноша встал и под видом сна рассказал все, что пришлось ему видеть ночью. Еще больше удивилась девушка, но ничего не сказала.

Долго и томительно тянулся этот день, но вот он кончился, и девушка поехала в родительский дом. Вместе с ней ехал и юноша в своей шапке-невидимке. Приехав домой, девушка сразу же побежала к матери и воскликнула:

– Он опять видел во сне все, что я делаю ночью!

Мать ее успокаивает:

– Пусть себе видит. Сон – это сон. Иди, ужинай.

Пошла девушка в свою комнату, а муж – за ней. Поставили перед девушкой ужин, а ей и есть-то не хочется. Сидит она, смотрит на плов, вдруг видит: плов уже кончается! «Что за наваждение!» – думает девушка.

Стало ей страшно, разделась она и легла в постель. Лег и юноша.

Как всегда, в полночь прилетел сундук. Девушка забралась в него, юноша – тоже, сундук взлетел и вскоре оказался в том же дворце, на седьмом небе. Девушка взяла саз и села играть вместе с другими, но опять все играли в лад и лишь она одна его нарушала. Хозяйка подошла к ней и кричит:

– Ты что, с ума сходишь или оглохла?

А у девушки руки задрожали, и стала она играть еще хуже. Тогда хозяйка стала бить ее золотой палочкой и кричать:

– Вот тебе, негодница, вот тебе! Ты нас предала, ты в кого-то влюбилась!

Тогда сын богача подошел к женщине, схватил ее за руку и больно сжал. Золотая палочка упала на пол, а женщина закричала:

– Будь ты проклят! Отпусти мою руку!

Но юноша не отпускает и говорит:

– Дай клятву, что ничего дурного нам не сделаешь!

Хозяйка отвечает:

– Эй, кто ты там есть, клянусь: ничего дурного не сделаю.

Тогда юноша снял шапку-невидимку, и все его увидели. Хозяйка воскликнула:

– Кто ты и по какому праву здесь? Да если бы я не поклялась, я бы тебя в золу превратила!

Юноша говорит:

– Мне с тобой делить нечего. Прилетел я сюда со своей женой, и я ее забираю. Пусть она по ночам бывает с мужем!

Хозяйка спрашивает:

– Кто из них твоя жена?

Сын богача подошел к своей жене, взял ее за руку и говорит:

– Вот она!

Схватилась хозяйка за голову и кричит девушке:

– Ни разу еще в мой дворец не ступала нога мужчины! Кто дал тебе право выходить замуж? Почему ты нарушаешь наш закон?

Но потом она успокоилась и сказала:

– Ну ладно, что тут поделаешь! Поправить ничего нельзя, а раз уж вы поженились – будьте счастливы. А теперь все улетайте домой!

Тридцать девять девушек сели в свои сундуки, в сороковой сундук сел сын богача со своей женой, хозяйка прочитала заклинание, и сундуки полетели.

Семь небес, семь морей и семь гор пролетел золотой сундук с мужем и женой. Наконец он оказался в комнате девушки, молодые вышли и рассказали родителям о случившемся. Сказали и о том, что хозяйка дворца на седьмом небе отпустила всех девушек, которых учила музыке.

Кровожадный падишах сказал:

– Теперь, когда все кончилось хорошо, моя дочь может все время быть в доме своего мужа.

Взял сын богача свою жену и увез к себе домой.

С тех пор, говорят, зажили они спокойно и полюбили друг друга еще крепче.

Бежон и Менежон

Когда-то, в очень давние времена, когда на земле жили еще дэвы, жил-был витязь по имени Рустам, сын Зола. Он был заступником народа, поборником добра и справедливости.

Где бы ни затевалось сражение, Рустам всегда седлал своего скакуна и мчался расправиться с обидчиками.

Однажды Рустам победил в сражении дэвов. После этого он привел домой маленького дэва и стал его растить.

Шли дни. В один из дней отец Рустама, Зол, прогуливаясь по двору, увидел маленького дэва. Он тут же позвал к себе сына и говорит:

– Глупец! Для чего ты привез этого злодея в мой дом? Ты что, забыл, что змея и маленькая остается змеей?

Зол схватил маленького дэва за ноги и разорвал на куски, а сыну дал хорошую оплеуху.

Не вынес Рустам этих оскорблений, сел на своего скакуна и умчался из отцовского дома. С этого дня он поселился в крепости, что находилась за семью горами. А на попечении Зола остались жена Рустама и его тринадцатилетний сын по имени Бежон.

Семь лет прошло, как Рустам уехал из отцовского дома. Бежон по утрам ходил учиться в школу, а вечерами возвращался домой.

Нелегко было Золу без сына. Он был уже стар, да и жены у него не было. Дошли до дэвов слухи о том, что Рустам обиделся на своего отца и уехал жить в крепость за семью горами. Предводитель дэвов собрал свой отряд и говорит:

– Пока Рустама нет, надо отомстить за все его проделки его отцу, старому Золу.

И дэвы ринулись на падишахство Зола. Когда они перешли границу, жители падишахства хотели преградить им путь. Но нет, не тут-то было. Дэвы пригрозили горожанам и говорят:

– Сходите к вашему падишаху и скажите, если через три дня он не выйдет сражаться с нами, мы предадим его падишахство огню.

Пришли гонцы к Золу и доложили обо всем. Задумался Зол: «Как быть? Я уже стар, а Рустам на меня в обиде!»

Приказал тогда Зол зурначам выйти на площадь и играть сбор витязей. Собрались витязи, а Зол и говорит им:

– Наша земля, города наши, народ наш в опасности. На нас напали дэвы. Они грозятся предать все огню. Есть ли среди вас люди, которые любят меня и готовы вступить в сражение с дэвами? Если есть, то пусть подойдут, выпьют со мной чашу щербета и дадут клятву верности.

Но никто не подошел и не выпил с ним чашу щербета.

– С дэвами только Рустам может сразиться. Нам они не под силу, – ответили витязи.

В это самое время из школы возвращался сын Рустама – Бежон. Смекнул он, в чем здесь дело, но, ничего не сказав, прошел мимо.

Падишах Зол и на второй день созвал на площадь витязей и опять предложил им распить с ним чашу щербета в знак верности. И опять ни один из витязей не осмелился осушить эту чашу. И в этот день, возвращаясь из школы, прошел мимо Бежон.

Созвал витязей Зол и на третий день и опять предложил им щербет. Но и на сей раз никто из них не вызвался сражаться с дэвами. Тут откуда ни возьмись появился Бежон. Он подбежал к Золу, схватил его за руку, чтобы взять у него чашу щербета. Но Зол не выпустил ее из своих рук.

– Эй, дед мой! Третий день я вижу в твоих руках эту чашу. Для кого ты приготовил ее? – спрашивает Зола внук.

– Для тех, кто разделит со мной мое горе, – отвечает Зол.

– Я разделю с тобой эту чашу. Дай ее мне. Я сын Рустама, внук Зола и не позволю унизить честь нашего рода.

Бежон выхватил из рук Зола чашу и выпил щербет. Затем он надел на себя богатырские доспехи, вскочил на коня и мигом очутился там, где дэвы ожидали решения Зола.

Срок уже истекал, и дэвы были готовы напасть на город падишаха Зола и уничтожить всех горожан. Но тут они увидели, что к ним в богатырских доспехах скачет мальчик необыкновенной красоты.

– Наверное, гонец с письмом, – решил главный дэв.

– Нет, не с письмом явился я, – говорит тут Бежон. – Я принес вам смерть.

Рассмеялся предводитель дэвов и отвечает:

– Да я на тебя дуну, и ты в небо взлетишь!

– Герой слов на ветер не бросает, – говорит Бежон. – Выходи на поле битвы, будем бороться. Или тебе умереть, или мне.

Стали они бороться. Долго боролись. Как ни старался главный дэв сдвинуть Бежона с места, не смог. Бежон стоит как дуб, вросший корнями в землю. Но вот Бежон напряг свои силы и свалил главного дэва на землю. Затем выхватил из ножен свою саблю и отрубил ему голову. Дэвы увидели, что у сына Рустама сила такая же, как у его отца, и повернули восвояси. А Бежон положил в хурджун голову главного дэва, чтобы удивить деда, и направился в сторону дома.

По пути он остановился у реки, смыл с сабли кровь злодея и собрался идти дальше. Но тут ему повстречался зять Зола.

Поздоровались они, расспросили друг друга: откуда, мол, и куда?

Бежон рассказал ему, как все было, и показал голову главного дэва.

– Покажу ее деду. Вот удивится, – радуется Бежон.

«А почему бы не мне похвалиться перед стариком Золом», – думает зять и говорит:

– Ты лучше пока не поздно поезжай в падишахство Эршефиена. У этого падишаха есть красавица дочь. Он отдаст ее замуж за того, кто докажет свою богатырскую доблесть. Я верю, что ты одержишь победу, и красавица будет твоей. А голову дэва я отвезу Золу и расскажу ему о твоей победе.

– Хорошо, – говорит Бежон.

Отдал он дяде хурджун с головой главного дэва и поскакал в падишахство Эршефиена.

Пришел зять к Золу и, показывая голову дэва, говорит:

– Я убил злодея.

– А Бежона не встретил там? – встревожился Зол.

– Нет, – отвечает зять.

– Эллег[1], дэв, наверное, убил его. – Зол стал бить себя в грудь, рыдать.

Он сбросил падишахские одежды, облачился в траур, обсыпался золой и сел у холодного очага.

А Бежон тем временем, не зная ни дня, ни ночи, находился в пути. Вскоре добрался он до города Эршефиена.

[1] *Возглас удивления или огорчения.*

«Как же быть? – задумался Бежон,– ни знакомых нет у меня здесь, ни друзей, ни крыши, ни дверей. Пойду-ка я в чайхану».

Пришел он в чайхану, а там сидят гуляки.

– Салам алейкум! – приветствует их Бежон.

– Алейкум салам, сын богатыря! – отвечают гуляки.

Усадили они его рядом с собой и стали расспрашивать: «Откуда и куда путь держишь? Чей сын и зачем пришел сюда?»

– Братья мои, сначала давайте выпьем чаю, а потом поговорим, ночь-то длинная, – говорит Бежон и тут же обращается к хозяину:

– Эй, хозяин, налей-ка нам крепкого чаю.

Принес хозяин всем чаю. Выпили. Принес еще, выпили. Целый самовар чаю выпили Бежон и его новые друзья. А потом Бежон спрашивает:

– Друзья, какие новости в вашем городе?

Рассказали тут Бежону о дочери падишаха Эршефиена. Она так прекрасна, что во всем мире не сыскать другой такой красавицы. А зовут ее Менежон.

Дворец падишаха стоит посреди города, а дом его дочери Менежон на окраине. Позади ее дома – горы, а впереди – море. А с берега моря до окна дома Менежон отец протянул канат и объявил: кто пройдет по этому канату к дому его дочери, за того он и выдаст свою дочь. Из многих падишахств, из многих земель приезжают сюда красавцы-витязи. Но никто из смельчаков не смог дойти по канату до окна.

– Ну а ты, случаем, не за этим ли делом приехал сюда? – спрашивают тут гуляки Бежона.

Бежон промолчал. Догадались они, что и Бежон прибыл попытать счастья, и стали его отговаривать:

– Образумься. Не рискуй! Пропадешь ни за что.

– Да что вы, – хитрит Бежон. – Я просто посмотрю на других. Вы только покажите мне это место.

Повели его гуляки и показали то место, где протянут канат. Посмотрел Бежон, и снова все вернулись в чайхану. Поздно ночью разошлись гуляки по домам, а Бежон отправился в караван-сарай.

Еще солнце не успело подняться над землей, как Бежон пришел занять очередь, чтобы попытать счастья. Часов в десять забили в барабаны, заиграли зурначи. Весь народ, от мала до велика, собрался сюда. Вышел на балкон и сам падишах Эршефиен со своими векилями[1] и везирами. Все ждут, волнуются. Но никто из витязей не решается попытать

[1] *Векил – вельможа, представитель шаха.*

счастья. Не выдержал Бежон и быстро взбежал на канат. Вот идет он по канату, а его новые друзья заметили его.

– Пропадет, пропадет, – волнуются они за Бежона. Когда Бежон прошел половину пути, везир и векил говорят Эршефиену:

– Почтеннейший падишах, этот мальчишка будет твоим зятем!

Рассмеялся Эршефиен и отвечает:

– Не прыгай в яму, не зная, что на дне.

Солнце успело уже дойти до середины неба, а люди все ждут, чем же кончится эта затея. Вот Бежон прошел больше половины пути. Остановился, передохнул и снова пошел. Вдруг одна нога соскочила с каната, но он все-таки сумел удержаться. Наконец добрался он до окна, за которым скрывалась красавица, и затанцевал от радости на канате.

Громче забили барабаны, звонче заиграли зурначи. Все были рады победе смелого богатыря.

– Эй, дочь падишаха, открой окно, – кричит Бежон.

– Подожди, я должна переодеться, – отвечает красавица.

Бежон не стал дожидаться, толкнул ногой окно и вошел. Увидели они друг друга, и любовь вошла в их сердца. День и ночь молодые супруги не отходили друг от друга. Бежон рассказал ей, откуда он и чей он сын. Еще крепче привязались они друг к другу.

А Эршефиен все это время не находил себе места: «Сыновья падишахов, беков, ханов приходили свататься к моей дочери, а я не отдал, – думал он. – Выдумал это зрелище, и вот теперь моя дочь досталась какому-то ничтожному мальчишке. У него еще и усы не выросли».

Созвал Эршефиен своих советников и говорит:

– Придумайте, как избавиться от такого зятя. Не по душе он мне.

Подумали советники и решили: от дома Бежона до дворца падишаха проложить дорогу. На середине дороги вырыть огромную яму и застлать ее коврами. Когда молодой зять пойдет к падишаху, он дойдет до этого места и провалится.

Как порешили, так и сделали.

И вот в один из дней Бежон направился в гости к падишаху. Дошел он до того места, где была яма, ступил на ковер и мигом очутился на дне глубокой ямы. Увидели это слуги падишаха и быстро завалили яму огромной каменной глыбой. Потом побежали к падишаху и доложили, что дело сделано.

Обрадовался Эршефиен и послал дочери письмо, в котором писал: «Дорогая дочь, твоего супруга по моему приказу сбросили в яму. Он еще

слишком молод, а тебе нужен настоящий витязь. Брось его, а я выдам тебя за другого».

Отвечает Менежон отцу: «О отец мой, сколько горя ты принес многим семьям из-за меня. Сотни богатырей погибли из-за твоей выдумки. А этот юноша своим подвигом покорил меня, и я останусь с ним. И никто другой мне не нужен».

Приказал Эршефиен привести к нему несговорчивую дочь.

– Если ты будешь упрямиться, не жить тебе в моем доме, – говорит отец дочери. – А на твою крепость я повешу замок.

– Я буду верна Бежону, – ответила красавица.

Выгнал падишах свою дочь на улицу, а на ее крепости повесил огромный замок.

На сердце – камень, на глазах – слезы, ходит бедная Менежон по базарам и продает свои дорогие наряды. На полученные деньги покупает еду. Большую часть опускает в яму Бежону через маленькое отверстие в глыбе, а меньшую ест сама. И так изо дня в день.

Прошло много дней, все продала с себя красавица и осталась наедине со своим горем. Пришлось бедной Менежон, дочери падишаха, ходить по дворам нищенкой. Добрые люди сочувствовали ей и подавали кусок. А она большую часть относила своему Бежону, а меньшую ела сама.

Дошли до Эршефиена слухи, что дочь его собирает милостыню и кормит Бежона.

Издал бессердечный падишах приказ: «Кто подаст милостыню дочери моей Менежон, дом того негодника будет предан огню».

Испугались горожане гнева падишаха, перестали помогать девушке.

День стал ночью, ночь – могилой для бедной красавицы Менежон. Как же быть?

Стала тогда она выходить на дорогу и просить милостыню у проезжих и прохожих чужеземцев: большую часть отнесет Бежону, а меньшую съест сама. И так каждый день.

Но наступили холода, реже стали появляться чужеземцы. И вот в один из дней вышла бедная Менежон в поисках куска хлеба. На одной из улиц города она встретила дервиша. Он играл на тевердине[1] и пел песни.

Когда народ разошелся по своим домам, а дело было к ночи, Менежон протянула дервишу руку за милостыней. Видит дервиш: перед ним стоит красавица, во всем мире красивее не сыскать. На глазах у нее сле-

[1] *Струнный музыкальный инструмент.*

зы и сама в лохмотьях. Проникся дервиш жалостью к красавице, дал ей несколько монет. Купила она на эти деньги ломоть хлеба и кусок сыра: большую часть отнесла Бежону, меньшую съела сама.

На следующий вечер Менежон опять пришла к дервишу и опять протянула руку. И на этот раз дал ей дервиш немного денег. Купила она ломоть хлеба и кусок сыра: большую часть отнесла Бежону, а меньшую съела сама.

Пришла Менежон к дервишу и на третий вечер, посмотрела по сторонам и, убедившись, что за ней никто не следит, вновь протянула руку. Удивился дервиш странному поведению девушки и спрашивает:

– Эй, красавица, я сам нищий бродяга, но все-таки могу дать тебе кое-что. Ответь мне: почему ты всегда приходишь с темнотой и почему оглядываешься по сторонам? Может быть, у тебя горе и я могу помочь?

– Ох, дервиш, мое горе никакими весами не взвесить, – отвечает Менежон.

– Положи на мои весы, я взвешу, – говорит дервиш.

Но нет, не положила она свое горе на чужие весы: горе одного – другому что пух.

– Скажи мне, дервиш, где твоя родина? Откуда ты и куда идешь? – спрашивает Менежон.

– У меня нет родины. Я хожу из одного падишахства в другое. Пою свои песни и так живу под этим небом, – отвечает дервиш.

– А будешь ли ты, дервиш, в падишахстве Зола? – спрашивает Менежон, а сама все плачет.

– Пройду я два падишахства, третьим будет падишахство Зола, – отвечает дервиш.

Сняла Менежон с головы платок, бросила его к ногам дервиша, упала на колени и говорит:

– Ох, дервиш, не осуди меня за то, что я обнажила свою голову. Еще никто не видел мои волосы, но перед тобой я это сделала. Умоляю тебя: будешь в падишахстве Зола, пропой им такие слова:

Менежон, Менежон
Из падишахства Эршефиена
Полюбила смелого Бежона.
О, Бежон, бедный Бежон!

– Могилами своих предков клянусь исполнить твою просьбу, – говорит дервиш. – Пусть небо и земля будут свидетелями. Эту ночь я сделаю днем для тебя!

На этом попрощались Менежон и дервиш, пожелали друг другу всего хорошего и разошлись. Менежон осталась опять одна со своим горем. Целыми днями в лохмотьях и босиком ходила она по дорогам и искала встречи с чужестранцами. Выпрашивала у встречных милостыню и тем кормила Бежона и питалась сама.

В сказках все быстро делается, а на деле – долго.

Прошло несколько месяцев, и дервиш наконец добрался до падишахства Зола. Увидели его витязи и пригласили на площадь петь песни. Много собралось народу послушать. Дервиш повесил на шею тевердин и начал петь:

– Менежон, Менежон
Из падишахства Эршефиена
Полюбила смелого Бежона.
О, Бежон, бедный Бежон!

Услышали витязи, что дервиш в песне повторяет имя Бежона, примчались к своему падишаху и говорят:

– Почтеннейший наш Зол, хватит тебе сидеть на золе. Вставай, пойдем на площадь. Там дервиш поет песни про Бежона.

– Никакие песни дервишей мне не помогут, – ответил Зол. – Пока жив, с золы не встану.

– Тогда разреши нам пригласить дервиша сюда. Пусть он споет перед тобой, – сказали витязи.

Согласился Зол. Привели дервиша, усадили и попросили спеть. Поет дервиш, а падишах не слушает. Сидит на золе, и лицо – как зола. Но вот дервиш запел:

– Менежон, Менежон
Из падишахства Эршефиена
Полюбила смелого Бежона.
О, Бежон, бедный Бежон!

Услышал падишах Зол имя Бежона и вскочил со своего места.

– Позовите ко мне дочь, – распорядился он.

Прискакали витязи в город, где жила дочь Зола, и говорят:

– Отец ваш велел передать: «Если даже у рта кружка с водой, отставь ее и срочно явись».

Растерялась Бонуш, дочь Зола, и спрашивает:

– Что случилось?

– Не знаем, – ответили витязи.

Бонуш быстро сняла с себя траурную одежду, переоделась в одежду витязя, вскочила на коня и, не сказав мужу ни слова, примчалась к отцу.

– Отец, что случилось? – еще со двора крикнула Бонуш.

– Позвал я тебя послушать песни дервиша, – отвечает Зол.– Спой, дорогой дервиш, свои песни.

Повесил дервиш на шею свой тевердин и начал петь:

– Менежон, Менежон
Из падишахства Эршефиена
Полюбила смелого Бежона.
О, Бежон, бедный Бежон!

Выслушала Бонуш песни дервиша и говорит:

– Отец, сколько же мы будем ждать Бежона?

– Вот потому-то я и вызвал тебя, дочь моя, – отвечал Зол. – Я уже стар. А Рустам ушел из отцовского дома, обиделся на меня. Хочу выслушать тебя. Что будем делать? – говорит Зол.

– Отец, пусть зарежут самую большую козу из твоего стада, а шкуру отдадут мне. Сегодня вечером Рустам будет здесь, – говорит Бонуш.

Зарезали самую большую козу. Содрали с нее шкуру и отдали Бонуш. Взяла она козью шкуру и к каждому волосу привязала по одному колокольчику. Затем завернула шкуру в вату, чтобы звона колокольчиков не было слышно, вскочила на коня и поскакала за семь гор, где был Рустам.

В эту ночь Рустам, вернувшись с охоты, поужинал и лег спать. А Бонуш привязала в укрытии своего коня, быстро вскарабкалась по канату на крышу, натянула на себя козью шкуру и стала у трубы звенеть колокольчиками. Подула в трубу – труба волком завыла. Услышал Рустам звон колокольчиков и страшный вой и удивился.

– Кто на моей крыше? – спрашивает он.

– Я, Азраил, ангел смерти. Пришел забрать твою душу. Давай ее сюда, – кричит в трубу Бонуш.

– Дорогой Азраил, – отвечает Рустам, – семь лет, как я обиделся на отца и ушел из дому. Прошу тебя, дай мне еще два часа жизни, чтобы я мог повидаться с семьей и отцом. Потом можешь забрать мою душу.

– Хорошо! – кричит в трубу Бонуш. – Даю тебе два часа. Чтобы одна нога была там, другая – здесь.

Пока Рустам одевался в свои доспехи, Бонуш слезла с крыши, вскочила на коня и мигом вернулась к отцу.

– Отец, Рустам сейчас будет здесь, – сказала она.

Не прошло и нескольких минут – земля и небо задрожали.

– Это Рустам скачет, – сказала Бонуш и вышла встречать брата.

Въехал Рустам во двор, слез с коня и вбежал в дом.

– Дорогой отец, прости меня! Я свою душу должен богу отдать. Азраил приходил за ней.

– Дорогой брат, – прервала его Бонуш, – то был не Азраил, а я.

– Как? – удивился Рустам.

– Сейчас не время рассказывать, – отвечает сестра, – лучше войди в ту комнату и послушай, о чем поет дервиш.

Вошел Рустам в комнату и услышал песню дервиша:

– Менежон, Менежон

Из падишахства Эршефиена

Полюбила смелого Бежона.

О, Бежон, бедный Бежон!

Понял Рустам, что с Бежоном неладное случилось, и заплакал.

– Где, где мой сын? – обратился он к собравшимся.

Рассказали ему все как было. Выслушал Рустам рассказ дервиша и решил отправиться на поиски сына.

Сборы были недолгими. Бонуш, Рустам и его жена оседлали своих коней, наполнили едой хурджуны и тронулись в путь. По дороге к ним присоединился и муж Бонуш.

В сказках все быстро делается, а на деле – долго.

Доехали они до падишахства Эршефиена, переночевали в караван-сарае, а утром Рустам и муж сестры отправились в горы на поиски Бежона. Сестра и жена Рустама остались в караван-сарае, чтобы к возвращению мужчин приготовить еду.

Пусть женщины готовят обед, мужчины бродят в горах в поисках Бежона, а я расскажу про бедную Менежон.

В этот день, как и всегда, Менежон вышла на дорогу, чтобы встречать чужестранцев и просить у них милостыню, и видит: в караван-сарае остановились какие-то люди.

Пришла она к караван-сараю, вся в лохмотьях и босиком, протянула руку и стала просить милостыню. Жалко стало Бонуш и матери Бежона эту нищенку.

Завели они ее в дом и угостили пловом и супом. Менежон съела суп, а плов завернула в свой рваный платок и, поблагодарив добрых людей, заторопилась к Бежону.

Вечером усталые и голодные вернулись Рустам и зять Зола. Поужинали они и легли спать.

Наутро мужчины опять отправились на поиски Бежона. Женщины остались готовить еду. В полдень к ним опять пришла Менежон и снова попросила милостыню. Завели они ее в дом и опять угостили пловом и

супом. Съела девушка суп, а плов сложила в свой рваный платок и, поблагодарив добрых людей, заторопилась к своему любимому Бежону.

Догадалась Бонуш, что эта девушка похожа на ту, о которой рассказывал дервиш, и ждет, чем же все это кончится.

На следующее утро, когда мужчины вновь отправились на поиски Бежона, Менежон снова пришла за милостыней. И на этот раз перед девушкой поставили плов и суп. Съела девушка суп, а плов сложила в свой рваный платок и собралась было уходить, но Бонуш преградила ей путь и спрашивает:

– Дочка, кому ты всегда носишь плов? Ведь мы угощаем тебя.

Менежон испуганно посмотрела по сторонам. Ей почудилось, что эти люди сейчас отвезут ее к отцу, и она заплакала. И откуда столько слез! Каждая слеза размером с орех.

– Не плачь, дочка! Мы тебя не обидим. Скажи, кому ты носишь еду.

– Я Бежону ношу, – сквозь слезы говорит девушка.

Услышав имя Бежона, Бонуш и мать Бежона бросились обнимать и целовать девушку.

– Ты же моя невестка! Мы услышали о тебе от дервиша и пришли сюда, – говорит мать Бежона и плачет.

Словом, как вам описать все это! В слезах друг друга купаются...

Вскоре вернулся и сам Рустам. Вошел и видит: в комнате от слез потоп.

– Что случилось, говорите скорее! – закричал Рустам.

– К чему расспросы, лучше обними и поцелуй свою невестку! – отвечают женщины.

Обнял Рустам девушку и тоже стал плакать:

– Где мой сын? Где Бежон?

Рассказала девушка о том, как ее отец издал приказ выдать дочь за того, кто пройдет по канату, и о том, как много витязей погибло от дурной затеи отца. Рассказала также и о том, как Бежон прошел по канату и стал ее женихом. И о том, как Эршефиен бросил ее любимого супруга в глубокую яму, и о том, как она носила ему еду все эти годы.

Девушка рассказывает, а женщины плачут. В общем, все от начала до конца рассказала девушка родителям Бежона.

Девушку тут же искупали и переодели в новые платья.

– Эй, брат, сними со своего пальца кольцо и дай мне, – сказала Бонуш.

Снял Рустам кольцо и передал сестре. Бонуш наложила полную чашку плова, а в плов положила кольцо.

– Дочка, отнесешь этот плов Бежону. Когда он будет есть, то увидит это кольцо и спросит тебя: «Где ты взяла это кольцо?» А ты скажи ему, что за ним приехали его родные и что завтра утром мы освободим его из ямы.

Взяла Менежон чашку плова и пришла к яме, где вот уже много месяцев томился ее любимый Бежон. Опустила она плов в яму, а сама стоит и ждет.

– Менежон, откуда это кольцо? – вдруг крикнул из ямы Бежон.

Девушка рассказала ему все как есть, а вечером вернулась в караван-сарай к родителям Бежона.

На следующее утро Менежон привела их к яме, где сидел Бежон. Яма была завалена огромной глыбой. Рустам поднял одной рукой эту глыбу и забросил далеко в овраг.

– Эй, Бежон, сын, лови канат, – крикнул Рустам.

– Отец, я не выйду отсюда до тех пор, пока голова мужа твоей сестры не будет в этой же яме, – закричал из ямы Бежон.

– О! Что ты болтаешь. Этому не бывать, – ответил Рустам.

– Тогда тяни свой канат обратно, – закричал Бежон.

Рассердился Рустам на сына и говорит:

– Сто лет будешь сидеть в этой яме, а голову мужа моей сестры я все равно не отрублю.

Вернулся Рустам в караван-сарай сердитый и расстроенный. А Менежон, обливаясь слезами, осталась сидеть у ямы.

– Менежон, зачем ты плачешь? Успокойся! – кричит ей снизу Бежон.

– Как же мне не плакать? Столько мук перенесла я, пока дождалась приезда твоих родителей, – говорит Менежон, – а теперь каких дней еще дожидаться?

Жалко стало Бежону свою любимую.

– Хорошо! Если они еще раз придут за мной, я выйду из ямы, – говорит он.

Прибежала Менежон в караван-сарай, упала на колени перед Рустамом и говорит:

– Сходите и вытащите Бежона из ямы ради меня, ради моих мук.

Ничего не оставалось Рустаму делать, взял он канат и отправился к яме. Вместе с ним пошли и остальные. Вытащили они Бежона, а Бежон подбегает к зятю Зола, вытаскивает из его ножен саблю и замахивается, чтобы отсечь ему голову.

Но тут Рустам схватил его за руку и дал сыну хорошую оплеуху.

Вмешались женщины, успокоили отца и сына, примирили их, и потом все вместе отправились во дворец падишаха Эршефиена.

– Злодей, выходи на площадь, будем бороться, – говорит Бежон Эршефиену. – Кто кого: или тебе умереть, или мне.

– Да я тебя как вошь раздавлю, – возмутился Эршефиен.

Услышал Рустам, как Эршефиен оскорбил сына, и коснулся рукояти сабли.

– Успокойся отец, я сам с ним рассчитаюсь, – говорит Бежон и вновь обращается к Эршефиену. – Мужчина слов на ветер не бросает.

Не выдержал злодей Эршефиен и вышел на площадь. Начали они бороться. Бежон так сдавил Эршефиена, что тот замертво упал на землю.

В тот же день Бежон разделался со всеми придворными Эршефиена: связал их канатом и бросил в ту самую яму, где долгое время томился сам.

– Пусть подохнут! – сказал Бежон.

– И без твоего проклятия они подохнут, – сказали старцы города. – Их некому любить! Только любовь может сохранить человека.

Стали тут горожане просить Бежона стать их падишахом.

– Дорогие мои, – говорит Бежон, – мне надо ехать в падишахство деда. Вы лучше скажите, кого назначить падишахом.

– Кого угодно, лишь бы был справедливым, – ответили горожане.

Тогда Бежон пригласил всех гуляк, которые распивали с ним чай, и хозяина чайханы. Чайханщика назначили падишахом, а гуляк – его везирами и векилями.

– Эти люди не подведут, – сказал Бежон.

На следующее утро вся семья падишаха Зола собралась в дорогу и тронулась в путь: Бежон и Менежон – впереди, а остальные – сзади. Долго ли ехали, коротко ли, доехали до того самого места, где Бежон победил дэвов. И тут Рустам говорит мужу своей сестры:

– Пусти коня в галоп и порадуй старого Зола хорошей вестью!

Узнал старый Зол о благополучном возвращении всех и велел зурначам выйти встречать победителей.

Встретил старый Зол своего внука Бежона, обнял его, расцеловал. Даже на радостях прослезился. Рассказал Бежон деду о проделках зятя. О том, как тот обманул его, Бежона, и забрал голову дэва. Выслушал дед и говорит:

– Мне не нужен такой зять. В моем роду еще не было такого подлого человека.

Обрадовался Бежон, сорвал с дерева яблоко и с силой запустил им в мужа тети.

Яблоко попало в спину, выскочило из груди. Зять Зола упал и больше не встал.

Увидел Рустам, что сын убил мужа сестры, обнажил свою саблю и направился к Бежону, чтобы отрубить ему голову:

– И очень правильно сделал, туда ему и дорога, – преградив брату путь, сказала Бонуш, – это из-за него весь наш отцовский род сидел на золе. Спрячь свою саблю!

Тут Бежон подвел к деду свою невесту-красавицу. По душе пришлась старому Золу девушка. Приказал он ради такого торжества зарезать сорок баранов, выкатить из погребов сорок чанов вина.

Сорок дней и сорок ночей пировали во дворце Зола. Много понаехало кунаков. А дервиша, говорят, Зол сделал своим зятем – отдал за него свою дочь Бонуш.

И стали все поживать, не зная ни горя, ни нужды. Каждый получал свое: гости пили, ели; тот, кто должен был жениться – женился; та, которая должна была выйти замуж – вышла; кто должен был радоваться – узнал радость; кто должен был получить по заслугам – получил; а кто должен был узнать эту историю – узнал.

Бессмертный человек

В одном древнем городе жили два друга – Нисан и Немурум. Они дня не могли прожить без того, чтобы не повидаться.

Но вот однажды Нисан заболел. Каких только знахарей и врачей не вызывали его родители, никто не мог вылечить юношу. С каждым днем он таял, подобно горящей свече, стал тонким, как тополь.

Немурум ни на миг не отходил от постели больного друга. День сменялся ночью, ночь – днем, но он не смыкал глаз.

И вот Нисан умер.

Похоронили Нисана, а его друг не мог найти себе места от горя. «Почему люди обречены на смерть? – думал юноша. – Неужели нет на свете такой земли, где никто не умирает?»

Шли дни, а эта мысль не покидала его, как тень не покидает человека. Однажды Немурум спросил у матери:

– Деде, неужели ты тоже умрешь, как и мой друг?

Удивилась мать словам сына и с улыбкой ответила:

– Если бы прадеды, деды, отцы наши не умирали, то и я бы не умерла. Но нет, сын мой, все живут, только пока за ними не придет смерть. Ничего вечного нет. А ты перестань горевать. Все на свете от бога.

Немурум воскликнул:

– Не верю твоим словам! Я буду жить всегда! Я не умру!

Мать говорит:

– Пусть недруги твои умрут.

А сын твердит свое:

– Деде, я не верю, что нет такой страны, где люди бессмертны. И я найду эту страну!

– Нет, сынок, не найдешь. Все под небом рождены для смерти, – сказала мать.

Но сын не стал ее слушать и велел собрать себе хурджун в дорогу.

– Я должен найти ту страну, где люди не умирают! – повторял он.

Сколько ни упрашивала его мать одуматься, юноша стоял на своем.

Тогда мать собрала ему хурджун и сказала доброе напутствие.

Рано утром сын вышел из дому, и мать со слезами проводила его в дорогу.

Шел Немурум день, второй; шел месяц, второй; шел он мимо городов, аулов, озер и рек. Прошло много, очень много месяцев, а юноша все еще был в дороге. Места, где он проходил, были пустынны: ни одной сакли, ни одной живой души. Даже птицы не летают. Скучно, тоскливо стало Немуруму. И вдруг он видит: на старой чинаре сидит соловей и поет свои песни. Юноша обрадовался встрече и говорит соловью:

– Будь моим другом.

Соловей отвечает:

– Я согласен.

Немурум спрашивает:

– А ты умрешь или нет?

Соловей говорит:

– Конечно, умру. Каждый год я теряю по одному перу. Когда земля под деревом покроется моими перьями, я упаду на них и умру.

Немурум воскликнул:

– Нет, тогда я не хочу дружить с тобой! Я иду туда, где никто никогда не умирает.

Соловей рассмеялся:

– Куда бы ты ни пришел, смерть настигнет тебя и ты умрешь. Ничего вечного нет.

Юноша не поверил соловью, взвалил свой хурджун на плечи и пошел дальше.

Трижды всходило и заходило солнце, и Немурум оказался у какой-то реки. Видит он: под огромным дубом лежит олень.

– Давай дружить, – говорит ему Немурум.

Олень отвечает:

– Дружить так дружить.

Юноша спрашивает:

– А ты умрешь или нет?

Олень говорит:

– Конечно, умру. Все мои предки умерли, и я умру. Каждый год с моих рогов опадает по отростку, и когда вся земля под деревом будет усыпана ими, я упаду и умру.

– Тогда я не хочу с тобой дружить, я иду туда, где никто никогда не умирает! – воскликнул юноша и отправился дальше.

Через несколько дней пути он увидел фазана, сидящего на огромном дереве.

– Эй, человек, куда путь держишь? – крикнул фазан. – Как ты сюда попал? Здесь никогда ни одной человеческой души не было.

Немурум ответил:

– Я ищу себе друга и никак не найду. Давай дружить!

Фазан обрадовался и говорит:

– Мне тоже хочется иметь друга!

Тогда юноша спросил его:

– А ты бессмертен или нет?

Удивился фазан:

– Сколько лет живу на этом свете, а подобного вопроса мне не приходилось слышать! Когда наступает время смерти, все умирают: и люди, и звери, и даже деревья. Умру и я, когда мои разноцветные перья осыплются.

Юноша сказал:

– Нет, не быть нам друзьями. Меня зовут Немурум, что значит бессмертный.

Попрощался он с фазаном и пошел своей дорогой.

Долго шел Немурум по пустынным местам и никого не встретил. Только на сороковой день заметил он вдали большой красивый дом. Подошел Немурум поближе и видит: сидит у окна красавица. У человека два глаза, но нужно еще два, чтобы смотреть на нее! Красавица спрашивает:

– Куда путь держишь, юноша?

– Ищу такое место, где никто никогда не умирает.

Красавица говорит:

– Это место здесь.

Обрадовался Немурум, что нашел наконец-то, что искал, и попросил красавицу:

– Пусти меня к себе!

Девушка спустила в окно веревку, и Немурум поднялся в дом.

Стали они жить вместе, да так хорошо, как мечтает жить каждый человек. Все, чего бы он ни пожелал, тут же исполнялось.

Время шло, а сколько его прошло – неизвестно: в стране бессмертия дней не считают. У Немурума и красавицы родились сын и две дочери. Прошло еще время, и дети выросли. Долго жили вместе Немурум, его жена-красавица и их дети. Хорошо они жили – в дружбе, в любви. Прошло много времени, во много раз больше, чем человеческая жизнь, а они все не старели.

Но вот однажды Немуруму вспомнились родные места и мать, которую он оставил там. Грустно ему стало, и он сказал жене:

– Хочу я хоть на два-три дня сходить в родные места, повидаться с матерью и знакомыми.

Жена рассмеялась и говорит:

– Много веков прошло с тех пор, как ты пришел сюда. А там, где ты жил некогда, никого из тех, кого ты знал, не осталось. Все они давно поумирали, а после них уже сменилось не одно поколение.

Но Немурум не поверил словам жены и настаивал на своем.

– Ну что же, если тебе очень хочется проверить правоту моих слов, иди, – сказала жена, и ей стало грустно.

Чувствовала она, что недоброе должно случиться с мужем. Но что было ей делать – собрала она мужу в дорогу всякой еды и сложила в хурджуны. Еще дала она ему четыре яблока и сказала:

– Возьми эти яблоки, они тебе пригодятся. Но только смотри не роняй их и не ешь. Бог да поможет тебе в пути!

Взял Немурум четыре яблока, положил их в карманы, поцеловал жену и детей и ушел.

Долго ли он шел, сильно ли уставал – это ему знать. Но проходил он той же дорогой, которая привела его когда-то в страну бессмертия.

И вот дошел Немурум до огромного-преогромного дуба и увидел под ним кости и перья какой-то птицы.

Понял Немурум, что это кости того фазана, которому он предлагал свою дружбу, нагнулся и поцеловал их. Но когда он нагибался, у него из кармана выпало одно яблоко, и Немурум сразу же поседел.

Попрощался он с костями фазана и продолжал свой путь.

Долго ли он шел, сильно ли уставал – это ему знать. Но через много дней подошел Немурум к той реке, у которой он когда-то встретил оленя. Видит Немурум: лежат оленьи кости. Немурум нагнулся и поцеловал их, но в этот миг из его кармана выпало второе яблоко. И Немурум почувствовал, что он постарел и силы стали покидать его.

Посидел Немурум возле костей оленя, отдохнул и отправился дальше.

Долго ли он шел, сильно ли уставал – это ему знать. А нам известно, что через несколько дней он добрался до той чинары, где когда-то сидел соловей и пел песни.

Подошел Немурум поближе и видит: устлана земля соловьиными перьями, а на них лежат кости.

«Да, правы были они все: ничего вечного нет. Все живет, пока не придет смерть», – подумал Немурум.

Нагнулся он и поцеловал кости соловья. Но тут он выронил третье яблоко и почувствовал, что ноги уже отказываются носить его.

Немурум вырезал из чинары палку, опираясь на нее, пошел дальше.

Через некоторое время он добрался до родного города, где похоронил когда-то своего доброго друга Нисана и где оставил старую мать.

Вошел Немурум в город, пошел по улицам, но не встретил ни одного знакомого. Все здесь было не таким, как раньше: и дома, и люди.

Начал Немурум спрашивать жителей города о своей матери, но никто ее не помнил. Наконец привели его к двухсотлетнему старику, и тот сказал:

– Сам я не видел твоей матери, но слышал от стариков, что жила здесь когда-то, в очень давние времена, одна старушка. Она умерла с именем сына на устах. А сын ее, говорили, отправился искать землю, где никто никогда не умирает, но не вернулся.

Услышал Немурум эти слова и опечалился. «Напрасно пришел я сюда, – подумал он. – Лучше бы я послушался жену и не покинул бы ни ее, ни детей, лучше бы жил с ними там».

Утром, как только встало солнце, пошел Немурум на кладбище, отыскал могилу матери и долго плакал. И решил он вернуться в страну бессмертия, где остались его жена и дети. Нагнулся Немурум над могилой матери и поцеловал ее. В этот миг он выронил последнее, четвертое яблоко и почувствовал, что нет у него уже сил возвращаться. Сел Немурум на землю и стал просить Азраила, чтобы тот взял его душу. Дошли его слова до бога, и сказал бог Азраилу:

– Спустись к этому старцу, возьми у него душу, успокой его и похорони.

Спустился Азраил на землю, выбрал место для могилы и стал копать.

Увидел его Немурум, подошел, с трудом передвигая ноги, и спросил:

– Что ты делаешь?

Азраил ответил:

– Я копаю могилу. Умирает один старик. Подойди и ляг в яму, чтобы я мог ее измерить. Он такого же роста, как и ты.

Немурум спустился в яму и лег. А Азраил тем временем взял у него душу, и Немурум умер.

Засыпал Азраил яму землей, взмахнул крыльями и полетел высоко в небо, где его дожидался бог.

Да, и вправду на свете ничего вечного нет!

Как юноша купил бороду

ил-был один старый купец, и был у него сын. Когда сыну исполнилось шестнадцать лет, он сказал отцу:

– Отец, я уже взрослый и должен увидеть мир: хочу узнать, как живут люди в других городах и странах.

Но старый купец считал своего сына еще ребенком и стал его отговаривать. А сын стоял на своем. В конце концов после долгих уговоров отец согласился. Он дал сыну три тысячи золотых монет – эршефи, и отпустил его. И юноша уехал с одним торговым обозом.

После долгого пути через горы и долины купеческий обоз достиг одного богатого города. Там было много базаров и лавок, где продавали и фарфор, и шелк. Сын купца остался в этом городе, а обоз отправился дальше.

Юноша принялся обходить все базары и лавки, но не нашел ничего, на чем бы он мог заработать.

Но вот однажды проходил он мимо одного годекана и увидел, что в тени чинары сидят люди и играют в нарды. У одного из них, важного чиновника, была большая рыжая борода. Наверное, у самого Маллаха[1] не было такой. Юноша заметил, что все прохожие почтительно приветствуют чиновника, а тот в ответ лишь головой кивает. Тогда сын купца подошел, поздоровался с бородачом и стал смотреть на его бороду.

Чиновник заметил это и спрашивает:

– Что ты на меня смотришь?

– Много разных городов я проехал, – отвечает юноша, – много видел людей с бородами, но такой прекрасной бороды, как у тебя, почтеннейший, нигде не видел. Продай мне свою бороду, я уплачу тебе столько, сколько ты запросишь.

Бородач рассмеялся и воскликнул:

[1] *Дух, персонаж фольклора, чаще добрый.*

– Да ты шутник!

Но сын купца не отходил.

– Я уплачу тебе тысячу эршефи, – сказал он, – а то и больше. Я уплачу тебе две тысячи!

Тогда чиновник встал и спросил:

– Но зачем тебе моя борода?

– У меня есть все, – ответил юноша, – нет только такой бороды.

Бородач сказал:

– Ну хорошо, продаю!

И они начали торговаться. Почему чиновник решил продать бороду, то ли из-за денег, то ли ради шутки, мы не знаем. Знаем только, что в конце концов они подписали договор о продаже бороды и пошли заверить его к правителю города. Правитель заверил договор, после чего юноша сказал бородачу:

– А теперь мне нужно возвращаться домой, отец ждет меня с товарами.

Чиновник спрашивает:

– Но как же быть с бородой?

– Почтенный, она теперь моя, – говорит сын купца, – а я хочу – беру ее, хочу – не беру.

Юноша простился с чиновником, сел на коня и уехал в свой город.

Отец встретил его и спросил:

– Какие новости? Показывай, чего наторговал.

Сын в ответ сказал:

– Пока хвастаться нечем, но через несколько дней придет обоз с фарфором и хрусталем.

Юноша пробыл в родительском доме до утра, а на рассвете, не сказав отцу ни слова, сел на коня и поскакал обратно в тот город, где жил бородач. Сын купца приехал туда уже к вечеру и увидел, что в городе какой-то праздник.

Юноша остановил прохожего и спросил, где живет рыжебородый чиновник. Прохожий показал дорогу и рассказал, что сегодня у чиновника день рождения и его празднует весь город.

Сын купца добрался до дома чиновника, и слуги пропустили его в зал, где шел пир. Видит юноша: на самом почетном месте сидит чиновник: справа от него – правитель города, слева – его телохранитель, а напротив – правители соседних городов, городские чиновники. Чиновник сидит, пьет рог за рогом и важно поглаживает свою рыжую бороду.

И тут появился сын купца. Он подошел к столу, попросил телохранителя передвинуться на соседнее место, а сам сел рядом с чиновником.

Все гости были поражены такой дерзостью, но не хотели мешать торжеству и промолчали. Чиновник был раздосадован, увидев юношу, однако предложил ему угощение.

– Благодарю, мне ничего не надо. Вели только принести мне разных красок и блюдо с водой.

Чиновник велел принести все это, а сын купца начал разводить краски и раскрашивать бороду хозяина разными цветами. Гости ничего не могли понять и молчали, а чиновник только головой вертел.

Наконец правитель города не выдержал, вышел в другую комнату и велел слуге позвать хозяина. Вскоре туда пришел чиновник, а за ним и юноша с красками. Поговорив между собой, правитель и чиновник предложили юноше расторгнуть договор и вернуть ему две тысячи эршефи.

Сын купца ответил:

– Мне деньги не нужны, мне нужна борода, которую хозяин добровольно продал мне.

Чиновник воскликнул:

– Плачу пять тысяч эршефи, только расторгнем этот позорный договор!

А юноша опять:

– Мне деньги не нужны, мне нужна борода.

– Даю десять тысяч! – кричал чиновник.

Тогда сын купца как будто нехотя уступил и за десять тысяч эршефи вернул чиновнику его же собственную бороду.

Получив деньги, юноша покинул дом чиновника.

На следующий день он закупил целый обоз хрусталя и фарфора и отправился домой.

– Что привез, сын мой? – спросил его отец.

Юноша ответил:

– Хрусталь и фарфор на десять тысяч эршефи.

Отец удивился:

– Откуда же ты взял столько денег?

И сын рассказал ему все как было.

Старый купец смеялся и рассказывал всем об этой истории. Все смеялись, рассказывали мне. Я смеюсь и рассказываю вам. Смейтесь и вы. Ну а на следующий день в лавках старого купца шла бойкая торговля, и он получил большой доход. И старый купец сказал сыну:

– Теперь я вижу, что ты – мой достойный преемник. У тебя умная голова и золотые руки.

И отец передал сыну все свое хозяйство.

Лев и пахарь

В давние-давние времена жил, говорят, в одном горском ауле один пахарь. Он очень любил землю и всегда носил за пазухой узелочек с пахучим весенним черноземом.

Но земли у пахаря было очень мало – всю ее можно было накрыть буркой. За день она накалялась докрасна, ночью дышала жаром и только к утру остывала. С восхода до заката пахарь трудился на своем клочке земли. С осени он перекапывал свое поле деревянной лопатой, а по весне засевал пшеницей и кукурузой. Летом он пропалывал посевы.

С водой в том месте было очень трудно, ее чутко сторожил серови[1], и пахарь поливал поле своим потом. Все силы отдавал пахарь своему жалкому клочку земли, но зато когда созревала пшеница и кукуруза, в жизни пахаря наступали радостные минуты. Но и тогда он не знал покоя: то налетали черные вороны, склевывавшие весь урожай, то шагаду насылал на поле злые суховеи.

Трудно жилось пахарю. Зиму и лето он перебивался с кукурузных лепешек на пшеничную кашицу, а на продажу у него ни зернышка не оставалось.

Однажды, когда земля дышала теплым паром, откуда ни возьмись вышел навстречу пахарю лев. Пахарь испугался и собрался было бежать, как вдруг лев заговорил человечьим голосом:

– Эй, человек, не бойся меня! Ты мне нравишься. Когда бы я ни проходил мимо твоего поля, ты всегда трудишься. Давай трудиться вместе, а урожай будем делить поровну.

Пахарь удивился словам льва и говорит:

[1] *Водяной.*

– Я – человек, а ты – лев! Как же мы вместе можем трудиться?! Ведь я тебя буду бояться!

– Не бойся, пахарь. Мы с тобой будем дружить, как в реке берега с водой, – пообещал лев.

Подумал-подумал пахарь и ответил:

– Ладно, будем друзьями: я стану землю копать, сеять, поливать, освобождать от сорняков, собирать урожай и молоть зерно, а ты что будешь делать?

– Да, пахарь, это правда: ты будешь трудиться, как и прежде. Но ведь толку от твоего труда раньше было мало. Злые силы мешали тебе собрать богатый урожай. Вот тут-то я и буду тебе верным помощником: стану сторожить твое поле и напугаю серови, когда посевам будет нужна вода. Если раньше ты собирал мешок зерна, то с моей помощью получишь десять. Как видишь, моя работа пойдет тебе на пользу.

Пахарь согласился.

И вот пришло время – урожай уродился на славу, как никогда. Много жарких дней было у пахаря: он работал от зари до зари. Когда урожай был собран, они разделили его поровну. На долю каждого досталось столько, сколько пахарь не собирал со своего поля за два года.

С тех пор пахарь разбогател. О нем ходили слухи по аулам. Его расспрашивали старые и малые, его приглашали в каждую саклю.

Как-то вечером лев огородами пришел к пахарю. Пахарь накрыл в честь гостя богатый стол. Они ели, шутили, смеялись, пили, но не были пьяны. В самом разгаре веселья лев говорит пахарю:

– Помнишь, друг, вначале ты испугался меня и отверг мою дружбу. Ну а теперь что ты скажешь?!

– Да, друг и помощник ты неплохой, но беда в том, что морда у тебя больно страшная, – сказал пахарь и рассмеялся.

Когда лев услышал эти слова, его шерсть стала дыбом, а глаза загорелись недобрым огнем.

– Эй, пахарь, достань свой кинжал и порази меня, – сказал лев.

– Ты мой друг, моя рука не поднимется на тебя, – отвечает пахарь.

Тогда лев раскрыл свою могучую пасть и зарычал:

– Убей меня, слышишь?! Скорее, иначе я выпущу когти, и тогда тебе несдобровать!

Пахарь испугался и вонзил в грудь льва свой кинжал. Лев, истекая кровью, выскочил из дома пахаря и ушел в лес.

Дни и ночи напролет он зализывал рану, нанесенную другом, и она быстро заживала. Она затянулась так, что не стало видно и следа, и тогда лев вновь отправился к пахарю.

Разбогатевший пахарь уже успел позабыть льва и, увидев его живым и невредимым, очень испугался. Его глаза забегали по груди льва – он искал рану.

И тогда лев сказал ему:

– Не ищи рану, пахарь. Ты ее не найдешь. Раны, нанесенные кинжалом, заживают, но раны, нанесенные словом, остаются на всю жизнь. Теперь я твой враг навсегда.

С тех пор, говорят в народе, лев стал шахом зверей и грозой для пахаря.

Мать ума – размышление.

ЧЕРКЕССКИЕ СКАЗКИ

Сафил и Мылыгу

или когда-то по соседству Мысыр Паша и Ефендыко Исмел. Не было у них детей. Так бы и дожили они свой век в одиночестве, если бы однажды не встретились их жены у реки, не разговорились и не заметили яблочка, которое плыло по течению.

Нагнулась жена Ефендыко Исмела, подняла плод и сказала соседке:

– Давай съедим его, хуже не будет. Говорили же люди, будто у того, кто съест случайно найденное яблочко, появятся дети.

Женщины съели по половинке плода. Вскоре они понесли. Когда же наступил положенный срок, родились у них мальчики. Сына Мысыра Паши назвали Сафил, а сыну Ефендыко Исмела дали имя Мылыгу.

Встретились как-то счастливые отцы, и попросил Мысыр Паша:

– Твоя жена, Ефендыко, нашла яблоко, ты и возьми на воспитание обоих мальчиков.

Так Ефендыко Исмел взял в свой дом сына своего соседа. С равной требовательностью принялся он обучать мальчиков, благо те оказались, не в пример многим сверстникам, смышлеными и послушными.

Однажды Ефендыко отправил своего сына и кана[1] к Мысыру Паше. Слово старшего – закон для воспитанников. Вот и поехали друзья в гости к Мысыру Паше.

Мысыр Паша очень обрадовался мальчикам, приласкал их, но задерживать у себя не стал, отправил назад к Исмелу. Понял Ефендыко намек – рановато отправил он мальчиков в гости. Подсказал ему Мысыр Паша – трудно за такой срок в совершенстве овладеть рубкой лозы, стрельбой из лука и игрой на музыкальных инструментах.

[1] *Кан – воспитанник.*

Прошел год, и вновь Ефендыко послал учеников к Мысыру Паше, однако и на этот раз сосед вернул друзей. Пришлось Ефендыко еще год учить Мылыгу и Сафила.

В третий раз отправил Исмел воспитанников к соседу. Испытал их Мысыр Паша и наконец, остался доволен – не было им равных среди сверстников. Порадовался отец, глядя на сына и его друга. Одарил он юношей – Мылыгу дал коня с дорогой сбруей, а родному сыну Сафилу вручил узелок с простой одеждой.

Ехал Мылыгу веселый и довольный, а огорченный Сафил никак не мог взять в толк, почему отец пожалел для него коня. «Как теперь я покажусь воспитателю-аталыку? Сгорю от стыда», – решил он и выбросил на обочину дороги отцовский подарок.

Вдруг выпал из узелка портрет девушки невиданной красоты. Засмотрелся на него Сафил и понял: неспроста отец подарил ему этот узелок. Собрал он одежду, связал в узелок, а портрет спрятал. Решил он показать его аталыку.

Ефендыко Исмел очень удивился подаркам соседа. Мылыгу достался конь с богатой сбруей, а Сафилу простая одежда. Развернул он узелок и увидел, что спрятан там портрет девушки невиданной красоты. Призадумался он и решил: видно, пора собирать молодых людей на поиски этой красавицы. Пусть они в походе покажут удаль и воинское умение. Подарил он Сафилу хорошего коня со сбруей, приставил к ним хагреев и отправил в путь-дорогу. На прощание так напутствовал он юных богатырей:

– Кого бы ни встретили в пути, говорите вот что: «Наших отцов зовут Мысыр Паша и Ефендыко Исмел, нас зовут Сафил и Мылыгу, ищем мы прекрасную Бартей Жанос».

Когда гомыль был готов, юноши пустились в дорогу.

Своих припасов им хватило на три дня и три ночи. Наступило четвертое утро, а у них ни еды, ни питья. Тогда, чтобы отвлечь своих спутников от голода и жажды, Сафил и Мылыгу принялись рассказывать им всякие были и небылицы.

Три дня и три ночи путники не вспоминали о еде и питье. Когда же слуг вновь стали мучить голод и жажда, Сафил и Мылыгу достали зурны и принялись играть на них. Увлеченные музыкой люди три дня и три ночи не вспоминали о еде и питье. Наконец голод и жажда стали одолевать сопровождающих. Тогда Сафил и Мылыгу достали флейты-камылы и заиграли на них. Заслушались люди и еще три дня и три ночи не вспоминали о еде и питье. На четвертую ночь сделали они привал, но мучимые голодом и жаждой люди не смогли уснуть.

Оглядел Сафил окрестности и увидел, что где-то вдали мерцает огонек.

Он быстро оседлал своего коня и поехал в ту сторону. Долго ли, коротко ли ехал, наконец добрался до какого-то домика. Переступил порог Сафил и увидел сидящего на тахте у камина седовласого старца. Юноша отдал ему салам, поприветствовал его. Тот привстал и вернул приветствие – салам.

– Давненько не видал я здесь человека. Откуда ты приехал, юноша? – спросил старец.

– Моего отца зовут Мысыр Паша, нас – Сафил и Мылыгу. Мы ищем красавицу по имени Бартей Жанос. Помоги нам, – попросил Сафил.

Старец, услышав слова юноши, опустил голову. Помолчал немного, потом сказал:

– Как мог твой отец отправить вас на такое трудное и опасное дело! Все мои шестеро братьев погибли из-за этой Жанос.

– Девять дней мы не пили, не ели. Поделись с нами пищей и водой.

– А где твои спутники? Зови их сюда.

Сафил быстро вернулся к своим друзьям и привел к домику старца. Тот накормил их, напоил, уложил отдохнуть. Утром он дал им дорожный провиант – гомыль, повел по какой-то дороге, потом остановился и сказал:

– Дальше мне пути нет. Поезжайте в ту сторону, может, там найдете счастье.

Попрощавшись со старцем, юноши пустились в дорогу. Ехали они днем и ночью, останавливались лишь для того, чтобы поесть и попить.

Мало-помалу закончился у них гомыль. Сафил и Мылыгу, чтобы отвлечь своих спутников, принялись рассказывать им всякие были и небылицы. Так они ехали три дня и три ночи. Когда не стали помогать хабары, они достали зурны и заиграли на них. Пролетело еще три дня и три ночи. Видят Сафил и Мылыгу, что игра на зурнах наскучила хагреям, достали они камылы и стали выводить чудесные мелодии. Ехали еще три дня и три ночи. Наконец остановились они, чтобы сделать привал и дать коням отдохнуть.

Ночью Сафил стал осматривать местность и увидел вдали мерцающий огонь. Быстро оседлал своего коня и поехал в ту сторону. Долго ли, коротко ли ехал, наконец добрался Сафил до какого-то бедного жилища. Привязал коня к коновязи и зашел в дом. Там он увидел сидящего на тахте у очага седовласого старца. Юноша отдал ему салам, тот сразу же вернул салам.

– Кто ты, юноша? Сюда люди не заезжают, – спросил старец.

– Отца моего зовут Мысыр Паша. Нас кличут Сафил и Мылыгу. Отец мой послал нас на поиски красавицы Жанос. Помоги нам чем можешь, – попросил юноша.

Помолчал старик, потом сказал:

– Как мог твой отец отправить вас на такое трудное и опасное дело! Из-за этой Жанос погибли все мои шестеро братьев.

– Девять дней мы не пили, не ели. Помоги, если сможешь.

– А где твои спутники? Зови их сюда.

Сафил быстро вернулся со своими спутниками. Старец накормил их, напоил, уложил отдыхать. Утром он дал им гомыль, повел по какой-то дороге. Скоро он остановился и сказал:

– Я дальше не пойду. Вы поезжайте в эту сторону, может, там найдете счастье.

Попрощавшись со старцем, отряд пустился в дорогу.

Ехали они днем и ночью. Останавливались лишь для того, чтобы поесть и попить.

Мало-помалу закончился у них гомыль, и вновь наступили трудные времена. Мылыгу и Сафил, чтобы развлечь своих спутников, решили рассказывать им всякие были и небылицы. Ехали три дня и три ночи. Когда их хабары утомили людей, достали они зурны и заиграли на них. Ехали еще три дня и три ночи. Опять видят Сафил и Мылыгу, что спутники-хагреи едва в седлах держатся, тогда достали они камылы и стали выводить на них чудесные мелодии. Ехали еще три дня и три ночи. Наконец остановились, раскинули лагерь, дали коням отдохнуть.

Ночью Сафил стал осматривать местность и увидел вдали мерцающий огонь. Быстро он оседлал коня и поехал в ту сторону. Долго ли, коротко ли ехал, только добрался до какого-то домишки. Привязал коня к коновязи, зашел в дом. Смотрит, сидит на тахте у очага седовласый старец. Юноша отдал ему салам, тот сразу же вернул салам.

– Как ты попал сюда, добрый юноша? Редко сюда люди заезжают, – спросил старец.

– Отца моего зовут Мысыр Паша. Нас зовут Сафил и Мылыгу. Отец мой отправил нас в дорогу, чтобы разыскали мы красавицу Жанос. Помоги нам чем можешь.

Не понравились его слова старцу. Он огорченно вздохнул, помолчал немного, потом сказал:

– Как мог твой отец отправить вас на такое трудное и опасное дело! Из-за этой Жанос погибли все мои шестеро братьев.

– Девять дней мы не пили, не ели. Помоги нам, если сможешь.

– А где твои спутники? Зови их сюда.

Сафил быстро вернулся к своим друзьям и привел их к старцу. Тот их накормил, напоил, уложил отдыхать.

Когда утром проснулись Сафил и его спутники, старик угостил их, посадил возле себя и сказал:

– Жаль мне вас. Напрасны все ваши усилия. Много достойных мужей пытались найти эту красавицу, но никто не смог отыскать к ней дорогу. Семь братьев нас было, решили мы тоже попытать счастья. Был я молод, и братья оставили меня здесь, а сами пустились в путь. Прошло много лет, но никто из них не вернулся. Пока я в силах был, сам тоже долго искал Жанос, но и мне не удалось узнать что-нибудь о ней. Здесь край земли, дальше начинается море. Никто еще не сумел переправиться через него, поэтому вам лучше вернуться домой.

Сафил и Мылыгу решили продолжить путь. Вместе со своими хагреями поехали они дальше в указанную стариком сторону.

Наконец добрались до берега. Стали искать переправу. Поехали направо – не нашли, поехали налево – не нашли. Решили переплыть море на своих конях. Бросились в море, добрались до середины, и тут кони вместе с седоками начали исчезать в пучине. Утонул и конь Сафила, с трудом юноша удержался на поверхности воды, кое-как достиг он другого берега.

Очутившись на земле, Сафил повесил сушиться свою одежду и оружие, а сам прилег на траву отдохнуть. Затем оделся и пошел к видневшемуся вдали лесу. На опушке он нашел громадную кость. Сафил удивился: чья бы она могла быть? Ногой он перевернул кость, и под нею открылась глубокая яма. Юноша спустился в яму, смотрит – дальше ход ведет. Долго ли, коротко ли он шел, наконец, наткнулся на подземный дворец. Вошел он во дворец, а там пригорюнившись сидит в золотом кресле красивая черноволосая девушка. Была она красивее всех, кто обладает бровями и глазами.

Удивился Сафил, обрадовался встрече, отдал он ей салам. Девушка встала и вернула салам.

– Ты райская дева – гурия – или простой человек? – спросил юноша.

– Да падет на твою голову благосклонность гурий, я – простая девушка, никогда не видела здесь простых людей. Лучше, если бы и ты не приходил сюда. Злой великан-иныж принес меня сюда. Уходи, пока он не вернулся, – ответила девушка.

– Не рано ли ты меня хоронишь? Моего отца зовут Мысыр Паша, а меня Сафил. Брожу я по свету вместе со своим другом Мылыгу. Ищем мы девушку, которую зовут Бартей Жанос.

– Та, которую ты ищешь, бывает у моих родителей.

– Тогда собирайся, я отвезу тебя домой. Клянусь небом, всегда буду тебе верным братом.

– Вот уже три года будет, как иныж принес меня сюда и сделал своей прислужницей – унауткой. Не сможем мы так просто уйти отсюда, убьет он нас в дороге.

– А что же делать?

– Сначала от иныжа надо избавиться, но это не в силах человеческих. Как-то он похвастался, что никто не сможет убить его, потому что душу свою он прячет в заветном месте. Я постараюсь узнать у него, где хранится его душа.

– Хорошо, – согласился юноша.

А девушка добавила:

– Если иныж тебя увидит здесь, то он убьет нас. Спрячься под этим корытом.

Не успел Сафил спрятаться под корытом, как вернулся великан. На одном плече он держал огромное дерево, на другом – оленя. Как только вошел иныж в комнату, сразу закричал:

– Фу, фу, чую запах человечий!

– Что ты говоришь? Откуда здесь могут быть люди? Это я давно не была на свежем воздухе, потому и чудится тебе человечий запах, – сказала девушка.

Великан поверил девушке и успокоился. Он разломал дерево, разжег костер и стал жарить на нем оленя. Потом оторвал кусочек и дал девушке, все остальное сам съел, а потом улегся и захрапел.

Утром девушка стала нахваливать иныжа – уж такой он могучий, уж такой он сильный, а под конец спросила, где его душа схоронена.

– А зачем тебе это надо? – спросил великан.

– Иныж мой милый, светоч души моей, как же мне этого не знать? Ты неизвестно где пропадаешь целыми днями, а я с утра до вечера здесь сижу, беспокоюсь за тебя. Если бы я знала, где твоя душа, я бы гладила это место и тебя вспоминала. Тогда бы и ждать было бы легче, – отвела девушка.

– Моя душа в этой двери спрятана, – сказал иныж и ушел на охоту.

Великан ушел, и Сафил вылез из-под корыта.

– Узнала, где лежит его душа? – спросил он девушку.

– Узнала. Он сказал, что его душа находится вот в этой двери, – ответила та.

– Обманул он тебя, но все равно ты укрась створку, а когда он придет, делай вид, будто ласкаешь ее, – посоветовал Сафил.

Девушка убрала дверь цветами. Заметив, как разукрашена дверь, великан удивился.

– А это зачем? – спросил он.

– Как же мне не заботиться о вместилище твоей души. Сижу и любуюсь им, – ответила девушка.

– Ха-ха-ха! – громко засмеялся иныж. – Разве в этой дрянной деревяшке может храниться моя душа!

Девушка притворилась обиженной, надулась и села в углу.

– Я так беспокоюсь за тебя, а ты меня обманываешь, – упрекнула она иныжа.

Великан смягчился и сказал:

– Ну, если хочешь знать, то моя душа спрятана вот в этом колышке, – и показал на вбитый в стенку колышек.

Ушел иныж на охоту, а Сафил вылез из-под корыта.

– Узнала? – спросил он.

– Узнала. Он сказал, что его душа находится вот в этом колышке, – ответила девушка.

– Опять обманул он тебя. Ну что ж, ничего не поделаешь, укрась и этот колышек, – сказал Сафил.

Девушка украсила колышек как могла. Вернувшись, великан очень удивился тому, что колышек убран цветами. Он громко посмеялся и сказал, что вовсе не там находится его душа. Девушка стала еще пуще ласкаться к нему. Наконец иныж смягчился и, уступая ее просьбам, поведал:

– Я не боюсь ничего. Никто не сможет меня умертвить. Не родился еще тот богатырь, который сможет найти лежащий у моря большой черный камень, победить могучего льва, охраняющего то место, разбить камень, добраться до железного сундука и достать оттуда стальной сундучок. А в этом сундучке хранится латунная шкатулка, а в шкатулке – костяной газырь. Где тот силач, который сможет сломать его и задавить трех мух, которые спят там? Вот почему мне нечего опасаться, – сказал он.

Обрадовалась девушка. Стала она просить иныжа показать черный камень, чтобы украсить его и ухаживать за ним.

Великан засмеялся, а потом сказал, что пока девушка туда дойдет, наступит ночь и лев съест ее.

– Хорошо, я останусь дома, – согласилась девушка.

– Не ходи, не надо, – согласился иныж.

Ушел великан на охоту. Сафил вылез из-под корыта, и девушка рассказала ему, где спрятана душа иныжа.

– Вот теперь он правду сказал, – обрадовался Сафил. – Скажи, нет ли у него кувалды?

– Есть у него большая кувалда, но вряд ли ты сможешь ее поднять, – сказала девушка. – Вон, в другой комнате лежит.

Взвалил Сафил кувалду на плечо и пустился в дорогу.

Долго ли, коротко ли искал – кто ищет, тот обязательно найдет – наконец, увидел Сафил на берегу моря большой черный камень. Тут на него кинулся свирепый лев. Сафил сразил его ударом кувалды. Затем разбил камень, железный, стальной и латунный сундуки, из последнего вытащил газырь. Тут же юноша раздавил одну из мух. Сразу же великан почувствовал себя плохо. Он поспешил вернуться домой.

Сафил тоже возратился в подземелье. Зашел к великану, а тот лежит на своем ложе.

– Вот и пришел твой час, – сказал Сафил.

Вытащил Сафил из газыря вторую муху и задавил ее на глазах у иныжа. Тот уже и шевельнуться не в силах.

Тогда он попросил:

– Ради бога, сохрани мне жизнь, маленький человек!

– Если скажешь, где находятся все твои богатства, все твое золото и серебро, то сохраню тебе жизнь, – ответил Сафил.

– Откроешь вот эту дверь, все там найдешь, – сказал иныж, указывая на маленькую потайную дверь.

– А как я открою? – спросил юноша.

– Возьми вон тот большой вертел, просунь его через дверную щель. Вертел сломает один из мечей подпирающих дверь с той стороны, а другой сам упадет. Тогда дверь и откроется, – ответил великан.

Сафил так и сделал. Когда потайная дверь открылась, он вытащил из газыря третью муху и задавил ее, иныж сразу же испустил дух.

Сафил и девушка наполнили золотом две сумы и тотчас пустились в дорогу.

Много ли, мало ли шли, только встретили одного чабана.

Отдали ему салам. Он вернул им салам.

– Какие хабары в вашем ауле, счастливый тхамата? – спросил Сафил.

– Хабар у нас неважный. Сегодня исполнилось три года с того дня, как иныж похитил девушку из нашего аула. Родные сегодня устраивают по ней поминки. Весь аул оплакивает ее, – ответил чабан.

Сафил и девушка переглянулись и улыбнулись. Юноша достал из сумы горсть золотых монет и протянул чабану.

– Возьми, вот тебе награда. Сходи, будь добр, в аул и сообщи, что вернулась девушка, по которой устраивают поминки. Пока ты не возвратишься, я постерегу твою отару.

Чабан поспешил в аул. Он успел к началу поминок. Мать девушки все глаза выплакала, ослепла от горя, а отец все три года не поднимался с постели. Чабан зашел к ним и сказал:

– Ваша дочь вернулась живой и здоровой!

От радости мать девушки стала зрячей. Отец вскочил с постели. Дали они доброму вестнику богатый дар.

– Где наша дочь? – спросили они у чабана.

– На пастбище за нашим аулом. Вернулась с красивым молодым человеком. Несут они две сумы, но что в них, я не знаю, – ответил чабан.

Все жители аула вышли встречать девушку и Сафила. И вместо поминок устроили они трехдневный джегу.

Утром третьего дня девушка подошла к Сафилу и сказала:

– Жанос, которую ты ищешь, сегодня в золотом кресле спустится с неба, чтобы посмотреть наш джегу. Она побудет у нас недолго. Ты постарайся задержать ее.

– Хорошо, я постараюсь, – ответил Сафил.

Вскоре люди аула собрались и начали джегу. Через некоторое время спустилась с неба прекрасная Жанос. Села она в стороне, чтобы посмотреть, как люди веселятся.

Сафил тоже остался в доме названой сестры. Сел он в комнате и заиграл на зурне, а потом на камыле. Чудесные мелодии долетели до Жанос. Так хорошо играл юноша, что красавица невольно стала прислушиваться. Откуда доносятся такие чудесные звуки? Она встала с золотого кресла, подошла к окну и заглянула в комнату, где играл Сафил. Зачарованная чудесной игрой, прекрасная Жанос долго стояла у окна, но Сафил не обращал на нее никакого внимания и продолжал наигрывать на камыле.

– Кто это так чудесно играет? – спросила она у девушки.

– Это тот юноша, который привел меня домой, – ответила та. – Он мой названый брат. Это храбрый, сильный, достойнейший молодой человек.

Прекрасная Жанос слушала-слушала... И за все это время Сафил ни разу не поднял головы и не посмотрел в сторону красавицы. В конце концов прекрасная Жанос не выдержала и заговорила с юношей.

– Где ты научился так чудесно играть? – спросила она.

Сафил не поднял головы, не посмотрел на нее и не ответил ей. Он стал играть еще лучше.

Девушки отошли от окна. Но Жанос не могла больше смотреть джегу. Она все время прислушивалась к игре Сафила. Стало приближаться время, когда Жанос должна была подняться в небо. Нареченная сестра дала Сафилу знать об этом. По ее совету юноша вышел во двор, сел под большим деревом и стал играть на зурне.

Жанос подошла к нему и внимательно посмотрела его.

– Подожди меня здесь, пока я вернусь, – сказала она юноше.

– Хорошо, – ответил тот.

Жанос села в свое кресло и поднялась на небо. Когда она исчезла в облаках, к Сафилу подошла его названая сестра.

– Пойдет ли сильный дождь, будет ли греметь гром, сверкать молния, не обращай внимания и продолжай играть. Когда же прекрасная Жанос снова спустится с неба и подойдет к тебе, скажи ей: «Как хорошо, что ты вернулась», – а потом возьми за руку.

– Хорошо, так и сделаю, – сказал Сафил.

Юноша продолжал играть. Вскоре потемнело, дождь полил как из ведра, загрохотал гром, ослепительно засверкали молнии, но там, где играл Сафил, было сухо и светло. Через некоторое время Жанос спустилась с неба в своем золотом кресле. Она подошла к юноше.

– Я вернулась, – сказала красавица.

Сафил прекратил играть, ближе подошел к девушке и со словами:

– Как хорошо, что ты вернулась, – взял ее за руку.

К ним подошла молоденькая служанка, втроем пошли они в аул, а там Сафил увидел Мылыгу и своих хагреев, живых и невредимых. Спасла их прекрасная Жанос.

Тут же аульчане и сговорили Сафила и Жанос. Мылыгу и спасенная Сафилом девушка тоже были достойны друг друга. Сразу сыграли две свадьбы. Когда прошли три дня и три ночи, Сафил и Мылыгу попросили у своих гостеприимных бысымов[1] разрешения отправиться домой. Получили они согласие и пустились в дорогу, захватив с собой две сумы золота. Одну из них Сафил отдал Мылыгу, а другую оставил себе.

Благополучно друзья переправились через море.

Долго ли, коротко ли они ехали, наконец доехали до домика седовласого старца. Тот очень обрадовался им, поздравил с удачей, поблаго-

[1] *Бысым – хозяин дома, где остановился гость.*

дарил за то, что дали возможность увидеть прекрасную Жанос. Погостив у него три дня и три ночи, всадники продолжали свой путь.

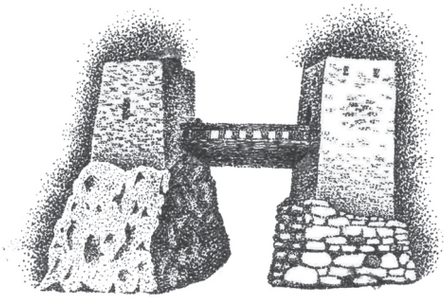
Долго ли, коротко ли ехали, доехали до домика второго старца. Тот тоже обрадовался встрече, поздравил их с удачей, поблагодарил за то, что дали возможность увидеть прекрасную Жанос. Погостив у него три дня и три ночи, Сафил и Мылыгу продолжали свой путь.

Долго ли, коротко ли ехали, доехали до домика третьего старца. Он пуще других обрадовался им, поздравил их с удачей, поблагодарил за то, что дали возможность увидеть прекрасную Жанос. Погостив у него три дня и три ночи, всадники продолжали свой путь.

Много ли, мало ли времени прошло, наконец Сафил и Мылыгу со своими спутниками благополучно возвратились домой. Мысыр Паша, Ефендыко Исмел и их жены очень обрадовались возвращению своих сыновей и их спутников. Очень им понравились невестки. Тут же устроили семидневный джегу. После свадьбы все стали жить богато и счастливо.

Недоуздок

Некогда жили в одном ауле муж и жена. Было у них три сына и одна дочь. Среднего сына звали Недоуздок. А почему, спросите, его так звали? Был в народе когда-то обычай: имя ребенку давали не сразу, как родится, а попозже, когда дотянется он ручонкой до какой-нибудь вещи и схватит ее. Нарочно ставили недалеко от люльки столик, клали на него оружие, сбрую и все, что в хозяйстве необходимо. Вот когда подрос немного у мужа с женой средний сынок, они и положили перед ним саблю и лук, вилы и серп, уздечку да недоуздок. Мальчик схватил недоуздок. Поэтому его Недоуздком и прозвали.

Много ли, мало ли времени прошло, выросли три брата и младшая сестра. Мать у них умерла, а отец вскоре взял в дом молодую жену, да такую красивую, что глазами на нее смотреть было больно.

Год после свадьбы не миновал, и прослышал об этой красавице и напал на эту землю, где жил Недоуздок, хан некоего царства. Отца Недоуздка он убил в сражении, а трое братьев спаслись и вместе с сестрой и мачехой убежали подальше в горы.

Хан все аулы обшарил, всё искал красавицу, но не нашел. От злости он велел все селения предать огню, после чего ушел вместе со своим войском.

В горах Недоуздок с братьями каждый день ходили на охоту. Из шкур подстреленных оленей они построили себе шалаш. Смелые и удачливые охотники, они добывали много мехов, дорогих и редких. Пушнину братья возили продавать за море и так разбогатели, что вместо шалаша возвели золотой дом, какого и у самого царя не бывало, а вокруг дома построили высокую каменную ограду с прочными железными воротами.

Жили братья да поживали, и вот однажды утром прилетели и опустились на крышу три голубя. Сестра трех братьев увидела голубей, и очень ей понравилось, как они воркуют. Поднялась она на крышу и кинула им горсть зерна. Голуби поклевали зерно и улетели. Так длилось целый месяц. Каждый день прилетали голуби, и каждый день кормила их девушка просом. И вот однажды настало утро, когда голуби не прилетели.

А голуби те, чтоб вы знали, были из голубятни того самого известного нам хана. Когда они прогуливались по золотой крыше дома трех братьев, к их лапкам прилипало золото. Жадный хан, заметив это, каждый раз, как голуби возвращались на ночлег, приказывал соскребать золото с их лапок. Через месяц он велел запереть голубей и держать их голодными. А потом дал приказ трем всадникам выпустить голубей и проследить, в какую сторону птицы полетят.

Пустили всадники трех голубей, проследили за их полетом и нашли золотой дом в горах. Увидели, как вышла на крышу красавица женщина, а с нею девушка, которая тоже была красива, красивей всех обладательниц черных глаз и черных бровей. Девушка бросила голубям горсть зерна. Наклевались голуби вволю и улетели, а всадники поспешили домой, чтобы донести своему хану обо всем, что видели.

Услышав такую весть, мог ли хан усидеть на месте?

Снарядил он войско и отправился к золотому дому. Ночью окружили они его, да так плотно, что мышь сквозь их ряды не пробежала бы! Утром Недоуздок взял лук и стрелы, собрался на охоту идти и вдруг услышал за воротами шум. Почуял он: дело неладно! Поднялись братья на крышу, а кругом ханское войско.

– Давайте, братья, станем у ворот и будем биться, пока не кончатся стрелы, – сказал Недоуздок.

– Будем биться! – сказали братья.

Братья разили врагов своими стрелами так, что к вечеру лежал вокруг ограды вал из вражеских тел.

Сражались братья как герои. Но врагов были тысячи, и они убили старшего и младшего братьев. Остался один Недоуздок. Храбро бился он еще три дня и три ночи, а потом обессилел от ран и упал замертво рядом с братьями.

Хан велел своим слугам обыскать золотой дом. Они нашли красавицу мачеху, а с ней прекрасную сестру трех братьев.

Мачеха была не прочь остаться пленницей хана, а девушка горевала, обливалась слезами.

– Моего среднего пасынка – Недоуздка – прежде чем меня увезешь, брось на растерзание собакам, – сказала мачеха хану. – А старшего и младшего вели зарыть в овраге.

Так и сделали, как она велела. Хан забрал все богатства трех братьев и женился на красавице мачехе. Стали они жить да поживать, а у золотого дома хан стражу оставил и порой наезжал туда после охоты.

Была у хана дочь-невеста. Много ли времени, прошло, мало ли, объявил хан, что выдает дочь замуж. В самый день сватовства забрел на ханский двор молодой нищий. Знатные гости и воины, шуты и плясуны, певцы и барабанщики – все толпились во дворе. Хан обещал выдать свою дочь за того, кто согнет богатырский лук, что хранился у него с дедовских времен. Каждый хотел испытать свое счастье. Женихи по очереди пытались согнуть лук, а хан с красавицей-ханшей и с дочерью смотрели с высокого балкона.

Уже все знатные и богатые женихи прошли перед ханом, и ни одному не удалось натянуть тетиву и послать стрелу. Наконец попросил разрешения нищий. А это был Недоуздок, переодетый нищим. В бою с ханом его не убили, только ранили, а собаки, которым его бросили на растерзание – не тронули, и он вскоре пришел в себя, залечил свои раны и окреп.

Когда Недоуздок набрался сил, он решил отомстить хану.

– Позвольте и мне попытать счастья, – попросил Недоуздок.

– Разве нищему пристало брать в руки оружие? – орали пьяные гости. – Куда тебе, несчастный!

Но распорядитель пира прикрикнул на них и насмешливо сказал:

– Пусть пробует. Вот будет потеха!

А самый сильный из женихов, силач, которому также не удалось натянуть тетиву, хоть и согнул он немного лук, добавил сердито:

– Пускай, пускай! Нищий думает, стрела сама собою вылетит из его рук.

Только вышел Недоуздок на середину двора, с балкона послышался крик. Это вскрикнула ханша. Она узнала, кто был молодой нищий.

– Что с тобой? – обеспокоился хан.

– Этот нищий – мой средний пасынок, остерегайся его, – только и успела сказать она в ответ.

Недоуздок легко согнул на глазах у всего народа богатырский лук, натянул тетиву и послал стрелу высоко в небо. Все удивились, а хан закричал:

– Схватите его и бросьте в колодец!

Сто воинов накинулись на Недоуздка, скрутили ему руки и потащили к колодцу.

Теперь послушайте, что стало с младшей сестрой трех братьев. Жила она у мачехи как служанка, самую черную работу делала. Как раз в это время послали ее к колодцу, воды на кухню принести. Пришла она с кувшином к колодцу, увидела нищего, которого держали воины хана. Она сразу узнала брата, хоть и был он в нищенской одежде. И Недоуздок тоже узнал свою сестру, она оставалась красавицей и в лохмотьях. Да что он мог сделать, когда за каждую руку по десять воинов его держали?! Заплакала девушка, молила всех пощадить брата, но никто ее не слушал. Бросили Недоуздка в колодец.

– Привезите двадцать возов хвороста и разведите над колодцем костер, – велел хан. – Кто хочет за хворостом поехать?

В один миг откликнулось девятнадцать знатных женихов.

– Ну, а двадцатым ты будешь, – приказал хан дряхлому старику-слуге, что стоял тихо в сторонке.

Поехали двадцать подвод в лес, а сестра побежала к дочери хана. Ханская дочь была добрая девушка и всегда жалела ее.

– Моего брата бросили в колодец да еще хотят, бедного, дымом задушить, чтоб не выбрался, – плакала сестра Недоуздка. – Помоги ему, ведь он согнул лук, он теперь твой жених!

Дочь хана кликнула служанку. Сплели они втроем длинную веревку. Сестра спрятала веревку под платком и побежала к колодцу. Один конец веревки она крепко держала, а другой бросила в колодец. Недоуздок поймал веревку и выбрался на свободу. А слуги хана его за своими спинами спрятали.

– Эх, было бы у меня оружие! – говорит Недоуздок сестре. – Добудька мне тот богатырский лук.

А лук пьяные гости во дворе бросили. Принесла сестра лук, заострил Недоуздок двадцать стрел и пошел встречать подводы с хворостом. Едут арбы – доверху нагружены. Натянул он тетиву и поразил стрелой первого жениха. Упал жених на дорогу. Натянул Недоуздок тетиву снова и поразил второго. Так расправился он с девятнадцатью женихами. А старичок слуга ехал последним, вез маленькую вязанку хвороста и плакал.

– Ты о чем плачешь? – спросил его Недоуздок.

– Эх, сынок, не думай, что мне этих знатных бездельников жаль. Жаль мне одного молодца. Хан бросил его в колодец, а теперь хочет

дымом задушить. Велел хворост привезти. Как помочь этому молодцу, я не знаю. Может, ты скажешь?

– Попробуем! А ты не горюй. Вези хворост потихоньку на ханский двор. Только давай поменяемся одеждой.

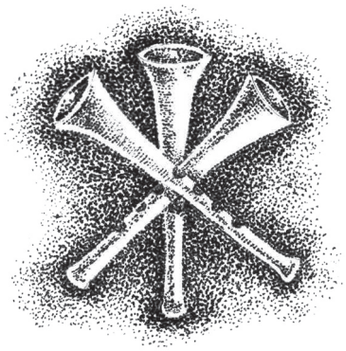
Поменялись они одеждой, и старичок поехал в аул. Недоуздок же заострил двести стрел, проник неузнанный в ханский дворец, вступил в бой со стражей хана и перебил ее.

Хан с красавицей мачехой так испугались, что убежали куда глаза глядят и больше не вернулись. С тех пор люди жили в той стране счастливо и спокойно.

А Недоуздок женился на дочери хана и отправился с ней и со своей сестрой в родные места. Сестру выдал замуж. Богатая была свадьба – семь дней танцевали. Я там гостем был, вволю ел и пил.

Как отец сына разуму учил

ил на свете один человек, добрый и толковый. Всему он знал меру, был не скуп, но бережлив, с хорошими людьми жил в согласии. Был у него единственный сын.

Этот юноша ни в чем не был похож на отца. Трудиться не любил и дома не сидел. Раз в неделю заглянет – и ладно! А то все со своими друзьями, такими же, как сам, лентяями, время проводил: с ними, бывало, и ест, и пьет, у них и спит.

Обидно было отцу, что сын у него такой непутевый уродился. Раз-другой пожурил он его, а потом как-то позвал и говорит:

– Дружба дороже всего на свете. Но дружить надо только с тем, кто достоин дружбы. Хорошо ли ты знаешь своих друзей, сынок?

– Как не знать, отец? Я на них, как на себя, надеюсь. Они меня ни в горе, ни в радости не покинут.

– Ну, если так, – говорит отец, – видно, мне тревожиться не о чем.

Время шло, отец трудился по-прежнему, а сын все гулял и кутил.

Пришел однажды домой поздно ночью, а отец сидит молчаливый, угрюмый.

– Что-нибудь дурное стряслось, отец? – спросил юноша.

– Злое случилось, сын мой, и не от кого мне ждать помощи.

– Скажи, может, я помогу!

– Скажу или не скажу – горе мое со мной останется.

– Разве я не родной сын тебе? – вспыхнул юноша.

– Ты мой сын, но мне суждено погибнуть, и лучше я один погибну.

– Твоя беда – моя беда, возразил сын. – И твое горе – мое горе. Поделись со мной своими заботами, отец.

– С этим горем, сынок, нам и вдвоем не справиться.

– Ты забываешь о моих друзьях! – воскликнул юноша.

– Я не забыл. Только можно ли им довериться, сынок?

– Мои друзья для меня жизни своей не пожалеют.

– Тогда взгляни, сынок, что лежит у нас под кроватью.

Нагнулся юноша и увидел под кроватью кошму, а на кошме – что-то накрытое черной буркой. Побледнел юноша.

– Я нечаянно убил человека, – сказал отец. – Сегодня же ночью мы должны тайно вынести его тело и предать земле. Вдвоем нам с тобой до рассвета не управиться. Позови товарищей, поделись с ними нашей бедой. Пусть они помогут.

Пошел сын к самому любимому и верному своему другу.

– Чем же я могу помочь в таком опасном деле? – сказал тот, выслушав его. – Ради тебя я буду молчать, не выдам, но пусть твой отец сам выпутывается из беды.

Пошел юноша ко второму верному и любимому другу.

– Это опасно! – сказал друг. – Нет, тут я тебе не товарищ! И лучше бы ты ко мне с такой просьбой не приходил.

Отказал юноше и третий друг, и четвертый, и пятый. А это были самые лучшие его друзья! Вернулся он к отцу с низко опущенной головой.

– Ну как, сынок? – спросил отец. – Почему ты один?

Сын молчал.

– Твои друзья отказали? Попробуй теперь позови моих, – и отец указал ему тех, к кому пойти за подмогой.

Не успел юноша домой вернуться, как явились один за другим седобородые друзья отца.

– Не убивайся так, не упрекай себя, – успокоили они хозяина дома, когда узнали, какое с ним случилось несчастье. – Ты не виноват. Ты же убил этого человека нечаянно. Мы выручим тебя из беды!

– Эй, сынок, – весело сказал отец. – Мои друзья согласились мне помочь. Тащи бурку из-под кровати!

Сын со страхом вытащил кошму, откинул бурку, и все увидели, что под буркой был спрятан жареный барашек и свежая паста, мед и пенное пиво.

Обрадовались старики проделке своего друга, вздохнули с облегчением. А сын так удивился, что слова вымолвить не мог.

– Этот барашек вчера сорвался со скалы и повредил ногу. Я его и прирезал, выходит – нечаянно. Вы, мои добрые друзья, заслужили это скромное угощение. Прошу отведать! – пригласил хозяин и расска-

зал своим старым товарищам, как легко отступили от сына его верные, любимые друзья.

Однако отцовская наука ничему юношу не научила. По-прежнему проводил он время в кутежах и дружил с молодцами, недостойными дружбы. И вот пришло время отцу умирать. Позвал он к себе сына и дал ему последний наказ.

– Ты останешься сам себе хозяин, – сказал он. – Ты меня не слушал при жизни, не послушаешь, наверное, и в мой смертный час. Поэтому я завещаю тебе только одно: когда промотаешь все, что я тебе оставлю, вешайся вон на том крючке, вделанном в потолок. Я заказал его нарочно для тебя.

Сказал так старик, вздохнул и умер.

Сын похоронил отца как подобает, ничего не пожалел на поминки, но к словам его не прислушался, пил и кутил, не жалея, не щадя добра, оставленного отцом. Друзья из его дома ни днем, ни ночью не выходили.

Но вот кончилось, иссякло отцовское богатство, и начали товарищи этого юноши по одному его покидать... Никто больше не заходил к нему в гости, никто к себе не звал. И сакля его покосилась, и забор подгнил, а двор зарос колючкой и бурьяном. Жениться юноше за гульбой и кутежами было недосуг, остался он в бедности меж четырех стен один-одинешенек. Куда ни посмотрит – вверх ли, вниз ли, по сторонам ли, – кругом пусто!

И вот однажды был в ауле праздник. Собрался народ, принесли угощение всякое – кто чем богат, – веселились целый день.

«Было бы у меня что отнести на праздник, пошел бы и я», – подумал юноша. И тут вспомнил о единственном петушке, что уцелел еще в его разоренном хозяйстве, и побежал петушка ловить. Но как назло откуда ни возьмись прилетел коршун и унес у него петушка.

Пошел все же юноша на праздник, хоть и стыдно было с пустыми руками. Друзья подняли его на смех.

– Поглядите! – тыкали они пальцами. – Этот дармоед ничего не принес!

– У меня был петух, и я хотел его принести, – оправдывался юноша, – да коршун налетел и унес его.

– Ишь выдумывает! – издевались друзья. – Да был ли он у тебя?!

«Ну, теперь пришла ко мне та самая последняя беда, о которой говорил отец, – сказал самому себе юноша. – Никому я стал не нужен. Чем жить так, пойду повешусь».

Вернулся он домой, нашел веревку. Но как только закинул веревку на крючок и потянул, так и упал на пол.

В потолок был вделан сундук, крышка его раскрылась, и оттуда на голову юноши посыпались золотые монеты...

Снял юноша со своей шеи петлю и горько заплакал.

– Добрый мой отец! Ты при жизни был мудрым, ты и после смерти позаботился обо мне, непутевом!

Привел юноша в порядок отцовский дом и двор, новый забор поставил. Пару быков купил и стальной плуг с базара привез, начал усердно землю пахать.

Вот собрался он однажды в поле. Выезжает из ворот, а навстречу его бывшие друзья. Узнали, что в доме прежний порядок, и опять в гости пожаловали.

– Удивительное дело случилось у меня этой ночью, – сказал им юноша. – Крысы прогрызли дыру в моем стальном плуге.

– Что ж тут удивительного? – хором ответили друзья. – Бывает!

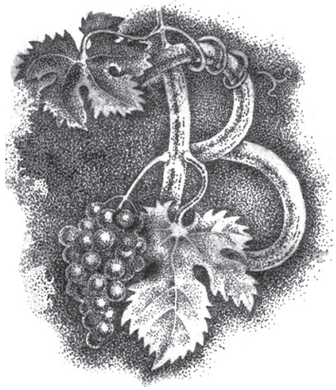
– Бывает? – спросил юноша. – А что коршун петуха схватил – не бывает?!

И прогнал он бывших друзей со двора. Подружился с добрыми соседями и стал трудиться и жить, как все честные люди живут.

Этого мы своими глазами не видели, но своими ушами слышали!

Кузнечик

от послушайте-ка, что мы вам расскажем...

Жил на свете бедный старик по имени Кузнечик. Отправился он однажды в соседний аул пропитание себе добывать. По дороге устал и сел на курган отдохнуть. А дело было летом, в степи. А там паслись княжеские табуны. Табунщиков сморила жара, они уснули, а лошади забрели в тень, в глубокий овраг. Кузнечик все это видел, но ничего не сказал табунщикам, поплелся дальше своей дорогой. Он был себе на уме и решил: «Пускай табунщики кинутся коней искать. Может, мне от этого польза выйдет».

Табунщики и впрямь, как проснулись, подняли тревогу. Коней не нашли и сообщили об этом самому князю.

– Если бы князь позволил мне погадать на бобах, я бы сказал, где его табун, – похвалился Кузнечик, который забрел на княжеский двор.

Слуги побежали и передали эти слова князю.

– Немедленно ведите его сюда! – сказал князь.

Привели Кузнечика во дворец. Сел он, рассыпал по полу бобы, молчит, делает вид, будто бобы ему всю правду говорят. Потом забормотал:

– Вижу, вижу! Табун никто не угонял... Вижу... Степь... Два холма... Между холмами овраг... В овраге кони стоят... Если вру, больше никогда за гадание не возьмусь!

Коней нашли, пригнали. Князь был очень доволен и подарил Кузнечику полную горсть золотых. А по аулам прошел слух: «Объявился чудесный гадальщик! Он нашел пропавших княжеских скакунов!».

Ну, живет теперь старый Кузнечик в довольстве и покое, беды не чует, а беда – вот она: пропал у дочери князя золотой перстень, усыпанный алмазами.

Посылает князь за Кузнечиком.

– Раскинь бобы, пусть скажут, куда девалось кольцо, – говорит князь. – Гадай, гадальщик! Угадаешь, бери из моих богатств, сколько на плечах унесешь. Не угадаешь – велю тебя повесить.

– Гадание – дело трудное, – отвечает Кузнечик, а у самого ноги трясутся. – Буду долго гадать. Прикажи отвести меня на ночь в пустую комнату.

– Будет тебе пустая комната, сиди, гадай! – махнул князь рукой, и отвели старика в пустую комнату да еще и на замок заперли, чтобы убежать не смог.

Всю ночь Кузнечик раздумывал, как свою бедную голову спасти. Перед рассветом слышит: стучат в окошко.

– Кто это?

– Это я! – шепотом отвечает чей-то голос. – Я птичница князя, горемычная старуха, весь свой век хожу за чужими гусями. Видела я, как княжна перстень уронила, когда на лугу гуляла, ну и взяла его. Вот он, забери, только не выдавай меня, гадальщик!

– То-то! – зашептал в ответ Кузнечик. – А я тут не сплю и о тебе думаю. Что ж это, думаю, она так запаздывает? Ведь скоро светать начнет. Теперь слушай! Перстень ты дай проглотить вместе с кормом какому-нибудь приметному гусю. А я на этого гуся князю и укажу.

Обрадовалась старушка-птичница.

– Есть, – шепчет, – такой приметный серый гусь. У него крыло сломано. Спасибо тебе, добрый человек!

Наутро собрался весь аул послушать, что гадальщик скажет. Открыли дверь. Выпустили Кузнечика.

– Как? – спрашивает князь. – Угадал?

– Еще с вечера! – хвалится Кузнечик. – Вели, князь, зарезать серого гуся с поломанным крылом. Перстень он проглотил.

– Да, и в самом деле хороший гадальщик этот Кузнечик! – сказал князь, когда в зобу у серого гуся нашли перстень с алмазами.

Вернулся Кузнечик домой опять с богатыми подарками, а князь поехал в гости к князю-соседу и там стал хвастаться своим гадальщиком.

Поспорили князья между собой. Князь-хозяин кричит:

– Твой гадальщик плут и мошенник!

А князь-гость отвечает:

– Давай испытаем! Говорю тебе, с его гаданием на бобах ничто не сравнится!

Вызвали они Кузнечика.

– Теперь, старик, – сказал князь-гость, – ты будешь гадать не мне, а моему другу. Мы с ним поспорили. Отгадаешь, что он велит – награжу по-княжески. Не отгадаешь – быть тебе без головы!

Обомлел Кузнечик от страха и думает: «Будь проклят тот день, когда я себе эту славу нажил!»

А князь-хозяин показывает зажатый кулак и спрашивает:

– Что в этой руке, старик?

Видит Кузнечик, смерть пришла, раскинул бобы и бормочет себе под нос:

– Допрыгался бедный Кузнечик! Первый раз прыгнул – ускакал. Во второй раз прыгнул – ускакал. В третий раз не выпрыгнешь. В кулак тебя зажали...

– Это настоящий черт! – закричал князь-хозяин. – Как он узнал? – Разжал кулак, а оттуда – прыг на пол маленький кузнечик.

Вытер тогда старик пот со лба и говорит:

– Мне на роду суждено только три раза угадать: теперь моя сила кончилась. Больше гадать никому не буду!

Получил Кузнечик щедрую награду и жил после этого долго в довольстве и счастье.

Медведь-воспитатель

или давным-давно старик со старухой, бедные из бедных в своем ауле. Никогда не было у них ни теплой одежды, ни сытной еды. Но не это они горем считали. Горевали они о том, что нет у них ребенка, не звенит в их доме беззаботный детский смех.

И вот на склоне лет пришла к ним радость: родился у них мальчик, здоровый, веселый, красивый, как солнечный луч.

Мальчик-то у них родился, да во что его одеть, чем накормить?

– Станем водить сына в лохмотьях, будут над нами люди насмехаться, – сказал старик жене. – Давай уйдем в лес подальше, может, встретим там свое счастье.

Построили в дремучем лесу, где нога человеческая не ступала, маленький домик и поселились в нем. Пошел однажды старик в лес за добычей, а старуха дома сидела, сына нянчила, пела ему песню. Вынесла она мальчика на пороге поиграть да и оставила одного, сама за чем-то в дом ушла. А из чащи выбежал медведь, схватил ребенка и унес. Убивалась старуха, плакала, кричала. Да что толку? Мальчика ведь не вернешь!

Пришел старик под вечер домой, а в доме такое горе, какого злому врагу не пожелаешь. Погоревали они вдвоем и решили:

– Из лесу никуда не уйдем. Там, где наше единственное дитя погибло, пусть и нас постигнет смерть.

А медведь между тем принес мальчика в свою берлогу и принялся за ним как за медвежонком ухаживать: кормил его вволю лесными орехами, ягодами и медом, спать укладывал у себя на груди. Когда мальчик подрос, вывел его медведь на лесную поляну, выбрал молодой дубок покрепче и приказал:

– А ну-ка, попробуй, вырви с корнем!

Обхватил мальчик ствол обеими руками, дернул разок-другой, но только наклонил его, а вырвать из земли не мог.

– Видно, не время еще! – проворчал медведь.

Прошло несколько лет. И снова повел медведь мальчика на поляну и велел ему дубок из земли тащить. А деревце выровнялось, окрепло. Прибавилось у мальчика сил, но все же как ни старался, дерево с корнем не вырвал, только верхушку обломал.

– Рано, братец, рано! – проворчал и в этот раз медведь.

Но вот мальчик стал сильным и ловким юношей. Повел его медведь в третий раз на поляну. Высоко поднялся дуб, крепкие ветви раскинул. Но и юноша накопил силу. Обхватил он ствол обеими руками, так и вырвал дуб из земли, как былиночку.

– Вот теперь время! – обрадовался медведь. – Теперь, сын мой, я открою тебе, кто ты такой. Много лет тому назад бродил я по лесу и увидел маленький домик. На пороге сидела женщина с ребенком и пела ему грустную песню. Она горевала, что нечем ей накормить малютку сына. Долго слушал я, и стало мне жаль мать и ребенка. Когда она отлучилась, схватил я мальчика и унес. Мальчик этот – ты! Я вырастил тебя, воспитал, сделал могучим. Возвращайся теперь к отцу с матерью, будь их помощником и опорой. Иди, учись людским обычаям и помни всегда: зло влечет за собой зло, добро рождает добро!

Сказал юноша медведю «спасибо» за науку, вернулся к отцу с матерью, вернулись они в свой аул, стали жить да поживать. Сами горя не знали и бедным в нужде помогали.

ЧЕЧЕНСКИЕ СКАЗКИ

Достойный человек не бывает без друзей.

Три брата, три облака, три волшебных коня и три княжеские дочери

В старой сакле жил бедняк. Было у него три сына. Все вместе ходили они в горы валить для князя лес. Однажды старик простудился и слег. Чувствуя, что больше ему не подняться, позвал сыновей, усадил перед собою и сказал:

– Пришла нам пора расстаться. По мне не горюйте. Живите дружно. Пусть каждый помнит: плохим быть легко, трудно быть хорошим. А на могилу мою положите большой кусок каменной соли. Да не забывайте наведываться туда.

Отец умер. Сыновья похоронили его с почестями, потом раздобыли глыбу соли, обтесали и поставили на могилу. Каждый день кто-нибудь из троих наведывался на могилу отца. И стали братья замечать, что глыба соли день ото дня становится все меньше и меньше. Старший сын предложил:

– Надо ночью посторожить отцову могилу. Видно, наша соль кому-то пришлась по вкусу.

Братья согласились.

Первым отправился старший брат. Пришел к могиле, измерил веревочкой высоту соляной глыбы, завязал узелок для памяти. Затем расстелил старенькую бурку, прилег и ждет. Ждал-ждал, а только стемнело – не выдержал и уснул.

Так было три ночи подряд.

На четвертый день, прежде чем вернуться домой, старший брат достал веревочку, приложил и заметил, что соляная глыба уменьшилась.

Вторым отправился сторожить соль средний из братьев. Пришел к могиле, измерил веревочкой высоту глыбы, завязал узелок для памяти. Затем расстелил старенькую бурку, прилег и ждет. Ждал-ждал, уже и

ночь наступила, а он все крепится, чтобы не уснуть. Но в полночь не выдержал и заснул.

Так было три ночи подряд.

На четвертый день, собираясь домой, средний брат достал веревочку, приложил и заметил, что соли стало меньше.

Третьим отправился младший – Али. Пришел к могиле, но измерять глыбу не стал, а вынул лук, выбрал стрелу покрепче, положил старенькую бурку на землю, сел и ждет. Ждал-ждал, уже и полночь миновала, но никого нет. Али сидит, не выпускает лука из рук. И только светать начало, глядит: надвигается с горы черное облако и опускается на могилу.

Али закричал:

– Эй, ты, черное облако! Дух ли ты, человек ли, зверь ли – остановись!

А черное облако все ниже и ниже опускается на землю.

Али натянул тетиву и выпустил стрелу. Попал прямо в середину облака. Облако превратилось вдруг в коня черной масти. «Вот кому наша соль по вкусу пришлась! Видно, волшебные кони не меньше простых любят соль лизать», – сообразил Али. Бросился он к черному коню и вскочил на него. Конь тут же взмыл вверх и семь раз облетел небо из конца в конец.

Потом опустился на землю, тряхнул гривой, фыркнул и, довольный, проговорил человеческим голосом:

– Теперь-то на мне нет ни песчинки!

Али возразил:

– Кроме меня, джигита!

Черный конь понял, что седок попался не из робких. Придется ему покориться.

– Отныне ты мой хозяин, а я твой верный конь. Спустись на землю, вырви волос из моей гривы и спрячь. Когда я буду тебе нужен, потри его в руках, и я явлюсь, как бы далеко ни находился, – сказал черный конь.

Али слез с коня, вырвал из его гривы волос, и черный конь умчался прочь.

На вторую ночь Али снова сел на бурку сторожить могилу. Когда начало светать, глядит: надвигается с горы белое облако.

Али закричал:

– Эй, ты, белое облако! Дух ли ты, человек ли, зверь ли – остановись!

А белое облако все ниже опускается на землю. Али натянул тетиву и выпустил стрелу, которая попала прямо в середину облака. Вдруг оно пре-

вратилось в коня белой масти. «Этому коню тоже соли захотелось», – подумал Али. Не теряя ни мгновения, он бросился к белому коню и вскочил на него верхом. Волшебный конь тут же взмыл вверх и двадцать семь раз облетел небо из конца в конец. Потом конь опустился на землю, тряхнул гривой, фыркнул и, довольный, проговорил человеческим голосом:

– Теперь-то на мне нет ни песчинки!

Али возразил:

– Кроме меня, джигита!

Белый конь понял, что седок попался не из робких. Пришлось ему покориться.

– Отныне ты мой хозяин, а я твой верный конь. Спустись на землю, вырви волос из моей гривы и спрячь. Когда я понадоблюсь тебе, потри его в руках, и я явлюсь, как бы далеко ни находился, – сказал белый конь.

Али слез с коня, вырвал из его гривы волос, и белый конь умчался. Али спрятал белый волос туда, где уже у него лежал черный.

На третью ночь опять сел на бурку сторожить могилу. Только начало светать, глядит – надвигается с горы красное облако.

Али закричал:

– Эй, ты, красное облако! Дух ли ты, человек или зверь – остановись!

А красное облако все ниже опускается на землю.

Али натянул тетиву и выпустил стрелу, которая попала прямо в середину облака. Вдруг оно обратилось в коня рыжей масти.

– И ты повадился соль лизать! – воскликнул Али, вскочил на коня верхом и обеими руками вцепился в гриву.

Конь с места взмыл вверх и восемьдесят три раза облетел небо из конца в конец. Потом опустился на землю, тряхнул гривой, фыркнул и, довольный, проговорил человеческим голосом:

– Теперь-то на мне нет ни песчинки!

Али возразил:

– Кроме меня, джигита!

Рыжий конь понял, что седок попался не из робких. Придется ему покориться.

– Отныне ты мой хозяин, а я твой верный конь. Спустись на землю, вырви волос из моей гривы и спрячь. Когда я понадоблюсь тебе, потри его в руках, и я явлюсь, где бы ни находился, – сказал рыжий конь.

Али слез с коня, вырвал из его гривы волос, и рыжий умчался прочь.

Запрятал он рыжий волос туда, где у него лежали белый и черный, и пошел домой. Ничего не стал он братьям рассказывать, а только сказал, что соль на могиле отца никто больше не тронет.

Пока Али сторожил могилу, до их аула дошел слух, что князь выдает замуж трех своих дочерей. Свататься может каждый, но получит княжескую дочь лишь тот, кто победит в состязаниях с другими джигитами.

Старшие братья решили поехать и попытать счастья. Оседлали они своих коней и отправились. Али с собой они не взяли:

– Нельзя втроем на двух конях ехать, засмеют нас. А третьего коня у нас нет. Да и делать тебе там нечего – куда тебе тягаться с лучшими джигитами!

Али ничего не сказал в ответ. Когда братья были уже далеко от дома, он достал черный волос и потер его в руках. Тут же перед ним появился черный конь.

– Готов служить тебе, Али. Куда ехать велишь?

– К замку княжескому, – коротко молвил Али. – Только поезжай по дороге, не надо по небу лететь.

Черный конь рванулся по узкой горной дороге. Он догнал и оставил позади старших братьев Али. Те почтительно ответили незнакомому всаднику на приветствие, посмотрели вслед, и средний брат сказал:

– Как похож этот всадник на нашего брата Али!

А младший брат все скакал вперед. Спорил с ветром черный конь, высекал из камней искры, а на крутых поворотах, где Али пытался его придержать, покусывал удила от нетерпения.

И вот добрались они до владений князя. Подъезжая к замку, Али ожидал увидеть толпу джигитов. Но площадь перед замком пустовала.

Только у входа в замок в кресле сидел старый князь и грел на солнце свои старые кости. Рядом с ним стояла стража – два воина с саблями. Али поздоровался с князем и спросил:

– А где остальные джигиты? Может быть, я слишком рано приехал?

– Ты опоздал, джигит, – сказал князь, с хитрой усмешкой поглядывая на Али. – Твои соперники уже давно в пути: два дня миновало, две ночи прошло, а теперь уж третий день на исходе.

– Светлый князь, куда они скачут? Сказал бы ты мне – глядишь, я их догоню.

Князь пожал плечами, но ответить ответил:

– Есть у подножия горы Казбек родник. Рядом с ним большое грушевое дерево растет, а под деревом кувшин стоит. В том кувшине – кольцо моей старшей дочери. Кто первым туда доскачет, кольцо достанет и сюда привезет, тому и быть женихом.

Пришпорил Али своего волшебного скакуна. Черный конь устремился в ту сторону, куда третьего дня ускакали соперники. Теперь он летел

по воздуху, обгоняя ветер. И часу не прошло – настиг Али всех джигитов. Обогнал их, добрался до Казбека, нашел родник с грушевым деревом, а под грушевым деревом – кувшин с кольцом. Взял кольцо и повернул обратно. Солнце стояло еще высоко, когда Али вернулся к замку княжескому с кольцом в руке. Князь удивился, но уговор нарушать не стал:

– Достоин ты моей старшей дочери. Но свадьбу я справлю всем трем дочерям сразу. Возвращайся к себе домой и жди. Когда у всех дочерей будут женихи, я объявлю. Тогда и приезжай.

Старшие братья видели, как всадник на черном коне отдавал старому князю кольцо, но не узнали Али. Сами они только-только подъехали.

– Упустили мы старшую дочь, – сказал средний брат. – Надо завтра пораньше встать. Может, средняя достанется одному из нас.

И поворотили коней домой. Приехали, а младший брат уже там – хлопочет у сакли, крышу чинит, будто и не думал со двора отлучаться. Увидел братьев и спрашивает:

– Чей конь пришел сегодня первым? Кто станет женихом старшей дочери князя?

– А зачем тебе это знать? Ведь ты еще молод! По правде сказать, он был похож на тебя, но сидел на таком коне, какого ты в жизни не видел, – услышал Али в ответ.

На рассвете братья снова стали седлать коней. И опять его не взяли. Только они выехали из аула, Али достал белый волос и потер его в руках. Явился к нему белый конь:

– Готов служить тебе, Али. Куда ехать прикажешь?

Юноша рассказал, что намерен потягаться с теми джигитами, которые будут сегодня свататься к средней дочери князя.

– Поедем к замку княжескому, – приказал он коню.– Только поезжай по дороге, не надо по небу лететь.

Белый конь рванулся по узкой горной дороге. Он догнал и оставил позади старших братьев Али. Те почтительно ответили неизвестному всаднику на приветствие, посмотрели вслед, и средний брат опять сказал:

– Как похож этот всадник на нашего брата Али!

А младший брат все скакал вперед. Спорил с ветром белый конь, высекал из камней искры. На крутых поворотах, где Али пытался его придержать, покусывал удила от нетерпения.

Двор князя был полон народу. Джигитов понаехало видимо-невидимо. Каждый мечтал взять в жены девушку-красавицу, среднюю дочь князя.

А князь объявил:

– Женихом будет только тот джигит, который на своем коне быстрее всех взберется вон на ту гору и доставит мне перо из орлиного гнезда.

Смутились джигиты: гора была отвесная, нигде ни деревца, ни кустика, ни выступа – удержаться не за что, коню ступить некуда. А гнездо находилось на самой вершине горы, скрытой за тучами. Али тоже засомневался, сможет ли на такую гору взобраться. Но белый конь успокоил его:

– Я вырвусь вперед из толпы и мигом на гору взлечу. Только ты вцепись в гриву покрепче, хлестни меня кнутом, чтобы круп мой горел, и гикни громче шестидесяти трех джигитов.

Али вцепился в гриву, крепко сжал своего скакуна ногами. Как только был подан знак, белый конь вырвался из толпы. Али хлестнул его кнутом, чтобы круп горел, и гикнул громче шестидесяти трех джигитов. Конь устремился вверх, по отвесной каменной стене. Ступит передними ногами – тропу высечет, ступит задними ногами – широкую дорогу вырубит.

Вмиг доставил конь своего седока на вершину горы, к орлиному гнезду. Джигит взял из гнезда орлиное перо, спустился с горы и вручил его князю.

Князь удивился, но нарушать уговор не стал:

– Достоин ты моей средней дочери. Но свадьбу я справлю всем трем дочерям сразу. Возвращайся к себе домой и жди. Когда у всех трех дочерей будут женихи, я объявлю. Тогда и приезжай.

Старшие братья видели, как всадник на белоснежном коне отдавал князю орлиное перо, но разглядеть Али не успели.

– Упустили мы и среднюю дочь, – сказал один из них другому. – Надо завтра еще раньше подняться. Может, хоть младшая дочь достанется кому-то из нас.

Поехали они к себе в аул. Али был уже дома и сделал вид, что никуда уезжать и не думал. Он встретил их вопросом:

– Какой джигит победил сегодня? Кому быть женихом средней дочери князя?

И услышал вчерашний ответ:

– А зачем тебе это знать? Ведь ты еще молод. По правде сказать, он был похож на тебя, но сидел на таком коне, какого ты в жизни не видел.

На третий день братья поднялись, когда светать не начинало. Али еще спал. Они оседлали коней и выехали из аула.

Только скрылись братья вдали, Али потер рыжий волос, и к нему тут же явился рыжий конь:

– Готов служить тебе, Али. Куда ехать прикажешь?

Али сказал, что хочет помериться силами с теми джигитами, какие приедут сегодня за младшей дочерью князя.

– К замку княжескому поедем, только вези меня по дороге, не надо по небу лететь, – попросил джигит рыжего коня.

Помчались они в сторону замка. Обогнали старших братьев Али. Те почтительно ответили на приветствие, и средний брат опять удивленно сказал:

– Как похож этот всадник на нашего брата Али!

А младший брат все скакал вперед. Спорил с ветром рыжий конь, высекал из камней искры на крутых поворотах, где Али хотел его придержать, покусывал удила от нетерпения.

Когда добрались до княжеского замка, было еще совсем рано. Но во дворе уже толпились джигиты: многие приехали из дальних краев и ночевали здесь. Появились и старшие братья, но они не заметили Али.

Наконец из замка показался князь. Подошел к джигитам, молча оглядел их и только потом заговорил – громко, чтобы всем было слышно:

– Женихом младшей дочери я объявлю того джигита, который на всем скаку достанет барана из колодца глубиною в шестьдесят три локтя.

Соперники смутились, подались назад. Толпа заволновалась, зашумела: мыслимое ли дело в узкий колодец на коне въехать? Нет, видно, князь решил младшую дочь замуж не выдавать. Так бы и сказал сразу, зачем требовать от джигитов непосильного дела? Али тоже взяло сомнение, но рыжий конь его успокоил:

– Ничего, я и не такое видел. Не жалей моих боков, ударь меня кнутом и гикни так, чтобы не только люди, но и деревья к земле припали. Да держись покрепче!

Али вцепился в гриву покрепче, ударил коня кнутом и гикнул что было сил: и люди, и деревья к земле припали.

Конь вынес седока из толпы и подлетел к тому колодцу, в который княжеские слуги опустили барана. Передними ногами конь принялся землю взрывать, а задними – разбрасывать ее в стороны. В два счета до самого дна добрался. Али схватил барана за рог и повернул обратно. Уже было выбрался из колодца, но бараний рог вдруг обломился, и баран упал обратно в колодец.

Младшая дочь князя сидела у окна и видела все. Когда Али уронил барана, она закричала ему:

– Хватай барана за шерсть!

Али послушался ее совета, вернулся в колодец, запустил руку в шерсть, схватил барана и поднялся из колодца. Бросил барана к ногам князя, и князь сказал:

– Вот кто достоин руки моей самой любимой дочери. Теперь будем готовиться к свадьбе. Быть ей через три дня. Приезжай, удалец.

Али ускакал на своем рыжем коне, а за ним потянулись остальные джигиты.

Когда братья вернулись в родной аул, Али хлопотал во дворе как ни в чем не бывало. И снова спросил, словно никуда не ездил и ничего не знает:

– Кто сегодня победил в состязании? Кого объявили женихом младшей дочери?

– А к чему тебе это знать? Ведь ты еще молод. По правде сказать, он был похож на тебя, но сидел на таком коне, какого ты в жизни не видел.

Тут Али не сдержался. Достал черный волос, потом белый и рыжий, потер их в руках, и сразу появились все три коня: черный, белый и рыжий. Братья ахнули от удивления.

– Что вы теперь скажете? – сказал Али старшим братьям.

Братья смешались, покраснели, стали просить Али не обижаться на них. Али ответил:

– Поздно вы спохватились. Отец наказывал нам жить дружно. А вы забыли его наказ, только о себе заботились, только себя джигитами считали. Но я не забыл отцовы слова: «Плохим быть легко, трудно быть хорошим». Я поступлю так, как повелел нам отец. Мы братья, и я обойдусь с вами по-братски. Выбирайте себе по коню, а когда поедем на свадьбу, каждый выберет ту девушку, какая придется ему по душе и которой он сам понравится.

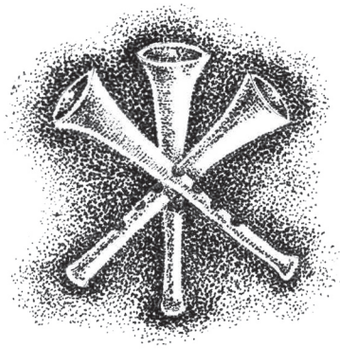
Так и сделали. Через три дня князь объявил, что начинается свадьба. Али поехал к нему вместе с братьями – на черном, белом и рыжем конях. Князь взглянул на коней и признал женихов. Старший брат выбрал старшую дочь, средний – среднюю, Али выбрал младшую. Она ему показалась самой красивой и доброй. Али не забыл, как она своим советом помогла ему барана из колодца добыть.

Три дня длилась свадьба. Потом братья собрались домой, сели на коней, посадили княжеских дочерей впереди себя. Князь одарил их подарками и проводил в путь-дорогу.

И поехали они в свой аул: Али – впереди, на рыжем коне, средний брат – за ним, на белом коне, и старший – чуть поодаль, на черном коне.

Вернулись они домой и стали жить-поживать.

Верные друзья Мовсур и Магомед

или два друга – Мовсур и Магомед. Сдружились они еще мальчишками. Миновали годы, Мовсур и Магомед выросли, вместе с ними окрепла их дружба. Но теперь они жили в разных аулах.

Однажды Мовсур вернулся с пастбища очень усталый и поспешил лечь спать. А во сне он увидел, будто красавица Жовар, дочь князя Мусы, который жил в трех месяцах пути от их аула, назначила день и сказала: «Если ты сможешь добраться ко мне, то в этот день я уеду с тобой». Мовсур тут же проснулся. Было еще темно. Прошли только две части ночи, начиналась третья. Ночные звезды разбегались в разные стороны, уступая небо предутренним звездочкам.

«Что за сон мне приснился? – подумал Мовсур. – Не может быть, чтобы в этом не было правды. Я должен разыскать дочь князя Мусы – иначе мне и джигитом называться нельзя».

До рассвета он уже не сомкнул глаз. Мать заметила, что он мало спал, но не стала ни о чем расспрашивать. Она только сказала:

– Сегодня я присмотрю за скотом. А ты можешь проведать своего друга Магомеда.

– Хорошо, я поеду к Магомеду, но если не вернусь ни сегодня, ни завтра, ты обо мне не беспокойся. Знай, что я отправился в дальнюю дорогу, – ответил Мовсур матери.

Он оседлал своего коня и поехал к другу. Дети бежали за ним и кричали:

– Мовсур едет к Магомеду!

Те, что жили рядом с Магомедом, подбежали к его окну и крикнули:

– К тебе едет Мовсур!

– Ассалам алейкум, Магомед! – сказал Мовсур.

– Ва-алейкум салам! – отвечал Магомед

Он помог другу сойти с коня, повел его в дом, угостил. Потом Мовсур сказал:

– Приехал я звать тебя в путь-дорогу. Если согласен, то седлай коня и мы поедем!

Магомед не спросил Мовсура: «Куда мы едем?», и Мовсур не сказал Магомеду: «Едем туда-то и туда-то». Они выехали и пробыли в пути восемьдесят семь дней и восемьдесят семь ночей. Восемьдесят восьмой вечер застал их в густом лесу. Уже стемнело, когда они выехали на узкую тропинку. Тропинка привела их к чьей-то коновязи. Рядом из-под земли валил дым. Друзья слезли с коней, привязали их, подошли к тому месту, откуда валил дым, и заметили там ступеньки, ведущие в подземелье.

Спустились вниз и очутились в просторной комнате. Людей в комнате не было, но посередине стоял стол, уставленный разными блюдами, из которых поднимался пар.

Ни Мовсур, ни Магомед не спросили, что это такое. Они сели за стол, поели и легли спать. Прошло немного времени, и в печную трубу закричал кто-то снаружи.

– Я здесь! – ответил человеческий голос из комнаты.

Казалось, заговорил стол, потому что кроме Мовсура и Магомеда в комнате никого не было.

Мовсур уже спал крепким сном. Неизвестные голоса услышал только Магомед. Он все гадал: «Куда это мы едем?» – и не мог заснуть.

А невидимый опять крикнул:

– Я не могу пойти с тобой. У меня ночуют чужеземные гости. Надо их сначала в путь проводить. Ступай один!

Снаружи отвечали:

– Твои гости проделали путь в три месяца. Один из них увидел во сне красавицу Жовар, дочку князя Мусы. Она назначила день, когда он должен прийти за ней. Живет князь за нашим морем. Завтра они подъедут к этому морю. Если они срежут ветку дуба, растущего у самой воды, и бросят ее в море, то она превратится в мост. По мосту они смогут переехать через море. На другом берегу моря они увидят дом, а в том доме живет старуха. Она поможет им добыть княжескую дочь. Но тот, кто услышит эти мои слова и расскажет о них другому – тот превратится в кусок льда.

Голоса смолкли. Магомед долго еще ворочался, потом и он уснул.

Рано утром друзья проснулись и пошли смотреть своих коней. А коней кто-то расседлал, стреножил, и они всю ночь паслись на зеле-

ной поляне. Мовсур и Магомед переглянулись, но не сказали друг другу ни слова. Оседлали они коней, потом вернулись в подземелье, чтобы попрощаться с хозяином, но он так и не показался. А стол опять был уставлен блюдами. Друзья поели, вышли из подземелья, сели на коней и пустились в путь.

Приехали они к морю, о котором ночной голос упоминал. Остановились. Куда ни посмотришь – всюду вода. И только далеко впереди узенькой полоской виднеется другой берег моря. Ни один из друзей не сказал: «Через это море не переплывешь!». Мовсур хотел въехать в воду на коне. Но Магомед удержал его. Он глянул вокруг, увидел на берегу большой дуб, подъехал к нему, вынул кинжал, срезал ветку побольше и бросил в море. Тотчас перед ними вырос мост. Друзья поехали по нему. Подъезжая к другому берегу, заметили под скалой маленький домик. У домика стояла старуха.

– Да будет день твой хорошим, нани! Гости приехали к тебе: верные друзья Мовсур и Магомед, – сказали джигиты.

– Да будет путь ваш благополучным! – приветливо отвечала старушка. – А я про вас знаю. С самого утра на море поглядываю – не покажетесь ли. Вовремя вы подоспели. Ведь завтра кончаются три месяца – срок, который дочь князя Мусы назначила Мовсуру. Не приехали бы вы сегодня – пришлось бы уезжать ни с чем.

Всадники слезли с коней, привязали их к коновязи и вошли в старушкин домик. Она подвела их к окну и говорит:

– Видите на пригорке дворцы? Хозяин их – сам князь Муса. У князя есть золотых дел мастера. Я схожу к ним и закажу кольцо для Мовсура. Магомед пойдет со мной. А ты, Мовсур, пройдись мимо того дворца, что поближе к нам. В нем живет дочь князя. Она уже знает, что ты здесь. Но за ней строго следят. Когда будешь идти мимо дворца, Жовар заметит тебя. Если она что-нибудь бросит из окна, ты подними и уходи поскорее. Да смотри не оглядывайся!

Старушка сходила с Магомедом к мастерам. Мастера взялись сделать кольцо для Мовсура. Когда старушка и Магомед вернулись домой, Мовсур уже дожидался их. В руке он держал золотое яблоко, яблоко ему из своего окна украдкой бросила Жовар.

– Мовсур, – сказала старушка, – этим яблоком Жовар дает тебе знать, что будет тебя ждать сегодня в яблоневом саду. Отправляйся вечером туда. Когда Жовар выйдет в сад, сияние ее красоты озарит все вокруг, ночь превратится в день. А тебя потянет заснуть. Но ты смотри не засыпай.

Вечером Мовсур оделся получше, пробрался в сад князя Мусы и стал дожидаться Жовар. Когда у входа в сад показалась Жовар, ночь превратилась в день. А Мовсур был так ослеплен ее красотою, что тут же уснул. Жовар подошла к Мовсуру, посмотрела на него, посидела рядом, подождала, потом поднялась и говорит:

– Пора мне домой. Жаль, что ты не проснулся. Видно, очень устал в дороге!

Потом сняла с него шапку – чтобы он знал, что она была рядом, – положила на траву, а сама удалилась.

Мовсур проснулся. Сильно огорченный тем, что заснул, он подобрал свою шапку, вернулся к старушке и рассказал обо всем, что с ним приключилось. Добрая старушка принялась его успокаивать.

– Не печалься, все уладится, – сказала она. – Но ты должен знать, что Жовар насильно хотят выдать замуж за одного княжеского сына. Больше тебе нельзя ходить к дворцу. Если отец Жовар увидит, он обо всем догадается и бросит нас всех в темницу. Посиди дома, а мы с Магомедом сходим за кольцом и постараемся повидать Жовар.

Когда они получили у мастеров кольцо и проходили мимо дворца, Жовар бросила из окна золотую гроздь винограда. Старушка принесла ее домой и сказала:

– Это значит, что сегодня вечером Жовар тебя ждет в винограднике. Когда пойдешь к ней, надень на палец это кольцо.

Едва стемнело, Мовсур пробрался в княжеский виноградник, где его ждала Жовар. Ее красота опять его ослепила. Он остановился как вкопанный, потом опустился на землю и заснул. Но на этот раз Жовар догадалась, почему он заснул. «Видно, я его ослепляю», – подумала она. Посидела рядом, а когда стало светать, сняла у Мовсура кольцо с пальца и ушла. Мовсур проснулся и опять поспешил к старушке.

– Не печалься, все будет хорошо, – успокоила его старушка. – Но я узнала, что князь Муса не хочет откладывать свадьбу. Неспроста Жовар сняла у тебя с пальца кольцо. Это значит, что она просит тебя увезти ее, потому что сегодня князь Муса намерен устроить свадьбу, выдать Жовар за князя, которого он выбрал ей в женихи.

Вечером старушка пошла на свадьбу, а друзьям наказала ждать ее в условленном месте.

В самый разгар свадьбы, когда все гости князя принялись танцевать лезгинку, старушка сделала знак Жовар. Девушка незаметно вышла за нею. Старушка повела ее туда, где их ждали Мовсур и Магомед.

Мовсур посадил Жовар рядом с собой на коня. Друзья попрощались с доброй старушкой, поблагодарили ее за помощь и поспешили в обратный путь.

Не успели отъехать за ближайшую гору, как за ними началась погоня. Но беглецы уже были у моря, и Магомед бросил в воду дубовую ветку, которая у него была припасена. Перед ними тут же вырос мост. Как только друзья с невестой переехали на другой берег, мост исчез в волнах. Теперь погоня была не страшна.

Жовар спросила у Магомеда, как он сумел перекинуть через такое море мост. Но Магомед не мог ответить. Он промолчал.

Вот приехали они в знакомый лес и спустились в подземную комнату. Как и в первый раз, нашли в ней стол, накрытый для гостей. Поужинали и легли спать. Но Магомед и в эту ночь не сумел заснуть. Он вспоминал разговор, который услышал когда-то в этой комнате.

Во второй половине ночи, как и в первый раз, кто-то снаружи крикнул в трубу. Магомед прислушался. Голос сказал:

– Твои гости вернулись с невестой. Они доберутся к себе домой и справят свадьбу, которая будет длиться три дня и три ночи. На четвертую ночь, когда жених и невеста уснут, из дыры в полу вылезет змей и задушит их. Тот, кто услышит эти слова и расскажет о них другим, превратится в кусок льда.

Наутро отдохнувшие путники тронулись в путь. Хоть и была дорога длинная, но лошади были хорошие, они домчали их быстро.

Приехали втроем домой к Мовсуру. Мать Мовсура встретила их у ворот.

– Совсем я тебя заждалась, сын мой, теперь порадуюсь твоему счастью, – сказала она, обнимая его, красавицу невесту и верного друга Магомеда.

Сыграли они свадьбу. Когда свадьба кончилась, Магомед не уехал. Он сказал, что погостит еще несколько дней. Этому Мовсур очень обрадовался.

Ночью Магомед пришел и сел около двери комнаты Мовсура и стал ждать, что будет. В полночь, когда Мовсур и его молодая жена уснули, Магомед услышал какой-то шорох. Он открыл дверь и увидел, что пол комнаты приподнялся и оттуда показалась голова змея. Магомед не растерялся: он схватил свою саблю, вбежал в комнату и изрубил змея на куски.

Мовсур проснулся рано утром и увидел зарубленного змея, а возле него спящего Магомеда. Он бросился к другу, разбудил, попросил объ-

яснить, как он узнал, что ночью к ним заберется змей. Магомед не хотел говорить, но, чтобы Мовсур не обиделся, рассказал ему все, что знал. И едва повторил слова, какие слышал в подземелье, как превратился в кусок льда и покатился по полу.

– Мой дорогой друг Магомед, без тебя я не хочу жить! – воскликнул Мовсур.

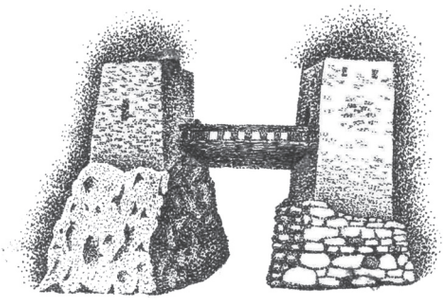
Он выхватил из ножен кинжал, приставил острием к своей груди и схватил кусок льда, чтобы ударить по кинжалу и пронзить себе сердце. Но удара не получилось. От первого прикосновения к рукоятке кинжала лед снова превратился в человека. Мовсур увидел перед собой живого и невредимого Магомеда.

Так и должно было случиться. Магомеда мог спасти только друг, готовый погибнуть вместе с ним. Мовсур доказал это и спас Магомеда.

И стали они жить-поживать, никогда уже не разлучались. И крепче их дружбы никто не знал.

Спящий джигит

На опушке дремучего леса, у родника с чистой водой жил один бедный старик, и была у него дочь. Каждый вечер девушка ходила с кувшином по воду к роднику. Приметила ее лягушка и говорит человеческим голосом:

– Ты ловкая и красивая! Но замуж выйдешь за спящего джигита.

Девушка не поверила. «Разве бывают такие джигиты? Напрасно лягушка пугает меня», – успокоила она себя, набрала воды в кувшин и пошла домой.

На другой день опять пришла с кувшином к роднику. И снова лягушка проквакала:

– Ты ловкая и красивая! Но суждено тебе замуж выйти за спящего джигита.

Девушка не поверила. «Придумывает что-то лягушка. Вчера говорила о спящем джигите, сегодня о спящем. Видно, дразнит меня от нечего делать», – успокоила себя девушка, набрала воды в кувшин и пошла домой.

На третий день она опять к роднику спешит. Не успела воды зачерпнуть, а лягушка уж тут как тут. Глянула на девушку выпученными глазами и проквакала:

– Ты ловкая и красивая! А все-таки замуж выйдешь за джигита, зачарованного злыми колдуньями.

На этот раз девушка испугалась. Прибежала она домой и рассказала отцу, что ей лягушка наквакала.

– Этого быть не может, – ответил отец. – Если и есть где зачарованный джигит, то к чему тебе замуж за него выходить? Давай уедем отсюда – надо от беды подальше держаться.

Так и сделали. Собрали свои пожитки и пошли искать место поспокойнее. Шли-шли и в густом лесу наткнулись на замок, окруженный высокой стеной. Отец подошел к воротам, хотел их открыть. Но ворота были на запоре. Навалился плечом, нажал что было сил – не помогло.

А дочь его подошла, легонько толкнула – ворота широко распахнулись. Она прошла во двор, а отец не успел: ворота сразу захлопнулись. Девушка испугалась, хотела отворить ворота, чтобы впустить отца, но не смогла.

Посмотрела вокруг – нигде ни души. Решила в замок зайти. Поднялась по ступенькам, зашла в одну комнату – пусто, зашла в другую – тоже пусто, зашла в третью – опять пусто. Осмотрела весь замок. И только в последней комнате увидела наконец человека. Это был молодой джигит. Он лежал на постели, и девушке показалось, что он спит. Она окликнула его, потом еще раз, погромче, но джигит не шевельнулся. Села девушка рядом на стул, взяла опахало, которое здесь лежало, и принялась им помахивать, чтобы джигиту легче дышалось.

День проходил за днем. Девушка не покидала замка, за спящим джигитом присматривала. Два года миновало с того дня, как она в замок вошла. Пошел третий год. И вот однажды, когда и третий год был на исходе, в комнату, где сидела девушка, зашла незнакомая женщина. Это была служанка хозяина замка.

Девушка попросила:

– Будь добра, посиди возле спящего джигита, а я сбегаю посмотрю, что с моим отцом сталось.

Служанка молча взяла опахало и села на стул. А девушка вышла из замка и отыскала в лесу отца. Он сделал себе саклю у дороги, вырезал для прохожих безделушки всякие и ждал, когда дочь вернется. Обрадовались они друг другу, наговорились, и девушка опять в замок пошла. Отец наказал ей на прощание:

– Если тебе грустно станет, пришли кого-нибудь, я передам тебе говорящую куклу и прыгающего человечка. А если помощь потребуется, получишь от меня чудесный нож-самокол.

Пока девушка ходила к отцу, истек третий год ее пребывания в замке. Недвижный джигит очнулся и открыл глаза. Злые колдуньи усыпили его ровно на три года, но как только пошел четвертый год, их колдовство пропало.

Джигит поднялся и увидел рядом с собой служанку с опахалом в руке. А служанка потому и пришла в тот день, что последний год был на исходе. «Постою часок у его изголовья, он очнется и решит, что это я за ним три года смотрела», – ликовала она, когда девушка ушла отца проведать. Все вышло так, как она задумала. Хозяина замка растрогала верность служанки.

– Теперь здесь все твое, – сказал он служанке и объявил, что намерен на ней жениться. А девушку, которая вернулась из лесу, они сделали служанкой.

Нелегко жилось новой служанке: и хлопот по горло, и тоска да обида одолевают. Но вот хозяин замка собрался в город за свадебными покупками. Пришел он к новой служанке и спрашивает:

– Что тебе из города привезти?

Она ответила:

– Из города мне ничего не надо. Но возле замка, у самой дороги, ты увидишь саклю. В ней старик живет, разные безделушки мастерит. Привези мне от него говорящую куклу, прыгающего человечка и нож-самокол.

Джигит не забыл ее просьбу. Приезжает вечером и привозит все, что попросила служанка: говорящую куклу, прыгающего человечка и нож-самокол.

Девушка поблагодарила его и ушла в свою комнату. Скоро оттуда плач раздался.

Хозяин тихо подошел к двери и слушает.

А девушка посадила куклу и человечка перед собой и принялась рассказывать, что ей лягушка наквакала, как она потом в замок попала, что здесь случилось с нею, как она стала служанкой. Говорит, сама слезами заливается. А когда кончила рассказывать, воскликнула, глядя на живую куклу:

– Кукла, кукла, почему ты не плачешь от горя, разве тебе не жалко меня?

Кукла громко заплакала.

– А тебе не жалко меня? – спросила девушка, обращаясь к человечку. – Почему ты не подпрыгнешь, не упадешь на каменный пол и не разобьешься от горя на мелкие кусочки?

Прыгающий человечек взлетел в воздух, упал на пол и разбился на мелкие кусочки.

– А тебе за меня не обидно? – повернулась девушка к ножу-самоколу. – Почему ты не взлетишь вверх от горя, не ударишься о потолок, не упадешь на меня и не вонзишься в мое сердце?

Взвился нож в воздух, ударился о потолок и полетел обратно. Но джигит рванул дверь, вбежал в комнату и успел оттолкнуть девушку в сторону. Нож-самокол упал на каменный пол.

– Я стоял за дверью и все слышал. Теперь я знаю, кто за мною три года присматривал, – объявил джигит. – Будь моей женою.

Девушка побежала за отцом, привела его в замок. Устроили они свадьбу. За столом вспоминали свои злоключения и радовались, что все дурное уже позади. На радостях и коварную служанку простили.

Чингаз

Для того чтобы вы никогда не копались в мусоре, потеряв иголку, а потеряв телят, не искали их на полянах! Пусть без двух палок у вас на вас не бросаются собаки, а если будут бросаться, то чтобы вы не очутились у старого плетня! Пусть не будет у вас дела на базаре, а если будет, то пусть будет у вас бурка! Пусть хорошее увеличивается, а плохое мимо пролетает! Долго живите со своими красивыми невестами, и чтобы ветер плохое уносил, а хорошее приносил!

Расскажу я вам одну очень интересную сказку, слушайте внимательно, а потом свое мнение скажете.

Когда-то, в далекие времена, жили муж и жена в мире и согласии. Их дом был полной чашей, однако не было у них детей. Завидовали они родителям, у которых дом был полон детей, но чтобы они не предпринимали, не было у них детей. Прошло достаточно времени, и у них родился сын. Мальчик рос на диво крепкий и красивый. Мать и отец все ласкали его и приговаривали:

– Когда станешь взрослым, женим тебя на прекрасной Чингаз.

В то время в горах много рассказывали сказок и легенд о прекрасной девушке по имени Чингаз, но никто не знал, была ли она на самом деле. Миновали годы, сын вырос, стал стройным и сильным юношей – широкий в плечах, тонкий в поясе, крепкий в кости, быстрый на ногу. Пришла пора выбирать невесту. Юноша пришел к родителям и говорит:

– Хочу, чтобы моей невестой стала прекрасная Чингаз, о которой вы всегда говорили мне.

Смутились родители, не знают, что ответить сыну. Имя Чингаз упоминали многие, но ни разу не довелось им слышать, где живет прекрасная девушка и можно ли ее отыскать. Мудрые старики объясняли, что девушка эта не такая, как все.

– Чингаз, – говорили они, – это красавица из сказки.

Подумали родители, посоветовались и решили сказать сыну все:

– Да, мы называли имя Чингаз. Но девушка она не простая, а сказочная. Где искать ее, никто не знает. А может, и нет ее на белом свете. Как же мы ее тебе приведем? Не убивайся так, ты ведь у нас один. Мы приведем тебе любую другую девушку, которая тебе понравится.

Загрустил юноша. Куда ни пойдет, только о Чингаз и думает. День проходил за днем, и стали его покидать силы. Слег он совсем.

– Если вы не приведете мне Чингаз, то я никогда не встану и умру, – сказал он родителям.

Горюют родители, не знают, как сыну помочь. Никакие уговоры не смогли заставить его встать. И тогда решили они попросить совета у мудрой старухи-ведуньи – Жёра-Бабы.

Пошли они к ней и поделились горем своим:

– Когда наш сын был еще ребенком, мы ласкали его и приговаривали: «Станешь большим – женим тебя на девушке Чингаз, прекраснее, умнее ее горы еще не видели». А теперь, когда он повзрослел, то имя Чингаз у него с языка не сходит. Чингаз девушка не простая, а сказочная, есть ли такая девушка, мы не знаем, и найти ее не в силах. А сын совсем ослабел и не встает с постели. Что же нам делать? Как его заставить не думать больше об этой сказочной девушке Чингаз, не мечтать напрасно о ней? Мудрая Жёра-Баба, помоги нам своим советом!

Выслушала их Жёра-Баба, подумала и отвечает:

– Купите сыну одежду, красивее которой нет, раздобудьте оружие, лучше которого не бывает, и положите все это у его изголовья. Найдите самого быстрого коня. А сыну скажите: «Вот мы купили тебе одежду, красивее которой нет, и оружие, лучше которого не бывает, во дворе стоит конь, равного которому не сыскать. Теперь у тебя есть все, что нужно молодому джигиту. Сядь на коня и поезжай, повеселись с ровесниками. Может быть, ты встретишь красивую девушку и забудешь про Чингаз». Взглянет ваш сын на оружие, услышит ржание коня – не выдержит и сразу поднимется с постели.

Поблагодарили они Жёра-Бабу, вернулись домой и сделали все так, как им было велено. Купили одежду, раздобыли оружие и рано утром, когда сын еще спал, положили все у его изголовья. А привязанный во дворе конь был горячий, поднимался на дыбы и так бил копытом, что земля вверх в небо разлеталась, а ржание его разносилось далеко вокруг и достигало самых отдаленных уголков села.

Подошли родители к сыну и сказали:

– Посмотри, сын, на эту одежду, на оружие, посмотри на коня, стоящего во дворе. Теперь у тебя есть все, что нужно джигиту. Садись на коня и поезжай, повеселись с ровесниками. Может быть, встретишь красивую девушку и забудешь про Чингаз.

Но сколько они не уговаривали сына, он не шевельнулся и даже не посмотрел на них. Как ни старались они, ничего не получилось, тогда родители испугались – нельзя же дать умереть единственному сыну! – и решили собрать шестьдесят трех всадников, одеть их, дать им оружие, приготовить много еды и отправить их искать Чингаз для своего сына.

Выехали всадники, и искали они Чингаз повсюду. Так прошло много времени. Еда закончилась, они проголодались, измучились. Пришлось зарезать шестьдесят три лошади и съесть. После этого пешком ходили они и искали девушку.

А перед тем, как они отправились в дорогу, родители наказали им без девушки не возвращаться. Подумали они и решили отправить двоих к родителям, чтобы сообщить, что с ними приключилось. Никто не хотел ехать по желанию. Тогда бросили они жребий, и двое отправились в путь.

Долго ли они шли, но наконец голодные, без сил добрались до села и рассказали родителям все как было и добавили:

– Теперь можете убить нас или, пожалев, оставить в живых, но на этом свете мы не нашли девушку по имени Чингаз. Мы пришли, чтобы это вам сообщить.

Отругали их родители и простили.

Снова пошли отец с матерью к Жёра-Бабе за советом:

– Лежит и не встает наш сын, он умирает, помоги. Всадники, которых мы послали искать Чингаз, не нашли ее. Что теперь нам делать?

Жёра-Баба посоветовала родителям:

– Расскажите сыну все как есть, скажите, что не смогли найти Чингаз. Если даже он умрет, вы больше ничего не сможете сделать. Скажите ему: «Вставай, иди и сам ищи Чингаз!»

Пошли родители домой и, как посоветовала им Жёра-Баба, сказали все сыну.

Юноша выслушал родителей, встал с постели, оделся, взял оружие, оседлал коня, взял еду и отправился сам искать девушку Чингаз.

Долго ли, коротко ли он ехал, неизвестно, но путь его был очень длинным, его еда закончилась, он очень устал, а измученный конь едва перебирал ногами. Когда юноша проезжал через большой темный лес и

стал осматриваться, где бы остановиться и отдохнуть, он увидел зеленую поляну, по которой текла светлая, как звезда, родниковая вода.

«Устрою-ка здесь привал и посплю», – подумал юноша.

Спешился, расседлал коня, стреножил его и отпустил пастись. А сам взял седло, выбрал на берегу озера укромное место в кустах, положил седло под голову, прилег на траву и накрылся буркой. Лежит он, лежит, но заснуть не может: все о Чингаз думает, где ее дальше искать. Вдруг он услышал какой-то шум. Смотрит и видит, что прилетели к озеру две голубки, а перья у них не простые: золотые да серебряные. Лежит молодой джигит, любуется голубками. А они трижды облетели озеро, опустились на берег и только коснулись земли, тут же стряхнули с себя золотые, серебряные одежды и превратились в девушек красоты неописуемой. Юноша не успел от удивления опомниться, как они бросились в воду и начали купаться. Как только они начали купаться, прилетела к озеру третья голубка, еще краше первых двух. Сделала три круга над озером, да низко так – вот-вот коснется воды, потом опустилась на берег и тоже обернулась девушкой-красавицей.

А первые две девушки кричат ей:

– Скорее, Чингаз, снимай одежду и давай купаться, нам надо домой спешить, у нас мало времени.

Сбросила она с себя золотые, серебряные одежды голубки и пошла купаться.

Юноша понял, что это и есть девушка Чингаз, которую он ищет.

У юноши дух захватило: «Теперь я нашел ту, что искал, но как удержать ее», – думал он. Внезапно ему пришла в голову мысль украсть одежду голубки Чингаз, тогда ей некуда будет деться, она не сможет улететь.

Девушки не знали, что за кустом лежит юноша. Тихо, прячась, подполз он, украл одежду голубки Чингаз, вернулся и сел за кустом. Накупавшись, девушки увидели, что одежды Чингаз нет. Туда посмотрели, сюда посмотрели, везде искали – не нашли одежду.

– Что же теперь делать? – опечалились все три девушки.

– Что вы ищете? Вы что-то потеряли? – крикнул юноша.

Удивились девушки, испугались – здесь, где не ступала нога человека, никак не ожидали они услышать голос парня – и бросились бежать.

Выбежал он из своего укрытия и закричал вдогонку:

– Куда же вы? Не бойтесь меня, не убегайте! Я такой же человек, как и вы. Ваша одежда у меня. Подойдите ко мне. Я крылья ваши верну, если выполните мою просьбу. Поклянитесь, что сделаете то, что я говорю.

Девушки ответили:

– Если ты попросишь то, что нам под силу сделать, то мы постараемся это выполнить. Скажи, какое дело ты хочешь, чтобы мы сделали?

Парень спросил:

– Скажите, кто вы, кем приходитесь друг другу? Какое родство между вами? После этого я расскажу вам, что у меня на сердце.

– Мы три сестры от одной матери и одного отца, у нас есть семеро родных братьев. Теперь скажи, кто ты, откуда?

Юноша рассказал, кто он, откуда родом, зачем отправился в путь, и обратился к Чингаз:

– Выходи за меня, если ты не выйдешь за меня, то я не буду жить на этом свете, только после того, как ты поклянешься, что выйдешь за меня, я верну тебе твою одежду.

Чингаз сказала в ответ:

– Не могу я сразу, как ты сказал, выйти за тебя, я не знаю тебя. Нам сначала надо узнать друг друга получше. Сначала мы должны договориться о встрече. На краю этого леса есть дуб, который вырос, когда вселенная создавалась. Начиная с четверга, подряд три ночи приходи к большому дубу. И я туда приду. Там мы и поговорим друг с другом по душам. Потом будет видно, можно выходить за тебя или нет.

– Тогда поклянись мне, что будешь приходить под дуб три ночи подряд, и я отдам твою одежду.

Поклялась Чингаз всеми клятвами, и он отдал ей голубиные одежды.

Одели девушки свои голубиные одежды и улетели. А юноша отправился домой.

В том ауле, где жил юноша, с ними по соседству жила злая старуха колдунья, которая радовалась несчастью других, разлучала молодых. Узнала она, что юноша поехал искать Чингаз, и повадилась ходить к его отцу-матери, приятные слова им говорить, чтобы узнать, когда их сын вернется, и навредить делу. Для этого она наняла человека, чтобы следил, когда юноша приедет, и ей сообщил об этом. И вот юноша возвратился домой. Как только он пришел домой, человек помчался к колдунье и сообщил ей, что юноша приехал.

Колдунья спросила у человека:

– А какой он, веселый или хмурый?

– Веселый, – ответил человек.

– Значит, он нашел Чингаз, сейчас пойду, узнаю, как и чего. Если ты будешь делать то, что я тебе скажу, то мы разобьем их сватовство, – сказала колдунья и пошла к юноше домой.

Пришла она и спрашивает юношу:

– Расскажи, как наши дела? Нашел ты Чингаз? Если ты ее нашел, то я помогу тебе на ней жениться.

Юноша рассказал, как нашел девушку и о чем с ней договорился.

– Когда ты туда поедешь, тебе нужен будет спутник, нельзя в дорогу отправляться одному, я тебе приведу человека, да и верить нельзя этой девушке, – сказала коварная колдунья юноше.

Когда пришло время ехать, юноша пошел к колдунье и сообщил ей, что едет на встречу с Чингаз в назначенное место.

Колдунья заранее подготовила своего человека, который поедет с юношей. Она дала ему заколдованную трехгранную иголку и сказала, что когда они приедут на место, и юноша присядет под дубом, надо незаметно воткнуть эту иголку в его черкеску, отчего юноша крепко заснет, и Чингаз его не сможет разбудить. А когда она уйдет, иголку надо вынуть и спрятать. Юноша проснется и спросит: «Приходила девушка?», надо ответить: «Приходила, но ты не проснулся, и она ушла». Тогда их сватовство не состоится.

– Это надо делать все три ночи, – сказала колдунья и отправила своего человека с юношей в путь.

Ехали два всадника долго и доехали до дуба, который первым вырос на этом свете. Спешились, стреножили коней, пустили их пастись и в ночь четверга сели под дуб два спутника сторожить Чингаз. Прошло немного времени, и человек осторожно, чтобы юноша не заметил, изловчился и воткнул ему в черкеску трехгранную иголку. Юноша тут же заснул. В полночь небо озарилось, и к дубу подлетела в золотых, серебряных одеждах девушка. Стряхнула с себя одежды и подошла к юноше, а он спит крепким сном. Рядом один человек сидит. Чингаз спросила у него:

– Вы давно уже здесь? Юноша давно заснул?

– Мы подъехали сюда, когда заходило солнце. С тех пор он заснул и еще не просыпался, – ответил человек.

Чингаз попыталась разбудить юношу, приподнимала его, тормошила, но он не проснулся. Обернулась она голубкой и улетела. Только скрылась она в темноте, человек вынул иголку, и юноша очнулся.

– Как я крепко спал! – удивился он. – Сюда не приходила Чингаз?

– Чингаз приходила, но как ни старалась, не смогла тебя разбудить и улетела, – сказал человек.

На вторую ночь опять пришли они вдвоем к дубу. Но и на этот раз человек воткнул юноше иголку в полу черкески и усыпил его. Как и в предыдущую ночь, прилетела Чингаз, старалась разбудить юношу, но он не проснулся, и она улетела, ничего не сказав. Только она скрылась вдали, как

человек вынул из черкески иголку. Юноша открыл глаза и воскликнул:

– Как долго я спал! Девушка не приходила сюда?

– Была, но не смогла тебя разбудить и ушла, – ответил человек.

– Она ничего мне не передала? – снова спросил юноша.

– Ни слова не сказала, одела свои голубиные одежды и улетела.

Настала третья ночь. Юноша сел под дуб и размышляет: «Никогда я так крепко не спал. Что со мной сделалось?» Помня, что сегодня Чингаз прилетит в последний раз, он дал себе слово не смыкать глаз и непременно дождаться ее. Но и на третий раз заколдованная игла усыпила юношу. Чингаз опять застала его спящим и не смогла разбудить. Тут она догадалась, что юноша засыпает по вине человека, который находится рядом с ним, и прежде чем уйти, проговорила:

– Когда этот юноша проснется, передай ему мои слова: «Коварнейший из коварных. Ненавистная радость. Лезвие сабли. Только достойный отыщет Чингаз».

Сказав это, Чингаз одела свою одежду голубки и улетела.

Как только Чингаз улетела, человек поспешил вынуть иголку.

Юноша проснулся и спрашивает у спутника:

– Чингаз приходила сюда? Когда она уходила, то что-нибудь сказала?

– Прилетала, но как и раньше, не смогла тебя разбудить и улетела. А тебе велела передать: «Коварнейший из коварных. Ненавистная радость. Лезвие сабли. Только достойный отыщет Чингаз».

Юноша задумался над значением слов, сказанных Чингаз, и так их растолковал: "Коварнейший из коварных" – это значит, что мой спутник человек неверный; "ненавистная радость" – он не хочет нашей радости, старается поссорить нас; "лезвие сабли" – надо наказать его саблей; "только достойный отыщет Чингаз" – Чингаз желает, чтобы я отыскал ее и доказал, что достоин ее».

Вскочил он, выхватил саблю и отрубил человеку колдуньи голову.

Юноша не стал заезжать домой, а сразу же, сев на коня, поехал искать прекрасную Чингаз. Долго ли ехал он – неизвестно, но и на этот раз путь его был очень длинным. Наконец привела его дорога к большой реке. Решил юноша отдохнуть, отпустил коня пастись, присел на берегу реки и видит в воде корягу. И вдруг с высоты камнем упал орел и вцепился в эту корягу когтями, видно, показалось, что это рыба в воде. Пробует орел взлететь и не может – когти крепко застряли в дереве. Юноша подумал: «Я очень голоден, но не умирать же с голоду. Зажарю-ка я его и съем,

хоть на несколько дней заглушу голод». Шагнул он в воду, снял орла с коряги и присел на берегу, а орел заговорил человеческим голосом:

– Не убивай меня. Если ты меня съешь, то все равно не спасешься от голода. Отпусти меня лучше на волю, когда тебе будет трудно, то я пригожусь тебе, я прилечу тебе на помощь.

– Я клянусь, что если бы я знал, что умру с голоду, и то отпустил бы тебя! – воскликнул удивленный юноша, отпустил орла и поехал дальше.

Ехал он вдоль реки, ехал-ехал и видит: на берегу лежит большая рыба, которую выбросило волной на сушу. «Хоть теперь-то я утолю свой голод», – подумал юноша и схватил рыбу. И рыба заговорила человеческим голосом:

– Юноша, если ты не съешь меня, то не умрешь с голоду. Отпусти меня в воду. В нужный для тебя день я сделаю тебе доброе дело.

– Конечно, отпущу, если бы я знал, что умру с голоду, и тогда отпустил бы тебя, – ответил юноша.

Кинул он рыбу в воду, вскочил на коня и поехал своей дорогой. Ехал он, ехал и заехал в большой лес. В лесу он увидел волка, попавшего в яму, ловушку, которую сделали охотники. «Надо убить волка, его мяса мне хватит надолго», – подумал юноша и пошел к волку. И волк заговорил человеческим голосом:

– Юноша, если ты меня не съешь, то не умрешь с голоду. Освободи меня и отпусти. В нужный для тебя день я окажу тебе услугу.

– Конечно, отпущу, если бы я знал, что умру с голоду, и тогда отпустил бы тебя! – ответил юноша, помог волку и отпустил его.

А сам отправился дальше и на краю одного аула увидел реку. Поехав вдоль реки, юноша заехал в аул. Он купил еду у жителей аула и решил остановиться там на три дня и три ночи.

Сидел юноша, отдыхал, и вот он увидел женщину, которая с рассветом приходила и до самого захода солнца носила из реки воду в кувшине. На второй и третий день женщина снова носила воду до захода солнца. Когда она вечером на третий день пришла за водой, юноша спросил:

– Я здесь сижу третий день. И три дня ты с утра до вечера носишь воду. Почему ты носишь так много воды? Куда ты носишь эту воду?

– В нашем ауле живет Черный Хожа, чудище о девяти головах. Через каждые семь дней он выезжает на разбой, губит людей, опустошает аулы. Недавно Хожа привез красивую девушку по имени Чингаз. Девятиглавый Хожа ждет, пока Чингаз подрастет, чтобы сделать ее своей женой. Черный Хожа насильно заставляет меня носить воду, чтобы наполнить яму, где будет купаться Чингаз, – ответила женщина.

– Я пошел бы с тобой, чтобы ты показала мне девятиглавого Хожу, можешь ли ты проводить меня? – спросил юноша.

– Если ты хочешь этого, то сейчас как раз подходящее время. Черный Хожа если уснет в пятницу, то просыпается в следующую пятницу. В другое время, когда он не спит, я не решилась бы тебя повести туда, он убил бы нас обоих. Пойдем, я покажу тебе его, – сказала женщина, набрала воды и вместе с юношей пошла в аул.

Как только юноша показался, Чингаз сразу узнала его, а он узнал ее. И начался у них душевный разговор.

– Как ты очутилась здесь? По своей воле ты пришла или насильно тебя привели? – спросил юноша.

– Черный Хожа насильно меня увез с собою, убив моих семерых братьев. Девятиглавый Хожа и его конь обладают богатырской силой. Они могут делать то, что хотят. Я не могу вырваться отсюда и очень страдаю от того, что не могу ничего сделать.

– Что ты знаешь о силе Черного Хожи и его коня? Если знаешь их секрет, то расскажи мне, – попросил юноша Чингаз.

Чингаз рассказала юноше то, что она знает:

– Он спит от одной пятницы до другой, не просыпаясь. Когда он в пятницу просыпается, то встает и уходит, до следующей пятницы домой не приходит. Его конь обладает большой силой: поднимается до семи небес, опускается до дна седьмой земли и может достичь любого уголка света. И его конь знает человеческий язык.

– Если он не проснется до следующей пятницы, то мы должны убежать, – сказал юноша.

– Сбежав, мы не освободимся. Как только мы отъедем, конь разбудит его, и они поймают нас, – сказала Чингаз.

– Хорошо, – ответил юноша, немного подумав, – пока он спит, я вернусь на берег реки и там спрячусь, когда Черный Хожа проснется, поставь перед ним вкусную еду, притворись, что любишь его, приласкайся и скажи: «О Черный Хожа! Какой сильный и быстрый конь у тебя! Откуда, из какого табуна ты привел его?» Тогда Хожа расскажет тебе, откуда и как он достал такого коня. Потом и я поеду туда и приведу такого же коня. Когда мы уедем на таком коне, то спасемся.

Юноша пошел в лес и там спрятался. Настал день пятницы, и проснулся девятиглавый Черный Хожа, тут Чингаз поставила перед ним вкусную еду, притворилась, что любит его, улыбается и ласково спрашивает у

него, как ее учил юноша, откуда он взял такого богатырского коня. Усомнившись в искренности ее разговора, девятиглавый Хожа сказал Чингаз:

– Эх, видимо, кто-то научил тебя, чтобы ты у меня спросила об этом. Но я не боюсь, что кто-то сможет привести оттуда коня. Поэтому, раз ты просишь, то я расскажу тебе, как я привел богатырского коня. И стал он рассказывать:

– Через семь гор, на восьмой живет одна Жёра-Баба. У нее есть три волшебные кобылицы. Если ты три ночи будешь пасти три кобылицы, и они не пропадут, а утром ты их приведешь, то Жёра-Баба даст тебе жеребенка одной из кобылиц. Жеребенок, рожденный от любой из трех кобылиц, будет как и мой конь, богатырской силы и знать человеческий язык. Этого коня я оттуда привел. Если же человек пас кобылиц три ночи, но не привел их домой утром, то ему отрубают голову и сажают ее на кол. Таких колов, на которых Жёра-Баба сажает головы, у нее шестьдесят три. Из них один кол пока стоит без головы. Вот на него и насадят голову того, кто научил тебя спросить меня об этом, если он туда пойдет. Вот это и скажи ему, – закончил рассказ девятиглавый Черный Хожа, сел на коня и уехал.

Как только девятиглавый Хожа уехал, юноша пришел к Чингаз. Как есть передала Чингаз ему разговор с Черным Хожей.

– Или я добуду чудесного жеребенка, которого родит эта кобылица, или Жёра-Баба насадит мою голову на шестьдесят третий кол, – воскликнул джигит.

Попрощался он с Чингаз, сел на коня, сказал ей: «Без тебя мне не нужен этот свет», – и отправился в путь. Ехал, ехал, одолел семь гор, а на восьмой он увидел башню. Когда стал приближаться к этой башне и въехал в нее, то встретил Жёра-Бабу. Почтительно пожелал он ей доброго дня.

– С добром долго живи и ты, да будет твой путь свободным! По своей ли воле пришел ты? – спросила Жёра-Баба.

– По своей воле я пришел. Я пришел попросить у тебя жеребенка от волшебной кобылы, – сказал юноша, а Жёра-Баба ответила:

– Эх, юноша! Ты такой красивый, статный молодой человек. Ты хочешь погибнуть? Уходи лучше! Ты не сможешь достать здесь жеребенка. И посильнее тебя не смогли достать. Посмотри вон на те колья! На шестидесяти двух – головы людей, которые хотели, но не смогли достать жеребенка. Шестьдесят третий кол без головы, и я боюсь, что твоя голова очутится на нем. Возвращайся лучше домой, – попросила Жёра-Баба юношу.

– Скажи лучше, что я должен сделать, чтобы заиметь жеребенка?

– Три ночи подряд надо пасти трех волшебных кобыл. Ни одна из них не должна пропасть. Каждое утро, как взойдет солнце, их надо пригонять к башне целыми и невредимыми, и получишь первого жеребенка, какой родится. Если не уследишь, потеряешь хоть одну кобылу, то быть твоей круглой голове на шестьдесят третьем колу. Ночи будут очень ненастные: до самого рассвета будет бушевать ураган, не переставая лить дождь, бить град, грохотать небеса и содрогаться горы, стоит тебе моргнуть, и кобылы исчезнут. И я вынуждена буду отрубить тебе голову. Одумался бы ты, пока еще не поздно.

– Нет-нет. Я не поеду домой. Или я заберу жеребенка, или умру, – сказал юноша и погнал трех волшебных кобыл в ту сторону, куда показала Жёра-Баба, на ровную поляну в лесу, там кобылы паслись, а юноша сидел и не сводил с них глаз.

В полночь поднялся ветер, пошел проливной дождь, посыпался град, загрохотали небеса, стали содрогаться горы. Ночь была на удивление страшной. Но юноша сидит не шелохнется и не сводит глаз с кобыл.

– Ассалам алейкум! – раздалось вдруг за его спиною.

Юноша обернулся – никого. И в тот миг, когда он оглянулся на голос, кобыл не стало. Он туда, он сюда – нет их нигде. Весь лес осмотрел, запыхался, измучился и присел под дерево, вдруг откуда ни возьмись на дерево опустился орел, которого он освободил и отпустил. Орел сказал:

– Узнаешь ты меня, юноша?

– Таких орлов, как ты, на свете много, как я могу тебя узнать? – ответил юноша.

– Я тот самый орел, которого ты спас когда-то, когда я вцепился в корягу, и отпустил. Я узнал, что у тебя неприятности, и прилетел, чтобы тебе помочь. Расскажи о своей беде. Какая помощь тебе нужна?

Юноша рассказал ему все, что с ним было.

– Жди меня и не скучай, я скоро вернусь, – проговорил орел и исчез.

Облетел он весь свет, осмотрел семь небес, кобыл не нашел, спустился в семь подземелий, но и там кобыл не нашел. Во все уголки заглянул – не нашел. Еще раз решил напоследок подняться в небесную высь и там увидел трех кобыл, которые паслись. Стал орел погонять их большими своими крыльями, пригнал к юноше и сказал:

– Юноша, тот, кто не знает, что ему сделали добро, тот не узнает, если ему сделают зло. Я не забыл добро, которое ты для меня сделал. До свидания. Пусть будет тебе удача! – и улетел.

С восходом солнца юноша пригнал к башне трех кобыл.

Жёра-Баба сказала:

– Трудно ли было тебе, легко ли – не знаю, но в первую ночь кобыл ты уберег. На этих кольях есть головы и тех, кто, как и ты, одну ночь смог сберечь кобылиц. Но ждут тебя еще две ночи, потруднее первой. Будь осторожен, мне не хотелось бы тебя убивать, мне жаль твою красивую голову. Будь осторожен!

На вторую ночь юноша опять погнал волшебных кобыл в лес, сел их пасти и думает: сегодня я не поддамся никакому обману. Страшнее, чем прежняя ночь, пришла эта ночь.

– Ассалам алейкум! – приветствовал кто-то сзади юношу.

– Теперь-то меня не обманешь, – сказал юноша и не стал оборачиваться, а только чуть-чуть посмотрел в сторону. Но и этого было достаточно, чтобы кобылы мгновенно исчезли. Он бросился туда, сюда, но не нашел кобылиц. Устал, измучился юноша и присел отдохнуть на берегу реки, потеряв надежду на то, что найдет кобылиц. Вдруг из воды высунулась рыба:

– Узнаешь меня, юноша?

– В воде так много рыб, как я могу узнать тебя?

– А я та самая, которой ты не дал задохнуться на берегу, бросил в воду и спас от смерти. Какая беда приключилась с тобой, какая помощь тебе нужна от меня?

Юноша рассказал ей, что с ним случилось, что исчезли кобылы, и попросил, чтобы она помогла их найти.

– О юноша, не уходи отсюда, оставайся у берега реки. Если в реках, морях они скрылись, то я найду и приведу к тебе твоих кобылиц, – сказала рыба и скрылась в воде.

Осмотрела она все на свете реки, но кобыл не нашла. Обыскала семь морей, но кобыл не повстречала. Решила посмотреть в Апказ-море, которое омывает весь свет, но и там не нашла кобылиц. Потом снова опустилась на самое дно Апказ-моря и там в песках увидела спящих кобылиц. Принялась рыба погонять их хвостом да плавниками, пока не пригнала к юноше.

– Юноша, вот твои кобылы! За добро надо платить добром. Я не забыла то добро, что ты сделал для меня. До свидания. Пусть будет тебе удача! – сказала рыба и уплыла.

Когда прошла ночь, стало светать и взошло солнце, юноша пригнал трех волшебных кобыл к башне. Жёра-Баба сказала:

– Юноша, те, кто до тебя приходил пасти кобылиц, смогли их удержать только одну ночь. Ты удержал этих кобыл две ночи подряд. Я надеюсь, что и на третью ночь ты не упустишь кобыл. Сегодня будь особенно внимательным, не допусти оплошности. Я не хочу тебя убивать. Сегодняшняя ночь будет страшнее двух предыдущих.

В третью ночь юноша погнал кобылиц пастись, как и раньше, в то же место, что и в первые две ночи, и сел их сторожить.

В полночь на землю обрушился ветер невиданной силы, дождь хлынул, поднялась вьюга, пошел град, земля тряслась, грохотало небо. «Сегодня-то я не позволю себя обмануть приветствием», – думал он и как можно внимательнее смотрел на кобылиц, но вдруг сзади кто-то сказал:

– Ассалам алейкум!

Юноша моргнул от неожиданности, и кобылы бесследно исчезли. Он искал их до изнеможения и, потеряв надежду на то, что найдет кобылиц, сел посреди леса отдохнуть, вдруг откуда ни возьмись как появился перед ним волк:

– Узнаешь меня? – спросил он.

– Сколько волков в лесу, как же я могу среди них узнать тебя? – спорсил юноша волка.

– А я тот волк, которого ты вытащил из ямы, которую вырыли охотники, и отпустил. Я знаю, что у тебя случилась беда. Расскажи мне, что тебе нужно от меня? – спросил волк.

– В такое тяжелое положение, как сейчас, я никогда не попадал. Я пас кобылиц, и они бесследно исчезли. Большей помощи, чем найти их, ты не можешь мне оказать! – сказал юноша волку.

– Не уходи никуда отсюда. Я приведу твоих кобылиц, если они есть на этом свете, – сказал волк и помчался искать кобылиц.

Искал он кобылиц на всем белом свете – не нашел. Наконец потерял он надежду на то, что найдет кобылиц, и пошел волк на край света на большую гору, что за седьмой горой, и нашел кобылиц на самой высокой вершине, они там паслись. Волк страшно выл, взвизгивал, пугал кобылиц, пригнал их к юноше и сказал:

– Юноша, я не забываю ни хорошее, ни плохое, что мне сделали. Сделанное добро и зло нужно знать, до свидания, – и скрылся в лесу.

Как только взошло солнце, юноша погнал волшебных кобыл во двор Жёра-Бабы. Жёра-Баба встретила его такими словами:

– Юноша, сейчас вот эта кобылица, что стоит здесь, принесет жеребенка. Как только она ожеребится, начнут сбегаться муравьи, как горы,

чтобы съесть жеребенка. Если ты сможешь отнять его у муравьев, то жеребенок твой, я отдам его тебе. Но если ты не сможешь это сделать, то останешься без жеребенка.

Когда жеребенок родился, поползли к нему с четырех сторон муравьи величиной с гору, чтобы съесть жеребенка. Выхватил юноша из ножен саблю, стал их рубить, оберегая жеребенка, чтобы его не съели, перебил он всех муравьев и сел на него верхом. Почуяв на себе всадника, жеребенок вскочил и поднялся на седьмое небо, опустился до седьмой земли, облетел все четыре стороны света, но юноша не свалился с его спины. Прискакал жеребенок, встал рядом с матерью, встряхнулся:

– Ты все еще на мне, песчинка, Тут-мут? – сказал он.

Ударил жеребенка плетью юноша и ответил:

– А ты еще подо мной, мешок с костями?

Второй раз помчался жеребенок, побывал в самых трудных местах, проскочил все места, прискакал, встал рядом с матерью, встряхнулся:

– Ты все еще на мне, песчинка, Тут-мут? – сказал он.

Юноша крепко ударил его кнутом и сказал:

– Ты еще подо мной, мешок с костями?

В третий раз поскакал жеребенок, через все трудные места проскочил, взлетел в поднебесье, оттуда бросился вниз, встал рядом со своей матерью, встряхнулся:

– Ты все еще на мне, песчинка, Тут-мут? – спросил жеребенок юношу.

А юноша опять ударил его кнутом и спросил:

– Ты еще подо мной, мешок с костями?

Потеряв надежду на победу, жеребенок сказал юноше:

– Юноша, я убедился, что ты достойный наездник, отныне ты мой хозяин, а я твой конь. Нет ничего на этом большом свете, чего бы мы не смогли сделать: на небе, на земле, в горах, на море. А теперь я три раза попью молока у матери. Потом мы с тобой поедем туда, куда ты захочешь.

После того как жеребенок еще три раза попил материнского молока, юноша попрощался с Жёра-Бабой и тронулся в путь.

– Куда мы едем? – спросил конь у юноши.

Юноша рассказал как есть о деле, с которым они выехали:

– Сейчас мы поедем к Черному Хоже, чтобы выкрасть девушку по имени Чингаз, – сказал он.

Услышав эти слова, конь, который резвился всю дорогу, после того, как юноша рассказал о деле, притих, загрустил. Юноша заметил это и спрашивает:

– Что случилось с тобой? Пока я не рассказал, куда мы едем, ты был веселый, резвился, говорил, что нет ничего, чего бы мы не смогли сделать, а теперь приуныл. О чем ты задумался?

– Тот хороший конь, про которого ты говоришь, что он конь девятиглавого Хожи, это мой брат, рожденный моей матерью. У него больше силы, чем у меня. Я печалюсь потому, что думаю, нам не удастся от него сбежать.

– Сможем ли мы или не сможем ускакать от девятиглавого Хожи и его коня, и даже если они нас убьют, все равно мы должны украсть Чингаз, – сказал юноша.

И поскакали они к девятиглавому Хоже, чтобы увезти Чингаз. Когда они приехали, девятиглавый Хожа спал. Не зная, что произошло с юношей, Чингаз грустила, ждала его у окна и плакала. А конь Хожи бил копытом, грыз запор на двери конюшни и все выглядывал в щель.

Как только юноша приехал, девушка выскочила из башни, села за ним на жеребенка и сказала:

– Теперь пусти коня, юноша, как можно быстрее, пока Хожа не проснулся, мы должны отъехать как можно дальше.

Юноша пришпорил коня, и они полетели быстрее ветра. Но конь Черного Хожи, который смотрел из конюшни, видел, как юноша посадил сзади себя Чингаз и увез. Он выломал железные запоры, выскочил и, ударив копытом по каждой из девяти голов, разбудил Хожу. После того, как его разбудили, Черный Хожа удивленно спросил у коня:

– Такого еще не было! Зачем ты разбудил меня?

– Скорее садись на меня, только что один юноша увез Чингаз, – сказал конь.

– Поев или не поев поскачем мы? – спросил Хожа у коня.

– И поев не успеем, и не поев не успеем, потому что жеребенок тот – мой брат, от одной мы матери, его нам не догнать, у него больше силы, чем у меня.

Разозлился Черный Хожа, схватил свою с девятью отметинами булаву и вогнал в землю на пятнадцать локтей, вскочил в седло и пустился в погоню, не переставая бить коня булавой.

Стал настигать жеребенка конь Черного Хожи, потому что был старше и сильнее его. Когда он очутился на расстоянии, чтобы услышать его, то конь Хожи крикнул:

– Подожди, мы ведь братья, лежали в утробе одной матери, пожалей меня, брат. Если я тебя не догоню, то девятиглавый Хожа до смерти забьет меня своей булавой с девятью отметинами.

Заржал жеребенок юноши и ответил:

– Я не могу позволить, чтобы жестокий Хожа убил моего хозяина. Это очень хороший человек. Притворись, что испугался, отскочи в сторону, сбрось с себя эту нечисть, догони меня, и мы вместе поскачем. Мой хозяин очень добрый, он не будет тебя мучить.

Заржал конь Хожи и сказал:

– Если я без причины на то испугаюсь, он разозлится и убьет меня. Скажи своем хозяину, чтобы он уронил свою бурку. Тогда будет так, будто я ее испугался и отпрянул в сторону, я его сброшу с себя, догоню тебя и поскачу с тобой туда, куда ты скачешь.

Ни девятиглавый Хожа, ни юноша не знали, о чем переговаривались кони.

Жеребенок, на котором был юноша, на человеческом языке рассказал ему, о чем он и его брат, конь Хожи, говорили друг другу. Юноша на полном скаку уронил свою бурку на дорогу.

Как только конь Хожи доскакал до бурки, он внезапно, как будто молнией его ударило, шарахнулся в сторону и сбросил с себя девятиглавого Черного Хожу. Семь голов Хожи, ударившись о камни, разбились в дребезги. Две головы остались живы. Оставшиеся в живых головы Хожи сказали коню:

– Ты меня предал. Моему одному телу хватит и двух голов. Если я от ран поправлюсь, то первое, что сделаю, – убью тебя. Где бы ты ни был, я найду тебя! Ты не уйдешь от меня!

Когда Хожа так сказал ему, рассердился конь, развернулся и бросился на него, передними копытами размозжил, растоптал оставшиеся его две головы. Убил конь Хожу, помчался он вперед, догнал своего брата и сказал:

– Я убил девятиглавого Хожу. Теперь на этом свете мы будем жить так, как хотим. Иди сюда, юноша, вместе с Чингаз, садитесь оба на меня. Мой брат молод еще, пусть отдохнет. Он еще жеребенок, устал, наверное, от такой скачки.

Сели Чингаз и юноша на бывшего коня Хожи и поскакали домой, а жеребенок бежал сзади и резвился.

Прошло много времени с тех пор, как единственный их сын уехал, и родители часто выходили за ворота и смотрели на дорогу. Они сильно беспокоились и ждали его возвращения. Как только они увидели сына, который ехал домой, мать бросилась навстречу, обняла его и Чингаз, поприветствовала их, прослезилась и завела свою невестку в дом. Отец взял коней, на которых они вернулись, и отпустил их.

Слух о том, что юноша вернулся домой вместе с Чингаз, о красоте которой рассказывали в сказках, быстро распространился по всему аулу.

Прослышала об этом их соседка, злая колдунья и сильно разозлилась. Пришла она к юноше и спрашивает:

– Что случилось с твоим спутником?

– Он едет, вот-вот будет дома. Он оставил завещание, чтобы ты пришла к нему на встречу. Он очень хотел тебя видеть. Я отправлю тебя на встречу с ним за ту услугу, которую ты мне оказала. Человек должен знать, что ему сделали: и хорошее, и плохое. На добро добром отвечают. На зло – злом отвечают, – сказал юноша, вытащил саблю и отрубил голову колдунье за все то, что она ему сделала.

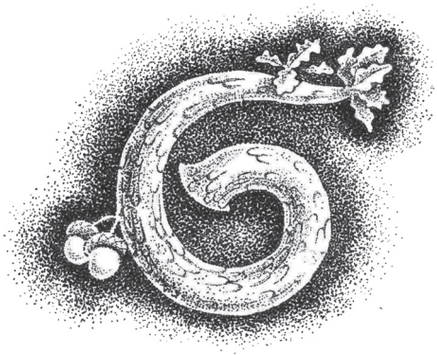
Родители юноши собрали людей со своего и окрестных аулов, из мяса семи коров и семи быков приготовили угощение и семь дней и семь ночей веселились.

И если рождался сын в семье Чингаз и юноши, то о его заслугах говорили по всей стране, а если дочь рождалась, то о ее красоте по всей стране говорили, и сейчас, говорят, живут они в согласии и любви.

Чтобы им ничего не досталось, а нам баран да козел.

Кувшин-башня

ыло это или не было – никто не знает.

В прежние времена один старик, говорят, ехал на телеге с базара домой. Он аккуратно сложил купленные подарки в телегу, а сверху положил медный кувшин. День клонился к вечеру. Старик хлестнул коня, телега тронулась, покачнулась, и медный кувшин, который лежал сверху, медленно сполз и упал. Старик уехал, ничего не заметив, а кувшин так и остался лежать на обочине дороги.

– Что это с грохотом ударилось о мой дом? – забеспокоился муравей и выскочил наружу.

Выскочив, он увидел медный кувшин.

– Ой-е-ей! – стал кругами ходить муравей. – Какая красивая эта башня! Надо мне из нее себе дом сделать!

И сразу же муравей принялся обустраивать свой новый дом. Он собирал мелкие камешки и подкладывал под кувшин, чтобы он не качался. Уставший, но довольный своей работой, муравей присел отдохнуть.

Недалеко от него дремала на теплом от солнца камне ящерица. Она проснулась и увидела кувшин-башню, которую никогда раньше здесь не видела.

– О-о-о! Какая красивая эта башня! Посмотрю-ка я, живет там кто-нибудь или нет! – сказала ящерица и побежала к кувшину-башне.

– Эй, кто-нибудь живет в кувшине-башне?! – крикнула ящерица.

Неподалеку сидевший муравей закрыл уши и сказал:

– Ну что ты так кричишь?! Я живу в кувшине-башне. Заходи, будем вместе жить.

Жили они вдвоем в дружбе и согласии, и так прошло мало или много времени.

Однажды скакала мимо лягушка и увидела кувшин-башню, которую она здесь никогда не видела.

– Ква-ква, ква-ква-ква! Какая красивая эта башня! Надо посмотреть, живет ли в ней кто-нибудь! – проквакала лягушка и прыгнула в ту сторону, где лежал кувшин-башня.

– Эй, кто-нибудь живет в кувшине-башне?! – крикнула лягушка.

Быстро выскочил муравей. За ним показалась ящерица.

– Ну что ты кричишь! Я, муравей, живу здесь, – сказал муравей.

– Я, ящерица, тоже живу здесь, – сказала ящерица. – Заходи, будем вместе жить.

Заскочила лягушка внутрь.

Жили они втроем в дружбе и согласии, и так прошло много или мало времени.

Однажды бегущий по своим делам ежик увидел кувшин-башню, которую он здесь никогда не видел.

– Ой-е-ей! Это что за большущая башня? Надо заглянуть узнать, кто-нибудь там живет или нет, – сказал ежик и побежал к кувшину-башне.

– Эй, кто-нибудь живет в кувшине-башне?! – крикнул ежик.

Быстро выскочил муравей. За ним показалась ящерица, потом выпрыгнула лягушка.

– Ну что ты так кричишь! Я, муравей, живу здесь, – сказал муравей.

– Я, ящерица, живу здесь, – сказала ящерица.

– Ква-ква! Ква-ква-ква! Я, лягушка, живу здесь, входи, вместе будем жить! – пригласила его лягушка.

Сбросив с себя яблоко, ежик вошел.

Лягушка, ящерица и муравей покатили яблоко в кувшин-башню. Много или мало времени прошло, как они вчетвером жили в дружбе и согласии.

Однажды белка, которая собирала на дереве орехи, посмотрела вниз и увидела кувшин-башню, которую она здесь никогда не видела.

– Ой! – удивилась белка. Что это за удивительное дело?! Откуда здесь взялась эта башня? Надо посмотреть, живет ли в ней кто-нибудь, – сказала белка и быстро спустилась вниз.

– Эй, кто-нибудь живет в кувшине-башне?! – крикнула белка.

Быстро выскочил муравей. Вслед за ним показалась ящерица, потом прискакала лягушка. Медленно, поглядывая по сторонам, осторожно вышел и ежик.

– Ну что ты так кричишь! Я, муравей, живу здесь, – сказал муравей.

– Я, ящерица, живу здесь, – сказала ящерица.

– Ква-ква! Ква-ква-ква! Я, лягушка, живу здесь, – проквакала лягушка.

– Я, ежик, живу здесь, – степенно сказал еж. – И тебе найдется место, заходи, будем все вместе жить!

Положив орешки, белка заскочила внутрь. Ежик, лягушка, ящерица и муравей схватили орешки и занесли их в кувшин.

Жили они в согласии. Ежик охранял кувшин-башню. Ящерица подметала, чистоту наводила. Лягушка еду готовила. А муравей и белка с утра до вечера искали еду. Вечером все собирались вместе, ели, пели песни, отдыхали.

В лесу быстро распространяется новость. И лиса узнала, что в кувшине-башне живут муравей, ящерица, лягушка, ежик и белка.

– Ах, как хорошо то, что легко достается! Надо попробовать их на вкус! – проговорила лиса, облизнулась и стала подкрадываться к кувшину-башне.

Охраняя башню, ежик кружил вокруг нее, внимательно смотря по сторонам. А из кувшина-башни шел вкусный запах – это лягушка пекла лепешку с творогом – чепалгаш. Потеряв всякое терпение, лиса подошла к башне. Как только она появилась рядом с башней, ежик напыжился, растопырил все свои иголки, свернулся в клубок и бросился лисе под ноги.

– Тебя-то я не боюсь, уйди с моей дороги, – сказала лиса и хотела войти внутрь.

Ежик катался из стороны в сторону и не впускал ее. Услышав шум, выскочила ящерица. Увидев лису, она начала путаться у нее в ногах и мешать ей. Лиса подняла лапу и хотела стряхнуть ящерицу, но она крепко уцепилась за нее.

В то время как еж и ящерица оказывали сопротивление лисе, их увидела белка, которая на дереве собирала орешки. Она сбежала вниз по дереву и стала бросать в лису орешки.

Тут и муравей подоспел. Увидел он своих друзей, которые сцепились с лисой, побежал что есть сил, ухватился за хвост, пробежал до мордочки и схватил ее за нос.

Закричала-завизжала лиса. Не дают ей друзья подобраться к кувшину. Видит лиса, что нечего делать, потихоньку-потихоньку стала пятиться назад, отошла подальше и пустилась бежать прочь.

Одолели друзья лису, потому что были вместе.

В это время вышла лягушка:

– Что вы так задержались. Чепалгаши давно готовы. Заходите, будем ужинать, – позвала она всех.

Помыли они лапки и морды, сели есть чепалгаши и пить чай. Они и меня позвали, и я ел с ними чепалгаши и пил чай.

И сейчас в дружбе и согласии живут в своем кувшине-башне муравей, ящерица, лягушка, ежик и белка.

На этом моя сказка закончилась, им ничего, а нам белый козел.

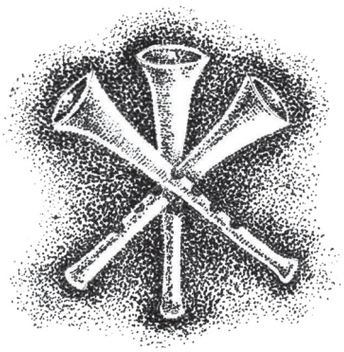

Каким тебя видят – таким ты кажешься,
каким кажешься – таким и считают.

ШАПСУГСКИЕ СКАЗКИ

Царь Шхарпас и девушка

ил царь Шхарпас.

Как-то поздно ночью он вышел во двор и увидел, что в одном ауле в доме горит лампа.

– Что эти люди делают в такой час? – подумал он.

– Пойди и узнай, что делают в этом доме, – приказал Шхарпас своему слуге-унеуту.

Унеут пошел. Он подкрался к самому окну. В этом доме жили три сестры. У них не было никого родных. Унеут стал слушать, о чем говорят девушки. Самая старшая сестра сказала:

– Если бы я работала у царя Шхарпаса, стирала ему белье и готовила обед, то я никогда не была бы голодная.

Средняя сестра вздохнула и сказала:

– Если бы я не то что царю, а его слуге могла бы стирать и латать белье, то я тоже никогда не была бы голодная.

Самая младшая ничего не сказала.

– Почему ты молчишь, Даханеф? – спросили ее сестры.

Тогда заговорила Даханеф:

– То, что я скажу, будет от чистого сердца. Я не только стирать и готовить царю не хочу, но если бы Шхарпас осыпал золотом и захотел, чтобы я пошла к нему в жены, я все равно не пошла бы. Пусть он ест навоз, презренный.

Унеут очень удивился разговору девушек. Он пошел к царю Шхарпасу и рассказал ему все, что слышал в эту ночь.

Царь рассвирепел как дикий кабан от слов, которые сказала о нем Даханеф.

– Сейчас же приведи сюда всех трех сестер, – закричал он своему унеуту.

Слуги Шхарпаса бросились исполнять его приказ, схватили девушек и привели к царю.

– Что ты сказала обо мне в эту ночь? – спросил царь Шхарпас у старшей сестры.

Старшая сестра ответила:

– Я сказала, что если бы я смогла стирать твою одежду и готовить тебе обед, то никогда не была бы голодная.

– Дать ей эту работу, – приказал царь Шхарпас.

– Ну а ты что говорила? – спросил он среднюю сестру.

– Я сказала, что если бы я смогла стирать и латать одежду хотя бы твоего слуги, то тоже никогда бы не была голодная.

– Дать и ей эту работу, – приказал Шхарпас.

Когда подошла очередь отвечать Даханеф, царь Шхарпас посмотрел на нее злым взглядом.

– Что ты сказала в эту ночь? – спросил он Даханеф.

Царь Шхарпас думал, что Даханеф испугается и не скажет правды. Но Даханеф не испугалась. Она с презрением посмотрела на царя Шхарпаса и ответила:

– Я сказала, что не только твою одежду стирать и готовить тебе обед не хочу, но если бы даже ты захотел, чтобы я стала твоей женой, осыпал бы меня золотом, то я не вышла бы за тебя замуж. Еще сказала, чтобы ты, презренный, питался навозом. Я буду лучше голодная, но не соглашусь работать на тебя.

Заскрипел зубами от злости царь Шхарпас.

– Выслать ее из моих владений в глухие леса! – закричал он слугам.

Девушку схватили, посадили на подводу, увезли далеко в глухой лес и там бросили.

Страшно оставаться в глухом лесу одной. Но Даханеф была смелая девушка. Она выбрала себе кизиловую палку и пошла в ту сторону, откуда восходит солнце.

Долго шла Даханеф. Одежда ее превратилась в лохмотья. Силы стали покидать ее. Питалась она дикими грушами и яблоками.

«Неужели я умру здесь?» – подумала Даханеф. Она собрала последние силы и взобралась на высокое дерево. Недалеко в стороне она увидела дым. Очень обрадовалась этому Даханеф. Быстро слезла с дерева и пошла дальше. Скоро она увидела старика и старуху, которые на склоне горы пахали землю.

– Селям алейкум, – сказала Даханеф.

– Алейкум селям, красавица, – приветливо ответили старики. – Кто ты и откуда идешь?

– Я Даханеф, дочь бедного шапсуга, который давно умер. У меня нет родных, и я прошу вас принять меня в свою семью, как родную дочь, – тихо сказала Даханеф.

Очень обрадовались старики словам, которые произнесла Даханеф. У них не было детей. Они повели Даханеф в свой дом, накормили и уложили спать на лучшую постель.

Утром все трое пошли пахать землю. Старуха водила быков, а Даханеф собирала камни и пеньки. Но ей показалось, что водить быков тяжелей, чем собирать камни и пеньки.

– Нана, – сказала Даханеф, – дай я буду водить быков.

Старуха отдала ей налыгач[1], а сама стала собирать камни и пеньки. Но Даханеф ошиблась, для старухи было тяжелее собирать камни. Это увидела Даханеф и сейчас же отдала налыгач старухе, а сама принялась выбрасывать с поля камни и пеньки.

Перевернула Даханеф один камень и видит: в земле вырыта небольшая яма, а на дне стоит кувшин, наполненный золотом. «Это хорошо», – подумала Даханеф. Она положила камень на место и продолжала свою работу. Под другим пеньком она увидела еще кувшин с золотом. Даханеф решила не говорить пока старикам о находке, а вечером, когда закончили работать, насыпала полный карман золота, остальное прикрыла, как было раньше, и пошла вместе со стариками домой. В этот день они закончили пахоту.

На другой день утром Даханеф пришла к старику и говорит:

– Отец, у нас скоро в доме не на чем будет сидеть, видишь, у скамейки-пхантаку обломаны ножки, стол тоже скоро упадет. Да и от посуды почти одни черепки остались. Поедем с тобой и купим все новое. Я хочу, чтобы у нас все: посуда, постель и все домашние вещи были новые и красивые.

Засмеялся старик:

– Эх, дочь моя, если бы у меня были деньги, я давно бы все купил себе. Но я бедный человек и не могу сделать этого.

– Неважно, я найду денег, – отвечала ему Даханеф. Старик хоть и не поверил ей, но он так любил ее, что не хотел огорчать своим отказом.

Собрались они. Старик запряг быков, и поехали за покупками.

Старуха тоже не верила словам своей дочери. Но когда прошло времени столько, чтобы солнце поднялось и опустилось три раза, во двор

[1] *Ремень или веревка, надеваемая на рога запряженных быков и служащая поводом.*

въехала подвода, нагруженная разными дорогими вещами и одеждой.

Никогда не жили так хорошо старики до прихода к ним Даханеф. Но никто не знал, что девушка нашла золото. Так прошло некоторое время, и Даханеф снова стала просить старика:

– Отец, разреши мне построить дом на том месте, где расходятся семь дорог.

А старик смеется:

– Ты удивляешь меня, Даханеф. Новый дом построить, это значит нужно иметь много денег, да и как я разрешу тебе строить дом, когда мне на это не дано права? Хозяин земли – помещик, и если он разрешит, то строй дом, я только буду радоваться.

Даханеф была девушка настойчивая. Она добилась разрешения и построила дом там, где расходятся семь дорог. Она знала, в каком красивом доме живет царь Шхарпас, и свой дом выстроила еще красивее. На каждой из семи дорог Даханеф поставила часовых и дала такой приказ:

– Все, кто проходит или проезжает по семи дорогам, должен зайти в мой дом и поесть. За это ничего не брать. Но кто откажется от еды, тот не может продолжать своего пути, пока не выполнит обычая моего дома.

Слава о Даханеф, ее красоте и обычае облетели всю землю. Узнал об этом и царь Шхарпас, но кто эта девушка, он не знал. Шхарпас переоделся в простую одежду, взял с собой двух друзей, и поехали все трое проверить, кто осмелился выстроить дом красивее, чем у царя Шхарпаса, и завести обычай, который пришелся по сердцу всем людям.

После десятидневного пути они подъехали к месту, где расходятся семь дорог.

– Остановитесь, – приказал им часовой. – Сойдите с коней. Войдите в дом и подкрепите свои силы. Такой обычай у Даханеф, и вы не должны его нарушать.

– У нас нет времени, чтобы терять его на еду в этом доме. Мы спешим по делу, – сказал царь Шхарпас.

– Как хотите, но путь продолжать вы не сможете.

Делать нечего. Надо идти в дом, и царь Шхарпас с друзьями пошли.

Даханеф в окно увидела Шхарпаса и сразу узнала его. Она сказала своей подруге:

– Когда войдут в комнату эти три человека, ты выйди в коридор и закричи: «Даханеф, скорее иди сюда, я вижу что-то очень интересное! Иди же скорее!»

Шхарпас вошел в комнату, где была Даханеф.

Никогда и нигде не встречал Шхарпас такой красивой женщины,

какой была Даханеф. Шхарпас хотел подойти ближе к Даханеф, но в это время ее подруга вышла в коридор и закричала:

– Даханеф, скорее иди сюда! Я вижу что-то очень интересное!

Даханеф сразу не пошла, а стала искать свои туфли. Шхарпас хотел услужить Даханеф. Он взял из-под кровати ее золотые туфли и поставил перед девушкой.

Тогда Даханеф сказала:

– Ты – царь Шхарпас, я сразу узнала тебя. Ты забыл, что выслал меня из своих владений, а теперь подаешь мне туфли.

Шхарпасу стало стыдно перед друзьями. Он вышел из дома Даханеф и уехал домой. Никогда таким злым не был Шхарпас, но все же ему очень захотелось, чтобы Даханеф стала его женой.

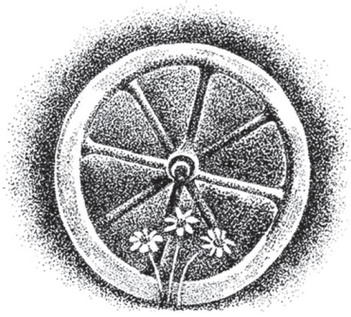
Он оделся в дорогую царскую одежду, набрал подарков для Даханеф и поехал ее сватать.

– Ты выслал меня, бедную девушку, в глухой лес, я тебе этого не прощаю и быть твоей женой не хочу, лучше уходи домой, – сказала ему Даханеф.

Царю Шхарпасу было делать нечего, и он ушел домой, а Даханеф осталась жить в своем доме и живет до сих пор счастливо.

Приключения молодого пши

дин молодой князь – пши – охотился со своими дворянами – уорками. Встретили они в лесу одного джигита, который тоже стал охотиться вместе с ними.

Однажды кто-то из уорков убил сороку. Среди охотников возник спор, есть ли на свете девушка, у которой тело такое же белое, как белые перья сороки, а волосы – черные, как ее черные перья. Одни говорили, что есть, другие утверждали, что нет. Все это время гость-джигит молчал. Молодой пши спросил:

– Почему, наш гость, ты не принимаешь участия в нашем споре? Как ты думаешь, есть ли такая девушка?

Гость не хотел отвечать, но от него не отступались, и он сказал:

– Не знаю, достанется ли она молодому пши, сумеет ли он найти ее, но такая девушка на свете есть.

На этом спор был окончен, и на другое утро незнакомец уехал.

Пши сказал своим спутникам.

– Вы поезжайте домой и сделайте с добычей то же, что и раньше. Я отправлюсь искать эту девушку и не вернусь, пока не найду ее. Если такая девушка на свете есть, я обязательно женюсь на ней.

Спутники сказали, что они не поедут домой без него. Но пши убедил их, что их кони измучены и не вынесут долгой дороги. Да и сами они притомились. Но и после таких слов спутники не послушали пши и поехали вместе с ним.

Ехали они долго и одолели большое расстояние. У них кончились припасы, их кони устали и едва несли седоков. Уорки то отставали, то отъезжали в сторону и о чем-то шептались.

– Возвращайтесь, вы не сможете ехать дальше, – сказал тогда пши.

Уехали уорки, а с молодым пши остался один его воспитатель – аталык.

Говорят, что не было на свете более искусного мастера игры на апепшине[1], чем этот пши.

Долго ездил пши вместе с аталыком, и кончились все их припасы. Выбиваясь из последних сил, добрались они до какого-то леса. Здесь они остановились, достали свои боевые топоры – маитэ – и поставили шалаш. Потом зарезали коня, на котором ехал аталык, и засушили мясо.

– Проголодаешься – ешь конское мясо. Хорошо, если я вернусь живым, не вернусь – тоже ничего, – сказал пши и уехал.

Аталык остался ждать его.

Долго ехал пши, ничего не встречая на своем пути. Но вдруг он заметил какую-то кошару. И конь, и всадник очень устали: конь едва передвигал ноги, а молодой пши с трудом держался в седле.

«Лишь бы добраться до этой кошары», – подумал пши, но тут же потерял сознание и упал с коня. Упал и конь. Увидел их один из чабанов и побежал к старшему чабану. Тот велел взять арбу и привезти незнакомца на кошару. Пши так долго ездил, не сходя с коня, что седло приросло к спине коня и его с трудом сняли.

Выхаживали их больше месяца. Только через месяц и пши, и его конь пришли в себя, окрепли, набрались сил. Когда пши стал ходить, старик чабан сказал ему:

– Наш гость, у нас кончились припасы, и наши чабаны должны поехать в аул. Мне нужно пойти пасти овец. Не обижайся и не обессудь за то, что оставлю тебя одного.

– Очень хорошо, не сидеть же вам без провизии. Нужно и тебе заниматься своими делами! – сказал гость.

Утром старик пошел пасти овец, но все время думал о том, что нарушил обычай – оставил гостя одного. И он решил все-таки вернуться к гостю. Подъехав к кошаре, он увидел, что гость достал свой маитэ, срубил дерево и сделал из него апепшине. Он стал играть на ней. Старик, зачарованный его игрой, долго стоял молча. Наконец, пши увидел его.

– А что ты так быстро вернулся, хозяин? – спросил он старика.

– Опозорились мы перед тобой, наш гость, – сказал пастух. – Негоже адыгу оставлять своего гостя без хагрея[2]. Лучше умереть без пищи, чем оставить гостя одного.

– Тогда и я поеду с вами! – сказал пши. Но старик оставил с гостем одного из пастухов, остальные отправились за провизией.

Вскоре еще больше окрепли всадник и конь. Они почувствовали прежнюю силу, и пришла пора отправляться им в путь.

---

[1] *Струнный музыкальный инструмент.*

[2] *Спутник богатыря, прислуживающий ему*

– Большое спасибо за все, что вы сделали для нас, – сказал пши старику. – Мне предстоит большое дело, я теперь хочу отправиться в путь.

И он рассказал старику о цели своей поездки. Выслушав юношу, старик сказал:

– Пусть Тха[1] накажет того, кто открыл тебе это! Нет такой девушки на свете, и тебе лучше вернуться домой.

– Нет, почтенный, может быть, ты просто не слышал о ней, но такая девушка на свете есть. Пока не найду ее, не вернусь обратно, – решительно сказал молодой пши.

– Ты твердо решил ехать?

– Твердо.

– Тогда я скажу тебе, что такая девушка на свете есть, и ты почти близок к цели. Она живет в нашем ауле, но здесь нет человека, который мог бы стать тебе помощником. Все славные джигиты погибли из-за нее.

– Пусть и я погибну, но поеду к ней! – оказал пши.

– Если решил ехать к ней, то делай то, что я скажу. Возьми вот это апешшине и поезжай через аул, играя на ней. Все аульчане пойдут за тобой. Красавица никогда не слышала ничего подобного. Когда дойдешь до двора, где девушка сидит на возвышении – шагиндаке, смело заезжай туда. Тебя встретят приветливо. Принесут тебе столик – анэ, угостят. После того как анэ унесут, из большого дома выйдет старик с большой серебряной палкой. Он будет кричать и возмущаться, что кто-то посмел зайти в его двор без разрешения. Ты все это время сиди молча, не говори ни слова. Так он будет приходить трижды, но ты все время молчи.

Когда он придет в четвертый раз, то уже спокойно, без шума, поздоровается с тобой, разузнает о цели путешествия, а затем попросит твоего коня. Конь ему не нужен – он выкупает его, продержит пятнадцать дней голодным и вернет. В ту ночь, когда он вернет тебе коня, ты сними с себя одежду и оружие, но не ложись спать. Он заставит всех своих сыновей проскакать на твоем коне, – сказал старик.

Молодой пши поехал прямо к девушке и сделал все так, как сказал старик чабан. В ту ночь, когда ему вернули коня, он не спал ни минуты.

Утром какой-то человек проехал мимо дома на красивом гнедом коне. Старик чабан заранее предупредил пши, что это будет колдун, от руки которого он может погибнуть, и посоветовал догнать его во что бы то ни стало и сбросить с коня. В одно мгновение вскочил джигит на коня и погнался за ним. Долго скакали они и прискакали наконец к большому кургану. Вдруг колдун быстро повернулся и остановился.

– Что случилось? – спросил джигит.

[1] *Верховное божество.*

– Давай побежим наперегонки, – предложил он.

– Мне нельзя бежать, – сказал юноша.

– Почему?

– Это расстояние слишком мало для меня, надо ехать дальше, – сказал юноша.

Доехали они до второго кургана. Колдун остановился и быстро повернулся.

– Что случилось?

– Будем состязаться в беге.

– Хорошо, – сказал джигит.

Спешились они и побежали. Как ветер помчался колдун. Когда пши добежал до первого кургана, он увидел вдали какое-то черное пятно и понял, что это колдун. Погнался он за ним изо всех сил, налетел, как орел налетает на птицу, ударил и снес ему голову.

После этого джигит должен был заехать во двор, где жила красавица, и проехать под шагиндаком, где она сидела. Когда он проезжал под шагиндаком, девушка выпустила трех серых змей. Они должны были укусить его. Ударил пши мечом, разрубил змей и вошел в кунацкую. Тому старику, который трижды бранил юношу, послали сказать, что у него есть зять.

– Дай Аллах жизни и здоровья и нам, и ему. Очень хорошо, что наконец у нас есть зять. Я сам скажу ему, когда придет время уезжать, – велел передать старик.

Прошло немного времени, и старик отдал джигиту в жены свою дочь и с сопровождающими отпустил его домой.

Отправился пши в путь вместе с красавицей женой. Приехал он к чабану, который выхаживал его. Пши привез ему богатые подарки, но тот отказался принять их.

– Ну как же, ты для меня столько сделал, и я хочу сделать тебе приятное, – сказал молодой пши.

– Если хочешь обрадовать меня, – сказал старик, – дай мне одну из девушек, которые сопровождают твою жену.

Юноша дал чабану одну девушку, наказал своим спутникам приехать к такому-то лесу, а сам поехал вперед один.

Ехал он, ехал, и увидел двух всадников – они мчались друг за другом с обнаженными шашками. Хотел пши догнать их, но не смог – ускакали всадники.

На второй день он снова встретил тех всадников, опять хотел догнать, но и на этот раз они ускакали. И на третий день пши встретил тех же всадников, погнался за ними и схватил за локоть всадника, который

скакал последним. Но тот отдернул руку, вырвался и уехал. В руках у пши остался браслет, какой носят женщины.

Пши решил узнать, кто эти таинственные всадники, и отправился вслед за ними. Проехав какой-то лес, он выехал в поле и увидел огромный дом. Он поставил коня и зашел в дом. В доме не было ни души. Сел пши на кровать.

Прошло немного времени, подъехал к дому какой-то всадник и позвал:

– Эй! Когда никто не вышел на его зов, он спешился, зашел в другую комнату и разделся. Оказалось, это была девушка. Потом подъехал другой всадник, тоже крикнул:

– Эй!

Но вновь никто не вышел из дома, и всадник зашел в дом.

Прятавшийся юноша увидел, что всадник также оказался девушкой.

Подъехал третий всадник.

– Эй! – крикнул и он, но девушки в доме не стали выходить.

Всадник спешился, зашел в дом – и тоже оказался девушкой.

– Расскажите, что самое интересное приключилось сегодня с каждой из вас? – сказала одна из девушек.

– Раз ты начала разговор об этом, расскажи первая, – сказали ей другие.

– Вот что со мной приключилось. Сегодня я преследовала своего врага и почти настигла его, но меня догнал какой-то всадник на белом коне, и я едва ушла от него. Вот было бы хорошо, если тот мужчина стал бы моим мужем!

Средняя из девушек рассказала то же, что и старшая. Младшая, выслушав сестер, сказала:

– Тот всадник, о котором вы говорите, гнался и за мной, я еле ускакала от него, но мой браслет остался у него.

Услышав слова девушки, пши бросил браслет. Девушка вскочила, схватила браслет и села.

Тогда заговорила старшая из девушек:

– Наш гость, выходи из укрытия, – и она вывела джигита на середину комнаты.

– Наш гость, мы – сестры. У каждой есть хорошее приданое. Хочешь – возьми нас всех замуж, хочешь – выбери одну из нас.

– Я хочу взять в жены ту, которой коснулась моя рука, – сказал пши.

Сестры отдали ему младшую сестру, и он вернулся к своим спутни-

кам. Он отправил их к тому лесу, где оставил своего аталыка. Сам тоже поскакал к аталыку и приехал к нему первым. У того уже давно кончились припасы, он отощал и зарос. Увидев это, пши быстро вернулся к своим спутникам, взял у них еды и ножницы и вернулся к аталыку. Он накормил его, напоил, подстриг. Тем временем прибыли и спутники пши. Здесь все они отдохнули неделю, а потом отправились домой. Когда подъехали к околице аула, молодой пши сказал:

– Вы тут постойте, я узнаю, какие хабары в ауле.

Поехал он по аулу и встретил чабана.

– Какие хабары? – спросил он чабана.

– В нашем ауле, – сказал чабан, – нет сейчас хороших хабаров. На нас напало вражеское войско и требует большой выкуп. Заплатить его мы не можем, и аул в большом горе.

Понял пши, что не попасть ему в аул, ни слова не ответил чабану и вернулся к своим спутникам. Аталыку он сказал:

– Ты можешь поехать в аул, но выехать обратно не сможешь. Девушку, у которой тело белое, как белые перья сороки, а волосы черные, как ее черные перья, отдай под покровительство почтенного человека, а остальных отведи к нам домой.

Аталык повел спутников в аул, а пши остался один. Он решил сам сразиться с вражеским войском. Бесстрашно вступил он в битву и одержал победу над многочисленными врагами. Решил он один одолеть и тех врагов, что были в ауле. Он прыгнул на коне через глубокий ров, но задние ноги коня зацепились за край рва, и конь вместе с седоком упали в ров. Враги связали джигита и бросили его в темницу.

Однажды посмотрел пши в окно темницы и увидел, что мимо идет знакомый аульчанин.

– Скажи, какие хабары в ауле? – спросил он.

– Хороших хабаров в ауле нет, – ответил тот. – Говорят, нашего молодого пши схватили враги и пленили его, заковали в оковы и бросили в темницу. Сегодня они устраивают свадьбу с девушками, добытыми пши, а пока в ауле идет большой джегу.

Загоревал пши. Недалеко от окна темницы на шагиндаке сидела дочь предводителя вражеского войска. Увидела она прекрасного джигита, брошенного в темницу, полюбился он ей, и решила она помочь узнику. Вечером пришла она к нему.

– Пусть твой вечер будет добрым, – сказала девушка.

– Уходи отсюда, – сказал пши, – мои дела тебя не касаются.

– Почему ты так говоришь? Если бы мне было все равно, я бы не пришла сюда.

– А что тебе надо от меня?

– Ты мне полюбился, и я хочу, чтобы ты стал моим мужем. Тогда я сделаю так, чтобы тебя освободили, иначе тебе не выйти из темницы.

– Хорошо, – согласился пши.

По просьбе дочери предводитель вражеского войска велел выпустить пши из темницы, и он вернулся к околице своего аула. Оттуда он увидел свою сестру, которая вела его коня на водопой. Джигит не мог переправиться через реку без коня, а потому крикнул:

– Девушка, отпусти этого коня!

– Не отпущу, – сказала девушка. – Это конь моего любимого старшего брата, не отдам его тебе.

– А я все равно его заберу, – возразил джигит и подал знак своему коню.

Конь вырвался и пошел в воду. Пши переправился через реку, а коня оставил у сестры.

– Сестра, никому не говори, что я вернулся. Скажи мне, какие хабары в нашем ауле?

– Хороших хабаров нет, – ответила девушка. – Всех девушек, привезенных тобой, отдают в жены вражеским предводителям, а сейчас идет большой джегу.

Отправился молодой пши на джегу. Его не сразу узнали, но потом некоторые заподозрили в незнакомце молодого пши, и стали состязаться без особого старания.

– Из-за этого оборванца, что пришел сюда незваным, вы перестали веселиться, – разозлился вражеский предводитель.

Стали джигиты играть лучше, но веселья не было. Молодой пши велел предводителю повторить свои слова. Тот замахнулся на него, но пши сразил его, а потом перебил всех остальных своих врагов.

Потом он взял в жены и красавицу, ради которой выехал в путь, и трех сестер, которых встретил в лесу, и дочь предводителя вражеского войска.

И зажили все они богато и счастливо.

Сын слепого Ногая

До того, как испортились глаза у Ногая, не было мужчины, который объездил мир больше, чем он. Говорили, что нет на этом свете места, где он не бывал. Ослепнув, он расседлал коня и перестал выезжать.

У слепого Ногая было три сына. Однажды он позвал их к себе и сказал:

– Оседлайте моего коня и отправляйтесь в путь. Если вы поедете туда, где не ступали копыта моего коня и привезете оттуда кусочек земли, я протру ею глаза и снова стану зрячим. Кто согласен ехать, пусть отправляется в путь и не говорит, что уехал слишком далеко, куда бы ни отнес его мой конь. Скажите, кто решил ехать?

Старший сын сел на отцовского коня и отправился в путь. Скакал он несколько дней и ночей и прискакал к дереву, что стояло на развилке семи дорог. Здесь старший сын Ногая остановился и отдохнул. Внимательно рассмотрел он дерево, но не нашел следов пребывания здесь людей. Юноша решил, что его отец тут не бывал, взял немного земли у корня дерева и вернулся домой.

Когда он рассказал отцу, где взял землю, вздохнул слепой Ногай.

– Эх, сын мой, недалеко же ты уехал! Когда я выезжал в путь, я делал у этого дерева первый привал.

На второй день средний сын сел на сивого коня и отправился в путь. Скакал он несколько дней и ночей и достиг того дерева, что стояло на развилке семи дорог.

Он спешился и отдохнул под ним. Потом сел на коня и скакал еще несколько дней и ночей. Подъехал он к зарослям камыша, через которые пролегла узкая тропинка. Объехал он камыши вокруг, но не решился поехать по той тропинке – подумал, что сюда-то отец наверняка не добирался. Взял он немного земли и вернулся домой. Приехав к отцу,

он рассказал ему, где взял землю. Когда Ногай услышал, что его средний сын доехал только до камышей, он сказал:

– Эх, сын мой, эту тропинку в камышах проложил я. Заросли камыша я проезжал за один день. Молодец, ты уже выехал за околицу аула и проехал дальше, чем твой старший брат. Но и ты не смог далеко уехать.

Когда собрался в путь младший сын, отец сказал ему:

– Ты младший из братьев – не говори, что уехал слишком далеко, и не возвращайся без земли, которая исцелит мои глаза.

Младший брат оседлал коня и отправился в путь. Он подъехал к дереву, что стояло на развилке семи дорог, сказал: «Тут старая коновязь моего отца», – и продолжал путь. Скоро подъехал он к зарослям камыша и по узкой тропинке, проложенной отцом, пересек их. «Теперь я только проехал околицу аула нашего отца», – сказал он и поскакал дальше.

Ехал он много дней и много ночей, и кончились его дорожные припасы. Но он продолжал путь. Однажды на дороге перед ним блеснуло что-то длинное и тонкое. Джигит подъехал, спешился и поднял сверкавшую на солнце вещь – оказалось, это было золотое перо какой-то птицы.

Он продел золотое перо между ушами коня – оно было таким большим, что закрыло круп коня до самого хвоста – и поскакал дальше.

Долго он скакал и подъехал к какому-то аулу. Не хотел он заезжать в аул – направился в объезд. Но пши аула заметил незнакомца и послал к нему своих всадников, приказав им:

– Быстро верните этого джигита!

Вернулся сын слепого Ногая и заехал к пши. Трое суток пши угощал его. Когда прошло трое суток, пши, как и принято по обычаю, спросил джигита:

– Скажи мне, кто ты и откуда, куда и зачем едешь, что за золотое перо на твоем коне?

Сын слепого Ногая ответил так:

– Я без роду, без племени, выехал в путь и заблудился, вот и попал в твой аул, а перо нашел на дороге.

– У меня нет сына, будь мне как сын, – предложил тогда пши.

Сын слепого Ногая долго не соглашался, но пши так настойчиво просил, что он уступил.

Обрадовался пши и велел сообщить всем в ауле, что теперь у него есть сын.

Вскоре пши показал юноше все свои земли и богатства, а потом сказал:

– Есть у меня в работниках семь силачей-пелуанов. Поручаю их тебе, заставь их работать так, как надо.

Семь пелуанов – семь дюжих молодцов – совсем не подчинялись пши, и сыну слепого Ногая приходилось то и дело заставлять их работать. Затаили они зло на юношу и стали думать, как извести его. Ничего не придумав, они обратились за помощью к колдуну-усарежу.

– Помоги нам погубить приемного сына пши – получишь любую награду. Не поможешь, лишишься жизни, если даже у тебя семь душ, – сказали пелуаны.

– Приходите завтра, я подумаю и скажу вам, как извести его, – отвечал им усареж.

На другой день пелуаны пришли к усарежу, и тот сказал им:

– Одолеть этого джигита можно только хитростью. Поэтому скажите своему пши так: «Сегодня, когда мы отдыхали от работы, слышали, как твой приемный сын говорил: "Коль захочу, смогу достать для пши ту золотую птицу, что освещает весь мир и чье перо лежит на моем коне. Но зачем мне это делать?" Пши разгневается и сам погубит приемного сына.

Вечером, когда пши возвращался в аул, пелуаны встретили его словами:

– Интересно то, что сказал сегодня твой приемный сын!

– Что же сказал он? – спросил пши.

– Он сказал: «Если б я захотел, смог бы достать для пши ту золотую птицу, которая освещает весь мир и чье золотое перо лежит на моем коне, но зачем мне это делать?» – ответили пелуаны.

Пши тотчас велел привести к нему сына и спросил, правду ли говорят пелуаны. Как ни убеждал джигит, что это неправда, пши не поверил и приказал любой ценой добыть для него чудесную птицу.

Загрустил сын слепого Ногая. Верный его друг – сивый конь, – заметил, что хозяин не ест и не спит, думает, как быть. Заржал конь в конюшне, и джигит пошел к нему.

– Что тебя печалит? Отчего ты похудел и стал грустным? – спросил сивый хозяина.

Тот рассказал ему о приказе пши.

– Это нетрудно, мы сможем достать птицу. Но сразу не выезжай в путь. Через несколько дней пши спросит у тебя, почему ты не едешь. Скажи ему, что тебе нужна его помощь. Пусть он прикажет своим пелуанам в течение двух недель держать меня так, чтобы я не касался ни земли, ни неба, пусть меня кормят лучшими кормами. Ты также должен хорошо отдохнуть. После этого пусть нагрузят тридцать возов проса и дадут тебе спутников, которые помогут везти его.

Прошло несколько дней, а сын слепого Ногая еще не отправился

в путь. Пши позвал его к себе и спросил, почему он не едет за золотой птицей. Джигит ответил так, как велел конь.

Пятнадцать дней и ночей пелуаны кормили сивого коня отборными кормами, а сын слепого Ногая хорошо отдохнул. После этого ему дали тридцать возов проса и спутников, и он отправился в путь.

Много дней и ночей провел джигит в пути, да ведь недаром говорят, если все время идти, достигнешь конца пути. Когда дорога близилась к концу, снова заговорил сивый конь.

– Теперь послушай меня, хозяин! Скоро мы подъедем к большому лесу. Как минуем его, увидишь большой белый тополь. Я остановлюсь под ним, а ты вели сгрузить все просо и оставить под этим тополем и отпусти спутников. Когда они отъедут подальше, ты поднимись на кучу проса, прижмись к дереву и сиди неподвижно. Вскоре прилетит к дереву та большая золотая птица, которая потеряла перо. Она трижды крикнет «куаг», а потом поговорит на птичьем языке с другими птицами. После этого птицы улетят, а золотая птица станет прыгать с ветки на ветку, спустится вниз и увидит просо. Когда она будет так близко, что можно достать ее рукой, и посмотрит вниз, схвати ее за ногу и держи крепко-крепко. Смотри, чтобы она не взлетела – иначе она унесет тебя в небеса. Поэтому ты держи ее изо всех сил, я подоспею к тебе на помощь, и вместе мы удержим ее. Если сделаешь все так, как я сказал, птица будет в твоих руках.

Сын слепого Ногая выполнил все, что сказал конь.

Доехав до большого тополя, он остановился и велел высыпать в кучу все просо. Отправив назад спутников, он взобрался на кучу проса и спрятался за стволом дерева. Через некоторое время стало светлее, чем в самый солнечный день – то прилетела золотая птица. Оглядевшись по сторонам, она села на верхушку дерева. Когда она крикнула трижды «куаг», к дереву слетелись все птицы, какие были в этом мире, и сели на дерево. После того как золотая птица поговорила с ними, она трижды крикнула «куаг», и все птицы улетели. Взглянув вниз, золотая птица увидела просо и, прыгая с ветки на ветку, спустилась вниз. Тут сын слепого Ногая схватил ее за ногу.

Большая птица долго кричала и так сильно махала крыльями, что ветер от них чуть не свалил дерево. Но крепко держал ее сын слепого Ногая, а тут подоспел и сивый конь. Поймали они птицу и привезли к пши.

Удивились жители аула, когда узнали, что приемный сын пши добыл чудесную птицу – совершил такое, чего до сих пор никто не смог сделать. Далеко разнеслась весть о мужестве джигита, и многие пришли посмотреть на золотую птицу, многие поздравили князя.

А семь пелуанов не оставили злого умысла погубить сына слепого Ногая. Они опять отправились к усарежу за советом.

И снова усареж посоветовал им пойти к пши и сказать ему, будто они слышали такие слова его приемного сына: «У подножия одной горы, между скал, живет львица с двумя львятами. Если захочу, смогу добыть этих львят и воспитать их для пши. Но зачем мне это делать?»

– Обещаю вам, что на этот раз пши разгневается и сам погубит приемного сына, – сказал усареж.

Как и в первый раз, вечером, когда пши возвращался в аул, пелуаны встретили его и сказали:

– О пши, владетель целой страны, у нас нет от тебя тайн, и мы не можем скрыть, что слышали сегодня от твоего приемного сына!

Перебивая друг друга, пелуаны рассказали пши, как научил их усареж.

– Он так и сказал?

– Так и сказал.

– Тогда приведите его ко мне.

Пришел сын слепого Ногая к пши.

– Поезжай и привези мне тех львят, которых воспитывает львица у подножия горы, – приказал ему пши.

– Не посылай меня за львятами, о которых я даже не слышал! – взмолился юноша.

Но пши был неумолим.

Новое горе свалилось на сына Ногая. Он загрустил. Верный его друг – сивый конь – заметил, что его хозяин не ест и не спит, думает, как быть. Заржал конь в конюшне, и джигит пошел к нему.

– Что тебя печалит? Отчего ты похудел и стал грустный? – спросил хозяина сивый конь.

Тот рассказал, что его печалит.

– Мы привезем львят, хотя это труднее, чем добыть золотую птицу. Поезжай к горе и дождись утра. На рассвете львица выйдет из убежища, оглядится и, никого не заметив, отправится в лес за пищей для своих детенышей, но вернется очень быстро. Ты спрячешься за горой, а я встану поближе к убежищу львицы. Как только львица войдет в лес, ты вынесешь львят, вскочишь с ними на мою спину, и я унесу тебя. Держись крепко в седле, еще крепче держи львят, а я не подведу.

Пятнадцать суток пелуаны кормили коня отборными кормами, а сын слепого Ногая хорошо отдохнул. После этого он сел на коня и отправился в путь. Много дней и ночей провел он в дороге. Когда при-

близился джигит к горе, где обитала львица, он спешился и спрятался за горой. Спрятался и конь.

На рассвете львица вышла из убежища. Из ее глаз летели искры, и вокруг стало светло, как в самый солнечный день. Эти искры обжигали все вокруг, и потому львица легко побеждала любого врага. Сильной и страшной была львица.

Выследил сын слепого Ногая, когда она вошла в лес, схватил львят и вскочил на сивого коня.

Заревели львята, и мать в тот же миг выбежала из леса. В несколько прыжков она почти нагнала юношу, но сивый конь мчался во весь дух и унес хозяина. Долго гналась за ними львица, но наконец обессилела и повернула назад.

Привез львят сын слепого Ногая к пши.

Но пелуаны опять не оставили намерения погубить славного джигита. В третий раз отправились они к усарежу за советом:

– До сих пор мы не смогли избавиться от приемного сына пши. Если ты опять дашь нам плохой совет, погубим тебя.

Подумал усареж и промолвил:

– Теперь скажите пши, будто слышали такие слова его приемного сына: «За горами живет громадный кабан – каждый клык его длиной в тридцать шагов. На свете нет человека, кроме меня, который осмелился бы приблизиться к тому кабану. Если бы я захотел, привез бы клыки кабана нашему пши, и он смог бы обнести свой двор забором из кабаньих клыков. Но зачем мне это?» От этого кабана юноша живым не уйдет, и вы пошлете его на верную гибель.

В третий раз пелуаны встретили пши и сказали ему, как научил их усареж.

Снова пши велел позвать к нему юношу и приказал привезти клыки того кабана.

Как ни убеждал сын слепого Ногая пши, что он ничего не знает о таком кабане и ничего не говорил, пши стоял на своем.

С поникшей головой вышел юноша во двор. Заржал сивый конь, увидев печаль своего хозяина.

– Что еще случилось? – спросил конь.

Все рассказал верному другу юноша.

– Выполним и этот приказ пши. Было бы хуже, если бы нам приказали привезти кабаньи клыки раньше, чем мы добыли львят. А теперь не стоит падать духом. Львята уже стали настоящими львами и помогут нам. Отправимся в путь вместе. Когда достигнем моста, я сам пойду к кабану.

От моста до места, где обитает кабан, пути еще семь дней и ночей, но если кабан будет гнаться за мной, я ускачу от него за три дня и три ночи. Когда ты услышишь стук моих копыт и дыхание кабана, отпусти львов. Они с двух сторон вцепятся в кабана, а ты сзади руби его мечом. Помни: нельзя приближаться к кабану сбоку, иначе он разрежет тебя своими клыками. Если сделаешь все так, как я тебе сказал, одолеешь кабана.

И снова пятнадцать дней пелуаны кормили коня отборными кормами, а джигит хорошо отдохнул. После этого сын слепого Ногая сел на сивого коня, взял с собой львов и отправился в путь.

Когда достигли они моста, конь оставил здесь хозяина вместе со львами, а сам поскакал дальше.

Девять дней и ночей ждал сын слепого Ногая возвращения своего коня. На десятую ночь он услышал стук его копыт и тяжелое дыхание кабана. Он тут же отпустил львов, и как только кабан вступил на мост, львы вцепились в него так, что он не мог двинуться с места. Тут сын слепого Ногая подскочил к нему сзади и стал рубить его мечом. Много ударов нанес юноша, прежде чем лесной великан пал бездыханный.

И в третий раз вернулся юноша победителем, а пши велел обнести свой двор забором из кабаньих клыков.

Опять пелуаны отправились к усарежу. На этот раз он посоветовал им сказать пши, что слышали от его приемного сына новый хабар.

– Скажите, что на востоке нашего края живет красавица по имени Гегулез – нет на свете женщины красивее ее. Пши пошлет приемного сына за этой красавицей, и оттуда он уже не вернется живым. К ней невозможно приблизиться – сто собак, сто орлов и сто волшебных коней породы джинджиф стерегут ее. У девушки есть волшебная короткая плеть, от удара которой человек превращается в каменное надгробие. Никто из тех, кто хотел получить в жены эту красавицу, еще не вернулся обратно. Не останется в живых и сын слепого Ногая, – закончил усареж.

И на этот раз пелуаны встретили пши и рассказали ему о прекрасной Гегулез, как посоветовал им усареж.

Разгневанный вернулся пши домой и велел позвать к себе приемного сына.

– Ты хвастал сегодня, что если захочешь, достанешь мне в жены красавицу Гегулез. Так вот, поезжай и не возвращайся без нее, не то мои пелуаны снесут тебе голову по моему приказу, – грозно сказал он.

Пши и слушать не стал о том, что юноша никогда не слыхал об этой красавице и никому не говорил о ней.

– Что еще случилось? – спросил конь.

Все рассказал юноша верному другу.

– Не печалься, выполним и этот приказ пши. Это будет труднее, чем добыть птицу, львят или победить кабана. Снова надо тебе набраться сил, а меня хорошо покормить. Когда пройдет пятнадцать дней и ночей, отправишь большой медный котел – лагуп и семь арб с варом туда, куда мы поедем. Когда доедем до места, надо будет сгрузить с подвод вар и лагуп, а возчиков отпустить.

– Зачем нам лагуп и вар? – спросил юноша.

– Без них нам не добыть красавицу Гегулез. Твой отец много раз отправлялся за этой девушкой, но так и не смог привезти ее. Красавицу стерегут сто собак, сто орлов и сто жеребцов из породы джинджиф. Но самый главный ее сторож – жеребец, с которым не может сравниться в силе ни один конь в мире. Вар и нужен нам для того, чтобы одолеть этого сторожевого жеребца. Мы растопим вар, и ты будешь мазать меня им до тех пор, пока мое тело не покроется толстым слоем вара. Ты останешься на посту, а я пойду вперед. Сторожевой жеребец погонится за мной. Когда я достигну моста, остановлюсь, и мы начнем кусать друг друга. Когда укусит меня сторожевой жеребец, он оторвет вар, а когда я укушу, оторву его мясо. Но все равно он доберется до моего тела. И когда я почувствую беду, я заржу. Тогда и ты вступай в битву, вдвоем мы победим его и возьмем с него обещание помочь нам.

После этого сын слепого Ногая и его конь отдохнули пятнадцать дней и ночей, окрепли и отправились в путь.

Юноша сделал все так, как научил его конь. Он взял достаточно дорожной провизии, большой медный лагуп, семь арб с варом и выехал. Когда доехали до места, сгрузили с подвод провизию, дрова, вар и лагуп, разожгли костер, а возчиков отправили обратно. Сын слепого Ногая растопил вар и принялся мазать им своего коня, велел ему нырять в реку и снова мазал его варом до тех пор, пока он весь не покрылся толстым слоем вара. После этого джигит остался на мосту, а сивый конь поскакал вперед.

Стал сын слепого Ногая ждать возвращения коня. Прошло девять дней и ночей. На десятую ночь поднялся ураган, закачался мост и послышался конский топот. Это сторожевой жеребец гнался за сивым конем и нагнал его на мосту. Стали они кусать друг друга. Укусит сторожевой жеребец сивого – отрывает вар. Укусит сивый конь – рвет тело сторожевого. Долго боролись они, и сивый конь уже потерял надежду победить. Заржал он, и в тот же миг вступил в битву сын слепого Ногая. Стал он наносить удар за ударом. Наконец сторожевой жеребец – джинджиф заговорил:

– Не убивайте меня, скажите, что вам нужно, я помогу вам.

– Помоги нам раздобыть Гегулез, – сказал юноша.

Жеребец подсказал, как увезти девушку.

– Первым делом вы должны приготовить сто бараньих шкур и сто туш мяса, – сказал жеребец-джинджиф. – Ста сторожевым псам киньте туши, ста орлам бросьте шкуры, и пока они будут драться, вы пройдете к Гегулез. К вам выйдет сама красавица и скажет: «Будь гостем, сын слепого Ногая!» Она прикажет телохранителям-байкулам отвести твоего коня и позаботиться о нем, а тебя пригласит к себе и станет спрашивать: «Ты приехал развеять скуку или сватать меня?» Ты ответишь: «Я приехал сватом, а не развлекаться. Я заберу тебя, хочешь ты того или нет». Гегулез скажет: «Зачем же увозить насильно, если я гожусь тебе в жены, а ты мне в мужья, сын слепого Ногая?» – и встанет. Она возьмет небольшую кожаную сумку и начнет раскрывать ее. Но ты не дай ей этого сделать, потому что в ней лежит плеть, от удара которой человек превращается в каменное надгробие. Как только она станет открывать сумку, схвати ее за волосы и брось на пол. Если сделаешь все, как я сказал, красавица Гегулез будет в твоих руках.

Отпустил сын слепого Ногая коня-джинджифа, нагрел в лагупе воду и смыл со своего коня остатки вара. Сел он на сивого коня и поехал к чабану, у которого купил сто баранов. Он велел заколоть их, освежевать и погрузить на одну арбу шкуры, на другую – бараньи туши.

Когда приблизился он к владениям Гегулез, кинулись на него сто собак – он бросил им бараньи туши. Налетели на него сто орлов – он бросил им бараньи шкуры. Пока собаки грызлись за мясо, а орлы дрались за шкуры, сын слепого Ногая въехал во двор красавицы Гегулез и спешился.

Красавица Гегулез вышла из дому и встретила его такими словами:

– Будь гостем, сын слепого Ногая! Если погостишь год, мне это покажется неделей, погостишь месяц – покажется одним днем.

Позвала она байкула и велела приготовить стойло для сивого коня. Пригласила сына слепого Ногая в дом, усадила его, а сама села на шелковую постель.

– Скажи, сын слепого Ногая, что тебя привело сюда – сватать меня приехал или случайно завернул? – спросила она.

– Я заехал сюда не случайно, я приехал сватом. Поедешь сама со мной – увезу, не поедешь – умыкну. Так что выбирай, – сказал сын слепого Ногая.

– Если ты считаешь, что я могу быть тебе женой, я согласна, ты достоин быть моим мужем, – сказала Гегулез и быстро встала.

Тут она достала кожаную сумку и открыла ее, но в тот же миг джигит вскочил, и прежде чем она успела взять плеть, схватил ее за косы и бросил на пол.

– Слушай, сын слепого Ногая, почему ты бросаешь меня на пол, если я пообещала стать твоей женой? – спросила Гегулез.

Но сын слепого Ногая, не слушая ее, взял кожаную сумку и вытащил оттуда сложенную вдвое короткую плеть. Он замахнулся, словно хотел ударить девушку.

– Не бей меня, я покорюсь тебе. Победило твое счастье, – сказала Гегулез. – Ударом этой плети я превращала всех женихов в камни, а их было без одного сто. Ты видел их каменные надгробия у дома. Но ты победил меня, теперь я буду такой, как ты хочешь, – сказала она покорно.

Сын слепого Ногая взял плеть и вышел во двор. Он шел вдоль каменной стены, ударял плетью окаменевших людей и оживлял их.

– Аферем[1], славный сын слепого Ногая, ты спас девяносто девять мужчин, – сказали они ему с благодарностью.

Мужчины, которым джигит вернул жизнь, стали ему сватами, и вместе с ним и прекрасной Гегулез все отправились в путь.

Хорошие вести распространяются быстро, и весть о возвращении сына слепого Ногая распространилась по аулу. Вечером стали приходить к пши гости.

Пши устроил пир на шесть недель. Пока пили да ели, пока шел великий пир, Гегулез узнала все о подвигах сына слепого Ногая, о том, как хотели его погубить, и о том, что пши сам хочет жениться на ней.

После того, как закончился пир, прекрасная Гегулез велела передать этому пши:

– Прежде чем прийти ко мне, пусть пши велит приготовить большой лагун и налить туда сорок ведер молока. Когда его нагреют так сильно, что пойдет пар, пусть перельют в корыто. Пусть пши нырнет в корыто с одного конца и вынырнет с другого. После того как пши искупается в горячем молоке, он может войти ко мне, – сказала Гегулез.

Долго ли было пши приказать! Приготовили унауты медный лагун и корыто, вскипятили сорок ведер молока и налили в корыто. Когда показалось, что молоко достаточно остыло, пши окунулся в горячее молоко и сварился в нем.

– Кто искупается в горячем молоке, тому я стану женой и отдам царство, – пообещала девушка пелуанам. Семь пелуанов по очереди прыгнули в корыто и сварились, как и их пши.

[1] *Молоде́ц.*

Так пши и его семь пелуанов нашли свою гибель.

– Пусть красавица Гегулез достанется тому, кто привез ее, и пусть он будет нашим пши, – сказали люди.

– Красавица Гегулез хочет быть моей женой, но я не могу остаться здесь, я должен вернуться в свой аул, к своим отцу-матери, я выехал по делу, а не для того, чтобы оставаться здесь, – сказал сын слепого Ногая.

– А как же мы проживем без пши? – спросили люди у Ногая.

– Пусть никогда не будет у вас пши, от них больше вреда, чем пользы. О том, как жить, советуйтесь с умными мужчинами. Станете советоваться – достигнете согласия и счастливой жизни. Будьте здоровы и счастливы, я вернусь к своим, – сказал сын слепого Ногая, взял с собой прекрасную Гегулез и отправился в обратный путь.

Жители аула щедро одарили его, а сотни всадников проводили его до родительского дома.

Долго ехал сын слепого Ногая и подъехал к околице родного аула. Отсюда он послал вестников к своему отцу сообщить о возвращении сына.

Когда слепому Ногаю доставили весть о сыне, он сказал посланникам:

– Сын, о котором вы говорили, отсутствует уже семь лет. Мы думали, что он погиб, и вчера справили по нему поминки. Теперь скажите, кого он возьмет себе в жены.

– Он везет себе в жены Гегулез, прекрасней которой нет на этом свете, – сказали ему.

– Тогда знайте, что я много раз пытался привезти Гегулез, но мне это не удалось, хотя обо мне шла молва, что я объехал весь свет и для меня нет невозможного. Для меня было величайшим позором не добыть эту девушку, и тогда я притворился слепым и перестал выезжать в наезды. Теперь, когда эта красавица стала женой моего сына, ему нет места в моем доме. Так что скажите ему, что я его не пущу к себе. Пусть остановится там, где он сейчас.

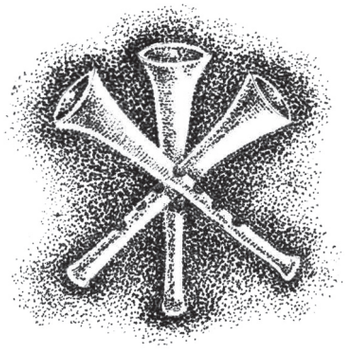
Посланники вернулись и сказали сыну Ногая:

– Твой отец прозрел, вот какой хороший хабар привезли мы тебе. Он велел тебе оставаться там, где ты сейчас!

– Хорошо, что отец прозрел и убедился в том, что я достиг земли, где не ступали копыта его коня, – сказал тогда сын Ногая.

Он выполнил наказ отца и обосновался на том месте, где услышал слова отца. И стал он жить богато и счастливо с прекрасной Гегулез.

Сказка о Куйжие

ил в одном ауле маленький бедняк Куйжий. Не было у него ни семьи, ни еды. Однажды вечером он долго ходил по аулу, но никто его не накормил. Голодный вернулся он домой. Дома он не нашел ничего съестного. Ему очень хотелось есть, и он вышел посмотреть, не горит ли у кого-нибудь свет. «Если у кого-нибудь горит свет, пойду, попрошу накормить меня», – решил он. Посмотрев по сторонам, Куйжий заметил, что в одном доме еще светится окно. Он пошел туда – оказалось, девушки устроили там посиделки. Он не осмелился войти в дом, а остановился под навесом и слушал, о чем говорили собравшиеся. А они говорили о том, кто за кого хочет выйти замуж. Каждая девушка поведала, какого бы ей хотелось мужа, и только две – те, что устроили посиделки – промолчали. Обиделись тогда собравшиеся, стали настаивать, чтобы и они сказали, о ком мечтают, иначе все разойдутся по домам.

– Ну, если нельзя не сказать, скажем, садитесь уж, – произнесла старшая. – Я никогда не видела Фижымыко Нарыча, но слышала о нем много. Если бы он стал моим мужем, я была бы ему достойной женой.

– Я тоже не видела Нарычыко Щорэ, только слышала о нем. Если бы он стал моим мужем, я была бы ему достойной женой, – сказала вторая.

Едва произнесла она эти слова, Куйжий вошел в дом. Девушка смутилась:

– Вот почему я не хотела называть имя того, за кого хочу выйти замуж.

– Я бедняк, у меня нет ни коня, ни оружия, ни одежды, а то я испытал бы мужество тех, о ком вы здесь говорили, дал бы вам возможность увидеть их, – сказал Куйжий.

– Ты уверен, что сможешь туда поехать, если у тебя будет и конь, и оружие, и одежда? – спросила старшая.

– Уверен, – ответил Куйжий.

Девушки вскипятили котел воды. Куйжию налили воды для мытья, потом приготовили ему дорожную провизию. Утром они дали ему хорошего коня, одежду и оружие.

– Жив буду – привезу вам хабар о ваших женихах, – сказал Куйжий.

С этими словами он сел на коня и уехал.

Долго ехал Куйжий. Давно пересек он границы своего края, закончились у него съестные припасы. Но он продолжал путь, никуда не заезжал, нигде не останавливался. Наконец решил он отдохнуть и заехал в один из дворов.

Хозяин встретил его приветливо, выполнил все, что положено по обычаю. Утром Куйжий собрался ехать дальше, и хозяин велел седлать его коня. Когда приблизился Куйжий к коню и уже занес ногу в стремя, подошел к нему сын хозяина:

– Наш гость, я не решаюсь это говорить, но я хочу попросить тебя: возьми меня с собой, буду тебе спутником-хагреем.

– Очень хорошо, поедем со мной, – сказал Куйжий и вернулся в дом, чтобы собраться в дорогу.

Парень быстро собрался в дорогу, оседлал коня. У него было богатое снаряжение, гораздо лучше, чем у Куйжия. Прежде чем выехать в путь, парень сказал:

– Ты – бедняк, а я – тфокотль[1]. Может быть, это тебе не по нраву и ты не возьмешь меня с собой?

– Мне это как раз кстати,– ответил Куйжий. – Я ведь бедный, вырос без отца и без матери, и даже имени моего никто не знает. Все просто зовут меня Куйжий – «маленький плешивец». Теперь я еду, чтобы отыскать двух джигитов – Фижымыко Нарыча и Нарычыко Щорэ – и испытать их мужество.

Сели они на коней и отправились в путь. А куда ехать, не знают. Стали спрашивать тех, кого встречали в пути, и доехали так до края, где жили джигиты, которых они искали. Приехали в аул, узнали, где живут Фижымыко Нарыч и Нарычыко Щорэ, и въехали к ним во двор.

Спешились они, привязали коней к коновязи, огляделись – никто не вышел им навстречу, и они сами зашли в кунацкую. Сели они, стали разговаривать, удивляться тому, что никто не заходит к ним в кунацкую, хотя по обычаю хозяин должен быть при госте.

[1] *Человек неблагородного происхождения.*

Вскоре они увидели, что во двор въехали два всадника и спешились. Из большого дома, где жили старики, вышла девушка – сестра хозяйки дома – и подошла к приехавшим.

– У вас гости, они сидят в кунацкой. Пойдите к ним, встретьте их любезно, они из далекого края прибыли к нам.

Джигиты зашли в дом, приветствовали гостей. Потом в кунацкую принесли анэ с угощением. После ужина гостям приготовили постели.

В это время гуаша – хозяйка дома – велела позвать старшего из гостей. Пошел к ней Куйжий.

– Наш гость, отдаюсь под твою защиту – помоги нам в одном трудном деле, – попросила она.

– Если это в наших силах, мы и не откажемся помочь, и не поленимся, – вызвался Куйжий.

– Тогда я скажу, какое у нас дело. Ты видел всадников, что недавно приехали. Это мои братья – старший и младший. Еще не прошел месяц, как женился мой младший брат, а иныжи похитили его жену и нашу мать. Ни один человек из нашего края не может добраться до тех мест, где живут эти иныжи. Съедят все свои припасы, потом коней и возвращаются обратно.

– Мы освободим ваших женщин, – сказал Куйжий.

– Не спеши выезжать, – сказала гуаша. – Сегодня ночью отдохните, завтра выберете самых лучших волшебных коней – альпов из нашего табуна – ваши кони не годятся – и тогда поедете.

Поехал Куйжий вместе со своим хагреем к хозяйскому табуну и выбрал двух альпов. Гуаша посмотрела на коней и дала джигитам последний совет:

– Теперь у вас хорошие кони, отправляйтесь в путь. Ехать придется долго, ваши съестные припасы скоро кончатся. «Наш гость, давай съедим твоего коня», – скажут твои спутники. В это время вы будете у зарослей камыша, где находится стадо зубров. Ты поймай одного зубра и накорми хагрея. Когда мясо будет почти готово, из камышей выйдет человек и попросит накормить его. Не говори с ним, дай немного мяса, а если он нападет на тебя, прояви мужество. Нелегкое дело у тебя впереди – мои братья никак не могут миновать это место. Но пусть сопутствует тебе удача!

Утром Куйжий и его хагрей оседлали коней и отправились в путь. Вместе с ними поехали и братья гуаши. Долго они ехали, кончились у них все припасы.

– Наш гость, давай съедим твоего коня! – предложили Куйжию его спутники.

В это время Куйжий проезжал заросли камыша, где находилось стадо зубров. Куйжий поймал одного зубра, освежевал его и поставил мясо вариться. Когда мясо было почти готово, из камышей вышел какой-то человек и попросил накормить его.

Куйжий достал огромный кусок мяса. Незнакомец съел его и сказал:

– Это слишком маленький кусочек, я не наелся.

И он стал выхватывать из котла куски мяса.

Тогда Куйжий схватил его и связал по рукам и ногам. Затем он накормил своих спутников, а остатки мяса сложил, чтобы захватить их с собой.

После этого он развязал незнакомца и отпустил его.

Снова Куйжий со своими спутниками отправился в путь. Ехали они, ехали и увидели дом иныжей. Остановились братья гуаши.

– Мы не поедем дальше, – сказали они.

– Оставайтесь здесь, – согласился Куйжий, – а мы поедем дальше и узнаем, какие там хабары.

Куйжий с хагреем подъехали к ограде дома иныжей. Тут Куйжий отдал своего коня хагрею, сам встал на спину коня, перепрыгнул через забор и очутился лицом к лицу с иныжем.

– Зачем прибыл, наш гость? – спросил иныж Куйжия.

– За теми женщинами, которых ты похитил, – ответил Куйжий. – Если я ударю тебя, убью тут же. Если не думаешь отдавать мне женщин, приготовься к борьбе.

– Зачем нам бороться и убивать друг друга, я выполню твое требование, – сказал иныж.

– Тогда поклянись, что выведешь женщин и отдашь их тем, кому они принадлежат, – сказал Куйжий.

Иныж поклялся сдержать слово, и Куйжий вышел со двора. Иныж вывел женщин и отдал их Фижымыко Нарычу и Нарычыко Щоре.

Отправились в обратный путь: впереди едут мужья с женами и мать-старушка, Куйжий с хагреем – сзади. Много уже проехали, как услышали позади конский топот. Оглянулись – увидели какого-то всадника. Он быстро приближался.

– Мы поставим его посередине, как положено по обычаю, а если он окажется врагом, ударим его с двух сторон, – решили Куйжий с хагреем.

Тут всадник подъехал совсем близко, и Куйжий узнал в нем иныжа, похитившего женщин.

– Счастливого вам пути!

– Пусть и твой путь будет счастливым, поехали с нами.

– Увозите женщин?

– Увозим.

– А я не дам вам увезти их. Я ведь поклялся отдать женщин, и я отдал их, но я не обещал вам дать их увезти и не дам.

И иныж хотел отобрать женщин, но Куйжий с хагреем налетели на него с двух сторон и убили его. Конь иныжа вырвался и убежал. Хагрей поскакал за ним и настиг его, когда конь уже хотел перескочить через забор. Тут хагрей ударил его мечом и перерубил пополам. Половина коня упала во двор. Старик иныж, стоявший во дворе, взял эту половину и бросил ее в конюшню. Тут он увидел хагрея.

– Молодец, ты поступил, как подобает мужчине, – похвалил он.

Хагрей догнал Куйжия и рассказал ему все, как было.

– Теперь он погонится за нами, – сказал Куйжий. – Надо нам поскорее доехать до развилки дорог. Когда старик подъедет к нам, поставим его посередине, а сами скажем друг другу: «Ты поедешь сюда, а я – туда», – и начнем разъезжаться в разные стороны. Когда он погонится за одним из нас, другой ударит его сзади. Когда же он повернется к бьющему, другой начнет его бить. Только так убьем старика – иначе не одолеем его.

Вдруг Куйжий оглянулся и увидел на дороге будто облако приближается. Это был старик иныж с трубкой в зубах. Трубка его была величиной с бочку, а кисетом служила свернутая конская шкура. Поравнявшись с Куйжием, иныж сказал:

– Пусть ваш путь будет счастливым!

– И тебе желаем удачи! – отвечал Куйжий.

Поставили они его посередине, и Куйжий сказал хагрею:

– Ты поедешь туда, а я – сюда.

И они стали разъезжаться в разные стороны.

Тут иныж погнался за юношей, а Куйжий погнался за ним и нанес ему рану. Теперь иныж погнался за Куйжием. Тогда хагрей развернулся и изо всех сил ударил иныжа. Так и били они его до тех пор, пока он не свалился с коня.

– Я сам себя убил, – сказал иныж перед смертью. – Я мог убить вас сразу, но мне хотелось захватить вас живыми.

Покончив с иныжем, Куйжий с хагреем стали догонять своих спутников. Когда они их догнали, то увидели, что женщин с ними нет. Братья объяснили, что женщин у них отобрали какие-то джигиты, и показали, в какую сторону они поехали.

Быстро нагнал Куйжий похитителей, отнял у них женщин и второй раз вернул их братьям. А сам вместе с хагреем вернулся в дом иныжей, чтобы забрать их богатства.

Фижимыко Нарыч и Нарычыко Щорэ вернулись домой, и весь аул поздравлял их. Устроили им большое джегу. Гуаша стала беспокоиться, почему нет Куйжия и его хагрея. Когда она спросила своих братьев, где они, те ответили, что не видели и не знают о них ничего.

Куйжий и его хагрей забрали все богатства иныжей и поехали к аулу Нарыча и Щорэ, но не стали заезжать туда. Узнав об их приезде, гуаша выслала посланника с просьбой подождать ее немного.

Вскоре она подошла к Куйжию и его спутнику и сказала:

– Благодарю вас за ваши труды и испытания. Я хочу попросить тебя вот о чем. Если ты не против, возьми меня в жены.

– Если я тебе по душе, я согласен жениться на тебе,– сказал Куйжий, взял с собой гуашу и отправился домой.

Заехали они в аул к хагрею, устроили там джегу, отдохнули пятнадцать дней. Потом Куйжий собрался в путь, а юноша дал много сопровождающих и сам поехал проводить Куйжия.

Приехав в свой аул, Куйжий заехал прямо к тем девушкам, которые отправляли его. Он рассказал, что с ним произошло, и закончил свой рассказ словами:

– Те двое, за которых вы хотели выйти замуж, недостойны вас. Поэтому я посоветовал бы вам обеим выйти замуж за моего хагрея. Он очень достойный юноша, да еще не женат.

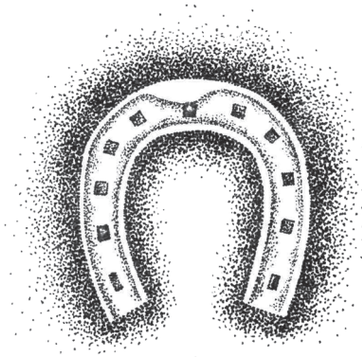
– Как же мы тебя не послушаем? Если бы мы не считались с тобой, мы бы тебя туда не посылали. Мы согласны пойти за твоего хагрея, – ответили девушки.

Куйжий рассказал юноше о своем предложении и согласии девушек. Юноша тоже согласился.

Юноша взял в жены тех девушек. Куйжий устроил в честь своего друга семидневное джегу.

С той поры они стали большими друзьями, ездили друг к другу в гости, вместе боролись с врагами и жили, не признавая ни пши, ни ханов.

Запасливый муравей

По дороге шел муравей. Навстречу ему – мужчина. Знал тот мужчина язык всех птиц и зверей.

– Почему у тебя такая большая голова? – спрашивает мужчина.

– Потому что в ней много ума.

– А почему у тебя такая тонкая талия?

– Потому что я мало ем.

– А сколько ты съедаешь?

– Одного пшеничного зерна мне хватает на год, – отвечает муравей.

– Посмотрим, хватит ли тебе на год одного зерна!

Поймал мужчина муравья, посадил его в один из газырей своей черкески, бросил туда пшеничное зерно и заткнул газырь.

Прошел год. Мужчина думать забыл о муравье.

Минул второй год. И тут только вспомнил он, что надобно отпустить муравья.

Заглянул он в газырь и видит: сидит себе муравей, а рядом две четвертушки пшеничного зерна лежат.

– Ты говорил, что одного зерна хватает тебе на год. Уже прошло два года, а у тебя в запасе еще ползерна. Как же так? – спрашивает мужчина.

– Глупец, который посадил меня в газырь, может забыть обо мне, подумал я. И чтобы не умереть с голоду, я разделил зерно на четыре части.

Литература

Абхазские народные сказки / Сост. К.С. Шакрыл. М., 1975.

Абхазские сказки / Сост., обраб. и пер. с абхаз. Х.С. Бгажба. Сухуми, 1983.

Адыгейские народные сказки / Пер. и сост. М.К. Хужаев. Краснодар, 1974.

Азербайджанские народные сказки / Пер. и сост. А. Ахундова. М., 2004.

Азербайджанские сказки / Сост. А. Ахундов. Баку, 1955.

Армянские народные сказки / Пер., сост., предисл. и прилож. А.Т. Ганалаян. Ереван, 1984.

Армянские народные сказки / Сост. А. Назинян; пер. И. Токмакова. М., 1969.

Армянские сказки: Сказки Араратской долины / Сост. А.И. Иоаннисиан. М., 1968.

Грузинские народные сказки / Сост., пересказ и предисл. Э. Джалиашвили. М., 1985.

Грузинские народные сказки. Кн. 1, 2. / Сост., вст. ст. и примеч. Т.Д. Курдованидзе. М., 1988.

Грузинские народные сказки. Сто сказок. / Сост. и пер. Н.И. Долидзе. Тбилиси, 1971.

Дагестанские народные сказки / Сост. и пересказ для детей Н. Капиева. М. 1991.

Донские сказы и сказки / Сост. Б.С. Лащилин, В.Г. Головачев. Сталинград, 1947.

Дороги, идущие от сердца к сердцу / Сост. О. Хейфец, ил. И. Соколовой. Пятигорск, 2008.

Жемчужное ожерелье. Сказки народов Кавказа / Сост. Ю.М. Медведева. Н. Новгород, 1992.

Золотой сундук: Сказки татов Дагестана / Сост., пер. и примеч А. Кукуллу. М., 1974.

Ингушские сказки, сказания и предания / Сост. И.А. Дахкильгов. Нальчик, 2002.

Кабардинские народные сказки. Пересказ. и обраб. для детей А. Алиева, З. Кардангушев. М., 1977.

Казачьи сказки: Сказки. Мифы. Легенды / Сост. В.В. Когитин. Волгоград, 1992.

Ларец мудрости: Татские сказки, пословицы и поговорки / Пер. Л. Амирова, А. Захарова. Махачкала, 1990.

Народные сказки карачаевцев и балкарцев / Сост. А.И. Алиева. М., 2003.

Народные сокровища Азербайджана. С неба упало три яблока / Пер. и сост. А. Ахундова. М., 2006.

Ногайские народные сказки / Сост. и пер. А. Ногай. М., Наука, 1979.

Огни Кавказа. Сказки народов Северного Кавказа и Адыгеи / Сост. Н.В. Капиева. СПб., 1991.

Осетинские народные сказки / Пер. А.Г. Гаглоевой, В.З. Алмазова, З.В. Абаевой; сост. А.Х. Бязыров. Цхинвали, 1972.

Осетинские народные сказки / Сост. Г.А. Дзагуров. М., 1973.

Осетинские народные сказки / Сост. С. Бритаев, Г. Калоев, предисл. Г. Калоев. М., 1959.

Русские народные сказки казаков-некрасовцев / Собр. Ф.В. Тумилевичем. Ростов-на-Дону, 1958.

Сказания и сказки адыгов / Сост., вст. ст. и коммент. Ш.Х. Хут. М., 1987.

Сказки адыгских народов / Сост., вст. ст. и примеч. А.И. Алиева. М., 1978.

Сказки и легенды ингушей и чеченцев / Сост., пер., вст. ст. и примеч. А.О. Мальсагова. М., 1983.

Сказки народов Дагестана. В 2 т. / Сост. К. Мазаев, С. Касумов. Махачкала, 1997.

Сказки народов Дагестана / Сост. Х.М. Халилов. М.,1965.

Сказки народов Дагестана / Сост. Х.М. Халилов, М.-З.О. Османов. Махачкала, 1989.

Сказки народов Закавказья / Сост. М.А. Габулов. Орджоникидзе, 1987.

Сказки народов Карачаево-Черкесии / Сост. Р.С.-Б. Лайпанов, Ф.Х.-О Гочияева. Черкесск, 1992.

Сказки, сказания и предания чеченцев и ингушей / Сост. И.А. Дахкильгов, А.О. Мальсагов. Грозный, 1986.

Сказочные самоцветы Дагестана. В обработке лучших мастеров / Сост., перераб., обобщения, коммент. А. Назаревича. Махачкала, 1975.

Сын оленя. Абхазские народные сказки. Сост., обраб. и пер. с абхаз. Х.С. Бгажба. М., 1978.

Три брата и дочь судьи. Сказки народов Северного Кавказа / Пер. и обраб. Н.В. Капиевой. М., 1967.

Черный орел: Карачаевские народные сказки / Пересказ и пер. И. Румянцевой. М., 1981.

Чеченские и ингушские народные сказки / Сост. А.И. Алиева, подг. текстов и коммент. З.Х. Хамидова. М., 2003.

Чеченские и ингушские народные сказки / Сост. М. Кибиева, А. Мальсагова; Лит. обраб. для детей и пер. В. Гацака. М., 1981.

Содержание

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА 5

АБАЗИНСКИЕ СКАЗКИ
Побратимы 8
Бедный юноша и дочь хана подземного царства 16
Три брата 20
Дочь князя и бедный музыкант 26
Старик и волк 30

АБХАЗСКИЕ СКАЗКИ
Воскресший царевич 34
Женитьба трех братьев 41
Ашхамадж и Агамадж 43
Умная невестка 49
Козленок, ягненок, теленок 57

АВАРСКИЕ СКАЗКИ
Морской конь 61
Уф 68
Верная жена 73
Сыновья мельника 76
Храбрый кот 79

АДЫГЕЙСКИЕ СКАЗКИ
Сказка о Темирбеке 84
Асланукo – сын львицы 101
Золотой кувшин 106
Губная гармошка 109
Старик и дерево 113

АЗЕРБАЙДЖАНСКИЕ СКАЗКИ

Зарнияр 116
Ржавый меч 124
Тайна дружбы 133
Пшеничное зерно величиной с яйцо 149
О дружбе осла и лиса 154

АРМЯНСКИЕ СКАЗКИ

Вишап, сын царя Чинмачина 160
Сказка о Тапагёзе 171
Змееныш Ацаманук и Ареваманук 177
Волшебная роза 182
Златокудрая девочка 185

БАЛКАРСКИЕ СКАЗКИ

Слепой хан 192
Иналук и лесная волшебница 201
Темрюк и Наэльхан 216
Счастье, ум и богатство 220
Сокур-Али 222

БЖЕДУГСКИЕ СКАЗКИ

Курджимуко Лаурсен 232
Сказка о шшитле 239
Фаруза 253
Мудрая девушка 259
Злоключения голодного волка 262

ГРУЗИНСКИЕ СКАЗКИ

Иванэ и Аэвкаци 266
Дочь солнца 273
Голубой ковер 280
Ирмиса 285
Цикара 291

ДАРГИНСКИЕ СКАЗКИ

Шах и бедная девушка 299
Кувшин золота 305
Ханский закон 307
Птица Гуглахай 309
Блоха 312

ИНГУШСКИЕ СКАЗКИ
Золотые листья 316
Храбрый Пахтат 323
Тайна безносого Силаймы 333
Как старик шайтанов перехитрил 342
Кузнечик и муравей 346

КАБАРДИНСКИЕ СКАЗКИ
Приключения Тембота 351
Жир-Аслан 357
Сын бедной вдовы 361
Трудовые деньги 363
Есть сильнее сильного 366

КАЗАЧЬИ СКАЗКИ
Казак и солнце 377
Доброе сердце дороже красоты 379
Как казак женился 384
Как казак с хищниками справился 386
Мышь и воробей 388

КАЛМЫЦКИЕ СКАЗКИ
Сказка про три чуда 394
Три брата 406
Лотос 419
Семьдесят две небылицы 423
Петух и павлин 427

КАРАЧАЕВСКИЕ СКАЗКИ
Черный орел 431
Сюлемен и злой карлик 438
Зынгырдаук – горный дух 444
Босхасан 451
Лошадник Чора 459

КУМЫКСКИЕ СКАЗКИ
Сорок братьев 465
Друзья пастуха 470
Хитрый Байбурак 474
Чалтук-Ахмед 479
Ученый заяц 481

ЛАКСКИЕ СКАЗКИ
Волшебный колодец 486
Гугурчи 491
Гунуна и царица ветров 497
Бацулай и Кацулай 501
Кот Маракан 505

ЛЕЗГИНСКИЕ СКАЗКИ
Пери-Задэ и Чигали 511
Сестра семи братьев 516
Дынька 521
Ленивица 525
Как смышленый пахарь барса проучил 529

НОГАЙСКИЕ СКАЗКИ
Сон 534
Прекрасный юноша в змеиной шкуре 539
Шестиногий конь 546
Повелительница джиннов Сарыгыз 549
Бык с озера 559

ОСЕТИНСКИЕ СКАЗКИ
Золоторогий олень 565
Халын Бараг 573
Чудесный пояс 584
Общее счастье 590
Как мышь женился 595

ТАТСКИЕ СКАЗКИ
Золотой сундук 599
Бежон и Менежон 609
Бессмертный человек 623
Как юноша купил бороду 628
Лев и пахарь 631

ЧЕРКЕССКИЕ СКАЗКИ
Сафил и Мылыгу 636
Недоуздок 647
Как отец сына разуму учил 652
Кузнечик 656
Медведь-воспитатель 659

ЧЕЧЕНСКИЕ СКАЗКИ

Три брата, три облака, три волшебных коня 663
Верные друзья Мовсур и Магомед 671
Спящий джигит 677
Чингаз 680
Кувшин-башня 697

ШАПСУГСКИЕ СКАЗКИ

Царь Шхарпас и девушка 702
Приключения молодого пши 707
Сын слепого Ногая 714
Сказка о Куйжие 725
Запасливый муравей 731

ЛИТЕРАТУРА 732

Литературно-художественное издание

СКАЗКИ НАРОДОВ КАВКАЗА

Составитель и ответственный редактор Б. Корхас
Художник Б. Айдаболов
Компьютерная верстка и техническая редактура Л. Батчаевой
Корректоры Х. Айбазова, З. Айбазова, О. Кисилева